

An artistic illustration of a man and a woman in classical-style clothing. The man, with reddish-brown hair, is placing a laurel wreath on the woman's head. The woman has long, wavy brown hair and is looking forward with a serious expression. They are both wearing blue and white garments with gold accents. The background is a soft, hazy landscape with a blue sky and a large, flowing blue fabric element.

ЭТО
Я ТЕБЯ
УБИЛА

18+

*История Орфея и Эвридики,
какой вы ещё её не видели*

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

Annotation

Наш мир устроен очень просто: слушайся богов Святой Горы, чти их правила – и с тобой ничего не случится.

Я всегда ненавидела правила. Потому что родилась одной из тех, кому отказали в долгой жизни. Принцесса Орфо Каператис. Волшебница в мире, где волшебники неизбежно умирают и сходят с ума.

От этой участи меня уберегал Эвер, мой гаситель, мой хранитель, мой друг. Теперь он в Подземье, в краю жутких тварей и теней, откуда нет возврата.

И это моя вина.

Чтобы спасти Эвера, я готова на всё. Но даже если мне удастся спуститься в Подземье и выйти оттуда живой, вернётся ли со мной в мир живых человек – или монстр?

Добро пожаловать в мир Тысячи Правил, где Орфей и Эвридика поменялись местами!

Ретеллинг всем известного мифа для поклонников Мадлен Миллер и комикса «Предания Олимпа».

Атмосфера Древней Греции, дух фильмов Гильермо дель Торо и персонажи, навеянные образами из знаменитого сериала «Очень странные дела».

Сильная героиня, травмированный герой и динамика «хороший мальчик/плохая девочка».

Уникальный сеттинг: в мире существует очень много правил, которые люди должны соблюдать, иначе боги убивают их.

Екатерина Звонцова – автор бестселлеров «Теория бесконечных обезьян» и «Серебряная клятва». Успешно издавалась сначала под псевдонимом Эл Ригби, потом под собственным именем.

-
- [Екатерина Звонцова](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [Часть 1. Правила волшебников](#)

-
- [Орфо. Чудовище](#)
- [Принцесса](#)
- [Чудовище](#)
- [Принцесса](#)
- [Чудовище](#)
- [Принцесса](#)
- [Чудовище](#)
- [Принцесса](#)
- [Чудовище](#)
- [Принцесса](#)
- [Чудовище](#)
- [Вне правил. Эвер](#)
- [Часть 2. Правила принцесс](#)
  -
  - [1. Правь или умри. Орфо](#)
  - [2. Третий ребенок. Эвер](#)
  - [3. Посол доброй воли. Орфо](#)
  - [4. Мертвая птица. Эвер](#)
  - [5. Безлюдные комнаты. Орфо](#)
  - [6. Истина в вине. Эвер](#)
  - [7. Одна история удивительнее другой. Орфо](#)
  - [8. Одинокое дерево. Эвер](#)
  - [Вне правил. Плиниус](#)
- [Часть 3. Правила монстров](#)
  -
  - [1. Кошмар наяву. Орфо](#)
  - [2. Блеск древнего серебра. Эвер](#)
  - [3. Все сложно. Орфо](#)
  - [4. Святое железо. Эвер](#)
  - [5. Струна страха. Орфо](#)
  - [6. Черный разум, черные цветы. Эвер](#)
  - [7. Путь по уголькам. Орфо](#)
  - [8. Темная комната, запертая изнутри Эвер](#)
  - [9. Яма Орфо](#)
  - [10. Что-то между богом и чудовищем. Эвер](#)
  - [11. Голос Монстра](#)

- [Орфо](#)
  - [Эвер](#)
  - [Орфо](#)
  - [Эвер](#)
  - [Орфо](#)
  - [Эвер](#)
  - [Орфо](#)
  - [Эвер](#)
  - [Орфо](#)
  - [12. Короли и волшебники. Орфо](#)
  - [Эпилог. Два месяца спустя. Эвер](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
-

Екатерина Звонцова

Это я тебя убила

© Звонцова Е., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Скала смотрит. Смотрит, как он с трудом, припадая иногда на локти, движется. Под его ладонями и коленями жжется бледно-золотистый раскаленный песок.

Он ненавидит свет и синеву, режущие глаза, ненавидит боль в согнутой, искореженной спине, но куда больше ненавидит крики чаек, ласковый плеск волн и разнеженный говор. Визги. Хохот. Прочие звуки из хрупких глоток тех, кто думает, что им ничего не грозит. Топот босых пяток. Шум воды, в которой они возятся, как свиньи в грязи. Все ближе. Кто-то пьет вонючее терпкое вино, в котором колко бренчат ледышки, кто-то пожирает фрукты, обливаясь липким соком.

Они по уши в своем счастье, в своем душном, липком, глупом лете. Резвятся, жирные животные, настолько довольные, что пока даже не заметили его, да что там, его не заметил по пути никто, хотя разве это просто – пропустить человека на четвереньках? Вряд ли. Впрочем, если, пытаясь его задержать, ты умираешь... Ха-ха. Вот тогда-то ты его и *пропустишь*.

Он продвигается еще немного вперед, со лба падают на песок капли пота. Застывают темными точками, чуть светлеют и превращаются в паучков, которых он очень хотел бы проглотить или хотя бы посадить себе на спину, но некогда. Паучки подождут. У него дело, которое не терпит. Нужно успеть, пока не узнал брат.

Но потом он должен узнать обязательно. Должен. Ему придется.
– Смотрите! – мерзкий детский крик. – Кир ползет!

Он поднимает голову, взглядом вылавливая среди пары десятков отдыхающих на пляже любопытного ребенка, который смеет так визжать, да наверняка еще и таращится и тычет пальцем. Находит. Девочка в коротенькой зеленой тунике, с крупной ракушкой в пухлой левой руке. Она застыла прямо посреди пляжа, подняла вторую руку в его сторону. Широко улыбается. Пары зубов нет. И пялится, правда пялится большими, выпуклыми, как у лягушонка, глазами.

– Кир, кир, кир! – взвизгивает она снова, так, будто видит что-то самое потрясающее в своей короткой жизни, и он ощущает еще несколько взглядов – от тех, кто в воде, тех, кто лежит возле пенящейся кромки, тех, кто дальше.

В этих взглядах уже не любопытство. Многие все понимают и начинают вставать.

– Эй, – чеканит какой-то мужчина. Аккуратно подходит сбоку. – Эй, вы... ты... – Бедолага даже притащил с собой меч. О боги, кто таскает мечи на пляж?.. Зато узнал. Узнал, это читается по округлившимся глазам и рту, из которого вылетает: – БЕГИТЕ!

Скала смотрит. Он чувствует ее выжидательный взгляд и чувствует, как смех и смерть, сдерживаемые годами, вскипают в груди и разливаются по рукам силой. От точек пульса до кончиков пальцев. Именно так. Хорошо. Кто-то правда бежит с криком при виде всего-то его вскинутых рук с сухощавыми, изгрызенными в мясо пальцами. Так еще лучше. Скоро они позовут брата. Они должны позвать брата. Брат должен вспомнить, ему будет что вспомнить, будет, будет, будет...

Брат вспомнит все, чего ему обещали не делать. Никогда не делать.

– Милая! – зовут наглуую пигалицу в зеленой тунике, но она уже не ответит.

Улыбаясь мерзкому солнцу и мерзкому небу, он вскидывает руки выше и, когда первые тела – сразу шесть или семь – взмывают над песком, лениво поворачивает кисти. По часовой стрелке. Против. По. Против. Будто выжимая мокрую ткань. Хрусть-хрусть. Пока не прекратятся последние крики.

Никогда еще он не слышал такого славного треска костей. Приятный звук. Намного приятнее торжественной песни горнов-раковин. Тех горнов-раковин, что отняли все. Тех горнов-раковин, с

которыми *она*, победоносно улыбаясь, склонила голову, чтобы на нее надели венец.

На песок падают новые и новые паучки, горячие и красные, куда крупнее первых.

Скала смотрит. Ей нравится это зрелище.

Часть 1. Правила волшебников

- *Смотри, какой красивый сад алеет там, вдали.*
- *Мне дела до чужих садов нет, я тоскую по своему.*
Как был он свеж, душист и зелен.
- *Так отчего не плачешь ты? Как гордо ты глядишь...*
- *Не плачу оттого, что и по мне не плачут.*
Не страшно мне, и там, где слышат Вой иные, я слышу

Песню.

- Песню мстительного гнева.*
- *Кто пел ее в падении тебе?*
- *Тьма безголосая, и кажется, что... ты?*
Я будто знаю. Будто вспоминаю. Тебя.
А не случилось ли тебе гулять в моем саду?
- *И до того, как он твоим стал.*
Дай мне руку.
Узнай меня.
- *Не верю...*

Орфо. Чудовище

Не убивать его. Только не убивать.

Я не выпускаю мысль из головы, даже когда в уши врезается лязгающий скрежет торакса^[1]. Когти сминают его – черно-багровые, жесткие, каждый с мой палец длиной. Пять глубоких царапин медленно, но верно раскраивают узорчатую сталь; от моих ребер когти отделяет, скорее всего, тончайший, не толще волосинки, слой уцелевшего металла, да еще слой одежды. Даже сквозь них я, кажется, чувствую иномирный холод – озноб продирает до онемения, щупальцами обвивает тело. А может, не кажется: почему еще я, распростертая на спине и выронившая меч, никак не вывернусь? По позвоночнику словно ползают ледяные жуки.

Монстр Преисподней – освеженный до мышц и костей, широкоплечий и похожий на обугленного, начавшего уже гнить атланта – склоняется ниже, скаля серые зубы на серых же остатках лица. Глаза в рваных лоскутах век полны красного света – и секунды три я трачу на схватку с другой мыслью. Как больно в них смотреть.

Не потому, что они жгут все тем же холодом. И не потому, что в них желание выгрызть мне лицо, а затем уже в спокойной обстановке дожрать остальное, включая, возможно, мою одежду, мои сапоги и моего кота, если этот мелкий паразит сгруппит и вернется.

А потому что я помню эти глаза другими.

Секунды три. Больше нет. Монстр, зарывав до дрожи в каменных сводах, молниеносно подается вплотную – действительно собирается впиться зубами в мои щеки и нос. Воздух из его пасти ничем не пахнет, но таящиеся в дыхании осколки льда режут скулы, попадают в глаза.

Попалась.

Я, завопив, все же изворачиваюсь – и откатываюсь вбок, скинув его холодную тушу. Торакс лопается прямо на мне, сразу в нескольких местах: и там, где когти в него впились, и там, где металл слишком терся о камень, по которому меня успели повалить. Низкие температуры многое делают хрупче, меня же предупреждали... Зато я ухитрюсь вскочить и снова схватить оружие.

Следующий удар когтей приходится на запевший и заискривший серебром клинок – Финни, моя выкованная богом Фестусом верная подружка, готова крушить, ей-то холода не страшны. Но увидев в который раз вторую руку Монстра – серую, тонкую, болезненно нелепую руку с одиноким ободком бирюзового кольца на мизинце, – я снова отступаю, теряю запал и, пропустив удар в лицо, отлетаю к стене. Финни возмущенно звенит, но другой звук хуже.

Слабая.

Что-то в моей голове, под страдальческий хруст позвоночника.

Ты пропала.

Это громче – когда я падаю.

Монстр оказывается рядом в ту же секунду, когтями поднимает меня за горло. Хватка, вероятно, сдирает с моей шеи немало кожи, глаза застыт слезы. На миг красная лоскутная боль ослепляет, и пальцы опять выпускают Финни. Хриплю, впустую дергаю ногами, но, на счастье, меня швырнули в крайне удачном месте, где достаточно сталактитов, – а у меня пока достаточно сил, чтобы, отломав один, использовать его как дубину, прямо на этой склизкой, покрытой ожогами и шрамами голове. Под новый рев камень рассыпается в крошку. Но я вновь оказываюсь на полу.

Шею разрывает, кости омерзительно ноют: устали от злосчастной пещеры. Заставляю себя не щупать глотку, вообще ни на что не тратить время – только два действия: схватить оружие и отпрыгнуть как можно дальше. Монстр не успевает за мной: видимо, отвык от того, как двигаются люди; в Подземье все немного медленнее – по крайней мере, по его жителям так кажется. Он бьет когтями камень там, где еще недавно была моя голова. Но я уже в пяти шагах.

– Эй, эй! – зову, подпрыгнув. Мой рассудок, конечно, не в восторге от подобной смелости, но выбора нет, и я снова встречаю пылающий взгляд. – Я бешу тебя, да, да? За мной!

Он кидается – я убегаю, оскальзываясь на влажных булыжниках. Мне нужно совсем в другую часть этого огромного, темного, как задница морского змея, пространства. Красные кристаллы, местами растущие из потолка и пола вперемешку со сталактитами и сталагмитами, не помогают, света все равно маловато, полагаться приходится на память. Так, вот тут я вошла – и в этот коридор могла бы выбежать. Тут мы столкнулись, тут сшиблись – а там я упала в

первый раз, стесав ладони о шершавые камни. Упала неудачно, настолько, что...

– Эй, эй! – Падаю снова, там же, и одновременно разворачиваюсь. В этот раз Финни я бросаю сама, а вместо ее успокаивающе прохладной рукояти пальцы смыкаются на кажущемся очень хлипким деревянном древке, дергают его с пола вверх. – Помнишь? Получай!

Мышцы плеча отзываются болью, но это другая, почти приятная боль: наконец-то! Монстр кидается на меня мигом, и все же змея хлыста быстрее – рассекает влажную затхлость воздуха грозным свистом, глуша даже рык. Щелчок у самых глаз – Монстр замирает в странной полусогнутой позе, с безумной гримасой на том, что могло бы быть лицом. Второй щелчок – и ремень хлестко обматывается вокруг костлявого горла, в два оборота. Сплетенные жгуты вспыхивают таким же красным сиянием, как эти яростные глаза. И петля затягивается сама.

Как всегда.

– Помнишь? – шепчу я. Дергаю легонько, но Монстр тут же падает на колени, будто ему подрубили ноги. – Да... Неприятно. Сюда, сюда.

Воздух заканчивается быстро; Монстр хрипит, пристально глядя в ответ. Холод от него я чувствую даже через разделяющие нас четыре шага, особенно когда из серо-черной груди, не то заросшей кровавыми лишайниками, не то теряющей ошметки кожи так же, как лицо, вырываются рваные булькающие сипы. Попытки вздохнуть. Хлыст медленно, но верно делает каждую все труднее, ведь он сам знает, когда хватит, точно так же, как знаю это я.

– Ирония, правда? – Пальцы похрустывают: древко я невольно сжала крепче. Но вовсе не потому, что боюсь упустить добычу.

Пару раз Монстр дергается, пока его не парализует; пару раз поднимает руки, пытаюсь порвать плетеный ремень, – но обжигается предупреждающим красным огнем. На камнях у моих ног злорадно звенит Финни: она сегодня не попробовала крови, но все равно чувствует себя причастной к победе. А вот я уже не чувствую ничего.

Не убивать его. Только не убивать. Голова кружится, лицо в поту, из рассеченной губы и носа идет кровь. Колени ощущаются скорее как разбитые яичные скорлупки; спина и шея просто горят, будто мне напихали за ворот угляй. Смотреть на валяющийся искореженным

шматом торакс страшно, особенно если вообразить, что в нем могла застрять я – получился бы горячий ужин в некоем подобии железной банки. Но я повторяю это про себя снова и снова, не то как заклинание, не то как молитву.

Не убивать. По крайней мере, пока есть надежда, что он помнит.

Если он не помнит, я обречена.

Его глаза закрываются. Он падает к моим ногам.

Принцесса

Наш мир устроен очень просто: слушайся богов Святой Горы – и с тобой ничего не случится. Боги, скорее всего, не дадут оступиться, ты только не зли их и не огорчай. Тогда тебя ждут удача, благоденствие, просветление. И много всего приятного в довесок.

Правила богов запомнит и ребенок: не воруй у них, не дерзи им. Клади мертвецам монетки на глаза, нарекай свой меч женским именем, если ты женщина, и мужским, если мужчина. Не ешь гранаты с земли, не мучай лягушек, загадывай желания звездам только про себя. Не превосходи богов в каком-либо мастерстве. Не засиживайся на троне больше двадцати лет. Не повезло родиться *волшебником* – просто смирись, что не проживешь долго, а пока жив, делай что должен. Принадлежишь к другому *демосу* – странникам, ломателям, изыскателям, целителям, любому, – возблагодари судьбу; не мечен вовсе – возблагодари стократ, ведь это освободит тебя от ожиданий. И дальше, дальше, дальше.

Правила записываются: мы вносим их в своды сразу, как постигаем. А иногда боги столь щедры, что сообщают нам о новых правилах сами. Правда, такое в последний раз было поколений десять-двенадцать назад: тогда они как раз прокляли все наши регалии и старым тиранам пришлось срочно искать преемников. Остальные же мы открываем случайно. Раз за разом.

Я всегда ненавидела правила. Потому что родилась одной из тех, кому отказали в долгой жизни. Принцесса Орфо Каператис. Волшебница.

Я хорошо помню, как самое первое правило: «Дочь наша, ты особенная, и тебе будет непросто» – ворвалось в мою жизнь. Мне было семь, мы с родителями ужинали в бухте, и я побежала по берегу за старшим братом Лином, требуя отдать последнюю вымазанную в меду и козьем сыре лепешку. Лину недавно исполнилось десять, он бегал намного быстрее и неприкрыто этим гордился. Смуглые пятки его сверкали, тонкие браслеты на щиколотках насмешливо звенели. Он здорово от меня оторвался, и я, бессильно смотря на темные завитки его прыгающих на ветру волос, в какой-то момент подумала, что

здорово было бы набросить веревку ему на икры, свалить – да и протащить назад, а потом отнять еду. Веревки у меня не было, но стоило это представить – и Лин упал, а потом его поволокло ко мне. Я многое не продумала: по пути он измазал лепешку в песке, и больше это угощение меня не прельщало. Но именно тогда подбежавшие отец с матерью и объяснили наконец, что же за маленький рисунок темнеет на внутренней стороне моего левого запястья с самого рождения.

Направленная к ладони стрела, наконечник которой охвачен огнем. Метка волшебников.

Еще больше мне должны были объяснить их панические крики: «Орфо! Орфо! Не смей трогать брата!» Но тогда я этого не поняла. Почувствовала неладное, только когда обратно к замку меня вели, слишком крепко держа за руки с двух сторон. Скорее как преступника, чем как дочку, которую хотят повеселить, внезапно подняв в воздух и раскачав, словно на качелях. Лин шел в стороне и молчал. Оба его золотисто-загорелых жилистых запястья были чисты от знаков. С метками ведь рождается только половина людей или около того. У мамы метки тоже не было, а отцу достался знак *хозяина* – маленький домик, символ того, кто обладает особой способностью создавать уют, где бы ни находился. Неплохой знак для короля.

В тот вечер, поговорив со мной, родители быстро заперлись в спальне. Я, сильно волнуясь, конечно, пошла подслушивать к дверям. Услышала я мало: двери у нас толстые, из сосны чуть ли не со Святой Горы. Но трех реплик на повышенных тонах было более-менее достаточно.

«Вот оно и проявилось, Плиниус!»

«Только бы хватило ей силенок на подольше».

«Какие силенки? Нужно срочно искать гасителя, пока она не!..»

С той ночи правда для меня пахнет золотистой смолой, которую источает в тепле сосновая древесина. С той ночи я часто думаю, на сколько мне «хватит силенок» или они вообще уже закончились.

Наутро за завтраком я, даже не пытаюсь скрыть, что подслушала, спросила, кто же это – гаситель. Могла бы и догадаться: я получу сразу два туманных безрадостных ответа.

«Тот, благодаря кому ты, может быть, доживешь до двадцати», – сказала мама: она всегда сердилась из-за того, как я пренебрегаю правилами, что божескими, что родительскими.

«Тот, кому придется отдать тебе свою жизнь», – добавил отец, и вот тут я заревела. Стало совсем понятно: происходит что-то плохое. Я не нуждалась в чужих жизнях, мне хватало своей, она была маленькой, но я ее любила. Я плакала в голос, а родители молча глядели на меня: хмурая мама с холодным облаком золотых волос и сжатой в тонких пальцах маслиной; отец, похожий на большую темную гору, но явно мечтающий спрятаться за кувшином с молоком.

Лин тоже был там и сосредоточенно слушал. Смотрел на меня, смотрел, а потом подал наш тайный знак – ущипнул себя за мочки ушей – и удалился с кубком медовой воды на балкон. Это он пообещал мне все объяснить, поэтому я скоро перестала плакать, выскочила из-за стола и присоединилась к брату. Родители за нами не пошли: уже привыкли, что Лин как бы... не может долго с людьми, особенно тяжело ему по утрам. «Каким же ты будешь королем?» – ворчала иногда мать, все же вламываясь в его уединение. «Тихим и скромным», – шутил Лин, но глаза его, такие же глубоко-синие, как у нее и у меня, словно замерзали. Я знала, что он тоже боится или, скорее, не хочет: терпеть много придворных, праздников и дел, и заводить жену, и каждый день общаться с нудными советниками, и много другого. Но выбора не было: корону всегда получает старший или старшая. И, что еще важнее, никто в здравом уме не коронует волшебника. История знает исключения, но лишь несколько. Во всех них замешаны или любовь, или отчаяние, или и то и другое. И ни одно не кончилось хорошо.

Я не знала о волшебниках ничего. При нашем дворе их не было, при других вроде как были, и среди наших подданных тоже – но это не слишком громкие люди. Они тоже подчиняются множеству правил: например, могут «помогать своим», но не могут «вредить чужим»; не имеют прав на власть, в определенные ночи года страдают от ужасных кошмаров – потому что их дар на самом деле краденый, и часть богов до сих пор человечество не простила. А главное, самое главное... чтобы протянуть хотя бы лет сорок, волшебнику нужен рядом *гаситель*. Иначе волшебник однажды просыпается с вывернутыми суставами или вытекшими глазами, без легкого или почки, без кожи, глубоко старым, не способным ходить. Дальше – или одновременно с этими увечьями, или еще раньше, чем они обрушатся, – волшебник начинает сходить с ума. Видит галлюцинации, не контролирует плохие

чувства. Становится похотливым или прожорливым, гневливым или вдруг мечтает захватить мир. У каждого это происходит в разном возрасте, в зависимости от того, насколько он развивает силы и сколько раз нарушает правила. Гаситель – человек, близость которого замедляет все эти жестокие вещи. Волшебнику он может быть родственником, другом, мужем или женой, слугой, командиром – кем угодно, лишь бы рядом, физически и сердцем. Знак гасителя – тоже стрела, но повернутая в сторону локтя и без пламени. Гасителей мало, их невероятно трудно найти, многие волшебники так без них и погибают. Но родители обязательно найдут.

Примерно все это – только помягче, чтобы маленькая я не умерла от страха, – и сказал Лин, когда мы стояли на белом резном балкончике с кариатидами и глядели в голубую, полную пенистых барашков даль. Лин ко мне не поворачивался, брови его были сдвинуты, и он казался старше из-за серьезности. Я старалась скрыть, как напугана. Понимая, что хорошего не услышу, я все-таки подошла ближе, встала на носки и потянула его за край синей туники, перехваченной в талии золотым ремешком.

– Лин, – спросила я, – а ты не сможешь стать моим гасителем?

В тот миг я видела его профиль – и заметила, как грустно дрогнул край узкого темного рта.

– С метками рождаются, малыш. По-другому никак. – Он помедлил. – Но ты не бойся. Говорю, родители тебя не бросят.

– А ты? – Я запнулась. Снова вспомнила, в каком ужасе мама с папой – особенно мама – кричали на меня вчера. – Ты?.. Ну... я же, получается, опасная...

Лин повернулся, заметил что-то на моем лице, удивленно наклонился. Его теплые ладони легли мне на плечи, легонько сжали и даже встряхнули. Я опять зашмыгала носом.

– Ну эй, – начал он, смотря мне в глаза. Улыбнулся уже по-другому. – Эй, малыш. Не настолько. Волшебники, знаешь ли, на самом деле всегда творили великие дела. – Он потрепал меня по волосам, вздохнул, и вид его стал рассеянно-мечтательным. – Орфо, был, например, у нашей страны великий король Арктус, так вот у него был большой отряд верных воинов, Боевое Братство, которое он собирал за Круглым столом, и еще придворный волшебник Марион –

самый надежный его союзник и советник. Помогал укрощать чудовищ, берег от ошибок, всегда оставался лучшим другом. Знаешь Арктуса?

Я помотала головой. Родители пока читали мне в основном истории о богах: о верховном громовержце Зирусе и его добросердечной, но упрямой жене Гестет – покровителях всего живого; о сестрах-близнецах Окво, которые так много плакали, что разлили Святое море; о непреклонном Арфемисе, придумавшем «правило двадцати лет», когда его возмутил гнет одного людского тирана или тиранши. Я догадывалась, почему для меня выбирают такие сюжеты: чтобы я, как все жители Гирии, да и прочих стран, поскорее поняла и выучила правила. И конечно, я не решалась признаться: мне так не хватает историй о людях.

– Скоро узнаешь, я тебе почитаю. – Лин гибко выпрямился, снова облокотился на перила. Но его хитрый взгляд не отрывался от меня. – Тебе понравится, я думаю. И из тебя получится здоровская придворная волшебница. – Мои глаза округлились. – Да-да. Я бы этого очень хотел.

– Что же мне придется делать? – опасливо и одновременно с надеждой спросила я. Слова «придворная волшебница» звучали как большая, но интересная вещь.

– Защищать меня и мое Боевое Братство. Помогать нам. Быть умницей. Видеть больше, чем все вокруг, – начал важно перечислять он, но я немного споткнулась уже на первом пункте.

– У тебя нет Боевого Братства. Ты...

Тихий и скромный. Но я не решилась этого сказать. Лин наконец снова посмотрел на воду, убрал волосы со лба. Мне стало легче без его внимательного взгляда.

– Оно будет. Мне никуда от него не деться. Наверное.

– А если я... – Никак не получалось перестать думать о родительском страхе. И о других касающихся Лина вещах, с которыми мне было сложно.

– Орфо. – Как и не раз прежде, он угадал почти все, что я могла бы пролепетать. Залпом опустошил кубок, со стуком поставил на перила. Снова глянул на меня, но уже сверху вниз, не наклоняясь. – Орфо, запомни раз и навсегда: ты не опасна. По крайней мере, для меня. По крайней мере, пока. А чтобы все было хорошо, тебе просто нужен гаситель. Он найдется.

– А если... – залепетала я, но он перебил.

– Орфо, – повторил он. – Послушай. Я доверяю тебе. И всегда буду доверять. – Снова наклонившись, он протянул мне ладонь. – Король и его волшебница. На веки вечные. Ладно?

Я взялась за его горячие, липкие от меда пальцы сразу обеими ладонями. И улыбнулась, стараясь не думать о том, как сжимается сердце.

Я уходила с балкона, больше не плача, но бояться стала только сильнее. Я смотрела на свои руки, потом на всю себя в зеркало – пыталась понять, где прячется волшебство. В серединах ладоней? Во лбу, в глазах? В груди? Все получилось так просто: я подумала стреножить Лина – и стреножила, подумала протащить по песку – и протащила. Что... Что же будет, если однажды я подумаю убить его? Или превратить во что-то? В какого-нибудь... зверя, не знаю? Вдруг я умею и это? А еще я все гадала, найдется ли для меня гаситель. И если да, то каким он будет. Вот бы кто-то, с кем я могла бы дружить. Вот бы кто-то... хороший.

Но чтобы я обрела гасителя, мне понадобилось потерять слишком много других вещей. Первыми были покой и мама.

Чудовище

Толпа низеньких серолицых подземцев *дрогфу*, возглавляемая моим котом, врывается под своды как раз в миг, когда я вытираю кровь из носа и перестаю ругать себя за пару внезапных слез. Темная тишина сразу наполняется возбужденными хриплыми криками, звоном бубенчиков на высоких колпаках, язычками факелов и тем неповторимым «хлоп-хлоп», с которым выстиранные трусы развеваются на ветру, а точнее, перепончатые крылья Скорфуса рассекают воздух.

– Ого, человечца! – подлетев и замерев рядом со мной и Монстром, изрекает он. Единственный глаз весело вспыхивает желтым. – Ты справилась!

Его голос еще ниже голосов подземных жителей – и не подумаешь, как противно он может мяукать, когда хочет есть. Крылья, черные с синими прожилками, обдают меня прохладой – затхлоу, но куда менее колкой, чем недавно дыхание Монстра. На всякий случай я пинаю добычу в бок – и наконец велю хлысту окончательно ослабить петлю. Толпа *дрогфу* тут же несется вперед, некоторые грозно машут короткими копьями, и я спешу напомнить:

– Не убивать! Только связать!

Они принимаются за работу, но все равно приходится следить, чтобы кто-нибудь из этих равнодушных граждан не ткнул в серые ребра оружием, или факелом, или еще чем-нибудь, что может прятать в пестрой куртке, за сапогом и в том самом увенчанном бубенчиком колпаке. Подземцы слишком долго мучились с этим существом, бесконечно носившимся по их прекрасным кристальным пещерам и каждый раз кого-то пожирившим. Подземцы устали от того, как тварь проникала в их сны, лишала воли, заводила в темные уголки и приканчивала. Подземцы, когда я с ними встретилась, были в гневе и ужасе сразу. Поэтому теперь я боюсь: вдруг обещание – отдать мне Монстра, если я с ним справлюсь, – они заберут назад и учинят немедленную расправу.

Но они вяжут своего огромного врага смирно и тихо: пять добровольцев орудуют веревками из пещерных водорослей, пять

других страхуют на случай чего, а еще десять – местные токсоты^[2], судя по тому, что колпаки желтые, – держат оцепление, не подпуская сердитых сородичей. Еще какое-то время я слежу, с трудом скрывая любопытство. Все-таки занятый народец, жаль, что больше я их, похоже, никогда не увижу. Дрогфу оказались довольно милыми. Они вкусно готовят слепую пещерную рыбу и пюре из тины. Знают все языки мира. И, что для меня, пожалуй, главное – у дрогфу вообще нет правил. И с богами все тоже очень условно. То ли жители Святой Горы о них забыли, то ли махнули рукой, то ли Скорфус прав и это действительно *совсем* другой мир. Точнее, не мир вовсе.

– Предатель, – отвлекшись, все же бросаю я своему коту, и он от возмущения переворачивается в воздухе. Густая черная шерсть ловит алые и рыжие блики.

– Я-а-а? – Это уже больше похоже на свойственное обычным кошкам обиженное «мяу». – Да я, между прочим, привел вот эту группу поддержки, и еще...

– Ты бросил меня, – отрезаю я, вспомнив, как быстро скрылся за поворотом тоннеля кончик его пушистого хвоста. – Нет тебе прощения.

– Неправда! – рывкает он, но, посмотрев в мои прищуренные глаза, тут же осекается и закатывает свой. – А-а. Ты шутишь, человечича. Ну да, ну да. Нет мне прощения.

Конечно, я шучу: потеряю еще и Скорфуса – мне точно конец. Я совершенно не была заинтересована в том, чтобы Монстр поймал его и разодрал, тем более магия моего... ладно, питомца, хотя Скорфус не кот, а фамильяр... сделала бы его сильнее. Дрогфу предупредили меня: Монстр набирал мощь с каждой отнятой жизнью. И жизнь, например, жреца, выращивающего кристаллы, питала его лучше, чем жизнь рядового гоплита^[3]. Не говоря уже о том, что Скорфус не так чтобы любит драться. Он вообще по большому счету довольно мирное существо.

– Ты сделал то, что я тебя просила? – уточняю, уже примирительно почесывая ему голову между острых ушей.

– Пур-р-р-р, – отзывается он, но спохватывается и сбавляет тон на сухой и деловитый: – Да-да, транспорт там. – Он бегло кивает в сторону тоннеля. – Не карета, но сойдет.

– Отлично. – Я снова тревожно кошусь на дрогфу. Они уже почти связали Монстра. – Эй! – Я взмахом руки привлекаю их внимание. – Пасть... рот... тоже завяжите.

– Хм. – Еще не повернувшись, я чувствую, *как* Скорфус на меня смотрит. – У меня, конечно, нет дипломатического образования, но мне кажется, это не лучшее начало.

– Мне нужно подготовиться, – напрямую сообщаю я, и Скорфус разумно затыкается, на его островатой морде даже проступает что-то вроде сочувствия. – Да и слушай, судя по всему, разговаривать он все равно пока не может. А от его рева могут упасть сталактиты.

Запоздало понимаю: вторым доводом можно было и ограничиться. Уровень моего доверия к моему же коту порой меня пугает.

– Как всегда разумна, как всегда предусмотрительна, – изрекает он, вздыхает и сам трется пушистой макушкой о мою ладонь. – Ладно... Не расстраивайся, Орфо. Ты в любом случае сегодня молодец.

– А еще уважаю чужое жилище, – все так же запоздало добавляю я, кусаю губу и снова смотрю на дрогфу. Они расступились. Связанный Монстр лежит в поблескивающем круге маленьких начищенных сапог. Он все еще без сознания и все еще ужасен, несмотря на то, что изуродованную кожу и торчащие ребра скрывают путы. – О боги, Скорфус. Мы ведь точно...

– Да, да, успокойся. – Судя по тяжести на плече, он садится туда; судя по влажной шершавости на шее, начинаетлизывать одну из моих ран. – Это даже не будет сложно, первые подвижки ты, думаю, увидишь по пути. А дальше... просто нужен другой воздух.

– Какая все-таки я дрянь, – срывается с губ само. Взгляда от Монстра я так и не отвожу.

– Ты была малышкой, человечича, – спокойно отзывается Скорфус. – К тому же, если я понимаю правильно, все не так просто. Твой брат...

Монстр со сдавленным стоном шевелится. Получеловеческая голова его ворочается вправо-влево и замирает снова. Кто-то из дрогфу плюет ему в лицо, остальные начинают лопотать ругательства. Тревожно. Мерзко. Стыд прожигает до печенок. Взяв себя в руки, я останавливаю Скорфуса до того, как мне захочется зажать уши.

– Оставим это на потом. Нам пора.

Он не спорит – легко слетает с плеча, хлопнув крыльями у самого моего уха. Устремляется к подземцам и, зависнув под их замороженными, полными почти обожания взглядами, велит:

– Тащите его к телеге.

Чтобы поднять Монстра, нужно сразу десять дрогфу. Они несут его так низко, что серое человеческое запястье, торчащее из веревок, волочится по полу и бьется о камни. Лучше поправить эти путы, потому что вдруг он освободится? Лучше поправить, потому что ему больно.

Но я не могу.

Принцесса

Наши боги и богини считают войны довольно полезным делом. Иногда кто-то из них выбирает одну человеческую сторону, кто-то – другую, и так они выясняют отношения. Делят смертных друзей и врагов. Хорошеньких жриц или жрецов. Яблоки и вино. Земли, которым покровительствуют. Всякие сокровища, которые хранят на Горе. Какая человеческая сторона выигрывает, такой бог и победит. Для них это вроде как сыграть в настольную игру за чашей вина.

Но чаще все же бывают войны, на которые богам плевать: недовольно смолкнув, они лишь наблюдают и, вероятно, изумляются смертной глупости. Наша оказалась такой.

Когда Гирия напала на Физалию, я была слишком мала, чтобы понять, что именно нам там нужно. Да даже отец не до конца понимал – войну задумала мама. Говорила, будто Физалия много о себе возомнила. Будто ее волшебники – а там больше волшебников, чем у нас, – начинают вмешиваться в дела других стран. Будто они проникают в умы королей, императоров и консулов, и именно поэтому Физалию резко полюбили: все охотнее ездят к ним, чем к нам, покупают у них, чем у нас, хотят дружить с их правителем. Даже желтая императрица Ийтакоса и голубая императрица Хиды – наши самые верные, давние друзья – стали бывать там слишком часто.

Сейчас я догадываюсь: это была ложь. Волшебники не могут настолько нарушать правила, и способности воздействовать на других у большинства нет. Дело в ином: Физалия в прошлом – наша провинция. Так было веками, провинций у нас много, но однажды именно Физалия снискала особую благосклонность одного из наших королей – моего прадеда Иникихара – и стала независимой. Ей даже не понадобилось отвоевывать свободу. А потом она начала расцветать.

Мы тоже не бедствовали, другие страны дружили и с нами. Нам не было равных в сыре, вине, выделанной коже, дешевых тканях и строительном мраморе. Но все равно мама злилась. Особенно когда узнала, что физальский король Гринорис вот-вот выдаст дочь за сына консула Игапты – самой большой, процветающей страны на континенте Святой Горы. Страны с огромной армией и особым

покровительством самого Зируса. Страны, мнившей о себе, по мнению мамы, еще больше.

Повод нашелся вскоре – случилась бойня на острове Пери. Ту территорию, полную вулканов и самоцветных залежей, мы делили со дня, как Физалия освободилась. Половину населения там составляли гирийцы, а половину – физальцы. Жили они дружно, работу делили на всех – добывали обсидиан, проясняющий разум, гематит, останавливающий кровь, и священный лазурит, облегчающий агонию. Говорили на обоих диалектах нашего общего континентального языка. Над замком Дуумвирата – союза двух правящих островом патрициев-наместников, гирийского и физальского, – развевались сразу два флага.

Маме было мало этого, залежами она хотела владеть безраздельно. На Пери тайно отправились ее младшие братья – чтобы убедить островитян перейти под нашу юрисдикцию, соблазнить их привилегиями вроде низких налогов. Но оказалось, не они одни вели подобные разговоры, Гринорис лелеял те же планы. Он был убедительнее, щедрее, обаятельнее, и большая часть народа уже выбрала физальский путь, путь дружбы с охочими до лазурита игаптянами. За попытку убить Дуумвират и захватить власть моих дядь растерзала разъяренная толпа, ну а вскоре, несмотря на официальные извинения короля за эту расправу, мама ввела войска – сначала на остров, потом в физальскую столицу, во имя *мести и превентивности*. Она верила, что это убийство – лишь часть будущих козней Гринориса. Она верила и во многое другое, о чем мы больше не говорим.

Сейчас я понимаю: она, никогда не любившая братьев сверх меры, скорее всего, знала, куда отправляет их – хилых, бестолковых, но постоянно требовавших должности в Сенате и ужасно мечтавших о славе. И не просто так задолго до этого по Гирии поползли чудовищные слухи: якобы физальцы *дичают*. Перенимают все больше темных практик у игаптян – например, мумифицировать тела в надежде оживить их; вспоминают собственные древние зверства – такие, как обычай сбрасывать со Святого утеса или скармливать свиньям слабых младенцев. Мама доводила меня до тошноты, то рассказывая подобное, то кроваво расписывая мучения дядь. А я не задумывалась о том, что Святое море нельзя осквернять кровью, тем более детской: это правило соблюдают все страны. Как не знала я о

том, что физальцы не выращивают свиней, их кормит рыболовство, а не скотоводство. Мама твердила: «Игапта растит ручное чудовище. Если не призвать физальцев к порядку, они вместе уничтожат нас. Это мы должны главенствовать на континенте. Мы, не кто-то другой». Ее глаза горели. Она сама надевала торакс, брала два меча – в нарушение правил лишь у одного было женское имя, у второго мужское – и шла в бой.

Лишь многим позже я поняла: она опутывала меня жестокими выдумками. А тогда безнадежно раскаивалась за то, что киваю с пустым сердцем. За то, что мне не жалко болтливых дядь – толстого и тонкого, с одинаково кислыми лицами и быстрыми глазами. За то, что считаю: надо было им сидеть дома, а физальцы никакая не «часть нашей цивилизации». У них же волосы другие, и одежду они носят странную, и вообще! Они ведь были таким же древним народом, как мы, – пока однажды беда не вынудила их покориться.

Мы воевали год. Боги нами так и не заинтересовались, а вот Игапта физальцам помогла: брак случился. Все кончилось, без приобретений для кого-либо, зато с потерями для всех. Я до сих пор гадаю: зачем было начинать? Мама поражения не перенесла, прыгнула с утеса почти сразу, как отец запросил мира. Ужасно, но я скорбела меньше, чем подобало. Мама к тому времени казалась сумасшедшей и чужой, мне не нравилось, что она постоянно уезжает командовать армиями и сечет плетью каждого, кто спрашивает: «Госпожа, когда остановится война?» или кричит на улице: «Нет бойне, нет королеве!» Лину было тяжелее: они с мамой очень любили друг друга. После ее смерти он прибирался на могиле каждые несколько дней.

Но та война принесла мне и хорошее. Одно-единственное. Эвера.

Ему было пятнадцать – на три года больше, чем Лину. Он, обычный ученик военного медика, попал в плен в одной из последних битв. Его выловили из воды, когда потопили корабль, где тот медик находился. Эвер никогда не рассказывал о том дне, ничего, кроме единственной детали: что, даже теряя сознание, очень боялся падать, потому что вода была в трупах. А когда очнулся, наш медик, осматривавший его, уже нашел на левом запястье – где и у всех меченых – маленькую устремленную к локтю стрелу и доложил об этом отцу.

Здесь сошлось все: то, как быстро начали готовить перемирие; то, что Эвер ненадолго забыл свое имя; то, что его оказалось некому спасать. О нем вообще не вспомнили, а если бы вспомнили, вряд ли бы это помогло: отец почти сразу решил его не отдавать. Мама разбила его сердце, теперь он ужасно боялся потерять еще и меня и готов был на что угодно, лишь бы я обзавелась гасителем прямо сейчас. К тому же Эвер – хрупкий, брошенный, спокойный, вежливый – сразу ему понравился. А Эверу, хотя признался он намного позже, понравился мой отец. Не удивительно: *хозяева*, как правило, нравятся всем, с ними чувствуешь себя нужным и обогретым, даже если они просто тебе улыбаются и спрашивают, который час. К тому же старый физальский медик был вовсе не опекуном, а владельцем Эвера. Плохо с ним обращался, держал как прислугу, делал мерзкие вещи, которых маленькая я не могла даже вообразить. И когда мой отец предложил Эверу отдельные покои, хорошую одежду и возможность все свободное время жить как вздумается, он согласился. К тому же, наверное, ему было обидно: физальцы бросили его. Без владельца, который в той битве погиб, Эвера для них просто не существовало. Как и всех прочих рабов.

Я не ждала его и не так чтобы хотела нашей встречи. Мои силы пока вели себя спокойно. Дважды я предугадала исходы битв, имена военачальников, которые к нам не вернуться, и тех, которые маму предадут. Один раз неосознанно записала список кораблей, которые физальцы к концу войны потопят. Пару раз отпихнула силой мысли слуг, пытавшихся оторвать меня от мамы, – я все время вцеплялась в нее, когда она собиралась на линию боев и тащила «за зрелищами» бедного перепуганного Лина. Еще были кошмары, но магической ли природы? Не помню. Вроде они походили на более поздние, уже точно магические – вязкие, липкие, полные то тварей, разрывающих меня на части, то огня, в котором я горю заживо. Так или иначе, я не мучилась сильно и никому не желала зла, а значит, оставалась в уме. Но отец все равно беспокоился только больше и заражал меня страхом. Слишком часто спрашивал: «Как ты себя чувствуешь, Орфо?» Слишком часто одергивал: «Не смотри на кухарку так пристально, Орфо, вдруг ты что-то ей сделаешь?» «Что тебе снилось, Орфо?» И когда мамы не стало, моя судьба была решена.

– Орфо, это Эвер. Он твой гаситель.

В день, когда отец сказал это, я, как обычно, возилась в саду: пыталась пристроить в тенистом уголке у крепостной стены лесные ландыши. Земля там была каменистая, щебенку предстояло сначала расковырять и убрать, потом – все прорыхлить, полить, удобрить и только уже дальше сажать. Этим я и занималась, орудуя то маленькой лопаткой, то – когда теряла терпение – ногтями. Голос отца отозвался мурашками в моей взмокшей спине. Я замерла. Уставилась на потревоженного краснопузого жука-толстяка, бежавшего наутек по земляным руинам. Позавидовала ему.

– Орфо, – снова позвал отец, но я чувствовала: он стоит по-прежнему далеко. Даже он меня побаивался. Второй человек молчал.

Я медленно положила лопатку на траву, поднялась. Постояла так несколько секунд, глубоко дыша через нос, затем быстро обернулась. Отец – моя любимая темная гора – казался особенно огромным и грозным. Из-за существа, которое было рядом.

Оно смотрело на меня внимательно, наверное, так же настороженно, как я на него. Оно было в белом – не наш, не гирийский цвет. У нас любят бежевые, медовые, красные, серые, синие краски. А тут белая туника – нет, рубашка, судя по тому, что вместо шнуровки ряд перламутровых пуговиц, – и свободные штаны, которые у физальцев, кажется, называются швары. Светлые волосы почти как у мамы: не слишком длинные, похожие на прохладное, подсвеченное солнцем облако. Но «существом» я назвала его из-за глаз – бирюзовых, прозрачных и больших. Больше, чем у всех в нашей семье, больше, чем у придворных и слуг. Странно, но в тот момент я подумала: все правильно. Физалия и должна была снова стать отдельной страной, рано или поздно. Там люди с совсем другими глазами. Цвета моря, которое они избрали покровителем в древние-древние времена. Как вообще могли они подчиниться таким, как мы, – людям с глазами цвета медной монеты, оливковой древесины, темной ночи? Но так случилось, были мрачные годы, которые этому поспособствовали.

– Привет, – тихо сказал он. У него был еще юный, но глубокий голос и совсем слабый акцент: все согласные звучали чуть мягче, чем на самом деле, будто скруглялись.

Я все стояла, растерянно перебирая грязными пальцами воздух. Этот... Эвер, да?.. был таким белым, а под моими ногтями густо чернела земля. Я поморщилась и отвернулась, неожиданно

разозлившись на папу: нашел время! Мог бы велеть причесать меня, и одеть в платье, и все такое...

– Вот видишь, – снова заговорил папа. – Непросто с ней. Злая моя дочура. Вся в мать.

Я вспыхнула: пожалуй, это худшее, что я когда-либо слышала. Захотелось подобрать камень и бросить в этих двоих, но я сделала иначе – опять в упор уставилась на отца и мысленно дернула сразу за оба его пышных уса. Он охнул, схватившись за место между носом и губами. В темных глазах блеснула такая обида, что я сразу устыдилась. Это же папа. И он старается.

– Так ли непросто? – Эвер спросил словно в пустоту, а больше ничего не сказал. Его не развеселила и не разозлила моя выходка, он ее будто не заметил. Это было странно: выглядел он лет на пятнадцать, а держался-то как совсем взрослый. Отец задумчиво на него посмотрел.

– Ты осторожнее. – Он отвел ладонь, за которой, как оказалось, уже зажглась знакомая, любимая мной улыбка. – Но не думай, она у меня очень хорошая, только вот...

– Она здесь, – тихо прервал Эвер. Я растерялась снова: отца не полагалось перебивать. – Не стоит говорить так, будто ее нет.

Это, видимо, было какое-то правило, которого я не знала: отец, смутившись, кивнул. Расправил плечи, пошел мне навстречу, приблизился и приобнял – насколько позволял его огромный рост. Я сразу успокоилась и прижалась к его теплому боку. От него пахло кожей и маслом, наконец-то – не разогретым металлом. Торакс он перестал носить не так давно, весь год мама заставляла надевать его, боясь покушений со стороны недовольного народа. Хотя недоволен народ был прежде всего ею.

– Пойдем, познакомитесь. – И он повел меня к Эверу. Я шла покорно, только украдкой вытирала грязные руки: одну о свою тунику, другую – об отцовский плащ.

Когда мы поравнялись, Эвер так и не шелохнулся. Он продолжал внимательно меня разглядывать, и я поняла, что еще с ним не так: у него... медленные глаза. Они двигались, но вполтину не так быстро, как у отца, напоминали самоцветы, но в то же время казались чуть заледенелыми. Еще он был бледным, бледнее нас. В мраморно-нежных мочках ушей блестели серебряные гвоздики, а на шее темнел широкий, розоватый, с багровыми краями след, охватывая ее. Я

понимала, что это неправильно, но устоялась на поврежденную кожу во все глаза. Испугалась. Эвер этот взгляд поймал. Спокойно коснулся полоски пальцем, провел влево.

– Я носил ошейник. Но больше не буду. Все обязательно скоро заживет, не переживай.

Наши глаза встретились, и он вдруг улыбнулся, слегка наклоняясь. В его лице правда читалось это – благодарность вместе с пониманием. Я все еще была грязной и красной от злости из-за слов про маму, но мне стало чуть получше. Я не решилась улыбнуться в ответ, но кивнула.

– Дай ему руку, Орфо, – попросил отец. Он не вмешивался в разговор. Я с сомнением посмотрела на Эвера, почему-то желая, чтобы он кивнул, и правильно: кивка не последовало, лицо дрогнуло. Там отразился пусть не страх, но какое-то страдание. Отец тоже это заметил. – Хорошо, Эвер. Дай ей руку первым. Она не укусит.

Это тоже стоило ему усилия, но меньшего. Он наклонился еще, и белая худая ладонь замерла в воздухе. Взгляд не отрывался от меня. Глазами я спросила: «Можно?» – и теперь он кивнул. Я взялась одной рукой за его кисть, сразу почувствовав приятную прохладу пальцев, а другой несмело подняла рукав рубашки. Понадобилось совсем чуть-чуть. Стрела была там, точно такая, как мне описывали: без пламени на наконечнике, устремленная к локтю. Эвер так же осторожно коснулся моей левой руки и отодвинул ткань. Язычок пламени, охватывающий мою стрелу, мигнул золотым, потом красным и снова почернел. Так же вспыхнула-погасла стрела Эвера. Метки, неразрывно связанные по воле богов, признали друг друга.

– Вот и все, не так страшно, правда? – тихо спросил он, но его пальцы подрагивали в моих. Я еще не понимала, что дело в самом касании. Думала, он волнуется или стесняется. Ведь сама я волновалась и стеснялась очень сильно.

– Угу, – только и получилось сказать, и я не сразу сообразила, что заговорила впервые с их с отцом появления. – Запачкала...

Это я говорила о следах своих грязных пальцев на его белой коже. Он покачал головой, улыбнулся снова и, освободившись, стал отряхиваться. Даже это он делал аккуратно и как-то невесомо. Голову опустил, светлые ресницы прикрыли глаза. На лоб падали волосы.

Мамины были, несмотря на внешнюю легкость, жесткими, как щетинка, интересно, какие у него?

– Чувствуешь что-нибудь? – пробормотал отец.

Судя по тому, что Эвер молчал, вопрос предназначался мне. Я помотала головой. Правда не чувствовала, по крайней мере, ничего магического. Может, почувствовала бы, если бы прежде мне было плохо. Но мне не было.

– Ладно. – Он прокашлялся. Я вдруг поняла: ему хочется скорее обратиться подальше. Не знаю почему. – Тогда я вас оставлю, мне еще сегодня говорить с вдовами наших гоплитов, а Лину хорошо бы поддержать детишек.

– Я опять буду обедать без вас?! – Все-таки вырвалось, хотя я даже зубами щелкнула в надежде прикусить язык. Поздно. Ляпнула, да еще с обидой.

– Дела, дочура. – Отец снова потрепал меня по плечу. Ладонь была очень горячей. – Сама уже понимаешь, войны кончаются – беды остаются. Зато можешь сегодня пообедать в саду. – Он легонько кивнул на Эвера. – Можете вместе.

Я снова подняла глаза. Эвер слушал молча, со странным лицом, на котором будто бы опять читалось сочувствие. Кого он жалел: меня, отца или себя, вынужденного отныне и навеки сопровождать чужую девочку из вражеской страны? Девочку, которая может в любой момент сойти с ума и убить его.

– Хочешь? – без обиняков спросила я, грозно глянув исподлобья: вдруг поняла, что обижусь, если он откажется.

Он кивнул без колебания. И отец, не скрывая облегчения, нас покинул.

Едва он скрылся за большими лохматыми кипарисами, несшими в моем уголке караул, я подступила к Эверу ближе и окинула его новым взглядом. Еще раз рассмотрела белую одежду, и простой кожаный пояс, перетягивающий рубашку, и серебряные сережки, и пальцы – без единого кольца, непривычно для Гирии, где не унижать себя перстнями – все равно что выйти на улицу голым. Мне еще не полагались кольца, но Лин их уже носил. И тем более должен был надеть Эвер.

Я взяла его руку снова и стала придирчиво рассматривать пальцы. Он легонько дернулся.

– Ты не думай, – сказала я ему. – Я еще не сумасшедшая.

Он промолчал, но глаза многое сказали. «Не трогай меня, пожалуйста» – не злое, не презрительное, не снисходительно-взрослое, просто усталое и почти умоляющее. Мне стало неловко, я его отпустила. Снова, кажется, начала краснеть, я ведь чувствовала: что-то не так. Но я была слишком маленькой, чтобы понять, почему лучше правда не дотрагиваться до него лишний раз. Даже отец ведь не дотрагивался, хотя обычно хлопает по плечу или спине всех, кто хоть сколь-нибудь ему нравится. Я списала это на свои грязные руки. И на страх.

– Ладно, пойду сажать цветы. – Мне уже тоже хотелось как-то спрятаться. Не дожидаясь ответа, я развернулась, побрела к стене. Снова начала перебирать пальцами воздух.

– Я могу помочь? – тихо донеслось в спину.

Я не стала оглядываться и говорить «нет», только помотала головой. Почему-то точно знала: он не будет навязываться. Знала, что для него не навязываться важно.

– Я должен быть с тобой как можно больше, – все же напомнил он, и это «должен» кольнуло меня.

Глупая. Я же ненадолго забыла, что Эвер моя... обслуга, ну или почти обслуга, не знаю точно, как это назвать, *обслугой* гасителей называла только мама. В общем, Эвер здесь не потому, что я ему нравлюсь. Он здесь по приказу отца. И потому, что иначе я могу сойти с ума, лишиться ног или без всякого предупреждения превратиться в сухую горбатую старушку без глаз.

– Тогда сядь вон там, в тени. – Все так же не оборачиваясь, я махнула грязной рукой в сторону кипарисов. – Солнце высоко.

Я не видела, послушался ли он, шагов тоже было не слышно. Не хотелось проверять. Я вернулась в свой уголок, взяла лопатку и принялась сосредоточенно выковыривать из земли самые крупные камешки. Ужасное место... уродское. Но только здесь садовники не насовали гадких роз, гортензий и гвоздик, обожаемых мамой, а еще тут достаточно тенисто, чтобы ландышам было хорошо. Земля не такая и плохая, если прорыхлить. В другом уголке у меня отлично растут лесная земляника и виолы, хотя в пору расти скорее каким-нибудь колючим жителям пустынных долин Игапты.

Я принялась за работу: это помогало меньше думать. И о мертвой маме, и о Лине с отцом, которых я не увижу до вечера, и о том, что

теперь у меня есть... обслуга. Обслуга, которая, видимо, будет отвечать за меня. Обслуга, за которую буду отвечать я, потому что нет, нет, нет, я не хочу сходить с ума и кого-то убивать! Эвер вроде славный. Очень даже. Я буду общаться с ним, как с другими работающими в замке людьми, просто постараюсь держаться подальше. Чтобы в случае, если я начну сходить с ума слишком рано, он успел спрятаться или убежать.

Я ужасно боялась этого – ну, сумасшествия. Правда боялась, спасибо маме и папе. Я успела узнать, что даже гасители не панацея, рано или поздно волшебник все равно увечится и сходит с ума. Хорошо, если в таком порядке: от калеки вреда все-таки меньше. Но не всегда. Брат нашего прадеда, того самого Иникихара, перебил целый пляж, когда лишился рассудка. К тому времени он уже двигался только на четвереньках: спина не разгибалась от дикой боли, хотя ему было лишь двадцать пять или около того. Так случается чаще всего, если дар очень сильный. У брата прадедушки был такой, он даже летал, чего не умеет никто, много веков. Я не была и вполвину так сильна, но все равно иногда становилось жутко. А потом я от страха отмахивалась и уверяла себя, что мне повезет – повезло же моей прабабушке Эагре, жене Иникихара! Хотя как сказать, умерла-то она тоже молодой... И все же. Кому-то везло дожить и до сорока. И чуть больше...

Я все рыла землю, пытаясь сделать ее пригодной для ландышей. Они, склонив белые головки, наблюдали за мной из сгустка тени, где их укрыла, – каждый был вкопан во влажный кусочек родной лесной земли. Каждый предстояло хорошо посадить.

Эвер тоже на ландыш похож.

Странная мысль, я не заметила, как захихикала из-за нее. Но правда: у ландышей белые цветки, широкие плотные листья, сама... осанка, или не знаю, как это обозвать, какая-то благородная. И тень. Я почему-то была уверена, что Эвер любит тень, что правильно я его услала туда.

Он все это время молчал. Я вроде чувствовала его взгляд, но боялась повернуться и проверить. Что, если он подумал, подумал да и ушел? Решил побыть со мной в какой-нибудь другой раз? Если я совсем ему не понравилась, раз не хочу разговаривать, если...

– Ты устала, – раздалось над головой. – Сходи лучше к пруду. За мхом.

Я не вздрогнула, я вообще почти никогда не вздрагиваю, – наоборот, замерла с занесенными над разрытой ямой руками. Подняла глаза и увидела Эвера рядом. Он присел на корточки. Забрал мою лопатку. Прищурился, оглядывая землю, а потом решительно копнул ее, с такой силой, что поддел сразу много камней. Они полетели в стороны, в том числе на его штаны. Он и не заметил.

– За мхом? – бездумно переспросила я. Он кивнул.

– Ландыши любят мох. Лучше окружить их им, он будет удерживать воду, если что.

– Если что? – уточнила я. Он улыбнулся.

– Например, если забудешь полить. В лесу почти всегда довольно влажно, ты ведь знаешь.

Я не знала, но не могла сказать. К замковой территории, с противоположной от моря и города стороны, прилегал лес, но туда в основном ходили слуги – за грибами, ягодами, дичью. Меня лес завораживал, я порой просилась с ними и даже тащила на прогулку отца, но все-таки случалось это редко. Я не знала, как, чем лес живет. Всякий раз была уверена, что его сырая, тенистая, зеленая прохлада – чарующая случайность, которую мне повезло застать.

Я кивнула и пошла, ничего не ответив. Но все это время – пока добрела до выложенного камешками водоема, пока нашла место с самыми густыми изумрудными подушками, пока оторвала немного в тех местах, где садовники особо не заметят, – я продолжала думать. Почему все-таки он решил помочь? На его месте я бы радовалась, что меня отослали просто отдыхать в тень. Разве он не должен бояться приближаться ко мне лишний раз?

Проблема гасителей – их поиска – в том и есть. В отличие от остальных демосов гасители часто скрывают клейма. Не хотят быть привязанными к чужому человеку: ведь если попадутся, как Эвер, их могут и заставить, особенно если волшебник высокопоставленный, если помощь ему – вопрос безопасности государства. В наших законах даже прописано: «Каждый гаситель обязан исполнять долг». Это не то правило, за нарушение которого накажут боги, но то, за исполнением которого внимательно следят люди. Матери гасителей или повитухи должны сообщать о появлении таких младенцев сразу. Конечно, это не работает: узы на много лет, угроза смерти от руки сумасшедшего – никто не хочет этого для своего ребенка. Гасители прячутся. Содрать

кожу с клеймом нельзя; поверх татуировок и шрамов оно тоже проступит. Даже если отрежешь руку, оно появится на другой, а может и на лице. В детстве я не понимала, как это несправедливо, а еще несправедливее, что ни один другой демос не связан такими ограничениями. В детстве я и заподозрить не могла, к чему само наличие «Закона о долге гасителей» приведет меня. Моего брата. Его друзей. И Эвера.

Я вернулась с ладонями, мокрыми от мшистой тяжести. Зеленые подушечки лежали на них и пахли лесом – удивительно, ведь лес был далеко. Эвер уже разрыл, удобрил и даже полил землю, а теперь просто сидел на корточках и внимательно смотрел на меня. Снизу вверх. Странно. Легкий ветер дрожал в его волосах, взгляд казался оживленным – будто Эверу нравилось то, чем он занимался. Он молча кивнул на ландыши: похоже, смирился, что я не слишком-то разговорчивая. Я сложила мох в траву, сходила за саженцами, принесла их и начала расселять в новом жилище. Эвер аккуратно присыпал каждый землей и снова немного поливал. Потом мы уложили вокруг мох. Все это время между нами висела тишина.

Получилось не так чтобы красиво; ландышам не понравилась пересадка. Они понурили головки и листья, я расстроено оглядела их и вздохнула.

– Не переживай, – сказал вдруг Эвер. – На новом месте всегда тяжело. Нужно привыкать.

Я медленно повернула к нему голову. Поняла, что он вовсе не о цветах.

– Расскажи о себе, – выпалила я, прежде чем прикусила бы язык. Опять, как с папой, запоздало клацнула зубами. Эвер явно это услышал: на секунду приподнял широкие брови-полумесяцы. – Ну... хоть что-то.

– Что, например? – спокойно спросил он, тоже не отводя глаз. Я не могла понять, неприятно ли ему, и потому терялась.

– Ну... ну... – Теперь прикусить язык хотелось из-за глупости. – Почему ты... не убегаешь, например? Или только задумал побег?

Эвер помедлил, не меняясь в лице. Но потом его губы дрогнули так сильно, будто он вот-вот расхохочется; они даже приоткрылись, и мелькнули зубы – ровные, белые, островатые и крупноватые ровно настолько, чтобы оставаться красивыми.

– Так я тебе и сказал! – фыркнул он, и я невольно улыбнулась в ответ. Мы продолжали друг на друга смотреть. – А если серьезно... нет, Орфо. Нет. Мне некуда идти.

Он опустил глаза и стал выравнивать мох. Я смотрела на его губы, нос, светлые ресницы, пытаюсь ко всему этому привыкнуть: было пора. Шумно выдохнула. И требовательно спросила:

– Это почему?

Эвер молчал. Но я уже не могла оставить его в покое.

– Ты... ты что, не хочешь домой? – Это плохо укладывалось в моей голове. – И не расстраиваешься, что твой демос раскрыли?

Что ты здесь, что я здесь, что мы брали друг друга за руки и теперь связаны? Но этого я не произнесла. Эвер снова посмотрел на меня, теперь как-то странно – словно бы с удивлением.

– Я не знаю. – Трудно было угадать, к какому из двух вопросов относится ответ. Или к обоим? – Пока не знаю, многого не знаю, но обязательно пойму. Как и ты.

Это было правдой, я тоже запуталась. Я робко кивнула.

– Что касается демоса. – Эвер поднял руку, поправил волосы – убрал падающую на лоб густую копну. Серьги блеснули. – Не все скрывают его. Я и не думал, что буду это делать. Просто в моем даре никто прежде не нуждался.

– Никто? – Я не поверила. Сорвала пучок травы, стала протирать им руки, даже не замечая, что пачкаюсь только сильнее. – Но говорят, в Физалии в последнее время родилось много волшебников и вообще всегда было немало...

– И там достаточно гасителей. – Эвер кивнул. Звучало невероятно: в нашей-то стране гасителя не найти. – Закон о долге у нас отменили несколько лет назад. Физальские гасители сами решают, помогать ли волшебникам. И большинство отвечает «да» на этот вопрос просто из милосердия. И потому что волшебники ценят их.

Я понурилась. Война, которую начала мама, и так казалась мне неправильной. А после такого признания и вовсе выглядела дикой. Физальцы что, цивилизованнее нас?

– Со мной проще, – продолжил Эвер. Тон его изменился, стал холоднее. – Во мне не нуждались. Хозяин воспринимал мое клеймо как... вложение в будущее и надеялся позже перепродать меня подороже. В какой-нибудь другой стране, где в гасителях больше

нужды. А до этого я был нужен ему для... – Я подняла глаза. Мне показалось, что он стал бледнее, что немного начал задыхаться, – других вещей. Разной помощи. Вот.

– Хозяин, – повторила я.

Прозвучало вопросительно: слово ассоциировалось у меня только с папиным клеймом. Хороший человек, который умеет всех поддержать шуткой или делом. Любит танцевать на винограде, печь лепешки на пару с главной кухаркой и колоть дрова. Ловко заправляет одеяло в пододеяльник. Может сам отправиться на охоту за «мясным ужином» или наловить рыбы в море и знает, что где лежит, даже если об этом забыли все управляющие и мама.

– Хозяин, – повторил Эвер все тем же неживым голосом. – Да. Но это другое. *Другое*, просто забудь пока, хорошо?

Я не шевелилась. Кивнуть не получалось. Почему-то стало страшно.

– Расскажи мне о себе, – повторила я и прибавила тверже. – Все. Я хочу знать. Ведь мы теперь вместе, правда?

Он опять приоткрыл рот в удивлении. Потом его глаза сверкнули яркой бирюзой. Пальцы, такие же грязно-черные, как у меня, потянулись к шее, но, не тронув ее, опустились. Он явно колебался, но наконец что-то решил.

– С чего бы начать, – вздохнул он. – Пожалуй, с того, что есть на свете рынки, где продаются люди...

Чудовище

Телега скрипит, качается, стучит колесами на каждой колдобине – уже болит голова. Но большая бесцветная ящерица с короткими мощными лапищами тащит ее исправно, даже довольно быстро. Слишком быстро, чтобы я могла пожалеть себя, вылезти и трусцой побежать рядом. Но недостаточно быстро, чтобы мерзавец Скорфус не мог вальяжно лететь над нами, уберегая пушистый зад от лишних ударов.

– Мы уже приехали? – иногда монотонно спрашиваю я.

– Не-а.

– А теперь приехали? – интересуюсь, когда делегация дрогфу, провожавшая нас от самого места битвы, наконец откланивается и на прощанье просит оставить ящерицу у входа.

– Нет, человечича, ты же помнишь, сколько мы тащились до обитаемых пещер.

Розоватые жабры ящерицы недоуменно раздуваются. Наверное, даже ей слово «человечица» режет уши. Или что там у нее? Сложный вопрос, я даже не уверена, что она правда ящерица, а эти веерообразные кожные наросты на ее горле – правда жабры. Жабры вроде... у амфибий?

– Ну теперь-то приехали? – вздыхаю еще через несколько залов, уже совершенно пустых: без сталактитов, без кристаллов, лишь с унылыми обледенелыми водоемами. На стенах и потолке дрожит белесое кружево изморози – примерно такая отделка украшает некоторые королевские наряды. Не люблю кружева. А здесь еще и так погано холодно, что я уже вся в мурашках.

– Орфо, я выцарапаю тебе глаза, – нежно обещает мой кот, сделав над телегой мертвую петлю. Из пасти вылетает густое облачко пара. – Заткнись сейчас же, я что, не устал?

На самом деле мне почти плевать. И я хорошо представляю, сколько нам ехать до места, откуда мы в Подземье попали. Мне просто нужно отвлекаться – на окрестности, на препирательства, на холод, на силуэт Скорфуса, похожий в сумраке скорее на громадную и пьяную летучую мышь, чем на кота. На любые детали. Только бы не смотреть

на распростертое существо, которое занимает большую часть телеги. Пока я на ухабах ушибаю только задницу, оно бьется о подгнившие доски всем телом. И судя по гримасам, бьется болезненно.

Его привалили спиной к борту и замотали понадежнее: живую руку больше не видно, как не видно и вторую, железную. Нормально вообще видно только голову. Полуоткрывшиеся, затуманенные от недавнего удушья красные глаза буравят меня, и в них читается одно-единственное слово, то же слово, которое эхом отдается в моем рассудке.

Ты.

Скорфус прав: подвижки определенно начались. Значительные ли?

Я глубоко вздыхаю, прикрываю глаза, обнимаю колени и тычусь в них подбородком. Мне плохо, и вовсе не оттого, что шея по-прежнему болит, и не оттого, что Скорфус, как нередко, злит меня своей бодростью. Я боюсь. Я ужасно боюсь. И даже не могу предположить, что будет дальше: во-первых, не в силах сосредоточиться, а во-вторых, как выяснилось еще в первые минуты чудовищного путешествия, мое волшебство здесь просто не работает.

– Что делать-то будем? – звучит в черноте. Свистит под крылом воздух, Скорфус опять приземляется на мое плечо. Спасибо и на том: хотя бы становится теплее.

– Можешь еще разок вылизать мне шею, – вяло предлагаю я. – Это помогает.

– Не вопрос. – Он издает что-то вроде урчания, но приступать к работе не спешит. – Вот только я не о том, человецица. С ним, с ним что?

Не нужно поднимать веки, чтобы угадать, в кого тычет черная когтистая лапа. Поморщившись, я все-таки прошу:

– Не говори так, будто его тут нет.

– Душнила, – фыркает Скорфус и все-таки начинает лизать мою вновь закровоточившую шею. Понял: обсуждать такие вещи мы сейчас не будем.

Правда, что тут обсуждать? Я не знаю, понятия не имею, в душе не представляю, и все, что у меня есть, – обещания и уверения этого кота. Того, что мне нужно от Монстра, не получить, если Скорфус окажется не прав. Я попаду в безвыходную ситуацию и погибну,

погибну с огромным позором, разочаровав и вдобавок ввергнув в ужас всех. На моем надгробии посадят вместо оливы или апельсина самую вонючую полынь и выбьют что-то вроде:

«Здесь лежит грешная Орфо. Она пыталась. И это был кошмар».

Телегу опять подбрасывает одновременно с тем, как я ударяю по ее борту. Боль в кулаке двойная, я шиплю сквозь зубы и выплевываю:

– С-собака...

– Не ругайся, – требует Скорфус и перебирается на второе мое плечо.

Рокочет тихий утробный смех – и я цепенею, забыв даже вздохнуть. Судя по впившимся в тунику и кожаную накидку когтям, мне не послышалось. Скорфус тоже замер, тоже напрягся, и только его мокрый язык продолжает соприкасаться с моей шеей. Потом он шепчет:

– Хороший знак.

И возвращается к вылизыванию.

Медленно, осторожно я открываю глаза и заставляю себя опустить взгляд. Распростертый на дне телеги Монстр по-прежнему смотрит на меня; по краям тряпки, закрывающей его рот, выступила темная, с совсем слабым багровым оттенком жидкость – точно кровь. Глаза немного прояснились, хотя все еще больные. Я не то чтобы чувствую жалость... хотя не без этого.

– Орфо, – тихо говорит Скорфус, слетев с меня. Мы поднимаем головы почти одновременно. – Сталактитов больше нет. И вряд ли уже пещера осыплется. Мы почти приехали.

С этими словами он перебирается на спину ящерицы – аккуратно, чтобы не задеть ее тонкую, лишенную чешуи кожу когтями. Самоустраивается, паршивец, но я не могу его винить. То, что Скорфус вообще взялся помогать мне, то, что поверил словам «Слушай, да, все плохо, но без этой твари мне правда конец» – уже большая щедрость с его стороны. Важная. Ведь когда он только появился, я была уверена: им руководит чистый расчет. Примерно такой же, как и у любого бродячего животного, пусть даже и полубожественного происхождения.

Я смотрю на Монстра снова, плавно подаюсь ближе – и, глубоко вздохнув, резким движением сдираю повязку с его рта. Да, мое волшебство не работает в Подземье, но оно превратилось в

физическую силу, какой в Гирии у меня нет. Думаю, только это спасло меня от десятка переломов, пока я дралась и считала спиной стены. И позволило ломать огромные сталактиты, как тоненькие соляные сосульки. Вот и теперь ткань просто трещит в моей руке, не приходится даже развязывать узел у Монстра на затылке.

– Дыши, – щедро разрешаю я, хотя сама понимаю: глупость.

Он и так дышал носом, точнее, остатками носа, больше похожими на провал в черепе. На череп похожа и сама голова – бугристая, полулысая, ну разве что на ней многовато кожи и из затылка тянутся по спине несколько жидких длинных прядей волос неопределенного оттенка. В этих волосах ползают красноватые черви. Боги... надеюсь, вылезают они не из ушей или мозгов.

Стаскивая повязку, я ждала рыка, к которому уже почти привыкла, но рыка не было. И нет. Монстр действительно вдыхает, сипло, жадно, булькающе. Дергает подбородком, пытаюсь вытереть идущую изо рта кровь о веревки, а когда не получается, просто свешивает голову влево-вниз. Он смотрит все так же злобно, угрюмо, исподлобья, будто молча спрашивая: «Ну что, довольна?». Я облизываю губы, он делает то же – язык черный, раздвоенный. Я поднимаю брови. Поднимает брови... или надбровные дуги... и он. Дразнит меня. О боги. Да, это определено они. *Подвижки.*

– Перестань, – тихо, тише, чем хотела, требую я, и он хмыкает, выдохнув облачко пара. – Хочешь поговорить?

Молчание, упрямое молчание, а потом веки медленно смыкаются. Не хочет. Не хочет, несмотря на развязанный рот. Могу понять, я бы тоже не стала, да и, если честно, рот вообще не имеет тут значения. Ведь пока мы дрались, Монстр говорил со мной через мой же рассудок.

Попалась. Слабая. Ты пропала.

Я слышала его смутно, наверное, вполовину не так хорошо, как несчастные жертвы, которых он заманивал в темные катакомбы. Волшебство дает мне защиту от таких вещей, да к тому же я не из Подземья, и, возможно, ему чуть сложнее найти бреши в людских умах. Хотя дрогфу говорили мне, что находили у подземных озер и человечьи трупы. Чудовищно изуродованные. С сожранными внутренностями и лицами. Значит, как-то люди сюда проваливались, не знаю, правда, *наши* или жители какого-то другого мира. Говорят, их

– миров – много, просто ходить между ними – удел богов. Ну а Скорфус считает, будто Подземье, с его темнотой, странными жителями и бесконечной протяженностью, – что-то вроде огромной межмировой кишки, из которой можно выбраться куда угодно, не обязательно в наш мир Тысячи Правил. Может, в чудесный край, где летают и не взрослеют дети; может, туда, где люди произошли не от обезьян, а от кошек и свиней; а может, туда, где они изобрели себе железных друзей с сердцами из угля. Именно поэтому Скорфус так переживает и тащит нас через кучу пещер. Он очень боится, что мы выйдем куда-то не туда, он далеко не опытный проводник.

– Ты помнишь, кто ты? Помнишь, за что наказан? – спрашиваю я. Тихо. Почему-то не хочу, чтобы Скорфус меня слышал.

Монстр снова издает странный звук – смешок или хмыканье. Глаз не открывает, только слабо дергается. В моем рассудке тишина, но и эта тишина кажется презрительной, горькой, злой. Конечно же, у Монстра тоже есть вопросы к слову «наказан».

– А меня ты помнишь? – звучит глуше, тусклее, почти жалобно. Ненавижу себя.

Вообще не понимаю, зачем мне это все сейчас. Уверена, Скорфус прав: нужен другой воздух. Точнее, если хоть что-то и поможет в той заднице, где я нахожусь, то лишь другой воздух. Продолжать разговор сейчас – только шатать свою выдержку. Бессмысленно.

– Помнишь? – все равно повторяю я. Слишком громко: уши Скорфуса дергаются, хоть он и не оглядывается.

Я... очень... устал.

Это в моей голове, хрипло, прерывисто. У Монстра опять даже не получается приоткрыть глаза. Может, я его передушила. Может, тот самый воздух уже становится другим и не нравится ему. Мало ли что с ним случилось, разберемся чуть позже. Если доедем.

– Я тебя поняла.

Он лежит все так же, чуть склонив голову, – и ужаснее всего то, насколько гордая, уязвленная, *человеческая* эта поза. Он напрягает шею, чтобы голова не просто свешивалась, как у дохлой птицы; чтобы не моталась, когда подпрыгивает телега. Это стоит ему усилий. Он их зачем-то прилагает, хотя его веки похожи на лоскуты, местами в прогалах подгнившей челюсти виднеются зубы, а в волосах, больше похожих на хвосты, ползают черви.

Я закрываю глаза: на них опять выступают слезы.

Прости меня.

Но это то, что я скажу не сейчас.

Принцесса

Лин знал правду об Эвере и без меня, но Лину было не до того.

Отец, правда, все время таскал его с собой и все напористее приучал к королевским делам – в этом он мало отличался от мамы. Ну, разве что не надевал платье цвета войны – алое – и не водил моего брата по полю боя, показывая, скольких врагов и насколько зверски убила наша доблестная армия. С отцом было проще: он хотел, чтобы Лин научился разбираться в доходах и расходах, разговаривать с разными людьми, поддерживать, вдохновлять, командовать. В общем, делать, что положено королю. И Лин уже не так плохо к этому относился, как раньше: это помогало ему отвлекаться.

Он тосковал без мамы, я знала. Ему было плохо, а еще он очень хотел быть ее достойным. Войну он не понимал, как и многие в королевстве, как я, как отец. Но в отличие от нас двоих Лин, видно, чувствовал теперь вину за это. Может, говорил порой он, нам нужно было больше быть с ней. Чаще возносить богам хвалу за сохраненные жизни. Делать так, чтобы мама регулярно видела физальцев – обычных, мирных, добродушных, а не тех, кто жил в ее воображении, не чудовищ, кидавших младенцев свиньям. В ней самой ведь текла физальская кровь: прабабушка Эагра была коренной физалийкой. И вообще физальцы – судя хотя бы по Эверу – не представляли собой ничего дикого, нечеловеческого. Они злились на нас, но не мстили, у них там ходили свои слухи – что это нашу, нашу королеву околдовали, а вот король, ни дня не проведенный без попыток найти консенсус и не дававший бросить в бой свою часть войск, у нас вполне добрый. Мы уже не узнаем, могло ли такое быть. Лично мне с годами все меньше кажется, что ко *всем* важным вещам в мире причастны боги, волшебники, фамильяры. Нет. Много делают люди. Мама хотела вернуть провинцию, веря: Иникхар зря дал физальцам независимость. А когда не получилось, она умерла. Это был ее выбор. Раскаивалась ли она? Вряд ли. С утеса она прыгнула в красном, и я видела ее глаза в тот самый день. Убегая из замка, она оттолкнула с пути многих. В том числе и меня.

Я не умела, так и не научилась проникать ни в чей разум, но откуда-то знала про две картинки у Лина в голове: на одной – мама в красном платье ведет его по усеянному трупами полю, а на другой – в том же платье закалывает себя и кидается в море. Они, эти картинки, очень меня пугали, но стоило заикнуться о них, как Лин мрачнел, закрывался, переводил разговор или звал слуг, при которых обсуждать подобное не стоило. Он отдалялся от меня. Он, похоже, про себя решил: если прежней семьи со счастливыми родителями у него нет, то нужно строить что-то новое. Новое по-настоящему. Меня он с этой стройки не изгнал, но относиться стал иначе.

«Я справлюсь, Орфо».

«Со мной все в порядке, Орфо, займись собой».

«Иди поиграй в саду, Орфо».

Однажды, когда мне это совсем надоело, я не ушла, а наоборот – взяла его за руку, сжала пальцы. Мне было уже девять, в тот год я неожиданно быстро стала расти в высоту, и ни Лину, ни Эверу больше не приходилось так уж сильно наклоняться, чтобы поболтать со мной на равных.

– Король и его волшебница, – произнесла я, смотря в его грустные глаза. – На веки вечные. – Он промолчал, и мое сердце упало. – Нет? Ты передумал?

Ладонь он не выдернул, но в глазах не появилось ни одной искорки из тех, которые я так любила до войны. Зато там появились слезы. Страшные. Ведь он сроду не плакал.

– Когда-нибудь. – Все, что он сказал, и моя рука упала сама. Лин развернулся и пошел на балкон. Он все еще любил там прятаться. Я ему компанию больше не составляла.

Эвер не знал всего этого – я не думала жаловаться, впрочем, и не понимала на что. «Мой брат больше меня не любит»? Неправда. «Я хочу, чтобы все было как до войны»? Невозможно. «Давай сделаем что-нибудь, чтобы Лин повеселел»? Глупо. Лин не стремился в нашу скромную компанию, и даже не из-за дел или тоски по маме. Просто я была для него слишком маленькой, а Эвер – слишком большим. Вдобавок он, наверное, напоминал о людях, оказавшихся сильнее мамы и сломавших ее... гордость? Дух? Заклятие над ней? Не знаю. Нет, такого, чтобы Лину не нравился Эвер, не было. Но Лин явно не видел, какой Эвер замечательный.

Ландыши прижились и начали разрастаться. Я старательно поливала их, Эвер иногда помогал с прополкой, хотя чаще делал то, что я ему велела: сидел в тени и наблюдал. Он нравился мне белым и чистым, без зеленых и черных пятен на шварах, без грязных рук. Я обожала его рассказы о кораблях, на которых ему случалось путешествовать, о болезнях, о лекарствах. Единственное, о чем Эвер никогда не говорил, – его... медик. Медик, только медик, я не звала того человека «хозяин», «хозяином» для меня оставался папа. Так или иначе, с Эвером было очень, очень интересно болтать. А вот со мной, наверное, нет, потому что с моего языка не сходило имя Лина.

– Так ты хочешь стать его придворной волшебницей, – сказал однажды Эвер задумчиво и печально. Как и всегда, я не могла до конца понять, что читается в его глазах.

– Быть ничьей волшебницей мне было бы грустно, – призналась я. Мы ужинали в саду, как уже почти всегда. Без Лина и без отца.

– Ты не осталась бы ничьей. – Он взял лепешку, намазал козьим сыром и медом, передал мне. Ему не полагалось меня обслуживать, вместе мы только гуляли и делали уроки, но он и не воспринимал это так. Подобные мелочи он шутливо звал «ухаживаньем», Лин и отец – тоже. – Ты слишком замечательная.

Я широко заулыбалась, сама себя испугавшись: до его появления, в военный год, улыбки я почти забыла. Теперь они возвращались, становились все более спонтанными и, как мне казалось, глупыми. Стараясь это скрыть, я откусила кусок побольше. Эвер продолжал за мной наблюдать. Он не смотрел нежно, как иногда папа; не смотрел с гордым видом «Это моя сестра», как иногда Лин, но этот взгляд нравился мне, нравился с первой встречи. В нем читалось что-то очень простое, и именно этого мне не хватало. «С тобой интересно. Ты важна».

– Спасибо, – сказала я с набитым ртом, и он засмеялся. Не знаю почему, но именно в ту секунду я посмотрела на его шею, хотя давно пообещала себе этого не делать. Уродливый след поджил, стал намного светлее. – Ты... ну, тоже замечательный.

– Приятно слышать. – Он кивнул с шутливым достоинством, и мы замолчали.

– Тебе кажется... – снова осторожно заговорила я через какое-то время, – что придворной волшебницей мне становиться не нужно?

Про себя я уже знала, что если он кивнет, то я вспылю и заявлю: «Ты не прав». Но он только миролюбиво посмотрел на меня поверх кубка, потер веки и ответил:

– Я не могу об этом судить. Я не знаю, что для тебя лучше. Мне просто не нравится слово «придворный». Оно обязывает.

В его глазах снова было то, что удивило меня в давний день в саду: они немного застыли, двигались медленно, то и дело останавливались. Я задумалась. Я ведь понимала, что стоит за всем этим. Эвер был рабом. Наверное, для него оказаться *при* ком-то – пусть при короле – тоже рабство. В который раз с момента, как он появился, я стиснула зубы, по спине пробежал холод. Я подумала: считает ли он себя моим рабом? Сама я быстро, очень быстро выбросила из мыслей слово «обслуга» по отношению к нему. Эвер был моим... нет, не другом, наверное, я не доросла с ним дружить. И не няней. И не совсем учителем, хотя скоро ему предстояло начать учить меня драться. Пока он учился сам, старательно, у лучших гоплитов и целеров^[4] отца. У самого кира Илфокиона – нашего целериона^[5], который достался папе от мамы и стал во всем его слушаться. Сделать хорошего убийцу из гасителя – значит сделать хорошего убийцу из гасителя. Я прекрасно понимала, зачем и почему.

– Да, – сказала я. Приподняла подбородок со всей возможной гордостью, улыбнулась. – Да, вот так. Буду его рабыней в каком-то смысле, может, и так. Но он мой брат, и для него мне этого не жаль.

Эвер, поднесший было кубок к губам, замер. Бирюзовый взгляд мерцнул поверх чеканного серебра, и я страшно испугалась. Вдруг он оскорбился? Вдруг в словах ему почудилось что-нибудь вроде «Буду рабыней, такой же, как ты»? За все время вместе я вроде ни разу еще не обидела его, не задела, не сделала ничего лишнего. Но по-прежнему такого боялась.

– Орфо, – тихо позвал он. Кубок медленно, со стуком встал на стол. Я обмерла. – Орфо... порой мне завидно, что ты не моя сестра. Понимать и принимать правду о том, что всякая любовь есть в той или иной мере рабство, – большое мужество. У меня, например, его нет.

Он улыбнулся, и я, выдохнув, улыбнулась в ответ. Схватила уже, кажется, третью лепешку, начала жевать, ничем не помазав, – так волновалась. Эвер все глядел на меня; я спохватилась, что он сегодня почти ничего не ест, и подвинула к нему ближе блюдо с желтой

малиной и виноградом. В том году они не уродились, и того и другого было мало, и почти все за ужином доставались мне. Но Эвер их тоже любил. А я знала, что ягоды хорошо едятся, даже когда аппетита совсем нет.

– Мне очень грустно, – призналась я, когда он скромно отщипнул гроздь винограда. – Лин стал дальше. Я понимаю, он будет королем и ему нужно многое понять и выучить, но все-таки...

– Но все-таки это неправильно, особенно если вы действительно хотите в будущем что-то делать вместе, – закончил он мысль.

– И грустно, – упрямо повторила я, хотя его слова были логичнее.

– Отец вообще знает, что вы это решили? – Эвер сложил пальцы домиком, подался чуть-чуть вперед. Виноград так и лежал на краю его тарелки.

– Я... – Я задумалась. – Ну, наверное, нет. Я не говорила. Маме бы не понравилось.

– А принц Лин?

А он сказал мне: «Когда-нибудь». В глазах защипало, и пришлось скорее опустить голову, мотнуть ею так, чтобы темные пряди хоть немного занавесили лицо. Я старательно отращивала их, как раз для такого.

– Понятно. – Эвер не стал дожидаться ответа. За волосами я видела только его руки. – Подумайте об этом. Может, так что-то станет проще.

– Он не... – начала я, имея в виду угрюмую отстраненность брата, но тут же вскинулась: почувствовала, что Эвер опять слегка улыбается.

– Советы королям дают волшебники. Ты сама так говорила.

Я поняла, что он имеет в виду, в тот же день. Впервые за долгое время мне повезло: папа позвал нас с Лином провести вечер в экседре^[6]. Ему вспомнилась вдруг петтейя – игра на мраморной клетчатой доске, где нужно двигать свои фигуры и «есть» фигуры противника. Кто первым займет чужие клетки и сохранит при этом больше фигур, тот и выиграл. Пока была жива мама, мы играли по парам, а потом из каждой пары сражались победители. Теперь нас осталось трое, и пусть мне очень хотелось пригласить Эвера – он тоже умел играть, – я не решилась. Так что мы сделали иначе: Лин играл с папой, а я болела то за одного, то за другого. Играли мы с братом, а

папа болел. И наконец он сразился со мной. Победитель определялся по скорости и эффективности ходов.

Где-то в середине последнего поединка я и сделала то, что мы с Эвером задумали: спросила папу, что он думает о придворных волшебниках. Помрачнев, он тут же начал сыпать вопросами, зачем я такое спрашиваю, – и я с деланой неохотой призналась: «Хочу быть придворной волшебницей Лина, вот». В ту минуту я посмотрела брату, сидящему сбоку, в глаза. Он молчал и рассеянно улыбался. Он вообще был задумчивым, оба своих сражения проиграл.

– Это правда? – Отец тоже обратился к нему.

К моей радости, Лин кивнул. Не было никакого «когда-нибудь».

– Я... – Папа сосредоточенно уставился на доску. Наконец конник – фигура, ходящая углом, – двинулась в атаку на моего императора. – Я подумаю над этим, это... занятно. Но если так, я многое делаю неправильно насчет вашего воспитания.

– Что? – сонно спросил Лин, хлопнув черными как уголь ресницами. Было ощущение, будто он вообще, пока папа бубнил, отвлекся, задремал. Это сердило: разве ему не важно, что мы на это вышли? Почему он не помогает мне?

Папа почти повторил слова Эвера:

– Если вы правда собираетесь в будущем что-то решать вместе, вам нужно побольше видеться. А все так поменялось без Валато... – Взгляд его потускнел. Я взяла своего легата и пустила в лобовую атаку на его копьеносца. – Ого, дочура... хороший ход.

– Я бы и рада больше видеться! – призналась я. Копьеносец завалился на бок.

– Я тоже, – восторженно воскликнул Лин, но меня не оставляло ощущение, что он опять нас не слушал, опять проваливался в сон.

– Я... – повторил папа, подцепляя поверженную фигуру пальцами и убирая с доски. Он, в отличие от Лина, не спал, просто очень глубоко думал. – Понимаешь, Орфо, э-э, есть препятствия, которые меня беспокоят и с которыми надо бы что-то сделать.

Я сглотнула, снова покосилась на Лина в поисках поддержки. Тот, откинувшись в кресле, сидел с сомкнутыми веками и барабанил пальцами по подлокотникам. На тонком усталом лице его не читалось ни тени энтузиазма. Под глазами лежали глубокие тени. Таким

изможденным я помнила его только в год войны – когда он раз за разом мог лишь гадать, заберет ли его с собой мама.

– Препятствие к... тому, чтобы я стала придворной волшебницей? – с запинкой пробормотала я, но папа сразу помотал головой.

– Нет, нет. – Голос зазвучал почти заискивающе, и продолжил он быстро, точно желая скорее проскочить самое неприятное: – К тому, чтобы вы снова общались... сейчас.

Я уставилась на него во все глаза, но Лин так и не реагировал. «Когда-нибудь, – издевательски пронеслось в моем мозгу. – Когда-нибудь». Неужели ему совсем все равно? Захотелось лягнуть его, да посильнее. Или шлепнуть по щеке.

– И какое же? – спросила я как можно ровнее, проследила за тем, как чужой легат вплотную приблизился к моему императору, и отвела его. В ход пошла императрица. Легат пал.

– Твоя сила, малыш, – вдруг раздалось рядом. Лин опередил отца, а вот позы так и не изменил. Сидел, стучал по подлокотникам, жмурился. Губы кривились в малознакомой желчной улыбке. – Отец боится, что прямо сейчас ты можешь случайно убить меня, потому что она все еще очень непредсказуема. Отец вообще боится теперь всего на свете, после того как...

С чего он вдруг проснулся? И с чего... начал злиться или вроде того?

– Лин, – оборвал папа. Его нависшее над доской лицо слегка побагровело, но глаза на брата он даже не перевел. – На что ты намекаешь, Лин? Не выдумывай!

Я молчала. Теперь я остолбенела и только хлопала ресницами. Они... они что?..

– Это чушь. – Брат все же открыл глаза, но смотрел он не на отца и не на меня, а куда-то между нами. Губы теперь тряслись. – Чушь, и очень похоже, что теперь ты вообще относишься с опаской ко всем в мире женщинам. Может, ты ругаешь в мыслях и Гестет? А как насчет нашей доблестной прабабки, которая...

– Да что ты несешь, сынок? – Отец ударил кулаком по столу. – Перестань, а ну!

Фигуры подскочили, но я сосредоточилась и удержала их в равновесии взглядом. Такие фокусы я уже потихоньку осваивала, они

никому еще не причинили вреда. И отец, и брат синхронно замерли, наблюдая, как императоры, и императрицы, и конники, и пехотинцы левитируют. Как плавно опускаются на места и замирают.

– Все это правда? – У меня по-прежнему получалось говорить ровно. Не знаю почему, но я не вопила, не плакала, у меня и мысли не возникло кого-нибудь из этих двоих убить. Может, потому, что и я по-прежнему опасалась своего дара. И не могла ручаться за себя. Во мне кипела обида, но голос разума легонько дул на нее, напоминая: «Зато если вдруг папа окажется прав, ты очень пожалеешь». – Все еще правда?..

– Орфо... – начал отец под внезапный злорадный смешок Лина. Я покачала головой.

– Просто скажи, правда или нет. Я же так стараюсь! И я никого, ничем еще...

– Я... – Отец был уже совсем красным. И вместо злости я почувствовала жалость, не только к себе, но и к нему. – Пойми, Орфо, все эти слухи, которыми оправдывала войну твоя мать, и все другие слухи о ней самой...

– Она даже не была волшебницей, – отрезала я. Фигуры перед глазами все же поплыли. Пришлось моргнуть.

– Но ее двоюродный дед, твой прадед, тот самый, который...

– Не упоминай! – Лин дернулся.

– Ей ничего от него не досталось. В смысле дара, он не наследуется, – напомнила я. – А еще Лин прав, была ведь прабабушка Эагра, которая как раз...

Папа только вздохнул, а при упоминании прабабушки скорбно сдвинул брови. Предостерегающе поднял ладонь, как бы осаживая: «Это другое».

– Да, Валато не досталось дара. Зато безумие достаться могло. С ним все сложнее.

– Тогда сойти с ума может и Лин! – здраво напомнила я.

– Или уже сошел! – Брат вдруг высунул язык, искривил плечи так, чтобы одно оказалось выше другого, и закатил глаза под лоб. Заерзал, заболтал ногами в воздухе. – Что, не видно? Я безумец, безумец, безумец!

Это было совсем не смешно, скорее омерзительно: будто моего обычно серьезного и спокойного брата подменил какой-то уродливый

безмозглый зверек. Может, он просто нервничал из-за всех этих повышенных тонов, может, надеялся так нас отвлечь и помирить? Я не понимала. Отец явно тоже: он хрустнул кулаками, схватился за голову и отчаянно выпалил:

– Да что сегодня с вами... поросята!

Я могла сказать то же про них двоих. Но вместо этого я произнесла:

– Не думаю, что мамино поведение было связано с чем-то таким. А если ты боишься, что я наврежу Лину, так пусть за нами кто-то присматривает, когда мы вместе. Я же не против.

Это предложение опять что-то сделало с братом: он разом перестал кривляться и помрачнел. Его глаза сузились. Кажется, он никогда прежде так на меня не смотрел: будто на предателя? Он даже взвыл – тихо, не разжимая зубов.

– Кто, например? – прозвучало почти со злостью. – Какие-нибудь твои няньки?

Я спохватилась: все-таки он уже почти вырос. Наверное, ему неприятна была мысль о любом присмотре, но я слишком хотела вернуть брата себе, чтобы пещься о таких вещах. Подумаешь, прислуга. В нашем замке все очень хорошие, добрые, и никто не станет лезть почем зря. Тем более... о чем он? Это ведь для его же безопасности! Как ни обидно звучали слова папы, совсем отрицать их я не могла. Путь прадедушки, путь прабабушки... оба были возможны.

– Да хотя бы кто-то из целеров, – примирительно предложила я. – Все равно вместе мы бываем не так много.

Меня устроил бы даже кир Илфокион с его цепкими глазами, рокошущим голосом и привычкой поливаться благовониями. А ведь я терпеть его не могла за то, что вечно посылал кого-то шпионить за мной и Эвером, надеясь нас на чем-нибудь поймать и сделать приятное отцу. Он хотя бы был бдительным, верным и храбрым. Все это он доказал, когда мама выбрала умереть и сбежала из замка. Лина, ничего не понимающего, она тогда потащила с собой, и кир Илфокион забрал его уже у скал, хотя ее остановить не сумел. Я не сомневалась: мы делим похожие кошмары о том страшном вечере. Мне ведь досталось от мамы тоже. Я почувствовала, *чего* она хочет, и попыталась задержать их с братом на главной лестнице, но меня сбросили со ступеней и опалили взглядом, полным такой ненависти, что, может, я

лишилась чувств не от боли, а из-за него. Очнулась я, только когда мама была уже мертва, а кир Илфокион за руку вел Лина домой.

– Я не хочу! – отрезал Лин, которому, конечно, тоже доставалась излишняя целерская опека.

Но я не успокаивалась.

– А ты сам? – Я заглянула отцу в глаза. – Я и тебя с удовольствием бы видела почаще. Может, сделаем снова какие-то семейные...

– Не получится, – вздохнул он. Его усы висели как-то уныло. – Я бы и хотел, но даже сегодняшний вечер для меня самого большой подарок. Отменилась встреча с Мористеосом Монусом, ну, патрицием границ. У него вроде несварение от плохой клубники...

Брат прыснул. Я в который раз удивилась: его никогда не смешили туалетные разговоры, тем более кира Мористеоса с его добрым взглядом, щедрыми подарками в виде сладостей и звенящими колечками в бороде мы обожали. Стоило посочувствовать ему, а не веселиться.

– Я не хочу, чтобы за мной и сестрой кто-либо шпионил, – заявил наконец Лин. Он говорил так запальчиво, будто его загоняют в угол и нужно сражаться насмерть. – Я и так вижу слуг достаточно часто, и я не хочу, чтобы они, например, стояли над нами! Они начнут потом на нас жаловаться и передавать тебе наши секреты. – Он поморщился и продолжил с явной неохотой: – И потом, кто из них что сделает, если вдруг Орфо правда...

Если вдруг Орфо правда...

Он не продолжил, но меня прошиб гадкий озноб. Я сделала то же, что за ужином: занавесилась волосами, чтобы никто ничего не заметил, и до хруста сжала кулаки на коленях.

...захочет убить меня. То самое, чего боялся папа. Я. Многие, даже слуги, не разбиравшиеся в волшебстве. Но именно понимание, что Лин, мой Лин, тоже этого боится, боится и допускает, пусть краешком сердца, ощущалось как горькое предательство. Я чуть не плакала. Я боялась, что не сдержусь. Стоило просто вскочить и убежать, запереться в комнате, где есть окно, и, высунувшись из него, посшибать дюжину апельсинов с садовых деревьев. Это всегда меня успокаивало, тем более на апельсины год выдался урожайный. Но я сидела и молила себя потерпеть. Глубоко дышала, понимая: слезы вот-

вот побегут по лицу. Как унижительно. Как глупо. Я сама знаю о себе правду, я должна понимать, я должна мириться и...

– Эвер, – сказал папа. Повисла тишина.

– Что Эвер? – мрачно спросил Лин. Украдкой глянув на него, я опять заметила нервный блеск глаз. Еще и пятна какие-то на щеках выступили...

– Если не хочешь слуг и целеров, но хочешь придворную волшебницу, которая, возможно, убережет твой разум вместе со своим, – я скорее начала убирать волосы за уши, чтобы все видеть, – пусть за ней и за тобой заодно присматривает гаситель. Тем более, как я знаю, он делает отличные успехи в бою, пусть техника и... неклассическая. Вот.

Отец переводил взгляд с Лина на меня, ожидая возражений, но мы молчали. Я старалась скрыть радость и облегчение: идеально, просто идеально, это же предел моих мечтаний! Лин же явно растерялся: только хватал ртом воздух. Удивленно. Будто не веря ушам.

– Физалец... – выдохнул он наконец полувопросительно.

– Физалии он больше не принадлежит, – отрезал отец, и слово «принадлежит» резануло меня. Отец вряд ли считал Эвера рабом, но все-таки. – А еще он умная голова. Читает много. Много путешествовал со своим предыдущим... нанимателем, даже более-менее разбирается в политике. Ты зря не дружишь с ним, мальчик замечательный.

– Я... – Теперь Лин не мог подобрать слов. Опустил голову, начал тереть веки. – О боги, папа...

– Да что? – не понимал тот.

– Я обожаю свою сестричку, но почему в довесок к ней должен идти этот белобрысый мертвый груз? – Лин даже глаза опять закатил.

– Не говори обо мне так, будто меня тут нет, – огрызнулась я. Мне не нравился сам тон, не нравились скользкие словечки: ходульное «наниматель», презрительное «белобрысый»... Моего Эвера вдруг захотелось оградить от всего этого. И никому не отдавать, ни брату, ни отцу.

Папа неожиданно поддержал меня – засмеялся и поправил:

– Живой. Более чем живой. И уверен, ты не пожалеешь.

– Правда-правда, – уверила я и, подавшись вбок, ухватила Лина за руку. Пальцы были вялыми, потными и холодными, странно, пугающе

холодными, но я заставила себя об этом не думать, потому что они все же легонько сжались в ответ. – Эвер хороший, и он вечно боится кому-то помешать, так что с ним не будет проблем, ты...

– Король и его волшебница, – тихо и грустно оборвал меня Лин. Он снова прикрыл глаза, немного откинул голову. – На веки вечные. Речи ни о ком третьем не было.

– Но истории меняются с течением времени, – отозвался отец. Он снова сосредоточился на игре. – Особенно если там есть правила. А правила есть почти везде.

Оба они были правы. Одну сторону принять бы не получилось, даже если бы я хотела. Ведь в действительности история придворного волшебника Мариона отличалась от моей как минимум одной важной деталью.

Король Арктус родился с клеймом гасителя.

А мне предстояло однажды потерять и своего гасителя, и своего короля.

Чудовище

Две мои нелюбимые легенды – о том, как в мире Тысячи Правил родились первые волшебники и гасители. Они напоминают о том, что правила богов берутся не с потолка. Они появляются по одной простой причине: люди не могут соблюдать свои.

Наши древние предки жили в холодных пещерах, ели сырое мясо и много болели оттого, что любящие промозглость паразиты селились в их внутренностях. Наши древние предки страшно боялись огромного мира вокруг, не умели ни исцелять раны, ни создавать красивое, ни даже нормально драться. Наши предки были ничтожествами, которые, возможно, вообще не понимали, зачем появились на свет такими несовершенными – голокожими, двуногими, нелетучими, бесхвостыми подобиями обезьян. Им оставалось только выживать.

Однажды вожди нескольких племен узнали о необычном месте – Святой Горе. Прячась поблизости, подглядели, как оттуда спускаются красивые животные и... красивые, очень красивые люди. Огромного роста, с ухоженными руками и волосами. Одетые не в засаленные шкуры, а в яркие узорчатые ткани, украшенные самоцветами, золотом, раковинами, венками. У тех людей были зычные голоса, лики сияли, глаза наполнились жизнью. Те люди на самом деле не были людьми – даже вожди это поняли и не посмели нападать. Но поняли они и кое-что еще: если чем-нибудь поживиться у этих красивых существ в доме – там, на Горе, – возможно, удастся сделать собственные народы чуть счастливее.

Вожди рискнули и в одну ночь полезли на Святую Гору, к ее серебристой мерцающей вершине. Они нашли там все, что и можно себе представить, – дворцы из мрамора и стекла, сады, полные фруктов, пруды, кишачие рыбой. На Горе было так красиво, что вожди испугались, почувствовали себя совсем жалкими. Они не посмели – благоговение помешало – забрать ничего, кроме одного-единственного колчана со стрелами. Только колчан, без лука, ведь что такое лук, они не знали. Но и этого оказалось достаточно. Коснувшись одной стрелой стопки сухой травы, люди получили огонь. Приложив другую к гноящейся ране ребенка, излечили ее. Воткнув в землю третью,

вырастили оливковое дерево. Стрелы очень помогли людям, но, совершив одно-два чуда, каждая рассыпалась. Вскоре волшебство кончилось. И вожди решили повторить свою дерзость.

Они отправились на Гору снова, но в этот раз их ждали. В сверкающем дворце Зируса, верховного бога с крокодильим взором, их поймали стражи-атланты и бросили в ноги господину. Вожди стали молить о пощаде. Зирус спросил: «Что же толкнуло вас воровать у меня?», и тогда самый смелый, самый бесхитростный из пленников сказал просто: «Мы плохо живем. А вы – хорошо. Это несправедливо». Казалось, за такое Зирус должен был убить несчастных, но ответ неожиданно ему понравился. Поговорив с вождями еще немного, он промолвил: «Я понял», отпустил их и глубоко-глубоко задумался. Зирус прежде не знал такого слова – «справедливость». Никто из богов не знал, просто потому, что с несправедливостью на Святой Горе не сталкивались. Здесь верили: тот, кто трудится изо всех сил – как трудились пещерные жители, добывая пищу и обогревая друг друга, – просто не может «плохо жить». Поэтому встреча изменила не только людей, но и богов.

Решив, что люди правда заслуживают помощи, Зирус и принес в наш мир волшебство. Он отметил тех дерзких вождей и еще нескольких понравившихся младенцев знаками на запястьях – горящими стрелами – и наделил особыми силами. Могущественными: создавать огонь, летать, находить подземную воду, исцелять, предвидеть судьбу. Так, казалось ему, он восстанавливает справедливость. Ту, о которой пока слишком мало знал. Увы, Зирус переоценил людей: через несколько поколений они возгордились. Волшебники сговорились и решили напасть на Святую Гору, чтобы взять оттуда что-нибудь еще. Конечно, у них не получилось, ну а рассерженный Зирус в наказание ослабил их магию: отнял полеты, и власть над пламенем, и все, что могло причинять сильный вред. Тогда же ввел первое правило: рано или поздно волшебники теперь становились калеками и сходили с ума. Люди присмирели. Жизнь продолжилась. Демос волшебника больше не считался даром, чаще – отсроченным проклятием.

Шло время, волшебники продолжали рождаться то там, то тут. Люди уже не жили в пещерах, огонь добывали без колдовства, строили города, возделывали поля. К Святой Горе приносили дары – в

благодарность за давнее милосердие и в знак извинения за давние дерзости. Носили эти дары, как правило, волшебники. Так с ними познакомилась жена Зируса, прекрасная Гестет, богиня с кошачьими глазами и ушами. Она полюбила общаться с волшебниками, а они были милы и добры с ней.

Среди волшебников у Гестет вскоре появилась подруга – настоящая подруга, с которой они плели друг другу венки, собирали ягоды, купались в море. Гестет тайно проводила ее на Святую Гору и тайно же ходила к ней в дом смотреть на людской уклад, эти двое очень любили друг друга, да и другие волшебники все больше нравились Гестет. А потом настал роковой день. Любимая подруга изувечилась, ослепла и сошла с ума. Когда эта женщина напала на своих детей и на попытавшегося защитить их старосту деревни, Гестет пришлось убить ее, и сердце богини разбилось. Она вернулась домой к мужу и сказала: «Волшебники давно искупили вину. Все это несправедливо». Муж не согласился с ней и не смягчил правило. Тогда она ввела другое: создала второй демос. Гасителей. И навеки связала их с волшебниками.

Очевидно, как все пошло дальше, правда? Люди никак не могли жить нормально, у богов постоянно находился повод для расстройства, они лезли в наше существование только больше и вводили новые, новые правила. Рыбохвостые сестры-плаксы Окво придумали странников и наделили клеймом-кораблем, обязав раз в определенное время отправляться на поиск новых земель, чтоб меньше воевать за старые. Тигрозубый Арфемис, который, пожалуй, больше всех богов любит понятие «справедливость», вообще издевается над нами по полной: создал демос законников, отмеченный весами и способный распознавать ложь, проклял регалии так, чтобы они убивали любого, кто засидится на троне больше двадцати лет... Гадостный Арфемис. Именно из-за него я сейчас оказалась там, где оказалась.

Обо всем этом я думаю под методичный скрежет: Скорфус носится вдоль отвесной стены в десятке шагов от телеги и покрывает камень заковыристыми письменами на одному ему и богам понятном языке. Больше похоже на кружевной рисунок, а каждая бороздка, каждый завиток, едва проступив, наполняется слепящим красным светом. Когда мой гениальный кот распишет всю стену, мы наконец сможем вернуться домой.

– Скоро там? – кричу я: для меня знаков уже довольно много.

– Попробовала... бы... сама... – пыхтит он, и на каждую паузу приходится еще по одному росчерку когтей, еще по одному символу.

Может, я бы и попробовала, мне не жалко ему помочь. Вот только где мне? Холодный порыв ветра задевает по щеке, и я ежусь: не понимаю, откуда дует, этот поцелуй или, скорее, укус сквозняка уже не первый. Не хватало еще простудиться. Мерзкие пещеры...

Вздыхнув, я отвожу глаза от мечущейся черной фигурки, затем от лениво разлегшейся на камнях ящерицы и, наконец, опять смотрю в противоположный конец телеги. Монстр открыл глаза, но лежит все так же безжизненно, таращится в одну точку; грудь, перетянутая веревками, чуть-чуть вздымается. Наверное, я хотела бы знать, о чем он думает. И думает ли.

– Как полагаешь, я убью тебя? – интересуюсь я, прикусив угол губы. – Да, да, это я тебе.

Он смотрит на меня секунду, не больше, и снова упрямо дергает подбородком.

– Может, и стоило бы, – бросаю я. – После того, как ты поступил. Ты ведь мог стать великим вопреки всему, отец так надеялся на тебя...

Он смеется. Потом кашляет.

– Это того не стоило, правда.

Он опять закрывает глаза. Я скольжу взглядом по веревкам, опутывающим его тело. Железные когти замотаны аж тройным слоем, эта рука прижата к телу так плотно, что, наверное, туда уже вообще не поступает кровь. И снова мне становится жаль. Я говорю мягче:

– Потерпи. Скоро мы будем дома. Если, конечно, ты помнишь дом.

Он все так же не отвечает. Я сжимаю зубы, резко встаю и выкарабкиваюсь из телеги, спрыгиваю на сырые камни, выдыхаю слабое облачко пара. Кажется, будто меня дразнят уже два кружащихся порыва ветра. Бр-р. Нужно пройтись: согреться и прояснить голову. Нужно перестать думать как о будущем, так и о прошлом, сосредоточиться на настоящем.

Пещера большая и почти идеально круглая – уже это намекает на ее искусственность. Стены гладкие, легонько отливают масляной радугой – скорее кварц, чем гранит. Если приглядеться, за этой темной полупрозрачностью можно рассмотреть силуэты – каких-то огромных

волосатых слонов, костистых бескрылых драконов, кораблей, у которых горят окошки. Несколько человеческих скелетов. Несколько далеко не человеческих – с крыльями, с огромными черепами. «Осадочная порода времени» – так это назвал Скорфус, когда, попав сюда впервые, я чуть не умерла от ужаса.

Скорфус вообще знает и использует много странных слов. «Трансцендентальность», «душила», «человечица», «осадочная порода», «херня». Он говорит, эти слова приносит ему само мироздание. Он говорит, что иногда может только догадываться об их смысле или вкладывает собственный. Я говорю, что лучше бы знать смысл слов, которые ты используешь, но он тут же зовет меня душилой.

Я снова начинаю наблюдать за его стремительным, вертким силуэтом. У Скорфуса очень красивое тело, если можно, не выставив себя ненормальной, сказать так о нечеловеческом существе. Но это так: даже не будь у него одного глаза и крыльев, даже не будь у него человеческой речи и настолько омерзительного характера, его сложно было бы принять за обычного кота. Он словно не ходит, а перетекает. Не лежит, а сливается с окружающей ночью или тенями. Не потягивается, а раз за разом заново лепит свои позвонки из черной глины. То, что Скорфус не из Гирии, видно невооруженным глазом. То, что он мой, просто удивительно.

– Ты пялишься на меня. – Сделав петлю, хитро констатирует он, и на стене появляется огромное кольцо, на которое «нанизано» сразу несколько символов-паучков.

Тьма пещеры отзывается: начинает негромко, нежно, без слов, но с призрачным перезвоном петь. Это будто священный хор там, за каменными пластинами, среди драконов, слонов и кораблей. Так же тьма пела, встречая нас. Хороший знак.

– Почему бы нет. – Я пожимаю плечами и выдавливаю самую двусмысленную улыбку, на какую способна. – Может, в моих фантазиях перед сном или в купальне ты иногда превращаешься во что-то другое. Что-то двуногое и более аппетитное.

– Пф-ф. – Его хвост на пару секунд встает трубой. От кольца расплзается яркий алый свет. – Полегче на поворотах, человечица, если я умру от кринжа, вы отсюда не выберетесь.

«Кринж» – это вроде «омерзение». Еще одно иномирное словечко для избранных, ну-ну. Я отвечаю смешком и подхожу ближе, заметив, как полет Скорфуса неуклонно замедляется. Вовремя: стоит оказаться у стены, и он нагло складывает крылья, камнем падает мне на руки, замирает. Довольно тяжелое тело пылает, морда запрокинута, крошечное пятнышко белой шерсти на груди дрожит от частого дыхания. Вполне себе кот. Можно почесать ему пузо. И погреться: сквозняк опять усилился. То ли не хочет отпускать нас, то ли спешит ускользнуть следом.

– Откроется через несколько минут. – Блаженно зажмурив глаз, Скорфус бегло кивает на сияющую стену. – Напомню: нам нельзя выносить и вывозить из Подземья ничего из того, что ему принадлежит, точнее, с этими вещами мы просто не сможем выйти. То есть...

– Телега, – вздохнув, киваю я. – И эта ящерица.

– И веревки, – добивает меня Скорфус.

Проклятие. Некоторое время мы молчим.

– Будешь душить его снова или?.. – наконец тихо спрашивает он.

Я качаю головой, не дав ему закончить:

– Хватит.

– Как тогда? – Он ерзает в моих руках. Я аккуратно опускаю его на камни.

– Есть одно средство. Я и раньше использовала его для решения проблем...

– Опасное, Орфо? – Он переворачивается на живот, встает и начинает шумно отряхиваться. Шерсть местами встает дыбом.

– Да нет, нет... – Я потираю лоб, а потом тянусь к маленькому флакону на поясе. – Жди.

Ящерица, точно что-то почуяв, встает, едва я прохожу мимо, и дергает хвостом. Снова забираюсь в телегу, подхожу к Монстру, сажусь подле него на корточки. Он успел впасть в забытие. Но, к сожалению, для нашей безопасности оно недостаточно глубокое.

– Эй. – Несильно бью его по щеке. Веки дрожат. – Эй, пора в дорогу. Замерз, наверное?

Глаза он приоткрывает совсем чуть-чуть; из-за красного мерцания они похожи скорее на две маленьких раны. Вид измочаленный, ответа нет.

– А еще ты, думаю, хочешь пить. – Я открываю флакон. Из него вырывается слабый травянистый запах: тимьян, лаванда, валериана, огромное количество корней, которых не найти в простом саду. – Давай, ведь боги знают, что будет дальше.

Он чувствует этот флер – и несомненно узнает, судя по тому, как дергается, как нервно хрипит. Не хочет, нет, но я, переборов омерзение, хватаю его за волосы, давлю пару червей и, намотав пряди на кулак, заставляю голову застыть в нужном, чуть запрокинутом положении.

– Пей, – повторяю я и прижимаю горлышко к его рту, прежде чем он сжал бы зубы. – Пей, от этого никто еще не умер.

В мгновения, пока сонное зелье льется ему в горло, он смотрит мне в глаза, и я это выдерживаю. Но концентрация убийственная, и сознание Монстра плывет сразу, слава богам. Не проходит и минуты, как он обмякает. Я отпускаю его, скорее вытираю руки, возвращаю флакон на место. И, сняв с пояса уже нож, начинаю сосредоточенно резать веревки.

Стена за моей спиной наливается все более ослепительным красным светом. Дом ждет нас, вот только все лишь начинается. Сквозняк бьет меня по щеке, точно злясь.

Ничего нового, я зла на себя не меньше.

Принцесса

Наверное, самой тяжелой из обязанностей Эвера было ночевать со мной в Кошмарную неделю – ту, когда боги насылают на волшебников дурные сны. Луна в эти ночи разрастается в огромный шар с кровавой каемкой, глядит с неба злым глазом и подмечает каждое прегрешение. В эту неделю особенно опасно бить зеркала: лишишься удачи не только в делах, можешь и голову потерять. В эту неделю лучше не ходить на охоту: любое животное, которое ты убьешь, может оказаться священным, даже еж, белка или выдра. В эту неделю дурные сны видят и обычные люди. Но волшебникам все-таки хуже.

Это начинается, когда нам исполняется лет восемь. Отныне каждый месяц мы не спим семь ночей – точнее, спим, но сном это не назвать. Огонь и тьма, склизкие щупальца-плети и твари, сжирающие наши внутренности, чудовищные гиганты, насилующие нас, еда, покрытая червяками, вода со вкусом мочи и запахом фекалий... Все это – реальность, куда мы проваливаемся и откуда не можем выбраться до зари, все это встречает нас и если вздремнуть днем. Некоторые, конечно, хитрят: жуют особые корни и разводят с водой жженые бобы, позволяющие сопротивляться самому желанию спать долго-долго. Это немногим лучше: да, ты переживаешь Кошмарную неделю, но после семи дней и ночей бессонницы ты даже больше похож на мертвеца, чем тот, кто покоряется судьбе. Терпеть кошмары – правило. Если ты не выполняешь его, тебя накажут.

Если рядом гаситель, сны чуть менее зверские, а еще он может разбудить тебя до того, как кошмар станет совсем невыносимым. Касание его ладони ко лбу унимает жар. Беда одна: гаситель не может спать вместе с тобой, он должен сторожить тебя – значит, жертвовать своим отдыхом.

Когда ко мне приставили Эвера, я не желала, чтобы он так делал. Сны еще только подбирались ко мне, я терпела их, но даже когда поняла, сколь они чудовищны, – я противилась. Полегчает мне оттого, что Эвер пару раз разбудит меня? А от его ладони на лбу? Мне всегда казалось, лучше просто принять то, что боги нам предназначили. Кошмары – значит, кошмары. Ведь они обязательно кончатся, и я даже

точно знаю когда. А через пару ночей нормального сна я уже буду как новенькая. Ну и, конечно, все переносится немного проще, если днем есть побольше фруктов, пить укрепляющие нектары с медом, лимоном и шиповником, больше гулять.

Эвер считал иначе; я чувствовала, что ему меня очень жаль. Наверное, ему страшно представлять, как я мечусь на постели, невыносимо слышать, как я кричу и плачу – особенно если мне вдруг снится мама, тоже в облике какого-нибудь чудовища. Все-таки я была маленькой и вдобавок переживала это одна, на мои крики никто не прибегал. Я сама уговорила папу: «Я же волшебница, я должна привыкать». Пару раз он, конечно, ломился ко мне, и служанки ломились, и даже целеры, но я всех прогоняла. «Я в порядке, в порядке!» – кричала я, стирая кровь с искусанных во сне губ. Выпивала воды из кувшина – и снова падала в черноту. Мама и другие чудовища встречали меня там, смеясь и скалясь.

С Эвером, правда, стало легче: в снах я теперь чувствовала меньше боли, побеждала некоторых чудовищ или убегала от них, выбиралась из пожаров. Это все равно было изматывающе, но терпимо. Приходя в себя, я благодарно брала Эвера за руку и раз за разом отправляла поспать днем. Он редко подчинялся, но кое-что между нами, несомненно, изменилось: от моих касаний он больше не шарахался. Даже когда я переплетала наши пальцы.

Кое-что расстраивало меня страшно: на Эвере ужасно сказывалась нехватка сна. После двух-трех таких ночей его шатало, он мог потерять сознание, а под его глазами стелилась такая чернота, что больно было смотреть. Он продолжал улыбаться и делать со мной уроки, мы возились в саду и гуляли – гуляли с Лином, ведь другой возможности «безопасно» пообщаться со мной у брата не было, – но я чувствовала, каких усилий Эверу все это стоит. Когда мы с Лином, например, находили в лесу поляну с земляникой и начинали азартно собирать ее, Эвер просто ложился под сосну поодаль и прикрывал глаза. Когда мы носились у морской глади – садился на песок и рассеянно пересыпал его в ладонях. Опасения Лина в такие дни оказывались беспочвенными: секретничать мы могли о чем угодно, Эверу не было до нас никакого дела.

– Чего ты все время на него озираешься? – вздохнул в одну из таких прогулок брат. Мы только что поплавали, сидели в мокрых

туниках на песке и строили из него храм Артемису. Противному нудному Артемису, которого я терпеть не могла.

– Ничего я не... – начала я, но осеклась, поняв, что он прав. Я покосилась на сидящего ближе к валунам Эвера уже раза три. Я боялась, что он уснет и ударится о камни головой.

– Какой-то он у нас чахлый, да, малыш? – подавшись ближе, шепнул Лин. Его дыхание обдало меня странной горечью, напомнившей об укрепляющих настойках, которыми нас пичкали в холода.

– Это из-за меня, – вздохнула я, потерев глаза кулаками. Была как раз середина Кошмарной недели, и в прошлую ночь я не спала. – Сам подумай. Он же бодрствует семь ночей подряд...

– Зато тебе получше. – Лин слабо улыбнулся и принялся выравнивать колонны храма.

Я положила сверху легкий кусочек коры и стала покрывать песком, делая крышу. Был один страх, который я устала держать в себе. И я поделилась:

– Знаешь, с такими жертвами я сомневаюсь, что гаситель может прожить больше волшебника.

– Обычно именно так и бывает, – удивленно возразил Лин. – Боги не дураки. Они дают гасителям тот запас прочности, который нужен, чтобы хорошо служить волшебникам.

– Служить... – повторила я, глянув на него исподлобья. Лин понял, спохватился.

– Помогать.

Мы замолчали. Соленый ветер трепал наши волосы, руки иногда соприкасались на влажных песчаных фигурах. Я чувствовала: Лину неловко, он думает, как возобновить разговор, но сама не очень хотела этого.

Наши отношения за последний год снова стали ближе – благодаря более частому совместному досугу, благодаря тому, что с Эвером действительно оказалось здорово играть в петтейю, благодаря их общему с братом интересу к истории и путешествиям. Эвер заново соединил нас, а особенно когда начал учить драться. Сам он сражался довольно необычным оружием, но и его навыков в фехтовании оказалось достаточно, чтобы обучить меня и подтянуть Лина. И все же одновременно я чувствовала: не все... так, как мне бы хотелось. Брат

по-прежнему считал, что я для него маловата, а Эвер великоват. Поэтому он доверял нам меньше, чем мог бы. Поэтому мы, например, так и не упоминали в разговорах маму. Поэтому, влюбившись в дочку одного из наших садовников, Лин всеми силами старался это скрыть – и вспылал, когда Эвер попытался дать ему какой-то «мальчишеский» совет.

Эвер встал с песка, пошел к нам. Мы улыбнулись, когда он сел между нами и оглядел храм.

– Чего-то не хватает, – отметил он. Полез в карман штанов, вытащил довольно большую витую ракушку и занес над моей хлипкой крышей.

– Не надо, упадет! – запротестовала я: храм получился красивый.

– Нет, нет, он сможет, – уверил Лин, сощутив глаза. Он неотрывно, с каким-то странным выражением наблюдал за бледными пальцами Эвера. Бледными как всегда – Эвер почти не загорал и не обгорал. Его кожа словно отталкивала или просто впитывала солнечные лучи.

Эвер долго выбирал, как положить раковину, и в итоге она оказалась точно в центре нашей постройки. Песчаные своды дрогнули, но выдержали, в перламутре заиграло солнце. Красиво! Я захлопала в ладоши, любуясь; Эвер начал что-то объяснять про баланс и противовесы. Лин, то ли слушая, то ли нет, вдруг удовлетворенно улыбнулся, тоже занес руку... и одним движением, с криком «БАХ!» снес всю конструкцию. Я взвизгнула: песок попал мне в лицо. Осекшийся на полуслове Эвер нахмурился, но не сделал брату замечания. А сам Лин довольно засмеялся.

– С ума сошел! – Я опять принялась тереть кулаком глаза. К счастью, от мокрого песка я легко избавилась. Но я рассердилась: он сделал как... как ребенок! Которым уже даже я не была!

– Красота в скоротечности, – возразил Лин и посмотрел на Эвера так, словно именно от него ждал одобрения. Я тоже посмотрела. Эвер продолжал хмуриться.

– Красота во множестве вещей и поступков, – ответил он наконец. – Скоротечность – только один из путей, и не самый трудный.

Лин с сомнением хмыкнул. Эвер отряхнул рубашку и внимательно посмотрел на него.

– Ты будешь королем, – произнес он довольно тихо. Взял раковину, подкинул на ладони. – Твоими ориентирами должны быть долговечность... – быстрым сильным движением он забросил раковину далеко в море, – и свобода. Скоротечность может погубить твой народ. Как мой погубил Великий Шторм.

Лин закусил губу, потом встал. Он все еще смотрел странно – теперь будто с обидой. Или с разочарованием.

– Понятно, – бросил он, повернулся и, подобрав сухую одежду и сандалии, пошел прочь, в сторону скалы, в которой вырублен был подъем к замку, на крепостную стену. – Пока.

Я хотела побежать за ним. Эвер мягко удержал меня за плечо.

– Не надо. Не сейчас. – Но его воспаленные, усталые глаза не отрывались от напряженной спины Лина. Кажется, Эвер был не со мной. Он встревоженно о чем-то думал. Тоже, наверное, заметил, что вот такие перемены настроения, взрывы чувств, спонтанные поступки случаются с Лином все чаще. Но был слишком тактичным, чтобы это со мной обсуждать.

– Он сам ведет себя как... Великий Шторм! – возмущенно заявила я, и Эвер, наверняка пересилив себя, рассмеялся.

– Нет, нет. Все не настолько плохо. Это называется «ранний подростковый возраст», ты тоже такая будешь.

Я надула щеки, замотала головой: чего? Он вздохнул и посмотрел на воду.

Великим Штормом называлось древнее, темное двадцатилетие, в которое море вообще не бывало спокойным. Волны постоянно ревели, выбрасывали на берег рыб и дельфинов, ломали в щепки суда. Говорили, это из-за какого-то физальского разбойника, попытавшегося похитить одну из дочерей Одонуса. Физальцы и пострадали от Великого Шторма сильнее прочих народов: они были мореходами, даже жили больше на кораблях, чем в городах. Голодные, потерявшие немалую часть людей, они вынуждены были присягнуть на верность гирийскому королю. Когда Шторм кончился, уйти они уже не смогли. Удивительно многим понравились сухопутная жизнь, праздность и богатство чужого двора... ну а чужому двору – нам – очень понравились удобные выходы к морю, просторные бухты, соляные карьеры и редкие, но могучие крепости. Вспоминать о былом величии и требовать волю физальцы начали только во времена моих прадедов.

С тех пор словосочетание «Великий Шторм» стало у них почти ругательством. Порой я повторяла его за Эвером.

– Так или иначе, – ободрил меня он, с усилием отводя взгляд от волн, – все шторма роднит одно: они заканчиваются рано или поздно. Сама увидишь.

И правда, за ужином Лин уже вел себя как ни в чем не бывало: был болтлив, уплетал суп из моллюсков и чесночный хлеб за обе щеки. Эвер, у которого наоборот пропал аппетит, то и дело посматривал на него, а я – на Эвера. Сердилась: какой он усталый... да еще и терпит всякие гадости. Всякие... шторма. Вскоре после этого я наконец придумала, как немного освободить его от ночных страданий – так разозлилась.

В комнате у меня всегда хранилось сонное зелье – мне выдавали его, чтобы я лучше спала после Кошмарной недели и быстрее восстанавливалась. Новый флакончик оказывался на столе каждый месяц. Никто не подозревал, что я не успеваю выпить его целиком. Под моей кроватью жило сразу несколько таких флакончиков, в большом сундуке. Так, на всякий случай.

В следующую Кошмарную неделю я впервые попробовала подлить Эверу немного зелья в молоко с медом, которое мы пили перед сном. Он ничего не заметил и задремал в кресле, так что всю ночь я была предоставлена своим кошмарам. Проснулась я совершенно разбитой, зато он – нет. «Ничего страшного, ты просто устал», – утешила его я, и мы пошли завтракать. Он встревоженно посматривал на меня раз за разом, но я была довольна. Даже счастлива.

Постепенно я отточила свои маленькие преступления: поняла, что снотворное лучше не подливать чаще, чем в три-четыре ночи недели, а также решила сама в такие ночи не спать. Жевать пахучие темные бобы с Дикого континента у меня бы не получилось: такие бодрящие вещества разрешалось употреблять только взрослым. Поэтому я ограничивалась простыми методами: читала, ходила по комнате, когда было совсем невозможно – ложилась и вставляла в глаза обломанные палочки. Хорошо хоть Эвер в своем глубоком сне этого не видел. Зато я могла смотреть на него часами и в какой-то момент поняла, что мне не надоедает. Это красивое лицо напоминало скульптуру. Эти упавшие на глаза волосы я несколько раз трогала – и на ощупь они оказались

мягкими, почти как шелк. На этих пальцах появились наконец кольца – тонкие серебряные ободки на средних фалангах. Я правда могла ночь напролет рассматривать Эвера, безвольно раскинувшегося в кресле. И только теперь, став постарше, понимаю, что, наверное, в этом было что-то нездоровое. Хотя чего ждать от человека, пялящегося и на своего кота?

Зато Эвер высыпался, и мы продолжали хорошо проводить дни. Прыгучее настроение Лина, конечно, портило их: он то был слишком веселым, то замыкался, то скакал как олень, то словно впадал в спячку. Еще, к моей досаде, он продолжал общаться с Эвером странно: будто не понимал, чего хочет больше – заслужить его уважение или бросить вызов. Лина, несомненно, уязвляло то, как хорошо Эвер обращается с оружием, – он постоянно одерживал над нами верх. Когда единственный раз я, использовав волшебство, все же победила и опрокинула Эвера в траву, Лин возмущенно заявил, будто Эвер мне поддался, и мы поссорились. В следующем поединке Лин злился так, что проиграл за пару минут. Но послушно ухватился за протянутую руку, когда Эвер склонился над ним и сказал:

– Не переживай. Мои возможности всегда были и будут ограничены. Твои – бесконечны. И ты большой молодец.

Я не до конца поняла, что он имеет в виду, и я уверена – Лин тоже. Но он неожиданно весь покраснел и даже выпалил какие-то благодарности. А Эвер – совсем тихо, но я услышала – добавил:

– Если, конечно, ты перестанешь ограничивать их сам.

В первый вечер следующей Кошмарной недели, поставив на стол молоко в кубках, Эвер сел в изголовье моей кровати и сказал мне, уже забравшейся в постель:

– Орфо, перестань, пожалуйста, это делать.

– Что? – Я невинно округлила глаза, а под одеялом сжала кулак с флакончиком.

– Ты знаешь, – сухо ответил он. С этим строгим, сосредоточенным взглядом он казался намного старше своих восемнадцати.

– Не-а. – Я помотала головой. Параллельно я прикидывала, как бы его отвлечь, чтобы он встал и отвернулся от кубков.

Эвер вздохнул. Бледные пальцы его, дрогнув, потянулись к горлу, к розовому «ошейнику», от которого осталась только пара маленьких

рубцов возле кадыка. Я уже знала – это нервный жест. Эвер делает так, когда сильно переживает. А еще когда ему что-то вспоминается.

– Не опаивай меня, – наконец прямо попросил он. Рука опустилась, так и не коснувшись кожи. – Не нужно, ведь я очень боюсь, что ты пострадаешь. Упадешь с кровати и сломаешь шею, или случайно задушишь себя, или расцарапаешь...

– Я не всегда сплю, пока ты... – Отнекиваться я не стала, поняв, что бесполезно, и сразу бросилась спорить. Но Эвер не дал мне перебить.

– И я вдвойне прошу тебя этого не делать, потому что с такими вещами у меня связаны не лучшие воспоминания.

Я закрыла рот. Эвер хрипло выдохнул, положил руку на колени и, сжав кулак, посмотрел мне в глаза.

– Мой хозяин иногда так опаивал меня. Чтобы делать некоторые вещи. С моим телом. Когда я сопротивлялся слишком сильно. Когда... не мог расслабиться.

Между нами повисла тишина. Я понимала, что спрятаться в ней под одеяло с головой и сгореть там от стыда – плохое решение. И просто смотрела в ответ, не решаясь даже пошевелиться.

– Если тебе правда это так важно, я буду чаще спать днем, – как ни в чем не бывало продолжил Эвер. Его застывшие глаза снова стали немного живее. – Но пожалуйста, прекрати то, что ты придумала. И вообще сонное зелье – это не игрушка.

– Я понимаю, – пролепетала я. В горле совсем пересохло, я схватила свое молоко. – Прости! Пожалуйста! Я хотела как лучше.

– Знаю. – Эвер кивнул. Его улыбка немного приободрила меня. Он взял свой кубок, стал не без опаски нюхать.

– Да нет там ничего, нет! – Я выпростала из-под кровати вторую руку и показала ему флакон на раскрытой ладони. – Я не успела.

– Ну и славно. – Он забрал зелье, задумчиво повертел в руке, потом встал, отошел и поставил на подоконник. – Очень славно. А теперь скажи-ка мне...

– Да? – Я подалась немного вперед. Уши горели: я была уверена, что сейчас пойдут вопросы вроде «Сколько уже раз ты надо мной издевалась?». Но Эвер спросил другое:

– Ты представляешь, сколько приблизительно у тебя скопилось таких пузырьков?

Я пожала плечами:

– Не-а.

– Можно посчитать?

Я кивнула, слезла на пол, мы с Эвером заглянули под кровать и нашли в сундуке семь бутылочек. Мало. Я точно помнила: в начале месяца их было одиннадцать. Еще одна стояла на подоконнике... значит, три пропали.

– Что-то не так? – вкрадчиво спросил Эвер, когда мы вылезли на свет.

У меня пока не было ответа, но что-то подсказывало мне, что он прав. А еще что-то – скорее всего, волшебная интуиция, – что я догадываюсь, где, а точнее, в ком проблема.

Кошмарную неделю мы пережили без приключений и преступлений: я страдала, как волшебнице и подобает, Эвер присматривал за мной, а потом под моим присмотром дремал днем в саду. Все это время мы будто и не вспоминали о флакончиках, но я знала: он думает о них так же, как я. Лин с нами не общался – у него было много дел с отцом. К концу недели флакончиков под кроватью стало шесть. А отоспавшись после своего последнего наказания и выйдя утром в сад, я увидела, как Лин и Эвер шепчутся, сидя на скамейке в самом дальнем углу. Их позы казались напряженными. Оба жестикулировали.

Я подошла бесшумно и отлично услышала несколько фраз.

– Это не выход, пойми! – Эвер всплеснул руками. Он никогда так не делал.

– Я так больше не смогу... – пробормотал Лин, сжав край скамьи.

– Сколько ты уже на этом?

– Второй год... – Голос брата дрогнул, а Эвер схватился за голову.

– Ты хоть понимаешь...

– Это ты не понимаешь! – Лин попытался оттолкнуть Эвера подальше, но тот схватил его за плечи, встряхнул. Никогда я не видела у него такого застывшего лица.

– Лин. – Голос звучал хрипло, но ровно и уверенно. – Чувства и воспоминания, которые ты притупляешь, все равно тебя настигнут. Это так не работает. Пора прекращать. Бери пример с сестры. Она же как-то справляется, а ведь она значительно младше.

Ответа все не было – Лин лишь смотрел во все глаза, смотрел то ли испуганно, то ли заворуженно, как мышь на змею. В этом было что-то тревожное, что-то неправильное, ведь это же славный, добрый Эвер. Зато... он похвалил меня! Он меня похвалил! Понять бы еще за что, с чем я «справляюсь»... Интуиция снова зашептала ответ. Я сделала шаг вперед и намеренно громко хрустнула веткой. Мой король и мой гаситель обернулись, и я прижала палец к губам. Лин хотел вскочить. Эвер поймал его и посадил назад. Он выглядел замученным и как никогда усталым.

– Не понимает. – Кажется, Эвер... жаловался мне? Как взрослой, которая может помочь? Наверное, я зарделась, как гранат.

– Это вы не понимаете, оба! – рявкнул Лин, снова попытавшись вскочить и впившись в меня взглядом. – Орфо! Ты... хотя бы ты, ведь ты тоже это пережила...

Он запнулся, выдохнул хрипло и рвано. Я поскорее подошла, удержала его за плечи и прижала к себе. Взрослая, взрослая... я сама это знала. Он был выше, но сейчас, когда я стояла, а он сидел, смог уткнуться мне в грудь. Затрясся. Может, даже заплакал, только без всхлипов. Я гладила его по волосам, а в нос мне снова бил запах горьких трав – знак, что сегодня брат переусердствовал. С дозой.

Свойства состава, лежащего в основе сонного зелья, меняются в зависимости от температуры. Прохладное зелье действительно усыпляет, подогретое на огне – действует как дурман. Оно бодрит и снимает тревогу, придает сил и отвлекает от невзгод. Оно веселит и заставляет ум работать быстрее, оно постепенно делает тебя не тобой и иногда, словно вспомнив об основном свойстве, начинает усыплять – в момент, когда само захочет. Зато тебе вроде как становится проще жить, конечно, пока ты совсем не превратишься в безмозглое чудовище. Испарения от подогреваемого зелья можно вдыхать, а можно – если хочешь совсем сильный эффект – пить. Сегодня Лин явно выпил. Как и в тот день на пляже, когда разрушил храм. Он нарушил правило – людское, а не божеское, но очень важное. Зелья-дурманы запрещены. Каждый, кто пойман на их употреблении, должен сдать властям и пройти наказание плетью, а потом очищение – два месяца пить козью мочу.

– Давай, Эвер, – выдавил Лин. Он намертво впивался в мою тунику. – Давай, иди, расскажи отцу. Он точно тебя похвалит. И

плевать ему, что без этой штуки я не смогу нормально сопровождать его, и держать столько имен в голове, и не думать о... о...

– О маме, – прошептала я. И тогда он задрожал и заревел в голос, словно это ему, а не мне было десять лет.

Думаю, он вспомнил все их... путешествия в военный год. Вспомнил день, когда она, в алом платье, в последний раз вошла к нему спальню, ласково взяла его за руку и позвала: «Пойдем погуляем к дальним скалам». Вспомнил, как там, в штормовой тишине, когда чужие корабли уже маячили на горизонте, кир Илфокион приказал: «Отпустите принца», а мама отрезала: «Он умрет со мной, он не будет унижен» – и попыталась ударить Лина ножом, но не успела. Думаю, он вспомнил и мой сломанный от падения с лестницы нос. И то, как я теперь улыбаюсь, рассматривая в зеркале свою легкую, почти невидимую горбинку.

Я утешала его, а Эвер молча сидел и глядел в крепостную стену. Вдоль нее уже разрослись ландыши, смешались с земляникой. Воздух чудесно пах, так и звенел свежестью. Может, он и успокоил в конце концов Лина: мой бедный брат выдохнул, отстранился, яростно вытер туникой глаза. Тогда Эвер сказал:

– Я ничего ему не выдам. Но ты должен немедленно это прекратить.

Лин усмехнулся, мотнул прилипшими к лицу волосами. Я стала отводить черные локоны, стараясь не вдыхать глубоко. Эвер все смотрел на него. Он смотрел на Эвера. Наконец тихо спросил:

– Ты тоже это принимал?

– Попробовал несколько раз, – неопределенно ответил Эвер. Его рука потянулась к шее. – Чтобы... не обращать внимания. Но, как ни странно, именно хозяин и смог вполне доходчиво объяснить мне, что потом со мной станет. И стал... иногда давать вино.

Или использовать то же зелье, но законно. Как я. Об этом продолжении я догадалась сама.

Мы с Лином переглянулись. Он прошептал:

– Мое тело зависимо от зелья? Я просто не понимаю, не контролирую себя, идя к сестре...

Эвер покачал головой:

– Твой разум. Только он. Ты уже привык спасаться так, придется отвыкать. – Он снова слабо улыбнулся и кинул взгляд на меня. – Но мы

поможем. Давай для начала попробуем просто проводить больше времени вместе. И разговаривать. В том числе о твоей матери и твоём страхе быть королем. А там посмотрим, понадобится ли тебе еще помощь.

Лин сжал зубы. Я знала: он вспоминает давние слова на берегу, слова о сложных и легких путях. Он долго шел легким. Теперь предстояло выбрать сложный. Он боялся. Я взяла его за руку.

– Король и его волшебница.

Лин вздрогнул, но вцепился в меня в ответ. А я подумала и поправилась:

– Король. Его волшебница. И ее гаситель. На веки вечные.

С того дня мы наконец по-настоящему стали друзьями. Жаль, ненадолго.

Чудовище

Ненормальная физическая сила покидает меня вместе с ознобом – с каждым шагом сквозь колышущуюся завесу. На ощупь эта дрянь тугая, немного липкая и теплая, как человеческая кожа, – хочется просто вспороть ее ногтями, разодрать в клочья и скорее вылезти на свет, но, увы, руки заняты. В ушах свистит: пещерные сквозняки не хотят меня отпускать.

Вряд ли в чью-то голову вообще поместилась бы такая картинка – я, грязная, окровавленная, всклоченная, гордо выхожу напрямик из прибрежной скалы. Она вся в багровой гадости, больше похожа на прорванную девственную плеву, а через мое плечо небрежно перекинут огромный, в полтора раза меня крупнее, Монстр. Монстр Преисподней, впрочем, так его зовут подземцы. Мы-то даже не знаем, что за место Преисподняя, наши боги ни о чем таком не рассказывали.

Силы окончательно иссякают, стоит ногам впервые ступить на пляж, и я спешу скинуть черно-серую тушу, до того как захрустит моя спина. Не успеваю: падаю рядом, так неловко, что набираю полный рот песка. Проклятие! Ну ладно... Некоторое время просто лежу тряпкой, уткнувшись в него. Мышцы ноют, ободранная шея саднит, да еще и клеймо горит, будто рисунок раз за разом прижигают раскаленной иглой. По-видимому, так возвращается волшебство.

– Вставай, потомок обезьяны, – подначивает меня Скорфус. Судя по ощущениям в позвонках, по ним прохаживаются с выпущенными когтями. Изворачиваюсь и скидываю его, даже пытаюсь придавить собой. – Тихо-тихо, ты ведь помнишь, как я ценен?

Тут есть доля правды: фамильяры отличаются от обычных питомцев не только фантастической красотой. Они потомки животных, по своей или божьей воле покинувших Святую Гору и породнившихся с обычным зверьем. Большая загадка нашего мира – сами-то боги не могут сходиться со смертными существами, пламя в их крови и семени сжигает всех нас заживо, даже их поцелуи для нас смертельны. А вот фамильяров развелось уже множество, и почти каждый обладает как минимум одной волшебной силой, а порой целым букетом. Большинство говорят. Некоторые что-то предвидят. Другие умеют

обращаться в людей, раздваиваться, выдыхать огонь, ходить сквозь стены. Скорфус чувствует и восстанавливает единожды открытые порталы, а его слюна облегчает боль. Но это не единственное и, пожалуй, не главное, на что он способен. И все равно мне есть чем встретить его наглость.

– Уже нет, – хмыкаю я, переваливаясь на бок. Подпираю рукой голову и начинаю внимательно наблюдать, как он избавляется от песчинок в лоснящейся шерсти. – Портал ты открыл и закрыл. Дело сделано. И к тому же...

Внутри что-то сжимается. Я не продолжаю.

Мой гаситель вернулся ко мне.

Вернулся ли?

Монстр глубоко спит, хриплое дыхание почти неразличимо. Я торопливо подползаю, оглядываю его, хватаю за руку – серую, болезненную, едва знакомую руку с обломанными когтями. Поворачиваю запястье внутренней стороной к себе. Стрела там, была все это время. Дальше я спотыкаюсь взглядом о бирюзовое колечко – свой давний, детский подарок, – выпускаю эту уродливую конечность и обессиленно закрываю глаза. Правда обессиленно, потому что именно сейчас, на *другом* воздухе, я понимаю: смотреть на это невозможно, держаться бодро невозможно, соображать невозможно. Реальность, которую я раскрыла своей отчаянной идеей, сомкнулась и срослась. Вот они, последствия. Скоро мне предстоит как-то исправить то, что я натворила четыре года назад, хотя бы попытаться, а еще рассказать об этом правду хоть кому-то. Как минимум отцу. Ему будет больнее всех, но да. Стоит это сделать.

– Так, не реветь, не реветь! – Скорфус пролетает где-то передо мной: крыло нагоняет воздух. – Слушай, ну мы же молодцы, почти все сделали, осталась малость.

– Осталось *очень* много, Скорфус, – возражаю я, с усилием сев попряме и посмотрев на него. – Ты не представляешь. Ты тогда еще не был со мной.

Его это не впечатляет; он только весело кувыркается в воздухе и плюхается мне на колени, чтобы свернуться в клубок. Из черноты почти идеального мехового шара сверкает желтый глаз.

– Зато я с тобой сейчас. И у меня большие планы.

Вздохнув, я привычно чешу его между ушей. Он издает вполне обычное урчание, совсем немного похожее на грохот медных труб. Все это время на Монстра я не смотрю. И не думаю, вообще не думаю о том, что делать дальше. Сонное зелье будет действовать до зари. По крайней мере, я уверена: в ближайшие часы он не проснется.

А когда проснется, будет уже другим. Прежним.

– Пур-р-р-р, – блаженно повторяет Скорфус в который раз. И я снова переключаю мысли на него.

Я нашла Скорфуса, когда мне было плохо – омерзительно плохо. Это случилось на берегу, в вечер, когда я почти ничего не соображала и потому приняла его за обычного кота. Потащила бы я домой фамильяра, зная, что некоторые из них опасны? Не знаю, я не отвечала за себя. А Скорфус, как позже выяснилось, только недавно свалился за борт корабля, на котором к нам добирался, еле выплыл, уснул на пляже среди водорослей. Он родом с отдаленного острова Игапты, где фамильяров-кошек целое племя. Почти все они любят свою землю до умопомрачения: местные их обожествляют как ставленников доброй Гестет. С острова их не выманить, а вот Скорфус – хотя фамильяры не рождаются с клеймами – всегда ощущал себя странником, тем, кому на роду написано путешествовать. Поэтому он пробрался на торговый корабль гирийцев. Но, к сожалению, как оказалось, он не переносит качку, теряет из-за нее ориентацию.

Я нашла его без сознания, мокрым и замерзшим. Окоченелые крылья были так прижаты к облепленному водорослями телу, что я их даже не заметила, приняв за какое-то увечье. Неладное я почуяла, только когда дома он раскрыл глаз и истошно заорал. Впрочем, засыпать и видеть очередные кошмары мне не хотелось, поэтому я отсрочки ради решила выяснить, что за тварь неосмотрительно притащила домой. Мы поговорили. Узнав, что я принцесса, Скорфус мгновенно перевозбудился, без церемоний запрыгнул мне на руки, принялся вовсю тереться, повторяя: «Давай, давай дружить, у нас даже имена похожи, ну давай!» Орфо и Скорфус. Действительно, есть что-то общее. Мой разум был все еще затуманен, по сути, мне было плевать, и я просто сказала: «Давай», чтобы он скорее заткнулся. Потом я легла спать, и он нагло забрался в мою постель. А уже наутро стало понятно: у Скорфуса, пусть в зачаточном виде, есть дар гасителя. Ведь кошмары

я пережила куда спокойнее, чем переживала все предыдущие месяцы, а еще через ночь они кончились.

Да, именно так, месяцы. Мое *наказание* больше не ограничивалось неделями.

Так я узнала, почему некоторые волшебники, не нашедшие гасителей, но подружившиеся с фамильярами, достаточно долго оставались живыми и здоровыми. Я сомневалась, что это светит мне: я нарушила слишком много правил. Но Скорфус дал мне надежду. И – куда важнее – стал другом. Кажется, даже первым настоящим другом, ведь что Лин, что Эвер были для меня *не такими* друзьями. А может, и не друзьями вовсе, я зря использовала это слово, мои чувства к обоим были... чуть иными. Я этого уже не знаю. Не знаю ничего.

– Может, поцелуй? – вкрадчиво спрашивает Скорфус, приподняв голову.

– Что, прости? – уточняю я, недоуменно глядя в его хитрый глаз. Решив, что поняла, склоняюсь чмокнуть это наглое недоразумение в темя.

– Нет, нет, не меня! – Он тут же уворачивается.

– Тогда о чем ты? – Теперь чую неладное.

– Ну, одно из правил, – не унимается он, расплываясь в ехидном оскале. – Поцелуи всегда работают.

Вот же маленький уродец.

– Угу, только нигде не уточняется, *как именно* в каждом конкретном случае они работают, – мрачно напоминаю я, передернув плечами. В волосах спящего Монстра уже нет червей: пришлось вынуть всех по одному, потому что тащить их с собой было нельзя. Зато на уродливое лицо успел сесть какой-то не менее гадкий жук. Сбиваю его щелчком. – Хотя, если хочешь, можешь попробовать, я не осужу никакие твои предпочтения, я вообще не осуждаю своих друзей.

– Я не... – начинает он, но сам хлопает себя лапой по рту. – Ну да, ну да. Ирония.

Какое-то время мы сидим молча, потом Скорфусу это надоедает, и он слетает с моих колен. Лениво идет к Монстру, запрыгивает уже ему на грудь, выпрямляется там, расправив одновременно крылья. Спина выгибается дугой. Есть в этом что-то хищное.

– Точно нет? – спрашивает он, неестественно, под очень сильным углом вывернув голову, чтобы на меня посмотреть. Серьезно,

ненавижу эти его выходки в духе «Я бог».

Снова пожимаю плечами, а потом делаю жест «Мой рот защит и не годится для поцелуев».

– Тогда лучше тебе отвернуться. – Весь Скорфус, но особенно его глаз, хребет и когти, начинает светиться слепящим золотом. – Я серьезно. И это... хорошо, что ты его усыпила. Правда. Все, давай, отворачивайся.

О подобном он просто так не просит. Я слушаюсь сразу, но все же успеваю заметить, как его силуэт растет, как перекачиваются под шерстью обычно незаметные мышцы. В воздухе что-то начинает потрескивать и гудеть, по отдаленному морю пробегает тревожный громкий плеск, тут же, впрочем, утихнув. А вот по телу бежит знакомый колючий озноб, и приходит внезапное желание – выкопать себе ямку в песке, переждать все там. Вместо этого я просто подношу к глазам ладони и прижимаю как можно крепче, ведь золотое сияние уже режет глаза.

Меня нет. Я ни в чем не участвую. Я ни за что не отвечаю. Я спряталась.

Но от звука, с которым звериные когти обдирают чужую кожу, пытаюсь отыскать под ней прежнее обличье, спрятаться сложнее.

Принцесса

Все стало меняться, когда мне исполнилось двенадцать. Я не сразу это заметила: слишком радовалась, что у Лина наконец появились *еще друзья*, и, может, поэтому не приглядывалась к ним пристально. К тому же я не разрешала себе забывать простую правду: Лин – принц. Будущий король. И далеко не всем, что происходит в его жизни, он должен делиться со мной.

Мы правда сблизились больше, когда Эвер догадался о его зависимости. И Лину правда повезло: он сумел оставить зелье в прошлом без посторонней помощи, тем более без козьей мочи. Мы приучили его вслух говорить простые слова: «Мне тяжело и плохо». Делиться дурными снами. Он рассказал почти обо всем, через что мама проводила его за войну, – о трупах с развороченными ранами, о пленных на виселицах, о красном платье, летевшем на ветру, о словах в день перемирия: «Я слишком люблю тебя, чтобы оставить». И еще много разного. Страшного. Мы слушали, и я удивлялась тому, как Эвер владеет лицом. Ведь Лин повторял в том числе все проклятия, которые мама обрушивала на Физалию.

Пары зелья мы заменили на пары обычных эфирных масел – постепенно Лин привык нюхать пихту, лаванду и вербену, чтобы успокоиться, а иногда натирал ими виски. Мы начали совершать вечерние пробежки у моря, а еще завели несколько ритуалов – например, перед каждой важной встречей с папиными придворными я сама надевала Лину кольца на пальцы, а Эвер проговаривал примерные планы того, куда может свернуть беседа. Мы нередко встречали Лина и провожали, порой нам даже удавалось напроситься его сопровождать – обо мне еще не говорили как о будущей придворной волшебнице, но до этого было недалеко. Папа ведь впился в идею. Ему теперь казалось, что мы придумали все гениально: близость волшебницы и гасителя не позволит Лину повторить мамины ошибки. Наверное, брат вообще теперь чувствовал больше поддержки, чем прежде. Меньше одиночества. И ему не нужно было зелье.

Но вдруг оказалось нужно что-то еще, чего мы дать не могли. Шторм продолжался.

Лин менялся на глазах, очень быстро вырослел. Лицо твердело, волосы становились пышнее, руки сильнее. Его красота теперь притягивала даже мой взгляд, он начинал говорить увереннее, а слушать его начинали с большим интересом. Порой, красуясь, он повторял странные философские тезисы Эвера – например, вот тот, про трудные и легкие пути, – но Эвер не обижался на эти кражи, только невинно уточнял: «Понимаешь ли ты все, что говоришь?» Лин смеялся и твердил одно: «Что бы я без тебя делал». Переводил взгляд на меня, добавлял: «И без тебя».

Но вскоре оказалось, что без нас он может делать очень много. И будет.

Двадцать королевских лет отца истекали через четыре с половиной года. Все его патриции, командующие, эпистаты^[7] и прочие большие люди уже понимали: пора занимать места *впрок*. Новый король, конечно, продолжит курс старого, все будет нормально, но... новый король точно захочет новых лиц в ближнем окружении. Молодых лиц. И лучше, если эти лица будут свои.

До пятнадцати лет с Лином дружили менее рьяно – ну, точнее, к нему по-настоящему не навязывались. Он общался с детьми как знати, так и прислуги, он влюблялся в дочерей как патрициев, так и поваров, на днях рождения и больших праздниках вокруг него вертелись толпы юношей и девушек. Но никогда раньше они – прежде всего, богатые, конечно, – так не старались задержаться рядом, обратить на себя его внимание, оттеснить других. Не дарили таких дорогих подарков, не напрашивались на танец, не звали то на охоту, то на скачки, то на какое-нибудь еще состязание. Мне все это казалось гадким. А вот Лину, прежде довольно замкнутому и застенчивому, теперь, кажется, льстило внимание. И, наверное, он боялся, что подведет отца, если не станет... как там называет это Скорфус... «более социально удобным», что бы это ни значило.

Одна из Кошмарных недель прошла для меня особенно сложно, в нее у меня еще началось женское кровотечение, – и все это время Эвер носился со мной. А когда оба мы, порядком потрепанные, вновь вылезли на свет, то оказались перед свершившимся фактом: у Лина появилось что-то вроде постоянной, не отходящей от него почти ни на шаг компании. Человек восемь юношей и девушек его возраста и

возраста Эвера. Шумные, резкие и мнящие о себе так много, будто родились от королей.

В честь моего выздоровления Лин потащил и их, и нас на берег, чтобы вместе поужинать у воды. Они оглушительно смеялись, много пили, неаккуратно – в основном руками! – ели, говорили друг другу постельные пошлости и постоянно швыряли друг друга в воду. А еще они странно смотрели на нас. Нет, никто не спрашивал, что мы делаем рядом с Лином, но этот вопрос читался, и разговоров между ними и нами все никак не получалось. В следующий раз Лин пошел гулять с друзьями один. А еще через несколько дней, в дождь, попросил нас куда-нибудь исчезнуть. Ну, пока он посидит в экседре с этими ребятами.

– Будете играть в петтейю? – с надеждой спросила я. С нами Лин не играл давно.

– Нет, – небрежно ответил брат. – Это же скучно.

– А во что тогда? – Я не стала спорить, хотя и растерялась. Петтейю Лин всегда любил, особенно сложные комбинации вроде гамбитов, которым научился у папы и Эвера.

– Будем просто разговаривать, – пояснил брат все так же равнодушно. – Об оружии. И о лошадях. Тут мне подарили жеребенка, помнишь?.. Надо обсудить, как его воспитывать.

– А чем тебе помешаем мы? – совсем удивилась я.

И в оружии, и в жеребятках мы разбирались не хуже, а где-то и лучше Лина. И между прочим, оба, в отличие от него, носили оружие, что ковалось из настоящего, могучего Святого железа с горы богов. Мое еще и Фестус выковал! Лин пользовался обычным: Святое дается не всем, не сразу. Чтобы овладеть мечом, секирой, перчаткой, чем угодно из него, пусть даже не живым, металл должен сам тебя выбрать. С царственными особами это рано или поздно происходит, но вариантом Лина, видимо, было «поздно» – еще одна вещь, из-за которой он сердился и переживал. Конечно, он мечтал короноваться – а коронуемся мы всегда с оружием – с великолепным двуручным мечом себе под стать. Чтобы обрести его, брату оставалось четыре года. Пока все живущие в замковой оружейной мечи наших предков и великих героев глубоко его презирали.

Лин смутился. У него забегали глаза. Он посмотрел на Эвера, снова на меня, отвернулся к столу, на котором стояли кувшин с вином

и некоторое количество кубков, и тихо ответил:

– Вообще-то, ты, Орфо, можешь остаться. А вот *ему* придется ненадолго уйти.

Не говори о нем так, будто его тут нет. Лин забыл правило. Забыл!

Меня словно прошила холодная иголка с ниткой – я даже рот открыла. Беспомощно посмотрела на Эвера и сразу заметила то, что всегда меня страшило и расстраивало, – как застыли его глаза и как еще сильнее побледнело лицо. Сжались губы. Чуть ближе сошлись у переносицы брови. Но удивленным он не выглядел. Совсем нет.

– Понятно, – только и сказал он, бесшумно развернулся и вышел. А я, не подумав и секунды, побежала за ним. Брат меня не удерживал.

Дойдя до угла коридора, остановившись и присев в самой большой оконной нише, Эвер стал задумчиво смотреть на дождь. Он был... таким, не знаю, как описать это, но очень несчастным. Я опустилась рядом, и наши колени соприкоснулись. Я было потянулась к его руке, но она задрожала, что напугало меня еще больше. Какое-то прошлое вернулось. Что-то, от чего я отвыкла и не собиралась привыкать назад. От этого во мне зашевелилась злость.

– Почему он тебя... – Я не смогла произнести слово «выгнал». Это было бы унижительно. Унижительно даже в отношении раба или слуги. У нас так не делали.

Эвер очнулся и тепло посмотрел на меня. Как и всегда в дождь, его глаза казались еще ярче.

– А ты как думаешь? – только и спросил он, но я упрямо пожала плечами.

Такого никогда не было. Мы же дружили. Такого не было, даже пока Лин скрывал от нас правду о зелье. И это не говоря уже об *изначальной* причине, по которой Эвера приставили к нам. Лин не только обижал нас, но и пренебрегал страхом отца за его жизнь. Нарушал запрет, оставляя волшебника и избавляясь от гасителя!

– Орфо, – Эвер прервал тяжелую тишину, – все эти ребята, с которыми он общается, очень разные. Совершенно разные. Но их объединяет одно: как и большинство гирийцев, они считают, что гасители – ниже, чем рабы. Такие... придатки к волшебникам.

– Неправда! – возмутилась я. Теперь, через несколько лет нашего знакомства, я и не вспоминала мерзкое слово «обслуга», не говоря уже

о чем-то упомянутом в законе. Эвер покачал головой и прислонился к окну. Казалось, он пытается спрятать взгляд.

– Так или иначе, в их представлении мне нельзя находиться в комнате, где король и его... Боевое Братство разговаривают.

– Боевое Братство, – прошептала я. Не такой Круглый стол, или как там это называется, я представляла. – Он, значит, рассказал тебе о своей детской мечте?..

– Да, – просто ответил Эвер. Помедлил. – Пару лет назад. – Вздохнул. – И сказал, что я обязательно буду в Братстве тоже, но, видимо, нет. Я ведь еще и физалец, а среди его... друзей есть «дети героев». Те, чьи семьи погибли в той войне. Боюсь, это важно.

Я чуть не заскрежетала зубами. «Дети героев»! Что-то вроде золотых сироток, ну да. Целых пятеро в любимой компании Лина были именно из таких: без отцов и матерей, но с огромными пособиями и привилегиями. Конечно же, им не хотелось видеть Эвера, это даже можно было немного понять, но... но... Лин! Почему Лин уступил им, а не нам? И разве не его задача как короля – всех подружить и помирить?

– Ты что, Орфо? – Эвер спросил так мягко, будто это меня сейчас выбросили в мусор.

Я сглотнула, сжимая и разжимая кулаки. Мне захотелось обнять его, крепко-крепко, а потом побежать в экседру к брату и надавать ему с десятков пощечин, а то и вызвать на поединок. Мы уже оба неплохо сражались. Не дотягивали до Эвера, особенно когда он хватал любимое оружие – когтистую железную перчатку для правой руки и ловкий хлыст для левой, – но все же многого достигли. Я даже спрыгнула с подоконника, но Эвер тут же посмотрел на меня усталым взглядом: «Не надо, ничего не надо», и я приросла к месту. Ему было плохо. Я не могла его оставить.

– Это неправильно, – только и сказала я. От слов кололо в груди.

– Может, это и не повторится. – Он словно пытался утешить и меня, и себя. – Посмотрим. У всех бывают такие годы, годы, когда хочется, чтобы тебя... приняли?

Годы шторма. Но как смеет шторм *принца* быть таким грязным и гадким?

– Его и так примут! – Я топнула ногой. – Он же будущий король!

Эвер смотрел с грустью. Теперь он точно жалел меня, не себя.

– Это разное. – Больше он тему не развивал. – Давай просто забудем. Не расстраивайся. Хочешь сыграть в петтейю?

И мы играли до позднего вечера, играли, а из соседней экседры даже сквозь толстый камень долетал гогот короля и его Братства. Не знаю, что они там правда обсуждали, но я дергалась, постоянно дергалась, а Эвер, наоборот, оцепенел. Мы мало разговаривали, уничтожая фигуры друг друга. Наши партии были долгими и неторопливыми. Меня не оставляло ощущение: все неправильно. Нельзя поддаваться. Я вглядывалась в Эвера, в его сосредоточенные глаза и гадала, что он чувствует. Но он прятал это так же ловко, как играл.

На следующий день Лин завтракал с нами как ни в чем не бывало. Это выразалось в двух вещах: он был очень мил и он даже не думал просить прощения или что-то объяснять. Он просто вычеркнул свое предательство из памяти. Или, по крайней мере, сделал вид. Эвер тоже ничем его не попрекнул. Я кипела и ерзала: как так? Друзья так не поступают. Друзья не врут.

После завтрака я надевала брату кольца – шесть, с разноцветными камешками. Он сидел в кресле, неподвижный, прямой, с вытянутыми мне навстречу руками и смотрел, кажется, куда-то на мой лоб.

– Зачем ты обидел нас? – не удержавшись, спросила я, когда нацепляла на большой палец его левой руки перстень с крупным лимонным янтарем. Знак спокойствия.

– Обидел? – Он недоуменно посмотрел мне в глаза. – Когда?

– Вчера. – Я взяла маленькое колечко с крупным рубином и надела ему на правый мизинец. Знак красноречия.

Лин задумчиво пошевелил пальцами:

– Не понимаю.

– Все ты понимаешь! – От злости я попыталась нацепить малахитовое колечко для безымянного пальца – знак твердости – ему на указательный. Он поморщился. – Ты... ты прогнал нас!

– Только его, – мягко возразил Лин.

Я надела кольцо на правильный палец и взяла следующее, сапфировое. Знак чуткости. О которой брат будто забыл.

– Эвера.

– Эвера. – Он кивнул, подставляя мне средний палец левой руки.

– Так почему? – Я надела кольцо, с отвращением чувствуя: моя рука дрожит. – Почему?

– Ну... – Он помедлил. Все его пальцы тоже словно бы свело судорогой. – Мне просто показалось, компания ему не понравилась. В прошлый раз. Он сидел такой строгий, не играл с нами, не бросал девчонок в море и не... щупал их, отказывался от вина...

– Это потому что он взрослый! – Я даже вспыхнула, схватила большое кольцо-веночек с яшмой и нацепила на второй его большой палец. Знак удачи. Хорошо бы не сработал.

Лин странно скривился – то ли угадал мои мысли, то ли обиделся на слова.

– Мы тоже уже не дети. Выглядело это так, будто он... ну, он...

– Что? – Тут я почему-то похолодела. Взяла последнее кольцо, с большим круглым лазуритом, сжала между ладоней. Оно было холодным. Это немного отрезвляло.

Лин опять посмотрел мне прямо в глаза. Слова упали тяжелее камней.

– Будто он считает себя лучше нас. Умнее. Выше. Так сказали ребята.

– Что?! – повторила я уже яростнее, сунула это последнее кольцо – знак долголетия – ему в ладонь и резко встала. – Лин, ты с ума сошел? Давай начнем с того, что он *правда* взрослее тебя. И взрослее твоих взрослых друзей. Да, ему столько же, сколько им, но то, что он пережил...

– Возможно, мне только кажется, – поспешил отвертеться Лин. Он глядел на меня снизу вверх с заметной опаской. И не зря: я вполне могла бы дать ему в нос коленом. Удивительно, как я еще держала при себе волшебство.

– Конечно, кажется, – грозно подтвердила я.

Он повертел кольцо в пальцах и все же надел. Когда он встал, это было какое-то усталое, натужное движение. Он даже плечи не смог нормально распрямить, из-за чего показался ниже.

– Вот именно потому, что я не хочу об этом думать и это обсуждать, будет лучше, если Эвер и мое... Братство будут меньше пересекаться. Со временем, думаю, они привыкнут друг к другу. Но пока... – прозвучало почти умоляюще.

– Это гадко. – Я покачала головой. – То есть... – Тут я задумалась. – Может, это и разумно, но ты все устраиваешь неправильно. Ты не должен именно *прогонять* его!

– Да. – Отрицать он не стал, и я обрадовалась. – Тут ты права, малыш.

Вид у него был вроде не злой, а, пожалуй, даже смущенный, и это меня немного успокоило. Может, Эвер прав. Может, все это одно большое штормовое помутнение, которое не повторится. Конечно, брат рисовался перед новыми друзьями, особенно перед девочками. А еще, наверное, побаивался, что такой красавец, как Эвер, будет отвлекать на себя внимание! Правда ведь... даже за тем злосчастливым ужином у моря я замечала, *как* они посматривают на моего гасителя. Так смотрят на красивые вещи за стеклом, которые очень хотели бы потрогать.

– Ну так обещай больше подобного не делать! – немного успокаиваясь, примирительно потребовала я. – Если уж собираетесь куда-то без нас, просто собирайтесь потише. А не так, что ты с нами, а потом заявляешь: «Слушайте, ко мне идут друзья, а вы сгиньте».

– *Ты*, Эвер, – с явным облегчением поправил Лин и попытался потрепать меня по волосам. – И не «сгинь», а «удались, пожалуйста, ненадолго, тебе все равно с нами скучно». – На этом я бы совсем утихла, но, то ли подлизываясь, то ли дразнясь, он вдруг куда более серьезным, даже жестким голосом добавил: – Тебя я бы никогда...

Тебя. Он словно разделил нас с Эвером чертой. Зачем, почему?! Никто не смеет нас разделять! И папа, как же папин страх?

– Меня это не устроит, – снова всплыв, отрезала я, и рука Лина замерла на моей макушке. – И вообще... ты что такое творишь? Эвер рядом с тобой, когда рядом я, не просто так, а для твоей же безопасности! – Я отчеканила почти по слогам: – Я *волшебница*. Он *гаситель*. *Мой*.

Казалось, я говорю очевидное, то, что он должен держать в голове и сам, ведь почти взрослый тут он, а не я. Но лицо его, по мере того как он слушал, снова становилось... странным. Я не могла описать это выражение, но определенно там проступала обида. И более того, недоверие, почти злость. Пальцы чуть сжались. Моим волосам стало больно.

– Я помню, поверь. Но иногда мне кажется, – медленно начал он, прежде чем я выпалила бы еще «Так что либо вместе, либо никак!», – что все это надуманные глупости.

– Риск твоей гибели? – опешила я. – То, что волшебники веками сходят с ума, как наш прадед? То, что, если я убью тебя, папа, возможно, тоже погибнет, потому что останется без наследников?

Это просто не укладывалось в голове. Нет, я все еще не чувствовала себя сумасшедшей, менструация усилила мой дар, но не ослабила пока разум, и все же... Я, наверное, выросла. И все более ответственно относилась даже к тени риска, который могу нести для брата. А он?

– Признайся, – не отреагировав ни на один довод, Лин вдруг неприятно улыбнулся, – ты ведь тоже так считаешь. Хотя бы немножко.

– Как? – Я не поняла: потеряла мысль. Он наконец опустил руку и медленно отступил на шаг. Кольца блеснули пестрыми камнями.

– Что он лучше меня. – И это тоже прозвучало серьезно, обиженно, почти грубо.

– О боги! – Я топнула ногой, у меня уже глаза на лоб лезли от того, до чего мы договорились. – Лин, что ты несешь? Вы... разные. И люблю я вас тоже по-разному.

– А как ты любишь его? – быстро, вкрадчиво спросил Лин. Я совсем опешила.

– Чего?..

Но тут он быстро сдал назад.

– Нет, нет, ничего такого. Прости.

Я запоздало заметила, что лицо у него горит. Неужели застыдился наконец своих домыслов, выделываний, дурацкой ревности? Слава богам! Еще несколько секунд между нами висело душное молчание. Казалось, солнце из окна светит все ярче, но это было неприятно.

– Обещай больше не обижать нас, – тише, мягче повторила я. Оба мы понимали: я имею в виду «не обижать Эвера». Но Лин кивнул без колебания.

– Конечно, малыш. Обещаю.

Но он продолжил – нет, все постепенно становилось хуже. Уводить и приглашать компанию он действительно начал так, чтобы мы не сталкивались с ней, просто это ничему не помогло: с Братством

он теперь проводил почти все время, которое не отнимал отец. Более того, Братству он явно стал рассказывать какие-то секреты. Посвящать их в свои королевские планы. Обещать что-то – должности, награды? Я угадывала все это по их самодовольным лицам и щенячьим взглядам. Угадывала по тому, как наряжаются в яркие туники и открытые платья девушки: они уже явно боролись за *другое* внимание Лина. Быть королевой Гирии ведь не хуже, чем королем. Супруги равны. Каждому подчиняется половина войск, каждый назначает половину патрициев и судей, каждый распоряжается половиной казны, у каждого свои советники. Я рассматривала этих девчонок – ловких, быстрых, пестрых. Вглядывалась в их глаза и... переживала. Они все казались мне безответственными, пустыми и жадными. Моя мама хотя бы – до того как потеряла рассудок и начала войну – была умной и целеустремленной. И любила цветы и театр, а не выпивку и гулянки.

Страхами я делилась с Эвером: все-таки он уже тоже считался гирийцем, и я не сомневалась: его тревожит судьба трона. Но, как ни странно, здесь он оставался спокоен, все, что я от него слышала, было: «Не волнуйся. Он не будет сейчас выбирать королеву, это все игры». Эвер говорил безрадостно. Глухо. Задумчиво. Постепенно я перестала жаловаться на девчонок: поняла, что у него свои поводы для тревог. И немаленькие.

Даже когда друзей не было, Лин с нами больше почти не ел – а однажды, когда Эвер заспался, попытался позвать меня за стол одну. Он совсем перестал играть с нами в петтейю и ушел учиться драться к другому наставнику – напросился к самому киру Илфокиону. Когда я спросила почему, брат отшутился: «Тоже хочу иногда побеждать. Может, Святое железо меня наконец полюбит?» – вот только в глазах сверкало не лукавство, а раздражение. Потом Лин пропустил мой день рождения – не стал отмечать с нами, в то утро они с друзьями взяли корабль и до ночи ушли на ближний остров нырять за жемчугом. Но окончательно я поняла, как все ужасно, позже – когда, поприсутствовав на каком-то очередном важном мероприятии с отцом и обронив там слова: «Всякая любовь – в той или иной мере рабство», брат огрызнулся на привычный шуточный вопрос Эвера:

– Понимаешь ли ты то, что и почему цитируешь?

– Понимаю лучше тебя, – бросил Лин, и, хотя тут же, побледнев, стал извиняться, я знала: Эвер не сможет этого забыть.

Он по-прежнему скрывал, как расстраивается. Он держался так, что я просто не могла его встряхнуть и спросить: «Ты точно в порядке?» И мы молча продолжали жить, стараясь делать вид, будто все как раньше. Я училась драться и делала успехи в науках, я обрастала большим количеством колец и куда лучше управлялась с силами. Меня расстраивало, что я вроде расту, но не становлюсь красивой – не похожа на девчонок Лина. У меня появилась грудь, но ее форма мне не нравилась, мои длинные ноги казались тощими, словно у кузнечика, лоб и подбородок шли иногда гадкими розовыми бугорками, от которых приходилось спасаться масками из кислого молока. А еще были чувства. Я справлялась с ними хуже, чем раньше, могла начать кричать и топтать ногами почти на ровном месте. В такие дни по комнате летали предметы, кувшины взрывались, слуги разбегались. Папа говорил, это нужно просто пережить. Эвер говорил, что все не так плохо. Шторм есть шторм.

На него одного я не срывалась – где-то в моем рассудке всегда существовал уголок, полный сочувствия. Я еще не все вещи умела называть своими именами, но кое с каким понятием у меня проблем не было. Я знала, что такое гордость. Я знала, что такое уязвленная гордость. Почти сразу, как Эвер появился, он стал в замке *своим*. Папа воспринимал его почти как второго сына: порой одаривал и хвалил именно так, доверял ему, возлагал на него надежды и ни разу не напомнил о прошлом. От статуса раба Эвера избавили в первый же год жизни со мной. Он все это ценил и держался за это. Думаю, за четыре года он привык к своему... положению и стал воспринимать как должное. Отец оставался на его стороне и теперь, я тоже.

Но с Лином происходило то, что происходило. А я не понимала, как это опасно.

Он все маялся на распутье – и это было невыносимо. Порой, когда, например, брат с компанией отдыхал в одном уголке пляжа, а мы в другом, я замечала: члены Братства косятся на нас и шепчутся, показывают на Эвера пальцем. Лин в такие минуты выглядел хмурым. Вскоре после того как шептание заканчивалось, брат спешил к нам, здоровался, заискивающе улыбался. В пустой болтовне проводил рядом минут пять и спешил назад. Это было гадко. В один из *последних* дней, взбешенная, я кинула ему песком в лицо, будто

вернулась в пятилетний возраст. Лин среагировал довольно странно: долго и пристально глядел не мне, а Эверу в лицо и наконец велел:

– Следи получше за нашей малявкой.

«Малявка». Не «малыш». Когда Лин шел прочь, я уставилась ему на лодыжки. Он упал.

За своей крепнущей злостью я не видела самого важного: во что постепенно превращается грусть Эвера. Мне казалось, он-то спокоен, спокоен, как всегда, пусть и огорчен. Что он очень гордый, настолько гордый, что буйства дурацкого мальчишки – Лина – переживет, перетерпит, пока брат не образумится. Сам ведь говорил: «Всем иногда хочется быть принятыми. Шторма кончатся». Сам не лез ссориться. Сам брал меня за плечо и удерживал, не давая ударить Лина, и просил не применять к нему сил. На Эвера я равнялась. И может, поэтому сделала то, что сделала, когда он сломался.

Я-то уже была сломанной.

В тот день снова лил сильный дождь. Лин разбирал бумаги с отцом, я скучала в своей комнате одна – Эвер куда-то делся. А потом волшебство – моя интуиция – буквально подбросило меня в кресле, сердце заколотилось так болезненно, что я испугалась: вдруг умру? Во рту пересохло, перед глазами замелькали размытые картинки: силуэты людей, в смутно знакомом серо-синем месте. Пляж. Бухта. Какие-то черно-красные пятна на камнях. Непонятно чем напуганная, я вскочила, вылетела в коридор, а оттуда понеслась по лестницам.

С улицы я слышала шторм.

Мне нужен был выход на крепостную стену, а там – спуск к морю, вырубленная в скале тропа, по которой мы с детства ходили купаться. Мне попадались слуги, но я всех сметала с пути, не силой, только словами: «Мне надо!» К таким моим выходкам привыкли, никто не останавливал меня, не задерживал, и на первых ступенях спуска я оказалась быстро. Насколько быстро, что застала минуту, когда картинка была еще серо-голубой. Покрываться красными пятнами она начала, только когда я уже неслась вниз.

Там, на пляже, несколько цветных фигур – три парня и одна девушка – обступили белую. Эвера. Я видела, что они кидаются на него, я видела, что он отбивается, и точно знала: это не игра. Двое в какой-то момент повалили его, попытались прижать к песку, но он освободился – и в воздухе блеснул металл. Грудь одного из

нападавших стала красной, он отлетел и больше не встал. Трое снова бросились. Я завизжала, но за дождем и шумом волн меня никто не услышал.

Я застыла посреди лестницы, не чувствуя тела: ни ледяного ветра, ни дождя на коже. Я не понимала, бежать мне назад и звать часовых, которых я совсем недавно видела в приморском крыле, или, наоборот, поспешить вниз, попытаться самой всех их разнять. Мои глаза просто не верили картинке. Мое сердце тоже.

– Эвер! – закричала я, но опять он меня не услышал. Никто не услышал.

Я решила и побежала вниз что есть сил. Волосы липли к щекам, камни были скользкими и сыпались, дважды я упала, чудом разбив только колени и локти. Лестница никогда не казалась мне такой длинной, с Лином мы преодолевали ее минуты за три! Местами она петляла, тогда пляж пропадал с глаз и я начинала паниковать, потому что каждый раз, как панорама снова открывалась, крови на песке становилось больше. За влагой, застывшей глаза, я даже не могла понять, чья это кровь. Я больше не кричала, а вдохи отзывались в ушах жалкими хрипами. В боку колело, будто там кто-то разбил на осколки большую ракушку.

На последней ступеньке я снова свалилась на четвереньки на песок – но тут же вскочила.

– Эвер!

В ответ обрушилась тишина, чудовищная природная тишина, где из звуков остались только шелест дождя и рокот прибоя. Ни криков. Ни лязга оружия. Ничего человеческого.

Яростно вытирая кулаками глаза, я сделала несколько быстрых шагов. Эвер стоял впереди – стоял один, тяжело дыша и сжав правый кулак, а вокруг валялось четыре тела. Разобрать, где среди стесанных лиц и распоротых грудных клеток девушка, едва получилось. Все были мертвы – а я их всех узнавала. Кирия, чьей роскошной каштановой гриве я завидовала. Гефу и Гофу, два брата-близнеца с клеймами ломателей. Аколлус, поджарый, плечистый, лучший мечник среди друзей Лина. Все – «дети героев». Это они частенько смеялись, поглядывая в нашу сторону. Это перед ними Лин сильнее всего старался выглядеть взрослым, независимым и презирающим как

мелких девчонок, так и жалких гасителей. Они мне не нравились. И Эверу не нравились. Но...

– Что ты наделал? – прошептала я. Голос был хриплый, в нем дрожали слезы. – О боги, Эвер, что ты на...

Он молчал. Его волосы, белая одежда, красивое лицо – все было в алых подтеках, а на руке я видела железную перчатку, большую, чудовищную, с раздвижными когтями. Он носил ее с собой всегда в последнее время. Похоже, он переживал сильнее, чем я думала, похоже, его гордость больше напоминала гордость мамы, проигравшей войну с физальцами. Похоже, он не выдержал. Я задрожала. Впервые в жизни я не оцепенела, а задрожала.

– Орфо, – хрипло позвал он. Поднял свои *медленные* глаза. – Орфо, не кричи, я все могу...

И он сделал ко мне мягкий широкий шаг. Как всегда, когда хотел утешить или подбодрить, как всегда, когда мы здоровались перед тренировками, как всегда, когда я опаздывала к завтраку. Обычный дружеский шаг, и раз за разом, много лет подряд, я делала свой – навстречу. Но теперь Эвер точно был не собой в этих красных пятнах, не собой – с этими окровавленными когтями, не собой – его глаза в дожде горели невыносимой бирюзой. Поэтому я шарахнулась, загородилась руками и завизжала только громче:

– Не подходи!

Нет, нет, нет... ты не мой Эвер. Не мой. Может, мои губы даже шептали это. Я не могла, не хотела смотреть на него. Я боялась увидеть какое-нибудь чудовище.

– Орфо, – позвал он снова. Споткнулся об одно из тел, раздавил ему пальцы новым неосторожным шагом. Я, всхлипнув, отпрянула еще дальше. – Орфо, посмотри на меня, я клянусь...

– Что ты наделал? – повторила я в третий раз. Он подошел ближе и протянул руку, она вся была красной и... – ИСЧЕЗНИ, ИСЧЕЗНИ, ИСЧЕЗНИ!

Это тоже был мой голос, мой визг, а в следующее мгновение я что-то сделала. Вскинула руку – и сам воздух схватил Эвера за горло. Махнула влево – и его с хрустом ударило о скалу, вдавило в нее. Начала поворачивать кисть, как если бы держалась за круговую ручку двери, – и он закашлялся, дернулся, а его металлические когти и

живые пальцы проскребли по камню. Я напала на него. Напала и уже знала, что не остановлюсь просто так.

– Орфо... – просипел он. Взгляд не отрывался от меня. И наполнился страхом.

Наверное, он вспомнил моего прадеда. Я не помнила ничего.

– Ты убил их, – прошептала я. В груди ужасно пекло. – Ты убил их, ты сумасшедший...

А ведь сойти с ума должна была я, он – меня убить. Не наоборот.

– П-послушай... – пробормотал он, но это было еще глуше, чем оклик; я все поворачивала и поворачивала кисть, хотя ее уже свело, а уши заполнял хруст, дикий хруст костей. – Орфо...

Да, я напала, но я не понимала, что делаю и что хочу сделать, – наверное, причина в этом. Я крутила рукой, надеясь так вывернуть и выжать свою боль и ужас. Я снова и снова думала о маме, которой всюду мерещились враги. О безумных волшебниках, о гасителях, которых закон делал рабами – ну конечно, они не могли терпеть это, многие не могли, Эвер точно. Он отомстил Братству. Как он мог не отомстить, как мог не понимать, что, заняв важные должности при Лине, они ополчатся против него еще сильнее? Как мог забыть обещание «Ты будешь среди них», как мог забыть свое молчание о наркотическом зелье и свое бесконечное терпение? Я понимала его. Он терпел слишком долго, терпел все, даже подлости. Но он не имел права на то, что сделал.

– Предатель! – Всхлипнув, я сжала кулак.

Казалось, так я на пару секунд остановлю сердце Эвера, лишу его сознания, а дальше можно будет позвать целеров. Но этого не происходило: он, вжатый в скалу и зависший над песком, продолжал отчаянно на меня смотреть, корчась от боли. Кости трещали, глаза жгли меня, а я плакала, стискивала кулак все сильнее и пропустила момент, когда по груди Эвера начало расплзаться первое черное пятно. От этого он вскрикнул, странно выгнулся, забился, как животное в силке. В тот же миг вокруг его силуэта образовалось что-то вроде толстого пылающего красного контура, а по плечам побежали искры, целый дождь злых маленьких искр.

– Орфо... – позвал он снова. Второе черное пятно начало расплзаться на его щеке.

Ты убиваешь меня. В полных ужаса глазах читалось это, рот перекашивался, пальцы продолжали царапать стену – ногти уже стесались в кровь. Я это видела, я чувствовала: что-то идет не так, но остановиться не могла. Вместо этого я, точно меня подтолкнули, резко вскинула и вторую руку, тоже выкрутила кисть, сжала кулак – и задохнулась от боли во всем теле.

Боли и злого, безнадежного, бессмысленного торжества.

Раздался оглушительный взрыв. И сдавленный, полный страдания вопль.

Я до сих пор не знаю, что это было – взорвалось ли мое сердце, или волшебство внутри меня, или что-то там, снаружи, в том месте, куда... куда Эвер провалился. От взрыва я, крича, упала, зажмурилась на несколько секунд – а когда открыла глаза, окутанная красным огнем скала медленно гасла. На камне и песке под ним осталось только несколько кровавых пятен. Эвера не было, не было нигде, и я не нашла его, подскочив и ощутив место, где он висел. Не было следов, которые подсказали бы, что он убежал, не было ниш, в которых он мог бы спрятаться или куда мог бы упасть его труп. Я знала эти прибрежные скалы, высокие и щербатые, как свой шкаф.

Я едва двигалась, едва дышала: ребра болели, будто я их повредила; разбитые локти и колени кровоточили так, будто ссадины там были очень глубокими; вены вздулись. Очень быстро я устала искать на песке, обшаривать скалы, шептать: «Эвер, Эвер» и вернулась на место, где он меня встретил. В большую пропитавшую песок лужу крови. В точку между четырьмя трупами. Села там. И закричала, закричала во всю мощь легких уже другое имя:

– ИЛФОКИОН!

Так меня и нашли.

Трупы были изодраны перчаткой, которую стража не раз видела, – потому никому в голову не пришло подозревать в бойне меня. А у меня не хватило мужества признаться в том, что я сделала, и на вопрос: «Где твой гаситель?» – я сдавленно солгала: «Думаю, он сбежал». То же я повторила и отцу. Я понимала, что разбиваю ему сердце, но хотела разбить чуть менее болезненно, чем словами: «Это я его убила». Он, конечно, не плакал – он никогда не плакал. Но с того дня лицо его почти всегда было чернее тучи. Как и лицо Лина. Те крупницы радости,

которые оба они смогли вернуть себе после потери мамы, пропали снова.

После того дня общаться мы с братом перестали – теперь он почти всегда прятался от меня за Круглым столом. Для подданных наши узы короля и придворной волшебницы были уже решенным вопросом, но в действительности все складывалось совсем иначе, иллюзию мы поддерживали только ради папы, и получалось неважно.

Ведь брат, в отличие от него, что-то подозревал.

Он подозревал даже больше, чем правду. Он подозревал вещи хуже, чем правда, и я до сих пор не понимаю, откуда это взялось в его голове. Возможно, ее набили всякой дрянью оставшиеся члены Братства, предубежденные против волшебства. Возможно, он придумал историю сам, видя, как я плачу и заикаюсь. Впрочем, о существовании этой истории-у-Лина-в-голове я узнала только несколько лет спустя. Когда в Гирии случился очередной черный мор, приходящий раз в несколько лет, и изуродованный язвами, задыхающийся брат умирал на моих руках.

Он заразился, когда посещал больницу и подбадривал, награждал, благодарил трудившихся там медиков. Я не заразилась: волшебство давало мне неплохой иммунитет. В замке я ухаживала за всеми, за кем могла. Я выходила многих, но не его. Целительского дара у меня ведь не было. И даже Скорфус, которого я к тому времени уже подобрала, помочь не мог.

В свою последнюю минуту, когда я пыталась сбить ему жар смоченной в уксусе тряпкой, Лин вдруг схватил меня за тунику и наклонил к себе, сжав ткань в кулаке с удивительной силой. Из его рта, от его бугристой кожи пахнуло гнилью так, что горло свело в рвотном позыве. Но я ни на секунду не забывала: это мой брат. И я даже почти заставила себя прошептать: «Что, Лин?»

– Малыш... – Звук словно шел не с его губ, а из нутра. И вместо мольбы о помощи в словах звенела ненависть. – Милый малыш.

Я остолбенела, тряпка выпала из моих рук. Расширенными глазами я смотрела в его поблекшие, мутные, но не отрывавшиеся от меня глаза. Не понимала, что делать. Не понимала, куда деться от этой внезапной злобы умирающего перед здоровым. И чем помочь.

– Ты убила их всех там, на пляже, – выпалил он, прежде чем я бы хоть откликнулась. – Признайся хоть теперь: убила. – Он помедлил. И,

улыбнувшись совершенно безумно, добавил то, от чего я наконец очнулась, выдохнула: «Нет!» – и начала вырываться. – Молодец. Теперь-то я точно знаю: ты молодец. Почти как *он*. Тот, кого мы не упоминаем. Может, у вас и мотивы похожие?

Я дернулась снова, но Лин только впился в мою тунику второй рукой. На моих глазах выступили слезы, от вони и от ужаса сразу, я быстро замотала головой. Я пыталась убедить себя: это просто бред, агония, от которой не спасает лазуритовое ожерелье на груди. В словах нет обвинения, нет злобы... нет веры. И нет смысла. Главное, нет смысла. У Лина нет ни одного повода сравнить меня с прадедом.

– Признайся, – твердил он, и глаза его медленно разгорались, как угли на ветру.

Подохожие мотивы. Да как он может?!

– Отпусти! – Я перехватила его запястья, ставшие тонкими, как веточки, я боялась сильно сжимать их и потому только попробовала опустить. – Лин... не трать силы. Не глупи. О чем ты...

Но, скорее всего, он уже вообще меня не слышал. Мог только говорить, выплескивая что-то, копившееся и гноившееся слишком давно.

– Я уверен, что это ты, он никогда бы не стал, он не такой. – Лин облизнул губы. Язык у него был желтоватый, распухший и весь в нарывах. – ...Был не таким. Был.

Был. Я забылась. Я все-таки стиснула его выступающие, обтянутые кожей кости. Всего на секунду, но я захотела сломать их, а потом сжать пальцами шею и остановить биение пульса под тусклой опрелой кожей. *Замолчи, замолчи, замолчи. Если кто-то и виноват, то ты, ты, ты его довел.* Но я не говорила этого вслух.

– Ведь ты и его убила. – Это брат прошептал, и вопросом это не было. – Я знаю, ты убила его, Орфо. Потому что ты никогда его не заслуживала. – Он закашлялся. Кровь вперемешку с гноем брызнула на мое лицо, а я все не отстранялась и не отстранялась, точно вмерзшая в лед. – Ну ничего. Ничего. Возьми другое заслуженное. Возьми. Да здравствует... королева.

Королева.

Его хватка ослабла, прежде чем я бы вырвалась. Он откинулся на подушку и затих. Перстни на его скрюченных руках остались единственными яркими пятнами в мертвой серости. Волосы прилипли

ко лбу, не сумев скрыть темных волдырей и рытвин. Лазурит на груди потускнел.

– Лин... – Я робко, самыми кончиками пальцев тронула его шею, сама в ужасе от недавнего своего яростного порыва – душисть, ломать. Пульса не было. Не было и без моего гнева. – Лин!

Я сидела над трупом брата, смердевшим все сильнее, еще почти час, без движения, без слова. Я терла лицо, давила кулаками на глаза и гадала, мучительно гадала. Неужели все эти годы он правда думал, что делит замок с убийцей? Считал, что меня уже свело с ума волшебство, и приписывал мне что-то... еще? *Мотивы прадеда*. Мотивы, о которых никто до сих пор точно ничего не знает, а то, что мы знаем, слишком постыдно и жутко. Но при чем тут я? Лин... Лин думал, что я защищала Эвера? А потом, когда он не оценил мою щедрость, прикончила в довесок к «детям героев»? Или... или...

Я не плакала. Как ни странно, я не плакала. Во мне вообще не было никаких чувств, кроме одного. Ужаса. Иссущающего ужаса. Ведь я знала, что как минимум наполовину Лин прав.

Эвера больше нет из-за меня. Он мог рассказать Илфокиону свою версию событий, и мы могли многое понять лучше, но я сделала так, чтобы этого не произошло. Это я. Я его убила.

Точнее, как оказалось теперь, я сделала с ним что-то намного хуже.

Чудовище

Когда я поворачиваюсь, песок весь в крови. В сумраке кровь кажется черной, красный оттенок едва различим. Зрелище слишком о многом напоминает, приходится еще на секунду зажмуриться, сглотнуть и сделать глубокий вздох. Только после этого я опускаю взгляд. Скорфус, довольный работой, уже умывается, сидя в сторонке.

– Все как ты заказывала. Теперь-то можно домой, а?

Не отвечая, я рассматриваю человеческую фигуру, лежащую навзничь. Посреди всей этой темной крови, в месиве черно-серых нитей и лоскутов, медленно истаивающих, словно гнилой сорбет, кожа и волосы лунно белеют, даже не выглядят грязными. Грязные только обрывки одежды, которые, оказывается, тоже уцелели под этой... шкурой? Как еще назвать то, во что магия Подземья превратила Эвера, проникнув в его раны? Да, я помню эту легкую тунику, швары, даже одна из сережек-гвоздиков на месте. Зрелище ужасное, ужаснее всего рука, скрытая когтистой перчаткой из Святого железа. Это не особо популярное у нас древнее оружие тоже приняло прежний вид, то есть перестало напоминать лапу монстра. Когда я осторожно стаскиваю ее, кисть оказывается отекающей, но целой, обычной. Пульс стучит редко, зато ровно.

– Он правда ничего так, – бросает Скорфус. Он вылизывает себе то место, которое в приличном обществе не демонстрируют, и смотрит на меня из-под задранной задней лапы. С этого ракурса замечание звучит сально, и я, не выдержав, пихаю своего излишне болтливую кота так, чтобы он точно потерял равновесие. – Ну ты!

Я скольжу по Эверу новым взглядом и подмечаю кое-что еще: он... вроде бы не изменился. То есть четыре года и не должны были превратить его в старика, между двадцатью и двадцатью четырем нет такой уж огромной внешней разницы, и все же. Он совсем такой, каким я его помню. Совсем такой, каким был в последний день. Мне уже почти семнадцать. Разница между нами ничтожная. И это очень странно, ведь я привыкла смотреть на него снизу вверх. А теперь мы вроде бы даже в росте почти сравнялись.

– Да здравствует королева? – говорит Скорфус, ухмыляясь во всю морду. Меня передергивает, хотя он и имеет в виду совсем не то, что Лин.

– Нет. Впереди самое сложное. – Я медлю. – И думаю, ты мне уже не поможешь.

– Все настолько плохо? – Он поднимает то, что можно назвать бровью, – тоненькую полоску чуть более светлой шерсти над глазом. – Ты уверена, что все вот это... – лапой он неопределенно обводит пространство вокруг нас, – не засчитают? Вот так сразу?

– Уверена. – Мои мысли тяжелее всех нависающих над этим пляжем скал. Я снова опускаю взгляд на лицо Эвера. – Теперь уверена как никогда.

– Может, тогда... – он медлит, – просто убежим? – Хвост оживленно дергается: похоже, Скорфус сам удивляется, как не додумался до такого простого плана раньше. – Куда-нибудь уплывем, а отцу ты напишешь записку с объяснениями, и тебе не придется...

– Двадцать лет, Скорфус, – тихо возражаю я. – Двадцать. Бежать нужно было раньше, а теперь времени нет. Отцу нужен преемник.

– Фекалии, – ругается он, шикнув сквозь зубы.

– Они самые. И потом...

Эвер лежит неподвижно, его губы сжаты, ресницы плотно сомкнуты. Не знаю почему, но я вспоминаю ненормальные ночи, когда он точно так же спал в кресле, а я, спасаясь от кошмаров, рассматривала его лицо. Трогала украдкой волосы. Гладила по руке. У меня было странное чувство – будто я должна хоть иногда делать для него что-то столь же важное, сколь то, что он делал для меня. Давать ему спать – единственное, что было доступно мне в детстве. Сейчас все изменилось. Моя вина стала намного больше, но и мои возможности – тоже.

– И потом, я хочу попытаться, – заканчиваю я. Скорфус вздыхает с видом «Ну и что ты тогда ноешь?». – Хотя бы объясниться, а дальше буду что-то решать. К тому же я не могу просто его бросить, многие ведь считают его беглецом. Нужна ложь.

Новая ложь. Ведь если я просто скажу правду всем, она, вероятно, погубит нас обоих.

– В этом мы с тобой мастера, придумаем, – хмыкает Скорфус и встает. Расправляет крылья. – Так что, я лечу за стражей?

– Лети. – Я киваю. Тоже встаю, чуть отступаю, отворачиваюсь к морю, сейчас почти спокойному и отливающему сонной звездной синевой. – А я пока подумаю. Идея у меня есть.

Хлопанье крыльев постепенно удаляется, потом затихает. Обернувшись и убедившись, что иномирная кровь и плоть почти испарились с песка, я снова бегло смотрю на Эвера. Тут же отворачиваюсь: нет, нет, пока просто не могу. Ложь, которую я приготовила, довольно нелепа. Но на некоторую часть она скроена из правды, а значит, в нее, скорее всего, поверят.

– Добро пожаловать домой, Эвер, – шепчу я. – Обещаю, больше тебя никто не тронет.

Меня тоже. Вот только мне стоит опасаться вовсе не целеров, не патрициев, даже не отца.

Только тебя, ведь из-за тебя через месяц я должна умереть.

Вне правил. Эвер

– Эй, гаситель!

Со дня, как они появились рядом, я ни разу не слышал от них своего имени, да и не хотел. Единственное, чего я хотел, – быть подальше. Не помнить об их существовании. Не думать ни об одной из трех причин, по которым они так меня ненавидят.

Я опускаю голову и продолжаю идти, делая вид, что не услышал оклика. Мне некогда разговаривать, моя одинокая прогулка вдоль берега и так затянулась. Орфо скоро заволнуется. Мы договорились вместе учить игаптский или играть до самого ужина. К тому же этот ливень становится просто невыносимым.

– Эй, гаситель! – Другой голос, с другой стороны. Я глубоко вдыхаю через нос и прибавляю шаг, поднимаю глаза – до замка, нахохлившегося среди скал, не так далеко. Тепло горят желтые огоньки. Если я напрягу зрение, различу даже свет в комнатах Орфо.

– Почему не отвечаешь? – Теперь голос женский, звонкий, капризный. Кирия, вроде бы ее зовут так. Девушка, которая нравится Лину.

Хорошо бы самого его не было поблизости. Я просто не выдержу, если он уже позволяет им так обращаться ко мне в своем присутствии. Как я устал от его попыток угодить всем, как устал от того, что он не знает, чего хочет, как устал от правды: мы хотим разного.

Кто-то бежит на меня сзади, я скорее чувствую, чем слышу: дрожь по всей спине. Одного движения хватает, чтобы сдернуть с пояса и нацепить перчатку, одного – чтобы выпустить когти, одного – чтобы вытянуть руку перед самым лицом неосторожного человека, на уровне круглых, как у тельца, карих глаз. Предупреждая. Не атакуя. Святое железо блестит холодной серостью и совсем слегка бликует красным. Оно лишено разума, в отличие от меча Орфо, но тоже способно на многое.

– Да-да? – тихо спрашиваю, рассматривая приятное квадратное, покрытое легкими темными веснушками лицо громилы Аколлуса. Пока он, подальше отстраняясь от когтей, взрывает носками обуви песок, я оглядываю и остальных. Смуглая, почти как игаптяне, Кирия с

двумя тугими темными косами. Одинаково угловатые Гефу и Гофу – блондины, как и я, явно не без примеси физальской крови. – Чем я могу помочь вам... дети?

Это лишнее, знаю: Аколлус младше меня всего на год, Гефу и Гофу – на три года. Это несерьезно, я не обращаюсь подобным образом даже к Лину, с которым нас разделяет около четырех лет. И предсказуемо, они злятся. Подступают немного ближе все, кроме Аколлуса, который и так чересчур близко. Подступают с трех сторон. Я считаю до пяти. Выдыхаю.

– Куда идешь? – спрашивает Кирия, накручивая косу на палец. Она сочетает кокетство и брезгливость таким странным образом, что именно от нее хочется отойти подальше.

– Не к Лину, надеюсь, – бросает Гефу.

– К нему идем мы, – дополняет Гофу.

– Хорошо. – Я примирительно повожу плечами. – У меня другие дела.

Опускаю руку и продолжаю идти. Увы, они идут со мной, с четырех сторон: Кирия теперь скользит гибким призраком впереди, Гефу и Гофу вышагивают справа и слева, а Аколлус топает за спиной – последнее мне особенно не нравится. Они все молчат. Я не понимаю, чего от них ждать, и ждать ли. От нервов ладонь за перчаткой горит, но снимать ее – пока себе дороже. Жаль, нет кнута; в случае чего будет сложно. Я даже не втягиваю когтей.

– Эй, гаситель, – окликают меня снова. Гефу. Я отличаю его по родинке на правой щеке.

Не реагирую. Если они не привыкнут звать меня по имени сейчас, боюсь, этого не произойдет никогда. А впереди у нас, похоже, очень долгий путь вместе, куда длиннее дороги к замку. Дождь усиливается, капли бегут по лицу. Я бездумно слизываю их с губ.

Я гаситель, которого закон поставил ниже прочих демосов. Я физалец, чьи соотечественники оставили этих ребят сиротами. И я друг их короля, совершенно не нужный им друг. Более того, моя дружба – дружба врага – «детей героев» глубоко оскорбляет. В чем-то я даже мог бы им посочувствовать. Если бы Гирия не была виновата в своих бедах сама.

Мы никогда не дрались, даже не ссорились – просто по возможности избегали друг друга. Я видел, каким цельным и

взрослым чувствует себя Лин в этой компании, видел, как исчезают его давняя замкнутость и скорбь. Лин больше не думает о матери так часто и болезненно. Лин уже точно не начнет принимать какую-нибудь дрянь. Лин становится сильнее, таким и должен быть король. Поэтому я не отказывался заплатить эту цену – остаться для него в прошлом. Он уже не тот потерянный мальчишка, который так же сильно, как Орфо, нуждается в помощи. У него всегда был иной путь, и на самом деле я это чувствовал. Таково правило: путь короля отличен от пути других смертных. И чем раньше любящие короля признают это, тем будет лучше всем.

Но эти ребята хотят идти с королем всюду. И оттеснить даже тех, кто готов оставаться далеко за спиной.

– Лин тут кое-что нам рассказал о тебе, – тихо говорит Кирия. Она обернулась через плечо, ее ослепительная улыбка блестит в карминовой оправе тонких губ. Влажная коса темнеет на полуголой спине. – Стало интересно, правда это или нет. Можно спросить?

Я молчу. Ее тон мирный и даже приветливый, никто из этих четверых не смеется, я не замечаю переглядок. Нет, они все просто шагают по песку, держась на каком-никаком расстоянии. Я смаргиваю дождь с ресниц. Подумав, все-таки киваю: может, это жест мира? Может, это маленький дипломатический ход, связанный с тем, что они поняли: от Лина и Орфо я никуда не денусь и меня придется терпеть как равного? Я на многое закрою глаза, если это так. Мне важно, чтобы в замке не было грызни, тем более я не желаю быть ее причиной. Я гаситель. И довольно давно понял: это... призвание, видимо, касается не только волшебства. Боги ничего об этом не говорили. Но некоторые правила приходится домысливать самостоятельно.

– Спрашивайте, – произношу я вслух. – Постараюсь ответить.

Гефу издает странный звук, будто фыркает. Я понимаю, что это с трудом сдерживаемый смех, только когда слышу все тот же медовый, приветливый голос Кирии:

– Это правда, что твой бывший хозяин тебя трахал?

Близнецы хохочут уже хором. Я медленно останавливаюсь. Все они – тоже.

– Повтори, – прошу очень тихо, не сводя с Кирии глаз. Я ничего не чувствую, кроме легкой тошноты и холодка по спине. И это меня

пугает. Будто что-то во мне слишком давно мертво.

– Тра-хал, – повторяет она по слогам только последнее слово. И тоже заливается хохотом.

Я ничего не чувствую. Все еще ничего. Медленно поднимаю свободную руку и все же провожу по своей шее, там, где уже не осталось никаких следов.

Хозяин. Все эти годы мне жилось так хорошо здесь, что я даже почти забыл второй смысл слова. Хозяином был для меня король Плиниус III, из-за него шесть омерзительных букв превратились во вполне нейтральное обозначение демоса. Демоса, отмеченного домиком на огромном смуглом запястье. Демоса, неотрывного от рокочущего голоса, темных вислых усов и... деликатности, которая удивительным образом сочеталась с этим огромным телом и этой огромной властью.

«Знаешь, что я думаю, Эвер? Нет худа без добра».

«Эвер, мне стыдно за тот выбор, который сделала моя жена, но я не мог ей помешать, ты сам знаешь, как все устроено».

«И все-таки, Эвер, родина твоя новая тоже ничего, правда? Я же вижу, тебе тут нравится».

«Я вот чего предрекаю, Эвер: когда заживет твоя шея, заживет и твоя душа. Ты забудешь того мерзавца как кошмарный сон. Но попади он ко мне в плен, я бы с ним расправился».

На губах соленый привкус: видимо, я их прикусил. Да будет так, хозяина у меня больше нет, а шея зажила. Они – эти четверо – меня не выведут. Они очень плохо представляют, о чем вообще говорят. Решив не продолжать эту издевательскую беседу, я снова трогаюсь с места, прибавляю шагу, но первое же препятствие – Кирия – заступает мне путь. Я обещал ей ответ. Она это помнит.

– Признайся, может, Лин тоже хочет? – Ее глаза зло сверкают. Там яркая весенняя зелень. От удивления я замираю, резко вскидываюсь. Да что за...

– Он такой... все-таки странный, – говорит то ли Гефу, то ли Гофу.

Скулы сводит, но не от возмущения. Это другое чувство. Оно приходит, когда посторонний человек озвучивает твои собственные подозрения, которых ты стыдишься. У Лина случаются странные порывы: попытаться взять меня за руку, утащить на одинокую прогулку, начать что-то быстро и пылко рассказывать о своем страхе

будущего – хотя такое мы договаривались обсуждать только с Орфо. Раньше подобных вещей было больше, с появлением Братства они частично сошли на нет, но не исчезли. Лин разве что улучал меньше минут, но меня очень тревожил его неотрывный горящий взгляд. Лин ничего не говорил; я понимал, что о таком не спрашивают, и в том числе поэтому радовался каждый раз, когда пьяная Кирия залезала ему на колени, а он ее не отталкивал. И смотрел такими же горящими глазами, как на меня.

– Все время таращится на тебя. – Кто-то из близнецов словно читает мою мысль.

– Эти его вечные «так говорит Эвер», «это я узнал от Эвера». – Кирия кривится.

– Не разрешает нам тебя трогать, – встревает наконец и Аколлус, он, кажется, близко. – Но он не узнает. Да?..

Его тяжелая горячая ладонь ложится мне на плечо слишком неожиданно, чтобы, резко развернувшись, я не ударил по ней. Пока – невооруженной рукой.

– Меня нельзя трогать никому! И ему в том числе. – Я рывкаю, не говорю. Плохо.

Аколлус, заметив что-то в моих глазах, пятится, спотыкается и падает на задницу. Я делаю еще шаг вперед, но Кирия от меня не отстает. Мы почти одного роста. Ее пышная высокая грудь упирается в мою, когда она задирает подбородок и выдыхает мне в губы:

– Ты бесишь этим всем. – Но отстраняться она и не думает. – Мне все время кажется, что ты забыл, где твое место... – Она досадливо кривится. – Ты даже не зовешь принца и принцессу *уважительно*, ты не зовешь так самого короля! У нас тут так не принято.

Уважительно. То есть «кир Лин», «кир Плиниус», «кира Орфо». Обращения, которые в ходу и у патрициев, и у прислуги, но мне сразу, очень настоятельно разрешили их опускать. «Ты не слуга моей дочери, а ее спасение», – так говорил Плиниус. «Ты не слуга, а друг», – так говорили и Орфо, и даже Лин. Лин... интересно, как скоро он потребует от меня звать его «кир»?

Вздыхнув, я отступаю чуть вбок, чтобы не слишком приближаться к сопящему Аколлусу. Гофу кажется мне безопаснее: по крайней мере, он не делает резких движений, просто небрежно держит руки в карманах.

– Я живу тут достаточно долго. – Вроде удастся собраться. – Я примерно представляю, что у вас принято, а вопрос обращений мы решили задолго до того, как появились вы. Успокойся, ничего из того, что интересует вас, не интересует меня.

– Ну да, ну да, – откликается она. Я просто не могу понять, откуда столько злобы на ее лице. А может, и могу. – Тебя не интересует, сумасшедшую маленькую ведьму не интересует, вы невинные пушистые зайки...

Мне не нравится, что она упомянула Орфо. Не нравится слово «ведьма», в Гирии, как и почти во всем мире, это ругательство. Но я спокойно принимал штормовые перемены в Лине, месяцами. Я уже точно не сорвусь из-за таких глупых детских попыток меня разозлить.

– Давайте напрямую. – Я прокашливаюсь. Хочется держать их в поле зрения, но это невозможно; они специально встали так, чтобы заставить меня вертеться словно собаку, ловящую хвост. Этого делать я не стану. – Просто объясните, какие у вас со мной проблемы? Seriously, мне нет особого дела до того, сколько времени Лин проводит с вами.

– Ему до тебя явно есть, – снова начинает свое Кирия и кривится. – И до малявки...

Еще одно омерзительное слово в адрес Орфо. Я не пускаю его в свой разум точно так же, как не пускаю, вот уже несколько минут, простое осознание: Лин в этой компании не следит за языком. Он рассказал что-то про... ошейник. Что-то про то, от чего я до сих пор просыпаюсь по ночам. Что-то, что я ему даже не доверил лично, хотя он допытывался, – нет, *это* он, скорее всего, узнал от отца, которому мне пришлось признаться, еще когда мы познакомились. Впрочем, нет, это я обсужу с ним потом. Когда...

– Мне кажется, – Кирия снова подходит ко мне, – Лину нужно Братство. Славные воины, а не рабы-физальцы. И не маленькие дурочки, которые еще и могут его убить.

Эти слова нравятся мне еще меньше, чем предыдущие. Я подбираюсь, чувствую, как учащается пульс. В висках стучит. Мир вокруг на пугающую секунду окрашивается багровым оттенком, будто мои глаза застит пелена. Холодок по спине – нервный озноб – все настойчивее, словно по хребту кто-то водит пальцами, готовясь его выдрать. А руку жжет: пробуждается перчатка. Железо. Та его суть,

которая и отличает металл Святой Горы. Боги не коснулись его и не вдохнули жизнь, люди забрали сами, без разрешения, откупившись парой жертвенных ланей, и поэтому...

– Ему решать, нет? – уточняю как можно ровнее, но голос предательски охрип. Они без оружия, напоминаю я себе. Без оружия, а значит...

В голову что-то врезается, виски гудят. Камень. Падает у ног, на нем красное пятно. Это Гофу. Который, как и Гефу, держал руки в карманах и молчал. Теперь он пялится в упор.

– Откуда мы знаем, – вкрадчиво спрашивает Аколлус. Его голос, кажется, все ближе, а судя по тихому скрежету, меч за спиной все же есть, – что вы еще не околдовали его? Не околдовали так, как Иникихара околдовала...

– Почему еще он за вас держится? – Оборвав его, Кирия тоже идет ко мне. А у близнецов есть еще камни в карманах. – Почему, ты, грязный физальский...

Мир опять пропадает в красной пелене, полной звонкого смеха и шелеста волн. Я знаю, что не должен этого делать; я почти уверен, что все их предыдущие слова – не угрозы, а издевки. Я до последней секунды твержу себе, что справлюсь, точно справлюсь, как справлялся всегда. Справлялся, когда меня опаивали. Когда пережимали локтем шею, вдавливали в продушенные насквозь подушки, прогибали в спине. Когда терзали горячей болью, от которой я захлебывался в хриплом крике. Когда мне хотелось крови, но у меня не было даже слез – так я был опустошен.

Я верю, что лишь немного припугну их, показав наконец границы, которые нельзя нарушать. Здесь, среди этих серых, спокойных, укромных скал, вдали от взглядов Орфо, Лина и Плиниуса, я чувствую себя вправе – и в силах – это сделать. Ничего плохого. Нет. Просто поговорить на том языке, который эти люди понимают. Силой Святого железа, которую всегда контролировал не хуже своего наставника и прочих знакомых солдат.

«Да. Именно так, давай», – шепчет что-то внутри, и озноб наконец уходит. Наоборот, все тело горит, точно в нем закипела кровь.

Когда Аколлус бросается на меня, я замахваюсь когтями и бью.

Часть 2. Правила принцесс

– *Смотри, она бежит, и за руку его
Готова увести, хоть плен его был долог. Какая
храбрая...*

– *Не знаешь ты ее.*

Отродье глупое, жалка и сумасбродна.

*Я думаю о ней, и чрево мое горит, ох, вырвать бы ей
сердце*

И свиньям, свиньям бросить. Я...

– *Замри. Ты слышишь? Тьма поет, и Рой кружит
опять.*

Им дела нет до нас, пора, летим, быстрее.

– *Постой. Нас двое, двое лишь, а он...*

– *Нет, не жалей, оставь его, решил он.*

Не оборачивайся, с ними пусть кружит

И плачет.

– *Сердце...*

– *Нет, вперед смотри, вперед, и лучше мне скажи, кого
ты мне отдашь? С кем хочешь ты сквитаться еще?*

– *С рабом. С рабом, чей так сверкает меч.*

Отдам тебе раба, и воссияет

Так скоро наша месть.

1. Правь или умри. Орфо

– Вкусно? – подкалывает меня Скорфус.

Я нервничаю так, что грызу ноготь уже вторую минуту кряду. Никогда не замечала за собой такой мерзкой привычки. Пушистый черный хвост лупит меня по запястью, и довольно сильно. Я, опустив руку, сжимаю край туники.

– Может, лучше позавтракаем? – Впрочем, звучит натянуто. Я мотаю головой. – Ну ладно. Значит, будем завтракать вместе с ним.

Если он не попробует сразу нас убить. Но я просто пропускаю слова мимо ушей.

В окно нежно задувает прохладный бриз: играет занавесками, морскими виолами на подоконнике, шерстью Скорфуса, моей туникой. И волосами Эвера, который лежит перед нами в постели. По моим расчетам, зелье перестанет действовать совсем скоро. Он вот-вот очнется.

Я сижу в кресле в изголовье, Скорфус облюбовал прикроватную тумбу. Оба мы пьемся примерно в одну точку – на сомкнутые ресницы Эвера, и как бы Скорфус ни острил, он нервничает не меньше моего. Его длинный гибкий хвост только в такие минуты ведет себя словно что-то отдельное от хозяина.

– Вообще-то ты могла предупредить меня, – наконец, не выдержав, цедит сквозь зубы Скорфус. Он не то чтобы зол, но кое-что действительно пошло не так. – Ну, что отмазывать нам придется не только тебя, но и его. – Когтями он сердито скребет по дереву. – Четыре трупа, человечца! Этот красавец расплосовал четверых человек! Ты же говорила, он славный и...

– Он... славный, – сглотнув, отвечаю я. Просто не готова сейчас это обсуждать, горло сразу сжимается, много воспоминаний лезет в голову. И вдобавок, если честно, мне стыдно. – Скорфус, ну прости. Я боялась остаться одна со всем этим. Все-таки ты...

– Дай угадаю. – Он с насмешкой обращает на меня ядовито-желтый глаз и повышает голос до писка, явно меня пародируя: – «Скорфус, я боялась, что ты окажешься таким же повернутым на

правилах душницей, как боги Святой Горы, и не будешь помогать мне вытаскивать из долбаного Подземья долбаного маньяка!» Да?

– Примерно, – кисло соглашаюсь я. – Только без слов, которые я не знаю. Вроде «душница», «долбаный» и «маньяк».

– Ты такая тупая, Орфо. – Его меховые бока раздуваются от возмущения, а вот голос, наоборот, становится теплее. Я только шмыгаю носом: что спорить? – Я помогаю тебе. Ты убийца. Что, думаешь, меня убудет от еще одного такого экземпляра?

– Я твоя... – и снова приходится прикусить язык. Я чуть не использовала слово «хозяйка», за которое он, как и любой фамилляр, вправе дать мне лапой в глаз, – подруга. А с ним ты никогда не общался. Поэтому да, я не хотела, чтобы ты заранее знал о его поступке. Тем более здесь что-то может быть не так.

Эвер слегка шевелит рукой, лежащей поверх одеяла. Я замираю, жадно на нее уставившись, а мое сердце начинает судорожно искать какое-нибудь убежище среди других внутренностей. Это та кисть, которая была закована в перчатку, отек пока не до конца спал. Светлые ресницы вздрагивают, поймав немного солнца, но Эвер не просыпается. Я со вздохом опускаю глаза. *Убийца*. Если подумать, меня впервые назвал так кто-то, кроме Лина. Вслух. И за дело.

После того как моя сила сработала криво и отправила Эвера в еще неизвестный мне другой мир, я часто размышляла обо всем этом. Нет, не о том, что могло произойти, – хотя несколько древних фолиантов о волшебниках я проштудировала, не найдя там, впрочем, ничего умного. И нет, не о том, можно ли что-то исправить, – эта мысль просто меня не посетила, все казалось железным и безнадежным: Эвера нет, нет, нет из-за меня. Уже тогда я использовала слово, от которого не отказываюсь и сейчас, видя Эвера снова живым, – *убийство*. Не церемонилась с собой в деталях, проклинала себя последними словами и за поступок, и за последовавшую за ним трусливую ложь. Но в основном меня занимало не это, осмыслить я пыталась другое.

Почему вообще я набросилась?

Я не любила никого из «детей героев» и не была добросердечной настолько, чтобы их жизни стоили для меня дороже жизни Эвера. Да я вообще не была добросердечной, эй, я та самая девочка, которая почти не расстроилась, когда ее ставшая тираном мать прыгнула со скалы из-

за проигранной войны. Я не боялась за себя – вряд ли Эвер, что бы им ни руководило, стал на меня нападать. Он был испуган. Расстроен. Он был, в конце концов, явно измучен, весь в крови, и не только чужой. Я не... злилась. Или все-таки злилась? Злилась, потому что мой мир разом рухнул, злилась, думая, будто Эвера постигла судьба мамы, злилась, в глубине души догадываясь: нет, нет, это не так, беда не здесь, и она куда сложнее. Да, скорее всего, я злилась, и мое решение просто обездвижить Эвера слишком быстро превратилось в безумие, которым я не управляла.

Безумие, которым я не управляла... Не с этого ли все начинается? Ну, у других волшебников?

Может, эта мысль и опустошила меня дальше: уже когда я всем соврала, когда мы с Лином зажили дальше, разделенные невидимой стеной. Я ведь заболела, страшно, точнее, подверглась ломке – как и все волшебники, теряющие гасителей. Оказалось, к ним привыкаешь. И эта зависимость намного сильнее и опаснее, чем, например, от большинства зелий. Привыкает не только твой разум, тело тоже. Даже если гаситель и волшебник редко касаются друг друга, как мы с Эвером, сам... воздух между вами становится немного другим. Ваши клетки становятся похожими. Ваша кровь. Ты зависишь от всего этого куда сильнее, чем он. И конечно, когда все это вырывают у тебя с мясом, ты на некоторое время падаешь в полную боли тьму.

Кошмарная неделя для меня переросла в месяц, в два, в три, в пять. Я плохо ела, плохо училась, плохо говорила, а моя сила срабатывала на ком попало. Ко мне больше не заходили без стука. От меня шарахались, когда я шла по коридорам или саду. Мои цветы почти все могли увянуть – я забыла о них, – но не увяли, потому что помнил папа. Потом появился Скорфус и починил меня своей странной магией и дурным юмором. Но я знала: следы ломки, как и ее причина, все еще там. Где-то у меня внутри.

– Что-то может быть не так... – повторяет Скорфус. Он выглядит задумчивым.

Я, вздохнув, начинаю расправлять смятый подол туники.

– Эвер был... есть... правда славный. Он никогда никого не убивал. Он никогда даже ни с кем не дрался, хотя в последние месяцы перед тем, что случилось, ему было...

– Терпила, – презрительно бросает Скорфус очередное слово, которого я не знаю. Прежде чем соображаю, я пихаю его в бок, и он грохается на пол. – Ауч!

Я и сама понимаю, что сделала это зря: Скорфус всегда приземляется удачно, да и падать ему низко. Но изображая оскорбленную невинность, он сердито фыркает. Я закрываю руками лицо.

– Знаешь, – судя по приглушенному стуку, он запрыгнул обратно, – не доверяй я тебе, я бы решил, что твой покойный братец был прав. Ну... что это правда ты их убила. Их всех.

Я впиваюсь ногтями в кожу, яростно мотаю головой, только бы отряхнуть от слов. Не потому, что они обидны, нет, я вполне их заслужила. Из-за другого. Порой, особенно поначалу, у меня и у самой возникала такая версия. Что, если на несколько минут я правда спятила и, увидев, как окружили Эвера, перебила его обидчиков? А потом он попытался вразумить меня, и я...

– Прости, – вдруг слышу я. В мои руки быстро тычется теплый нос. – Ну, человечка, прости, я это просто к тому, что ты очень вспыльчивая. Просто ужасно.

– Просто ужасно, – повторяю я и хрипло смеюсь. – Сама знаю. Я работаю над этим.

То, в каком виде придворные сейчас знают мою историю, – чушь, которую наболтала малявка, ничего не соображавшая от шока, зато боявшаяся, что от нее отвернется семья. Якобы Эвер хотел сбежать, а я пришла, когда его уже не было, и вообще ничего не знаю ни о нем, ни об этих смертях. Почему я решила сказать про побег? Мне казалось, что в последнее время мой гаситель грустит. Нет, он ничего мне не говорил, не просил, не звал меня с собой. Нет, я ему не помогала. И нет, я совсем не злюсь, потому что понимаю, каково жить в чужом государстве, даже если тебя любит король. Я справлюсь сама. Справлюсь. Меня тогда больше жалели, чем подозревали, – ну, почти все, кроме брата. Знаю, сейчас будет куда сложнее. Зато я не одна.

Скорфус вчера поступил более чем разумно, пусть и решил все за меня. Он не позвал стражу, опасаясь, что объяснения затянутся, он сыграл по-крупному: сразу вломился к отцу. Я чуть не умерла, когда мой заспанный, перепуганный папочка, едва нацепив свой золоченый мускульный торакс поверх ночной сорочки и схватив секиру, сбежал

по лестнице и ринулся к нам. Он застыл перед Эвером. Больше всего на свете я в тот миг боялась, что его хватит удар. А еще тот миг в который раз убедил меня в очевидном: папа слишком хорошо меня знал. Он не воскликнул: «Так он вернулся?!», не выплюнул: «Беглецов я назад не принимаю», не отшатнулся с испуганным воплем: «Убийца!» Он медленно перевел глаза с Эвера на меня, снова на Эвера, снова на меня и хрипло спросил:

– Что ты натворила?

Возможно, он заметил отекающую руку Эвера; возможно – слабые следы кошачьих когтей на голых участках его кожи; возможно, что-то заподозрил по рваной одежде, например узнал вышивку на вороте, которую видел четыре года назад и которую физальские мастера никогда не повторяли. Я бросилась к нему. Заревела. И снова начала лгать, но уже иначе, намного ближе к правде. Как итог, теперь папа знал, что я сделала. И во многом от него зависело, узнает ли кто-то еще.

Скорфус только успевает снова устроиться на тумбе и обернуть хвостом лапы, когда солнце заливает ярким золотом уже все лицо Эвера. Этого он не выдерживает: брови сдвигаются, меж ними пролегает морщина, рот кривится – а потом ресницы снова недовольно дрожат.

– Спокойно, – шикает на меня Скорфус, но я вижу: его собственный хвост уже сжимается вокруг лап, точно он пытается стреножить сам себя. – Та-ак! Доброе утро, звездный свет!

Последнее он бросает уже Эверу, расплываясь в своей традиционной улыбке – широкой, демонстрирующей все четыре клыка. Я едва замечаю это, сразу падаю в бирюзу приоткрывшихся, а в следующий миг распахнувшихся глаз. Быстро подаюсь ближе. Хватаю Эвера за плечи, прежде чем он повторил бы мою недавнюю выходку – смахнул бы Скорфуса на пол, словно предмет, выбивающийся из обстановки. Впрочем, это обнадеживает. Раз предмет для Эвера посторонний, значит, он помнит, как комната выглядеть должна.

– Тсс, – шиплю я, поймав его заметавшийся взгляд. – Эвер... Эвер, это я.

Несколько секунд он смотрит на меня, оцепенев, а потом открывает рот. Губы шевелятся, но ни звука с них не слетает;

Эвер облизывает их и морщится: сухие, обветренные. Наверняка он хочет пить. Я скорее хватаю с пола предусмотрительно приготовленный кувшин с водой. Немного боюсь, что мне бросят его в голову, но все-таки протягиваю со словами:

– Да, да, я понимаю, все плохо. И непонятно. Но пожалуйста, давай поговорим, если ты можешь.

Он не перестает рассматривать меня, и постепенно происходит то, что я запомнила с детства, – его взгляд *замедляется*. Эвер делает глубокий, долгий вдох, покорно берет кувшин, пробует присесть и откидывает со лба волосы. Они не отросли, запоздало подмечаю я. Как и ногти, и щетина на подбородке, вообще ничего нет. Его тело было словно... мумифицировано, или как там называют свои похоронные практики игаптяне. От этого осознания жутко, оно делает еще неоспоримее факт моего преступления. Лучше в этих мыслях не задерживаться.

– Ты можешь? – повторяю я, про себя благодаря Скорфуса за то, что заткнулся и ничего не портит. – Эвер... – Я тоже облизываю губы. – Как же я рада тебя видеть.

Это правда, что бы там ни было, – да. Я давно не смотрела в его глаза, я забыла о легком сиянии, которое скорее чувствовала, чем видела, когда он находился рядом. Зато я отлично помнила боль, на несколько месяцев поселившуюся в ребрах после моего преступления. Помнила холод, который окутывал меня день за днем и ночь за ночью. Помнила, что делали со мной чудовища в снах – своими щупальцами, членами, длинными шипастыми языками. Они словно пытались объяснить мне, через что прошел когда-то Эвер, такой же маленький и беззащитный, как я, и наказывали меня за то, что я обрекла его, уже взрослого, на новые страдания. А мама смеялась. Мама всегда смеялась и пророчила мне судьбу прадеда.

От моих последних слов его голова слабо дергается, немного воды проливается на грудь. Эвер поднимает глаза, а потом плавно, нетвердо, но с привычной аккуратностью ставит кувшин на тумбу рядом со Скорфусом. Тот провожает движение ленивым взглядом, лижет свою левую лапу. А затем нагло взмывает к потолку со словами:

– Ну все, я пока пошел. Вам есть что обсудить. Велю потихоньку подавать завтрак.

Прежде чем я остановила бы его, он черной молнией пикирует в открытое окно и сворачивает влево. Последним, как всегда, скрывается из виду пушистый кончик хвоста. Выдохнув, я в который раз тщу веки: поспать успела часа четыре, маловато после трудного путешествия. В Подземье я все-таки провела трое суток: полдня искала дорогу, полдня пыталась поладить с местными, два дня выслеживала... Эвера. За все это время подремала я один раз: было некогда, холодно да и тревожно, то от гулкою воя в ушах, то от ощущения пристальных взглядов сразу из всех уголков неуютной темноты.

Эвер все смотрит на меня. Его руки беспокойно двигаются: он пытается сложить их в замок, но правая, отекая, плохо слушается. Он опускает на нее взгляд. По лицу пробегает судорога, и это не судорога боли. Глаза снова расширяются. Там проступает страх.

– Ты узнаешь меня? – Я предпринимаю новую попытку. – Там, внизу, мне показалось, что все-таки да.

– Внизу, – первое слово, которое он произносит: повторяет хрипло и бесцветно.

– Что ты помнишь? – спрашиваю, чувствуя, что и мой голос с каждым слогом становится сдавленнее. Откуда-то уверенность: ответ сильно мне не понравится.

Эвер снова поднимает пустые глаза. Вдыхает коротко, рвано, точно все еще привыкает к этому воздуху. Полузабытому воздуху.

– Все, – наконец глухо бросает он, горбится и закрывает руками лицо. Сил подтянуть колени к груди у него, похоже, пока нет.

Он не плачет – только бежит по телу мелкая, как колебание морской пены, дрожь. Ветер все еще играет с волосами, словно дергает их, и я подумываю закрыть окно. С другой стороны, тогда Скорфус потом будет в него ломиться, а то и разобьет со всей дури – это он умеет и любит, его фамильярскую особу везде должны пропускать беспрепятственно. К тому же мало ли, как Эвер отреагирует на мои резкие движения... Впрочем, все это – только попытки отвлечься, защититься. От этого слова – «все», смысл которого я понимаю без всяких пояснений.

«Я помню, как убил “детей героев”».

«Я помню, как ты убила меня».

«Я помню, как превратился в чудовище».

«Я помню, как убивал снова и снова, тех, кого даже не знал. Четыре года подряд».

«Я помню, как ты за мной пришла и чуть не задушила».

– Эвер, – хрипло окликаю я. Это стоит огромного усилия. – Эвер, я...

Он падает назад на подушку, так и не отняв рук от лица. Я цепенею.

– Мне... мне жаль.

Я сама понимаю, как это нелепо прозвучало, сама готова взять слова назад. Но он просто не реагирует, только пальцы сжимаются крепче, точно Эвер вот-вот начнет вырывать себе волосы или царапать лицо. От этого отчаяния – бессильного, бездвижного, немого – все хуже. Я думала, он вскочит, думала, будет кричать или сразу кинется на меня. Но он ослаблен и придавлен. Придавлен всем тем, что, похоже, только сейчас начинает осознавать в полной мере.

Наше воссоединение начинается ровно так, как я и боялась.

Когда Скорфус вывел меня на подземцев, я объяснила, кого ищу, и поняла, во что этот кто-то превратился. Правда отдалась знакомой болью в ребрах: я ведь до последнего надеялась, что найду Эвера призраком, или пленником, ну или жителем этой странной общины – Скорфус ставил на один из таких вариантов. Впрочем, теперь я осознала: он намекал и на худшее, пытался меня подготовить. «Подземье – не совсем материальный мир, – объяснял он. – Там действует волшебство, не похожее на наше, более древнее, мощное и в то же время простое. Но природа у них одна, прорывается она непредсказуемо, поэтому ты и облажалась так, как облажалась, а не просто угробила этого гасителя. Ты сказала ему исчезнуть – тебя услышали, портал открылся. Вот только в Подземье нельзя *просто* провалиться. Оно либо выпивает тебя, либо меняет до неузнаваемости. Помнишь бога-отшельника, Идуса, ушедшего в какое-то Темное Место от сияния и правил Святой Горы? По некоторым легендам, он убрался именно сюда, а когда его жена Сэрпо решила спуститься к нему, он уже был огромным полумразумным нетопырем. И сама она такой стала, не смогла сопротивляться, когда наелась гранатов из Подземного сада. Даже боги здесь...»

...*Слабы*. Что могло случиться с испуганным, раненым человеком, от которого отвернулся...

Нет, я не имею права на слово «друг». Но Эвер мне доверял и всегда занимал мою сторону. А я даже его не выслушала.

Заклучая сделку, подземцы подтвердили нам простую вещь: Монстр неуправляем. Да, он проникает к ним в разум, но сам разума будто лишен. Тупая, огромная, вечно жаждущая крови тварь. Прячется в темных углах; если нет человеческих жертв, может сожрать ящерицу или летучую мышь. Странно, что передвигается на двух ногах. Странно, что одна рука железная. Странно, что он почти всегда выбирает жертв, которые и так чем-то ослаблены – недавней утратой близкого, сложными делами, ссорой с любимыми. Видимо, это было последнее человеческое, что осталось от Эвера. Проницательность. И давняя боль.

– Ты понимаешь, что с тобой произошло? – пересилив себя, спрашиваю я.

Я не знаю, какое именно «произошло» имею в виду. Скорее всего, предпоследнее: когда он перевоплотился и, ведомый чужим, иномирным голодом, начал убивать. Но он понимает меня иначе, так, как и должен. Медленно убирает руки от лица. Снова на меня смотрит. И слабо кивает.

– Да. Я понимаю, что ты на меня напала, и я упал в полную темноту, где не мог дышать.

Сглатываю. Я очень хочу, чтобы Скорфус был со мной. Чтобы был хоть кто-то, за кем я могла бы спрятаться.

– Потом, почти сразу, что-то... – продолжает Эвер подрагивающим голосом, – проросло во мне, как эта пещерная дрянь растет на потолке. Моя душа оказалась в... – он опять облизывает губы, – подобии ледяного саркофага, опишу это так: было холодно и больно, управлять телом не получалось, думать тоже. – Он кидает взгляд на свои руки, подергивает пальцами, точно проверяя, слушаются ли они теперь. – Я только наблюдал, как то, что от меня осталось, носится по незнакомым катакомбам и убивает живущих там маленьких людей. А иногда больших. Иногда – животных и фамильяров. – У него все же получается сцепить пальцы в замок, и костяшки белеют. – Не знаю, сколько это длилось, счет времени я потерял. Единственное, что я знаю точно: все, – я уже едва выдерживаю его взгляд, он жжется и блестит, – из-за тебя, Орфо. Это каким-то образом сделала ты. Верно ведь?

Он замолкает – и, оттого что он все еще не пытается кинуться, не кричит, не проклинает и не плачет, мне очень плохо. Запоздало я понимаю, почему это так ранит: ощущение, будто он... боится? В неподвижных глазах страха больше нет, но все тело словно струна. Неужели он ждет, что я сделаю *это* снова? Отправлю его назад? Наблюдает он за мной именно так: как за опасным животным, которое пока не вонзило зубы ему в горло только по туманной случайности.

– Да. – Все равно нет других слов, нет смысла изворачиваться, я давлю в зародыше даже оправдание «Я же была малышкой», которым утешал меня Скорфус. – Да, это сделала я, но не намеренно. Я... я не знаю, как это произошло, и я не хотела. Правда.

Из последних сил смотрю на его лицо, ища хоть какой-то отклик. Какой угодно, пусть это будет гнев; благодаря гневу я окончательно удостоверюсь, что Эвер ожил. Пока он живым не кажется, точнее, все ощущается так, будто часть его чувств так и осталась подо льдом подземного волшебства. Или Монстр забрал их, умирая под когтями Скорфуса. И уже не вернет.

– Сколько... прошло времени? – прокашлявшись, спрашивает Эвер. Он так и не ответил на мое «не хотела», и я его понимаю. Само то, что он обратился ко мне не с упреком, а с вопросом, дает надежду. Я отвечаю как можно быстрее:

– Четыре года, Эвер. Примерно так.

Он все так же заторможенно, точно везде встречая препятствия, обводит взглядом помещение. Белую лепнину на потолке и стенах. Мебель из легкого резного орешника. Шкаф с книгами, шкаф с одеждой, кнут и меч, спокойно висящие на креплениях в углу. Белую шкуру на полу, виолы на подоконнике. Они сильно разрослись за это время.

– Ничего... – он снова кашляет, так сильно, что приходится приложить ко рту ладонь, и быстро сжимает ее в кулак, – не поменялось.

Это не вопрос, он говорит в пустоту.

– Лин, – выдыхаю имя, хотя все внутри сжимается сильнее. – Он не велел ничего трогать. Не знаю почему. И папа поддержал. Здесь все было заперто.

– Все?... – Он не сводит глаз с виол.

– Их поливала я. – Впервые выдержка подводит, глаза все-таки приходится отвести. – Эвер, мы чувствовали ужасную вину. Особенно я, да, но и он, кажется, тоже.

– Как он? – Эвер спрашивает все так же равнодушно. Но на несколько мгновений замирает, услышав:

– Его больше нет, умер зимой. Мор.

Эвер кивает. Похоже, новость все-таки ранила его: движение такое скупое, будто он боится эту рану потревожить. Помедлив, он задает еще один вопрос, которого я жду:

– А король Плиниус?

Может, это единственное, о чем он действительно переживает, ведь из нас троих лишь папа ни разу, никак не причинил ему вреда. И хотя бы тут я могу его порадовать.

– В порядке. – Колеблюсь, но добавляю: – Только в ужасе, разочарован и злится. Я рассказала ему правду о том, что сделала.

Я уверена, мне не почудилось: лицо Эвера чуть посветлело. Он никогда не демонстрировал горячей, слишком кричащей любви к отцу, но я знала о ней и радовалась, что она такая. Почти столь же огромная и доверчивая, сколь у меня, но намного более благодарная и терпеливая. Порой я даже начинала переживать: может, и ко мне-то Эвер хорошо относится, только потому что папа на него надеется? Отмахивалась как могла. Отмахиваюсь и теперь. Зато отмечаю еще одну эмоцию в глазах Эвера – легкое, но удивление. Из-за последних слов.

– Он... – я немного лукавлю, но не так чтобы очень, – на твоей стороне. Не на моей. Он очень надеется скоро увидеть тебя.

Эвер молчит – может, ждет чего-то еще, а может, чувствует: кое-чего я не досказала. Наверное, нужно. Нет, лучше придержать. Я не понимаю, просто не понимаю, как он сейчас настроен, и в том числе поэтому не до конца владею собой. Одна часть меня хочет умолять его боги знают о чем, другая порывается допрашивать о... о *бойне*. Еще одна вещь, которую я подзабыла, – как же с ним сложно. Нет никаких «мертвых» эмоций, нет эмоций, «забранных Монстром». Эвер, которого я знала, всегда хорошо скрывал, что происходит у него на душе. Особенно перед теми, кому не доверял.

– Я буду рад, – шелестит он, снова ложится и прикрывает глаза. Веки дрожат, на лбу выступает испарина.

– Тебе плохо? – выпаливаю я, прежде чем одернула бы себя и запретила бы так выдавать волнение. Даже подаюсь немного вперед. – Хочешь, я позову...

– Не надо, – обрывает он, не резко, но на меня словно веет холодом – опять, почти как в пещере. – Не надо, я... наверное, просто должен привыкнуть. К чему бы то ни было, я даже не понимаю, как это называть.

Спасение. Воскрешение. Возрождение. Снятие проклятия. Почему все эти хорошие слова жгут меня плевками яда? Я вдруг понимаю одно, и очень остро: я отчаянно хочу коснуться его. Чего угодно, хоть волос, хоть плеча, хоть руки. Он сказал сейчас правильно. Я тоже, в той или иной мере, привыкаю. К тому, что исправила хоть что-то. К тому, что он стал собой и я могу его видеть. Если отбросить все прочее, все несказанное, все угнетающее меня и бесящее Скорфуса, это ведь главное. Для меня нет ничего ценнее жизни моего Эвера. Пусть я больше не могу звать его своим.

Когда он только появился рядом, я знала: да, ему неприятны чужие прикосновения. Даже не так, он их боится. Мне было восемь, он старался не пугать меня, но постепенно, не без помощи отца, я разобралась с причиной. У нас с Эвером не возникало проблем, я сама прикосновения не жаловала. Обнять папу, взять за руку брата – да, но кроме этого я предпочитала трогать цветы, а не людей, и чтобы не трогали меня. К девяти годам я отвадила всех служанок, пытавшихся помочь мне одеться, причесаться и тем более помыться. К десяти сама забиралась на лошадь и вылезала из кареты, лишь бы никому не давать руку. К двенадцати дала четко понять самым настойчивым юным нобилям: эта принцесса не танцует. Поэтому я поняла бы Эвера, даже если бы ничего не знала. И поэтому сразу заметила, когда что-то начало меняться.

Ему было настолько жаль меня в Кошмарные ночи, что он сам клал руку мне на лоб – и не отдергивал, когда я хваталась за нее. Два или три раза он обнимал меня утром, видя, что я совсем серая от слабости. Он ставил меня в правильную боевую стойку, показывал, как держать меч и хлыст, работа с которым давалась мне особенно трудно. Однажды я сама в каком-то порыве обняла его, тут же отпрянула, попросила прощения – но он сказал не извиняться. После этого я и

позволила себе иногда, видя, что ему грустно или он устал, брать его за руку и переплетать наши пальцы.

Я тянусь к безвольно лежащей руке и сейчас, но он двигает ее в сторону, даже не открыв глаз. Долгая жизнь в Подземье, видимо, обострила его чувства. Сжимаю кулак, зубы тоже стискиваются. Проклятый Скорфус, не брось он меня, я не вела бы себя так глупо, мне нужно было бы держать лицо. Я выдыхаю и откидываюсь в кресле, стараюсь принять как можно более расслабленный вид. Настоящий разговор только начинается, нужно собраться с духом и...

– Значит, Лин мертв, – произносит Эвер странным тоном. Его глаза медленно открываются, они все еще стеклянно-отчужденные. – А срок правления твоего отца оканчивается. Правильно?

– Правильно. – Киваю и жду продолжения: не понимаю, для чего очевидное уточнение.

Эвер пару секунд молчит, смотря в пустоту. Пальцы его легонько сжимаются на одеяле, потом расслабляются, а глаза, чуть прояснившись, снова встречаются с моими.

– Понятно, – едва различимо выдыхает он, а спустя секунду прибавляет громче и чеканнее: – Нет, Орфо. Нет. Не надейся, я вряд ли смог бы, это... выше моих сил. Да здравствует королева.

С этими словами он снова двигает рукой, и из нее выпадают два окровавленных камешка, совсем крошечных. Видимо, те, что оказались в ладони, когда он кашлял.

Между нами в который раз повисает тишина. Бездумно глядя на камешки, алеющие поверх белого покрывала, я различаю даже плеск моря за окном. То ли оно разволновалось, то ли тишина правда глубже и тяжелее прежней. Она и должна такой быть, ведь меня швырнули на холодное дно, где, впрочем, мне самое место.

– Нет, – повторяю я как околдованная. Глаз мы друг от друга не отводим. – Эвер...

– Теперь-то я понимаю, – перебивает он, еще сильнее побледнев – горечь во плоти, близящаяся буря, – почему ты пришла *сейчас*. И почему так стараешься...

– Неправда! – почти взвизгиваю я, сама не поняв, куда так быстро испарились мои ровные интонации. Он обрывает снова, просто повторив:

– У тебя появилась веская причина бояться за себя. Верно?

Его глаза болезненно загораются, он пытается сесть, но снова начинает кашлять и выхаркивает еще несколько камней. Я смотрю на это с ужасом; единственное, что не дает мне вопреки всему кинуться за медиком, – предупреждение Скорфуса: «Камни это нормально, пройдет, а вот если из него полезут жуки...» Эвер кашляет долго, потом откидывает голову, обращая мокрые измученные глаза к потолку. Он больше не хочет на меня смотреть. А я хочу залезть под кровать, и как можно дальше отсюда.

– Ты ошибаешься, – только и шепчу я. Зная, впрочем, что звучит лживо.

Когда люди, облеченные властью, стали ею злоупотреблять – вскоре после того как время племенных вождей сменилось временем королей и консулов, – боги поняли: с этим нужно что-то делать. Правила они придумывали долго, изощренно, с азартом. Сначала ввели равенство престолонаследования – для сыновей и дочерей. Затем, убедившись, что женщины ошибаются и поддаются соблазнам не реже мужчин, боги ввели равновластие и равнокровие – отныне брак для членов правящей династии становился обязательным, а супруги получали с ними равную долю влияния. Даже если были из бедного рода или чужих земель. Это увеличивало груз ответственности, зато когда один супруг поддавался дурным идеям, второй мог сдержать его, просто не дав свою половину армии и казны. Порой это, конечно, вело к тому, что супруги просто убивали друг друга в борьбе или, наоборот, объединялись для коварных планов, но чаще помогало неплохо. Когда недостаточно оказалось и этого, бог-судья Арфемис ввел правило двадцати лет, по истечении которых всякий правитель во избежание мучительной смерти должен отдавать власть. Достаточный срок, чтобы вырастить ребенка, достаточный, чтобы подготовить преемника. А незадолго до этого, наверное в особенно дурном настроении, Арфемис придумал кое-что еще.

Решил, что ни один принц или принцесса не смогут взойти на престол, если отягощены скверными замыслами или тяжелым грехом.

Арфемис использовал именно это слово – грех. Мы знали его и раньше, но оно оставалось довольно расплывчатым. Когда родители воспитывали детей, они называли грехами самые разные вещи – например, закинутые на стол ноги или выброшенный хлеб. Если второе действительно нарушает одно из правил и обрекает семью на

пару месяцев голода, то первое безобидно, просто невежливо. По итогу да, мало кто в мире Тысячи Правил может четко сказать, что такое грех. Но для принцев и принцесс Арфемис это понятие прояснил.

Предательство. Изнасилование. Убийство. Совершивший что-либо из этого престолонаследник может на свой страх и риск надеть венец, но это будет первый и последний раз в его жизни. Прочих регалий касается то же. Наша, гирийская корона, выполненная в виде великолепного оливкового венца, попав на голову грешника, раздавливает эту голову, как орех. При всем народе. Под насмешливыми взглядами невидимых богов. Так везде: трон Игапты сжигает грешника заживо, скипетр Физалии отрывает грешнику руку, а потом проламывает грудь. И даже когда пара умников в далеком прошлом решила обмануть судьбу и короноваться без регалий, оказалось, что правило не обойти. Регалии неуничтожимы, их не запереть и не спрятать, и рано или поздно, так или иначе они окажутся у тебя на голове, в руке, под задницей. Мы безумно боимся этого. Настолько, что коронации неизменно предшествует несколько месяцев, в которые принца или принцессу очищают, то есть пытаются очистить, от всех возможных, даже более мелких, грехов.

Принцы и принцессы купаются в Святом море несколько раз.

Принцы и принцессы преклоняют колени у подножия Святой Горы и съедают немного снега, покрывающего путь к ней.

Принцы и принцессы проходят по горящим углям и выпивают змеиный яд.

Они делают еще много странных вещей, якобы способных защитить их, в «прощенные месяцы». Их два, и это время вспоминать, кого ты обидел, кем пренебрег и перед кем можешь покаяться за дурные поступки.

Меня не должны были короновать, но Лин умер, и у отца не осталось времени найти и подготовить другого преемника. Волшебники не могут претендовать на власть, но отсутствие выбора – исключение. Из двух зол – слишком часто менять династии или короновать будущих безумцев – боги почему-то пока выбирают второе. Я не знаю, что творится в их головах, но, так или иначе, несколько месяцев назад я оказалась лицом к лицу с правдой. «Ты станешь королевой, дочура, – непреклонно произнес отец. Увидев, как забежали

мои глаза, улыбнулся: – Не бойся. У тебя самое чистое на свете сердечко, ты многое прошла, и я совершенно спокоен что за тебя, что за Гирию».

После вчерашнего он уже думает немного иначе – например, вот, неся Эвера на руках с пляжа, раз шесть страдальчески возопил: «О боги, нам конец!» По моей милости мы в ловушке; корона должна быть передана точно в срок, иначе она убьет папу. Меня – следующей, ведь я спасу его любой ценой, в том числе ценой своей жизни. А потом случится хаос безвластия. Наши патриции, отвечающие за разные сферы жизни, славные и надежные, многих я почти люблю. Но что с ними станет, если придется делить трон? А им придется, ведь ни по маминой, ни по папиной веткам у меня не осталось родственников. Смена династии – почти всегда кровавые распри. Да и народ от этого сходит с ума.

Я прошла все ритуалы и многое сделала в свой первый прощенный месяц. Извинилась перед всеми, кому грубила, пожертвовала деньги вдовам, сиротам и калекам, провела не один меценатский вечер. Обменялась письмами с физальским королем и зазвала в гости их посла, попросила прощения на могилах матери и брата – за то, что первую недостаточно любила, а второго не уберегла. На самом деле мне повезло: детская нелюбимость спасла меня от лишних грехов, коронация вообще не стоила бы мне ничего, если бы не одно обстоятельство.

Эвер. Грех, который перечеркивал все.

Четыре года я жила с тем самым убеждением – что убила его, в простом прямом смысле. Это жгло меня виной, а когда я потеряла Лина – опалило ужасом. Я боялась мучительной смерти – каково это вообще, когда тебе раздавливают череп и твои мозги текут из трещин? Я боялась позора, ведь народ считал меня доброй, безгрешной, очень безобидной для волшебника любительницей цветов. Я боялась горя отца – ведь он тоже верил в меня как ни в кого; я уже достаточно подросла, чтобы принять очевидное: его любимицей всегда была я, не Лин. И да, конечно, я пока очень, очень не хотела умирать в принципе – ни мучительно, ни тихо во сне, никак. И ужас нарастал, нарастал от стойкого понимания: меня не спрашивают. А исправить ничего нельзя, потому что мертвецы никогда, ни к кому еще не возвращались.

Проходя одну бессмысленную инициацию за другой, я на каждой прощалась с жизнью – что еще мне оставалось? Я была мрачной и нервной, я снова привыкла к кошмарам, уже не имевшим с гневом богов ничего общего, я почти не ела и вымещала отчаяние там, где могла, – в боевых тренировках. Перчатку я так и не освоила, она напоминала мне о самых дурных вещах. Зато Финни не волновало, кого я там убила, а хлыст... хлыст я забрала у *него*. Это была единственная вещь, которую я вынесла из комнаты Эвера.

Во время одной из тренировок Скорфус, которого я, похоже, достала, нашел меня и выволок на откровенный разговор. Прежде он точно не знал, как именно я лишилась гасителя: сначала я боялась, что он проболтается кому-то, потом стыдилась, уверенная, что полубожественная сущность не позволит ему дружить с такой дрянью, как я. Но он ясно видел: у меня проблемы. Когда, устав драться сама с собой, я легла на песок и уставилась в небо, он прыгнул мне на грудь, наклонился и вкрадчиво велел: «Исповедуйся. А я постараюсь помочь. Ну или обстебу тебя так, что тебе самой станет смешно». Непонятное слово «обстебу» звучало угрожающе, но терять было нечего. Смотря в желтый глаз своего фамильяра, я вдруг четко поняла: его я боюсь расстроить почти столь же сильно, сколь отца. Ведь он очень горд тем, что поселился именно с принцессой. Все эти месяцы он рисовал мне головокружительные перспективы того, как станет «королевским котом», какие дела мы будем вытворять. У него было свое маленькое «король и его волшебник», а я собиралась это разрушить, да еще и за спиной. Друзья так не поступают. Друзья не врут. И когда из моих глаз потекли слезы, я выдохнула:

«Скорфус, ты помнишь гасителя Эвера, который когда-то пропал? Так вот. Это я его убила».

Я наконец рассказала ему все, кроме одной детали – про растерзанных «детей героев». Представила это просто как ссору, в которой не сдержала дар. Скорфус понял. Он некоторое время ходил по мне, размышляя, потом спрыгнул на песок и целеустремленно затрусил к скале, на которую я ему указала.

«У меня для тебе хорошие новости, человечича! – крикнул он, уже встав у камня на задние лапы и уперев в него передние. – Стеб откладывается. Я, кажется, смогу тебе помочь».

Так мы и оказались в Подземье. И на самом деле... уже тогда я догадывалась, что услышу от Эвера, если даже мне удастся спасти его, это слово.

«Нет».

Чтобы моя вина считалась искупленной, недостаточно того, что я его вытащила. Чтобы я вошла на трон спокойно, он должен меня простить. Но такие вещи не прощают.

– Я не пыталась спасти тебя эти четыре года, просто не зная, что это возможно, – собравшись, продолжаю я. Он слушает. Лицо непроницаемо, но я благодарна уже за отсутствие там насмешки, неверия и презрения. – Я же представления не имела, что есть способ...

– Как же ты так внезапно его нашла? – Он снова смотрит на дрожащие лепестки виол, а мне не остается ничего, кроме нелепой правды:

– Исповедалась своему коту. Ну, ты его видел. Это Скорфус, он... заменил мне тебя.

– Даже так. – Читаю это по его губам и ловлю непонятную эмоцию, снова слишком похожую на горечь, чтобы внутри все не перевернулось десять раз.

– Ну... попытался. Я ведь умирала без тебя, Эвер. И даже ничего не имела против смерти.

Он опять обращает блеснувшие глаза на меня. Кажется, я вот-вот услышу нечто гневное и вполне справедливое вроде «Ты не знаешь, что такое умирать». Но, похоже, он устал от этого разговора, он просто не хочет пока больше думать, насколько я честна. И я могу его понять. В конце концов он лишь шепчет:

– Что ж. Я рад, что ты не умерла.

В горле пересыхает. Я хватаю кувшин, тащу его к губам, делаю несколько жадных глотков, все это время крепко-крепко жмурясь: и потому что не могу смотреть на Эвера, и потому что должна хотя бы ненадолго спрятать глаза. Услышанное отдается в голове, бьется о стенки черепа, как заблудившаяся летучая мышь в незнакомой пещере. Я прекрасно понимаю: нельзя выдохнуть, нельзя питать иллюзий, тем более – радоваться. У фразы может быть много подтекстов.

– Видимо, это должно произойти именно сейчас.

...Например, такой. Проглотить воду оказывается сложнее, чем набрать ее в рот.

Сглотнув, я наконец открываю глаза, но вопреки ожиданиям не вижу злости. Эвер бросил фразу как что-то само собой разумеющееся, примерно так же он объяснял работу хлыста в детстве. И, поняв, что повторять «мне жаль» бессмысленно, что умолять о прощении глупо, что путь остался один, я покоряюсь. В конце концов, у меня тоже есть вопросы к Эверу. Скоро я их задам. Но начну все же с простого, безнадежного, столь же бесцветного уточнения:

– Как бы сказать... мне бы этого не хотелось. И мне не кажется, что я правда это заслужила.

Он опять приподнимается на кровати, в этот раз садится почти прямо. Смотрит долго, задумчиво, а я всем видом стараюсь донести до него: «Спорь, спорь, можешь даже меня проклясть или ударить». Я готова. Я приму все. Второй фразой я ведь и пыталась спровоцировать его, пыталась добиться чего-то, что сдвинет нас с мертвой точки. Пусть он отреагирует. Пусть крикнет: «Заслужила, еще как, и я рад, что ты сдохнешь!» Пусть хоть что-то станет понятнее. Но нет.

– Эвер, – шепчу я. Скорфус мягок в своих оценках: я не только вспыльчивая, но и очень нетерпеливая. – Почему ты молчишь, ну почему?..

Вряд ли он представляет, каково это – кричать «Прости меня!» в пустоту.

– А что я должен сказать тебе? – Он опускает голову. Все-таки поджимает колени, накрытые одеялом, к груди. – Что, Орфо? Ты сама, как я вижу, прекрасно все понимаешь. – Он кусает губы. – Четыре года я был монстром. Да, мой разум не участвовал в убийствах, но помешать этому... этому чему-то не мог. Я вряд ли забуду, как пожирал плоть тех людей. Вкус их крови. Дым от их кишок. Треск костей. И теперь, если я правильно понимаю, ты хочешь, чтобы я как-то жил с этим дальше. – Его голос все еще ровный, глаза стеклянные. – Расскажешь как?

Я держу кувшин на коленях, а зря: меня обуревают дикое желание швырнуть его в стену или в окно. Эвер по-прежнему не закричал на меня. И не ответил, заслужила ли я, по его мнению, смерть во время коронации. Но он сказал ровно то, что я тщетно, упрямо выпихивала

из мыслей, с момента, как Монстр упал к моим ногам. Выпихивала, хотя это самое главное.

– Я не знаю. – Больше слов нет. – Но одно могу подтвердить точно. Я *очень* хочу, чтобы ты жил. Что бы ни случилось со мной.

Я ставлю кувшин на пол, встаю: уже уверена, что Эвер спокойно отреагирует на мои движения. Больше не могу находиться на месте, прохожу к окну, встаю там – у низенькой белофигурной амфоры с темными, густо-синими виолами. Их цвет похож на цвет моих глаз и глаз Лина. Я касаюсь ближнего, недавно распустившегося цветка, а потом снова заставляю себя посмотреть на Эвера. И под его усталым взглядом продолжить:

– Я рада, что мне не пришлось говорить это вслух. Да, Эвер, без твоего прощения примерно через три с половиной недели я погибну, и Гирия останется без правителя. Я прекрасно понимаю, как тебе сложно, и даже сомневалась, смогу ли попросить тебя... – запинаясь, – хотя бы попытаться меня простить. Но я прошу. Не только из-за себя. Ты сам знаешь правила. Отец.

– Изобретательный ход, – бросает он, явно постаравшись вложить в голос яд. Но я этому рада, это же признак жизни.

– Не бойся, – это мы уже обговорили, – он не будет ни ползать перед тобой на коленях, ни оправдывать меня, когда вы увидите. У него четкая позиция. Хотя ему очень жаль.

Эвер прикрывает глаза и сжимает губы.

– У меня даже была мысль... – Это я точно хотела озвучить не сейчас, но после вопроса «Как мне жить?» разговор все равно пошел не по плану. – Что тебе стоит побыть с нами до церемонии еще по одной причине. Что я могла бы убедить его отдать трон *тебе*, если я умру.

Определенно, эффекта я добилась: он распахнул глаза, резко вскинулся. Приоткрыл рот, но тут же снова сжал губы и... теперь зло, холодно улыбается. Взгляд исподлобья обжигает меня до костей. А потом Эвер сипло, надтреснуто, с явным трудом смеется, до судороги вжав ладонь в грудь. Мало похоже на его смех... На те редкие разы, когда я его слышала. Даже в детстве он особенно не смеялся; как правило, его веселье ограничивалось сдержанным фырканьем, качанием головы, лукавым прищуром. Но если вдруг он все же

смеялся, мы с Лином грелись в этом смехе. И отец тоже, я всегда это ощущала.

– Ты издеваешься, – выдыхает Эвер, замолчав так же резко, как захохотал. Изможденно откидывается на спинку кровати, трет глаза. Недоумения он даже не скрывает. – Ты точно издеваешься, иначе я это воспринимать не могу. Хватит, ладно?

– Почему? – Я снова делаю к кровати шаг. – Почему, ведь он любит тебя и, между прочим, чувствует вину перед твоей страной...

«Мы предали Физалию. Мы искалечили Физалию. Похоже, мы нарушили какое-то правило, поэтому на нас все и валится». Папа правда сказал это вчера, когда мы уже сгрузили Эвера на кровать. Сказал, а я не посмела возразить: «На тебя все валится, потому что у тебя родилась волшебница. И к тому же неудачница».

– Орфо. – Он даже пытается встать. Морщится и отказывается от этой затеи. – Орфо, ты что, считаешь себя исключительной настолько, что только тебе нужно бояться божественных правил? – Снова он облизывает губы. – Я, если ты не забыла, тоже убийца. И даже не только по твоей милости. – Он вздыхает. – Это не говоря уже о том, что Плиниус – умный человек. Он не возведет на престол кого-то, кто шатался в подземельях четыре года. Несмотря на то, что правила не запрещают ему выбрать почти кого угодно.

Правда ведь, почти. Безгрешного. Здорового. Не волшебника. Без грязных помыслов вроде: «Вступлю на престол – и подниму налоги втрое, чтобы построить себе новый дворец». Вот и все условия, нужные наследнику, чтобы пройти церемонию и остаться в живых. А дальше он может вытворять что угодно, как моя мама, например.

Я киваю. Киваю, хотя только что Эвер разрушил одну из моих маленьких последних надежд. «Я убийца, и не только по твоей милости». Значит, все точно, бесповоротно случилось ровно так, как я увидела в давний дождливый день. Хорошая новость: я не спятила и Лин не прав. Плохая...

– Что ж. – Я собираюсь и одариваю Эвера самой холодной улыбкой, на которую способна. – Благодарю за откровенность. В таком случае мы с тобой начинаем разговаривать по-деловому. Как взрослые люди, которыми давно стали.

Он все-таки не может скрыть удивления от перемены в моем тоне и мимике: щурится. Не возражает, пока я снова иду к кровати, пока

опускаюсь обратно в кресло. Беру кувшин. Делаю еще глоток воды. Вытерев губы и посмотрев на Эвера в упор, начинаю ровно перечислять:

– Я могла бы убежать до коронации, но тогда папа умрет – и я этого не сделаю. Я могла бы не отлавливать тебя по катакомбам, но тогда умру я, а папа все равно этого не переживет, – и я рискнула. А еще... – Медлю. – Я могла бы прямо сейчас, услышав твой отказ, кое-что кое-кому поведать, и тогда тебе конец. Ведь пока что тебя очень жалеют и ждут. Но в ближайшей перспективе могут четвертовать. И ты сам только что признался, что повод есть.

Он реагирует не сразу – какое-то время осмысливает слова. Когда, слабо вздрогнув, он открывает рот, я уже нахожу продолжение и поднимаю ладонь: помолчи. Я хочу, чтобы меня услышали. Я хочу, чтобы поняли: стыд, боль и вина – не единственные чувства, которые я испытываю, вспоминая случившееся четыре года назад.

– Когда вчера отец увидел тебя, – я стараюсь удержать все тот же сухой тон и не дать голосу надломиться, – я действительно ему не солгала, призналась в том, что с тобой сделала. Более того, я сказала ему, в кого ты из-за меня превратился, но дальше... – Я вижу, как он напрягается, вижу, как проступивший было румянец гнева сменяется серостью, и не без торжества убеждаюсь: Эвер покорно дослушает. – Дальше я решила не очернять тебя. Я сказала, что ты задрал тех четверых уже Монстром. Не собой. Что они довели и тебя, и меня, что я хотела применить силу к ним, а не к тебе, совсем чуть-чуть, а она сработала неправильно... – Я на миг прикрываю глаза. Ловлю себя на том, что хочу нарисовать подобную картинку и для себя тоже. Сделать ее реальной. – И вот... ты стал тем, чем стал. И убил их. А я – тебя. А солгала я в детстве, потому что боялась изгнания, суда, много чего...

Эвер не двигается, но судорога бежит по его лицу. Губы дрожат, потом болезненно кривятся; ресницы опускаются, знакомо прикрывая бирюзу глаз. Он обмер, но у него точно есть ответ. Злобный или полный благодарности, я не знаю, но пока это и неважно. Я продолжаю поскорее:

– Папа поверил. Но сказал, что для двора и законников понадобится ложь. Вместе мы ее придумали: что Монстр был просто Монстром, чудовищем из глубинных пещер, которых на самом деле полно в Гирии и под ней. – Я безнадежно машу рукой в сторону

окна. – Что мое волшебство случайно выпустило его. Он убил четверых и забрал тебя. А я не смогла тебя спасти. До сегодняшнего дня. Я была глупым ребенком, что с меня взять. Кажется убедительным. Да?..

Теперь я надеюсь услышать ответ, но меня встречает тишина. У Эвера оглушенный вид, глаза он открыл, но смотрит на свои колени, точно пытаюсь заслониться от всего, что я сказала. Нижнюю губу он поджал, уголки рта опустил. И мне опять приходится бороться с желанием коснуться его, хотя бы встряхнуть, чтобы убедиться: он здесь.

– Мне жаль узнать, что ты все-таки это сделал – правда убил их. – Шепчу, потому что ждать не в силах. – И я не могу просто забыть это, потому что... – Эвер вскидывается, но упрямо молчит, – ты ведь понимаешь, я не тронула бы тебя, если бы этого не произошло. – Он кусает губы, я же нервно потираю саднящую шею, собираясь с духом. – Эвер, я решила, что ты... обезумел, примерно как моя мама. Какая-то часть меня очень этого боялась, боялась вообще любого безумия, с детства, и поэтому...

– Я понимаю.

Я ослышалась? Нет, он правда это сказал, ровно и мертво. Не сводя с меня глаз.

– Я очень хочу... – В горле ком, и вдруг я понимаю: все предыдущее, что я говорила, было легким; тяжелее гири – именно эти слова. – ...понять, почему ты так поступил. Если, конечно, ты можешь объяснить. Если ты мстил Лину за то, что он выбрал не нас; если ты мстил детям тех, кто вторгся в твою землю; если ты...

– Ты знаешь, – перебивает он со странным выражением: будто у него заныло все тело. Снова пытается хотя бы свесить ноги с кровати, снова кривится и прикладывает руку к ребрам: Скорфус сказал, ему тяжело будет двигаться еще пару дней. Но взгляд вспыхивает горькой уверенностью. – Знаешь...

Качаю головой, но в животе ворочается холодное склизкое предчувствие. Все должно быть просто – просто, глупо и гадко. У людей иначе не выходит, не поэтому ли боги придумывают нам столько правил?

– Объясни, – сдавленно прошу я и подаюсь немного ближе. Опускаю руку на постель, рядом со сжавшейся в кулак рукой Эвера –

той, на которой темнеет клеймо. – Объясни, вспомни, какой маленькой я тогда была. Что я упустила?

И Эвер объясняет. Он говорит недолго, но с большими паузами – будто нащупывая фразы в темноте и вместо них находя иногда острые камни или осколки амфор. Он перечисляет все слова, которые «дети героев» ему говорили. Повторяет все вопросы, которые ему задавали с приветливыми ухмылками. Помедлив особенно долго, шепчет имя Лина – и продолжает, продолжает ровно так, как я жду, и продолжение в который раз разбивает мне сердце.

Это полное ревности «Как ты любишь его?». Эта нетронутая комната с виолами. Этот горящий предсмертный взгляд. Это... «Ты никогда его не заслуживала».

Когда Эвер замолкает, мы сидим в тех же каменных позах: руки не соприкасаются, а вот лица близко. Я слышу, как тяжело он дышит; я хочу удержать его за подбородок, когда он отводит взгляд и комкает покрывало так, что мог бы порвать ткань, будь у него когти. Я бессильно ищу слова, но он заканчивает сам, тихо и сипло:

– Ты, может, была права, Орфо. В ту минуту я сошел с ума. Я сам знаю, что не должен был убивать их, они не заслуживали смерти, они были просто... просто... – Глаза вспыхивают, мокрая дорожка бежит по бледной щеке, и он резко отстраняется, опять вжавшись в спинку кровати. – Просто дети. Почти как Лин и ты. Они не травили меня, не преследовали, не били, это произошло один-единственный раз, и я не хотел, но...

Но ничего не изменить. Он сползает вниз, падает головой на подушку и жмурится. Я больше не знаю, что ответить. Я хотела понять причину случившегося, но вовсе не хотела, чтобы он каялся. В одном он прав: вчера, когда врала отцу, я, похоже, уже примерно знала, что услышу.

«Они довели и его, и меня». Так я и сказала.

«Он убил их, не владея собой».

«Монстр забрал его, а я не смогла спасти».

Все почти правда.

– Мне не нужна твоя ложь. – Я слышу это как в тумане, даже не сразу понимаю, о чем речь. Эвер лежит, все не открывая глаз. – Точно не перед Плиниусом. Если он правда хочет меня увидеть, я расскажу ему правду.

– Это твой выбор, – выдавливаю я, а на моем лице наверняка читается удивление. Эвер всегда был очень честным, но здесь мне трудно его понять. – А... перед остальными?

Он поднимает руки, запускает в волосы. Снова я смотрю на тонкий ободок бирюзы, пытаюсь вспомнить, когда подарила его Эверу и откуда взяла. Кажется, его вынесло море, прямо на пляж, и я подумала: это может быть древность с затонувшего корабля. Эвер считал иначе: скорее какой-нибудь вор из города неаккуратно нес мешок с добром. Но подарок принял.

– Тебе не повезет, если меня казнят прямо сейчас, верно? – Его голос снова охрип, глаза поблекли. – Хотя, в общем-то, казнь будет заслуженной и вполне отвечает моему чувству справедливости...

– Моему – нет, – пропустив вопрос, перебиваю я. – И поверь, папиному тоже. Он никогда особенно не любил эту банду нахлебников, бедных сироток, которым деньги выплачивались только в память о маме и...

– Они были людьми, – сипло, но строго обрывает Эвер. – Важными для Лина. Почему ты...

Да потому что для меня не было никого важнее тебя! Но как ни хочется крикнуть это ему в лицо, я щерю зубы и бросаю лишь:

– Потому что я та еще дрянь. Сам помнишь, как я тебя отлупила там, в Подземье. После тебя никого доброго со мной рядом не было, привыкай, я одичала.

Я сама предложила говорить «как взрослые люди», то есть по существу. Я смогла добиться правды от Эвера, я смогла даже увидеть его чувства, я уже вряд ли забуду его блестящие от слез глаза и этот хрип: «Просто дети». Но сама я чувств больше не выдам. Тем более он выжал их все.

– Я предлагаю тебе сделку, – закинув ногу на ногу и сложив на колене руки, снова заговариваю я. – Она не слишком обременительна, но если ты правда любишь папу и не хочешь, чтобы он оплакивал меня и королевство, советую согласиться. Все просто: мы доносим до законников и народа ту самую «подлинную» историю. О похищении Монстром. – Он кивает, показывая, что понял. – Я каюсь, что солгала в детстве. – Он хмурится, явно порывается что-то сказать, но я прошу подождать. – Снова приближаю тебя к себе. И мы начинаем просто... общаться. Как получится. – Теперь он смотрит удивленно, и я спешу

пояснить. – Эвер, правила знаем мы оба. Мне было недостаточно тебя вытащить, тебе, даже если ты захочешь, будет недостаточно сказать: «Я тебя прощаю». – Я нерешительно тяну руку навстречу, но, видя, как он напрягся, только наставляю указательный палец на его сердце. – Все происходит там. Это сложно. Именно поэтому я также прошу тебя на какое-то время остаться с отцом в случае моей гибели. Поддержать его и попытаться что-то сделать со страной. Не дать ей развалиться, найти преемника, не знаю. Потом сможешь уйти. А если вдруг... – Теперь, к концу разговора, я убеждаюсь, что шансы ничтожны, но все же заканчиваю: – Если ты правда меня простишь, я отпущу тебя сразу после церемонии. Как я уже сказала, мне больше не нужен гаситель. У меня теперь есть Скорфус.

Не нужен гаситель. Пусть так.

Добавить нечего, и я снова откидываюсь в кресле. Опускаю на подлокотники руки, стараюсь держаться расслабленно, не отвожу глаз. Да, есть еще много вещей, которые мы друг другу не сказали. Но время бежит. Скорфус и отец, наверное, уже сходят с ума.

Эвер думает – а может, ему опять нехорошо. Он не шевелится, грудь вздымается совсем слабо, руки плетью лежат поверх одеяла. Но взгляд опять прикован ко мне – теперь так, будто он мучительно пытается разгадать какую-то загадку.

– Ты сильно изменилась, – выдыхает наконец он. Не раздраженно, скорее задумчиво и устало. Нервы не выдерживают, включается привычная защита, я поднимаю бровь.

– Надеюсь, за этим не последует ничего вроде: «Ты стала такой горячей, что я, пожалуй, на месяцок сделаю тебя своей рабыней, чтобы ты вымаливала прощение».

Определенно, он оторопел. И определенно, я снова вижу на щеках слабые розоватые пятна. Но растерянность секундна.

– Давай не будем забывать, что я помнил тебя довольно маленькой. И любил тоже. И не в таких извращенных формах.

Последних слов я почти не слышу: вторая фраза отдается звоном в ушах. «Любил». Я не должна обращать внимания на форму прошедшего времени, я заслужила ее, более чем заслужила, и не помешает как-то отшутиться, чтобы он ничего не заметил. Но я не могу. Сердце ноет, а будничным строгим голосом возвращает в то время, когда мы были неразлучны, когда я могла, например, забраться на край

этой кровати в ожидании, пока Эвер проснется. Меня обдаёт жаром. Если он никогда особо не краснел, то моя кровь ведет себя как дурная, особенно когда сразу несколько чувств во мне схлестываются. Сейчас это горечь. Досада. Стыд. И злость, не столько на Эвера, сколько на себя.

Он не отрицает вины в тех смертях и в том, что сам запустил чудовищную цепочку событий. Но это нисколько не оправдывает меня, ни по факту, ни в его глазах. И хотя за всем этим осталось многое, что мне хотелось бы обсудить с ним, безнадежно запоздалое, но важное... если я начну сейчас, неизвестно, до чего мы договоримся. И выдержу ли я это.

– Да, я все понимаю. – Словно кто-то говорит за меня. – Такие вещи не искупаются ни завтраками в постель, ни нарядами одалиски. – Колеблюсь и иду на второй круг унижительного юмора. – Но ты правда можешь попросить, пока я жива.

– Орфо... – Я очень надеюсь, что он фыркнет от смеха, что я снова услышу этот странный звук, будто чихает лисенок. Но он только качает головой так, будто ему стыдно, и далеко не за себя. – Да. Ты определенно изменилась.

Вот теперь я взвиваюсь, терпеть это вечно я просто не могу.

– Что, все настолько плохо?! – Наверное, у меня очень уязвленный вид, но сейчас плевать. – Слушай, Эвер, я просто... просто не знаю, как себя вести, я примерно представляю, как тебе со мной омерзительно, но я напоминаю, что...

– Мы делаем это ради твоего отца, – шепчет Эвер. Думает, что заканчивает мою мысль, и опять ранит меня.

...что виноваты мы оба. И те, кто причинил тебе боль. И я хочу, чтобы ты простил меня хотя бы после смерти. Но я подчиняюсь и вру:

– Да. Только ради отца.

– Ну да, ну да, – раздаётся со стороны окна, и меж двух горшков зашелестевших виол к нам проносится гибкий черный силуэт. – Верю! И если хоть кто-то из вас испортит мою грядущую судьбу королевского кота...

Скорфус приземляется на ту же тумбу, где сидел, и насмешливо сверкает глазом. У него тот самый вид, по которому «Я все слышал, сделал выводы, но вы узнаете о них последними» не прочел бы только

тот из наших древних великих поэтов, который был слепым, Го Мэрис, кажется. Впрочем, даже он все понял бы по тону этого «верю». Я вздыхаю и снова пытаюсь спихнуть Скорфуса на пол, но на этот раз он нагло впился в тумбу всеми лапами и встопорщил крылья.

– Привет снова, – говорит он, упорно не замечая моего усердия и таращась только на Эвера. – Рад, что ты можешь разговаривать, дышишь без проблем и отхаркиваешь самое безобидное, что возможно в твоей ситуации. – Эвер хмурится, но ждет окончания речи. – Я Скорфус. – Одно черное крыло почти бьет меня в глаз, и я сдаюсь. А зря. – Лучшая версия тебя, если хочешь знать. Теплая. Пушистая. Не душная...

– Скорфус. – Не придумав ничего лучше, я дергаю его за хвост. – Ты не помогаешь.

– Тихо, человечича. – Хвост стучит мне по лбу. Скорфус и Эвер пялятся друг на друга одинаково пристально, только во взгляде у первого неприкрытое высокомерие, а у второго – лишь усталое «За что?». – И еще. Если бы не я, ты бы до сих пор скакал там, в подземельях. Злобной чокнутой обезьянкой. Понял?

– Мне уже... сообщили, – выдавливает Эвер с заметным усилием. Как и я когда-то, он все же растерян: фамильяры – довольно редкие существа, вряд ли прежде он с ними общался. Впрочем, нет, тут я ошибаюсь. – И я, кажется, помню, как сожрал пару твоих сородичей.

– Фу, вульгарщина. И это вместо «спасибо». – Скорфус кривит морду, но не похоже, что он правда возмущен. – Ну ладно! – Так и есть, он уже довольно облизывается. – Завтрак ждет. В саду, как в вашем невинном детстве, или что там было у вас без меня... Полетели уже, а?

– Пошли, – вяло поправляю я и переступаю через себя: снова нахожу силы окликнуть Эвера. – Как ты? Сможешь встать, одеться, привести себя в порядок сам? Могу позвать прислугу, могу...

Щеки снова обжигает жаром, и я не произношу «помочь», вспомнив нелепую шутку об одалиске. После этого я точно буду выглядеть настырной, озабоченной дурой. Отпускать пошлости, особенно с теми, кто мне так или иначе нравится, – обычно для новой меня; это еще одна вещь, которую я подцепила от Скорфуса, но сейчас это явно неуместно, выглядит каким-то жалким заигрыванием. Вздохнув, перескакиваю на другое:

– Чем быстрее ты начнешь ходить и дышать нормальным воздухом, тем быстрее тебе станет лучше. Хотя мы можем, конечно...

И опять я, как полная дура, запинаюсь, ведь про завтрак в постель я тоже ляпнула раньше. Скорфус таращится на меня с таким видом, будто сейчас свалится с тумбы сам – от хохота, распирающего всю его кошачью тушку. Во взгляде Эвера не читается ничего: возможно, он напрочь забыл мои неловкие слова. Точнее, выбросил из головы. Скорее всего, так и есть.

– Спасибо, я справлюсь, – отвечает наконец он, уверившись, что я не продолжу. – И... да, я выйду. Хочу увидеть, как изменился сад.

Никак. Я его берегла. Но я молчу, стараясь дышать поглубже и изучая свои колени. Сжимаю кулаки, исподлобья следя, как он в третий раз пробует встать с кровати и как наконец ему это удастся. Он делает несколько осторожных шагов. Хватается за стену и горбится, но тут же, не издав ни звука, выпрямляется. Доходит до своего шкафа.

– Мошь ничего не сожрала, – сообщаю я под скрип открываемой дверцы. – Мы правда за всем присматривали.

– Интересно, зачем, если для всех вас я был мертв, – доносится совсем тихо. Запоздало я осознаю, что Скорфус вот уже почти минуту тактично молчит. Вылизывается. Смотрит на свой зад, а не на нас.

– Здесь давно больше комнат, чем людей. – Приходится все же ответить единственное, что похоже на правду. – Ну... ты помнишь. И знаешь, когда кто-то уходит, всегда заметно. Мамины покои тоже стоят нетронутые.

Вот только я не хожу туда поливать цветы. Да там и цветов-то нет, только всевозможная дорогущая мебель, безделушки на любой вкус и гора платьев, которые я в жизни не надену.

– Понятно, что ж... спасибо, – тихо говорит Эвер, забирает с полки стопку белой одежды и скрывается за дверью своей ванной комнаты. Вскоре я слышу шум воды.

Какое облегчение. Какое облегчение не видеть его хоть немного. И хотя подспудно я с опаской прикидываю, не грохнет ли он в купальне, когда ему опять изменят ноги, я рада, рада, что осталась одна. Ну... почти одна.

– Слушай, вы стоите друг друга. – Скорфус вспархивает с тумбы, летит через комнату и приземляется прямо у дальней двери. Похоже,

тоже опасается, как бы Эверу не стало плохо, и собирается нести дозор. – Теперь-то я понял, в кого ты такая душная.

– Да я вообще не душная! – Надоело, если честно, все время слышать от него этот «комплимент». Я потираю лоб, понимаю, что еще немного – и расклеюсь не хуже Эвера, и жалею: – Скорфус, я устала... может, завтрак в кровать вы принесете мне?

– Да щ-щас-с-с. – Второе слово напоминает шипение, я едва понимаю, что вообще Скорфус сказал. «Сейчас»? Морщусь, встаю, но ноги тут же подгибаются, и я, сама того не осознав, ничком падаю вперед, на постель. – Так, слушай. Вот это было самое омерзительное поведение, какое я видел в своей жизни.

– О чем ты? – бормочу я, зарываясь в подушку лицом. Она пахнет маслами лаванды и пихты, которыми ее взбрызнули вчера, а еще кровью и, как я запоздало осознаю, волосами Эвера. От них всегда тянуло просоленным деревом и раскаленным песком, не знаю почему.

– Вот об этом всем. – Не знаю, что он там делает, я закрыла глаза, но тон у Скорфуса обеспокоенный. – Быстренько возьми себя в руки. Слезь с чужой постели. И начни выглядеть так обворожительно, чтобы не простить тебя было преступлением.

– Это так не работает. – Я даже не думаю поднимать голову, чтобы одарить его возмущенным взглядом. Цинизм, пожалуй, единственное в нем, к чему я привыкла сполна. – Если ты правда ничего не упустил, то сам понимаешь: все серьезно. Мы оба совершили омерзительные поступки. У нас обоих есть оправдания, но они нас не примиряют. Мы не можем просто... – Я вздыхаю. Смесь запахов, приятная и даже убаюкивающая, щекочет ноздри, – продолжить жить как жили. Убийства, которые он совершил, что по своей воле, что не сам, будут преследовать его. А меня будет преследовать то, что я должна была проявить милосердие. А еще лучше – обо всем догадаться заранее и бить тревогу.

– Да о чем? – Скорфус говорит все более нервно. Я дергаю плечом, не понимая резкую перемену его настроения. Я не требовала от него такого уровня поддержки.

– Что эти ублюдки рано или поздно докопаются до него, что он ни за что не бросился бы на них без причины, что его... прошлое с тем медиком нельзя тревожить, это же как змея в траве.

– Ты была малышкой, чья мама сошла с ума, – мягко напоминает Скорфус.

Я ловлю себя на грустном желании его обнять, но обнимаю только подушку.

– Я была принцессой, Скорфус. Это ко многому обязывает. Как минимум – доверять тем, кто помогает мне выживать, и всегда принимать их сторону.

Неожиданно он не спорит. Какое-то время я слышу только тишину, полную шума воды, а потом ощущаю привычную когтистую поступь на своей спине.

– Тут решать только тебе, Орфо. Но я все же предупрежу. Вряд ли прощение этого двуногого спасет тебя, если ты не простишь себя сама.

– Это правило? – не шевелясь, опасно уточняю я. Только этого не хватало.

– Это жизнь. – Скорфус вздыхает. И вздох звучит по-человечески.

Под его колким массажем я начинаю задремывать помимо воли. Комната там, за моими сомкнутыми веками, плывет и качается, кровать превращается в плот, несущий меня прочь. Я даже словно вижу себя со стороны – помятую, в сбившейся сизой тунике и слинах – облегающих кожаных штанах, за которые отец каждый раз готов меня убить, потому что у принцесс и нобилесс они тренировочные, а не повседневные. На что похожи мои волосы, интересно?.. Они такие же темные, как у Лина, но не так блестят, они почти всегда напоминают шерсть какого-то животного, которое сдохло пару недель назад. Пока Эвер был со мной, я следила за собой лучше: в шкафу висело несколько любимых пестрых платьев, я украшала пучки можжевельником и оливой или делала себе сложную прическу из двух кос. Я не думала в сторону того, чтобы понравиться ему, для такого я еще не доросла. Но иначе я чувствовала себя неловко рядом с ним – носящим белое, аккуратно причесывающим волосы, вовремя начищающим кольца. Он не упрекал меня в неопрятности, все же ни моим учителем, ни слугой он не был, но мне просто хотелось... соответствовать. Что он думает обо мне теперь, интересно? Что он имел в виду под «изменилась»? И насколько смешно ему было от моих жалких шуток?

– Так-то лучше, – звучит в теплом тумане. Скорфус хорошенько проходится по моим лопаткам. – Эй. Чего встал-то, на что уставился?

– Спит? – Это явно Эвер. Я что-то мычу.

– Понимаешь ли, принцессы, охотящиеся на чудовищ, – это не каждый день случается.

– Фамильяры, заменяющие гасителей, тоже...

Скорфус хмыкает не без вызова.

– Еще скажи, что будешь сражаться за свое прежнее место.

Пауза не длится и двух секунд.

– Едва ли. Тем более ей и так хорошо.

Внутри снова что-то сжимается, я понимаю, что открывать глаза сейчас – плохая идея. И я только прошу:

– Не говорите обо мне так, будто меня тут нет. Пойдемте есть.

Но прежде чем я оторву от подушки голову и посмотрю на невыносимо белого, идеального и чужого Эвера, мне нужна еще минута. И я утыкаюсь в подушку сильнее, надеясь, что запахи хотя бы ненадолго уведут меня назад. Скорфус все еще топчется по моей спине теплыми лапами. Но кожу под одеждой отчего-то леденит озноб.

2. Третий ребенок. Эвер

На главной лестнице ноги все же подводят снова, и я спотыкаюсь. Орфо поймать меня не успевает, а ее кот не пытается – и, неловко впившись одной рукой в мраморные перила, я падаю на колени и разбиваю их о край предпоследней ступеньки. Хуже ломкой боли – то, что удар камнепадом отдается в ушах. Пока голова слишком чувствительна – там отстукивают даже шаги, как ни стараюсь я ступать бесшумно. Теперь я и вовсе хватаюсь за виски, едва сдержав стон.

– Ай-ай, какая досада, – злорадно причитает черный крылатый комок, витая надо мной. Я мог бы решить, будто не нравлюсь ему, но скорее он просто монстр от природы да вдобавок считает, что я в плохих тонах поговорил с Орфо, и собирается мстить. И как ни хочется постучать его затылком об стену, эту позицию придется принять, справедливость в ней есть. – Ничего, двуногий, пройдет.

– Ох, Эвер... – Орфо, в отличие от него, уже кинулась ко мне и опустилась рядом. Я скорее чувствую, чем вижу ее колебание: она хочет помочь мне встать, взвалив мою руку на плечо, но помнит о... проблеме, поэтому только беспомощно заглядывает в глаза. – Может...

– Не волнуйся. – Пересилив себя и отпустив голову, я начинаю осторожно подниматься. Чтобы скорее выпрямиться, вцепляюсь все в тот же мраморный завиток. Он успокаивающе холодит ладонь. – Все в порядке. Пойдем.

Я ступаю в залитый утренним светом атриум, где мраморные колонны-яблони бросают на пол синеватые тени. Шаг, второй, третий... какое же резкое сияние льется из шести высоких арочных окон. Похоже, я отвык от него сильнее, чем казалось в спальне, где окно было одно. Оборачиваюсь. Орфо все еще сидит на ступеньке и глядит мне вслед с выражением, от которого хочется скрыться. Кот опустился ей на плечо – нет, уже раскинулся вокруг шеи чудовищной горжеткой. Желтый глаз будто желает меня сжечь.

– Прекращай, – цедит кот сквозь зубы.

Я понимаю, о чем речь, но только отворачиваюсь и пробую прибавить шаг. Мерцает под ногами мозаика, запечатлевшая шесть

подвигов первобытных вождей, журчит в углу фонтан – триада изящных лебедей, – подле которого гнездятся светлые плетеные кресла. Все совсем прежнее, не поменялось за четыре года, разве что рама парадного портрета Лина стала из золотистой черной. Сменился и мотив: виноградная лоза обратилась в могильный плющ.

Их здесь три – королевских портрета, они встречают возможных гостей с трех из шести стен. На том, что против входа, возвышается Плиниус с его напоминающей о медных монетах кожей, широким носом и усами в пол-лица; справа глядит Лин – такой, каким я его запомнил, немного застенчивый и со змеящимися по плечам локонами; слева Орфо – уже совсем другая, нынешняя. Ее портрета не было, когда я жил тут; эта девушка в синей тунике и посеребренном лавровом венке мне едва знакома. Ее скулы стали резче, брови отяжелели, она начала подводить глаза – эту моду переняли у игаптян еще в Физалии, а теперь, видимо, она дошла и сюда. Нарисованная Орфо глядит напряженно и капризно. Абсолютно уверен: она не хотела позировать.

– Ты точно в порядке, Эвер? – тихо спрашивает настоящая Орфо, решившись приблизиться.

На секунду сердце теплеет: мне приятно ее участие. Если не гадать, искренне она держится или старается быть милой лишь по понятным нам обоим причинам.

– Да, – киваю, потирая глаза, чтобы прогнать невесть откуда возникшие перед ними красные силуэты. – Солнце... это все солнце.

Кое-что странное произошло, еще когда я вышел из ванной, и это не дает мне покоя. Остановившись в дверях комнаты, я вроде бы увидел постороннего – подсвеченную фигуру с узким размытым лицом и темными, болезненными глазами. Призрак был дымчатым, бесполом и бесцветным; он покачивался над разлегшейся посреди кровати Орфо, а кот, самозабвенно топтавший хозяйке спину, явно ничего не замечал. Я споткнулся. Призрак плавно повернул ко мне голову, улыбнулся широким беззубым ртом и... прижал к нему палец с красным длинным когтем. «Так-то лучше. – Скорфус тоже повернулся ко мне. Призрак мгновенно растаял. – Эй. Чего встал-то, на что уставился?»

Я уже смотрел на Орфо, на ее полускрытое волосами лицо, на голые по локоть руки, ставшие такими же жилистыми и сильными, как у брата. Шею покрывали раны – точнее, кожа была содрана, живого

места не осталось, и все из-за... из-за моих пальцев. Глупо, но я долго не мог отвести взгляд и с удивлением ощущал, как мутное воспоминание выветривается: место призрака занимала Орфо, обнимающая подушку. Я помотал головой, тщетно сопротивляясь, и открыл рот. Забыл, что хотел сказать. Скорфус пялился на меня все с большим недоумением, перерастающим в тревогу. «Спит?» – спросил я, просто чтобы его отвлечь. Кот кивнул. Мы заговорили о чем-то другом, а параллельно я со страхом думал: а если все это *последствия*? Я отхаркиваю окровавленные камни, еле хожу, мне нужно заново привыкать к свету... а началось все с того, что я убил людей. Убил, еще не став Монстром. Теперь галлюцинации?

Орфо открывает парадные двери и стоит в ожидании, пока я выйду. Часовых – ни у крыльца, ни у фонтана – нет. Поймав мой недоуменный взгляд, она поясняет:

– Видимо, отец снял их сам. Можно ждать его к завтраку.

Удивительно. Плиниус, насколько я помню, ел с детьми в лучшем случае раз в неделю. Обычно он погружался в дела – экономические, дипломатические, оборонные, – очень рано и поздно из них выныривал. Вряд ли что-то изменилось сейчас, когда на него обрушилось столько множасьих бед. Он ведь все же готовит почву на случай смерти Орфо: раздает указания доверенным лицам; составляет буллы, которые можно будет вскрыть только «по особому распоряжению», и список тех, кто теоретически сойдет на роль преемников. Передав престол Орфо – даже если тут же похоронит ее, – он уже не сможет вмешиваться в дела Гирии, только ценой все той же жизни: боги не оставляют таких лазеек. Могу лишь гадать, что он чувствует.

Плиниус – хороший, настоящий хозяин, и, видимо, именно сейчас его... склонности достигнут пика. Склонности, не способности – так мы это называем, ведь способностями в *классически необычном* понимании обладает лишь несколько из почти двух десятков демосов. Волшебники с их веером сил. Целители с их правда облегчающими боль руками. Садовники, которых правда любит природа. Законники, способные распознавать ложь. У хозяев способностей нет, но они не могут жить, если вокруг нет порядка.

Орфо, идя рядом со мной, низко-низко опускает голову. Возможно, думает о том же, а я думаю теперь о том, что она мне

сказала. Плиниус знает правду о ее поступке, хотя такую жертву она вполне могла не приносить. Сказала бы, будто во всем, включая мою пропажу, виноват некий Монстр. Монстр, не она. Сколько я ее помню, разочарование отца было для нее самым страшным наказанием на свете. Но, похоже, что-то и вправду сильно поменялось.

Старый сад, стоит только сойти с крыльца, окутывает меня приветливой тенью, боль уходит из век. Я осматриваюсь, не в силах скрыть интереса: как же давно я не видел эти места. Огромные апельсины, высаженные полумесяцем вокруг замка; вереница черешен слева и олив справа от разбегающихся дорожек; беспорядочные заросли диких юкк, ромашек, горошка и анемон, сменившие геометричные розарии и лилейники королевы Валато. Водоем, подле которого в праздники пируют замковые гости, окружен садом камней – веяние Ийтакоса, главной империи Восточного континента. Камни словно под зелеными мшистыми покрывалами, а в самом пруду появились незнакомые мне круглые цветки с большими листьями. Их резные лепестки – цвета зари и яичного желтка.

– Лотосы, – называет их Орфо.

– Это я притащил, – хвастается Скорфус. – У нас в Игапте их полно, я обожаю их, так что, когда уезжал, повесил мешок с ними на шею.

– Видимо, поэтому ты тогда чуть не утонул, – подначивает она, сощурившись.

– Нет, я же говорил, из-за качки я едва соображал и забыл, как летать!

– На будущее знай, что плавать лучше без грузов на шее.

– Да что бы я без тебя делал, человечича!

Они переругиваются так, словно находятся в каком-то своем мире, далеко. Я слушаю, ощущая что-то, чего не могу объяснить. Не самое приятное. Холодное и тяжелое. Зачем-то напоминаю себе: это лишь кот. Хорошо, не совсем, фамильяры куда умнее, сильнее, и для них нормально держаться так, будто они вправе занять собой все пространство и в реальности, и в чужой голове. Некоторые, как я слышал, считают себя наместниками богов, пусть даже размер не позволяет им сделать с человечеством ничего действительно серьезного.

Одну секунду. Какое вообще мне до него... до *них*... дело?

– Красивые? – тихо спрашивает Орфо.

Не оттуда. Не из мира, который делит со своим котом. Она здесь, рядом, и ее интонация звучит как в детстве. «Я посадила хорошие цветы, Эвер?» «Тебе не скучно, Эвер?» «Пожалуйста, скажи, что я не раздражаю тебя, Эвер». Не тон маленькой принцессы, привыкшей, что мир послушно вертится вокруг нее. Тон одинокой девочки, у которой едва ли не впервые появился тот, с кем она может заговорить когда угодно и о чем угодно, не борясь за внимание с государственными делами и теми, кто помогает их делать. Я никогда не мог оставить этот тон и этот ищущий взгляд без внимания. Но сейчас я пожимаю плечами и смотрю вперед. Орфо больше не нарушает тишину.

Наверное, я зря вышел на улицу. А может, проблема шире и нам вообще не стоило говорить. По крайней мере, так долго. И так откровенно. Но Орфо вывернула все именно так – незаметно, быстро мы рухнули в прошлое, где еще приходились друг другу не теми, кем сейчас. Потоптались по руинам нашего почти-счастья. Похоже, она помнит его крепко, болезненно. Помню и я, и это еще одна причина, почему мне так сложно. Новая Орфо во многом держится иначе, чем прежняя. Каждую минуту нашего разговора она то открывалась для удара, словно забываясь напрочь, то начинала прозрачную, но довольно ловкую двойную игру.

«Я скучала».

«Мне очень жаль».

«Я хочу, чтобы ты жил, что бы ни случилось со мной».

«Я та еще дрянь».

«Я предлагаю тебе сделку».

«Я могла бы не отлавливать тебя по катакомбам».

Могла бы. При других обстоятельствах. Я бросаю на Орфо взгляд, чувствуя, как именно эта фраза горит в рассудке, но справляюсь с собой и не даю себе по-настоящему разозлиться. Дергаю подбородком, прежде чем она открыла бы рот и спросила бы, что случилось. Немного прибавляю шагу: кажется, идти уже легче, ноги более-менее окрепли.

Мы проходим по боковой аллее еще немного и там, где она раздваивается, сворачиваем в сторону высоких неухоженных кипарисов. Тайный угол. Крепостная стена. Место, куда Плиниус восемь лет назад вел меня так тихо, будто мы шли ловить редкое,

пугливое животное. «Моя дочь стала очень нелюдимой в последний год, – пояснил он мне, точно оправдываясь. – Почти такой же, как был до войны ее брат. Не пугай ее, хорошо?» Орфо не испугалась. Она вообще показалась мне довольно бесстрашной уже тогда. Конечно, не принцессой, способной охотиться на чудовищ в тораксе, с мечом и с хлыстом. Но и не олененком, готовым бежать сломя голову от треска веток.

Я чувствую это сразу. Ландыши. Их запах острее, чем запахи свежих лепешек, жареных орехов, молодого сыра, меда и этого странного напитка из горьких бобов, который четыре года назад еще только входил в моду. Те же бобы, привозимые с Дикого континента, прежде разгрызали и держали под языком, уверяя, что они бодрят; потом приноровились молоть и заваривать, но победить едкую горечь не смогли. Теперь напиток пахнет как-то иначе, приятнее. Туда, похоже, добавили специи.

– Эвер, – гулко раздается под тенистыми кронами. Плиниус встает с места, едва мы показываемся из-за поворота, и идет вдоль стола. Он спешит, но даже это выглядит величественно.

Я застываю первым, прикованный к месту тяжелым теплым взглядом. Плиниус, в отличие от Орфо, поменялся мало, даже седины особенно не прибавилось – он разве что еще немного раздобрел. Несмотря на это, ходит он по-прежнему почти без одышки, а когда останавливается в шаге от меня, кажется скорее Святой Горой, чем просто полным стареющим королем. Он протягивает руку. В ней всегда тонула что тонкая ладошка Орфо, что более крупная кисть Лина. Тонула и моя; тонули руки послов и правителей, приезжавших в Гирию. Я знал: многих из последних это задевает, они чувствуют себя неловко и тревожно. Первую минуту-две; дальше – ощущают, что находятся рядом с хозяином, который не знает надменности и не делает зла.

– Эвер, – повторяет он, и я, преодолев себя, пожимаю его руку. Я помню, он непременно накрывает кисть собеседника еще и второй ладонью, независимо от того, в каких отношениях с ним находится. Нелепо и стыдно, но по моей руке бежит предательская дрожь: не хочу. Плиниус снова заглядывает мне в глаза и не завершает пожатия, его вторая рука так и опущена вдоль тела. – Я рад тебе. Завидую, что ты все такой же красавец, но все-таки.

И он басисто посмеивается, откинув голову. Пожатие размыкается. Я всматриваюсь в него, дыша как можно глубже и собираясь. Я должен договорить то, что скрыла Орфо, – сейчас, смотря в его смуглое, но кажущееся светлее солнца лицо, я решил это окончательно. Живя в Гирии, я был перед Плиниусом так же незащищен, как его дочь: тоже более всего на свете боялся его разочаровать. Но в отличие от Орфо чувствовал: хуже лжи для него разочарования не будет.

– Здравствуй, папа, – заискивающе подает голос она, встав рядом со мной.

– Доброго утречка еще раз, толстый король. – Скорфус жеманно скалится и, слетев с ее плеча, устремляется к столу. – Молоко мое молоко...

– Здравствуй, Орфо. – Голос Плиниуса тяжелеет, но все же он опускает руки ей на плечи. Наклоняется, целует в щеку, потом в нос. – Плохо спала?..

– Не очень, – признается она, пряча глаза. – Думала. Много.

– Полезно, – ровно бросает он и, приобняв ее, подпихивает к столу. – Иди, садись. Хороший завтрак все-таки бодрит. Не так, как сон, но вполне.

Орфо подчиняется, украдкой кинув на его лицо взгляд, полный вины и стыда. Плиниус улыбается, хотя и немного вымученно. Кивает.

– Мы тоже сейчас придем.

И снова поворачивается ко мне.

– Как ты? – Глаза ловят немного солнца, снова темнеют. В них тревога.

– Все в порядке, – уверяю я, думаю пройти вперед, но он ловит за плечи и меня. Я дергаюсь. Он спохватывается и, скорее убрав руки, лишь просит:

– Чувствуй себя как дома, ладно? Ты ведь правда дома. И мы...

– Не переживайте. – Выдерживать это я больше не могу. Правда жжется внутри, а я все умоляю и умоляю себя немного подождать. – Мне повезло. Обратиться в чудовище и потом очнуться... это ведь лучше, чем стать им навсегда.

Орфо и Скорфус наблюдают за мной из-за стола: лицо первой полно тоски, а второй, занесший морду над какой-то миской, глядит просто зверски. Прочсть выражение желтого глаза нетрудно, и надо

сказать, упрек справедлив. *Ты не сам очнулся. Это мы тебя вытащили.* То, насколько он прав, отдается тошнотой, напрочь сгоняет аппетит, по новой запускает круг мыслей, из которого, уверен, мне уже не выбраться.

Они обрушились в первую же минуту пробуждения, сдавили горло, грудь, разум и превратили голос Орфо в пустой шум. Теперь им приходится сражаться с другими за право мучить меня, но многие из этих сражений увенчиваются победой. За четыре года я ни разу не взял над Монстром вверх. Я просто наблюдал, как он охотится и убивает. Нет... пару раз, кажется, я немного подавлял его и одурманенные жертвы почти убегали. *Почти.* Я не спас ни одну, только продлевал их агонию. Ведь Монстр всегда догонял.

– Эвер? – снова тихо зовет Плиниус, принявший мой стыд за задумчивость. Кивает. – Ты, как и всегда, совершенно прав. Чудовища, которым удастся проснуться, – счастливы.

Я уверен: он думает о жене. Орфо, судя по еще сильнее померкшему взгляду, тоже вспомнила мать. Плиниус натянуто улыбается, бормочет: «Ну пойдём», останавливает собственную руку, потянувшуюся приобнять меня, – и этой заботы я не выдерживаю.

– Погодите.

Я не сяду с ним за один стол, пока не скажу правду; я сумел открыть ее раз и открою второй. Я обязан – мне не нужны подачки в виде лжи, пусть даже спасительной для наших... для того немногого, что связывает меня с великим королем Гирии. Я никогда не смел назвать это словом «отношения». Отношения – это Орфо и Плиниус. Орфо и Лин. Орфо и я. Истина, которая медленно истязала мой рассудок, пока не привела к катастрофе, ведь маячила перед самыми глазами. Те, кого я любил, отмахивались от нее, требовали от меня того же, но суть от этого не менялась. Закон прост: без Орфо я ничто. У меня не может быть дружеских или семейных отношений с кем-либо ее круга – хотя это решили не они и не она. Просто я гаситель. Гасители... «...не должны забывать свое место».

Как и рабы, которых покупают старые медики-извращенцы.

– Эвер. – Орфо привстает. И даже ее кот, успевший перемазаться чем-то белым, выглядит обеспокоенным. – Ты не можешь идти?

Я качаю головой. Делаю шаг. Кашель снова взрывает все внутри, приходится согнуться и прижать к губам ладонь. Рот царапает

гранитно-кровавый привкус. Камешков три, и я просто не понимаю, откуда, откуда они берутся в горле. Скорфус говорил, это из-за перехода. Из-за того, что я описал свое первое ощущение верно: Подземье, его древняя удушливая магия проросли во мне, как растут на влажных потолках сталактиты. Теперь она погибла почти вся, но самые живучие фрагменты не уходят просто так. Глаза слезятся. Приходится вытирать их.

– О боги. – Плиниус смотрит на кровавые сгустки, переводит глаза на Орфо. – Вот теперь я понимаю. Все понимаю, что там с ним творилось, почему он...

Я бросаю камешки в траву. Поднимаю голову, смотрю ему в глаза, качаю головой.

– Не понимаете.

И снова начинаю говорить.

Я рассказываю ему, замершему и нахмурившемуся, то же, что Орфо. Про дождь. Про мою прогулку, которую прервали четверо. Про то, о чем они спрашивали и что в моем поведении считали вопиющей дерзостью. Пытаюсь сказать и про Лина, путаюсь в попытках не произносить прямо: «Он, кажется, был влюблен в меня», сдаюсь. Это сложнее, чем казалось. Может, дело как раз в разнице моего отношения к Орфо и Плиниусу. Я ощущал себя даже не обнаженным, а освеженным, открываясь ей, – но это напоминало окончательное пробуждение. Сейчас я, наоборот, будто скован льдом, дрейфую в новом кошмаре. Уверен, у меня неподвижные глаза, пустое серое лицо, серые же интонации. Я делаю большие паузы, сжимая кулаки до хруста. Я будто декламирую историю, которая от меня далеко, очень далеко, никак не связана с моей судьбой. Унизительно. Мелко. Пустое, жалкое «Они меня оскорбили, вот я их и убил». И если бы я был Плиниусом, я решил бы, что мне лгут. Или спросил бы: «И что? Почему ты не был мудрее, не был терпимее?»

Когда я заканчиваю, одно мое колено все же подгибается, и приходится вцепиться в зеленую, покрытую ярким золотым узором туннику Плиниуса, чтобы не упасть. Даже сейчас, полностью признавая вину, я не готов к этому – рухнуть в ноги, пусть тому, кто много лет был для меня настолько важен. Вымаливать прощение, хотя мне наверняка стало бы легче. И это пугает.

– Простите. – Выпрямляюсь с трудом, делаю шаг назад и просто говорю это. – Простите. Я прекрасно понимаю, что это меня не оправдывает. Может, я и не Монстр. Но я преступник.

Он стоит камнем секунды две, а потом снова сокращает расстояние одним стремительным рывком. Глаза круглые и как никогда темные, усы дрожат, кулаки тоже сжимаются с хрустом.

– Папа! – взвизгивает Орфо и вроде опять порывается вскочить.

Я спокойно жду, что кулаки обрушатся на мою голову. Это, в конце концов, будет лучше, чем казнь. Говорят, умершие от рук королей не идут на *второй круг*, по крайней мере, в этом мире. Значит, никаких похожих мучений. Никаких правил. Что угодно, но другое. Там, в Подземье, глазами Монстра я немного видел другие миры: с летучими кораблями, с зелеными жителями, с огромными свиньями, захватившими мир. Не так ужасно. Можно потерпеть.

– Так я и думал, Эвер, – тихо говорит Плиниус, держа кулаки перед грудью. Рот кривится. – Думал, что добра от всего этого не жди. Но чтоб так...

Я молчу. Реальность немного плывет, я даже не до конца понимаю, что он говорит.

– Ты мог рассказать мне, – он и вовсе шепчет, беспомощно озираясь.

Это в сознание пробивается, и приходится покачать головой. Не мог, нет. Я не жаловался даже в прошлом. Даже когда помогал хозяину лечить добрых людей, а они потом отводили меня в сторону, заглядывали в глаза и вкрадчиво спрашивали: «Мальчик... а тебе точно хорошо живется с ним?» Сейчас я иногда думаю, почему кивал и улыбался. Боялся, что они расскажут о моих жалобах или хозяин услышит сам? Не знал, как сказать правду без подробностей о пропахших мускусом подушках и сорванном горле? Тайно надеялся, вдруг однажды *он* станет милосерднее или я просто надоем ему, стоит еще подрасти? Вряд ли... скорее потому, что никто из тех сердобольных мужчин и женщин не предлагал освободить меня. Все произносили только: «Я могу тебя перекупить».

Плиниус морщится так, что ходят ходуном усы. Ему не нужно ничего объяснять, работорговля в наших странах примерно одинакова. Он знает, чему рабы учатся, а что забывают.

– Ну конечно. Не мог. – Он медлит и опять заглядывает мне в глаза. Он не злится. Ему, кажется, больно, но я не понимаю почему. – Знаешь, никогда меня не оставляло ощущение, что гасишь ты не только мою дочуру, но и себя заодно. Куда сильнее. Видишь, к чему это привело?

На этот раз я киваю и устремляю взгляд в траву, выискиваю там кровавые камни. Больше нет сил смотреть на Плиниуса. На Орфо. И тем более я не хочу видеть глумливую морду ее кота. Может, и зря я не падаю ниц – так я спрятался бы в запахе травы и ландышей.

– Ты не удивил меня, – раздается в следующий миг. – Я... многое в вашей истории казалось мне нечистым, даже когда я еще не знал, что Орфо меня обдурила. – Его тень на траве вздрагивает. – А поколение этих военных сирот... многие из них, хоть и подросли, остались прежними, Эвер. Мнят о себе невесть что на том лишь основании, что их родители когда-то вторглись в чужую страну, а моя жена сочла это героизмом. – Я все же вскидываюсь. Глаза Плиниуса узкие, злые и пустые, он словно больше меня не видит. – Гадаю порой, сколько нам еще платить за это? Сколько и как я...

Он устало машет рукой, а потом все-таки обращает взгляд на меня. Мимика меняется, снова становясь мягкой. Будь я кем угодно другим, он участливо потрепал бы меня по голове, но он только говорит:

– Ничего не изменилось. Никакого суда. Я очень рад, что ты жив, вдвойне рад, что ты честен, и втройне... что выдержал то, что сотворил. – Он подается ближе, хмурится. – В тот день. И позже. Как человек, допустивший то, что допустил с физальцами, я догадываюсь, каково тебе. Но теперь вот, захочешь – сможешь это искупить. Уверен, ты сможешь, и уверен, от твоей руки никто больше не пострадает. Знаю я твою душу...

Я вглядываюсь в его глаза, тщетно ища подтекст. Может, это то, отсутствие чего Орфо обещала; может, это скрытый торг: «Прости мою дочь, и как минимум передо мной ты вину загладишь, ты же хочешь этого, правда?» Вряд ли. Не заглажу, мы оба знаем: он защищает всех подданных, не деля их на хороших и плохих, ценных и подлежащих безнаказанному убийству. Преступником я останусь в любом случае. И он просто не может просить о прощении для дочери –

прекрасно понимает то, что она и сама сказала, целясь пальцем в мое сердце.

«Все происходит там. И это сложно».

– Я обещаю, – вот что удастся произнести. Тяжелая рука все-таки ложится на плечо, и я, как прежде, не чувствую страха и желания отпрянуть.

– Ну вот и славно. Теперь-то идем? Все остыло.

Орфо неотрывно смотрит на нас, пока мы приближаемся. Плиниус, грузно сядя на свое место, берет со стола серебряный медальон с часами и сверяется со временем.

– Мне скоро по делам, дочура, я доедаю и бегу, – сообщает он как ни в чем не бывало. – Поэтому давай все обсудим быстро, чтоб потом не возвращаться. Встреча с законниками завтра. День передохнуть для Эвера я вытребовал. Никто не станет вам мешать.

С законниками. То есть будет проверка на ложь. Ожидаемо: четыре года меня многие считали убийцей, «детей героев» – жертвами, а Орфо – человеком, который вообще не имел к ситуации отношения. Теперь предстоит каким-то образом выпутаться, а вдобавок обелить этих... бедных ребят. Нести чушь про то, что все было чудовищной случайностью, происками врага из ниоткуда – Монстра. Подарить миру очередную байку вроде той, что про человека-быка, запершегося от людей в заброшенном лабиринте, или той, что про злобную королеву, у которой вместо волос змеи и которая похищает подгулявших солдат – утаскивает на свой остров для любовных утех. Я снова чувствую легкую тошноту, но неожиданно меня начинает успокаивать Скорфус.

– Выдыхай, двуногий. Все схвачено.

– Что схвачено? – безнадежно уточняю я, беря пустой кубок и рассматривая напитки на столе. В большом кувшине и правда те проваренные молотые бобы; в кувшине поменьше – вода с медом. Я привычно беру ее. Скорфус, хмыкнув, приподнимает лапу и заглядывает мне в глаза.

– Ты не знаешь некоторых... противоречий в правилах, – почти мурлычет он с видом, будто в его ближайших планах захват мира. – А я – да. Проблем с теми парнями не будет, обещаю, главное, не нервничай. И попробуй кофе, мозги сразу соберутся в кучку.

Он кивает на кувшин с черной бобовой жижей, после чего теряет ко мне интерес. Бесцеремонно топает по столу, чтобы запрыгнуть на плечо к Плиниюсу. Не знаю, почему я слушаюсь. Черная жижа, льющаяся в кубок, крепко пахнет бадьяном и корицей.

– Главное, чтоб красиво было, Орфо, – тем временем наставляет дочь Плиниус. Она внимательно слушает, подперев подбородок. – Знаешь ведь, Кас и Пол падки на зрелищные истории. – Он хмыкает, берет лепешку с сыром, сворачивает в трубку и заглатывает сразу половину. – Куда более падки, чем на свои прямые обязанности, как ни печально, но для вас это лучше, чем Илфокион с его цветущей подозрительностью...

– Меня очень тревожит, что Кас и Пол – тоже «дети героев», – говорит Орфо, и я сразу вспоминаю, о ком она.

Кас и Пол, еще одна пара близнецов, вроде происходили от атлантов. Были огромными, унаследовали много родительских денег, но вели себя довольно тихо и дружелюбно – может, поэтому в ближнюю компанию Лина не входили. Пару раз они даже сбегали из этой компании к нам с Орфо, чтобы помочь найти раковины для сада или посмотреть, как мы строим песчаного сфинкса в человеческий рост. От Гефу и Гофу их отличала важная черта: «другие» и «странные» вызывали у них любопытство, а не агрессию.

– Ты в крайности-то не впадай, ладно? – Плиниус вытирает руки. – Тебе давно пора прекратить смотреть на всех них одинаково.

– Да ты сам так на них смотришь, – парирует она, щурясь. – «Мнят о себе невесть что на том лишь основании, что их родители когда-то...».

– Ты невнимательна к словам, Орфо, – довольно холодно обрывает он. – Я сказал «многие». Не «все». И кстати, я говорил тебе, что от привычки подслушивать пора избавляться?

– Королеве она может и пригодиться. – Похоже, она закусилась удила. Сидит очень прямо, держа в руке грушу. Сжимает ее так, что может и раздавить.

– Не знаю. И... рановато тебе об этом думать, не так ли?

Орфо разжимает руку, и груша падает на стол.

– Так, – предостерегающе начинает Скорфус, взмыв в воздух.

– Надеюсь, папа, *хотя бы ты* все-таки не начал желать, чтобы я умерла.

– Нет, нет, что ты! – спохватывается он и, вздохнув, наклоняется к ней, чтобы обнять. Тонкие смуглые пальцы, унизанные самоцветными кольцами, вцепляются в его широкое предплечье. Орфо жмурится. – Ну прости меня, прости. Просто слишком все как-то резко усложнилось. И мы оба знаем, что это прежде всего твоя вина.

Все-таки она стала еще более стойкой: просто кивает, впившись крепче, вместо того чтобы отпрянуть и прошипеть проклятие или дернуть за усы. Наверное, боги и это имели в виду, когда вводили правило «Короли отличаются от обычных людей». Если королевский ребенок совершает ошибку, родитель не может безоговорочно остаться на его стороне. И наоборот. До последнего дня нашего знакомства Лин регулярно убирался на могиле матери и носил ей свежие венки из лавра и лимонника. Но всегда говорил: «Хорошо, что она заплатила за свое зло».

Я опускаю глаза и смотрю в кубок, полный горькой черноты. «Хотя бы ты» сопровождалось взглядом в мою сторону, не злым, но полным отчаяния. Беру лепешку, стараясь изобразить, будто я-то точно ничего не вижу и не слышу. Но мысль что-то проглотить по-прежнему меня не вдохновляет, больше всего хочется встать и уйти, вернуться в постель. Может, они даже поняли бы это. Точно не стали бы останавливать. Это невыносимо, ведь они ругаются из-за меня, хотя, сколько я их знал, никогда не ругались. А еще они говорят о том, что я запрещаю себе осмысливать, с чем не могу справиться и на что не смог бы ответить. Более того, ответ дальше и туманнее с каждой минутой.

Хочу ли я, чтобы Орфо умерла за то, что сделала? Эта чужая, взрослая Орфо, которая спокойно прожила четыре года, заменив меня котом? Прожила, пока то, во что она меня превратила, убивало людей? Не знаю. Я слишком плохо представляю, какой была эта жизнь изнутри. И есть как минимум один вопрос о моем спасении, ответа на который я пока не услышал.

– Я все равно люблю тебя, Орфо, – говорит Плиниус, судя по звуку, целуя ее в макушку. – И упрямо верю, что оба вы будете жить долго и счастливо. – Наверное, он смотрит на меня. – Но и сам я не дам вам лишить меня такой судьбы. Понятно?

– Да-да, корону я у тебя заберу, ты так или иначе не умрешь, – уверяет Орфо, чуть мрачно, но все же посмеиваясь. – Королевский кот

просто не даст мне отказаться.

– Это точно. – Скорфус снова приземляется недалеко от меня, сбив из вазы пару груш.

– Ну и славненько. – Стол подрагивает: Плиниус, то ли крякнув, то ли хрустнув суставами, встает. – Тогда отличного всем денька, а я сегодня встречаю посла Физалии и разбиваю кувшин о новый флотский флагман. Ну и другие дела есть. – Напоследок он подхватывает уроненную Орфо грушу и сует в карман. – Веселитесь.

Напутствие могло бы быть издевкой, но нет. Хозяева видят мир немного иначе, нежели остальное человечество: для них беды, маячащие на горизонте, пусть даже огромные и неодолимые, как грозовые тучи, – не повод перестать радоваться моменту.

Он уходит. Мы остаемся втроем, в тишине, полной запаха ландышей. Орфо и ее кот смотрят на меня словно бы с ожиданием. Приходится встретиться взглядом – лучше с ней, чем с ним. Она вдруг встает и пересаживается ко мне ближе: длинная лавка легко позволяет это сделать.

– Знаю, это было отвратительно. – Она все еще растягивает губы в улыбке, но в прошлом я слишком хорошо научился читать по ее глазам. Она чуть не плачет. – Ты извини.

– Даже не думал, что ты правда все ему расскажешь! – Пожалуй, я благодарен Скорфусу за то, как он сталкивает нас с тяжелой темы родительского разочарования. – Ну, про то, что убил их просто так.

– Не просто так, – жестко одергивает его Орфо. Тут же спохватывается. – То есть...

– Не бери в голову, – прошу я, вздохнув. – Для меня это тоже... почти «просто так». Я уже говорил об этом.

– О «своем чувстве справедливости», – выплевывает она. Почему-то злится.

– Своим *долбаном* чувстве справедливости, – прибавляет Скорфус непонятное слово.

– Что? – на всякий случай уточняю я, мысленно повторив его про себя. Звучит оскорбительно.

– Ничего, он просто бесится более открыто, чем я; он кот, может себе позволить, – вздохнув, поясняет Орфо и заглядывает в мой кубок. – Как тебе?..

Рассеянно отпиваю. Глаза мигом лезут на лоб: все еще горько.

– Мерзость какая... – Едва сглотнув, хочу все же налить себе воды, но тут Орфо ловко берет кувшин, кажется, со сливками и опрокидывает над кубком. Напиток становится неожиданно не серым, а нежно-коричневым.

– А так?

Смирившись с судьбой, пробую снова. Удивленно поднимаю взгляд:

– Намного лучше.

Орфо довольно улыбается; на щеках слабо проступают ямочки. Я ловлю себя на мысли, что не могу отвести глаз от ее лица. Хочу... пожалуй, хочу окончательно понять, что именно в нем изменилось. Возможно, это будет первый шаг к пониманию всего остального.

Она не накрашена сейчас, но я легко представляю ее с «кошачьими» стрелками, как на портрете. В Физалии и Игапте такой макияж был женским, мужчины предпочитали «панду» – меньше акцента на внешние углы глаз, больше – на толстую обводку век. И то и другое отталкивало меня, особенно когда «кошачьи» глаза рисовал мне хозяин. Помню, как потом, склоняясь над раковиной, я яростно стирал все это с лица, и слизистые щипало. Сейчас даже представить себе не могу, что будет, если я возьму на пальцы немного этой смешанной из золы, тертого малахита и масел дряни и хотя бы поднесу к своим глазам.

Но Орфо на портрете стрелки шли; ей идет даже эта усталая естественная чернота. Идет мирный блеск глаз, идут распущенные волосы, обрамляющие сильно похудевшее, вытянувшееся лицо. В детстве ей, как и многим гирийским детям, запрещали так ходить. Вечные косы, пучки, хвосты. Считалось, что такие прически удерживают жизненную силу, что дети до определенного возраста могут ее случайно расплескать, если их локоны будут мотаться из стороны в сторону и плясать на ветру. Такие девочки, например, станут бесплодными и сварливыми. И если в целом наш мир не осуждает бесплодных и сварливых, то для принцессы это крайне нежелательная судьба. Для будущей королевы – вовсе роковая. Впрочем...

– Эй. – Похоже, я увлекся и потерял счет времени. – На что ты так смотришь, а?

Она спрашивает это без тени кокетства, скорее склочным тоном своего кота, быстро отворачивается и начинает пить сливки прямо из горла кувшина.

– Фу, фу, фу, отдай! – возмущается Скорфус, пытаясь помешать ей на свой манер: бодает дно кувшина. Орфо обливается и гневно на него шипит.

– Так, сейчас я засуну туда тебя!

От сварливости прически ее, похоже, все-таки не спасли.

– Держи. – Я подаю ей льняную салфетку, прежде чем осознал бы, что делаю. Понимаю, что спохватываться поздно, и просто смотрю на белые полосы под ее носом, капли на подбородке и груди. – Не старайся. Сила твоего отца – не в усах.

Скорфус таращит глаз и неожиданно закатывается – наверное, его поразило равнодушие, с которым прозвучало последнее. Он счел это шуткой, хотя я не шучу, я вообще, по-моему, почти никогда не шучу. Но его хохот вовремя: Орфо отвлеклась и забыла, что я слишком пристально ее разглядывал. Пытался найти девочку, которую знал. Пытался осознать, кого нашел вместо нее.

– Ты ешь, ладно? – вытершись, говорит она. Салфетка так и прижата к лицу, взгляд снова серьезный, если не сказать строгий. – Хотя бы что-то. Пожалуйста.

– Да, да, – вклинивается Скорфус, прежде чем встать на задние лапы и сунуть морду в спасенный кувшин. Оттуда гулко доносится продолжение: – Ты придешь в норму тем быстрее, чем больше смертных вещей будет тебя окружать. Еда – одна из них. Так что лопай.

– Правда? – с некоторым сомнением уточняю я, тут же, впрочем, вспомнив доказательство.

Смертные вещи... там, в пещерах, стоило этой парочке появиться и заговорить, как мой «саркофаг» оцепенения треснул. В телеге я уже почти мог говорить с Орфо, моя воля отделялась от чужой и медленно, но упрямо брала над ней верх. Монстр с каждой минутой отступал. Становился меньше и несся по коридорам моего разума, точно преследуемый армией атлантов. Рычал: «Смерть этой жалкой дряни, убей, убей!» – но не мог даже пошевелиться, не то что порвать веревки туземцев или погрузить кого-либо в транс. Я не давал. Еще едва понимал, к чему все идет, был как в полубреду, но не давал. Ко мне

возвращались боль, злость, усталость, жажда, и я радовался им. Ведь Монстр их у меня забрал.

Орфо с непреклонным видом тянется к фруктовой вазе и подает мне оторванную гроздь крупного розового винограда. Ее слова – косвенное подтверждение моих мыслей:

– Помнишь Идуса и Сэрпо? Они навсегда застряли в Темном Месте и перевоплотились в нетопырей как раз потому, что наелись местных гранатов. Это действует и в обратную сторону.

Киваю. Мне есть что сказать об этом. Она все еще протягивает мне виноград. Вздохнув, беру его и отправляю одну ягоду в рот. Удивительно, но косточек нет. А ведь в этом сорте точно были.

– Я вывела новый. – Снова она угадывает мое удивление, улыбается не без гордости. – Когда тебя... не стало, мне было чем заняться. Не сразу, поначалу я все забросила. А потом Скорфус всучил мне лотосы – и понеслось обратно.

Невольно я скольжу взглядом по крепостной стене. Тенистое пространство возле нее все в ландышах, они бело-зеленым ручейком тянутся вдоль древних песочно-серых камней. Их много. Они хорошо принялись и в ту весну, когда мы их посадили, но довольно медленно, будто робея, осваивали новую территорию в следующие четыре года. Зато теперь...

Я снова смотрю на Орфо. В глазах больше нет детского «Я молодец?», которое невозможно было не прочесть. Она справилась с собой после того, как спросила меня о лотосах, теперь будет молчать. Наверное, я сильно ее оттолкнул. Не знаю, был ли в этом смысл.

– Удобно, – говорю только это, кладу виноград на край тарелки, все же беру лепешку.

– Даже если я... – неловко рассмеявшись, начинает Орфо, но осекается и качает головой. – Забудь. В общем, я не тратила время зря.

И она тоже начинает есть, смазав лепешку не любимым с детства сочетанием козьего сыра и меда, а пахнущей миндалем пастой. Двигает к себе второй кубок, полный черного как уголь бобового напитка. Похоже, она-то пьет его без сливок. Да, это тоже про стойкость.

Даже если я умру во время коронации, люди будут есть мой виноград и смотреть на мои ландыши. Уверен, она хотела сказать что-

то подобное, но побоялась снова испортить мне аппетит. Я не знаю, что смог бы ей ответить. Но благодарен.

– Слушай, – понимая, что вряд ли мы сможем вести непринужденную беседу, я решаю продолжить о важном и обращаюсь к Скорфусу. Он все еще расправляется со сливками. – Ты, да-да, ты, хвостатый. – Разумеется, он поднимает выпачканную морду и глядит исподлобья, с возмущенным «Как-как ты меня назвал?». – Ты говорил, у тебя все схвачено с законниками. Не хочешь ввести меня в курс дела? Допрашивать об убийствах и... Монстре ведь будут меня.

– Не-а. В основном ее, – отрезает он, и голова снова исчезает в кувшине. По-моему, стоит довольно опасно: может свалиться в траву вместе с ним.

– То есть как? – Я вопросительно поворачиваюсь к Орфо.

Она уже удивительно спокойна, нарезает большой пласт козьего сыра кубиками и на каждый укладывает по ягоде малины, то красной, то желтой, в петтейном порядке. Эта привычка – играть с едой – у нее была всегда. Даже не уверен, что потом она это съест; скорее сыр, по крайней мере большая часть, достанется прислуге.

– Вот так. – Она пожимает плечами. – Не забывай, главной лгуньей замка была я. Да, из-за ран, нанесенных перчаткой, многие заподозрили тебя в... бойне, но мне этот вопрос даже не задавали. Ну, «Это он убил тех четверых?» Я же сказала, что пришла к трупам. И понятия не имею о твоей судьбе, только предполагаю, что ты убежал. Так что от меня почти сразу отстали. Конечно, будь у убитых семьи, вряд ли бы все так обошлось, но ты помнишь, статус «детей героев» получили лишь те, у кого в войне погибли оба родителя. Так что мало кого интересовало, найдут ли убийцу нахлебников, на содержание которых шли королевские налоги. Всем казалось куда более важным, чтобы уцелела королевская дочь.

Значит, она врала ради меня. Спыхватываюсь: нет, не только и, возможно, даже не столько. Спасала и себя. Хотя, конечно, было бы куда удобнее просто заявить, что я манипулировал ею, добиваясь помощи, после чего совершил убийство и уехал в Физалию или еще куда-нибудь.

– И законников ты тоже тогда обманула?.. – уточняю я очевидное.

Она качает головой, нервно кривит рот. Рука с последней ягодой замирает над последним кубиком сыра.

– Меня не проводили через них, точнее, проводили, но не через меченых, их просто не было в городе. Вдобавок, меня начало ломать без тебя, почти сразу. Никому и в голову не могло прийти, что я тебя прикрываю, все считали, что я... – Малина опускается на сыр. Щеки Орфо начинают наливать краской волнения. – ...настолько от тебя зависима, что ни за что бы не отпустила, наоборот, бросила бы всю стражу тебя искать. Принцесса и ее гаситель...

Она замолкает. Да, на щеках определенно румянец досады, взгляд тоскливый и обращенный в пустоту. Я все же ловлю его, и Орфо сильно кусает губы.

– Кстати, они были правы. Ну, насчет «бросила всех тебя искать». Просто я... я...

Самое время задать вопрос, на который пока не было внятного ответа. Но не получается. Я боюсь того, что могу услышать, не знаю, что почувствую, и пока не хочу знать. И я отступаю, только потираю лоб, старательно делая равнодушный вид. Она, собравшись, продолжает:

– Поэтому теперь мне придется открыть законникам глаза на многое. Например, на то, как ужасно я не справилась с магией. Не спасла вас всех от Монстра, а потом еще и не подняла насчет тебя тревогу, не позвала к тебе помощь, хоть какую-то. Боялась прослыть сумасшедшей. Видящей то, чего нет.

– А я... – Все еще не укладывается в голове, как она представляет себе наши дальнейшие действия. Орфо сильно сдвигает брови и вдруг опять подается ближе.

– А ты скажешь правду, Эвер. Правду и ничего кроме нее. Что те четверо вели себя вызывающе – это никого не удивит. Что мы начали злиться и я неправильно использовала силу. Что Монстр... пробудился, забрал тебя и поглотил, да, ты можешь сказать так. Ведь так и есть.

– Они будут задавать вопросы. Как он выглядел, откуда вылез, – резонно напоминаю я под шум лакания: сливки, скорее всего, вот-вот закончатся.

– В основном мне, – ровно повторяет она, щурясь. – Тебя есть особый приказ не слишком трогать. Ты считаешься сильно пострадавшим, тебе сложно говорить о тех четырех годах, ведь они равносильны пребыванию в пыточной. И тебя важно сохранить, чтобы ты снова мог быть со мной. Смирись. – Она берет двумя пальцами

кубик сыра с красной ягодой. – Теперь законники скорее начнут думать, что тех четверых убила я – хотя и это вряд ли, они прекрасно понимают, что тогда я не лезла бы на трон. А ты вне подозрений. И надеюсь, здесь-то твое...

– *Долбаное*, – раздается из кувшина.

– ...чувство справедливости не будет ущемлено? – Она все-таки отправляет сыр и малину в рот. – Или ты правда-правда так сильно хочешь умереть за свои грехи?

В последнем вопросе вызов – беззлобный, лишенный насмешки, но полный с трудом скрываемого отчаяния и едва ли не мольбы. Между нами снова повисает тишина, Скорфус так и застыл головой в кувшине, хотя, скорее всего, там ничего уже нет. Видимо, понимает сложность момента. Видимо, не хочет иметь к нему какое-либо отношение. Орфо, наоборот, не отведет глаз, пока не услышит «хочу» или «нет». А мне снова хочется оказаться подальше.

Когда я очнулся и четыре последних года обрушились на меня, я правда почувствовал это остро – я хочу умереть, я ни при каких обстоятельствах не смогу жить с тем, что сделал до и после обращения. Солнечное утро в теплой чистой кровати просто не срасталось ни с окровавленным пляжем, ни с бесконечными днями в катакомбах, с обглоданными скелетами, которые я оставлял за собой, с тяжелыми воспоминаниями жертв, которые пролистывал равнодушно, словно плохо написанные книги, выбирая, кого убью сегодня, кого завтра. Очнувшись, я не ощущал себя человеком, точнее, не ощущал, что заслуживаю спасения. Ужас и вина были всем, что я чувствовал, и ни гнев на Орфо, ни радость от вида нормального привычного мира не могли вернуть мне волю к жизни. Чуть позже, в ванной, которая осталась точно такой же, как четыре года назад, я пустил горячую воду, взял бритвенный нож и, сев на край купальни, поднес лезвие сначала к запястью, потом к шее. Несколько мгновений я верил, что это и будет правильным решением, – ведь я заслужил. Но воли не хватило, пальцы задрожали, и я бросил нож на пол. Некоторое время просто сидел, закрыв лицо руками, потом все-таки заставил себя встать. Вода привела меня в чувство. Чистая одежда вернула к действительности. А теперь, поговорив с Плиниусом, я малодушно цепляюсь за его слова. Вину нужно искупать, а не бежать от нее в смерть. В конце концов, и сам он, и Орфо делают именно это.

Понимая, насколько она ждет хоть чего-то, я говорю единственно возможное:

– Я не могу ответить на этот вопрос. Знаю, что это двулично, но пока не могу.

И если ты презрительно скривишься, вспомнив, с чего мы начинали в комнате, я тебя пойму.

– Почему двулично? – серьезно спрашивает Орфо. Презрения нет, в глазах даже проступил испуг. – Я... рада. Хотеть жить, даже после страшных поступков, нормально. Даже если не представляешь как.

Я не уверен, что этого желания хватит надолго. Но если я скажу еще и это, мы никогда не перестанем мучить друг друга. И я просто киваю.

– Да, наверное.

Скорфус высовывает наконец голову из кувшина и, облизывая морду, внимательно смотрит на нас. Потом слетает со стола на траву, разваливается там, начинает быстро умываться. Удивительно, как долго и тактично он молчит. Молчит даже сейчас, когда тишина между мной и Орфо такая густая, что вряд ли удалось бы разрубить самым острым клинком.

– Кас и Пол стали законниками официально, а значит, проверка на ложь будет серьезной? – уточняю я, просто чтобы эта тишина не сгустилась еще больше.

У слова «законники» два значения: демос людей с клеймом в виде весов и стражи порядка как таковые. Первые могут входить в число вторых, но далеко не всегда. В мире Тысячи Правил пока нет такого, которое привязывало бы меченых к их призванию. Не все странники путешествуют, не все ломатели убивают, не все целители лечат. В демосе законников есть как токсоты, целеры и гоплиты, так и ростовщики, судьи, учителя, правители. Четыре года назад среди целеров не было ни одного меченого, зато теперь подросшие близнецы Диоскурус, похоже, пошли именно по этому пути, попали под начало Илфокиона. Илфокион... ох, он тоже все еще здесь. Его стоит опасаться, вряд ли он будет ко мне снисходителен по старой учительской памяти, тем более из жалости. Даже на первых тренировках, ставя меня в боевую стойку, а потом парой вихревых атак валя на песок, он почти не подавал мне руки. Только наблюдал за

попытками подняться – так же отстраненно, как следил бы за движениями полураздавленного краба.

– Не бери в голову, – почти хором говорят Орфо и Скорфус в который раз, и я пока сдаюсь. Ненавижу лгать, но, если подумать, касается это только важных для меня людей. И Плиниус, и Орфо знают обо мне правду, а вот если ее узнает кто-то еще, она повредит не только мне, но и им, готовым вступаться за меня. Не стоит забывать об этом.

– Обсудим все вечером, даже отрепетируем, – обещает Орфо, пододвинув ко мне блюдо с сыром и ягодами. – Ешь. И расскажи, чем бы ты хотел сейчас заняться?

– Не думал об этом. – Опускаю взгляд. Ровные «клетки» красной и желтой малины глянцево поблескивают в пробивающемся сквозь листву солнечном свете.

– А ты подумай, – советует Скорфус. Он уже вспрыгнул Орфо на колени, перелез оттуда на плечо и опять раскидывается горжеткой. – Погуляем, познакомимся поближе, все такое...

– Не то чтобы я хотел знакомиться с тобой ближе, – признаюсь я, но он только лениво бьет меня хвостом по носу.

– Не трогай, – просит Орфо.

– Пусть. Он же кот. – Все-таки отодвигаюсь: не факт, что в следующий раз он не двинет мне в глаз.

Скорфуса это разрешение почему-то приводит в восторг.

– Мне можно, тебе нельзя, ха-ха-ха! – Он ерзает на ее плечах, но она быстро затыкает ему рот куском сыра с красной малиной. – Эй!

– Слушайте. – Беру другой кубик, с желтой ягодой, и поливаю сверху медом. – Вы что, всегда такие?

– Такие – это какие? – интересуется Орфо, больше не пытаюсь ко мне придвинуться. Пальцы крутят полупустой кубок. Она кажется расстроенной.

– Легкомысленные, – с трудом подбираю я более-менее нейтральное слово. Орфо внимательно следит за моей рукой. В глаза не смотрит.

– Ну, когда ты почти точно знаешь, что через месяц тебя не станет, можно немного расслабиться, нет?

– Извини. – Не знаю, почему говорю это, сам злюсь на себя и не продолжаю.

– Да всегда, всегда, – успокаивает меня Скорфус, щуя глаз. – Это ведь здорово, иметь рядом кого-то, с кем можно подурчиться. Пусть даже и человечичу.

Я не помню за Орфо любви к дурачествам. Девочка, с которой я был рядом четыре года, предпочитала цветы, петтейю, море и тишину. Она решалась иногда на безумства, например приручить один из самых капризных зачарованных мечей, или опоить меня зельем, чтобы я отдохнул, или доказать брату, что тоже может достать с морского дна персиковую – самую редкую – жемчужину. Но ни в чем из этого никогда не было... шутовства, наоборот, абсолютно все это Орфо делала максимально серьезно. Что-то шутовское я замечал скорее в Лине – и впервые проявилось это, как раз когда он оказался в кругу новых друзей. Впрочем, Скорфус... определенно, Скорфус намного приятнее «детей героев». Да и трудно воспринимать его как человеческое существо. Новая Орфо кривляется и шутит совсем не как брат, у нее это больше похоже на доспех для сердца. И местами ее шутки даже забавны.

Я отпиваю еще кофе, беру блестящий от меда сыр. Орфо молча забирает соседний кубик, с красной ягодой. Скорфус, свесившись с ее плеча, цепляет когтем третий – тоже с красной. Вскоре я замечаю очевидное: всю желтую малину они оставляют мне. Как с виноградом, это что-то из детства: она более редкая и более вкусная. Как все-таки это... странно. Само то, что мы вот так сидим, само то, что я завтракаю с Орфо, почти как четыре года назад, только... нет, совсем иначе. Я поворачиваюсь к ней и хочу сказать об этом. Она опускает голову и выпаливает:

– Ты не думай. Я на тебя не давлю. Я сама не знаю, почему все время возвращаюсь к этому разговору о своей смерти, забудь, в общем...

Слова теряются. На их место приходят другие, но их я отталкиваю подальше. Нет, не могу. Не сейчас. Не получится, как бы я ни хотел. И я произношу совсем иное:

– Я придумал, чем хочу заняться сейчас. Если это возможно. Хочу обратиться на могилах тех четверых. Вы поможете мне сплести венки?

На стене сбоку от меня мелькает резкая тень качнувшейся ветки – расползается по солнечному камню паутиной и пропадает. Глубоко

вдохнув запах ландышей, я снова решаюсь посмотреть на Орфо и ловлю мгновение, в которое она прячет удивление.

– Конечно. – Она кивает, даже улыбается. – Хорошая мысль.

– Запах смерти поутру, ю-ху! – выказывает чуть больше иронии Скорфус. Ведь междометие «ю-ху», что бы оно ни значило, явно иронично.

Я пожимаю плечами и допиваю кофе. Хорошая или не хорошая, но я чувствую, что должен это сделать. Увидеть последствия того, что сотворил. Окончательно впустить их в свою реальность. Ту, где я снова человек. Но прежним уже вряд ли буду.

3. Посол доброй воли. Орфо

Я не должна это чувствовать, но чувствую.

То, как отец смотрел на Эвера, как говорил с ним и как в конце концов тот даже позволил ему прикосновение, наполнило сердце горечью. Знаю, ревновать глупо. Знаю, это другое. Знаю, отец скучал. Но все равно воспоминания об их душевной беседе навязчиво крутятся в голове. Это... несправедливо. Я его вытащила, я рисковала, я следующая королева, от которой зависит папина спокойная жизнь в отставке, и я... я скоро умру, если все дальше будет идти как сейчас. А он держится так, будто я совершила большее преступление, чем Эвер. Будто...

Остановись, Орфо. Хватит. Вы молодцы оба, а меряться преступлениями – последнее, что вам нужно делать, чтобы хоть чего-то добиться.

На этой мысли Эвер опять спотыкается и припадает на колено. Путь для него длинноват, да еще солнце палит нещадно: чтобы попасть в Святую рощу, а потом в санктuariй, нужно преодолеть весь замковый пляж и обогнуть дальний край бухты. С пляжем мы почти справились, а вот возле высоких ноздреватых скал Эвер, кажется, готов потерять сознание.

– Эй, эй! – Я наклоняюсь и, оперев руки в бедра, смотрю на него. – Может, вернемся?

– Не надо, – выдыхает он хрипло, морщится и прижимает ладонь ко рту.

Снова кашель. Снова окровавленные камни, благо парочка, не больше. С завтрака у него было только два-три таких приступа, но все равно я ловлю себя на мерзком ощущении, когда сжимаются и сердце, и желудок. Жалость, а не отвращение. Смутный страх, что это навсегда.

– Умой лицо, – тихо советую я: к нам как раз подползает мягкая морская волна.

Эвер качает головой и поднимается – быстрее, чем в прошлый раз. Я смотрю, как бриз колеблет его белые волосы, как отражаются в глазах осколки неба, и сжимаю кулаки. Шею, едва начавшую заживать

благодаря паре мазей, жжет. Издевательское напоминание: не забыла, каким красивым он был еще недавно? Помнишь ошметки век, проглядывающую в гнили челюсть, червей в жидких патлах и раздвоенный язык? Чудовищную когтистую руку, в которую превратилось его любимое оружие, красные глаза? Помнишь? Так вот, это твоя вина, отвернись.

– Эй вы там, не спеклись? – орет Скорфус, точно почуял неладное в моих мыслях.

Он, спасая свою черную шкурку от палящих лучей, преодолевает путь вплавь: это давно не вызывает у него проблем, жить в Гирии и не научиться плавать практически невозможно. С прижатыми к голове ушами, со сложенными крыльями он напоминает чудовищную косатку – только поднимает слишком много брызг, так как плывет по-собачьи.

– Вылезай! – кричу я, разуваясь, засучивая слины и беря сандалии в руку. – Ты сейчас сядешь на мель.

На краю бухты правда мелко. Дальше можно – и удобнее всего – пройти вброд, но я спохватываюсь: если Эвер потеряет здесь сознание и свалится, ему хватит, чтобы захлебнуться.

– Я возьму тебя за руку? – почти шепчу, как если бы предлагала что-то заоблачно неприличное. – Мало ли.

– Я в порядке, не волнуйся. Не нужно, – отзывается он, тоже наклонившийся, чтобы разуться и закатать штаны до колен. Волосы падают на лицо. Я не вижу глаз.

– Ладно... – Медлю. Стараюсь не думать о том, что ощутила: стало холодно, несмотря на зной. – Тогда давай вперед. Я должна тебя видеть, мало ли.

Не споря, он огибает меня и движется вдоль скал первым – прямая спина, все то же трепещущее облако волос, сандалии в опущенной руке. Скорфус шлепает по мелководью на некотором расстоянии, но постоянно останавливается: чтобы выловить и сожрать очередную несчастную рыбешку или медузу. Я иду последней и радуюсь, что никто из этих двоих не наблюдает за мной. Мысли, сердитые и унылые, мечутся хуже мальков возле стоп.

Чтобы отвлечься, я начинаю старательно вспоминать вторую, сухопутную дорогу к могилам – по верху утесов, более длинную, пыльную и жаркую, но в то же время куда более удобную для, например, растянутых и перегруженных подношениями похоронных

процессий. Через центральные замковые ворота. Направо от Патрициата, бело-голубого, как кусок плесневелого сыра. До упора, до окраины, полной заброшенных лачуг, вдоль старого орехового сада Семнадцати Атлантов. По каменному Орлиному мосту, где бежит река. Так можно сразу попасть в Святую рощу, а вот нам от пляжа придется еще все равно подниматься. Наверное, обратно лучше пройдем верхом; может, даже кто-то подвезет. Эвер явно не готов к этому зною, а я...

– Ты дымишься, человечича! – Скорфус незаметно оказывается рядом. Бьет лапой и крылом по воде – и с силой окатывает меня солеными брызгами. – Взбодрись!

...а я не готова к тому, как реагирует Эвер, стоит мне попытаться сократить расстояние между нами, в каком-либо смысле. Проклятие.

– Я так *дымлюсь*, что вот-вот дам тебе пинка! – констатирую я, но вместо этого просто нагибаюсь, давлу ему на макушку и на несколько секунд погружаю в воду.

– Не делай так! – Он выныривает уже далеко впереди, у ног Эвера. Не представляю, как развил такую заячью скорость. – Эй, а тебя остудить?

– Не... – начинает Эвер, но когда Скорфус задает такие вопросы, ему, как правило, не нужны ответы. – Ох...

Сзади я вижу, как его мокрые волосы липнут к шее, а рубашка – к плечам и спине. Неожиданно думаю о том, что хорошо бы он снял ее или хоть расстегнул. Хорошо бы... потому что жарко, конечно. В детстве он не позволял себе этого, даже когда мы с Лином плевали на правила и плескались в море в чем мать родила. Лет после десяти мне это запретили, брату – нет, но прекратили мы оба. Так или иначе, не помню, чтобы видела голую спину или грудь Эвера, не говоря уже о чем-то другом. Раз за разом он спокойно качал головой в ответ на «Тебе не жарко?»; казалось, лед – незримый, непонятный лед внутри него – всегда сильнее зноя. Теперь его вид меня тревожит. Жара явно его доконала.

– Орфо. – Скорфус опять рядом. Я встряхиваю головой и перестаю представлять, как могут выглядеть лопатки Эвера. Да что я? – Не то чтобы это было мое дело, но... ты *пялишься*.

– Что? – Впрочем, последнее он сообщил таким драматичным шепотом, что не понять и не расслышать издали невозможно. Эвер вопросительно оборачивается. Я быстро ухмыляюсь, чувствуя себя

полной душой. – А, да. Ну конечно, как не паяться на твой пушистый... хвост.

– О боги, – выдает он, закатывает глаз и явно собирается добить меня новой остротой. – Плохая попыт...

Не успевает. Песок подо мной резко проваливается. Взвизгнув, я и сама ухаю вниз.

Это странно: будто не столько яма, сколько что-то дергает меня за лодыжки. На миг даже кажется, словно я чувствую обвившуюся вокруг них веревку, или водоросль, или... мягкие склизкие пальцы, а может, щупальца? Все происходит в считанные секунды, но падение неприятное: я промокаю уже вся, поднимаю огромный фонтан, вода попадает в глаза и рот, и вдобавок мышцы сводит судорогой. Задыхаюсь. Сердце ухает. Раны на шее не рады соли.

– А-ай... – Жадно хватаю воздух губами, упираясь в дно рукой и прощупывая его. Ничего.

Солнце как раз ушло за маленькое низкое облако. Моя дрожащая тень в воде темнеет, удлиняется, а потом сливается с тенью нависающей скалы. Я растерянно тру глаза кулаками; они мокрые, так что жжение только усиливается. Мир от боли рябит красными пятнами.

– Человечица! – вопит Скорфус, но первым – в несколько стремительных шагов – рядом оказывается Эвер, ухитряется подбежать, почти не подняв брызг.

– Ты что? – Он склоняется надо мной, как всегда ослепительно-белый и безукоризненный. Проморгавшись, я вижу тянущуюся навстречу ладонь, которая, впрочем, через секунду опускается. – Все в порядке? На ежа не наступила?

– Тут их нет, – все, что удастся выдохнуть. Я осторожно встаю, и туника тут же омерзительно облепляет тело. – Не знаю... наверное, это недосып. Споткнулась.

Сердце все еще колотится, а понимание – что упади я чуть иначе, ударились бы о скалу, вдоль которой мы идем, – не прибавляет хорошего настроения. Вот же неуклюжая... Собралась присматривать за Эвером, а сама? Кривясь, убираю назад волосы, пытаюсь отцепить от груди и живота просоленную, отяжелевшую ткань. Эвер обводит меня новым тревожным взглядом, но тут же опускает глаза и, дернув ворот, быстро отворачивается, чтобы продолжить путь.

– Будь поосторожнее, Орфо.

В детстве он бы просто взял меня за руку. Сам. Мысль будит спонтанное желание уже по доброй воле сесть в воде на задницу и больше ничего не делать. Никогда. До самой коронации. *Долбаное* все, что бы это ни значило.

– Дегжи. – Скорфус, как истинная собака, подтаскивает мне насквозь промокшие сандалии в зубах. – Чуть не упыгли.

– Спасибо. – Быстро забираю их и тут же ловлю взгляд, долгий и красноречивый. – Эй. Мне кажется или теперь *ты* пялишься?

– Не я один, – многозначительно хмыкает он, щурится и понижает голос. – Почему нет? Соски у всех примерно одинаковые.

– О боги, заткнись. – Солнце как раз выходит снова, я наклоняюсь и несколько раз топаю на месте, прощупывая песок. – Просто не понимаю, что это. Я могла и голову разбить.

– Может, чья-нибудь забытая сеть? – Эвер останавливается, опирается на скалу рукой. Его тень подрагивает в воде. – Я помню, рыбаки оставляли здесь такие: они, когда в них попадает добыча, резко тянут ее к берегу, срабатывает какой-то шестерной механизм.

– Меня не утянуло. – Я все-таки иду дальше. Скорфус шлепает рядом.

– И слава богам, ты могла сломать ногу. – Эвер кидает на нас быстрый взгляд через плечо. Он хмурится, пальцы на ремнях сандалий сжались крепче, так, что выступили вены. – Идите-ка ко мне поближе. Не надо отставать. Мало ли, что еще тут может валяться.

– Смотрите-ка, смотрите-ка, кто оправился настолько, чтобы командовать! – Скорфус расцветает. – Может, еще возьмешь нас на ручки?

Но мы одновременно слушаемся Эвера, приближаемся к нему почти вплотную. Солнце все ярче, тени все гуще. Перед выходом на дикие пляжи вода почти ледяная, ноги будто режет осколками. Наверное, течение, не помню, слишком давно в последний раз ходила здесь. До самого берега Эвер выглядит напряженным, то и дело опускает голову или начинает ею крутить. Похоже, его правда обеспокоило мое падение.

– Ждем, пока ты высохнешь? – спрашивает он, когда мы все-таки оказываемся на песке.

– Да ладно, санктуарий сейчас на солнце. – Пройдя немного дальше от кромки воды, поднимаю взгляд. – А сбор растений вряд ли займет много, не успею заоченеть.

Роцца зеленеет там, за чередой похожих на непропеченный хлеб валунов. Первые могилы уже левее, на высоком, нависающем над морем утесе. Никого и никогда не удивляло, что дикий пляж потихоньку – если идти долго и упрямо – перетекает в мрачную монолитную возвышенность, а затем в санктуарий. Но сейчас это почему-то кажется мне даже не диким, а угнетающим. Наблюдая, как отряхивается Скорфус, я энергично топаю по песку. Выглядит, наверное, глупо, но я хочу отвлечься и заодно убедиться, что с ногами ничего не случилось.

– Ты как? – спрашиваю Эвера, скорее просто чтобы не молчать. Он успел сесть на песок и обнять колени. Рубашка застегнута все так же наглухо; мокрые пятна на ней медленно бледнеют.

– Все в порядке. А ты?

– Отлично. – В доказательство подпрыгиваю. – Тогда что, движемся дальше?

Эвер плавно встает. Оказавшись рядом, я цепляюсь взглядом за пуговицу на его воротнике и думаю о том, что в детстве расстегнула бы ее не думая. Это я иногда делала, говоря: «Эвер, твоя шея уже в порядке». Он не возражал. Одна маленькая перламутровая пуговица, не больше. Ее вид сейчас мешает дышать мне самой, и я неосознанно ослабляю шнуровку на воротнике у себя. У туники и так достаточно свободный вырез, но все равно душно.

– Что ты делаешь? – спрашивает он не без опаски. Станный вопрос.

– Остужаюсь. – Бросив это, быстро иду вперед. Сама не знаю, почему диалог кажется таким нелепым и неловким, но определенно не хочу его продолжать.

До роцци, к счастью, недалеко: первые кусты и деревья вгрызаются корнями в землю уже шагах в десяти от валунов. В тени я все-таки невольно начинаю дрожать, но, стараясь не обращать на это внимания, сразу выбираю себе дерево – лимонное. У меня тоже есть могила, которую я хочу посетить. Может, и Эвер захочет пойти со мной.

Святые рощи есть возле каждого санктуария. Здесь чего только не найдешь: оливы, лавр, вьюны, сирень и гиацинты. Гвоздики, лимонник и лаванда, дикая земляника и плющ. Им не нужны хорошая земля, они живы и счастливы, даже когда по всей Гирии холод или засуха. Мы рвем их каждый раз, как приходим, а они вырастают вновь, еще пышнее. Дар богов, скорее всего. Эти рощи сами возникают рядом с местами, где люди начинают хоронить мертвецов, ведь правило непреложно – о мертвецах нужно заботиться: убирать могилы, украшать, не давать камням проседать и трескаться. Тогда и сам проживешь дольше и счастливее, и твоим покойным близким будет легче, где бы они ни оказались. Поэтому, например, за нашими родственниками и друзьями присматривает сразу пять нанятых папой слуг. Сам он не любит ходить сюда, не помню, чтобы даже в Праздник Памяти приходил к маме, ее братьям, Лину или своей семье. Кажется, я понимаю почему: для него увидеть могилы близких – значит окончательно признать их смерть. Но где-то глубоко внутри он так этого и не сумел. Одна из немногих вещей, которые папа не умеет, – отпускать. Даже каждая отставка патриция для него – чудовищное потрясение.

– Запах смерти поутру, – ворчит Скорфус то, что и в саду. Шерсть его стоит дыбом.

– Не бойся. – Я наклоняюсь потрепать его под подбородком, и он уныло сворачивается клубком в траве.

– Ничего я не боюсь. И вообще, страшна одна смерть – смерть разума.

Снова сосредотачиваясь на том, чтобы нарвать самых пахучих лимонных побегов и не подколоть его в нашем обычном духе: «Было бы чему умирать», я прошу:

– Тогда надери вьюнка. Нужно поскорее все это скрепить.

Ворча уже невнятно, Скорфус поднимается и идет искать какое-нибудь любимое вьюнами солнечное пятно. Хвост стоит укоризненным столбом, но что я могу сделать?

Как существа, в жилах которых течет кровь богов, фамильяры условно бессмертны, то есть живут столько, что по нашим меркам это вечность. А вот убить или покалечить их так же легко, как людей и обычных животных. Скорфус боится смерти – мы никогда не говорили об этом, но я чувствую его страх. Возможно, поэтому он так вцепился

в меня, когда я принесла его с берега: я напоминаю ему о спасении из волн. И, возможно, поэтому же он теперь так старается спасти меня: встает мысленно на мое место, думает, будто мой страх столь же силен. Он ошибается. Смерть и так год за годом ходила со мной рядом, продолжает ходить, разве что чуть-чуть сузив круги. Я не хочу умирать и очень даже не отказалась бы занять трон, но куда сильнее я хочу просто не ранить папу и не подвести Гирию. Это не страх. Это стыд. Я не знаю, что с ним делать, он просто есть.

Я оборачиваюсь и украдкой смотрю на Эвера, аккуратно срывающего тонкие побеги мирта. Они тугие, жесткие, с ними не помешал бы нож, но срезать или рубить что-либо в Святой роще запрещено. Все руками, посторонние предметы только поранят тебя самого.

– Давай помогу. – Бросив на траву свою стопку, я иду к нему и пригибаю ветку, особенно густо покрытую белыми цветами. – Все-таки у тебя четыре венка.

– Спасибо, – помедлив, отвечает он. По лицу пляшет резная тень, но бирюза глаз кажется от этого лишь еще более глубокой. Свою ветку он не удерживает, она молниеносно устремляется вверх, хлестнув его по щеке. – Ох! Мне правда не помешает помощь, пальцы не слушаются.

– Скоро пройдет. – Вроде Скорфус это обещал. – Это из-за...

– В том числе перчатки, да. – Он снова поднимает руку со следами отека, медленно поводит ею перед глазами, точно до конца не веря увиденному. – Наверное, драться ею я уже не смогу.

– Добудем или закажем новую, – выпаливаю я. Невольно впиваюсь в дерево, мну жесткие мелкие листья с нервнойностью, которой не скрыть. – Даже лучше...

– Я не совсем об этом. – Он поводит рукой перед глазами еще раз, облизывает губы и привстает на носки: ветку, на которую он нацелился, не достать так просто даже с его ростом.

– А. – Сосредотачиваюсь на своей, обрываю самые гибкие зеленые отростки. – Да, понимаю, ты прав... Ну и ладно. Ты и мечом неплохо владел.

Мы неловко замолкаем. Я сосредоточенно смотрю только на ветки, обдираю их остервенело и, наверное, не слишком уважительно – но мне нужно куда-то направить энергию. Не будь деревья

священными, я использовала бы волшебство и сбила бы пару десятков лимонов. Но моя сила здесь – такой же «посторонний предмет», как нож или серп, и скорее обернется против меня, поэтому я просто терзаю дерево, стиснув зубы. Эвер работает куда нежнее.

Любимое оружие гирийцев – меч и хлыст. Кто-то даже умеет работать ими одновременно – наверное, это удобно, когда ты дерешься с несколькими противниками, находящимися на разном расстоянии. Большинство, включая меня, меч и хлыст все же чередуют, даже если древко второго сделано из металла, – такие я видела у мамы и у нескольких командующих отца. А вот сам он предпочитает секиру, оружие более старое и более подходящее его могучему сложению.

Эвер всегда был из тех, кому проще в ближнем, максимально ближнем бою. Может, поэтому выбрал редкое, но довольно мощное оружие. Когти его перчатки сродни когтям росوماхи, только еще длиннее; вонзенные в плоть, они почти не оставляют шанса выжить. Хлыстом он тоже овладел хорошо. Я одобряла его выбор и понимала: и возможность удержать дистанцию, и смертоносность при ее нарушении необходимы ему на случай, если я нападу. Из каждого гасителя делают отличного бойца именно поэтому: его шансы убить взбесившегося волшебника, как правило, высокие. Впрочем... в прошлый раз у Эвера ведь ничего не получилось.

Не получилось. Ведь он и не пытался. Просто стоял перепачканный кровью, просто смотрел и не мог защититься даже от моих криков, не то что от волшебства. Я швырнула его к стене, точно надоевшую куклу. И вдавила в нее, словно насекомое, хотя никогда не убивала насекомых. Удивительно, но... я правда осознаю это только сейчас. Он не пытался спасти свою жизнь ничем, кроме слов.

Я выпускаю ветку – и она улетает, осыпав меня вонючими белыми цветами. Наверное, я цепенею: тут же Эвер настораживается, пригибает две ветки, разделяющие нас, и спрашивает:

– Что такое?

– Ничего. – Это можно разве что прочесть по моим губам. Сглатываю и повторяю громче: – Ничего. Задумалась.

Эвер неотрывно рассматривает меня, и пару секунд я с ужасом гадаю, не прочел ли он мои мысли. Монстр, в которого он обратился, умел проникать в разум и находить воспоминания, которые затем делал своим оружием. В Подземье я не слишком волновалась:

надеялась, может, волшебство меня убережет. Куда беззащитнее я оказалась теперь, когда никакого дара у него нет, зато в глазах тлеет столько тоски и боли, что моя память просыпается сама. Нужно отвлечься.

– Кстати, эта подойдет Кирии! – Я подхватываю ветку, недавно хлестнувшую Эвера по лицу, и встряхиваю белыми бутонами. – Такая же злобная стерва.

– Орфо!

Он восклицает это строго, быстро отворачивается, но я все же снова слышу этот звук: будто лисенок чихнул. Фырканье, почти смех, тщетно подавляемый. Затем, посмотрев на меня уже тревожно, Эвер срывает злосчастную ветку и какое-то время крутит в руках. Пальцы подрагивают, зубы впиваются в левый уголок нижней губы. Мне это не нравится: он будто мысленно осыпает себя проклятиями за то, что засмеялся. Так не пойдет, лучше пусть осыпает меня.

– Эй, – окликаю тихо, тщетно пытаюсь заглянуть в склоненное лицо. – Ты же понимаешь. Я пошутила. И в любом случае Кирия бы не услышала меня; скорее всего, она давно не здесь.

И не она, если копать глубже.

Эвер кивает и, присев на корточки, начинает делить сорванные ветки на большие, маленькие и средние. Не знаю, о чем он думает; не знаю, вспоминает ли Кирию, но мне неловко из-за брошенной остроты. Так или иначе, он пришел сюда... поразмыслить? Что-то осознать? *Покаяться?* Нужно постараться быть тактичнее, да и раздражать богов, упражняясь в шутках среди могил, себе дороже. Я присаживаюсь напротив Эвера, лицом к лицу, и осторожно открываю рот, ища подходящее ободрение. Позорно не нахожу, но, к счастью, и не надо: возвращается Скорфус, волоча в зубах сразу с десятков длинных душистых вьюнков.

– Схожу сорву немного мяты, – тут же говорит Эвер и, встав, идет в сторону лимона, который я недавно обрывала. За ним действительно растет много пряных трав.

– Чего стоишь, человечича? – Скорфус выплевывает вьюны мне под ноги и снова сворачивается клубком. – Работай давай, или мы отсюда просто не уйдем.

Но, плетя первый венок, я думаю о странном – и нерадостном. Если я умру, кто будет ходить на мою могилу, а главное, что про меня

будут говорить? Учитывая, *как* меня не станет, – вряд ли только хорошее. В основном будут гадать, что я такое натворила. А где я в это время буду? Услышу ли? Так или иначе, даже послать подальше за совсем ужасные сплетни не смогу.

В нашем мире со смертью сложно: ее последствия непредсказуемы. Как правило, ты просто отправляешься на *новый круг*, но кем будешь – загадка. Король может стать и лягушкой. Если ты умер в глубоком-глубоком детстве, скорее всего, переродишься в той же семье или поблизости, а если угрюмым одиноким стариком – можешь оказаться фамильяром. Возлюбленные часто перерождаются лебедями, охотники – зайцами, убийцы – целителями. То ли игаптяне, то ли наши синекожие соседи из Хиды назвали это Благим Веретеном. Веретено никогда не ломается, и для каждого существа выпрадается на нем свое полотно судьбы. Остановить его, изменить узор не могут и боги: незримое Веретено намного выше Святой Горы и не знает ни божественных, ни смертных рук.

Новый круг – это путь расплетенных нитей и стертой памяти, путь большинства. Все знают о нем и готовятся с рождения. Но, кроме него, есть еще Рой Бессонных Душ. Не путь. Тупик.

Говорят, это вроде бесконечного вихря в Темном Месте, недалеко от чертогов Идуса и Сэрпо. Говорят, именно эти души – их еще зовут призраками или, когда хотят подчеркнуть их жестокую природу, фантомами – и свели Идуса с ума и заманили к себе, чтобы сделать своим собственным богом. «Иди к нам, у нас нет правил». «Иди к нам, ведь ты совсем не так величествен, любим и красив, как твои братья Зирус, Одонус и Арфемис». «Иди к нам, и мы будем восхвалять тебя». Та самая древняя магия, которая позже проникла в кровь к раненому Эверу и наделила Монстра схожим даром. Но настолько мощная, что даже бог Святой Горы не сумел закрыть от нее рассудок. Рой Бессонных Душ – те, кто по каким-то причинам переродиться не хочет. Устрашающее уродство или болезнь, ведь это желание – неотъемлемая часть души. Этого хотят даже бездушные существа – цветы, деревья: однажды стать чем-то другим. Но люди, животные и фамильяры иногда нарушают это правило, или скорее что-то... ломается у них внутри. Говорят, чаще всего это случается с волшебниками и несчастливцами. Я до сих пор побаиваюсь этого.

Хрустит ветка, снова становится прохладнее. По моим рукам и разложенным на траве побегам проносится длинная темная тень, но когда я вскидываюсь, надо мной только Эвер с охапкой душистой цветущей мяты. Он опускается рядом. Мы одновременно тянемся к вьюнкам и случайно соприкасаемся пальцами. Я отдергиваюсь первой, а в следующий миг слышу тихое:

– Я не думаю, что разобьюсь от этого. Не волнуйся.

Нельзя обманываться: это не разрешение. Скорее ему неловко от того, как смехотворно я себя веду. У нас есть такое выражение – *пресвятой стыд*. Изначально оно значило, что глупость делаешь ты, а стыдно богам, потом включило и случаи, когда тебе просто стыдно за чужие поступки.

Мы плетем венки молча и справляемся довольно быстро. Все-таки это не совсем *плетение*, как с ромашками или одуванчиками: между собой мы скрепляем ветки жесткими побегами вьюнов. Скромные белые, лиловые, розоватые цветы украшают листовенную зелень. Сладковато-свежие запахи мирта и лимона успокаивают. В свои венки Эвер добавляет немного дикой земляники – это делают те, кто хочет попросить у мертвых и богов прощения. Я вплетаю в свой несколько морских виол – это делают те, кто задается вопросами без ответов.

Скоро мы покидаем рощу. Санктуарий встречает нас прежним раскаленным светом, от которого Эвер, к счастью, уже не испытывает таких мучений. По крайней мере, идет он легко, не спотыкаясь и даже не потупляя головы. Скорфус обгоняет его по воздуху и, деловито велев: «Сюда, двуногий, сюда», указывает верное направление. Санктуарий Гирийского замка не так огромен, как общегородской, расположенный куда севернее. Но все равно здесь легко заблудиться из-за того, насколько древнее это место и сколько мертвецов здесь лежит. А вот с «детьми героев» просто: они рядом, на дальнем краю, где утес снова плавно идет вниз, сменяясь пустырем, заросшим крупными бледно-желтыми маками. Сами «герои» там же, семьи отец разлучать не стал.

Могилы прибраны, камни чистые – видимо, слуги недавно были здесь. Но Эвер задерживается возле каждой: не просто украшает венком, какое-то время еще и сидит, коснувшись ладонью высокого белого камня. Я молча стою над ним. Не скрыть: я злюсь от мысли, что он *действительно* просит прощения у этих четверых. Может, потому

что это не имеет смысла: вряд ли тот, кого ты убил, правда простит тебя, наверняка он давно стал кошкой или бабочкой и забыл, кто ты. А может, потому что ребенок внутри озлобленно шепчет: «Не унижайся, Эвер, они виноваты сами». Ребенок ли? Ребенок как раз отправил Эвера в Подземье за то, что он сделал. Но если эти слова шепчет взрослая, будущая королева, все ведь еще хуже.

В венке Кирии больше всего миртовых цветов. Он пышнее и шире остальных, в то время как само надгробие меньше других, и подвесить венки на верхние края камня не получается. Цветочно-лиственное кольцо обвивает его и падает на сухую землю, а Эвер снова замирает в этой печальной позе: голова склонена, спина ссутулена, ладонь касается выбитой надписи.

Кирия Ераклис. Была столь же сильна, сколь и красива.

Я поджимаю губы, вспомнив, как эта «красивая и сильная» осаждала Лина. Она ведь первой сблизилась с ним и только потом привела свою компанию. В компании этой, ожидаемо, не было больше девушек, Кирия не делилась вниманием. Девушки появились позже, но и тогда она яростно теснила их. Она теснила даже меня, родную сестру Лина. Могу только вообразить, что она почувствовала, когда заметила своего настоящего соперника. Когда Эвер...

– Он нравился тебе? – напрямую спрашиваю я, раньше, чем осознала бы, что решилась.

Спина Эвера напрягается, но он не шевелится.

– Нет. Никогда. Мне не нравятся мужчины.

Сразу понял, о ком речь. Очевидно, думали мы сейчас про одно и то же. Я всматриваюсь в его белокурый затылок, в худые широкие плечи, пытаюсь снова очертить в мыслях спину под рубашкой – и борюсь с горечью. Я не удивлена. После всего, что с ним делали, к мужчинам, да и к людям в принципе, у него должно остаться стойкое отвращение. Но хотя бы с кем-то он его преодолел, научился улыбаться и заботиться, и это удивительно. Удивительнее только, что Лин...

– Мой брат к тебе... – начинаю нервно, глубоко вздохнув, готовая к чему угодно. Эвер медленно встает.

– Нет. Конечно, нет.

– Как тогда ты понял? – Голос отчего-то садится, и в этот момент Эвер оборачивается. Он смотрит так пристально, что я немного отступаю. Я готова к вопросу: «Куда ты лезешь?» – я его заслужила.

– Это всегда видно, так или иначе. Даже если ты ничего себе не позволяешь. – Уголок рта Эвера вдруг дергается в улыбке. – Чтобы показать свое... расположение, иногда достаточно смотреть, например. Не обязательно залезать к человеку на колени, как делала Кирия.

– О боги! – усмехаюсь и я, хотя это скорее брезгливая усмешка: меня подташнивает, стоит вообразить Лина не то что лезущим к Эверу на колени, а даже просто берущим его за руку. Не знаю почему, ведь любовь между мужчинами и между женщинами у нас не редкость. – Прекрати. Пожалуйста.

Эвер кивает без промедления. По глазам видно, что и ему в тягость этот разговор. Он протягивает руку, молча прося отдать венки из лимонных побегов и виол. Я подчиняюсь.

– Идем к нему.

Киваю и веду его за собой, мимоходом глянув вниз, на маковый пустырь. Скорфус носится там как бешеный: у него особая любовь к этим чудовищным цветам, которыми людям даже запрещено украшать венки. Не меньше он любит налопаться бабочек, десятками кружащих над крупными мясистыми головками. Я маки не выношу, и пахнут они тяжеловато. Будто смертью.

– Мы уходим к королевскому участку! – кричу я, чтобы этот невыносимый кот нас все-таки не потерял. Он задирает морду, но присоединяться к нам не спешит. Ну и хорошо.

На королевском участке еще чище, чем на «геройском». Только на одной могиле я замечаю цветочный прах и быстро смахиваю. Он растворяется от легчайшего касания, летит по ветру зеленоватым дымом. Так со всеми надгробными венками: полежав несколько дней во всей неувядающей красоте, они просто истаивают, темнея и съезживаясь. Лишь изредка какой-нибудь упрямый цветок оставляет после себя горку вещества, смутно похожего на золу.

Королевские могильные камни выше и шире других, похожи на обелиски. Лин лежит у ближнего края утеса, так, что, будь его душа правда тут, мог бы слышать плеск моря. Но до него нужно еще дойти, более давние надгробия кое-где теснятся толпами и бросают глубокие тени. Идя мимо, я рассеянно читаю выбитые, а местами даже вызолоченные надписи.

Он зажигал маяки свободы. На могиле прадеда Иникихара.

Та, которая стала солнцем и победила чудовище. Прабабушка Эагра.

Верные дому и павшие за него. Машины братья Ромор и Розор.

Прожил доблестную жизнь и дал нам доблестного короля.

Плиниус Старший, отец моего отца.

Снова думаю о том, что могли бы написать на моем камне.

Грешная Орфо. Она старалась.

Эвер бесшумно идет за мной, я чувствую его – очень близко. Снова и снова в голову лезут мысли об... отвлечении, которое вызывает у меня секрет Лина. Это неправильно, он ведь мертв. И он мой брат, я не вправе судить его, вот только я и не сужу. То, что я испытываю, сложнее. Я в ярости, нет, правда, просто в ярости. Если все так и было, то как... как Лин допустил *это*? Как довел до того, чтобы Эвер сделал то, что сделал? Лин должен был защитить его от любых притязаний своих дружков. Не знаю как, но защитить. Это нелепо, что он ничего не знал. Нелепо, что они вообще полезли к Эверу за его спиной. Нелепо, что они решили, будто могут сделать выбор – с кем дружить, кого любить, кому доверять – за своего будущего короля. Может, папа прав и дело только в их самонадеянности. Но для меня Лин виноват не меньше.

– Орфо. – Я застываю, когда прохладная ладонь Эвера ложится вдруг на плечо.

Сердце падает: снова кажется, что он мог угадать мои мысли, что еще немного – и заговорит о брате, о его чувствах, о том дне, обо всем сводящем меня с ума. Но Эвер даже смотрит не на меня, а лишь вперед, с удивленным и хмурым видом.

– Кто это? – спрашивает он, и я наконец прослеживаю его взгляд.

Перед могилой Лина спиной к нам сидит незнакомая девушка. Она украшает надгробный камень большим венком из желтых, белых и тигровых лилий.

Ее волосы – черный гладкий шелк – падают чуть ниже плеч. Колец нет, зато на темных, почти шоколадных запястьях – широкие литые браслеты из золота. Когда она, вздрогнув от наших шагов, роняет венок и оборачивается, я убеждаюсь: передо мной игаптянка. Тоже лет шестнадцати, с черными, как маслины, глазами и кошачьей округлостью черт. Открытый лоб, чуть вздернутый нос, пухлые губы. Платье длинное, почти такое же белое, как одежда Эвера, но все в

золотых, красных и коричневых вставках. Узкую талию обвивает пояс-косичка, украшенный самоцветами; самоцветы и на мягкой иноземной обуви, больше похожей на две заблудившиеся лодки. Богато, по некоторым кварталам Гиргамоса лучше так не ходить. А эти черно-золотые стрелки? Мне на зависть, просто идеальны.

– Привет, – первой говорю я, осторожно сократив расстояние между нами до трех шагов. Не люблю, когда меня так боятся, сразу чувствую, что делаю что-то не так. – Мы не помешаем? Мы... тоже сюда.

Девушка молчит, рассматривая нас, потом быстро качает головой, поднимает венок и встает. Мы подходим еще ближе. Все это время я стараюсь улыбаться, хотя совершенно не понимаю, что происходит. Кто это такая, откуда она взялась?

Подростковые друзья Лина оказались не совсем друзьями. Они были на его погребении, но дальше, один за другим, стали исчезать. Не могу не понять их: грустно, когда твои надежды войти в ближний круг правящей особы рушатся в один миг. Грустно, когда место того, к кому ты подлизывался, занимает человек, считающий тебя дрянью. Несостоявшиеся «воины» все понимали насчет меня, и мне даже почти не пришлось с ними объясняться. Самых тупых отвадил Скорфус парой советов «пойти на хрен», что бы это ни значило. Сейчас у меня вообще нет этого самого ближнего круга. Пока я надеюсь полагаться на людей отца, которые мне вполне симпатичны, а дальше разберусь. Единственное я знаю точно: Круглого стола, Боевого Братства у меня не будет. Я не хочу, чтобы за мое внимание кто-то боролся. Все мои союзники будут равны и будут дружить по-настоящему. Не знаю как, но я об этом позабочусь.

Так или иначе, при дворе отца нет игаптянок. Жители Республики вообще неохотно селятся в Гирии, считая нас отсталыми и непредсказуемыми. Тем более эта девушка должна была быть маленькой, пока мой брат общался со своей компанией. После смерти Кирии и остальных Лин замкнулся и ушел в королевские дела; если бы кто-то при нем остался, я бы заметила. Но нет.

– Привет, – тихо говорит она, посмотрев мне в глаза. Взгляд прямой, осмысленный и вроде уже менее напуганный. Но она словно оправдывается: – Я... не думала тут кого-то застать.

– Почему? – Оглядываю аккуратный камень, прополотое пространство вокруг. – Его довольно часто навещают, он не забыт.

– Здорово, – невпопад отвечает она, тут же спохватывается и поясняет: – Я только приехала. Меня зовут Клио.

Только приехала – и побежала плести венок покойному принцу? Уже ничего не понимая, я оборачиваюсь к Эверу и перехватываю его устремленный на девушку взгляд. Пристальный. Слишком заинтересованный. Словно бы оценивающий. Поняв, что в голове все опять идет не так, я сжимаю и разжимаю кулаки, встряхиваюсь. Мне-то что?! Ну да, да, она красивая, ну и ладно.

– Я Орфо. – Губы произносят это сами, я тоже снова впиваюсь взглядом в девушку. – *Принцесса* Орфо, ты вряд ли обо мне не слышала. А это *мой* гаситель, Эвер.

Даже саму передергивает от тона, вроде приветливого, а вроде и надменно-угрожающего. Как я там назвала Кирию? Стервой? Эвер прокашливается, и целую секунду я уверена, что вот-вот услышу: «Ты что-то путаешь, я перестал быть *твоим* гасителем, когда ты меня убила». Но он, сделав шаг из-за моей спины, говорит совсем другое и даже не обращается ко мне:

– Привет. Ты ведь физальский посол доброй воли, правильно? Я очень рад тебя видеть.

Она, приободрившись, мигом протягивает ему руку, но на это он все же не реагирует. Тихо качает головой, и мне приходится прийти на выручку – быстро пожать Клио ладонь, чтобы не вышло совсем неловко. Ее пальцы горячие и нежные, длинные, идеально овальные ноготки перламутрово блестят, от кожи и волос пахнет лотосами. Потрясая кистью, она улыбается мне с непонятной надеждой, а я продолжаю недоумевать. Откуда Эвер...

– Твой отец был очень милым, – когда пожатие размыкается, сообщает она, и в памяти наконец все всплывает. – Он встретил меня и представил своим целерам, ну, чтобы мне можно было отдохнуть и беспрепятственно погулять сегодня. И мне дали милую комнату с балконом.

«Милый», «милую»... у нее все милое? Хотя это не так чтобы раздражает, просто сама я это слово обычно не говорю. У меня почти все «мерзкое», а что-то и «долбаное», как у Скорфуса.

– Мило, – бросаю я, чтобы поддразнить ее, но она не понимает иронии: кивает все с таким же приветливым видом. – Так... эм-м... что ты здесь делаешь? Точнее, почему ты здесь?

Клио грустно опускает глаза. Переминается с ноги на ногу, снова поворачивается к камню и все же водружает на него венок. Эвер, приблизившись, делает то же. Садится на корточки, касается ладонью надписи, смежает веки. Шевелятся губы, шепча выбитые слова:

Тот, кто мог бы построить новые мосты.

Клио, наоборот, трогать надгробие не смеет. Может, боится, а может, почувствовала: сейчас Эверу лучше не мешать. На мой вопрос она отвечает не сразу – какое-то время, полуобернувшись, рассматривает меня с явным сомнением, грызет прядь волос. Лишней на этой могиле чувствую себя уже я. А ведь даже венок сплетен моими руками.

– Я, можно сказать, его немного знала, – наконец шелестит, как печальный ветерок, Клио. – Очень давно. И не могу объяснить почему, но решила, приехав, пойти к нему. Боги повели?..

Последнее правда вопрос, но не ко мне. Клио скорее спрашивает себя, а я не нахожусь с ответом. «Давно» – это когда? Вроде Лину не выбирали заранее невест, тем более в Игапте. Погодите, в какой Игапте? Эта девчонка жила в Физалии. Приехала как посол доброй воли, получается, это ее я, переписываясь с королем, сама того не зная, зазвала в гости. Все так сложно в этих государственных делах. Теперь я вообще не понимаю, как себя вести.

– Так жаль, что он умер, – произносит тем временем Клио, и мне опять становится холодно. Потому что, судя по ее лицу, ей *правда* жаль. – Я почему-то не верила. Даже думала, что приеду – а окажется, что весть была о ком-то другом.

– Нет, уввы. – Непрошенная тоска скребется внутри. Не знаю, что и когда было между ней и Лином, но ей это явно важно. Может, и он о ней говорил, а я слушала недостаточно внимательно? – Он слишком много бывал в больницах в последний мор. Ободрял медиков, больных...

Клио кивает, шепнув одними губами: «Очень мужественно».

– ...Ну и теперь вместо него я. Выхожу на трон. – Неловко смеюсь. Чувствую себя какой-то дурой и вдобавок узурпаторшей. – Так что будем с тобой, э-э, дружить, ладно?

– Да. – Она все-таки улыбается опять, блеснув глазами. Безумно симпатичная улыбка, не то что у меня. – Да, конечно, брат сказал, что по письмам ты тоже милая. И мне не терпится увидеть твою церемонию.

О да. Возможно, она тебя поразит. Но мысль быстро меркнет, потому что одно слово в ее речи опять вгоняет меня в ступор и заставляет раскрыть рот. Что?.. «Брат»?

– погоди. – Я окидываю ее браслеты новым взглядом, замечаю на золоте маленьких гербовых крокодилов. – Ты тоже принцесса, сестра физальского короля Арэстэса?

Клио скромно кивает:

– И дочь игаптского консула Рагсиса и сиятельной супруги его Хатшертити?!

Снова кивок.

– Приехала с братом, когда его женили, сразу очень полюбила Физалию и попросилась остаться.

– И теперь стала послом доброй воли...

Клио энергично заправляет волосы за уши.

– Да. – Брови ее сдвигаются. – Вот так сложилось, мне кажется, это моя миссия или что-то такое – снова подружить наши страны... – Она медлит и непреклонно добавляет: – А может, и *все* страны нашего континента. Войны нужно уметь оставлять позади.

В глазах такой энтузиазм, что я даже чувствую нервный зуд, а к щекам приливает краска. О... боги. Когда несколько месяцев назад я вступила в переписку с молодым физальским королем, я была уверена: он быстро даст понять, что Гирия может катиться куда подальше. Его предшественник, Гринорис, твердо отказался восстанавливать какие-либо отношения с нашим государством, хотя папа и пытался. Несмотря на самоубийство королевы. Несмотря на выплаченные репарации. Несмотря на публичные извинения, которые папа принес за обоих. Арэстэс и дочь Гринориса Лэлэйя заняли престол всего год назад. А ведь именно из-за их брака моя мать испугалась возвышения Физалии и начала то, что начала; одной из ее целей было убить принца и принцессу или хотя бы принудить бежать. Мы вовсе не надеялись, что Лэлэйя и Арэстэс забудут давний поток ее угроз и шагнут в сторону дружбы с Гирией. Но они шагнули. Может, это даже... моя заслуга? Теперь главное – ничего не испортить. Правда, что-то не получается.

– Какая у тебя... интересная жизнь, – выдаю я и тут же зачем-то добавляю: – Впрочем, у меня тоже ничего, я тут недавно победила чудовище. Большое. И жуткое.

Эвер кашляет. И даже встает явно быстрее, чем собирался, нервно отряхивает швары. Ему вряд ли нравится такое определение.

– Ого! – Клио ничего не замечает. Теперь она рассматривает мои голые коленки, не до конца высохшую тунику и раны на шее едва ли не с восторгом. – А я вот ужасно дерусь, все еще не прошла некоторые уроки, учителя меня постоянно побеждают...

Глупое злорадство я прячу вовремя, но не успеваю ей посочувствовать. Слышу:

– Могу немного позаниматься с тобой. Как-нибудь. Орфо обучал я.

Эвер разворачивается уже с совершенно невозмутимым видом. Улыбается Клио, тут же вцепившейся взглядом в его белоснежную одежду с национальной вышивкой – почти незаметными волнами по вороту... и уверена, не только в нее. Меня он игнорирует. Это еще что? Почему-то хочу то ли зарычать, то ли закатить глаза и передразнить его вежливый тон. «Пара уроков, принцесса, – и вас никто не победит». Ах как мило! Хоть бы раз за день он так улыбнулся мне. И хоть бы вспомнил, что я его все же завалила, чуть не задушив его же кнутом.

– Мы оба могли бы, – влезаю, прежде чем он бы что-то добавил, и понижаю голос до заговорщицкого шепота, полностью отвлекая Клио на себя. – У меня живой меч, ее зовут Финни. Ты видела когда-нибудь живые мечи?

Клио мотает головой, все больше оживляясь.

– Я бы очень хотела посмотреть!

А я рассматриваю ее и с досадой понимаю: да, вот это – настоящая принцесса. Просто как с картинки из учебника по принцессоведению, если бы такие существовали. Я там оказалась бы только в разделе «Как не надо».

Эвер не продолжает разговор, задумчиво отворачивается к морю. Делает несколько шагов в сторону, вдоль более старых могил. Странное ощущение, будто настроение его резко испортилось. Из-за меня, что ли, или ему о чем-то плохом напомнила эта Клио? А может, он просто снова почувствовал себя хуже? Отвлекшись от своей новой знакомой, я слежу за ним взглядом. В миг, когда он останавливается и

опускается возле узкого, но сильно выделяющегося высотой камня, мое сердце пропускает пару ударов. Мне не нужно видеть имя, которое он закрыл спиной. Не нужно видеть и надгробную надпись, которую я знаю наизусть.

Та, которая потерялась во тьме. Валато Каператис.

Моя мама.

На надгробных камнях нужно писать только правду – это правило. Ни лести, ни клеветы. Не напишешь – камень будет падать и трескаться раз за разом, а потом его поразит молния, и трава вокруг загорится, и пламя потревожит других мертвецов. Кирия действительно была красивой и сильной. Мои дяди действительно были патриотами. Прадед дал свободу Физалии. А мама...

Может быть, маме помог выбраться из тьмы хотя бы нож, который она вонзила себе в грудь.

– Эвер, – окликаю я, но он не отвечает. Наверное, он думает о своей родине. И наверное, меня зря рассердил его интерес к Клио: она ведь именно оттуда.

– Вы в порядке? – вдруг тихо спрашивает она. Сама, похоже, не знает, к кому обращается.

– Да. – Поворачиваюсь к ней. Она глядит с такой искренней жалостью, что мне плохо. Похоже, она с нами надолго, и похоже, просто не переживет, если не сможет осыпать агрессивную Гирию своей добротой. – Да, не бери в голову, просто то чудовище... в общем, оно сильно потрепало нас обоих. Ну и вообще много проблем...

– Понимаю. – Она кивает, открывает рот, чтобы что-то добавить, но не успевает.

– Кто это у нас такой красивый! – раздается в воздухе, и Скорфус, словно пущенный из катапульты мягкий камень, впечатывается мне куда-то в спину.

От неожиданности я делаю пару шагов и сбиваю с надгробия Лина венки.

– Легче! – рывкаю я, скорее отстраняясь: хорошо, что ничего не помяла. – Скорфус, ты там бабочек объелся или маками надышался, а? Я красивая, я!

– Приве-ет! – Он уже порхает перед замершей Клио, улыбаясь во все зубы. Ко мне красноречиво повернут только его хвост. – Мы пока

не знакомы, и это большая ошибка. Как давно я не видел соотечественников!

Клио рассматривает его во все глаза, с явным испугом. Смущенно потупляется, потом все-таки кивает и протягивает руку.

– Привет, котик-фамильяр...

– Будущий королевский кот! – заверяет он и бесцеремонно садится ей на плечо, слишком узкое, чтобы удобно там уместиться. – А ты?

Она представляется снова, опасливо посматривая на его когти, а я, потеряв ушибленную лопатку, отхожу к Эверу. Какое-то безумие. Я никогда не была общительной, а сейчас начинаю уставать всего-то от трех существ рядом. Хорошо... от двух: от девчонки, которую едва знаю и которая даже пока не бесит, и от собственного кота. Из-за Эвера я чувствую другие вещи.

– С тобой все хорошо? – снова решаюсь обратиться к нему, приблизившись. Глаза застыли на той самой надписи, руки опущены безвольно, устало.

– Да. – Но он даже не шевелится. – Думаю о том, что ей тоже нужно было сплести венки.

– Эвер... – Я так потрясена, что не сразу нахожусь с ответом. – Ну... папа заботится об этом, ты ведь понимаешь?

– Слуги, – отрешенно поправляет он.

Я пожимаю плечами:

– Да. Почти каждую неделю. Не переживай. Мы соблюдаем правила. А ты...

Ты последний, кто должен думать о ней.

Эвер медленно поворачивает ко мне голову. Я снова задним числом удивляюсь, что он ни капли не обгорел под палящим зноем, а потом спохватываюсь: он не просто не обгорел, он белый как полотно.

– Тебе нехорошо. – Это не вопрос.

– Не очень. – Он морщится, чуть наклоняется, снова прижимает руку ко рту и кашляет. На ладони алеет один-единственный испачканный кровью камень.

– Боги, надеюсь, последний. – Я смотрю, как он сжимает кулак, как прячет камень в широкий карман, как обводит глазами горизонт. – Надо идти назад. Тебе лучше было сегодня отлежаться.

– Нет, – просто отвечает он. – Орфо, мне стало намного легче. Спасибо.

– Хорошо. – Натянуто улыбаюсь. Просто страшно сейчас на него смотреть, и я понятия не имею, как это скрыть. Снова вспоминается детство. Кошмарные недели, в которые он выглядел и вполнину не так плохо. – Но все равно пошли. Думаю, мертвые, если кто из них и витает среди Бессонных Душ, довольны. Теперь я хочу подумать о живых.

– О ком, например? – Он склоняет голову. На лоб падает несколько светлых прядей.

Да о тебе. Вот что я хочу выпалить, совершенно искренне и без намек на сомнения. Но я просто делаю вид, будто не услышала его, и, обернувшись, кричу:

– Скорфус, мы уходим! Клио?.. – Язык не очень поворачивается позвать эту девушку с нами, но надо, и я продолжаю: – Пойдешь с нами в замок? Или хочешь побродить тут?

– Пойду, – с готовностью отзывается она. Со Скорфусом у них уже полное взаимопонимание: он дремлет, обернувшись вокруг ее плеч и лениво свесив лапы. Наконец и его догнали последствия нашего подземного путешествия. Он ведь тоже не спал. – Я шла сюда короткой дорогой через бухту, но твой отец сказал, есть еще длинная, через скалы и город.

– Покажу. – Я киваю, продолжая с тревогой поглядывать на Эвера. Точно не хочу снова загонять его в воду и сама все еще помню свое падение.

– А замок покажешь? – Она потупляет глаза. – До комнаты меня провожали слуги, а больше я ничего и не видела...

Проклятие, этого я не планировала. Только сейчас понимаю, какую картинку нарисовала в голове: что проведу день с Эвером; что дену куда-нибудь Скорфуса и мы поговорим наконец вдвоем, что я смогу сделать что-то, чтобы Эвер чувствовал себя со мной лучше... и чтобы полегчало мне самой. Но посол доброй воли – это посол доброй воли. Если повезет, я добьюсь того, что наши люди и физальцы снова смогут свободно ездить друг к другу, – это важно для разлучившихся семей. Что они снова будут пить наши вина и строить из нашего камня, а мы – одеваться в их ткани и ходить на их кораблях. Что они откроют транзит для наших торговцев, а мы – для их. Что они пустят наконец

наших добровольцев, чтобы помогли достроить города, до сих пор лежащие в руинах. С Клио нужно держаться как можно радушнее. Особенно сегодня, когда она только приехала и наверняка чувствует себя неуютно без компании.

– Почему, кстати, ты одна? – спрашиваю я, уже когда все мы снова ступаем в тишину Святой рощи. – Обычно послы привозят делегации...

Я жалею о вопросе сразу: Клио краснеет так, будто хочет провалиться сквозь землю. Когда она еще и опускает голову и начинает комкать край платья, догадка появляется сама. Не то чтобы она злила, но она расстраивает. Граненые золотые крокодилы на браслетах взблескивают от нервных движений, густые черные ресницы дрожат. Смирившись с судьбой, я просто жду.

– Никто не верит, что что-то получится, – наконец почти шепчет Клио. – Никто не захотел со мной ехать, большинство уверено, что скоро я вернусь. Ну то есть со мной только охрана. Свиты нет. Я так обиделась на брата, что взяла только свое... маленькое Братство. *Очень* маленькое.

«Братство». Какое знакомое слово. Похоже, малышкой она читала сказки и мифы, которые я прекрасно знаю. У нас и у физальцев они общие.

– Их всего двое, и им я велела отдыхать и осваиваться, чтобы никого здесь... не беспокоить дурацкими вопросами, – осторожно продолжает Клио. – Я все равно сомневалась, что меня кто-то тронет, тем более на замковой территории. Особенно учитывая, что я не выгляжу как физалийка...

– У нас и физальцев не трогают. – Я смотрю на Эвера, кусаю губы, но упрямо продолжаю: – Мы все помним. И не хотим ничего повторять. Ни в каком виде.

– Я верю, – говорит она, кажется, искренне, но выглядит все еще расстроенной и смущенной. Не могла не заметить, как меня задело услышанное.

– А твой брат, раз вы так к нам настроены, не побоялся, что тебя убьют? – вмешивается вдруг Эвер. Он хмурится и выглядит все более усталым, сильно от нас отстал.

Клио странно смотрит на него, потом на меня. Улыбается не то заискивающе, не то виновато. Почесывает Скорфуса под подбородком

и говорит так небрежно, будто мы обсуждаем какие-то простые, будничные вещи вроде блюд на обед.

– Он сказал, что если со мной хоть что-то у вас случится, Физалия и Игапта вместе нападут на вас. Попросил передать. Но я, конечно же, сомневаюсь, что это возможно.

Мы с Эвером спотыкаемся. Почти одновременно. Святой стыд.

– Ну да, ну да, две принцессы вместо одной, – блаженно бурчит Скорфус под наше мертвое молчание. – Я просто счастлив, да, да, чеши меня, чеши.

Клио аккуратно, стараясь не разбудить его, пожимает плечами и берет меня под руку с таким видом, будто правда не поняла, что только что от лица физальского короля поставила нам ультиматум. Поднявшийся ветерок вздыбливает гладкую прическу, глаза снова загораются оживлением. В нос мне сильно бьет запах лотосов. Лучше, чем кулак судьбы.

– А теперь расскажи, что тут у вас интересного? Что едят, где танцуют?

О боги. Я пропала.

4. Мертвая птица. Эвер

– Слушай, двуногий.

Тяжелые хлопки крыльев за спиной приближаются, но я только опускаю взгляд на раскаленный песок. Стараюсь сосредоточиться на шуме моря, на шепоте ветра, на редких криках чаек. Не на этих окликах, ставших в последние минуты непрерывными.

– Я, конечно, не твоя мамочка, чтобы укладывать тебя в кроватку... – Скорфус подлетел уже почти вплотную и, похоже, не собирается отставать.

– У меня никогда не было матери, – отрезаю, останавливаясь, и он предсказуемо врезается в меня, обдав на несколько секунд жаром. У фамильяров горячие тела, до сих пор не понимаю, как Орфо терпит это существо на своих плечах.

И эта физальская девочка, Клио, тоже терпела.

– Ладно, это было бестактно, но все-таки послушай. – Скорфус облетает меня и порхает уже перед самым лицом. Голову приходится поднять. – Ты плохо выглядишь, правда. И плохо ходишь. Орфо оторвет мне хвост, по крайней мере, попытается, если ты...

– Так сделай вид, что тебе ничего неизвестно. – Я снова обхожу его. – Это вообще не твоя забота. Я предпочел бы, чтобы ты улетел.

– Я-а, предпоче-ел бы, – тут же заводится он, даже шипит. – Душ-шнила! Неужели нельзя сказать по-человечески: «Пошел ты на хрен!»?

– Хрен растет, и, кажется, даже не в наших землях. – Я опускаю руки в карманы.левой тут же натыкаюсь на камень, который выплюнул в санктуарии. – На него вряд ли можно пойти.

– Да что тебе не лежит, ну что... – твердит он свое, когда я продолжаю путь. – Двуногий! Эвер! Может, я хотя бы лягу тебе на голову, чтоб не напекло?

Снова смотрю вниз, на зыбкую границу, где терракотововлажный от набегающих волн песок переходит в золотистосухой. Темное и светлое. Холодное и обжигающее. То, как от каждого прикосновения воды песок темнеет и светлеет, успокаивает, но недостаточно; я пытаюсь сосредоточиться, а этот кот мешает. И я все-таки говорю то, о чем он попросил, в слабой надежде от него избавиться:

– Пошел на хрен.

Что бы это ни значило.

Но он продолжает молотить крыльями, теперь уже надо мной, точно правда пытаюсь своим не так чтобы массивным телом устроить мне тень.

Я действительно обещал Орфо, что полежу, пока она покажет замок Клио Трэвос. Но делать этого я не собирался уже тогда, у меня был другой план – идти за ними, тихо следовать из комнаты в комнату и слушать, о чем они говорят. Но в первом же коридоре мне стало плохо, и я сильно отстал. Пришлось присесть в нише, а когда голова перестала кружиться и гудеть, оказалось, что Орфо с Клио я потерял. Неудивительно. Гирийский замок огромен, здесь могли бы разместиться три больших королевских двора, а не один маленький. Плиinius за четыре года не изменил себе и не расширил круг. Люди, близкие к его жене и сыну, почти все ушли; Орфо тоже не спешит окружать себя нобилиями и целерами. От всего этого странное чувство – будто замок умирает вслед за правящей семьей. Еще немного – и умрет совсем без свежей крови.

Крови.

Место, на котором я останавливаюсь, чисто и залито солнцем, но сердце сразу начинает колотиться, а во рту пересыхает. Беря себя в руки, я отвлекаюсь снова, вглядываюсь в два оттенка голубого над и под горизонтом. Небо. Море. Сегодня ни облачка и точно никакого дождя, а мир не подернут красной пеленой моего гнева. Все в прошлом.

«...грязный физальский...»

Я не знаю, что заставило меня вернуться сюда – наверное, четкое понимание: в четырех стенах я сойду с ума окончательно, правильное проветриться, воспользовавшись уединением. Прогуляться и хорошенько подумать. Еще раз сказать себе, что сама затея следить за Орфо была безумна, безумнее только то, что меня к ней подтолкнуло. То, что напугало.

Клио. Эта возникшая ниоткуда улыбчивая дочь консула.

Там, на кладбище, когда она впервые обернулась, целых несколько секунд я видел вместо ее лица череп. Кожа, серая и тонкая, как самая дешевая бумага или перепонка на жабьей лапе, обтягивала его неровно, местами кости прорывали ее. Глаза горели алым.

Вздвогнув от озноба, я резко осознал: Монстр, в которого я обратился, выглядел похоже. Но больше ничего понять я не успел: мертвенность соскользнула с лица Клио, устремилась вперед облачком дыма и, прежде чем я бы среагировал, окутала уже Орфо, тоже сделав похожей на труп. На секунду – потом все стало как прежде, раздалось «привет», и я присоединился к разговору, быстро убедившись, что в Клио нет ничего необычного. Орфо вела себя напряженно в первые минуты знакомства, я даже решил, будто мы увидели одно и то же, но почти сразу усомнился. Она волновалась по другому поводу – из-за надежд, которые явно возлагала на эту иноземную принцессу. А вот я точно терял рассудок. Хотя, может, это просто какое-то безобидное санктуарное волшебство? Может... череп был и вместо моего лица?

Я сжимаю камень в кулаке, потом вынимаю и швыряю в воду. Плеска не слышно – он слишком маленький. Давление в груди ослабевает в ту же секунду, будто я избавился от чего-то тяжелого и опасного. Может быть. Как минимум – от очередного напоминания о тяжелом и опасном. Я не кашлял уже почти два часа. Все еще слаб, но это терпимо.

– Скорфус, правда, – обращаюсь к нему уже мягче. – Не нужно было увязываться за мной, я просто хочу немного подышать воздухом наедине с собой.

И вспомнить. Я не говорю этого, но желтый глаз фамильяра, снова замершего напротив, сверкает ленивой насмешкой.

– Сколько тебе лет, двадцать? Так вот, плохая новость: ты не умеешь врать. – Он приземляется на песок, начинает прохаживаться, нюхая воздух. Потом вид его вдруг становится сочувственным, почти... виноватым? – Помнишь, да? Что я здесь с тобой делал вчера?

Звучит неприятно и двусмысленно, но когда он поднимает лапу и выпускает блестящие когти, я все понимаю. Царапины. На моем лице и теле в некоторых местах еще видны розоватые следы царапин, происхождение которых прежде ставило меня в тупик. Орфо не вдавалась в подробности, но теперь-то я догадываюсь: Скорфус буквально снял с меня шкуру. Отделил от меня останки Монстра, использовав целительную магию Гестет. На такое способна только она.

– Не страшно. Спасибо, – говорю, хотя, судя по ухмылке-оскалу, ему вряд ли это нужно.

– Спасибо Орфо, – поправляет он, продолжая нарезать круги по песку. Раз за разом он останавливается примерно в тех местах, где меня окружили «дети героев»... и где они упали. Но я все равно цепенею, услышав тихое и вкрадчивое: – Значит, здесь же все и началось?

– Да. – Сухо киваю и делаю шаг вперед. Этот участок пляжа отвратителен мне, но нужно пройти дальше. Туда, где станет еще хуже. Призрачные голоса упрямо звенят в голове.

«Лин тут сказал нам...»

«...маленькая ведьма...»

«...Братство!»

«Что ты натворил, Эвер?»

Скалы, серые и ноздреватые, мало отличаются друг от друга. Я скольжу по ним глазами, ища что-то, чего не может быть. Пятно копоти или крови. Разлом, скол, хотя бы трещину, заросшую кустарником. Провал в песке. Любой знак, указывающий на то самое место. Место, где Орфо буквально распяла меня на камне и я почувствовал, как трещит каждая моя кость. Место моей смерти, где что-то приняло меня в полные острых ножей объятия и бросило в холодный мрак. Место рождения Монстра. Ведь я почувствовал, как что-то проникает в мою кровь, еще падая и видя высоко над головой серый, неумолимо смыкающийся просвет.

– Вот тут. – Скорфус шумно приземляется на низенький камень чуть левее меня. Встает на задние лапы, упирается передними в отвесный участок скалы, похожей скорее на стену. – Портал был во-от такенным. Ты, видимо, знатно довел Орфо.

Лапы взблескивают золотом, от них вверх тянется широкая рваная полоска света – нет, скорее рана из чистого волшебства. Края ее едва уловимо трепещут и наливаются краснотой, я замороженно гляжу на них, а потом, пошатнувшись от спонтанной тошноты, оседаю на песок и закрываю глаза рукой. Нет, нет. Не хочу. Не хочу видеть это, не хочу вспоминать боль, от которой не мог выдохнуть, не хочу... бояться, что это повторится. Или что это не закончилось, а берег, замок и та малина на кубиках козьего сыра – не явь. Что мои – не мои – зубы вгрызаются в человеческую плоть. Что вместо шума моря я – не я – слышу предсмертный крик.

– Тихо, тихо! – раздаётся рядом. Когда я поднимаю голову, раны на камне уже нет, он серый и обыденный, солнце рисует на нем пятнистые узоры. – Вот видишь? Ничего нет. Не реви.

– Да я... – Впрочем, вряд ли он не видит, что у меня сухие глаза. Скорее издевается, что, видимо, составляет основу его общения с другими существами. – Знаю. И еще раз спасибо. Я должен был все это осознать. Но такие вещи плохо вмещаются в человеческой голове.

– В голове фамильяра, знаешь ли, тоже, – неожиданно покладисто отзывается он, сворачиваясь возле меня клубком. По-своему устрашающее зрелище: густое черное пятно, в котором блестит единственный желтый глаз. – Когда Орфо, рыдая, рассказала мне, что убила своего парня, я и представить не мог, что на самом деле она выбросила его в какой-то портал. Да еще и в такой.

– Своего *парня*? – оторопело повторяю я, но Скорфус только фыркает.

– Она так не говорила, нет, но выглядело похоже. «Эвер то», «Эвер се», «Мы с Эвером» и даже «Мой Эвер»... Если честно, она достала меня тобой за четыре года. И я представлял тебя несколько другим. Скажем так, – желтый глаз вызывающе щурится, – более высокоорганизованной формой жизни.

Я качаю головой и напоминаю лишь:

– Ей было двенадцать. Мне около двадцати.

– Пф, это я должен тебе рассказывать о том, как десятилетних принцев и принцесс венчают, чтобы остальной мир точно понял: «Эти страны будут дружить»? – Скорфус вяло дергает хвостом. – Но мне плевать, уж поверь, меня куда больше поразил сам факт. Двуногий, волшебники *не умеют* открывать порталы. Этого не умели даже те первые, которых наделил даром Зирус. Все наоборот: порталы открываются сами, реагируя на состояние волшебников. Гнев. Боль. И к слову, это обычно случается там, где полотно мира уже однажды рвалось или, по крайней мере, подвергалось магическому воздействию. Так что, поговорив с Орфо, я сразу вспомнил того ее прадеда, который устроил расчлененку на вот этом самом месте.

– Вот этом? – Я оборачиваюсь. Раскаленное бледное золото режет глаза. – Я не знал...

– Никто уже не помнит, но пару поколений назад этот пляж был не замковым, а городским. Потом его прикрепили к королевским

владениям, а горожанам расчистили другой, на западной стороне. Так, на всякий случай. Но все равно. – Скорфус приподнимает голову. Он смотрит сейчас так пристально, что хочется отвернуться. – Это требует даже не огромных сил. Огромной боли. Орфо, похоже, правда очень любила тебя и была вне себя.

«И именно поэтому ты должен простить ее».

Он не говорит этого, но я читаю в выражении морды. Не могу думать об этом, не сейчас – хотя услышанное и пошатнуло меня в очередной раз. Нет. Позже, наедине с собой.

– Знаю, – говорю только это. – И со мной было примерно то же.

Медленно, с усилием я начинаю вставать, а когда это удается, делаю решительный шаг к скале. Я знаю, что должен дотронуться до нее, знаю, что это замкнет круг хотя бы в моих мыслях. Да, здесь все началось, когда я убил Кирию, Гефу, Гофу и Аколлуса. Здесь же – кончилось, когда Орфо и ее кот вытащили меня. Кончилось. Кончилось. Правда. Мы все знаем это, мне нужно только выдержать проверку на ложь и окончательно выздороветь. А там...

Моя ладонь касается шершавого камня, ведет по нему, повторяя один из контуров «раны», Скорфус, тоже подлетевший, бормочет:

– Ну вот видишь, не так и страш...

За нашими спинами раздается пронзительный крик, что-то вроде хруста и тихий стук падения. В первые секунды кажется, будто голос человеческий, но когда мы оглядываемся, на песке – шагах в десяти, ближе к воде, – лежит просто мертвая птица. Чайка. Когда мы осторожно приближаемся, под ней уже распускает омерзительные щупальца-подтеки кровавое пятно.

– Я ошибся. Бр-р-р, – изрекает Скорфус, замысловатым взмахом хвоста попросив меня не подходить. Он приближается вплотную сам, аккуратно трогает колышущиеся на ветру серые перья лапой, наклоняется, чтобы понюхать. – Как думаешь, это у нее сердечный приступ?

Я чувствую холод, не знаю почему. И дурноту от красноты, которую жадно впитывает сухое золото.

– Много крови, – удается выдавить только это, затем я все же приближаюсь и сажусь на корточки.

– Не трогай, – мрачно просит Скорфус. – Мало ли. – Все так же аккуратно он переворачивает птицу. Ее спина – сплошное кровавое

месиво, хребет наполовину выдран. – Знаешь, вот никогда мне не нравилось это место.

– А Орфо и ее семья, да и я тоже, много времени проводили здесь...

Скорфус кидает на меня задумчивый взгляд, а потом щерится, оголив только левую половину челюсти.

– Возможно, тем хуже для вас.

– Да о чем ты?

Но он только мотает головой, как мог бы мотать скорее пес, чем кот.

– Сам пока не знаю. Так, к слову пришлось.

Он снова вскидывается, мы встречаемся глазами, и на секунду меня охватывает порыв – рассказать ему, что я видел в санктуарии. А может, и что я видел раньше, про призрачную – *фантомную*? – фигуру над кроватью. По спине пробегает дрожь, я облизываю губы и вместо этого тихо спрашиваю:

– Скорфус, скажи, а насколько ты сам устойчив к магии и управляешься с ней?

Он дергает правым ухом, затем прижимает его к голове.

– Судя по тому, что я вас вытащил и никто не пострадал, можно сделать выводы, нет?

Я киваю. Его оскал превращается в самодовольную улыбку.

– Когда Орфо впервые привела меня сюда, я сразу почувствовал, что что-то не так, да и восстановить портал мне не составило особого труда. Как и потом его закрыть и очистить тебя.

– Понятно...

Скорфус щурится. Видимо, я не справился со своим тоном.

– Тебя что-то тревожит, правильно?

Не знаю, как ответить, я сам этого уже не понимаю. Мертвая птица, истекающая кровью и бессильно раскрывшая желтоватый клюв, пугает меня, хотя я никогда не был брезглив. Галлюцинации – галлюцинации ли? – пугают еще больше.

– Многое, – лаконично отзываюсь я. – И прежде всего я сам.

Он, ничуть не удивившись, вдруг подмигивает, если только может подмигнуть существо с одним глазом.

– Слушай, – тон становится мягче, – я понимаю. Но я уверен, ты не принес с собой никаких чудовищ, не принес даже червей. Из

Подземья вообще довольно сложно выбраться без особенной магической помощи, оно крайне неохотно расстается со своими сокровищами и пленниками. Это не правило, это то, что правилам предшествовало. Наш мир и это место – даже не параллельные прямые. Скорее прямая и... чернила, которыми эту прямую когда-то нарисовали.

Звучит сложно, но уверенно, и мне даже становится легче. Я правда думал об этом – что, например, притащил на себе каких-то призрачных паразитов. Или даже хуже, ведь в Подземье мне встречались разные соседи. Громадный огненный дух с лицом старика, вместо рук которого были плети. Водная змея с петушиным гребнем, замораживающая взглядом. Серокожий младенец со щупальцами вместо ног и пастью на пол-лица. А однажды, когда жертва Монстра убежала слишком глубоко, я видел и клубящийся рой серых бесполок силуэтов. И двух нетопырей, парящих уже так далеко внизу, что только глаза чудовища могли их различить. Были ли это Идус и Сэрпо, правда ли Подземье и есть Темное Место? Были ли прочие такими же людьми, как я, оказавшимися не в то время, не в том месте и не с тем человеком? Первое доказывал подземный гранатовый сад, в который я забрел в другой день и где один-единственный раз одолел Монстра, не дав ему съесть ни зернышка и заставив забыть дорогу. Второе – то, что соседи-чудовища никогда на меня не нападали, даже те, которые были крупнее и сильнее. Не напал и Монстр – будто глубоко внутри все мы помнили, что с нами случилось, и понимали, что у нас одна природа.

– Подземье – древняя штука, – продолжает Скорфус, снова опустив взгляд на чайку. – Из которой, как говорят в Игапте, все мы вышли и оформились во что-то живое, когда родился мир. Мы, – поколебавшись, он с омерзением берет труп в зубы, дальше продолжает невнятно, – все, даже боги, – что-то вроде когы и костей вселенной. А Подземье – ее нутго. – Он идет вдоль берега прочь, я следую за ним. – И обгатно в это нутго, похозе, падает многое из того, чему нет места высе. Бессонные Дусы, напгимег. Идус, отвегсый пгавила.

Или я, который, возможно, тоже нарушил их, отказавшись помнить о своем месте.

– С тобой все в поядке, – заканчивает он. – Я понял это, есе когда тебя погдузили в телегу. Не пегезивай, я бы заметиг пгобгемы. Ты попгависся. Дазе есги подгемье все есе не... высло из тебя до конца. Сто у тебя, гтюки?

– Что, прости?..

– Гагюкинакии, говою, есть?

Киваю. Скорфус морщится.

– Заль. Но потегпи. Подумай, как Огфо зывает с космагами.

Я киваю и отвожу взгляд. На секунду мне правда хочется спросить: «А как она живет с ними сейчас?» Без гасителя. С котом, который просто спит в ее кровати и смягчает силу снов. Вряд ли он может положить руку ей на лоб. Вряд ли может обнять и заговорить о саде, чтобы отвлечь. Вряд ли предлагает прогуляться по крепостной стене или сыграть в петтейю, если засыпать снова она совсем боится. Хотя я преувеличиваю. Последнее возможно. А может, Орфо с ее новыми странными шутками и манерами вообще разлюбила петтейю и предпочитает справляться, как некоторые взрослые волшебники, – выпивает каждую Кошмарную ночь по бутылке вина, чтобы проживать сны словно в мягком ватном коконе, где все равно больно, все равно страшно, но как будто не совсем тебе. Скорфус похож на тех, кто ценит такие методы.

Ему сложно говорить с забитым мертвечиной ртом, и до замка мы идем молча. Я думаю о его словах, пытаюсь покрепче вцепиться в иллюзорное успокоение. Этот кот ведет себя со мной мирно. Он не считает, будто меня, например, нужно изолировать. И он не заметил ничего странного из того, что заметил я, хотя понимает в вещах, которые мне и большинству других людей неизвестны. Я все равно не могу доверять его мнению до конца. Я буду отслеживать свое состояние. Если галлюцинации, или что бы это ни было, не пройдут, придется с кем-то поговорить, чтобы это не стало опасным. Но пока все идет неплохо: я перестал кашлять, солнце уже меня почти не мучает. И за весь путь к замку я ни разу не споткнулся.

Прямо у «тайных» ступеней мы все-таки натыкаемся на часовых. Возможно, их привлекли наши передвижения от береговой линии, а возможно, они просто выполняют наконец обязанности – осуществляют полный обход. Мне нечего бояться и нечего прятать, но я застываю в нескольких шагах от них с холодной, неживой улыбкой.

Вглядываюсь в смуглые лица: юноши, вряд ли были здесь четыре года назад, а значит, вряд ли помнят меня. Так и оказывается: они равнодушно приветствуют меня, синхронно стукнув кулаками по круглым фибулам на коротких плащах. Слышали особые распоряжения короля насчет меня, но понятия не имеют, с чем они связаны.

– Все в порядке? – спрашивает тот, что пониже. На крылатом шлеме бликует солнце.

Скорфус шумно выплевывает мертвую чайку едва ли не ему на сандалии, а потом столь же шумно плюет в сторону.

– А что, похоже, железная башка? Так, давайте-ка, ведите меня к эдилу^[8]. У него тут, смотрите, самидохнут птицы.

Часовые переглядываются без раздражения, но и без интереса. Видимо, они привыкли, что принцессин кот обращается с ними как с плебеями.

– Ты уверен, что тебе надо? – Второй целер вяло пинает окровавленную птицу ногой. – И это точно не ты ею полак...

– Быстро, – отрезает Скорфус и вздыбливает крылья.

– А ты... – начинает первый целер, обращаясь ко мне, но Скорфус обрывает его:

– А он не имеет к этому никакого отношения. И ему положено уже лежать в кровати, принцесса Орфо приказала. Дорогу.

Целеры без особых возражений расступаются, но, проходя между ними, я все же чувствую беглые любопытные взгляды и даже слышу один смешок. Запоздало осознаю, как глупо прозвучало все это, про «лежать в кровати», но кому-то что-то объяснить я правда не хочу. Нужно еще преодолеть подъем и отдышаться после него. Только бы голова опять не помутилась.

– До встречи, Скорфус, – не оборачиваясь, говорю я и делаю первый шаг на ступеньки.

Я все-таки устал от палящего солнца. Я не хочу больше видеть мертвую птицу. И я боюсь увидеть красноглазые трупы вместо двух этих солдат.

5. Безлюдные комнаты. Орфо

Клио и правда милая – другого слова и не подберешь. По замковым коридорам она бежит бесшумно, как котенок, всех встречаемых на пути целеров ожидают светлые улыбки и приветственные слова. Я иду медленнее и чувствую себя глупее глупого. Зато я, кажется, на пару шажков ближе к своим дипломатическим целям.

– Что здесь? – спрашивает Клио, сунув нос за одну дверь, толстую и деревянную.

– Кладовая.

– А здесь? – Теперь ее заинтересовала узкая металлическая створка, вся в гравировке виноградными лозами, но открыть не получается.

– Винная.

– Ух! А мы не пьем вино никогда, кроме больших праздников, это дорого даже для нас...

Правильно. Виноградников у вас нет, одни верфи, ткацкие мастерские и соляные карьеры. Вы во многом зависели по еде от нас, а теперь так же зависите от Игапты, которая повально непьющая, а вместо ржи и пшеницы выращивает рис и желтозубку – сладкие початки в ярко-зеленой листве. Наверное, ваши люди, особенно старшие поколения, скучают по обычному хлебу, который спокойно ели в детстве на завтрак, обед и ужин. Теперь он стоит почти как мясо и яйца.

– Давай напою тебя, сегодня или лучше завтра, когда передохнешь с дороги. – Не то чтобы я имела в виду предосудительные вещи, но стараюсь принять многозначительный вид. – У меня нет ключа, но отец не будет возражать.

Клио хитро улыбается:

– Ловлю тебя на обещании. А здесь... – Она, кажется, всерьез готова бежать до конца коридора, полного служебных помещений. Я придерживаю ее за пояс и, загибая пальцы, перечисляю:

– Дровяная, стиральная, гладильная, чулан для утвари, запасная иатрия^[9]. Комнаты слуг, много-много комнат слуг. Если свернуть

направо по коридору и перейти в другую башню по галерее, попадем во владения целеров, и там будет вонять потными мужиками. Ты правда хочешь все это увидеть? – На последних словах я плавно сжимаю и переворачиваю вделанный в стену серебряный подсвечник, у которого мы стоим. Часть стены под восхищенный вздох Клио съезжает вниз, открывая темный проем. – Тогда пошли. Купальню, экседры, залы для танцев, библиотеку, ну и прочее такое посмотрим. Могу показать оружейную, где живет Финни.

Я, наверное, бесцеремонна, но мне правда не хочется разгуливать там, где и без нас много людей. Еще когда мы расстались с Эвером и Скорфусом, я заметила, что слуги суеются сильнее обычного и даже сад, мой сад, лихорадочно приводят в порядок. Скорее всего, весть о прибытии посла уже разносится. Наверное, папа запланировал балы, морские прогулки, мистерию в замковом театре и другую дрянь, которую я терпеть не могу. И пиры, конечно же. Клио уже несколько раз отметила, как вкусно пахнет, а я не решилась признаться ей, что чаще у нас воняет либо пылью, либо хвойными, чайными и мятными маслами, которыми на случай нового мора все еще обрабатывают каждое помещение, каждое утро. А теперь на кухне, вероятно, жарко, точно в игаптских пустынях, и невозможно пройти, не наткнувшись на кучу поднимающегося теста или тушку ягненка. Клио точно будут кормить на убой, и это единственное, что я одобряю.

– А пшеничные булочки у вас есть? – Уже нырнув в темноту, она подхватывает мои мысли.

– О, этого точно в избытке. – Аккуратно веду ее вперед по узкой лестнице, продолжая держать за пояс. В какой-то момент она перехватывает мое запястье и сжимает. – Слушай, я... – Все-таки осекаюсь. Нет, я не Эвер, мое отношение к прикосновениям должно быть проще. И я покорно сжимаю ее пальцы в ответ. – Правильно. Не упади. Ступени крутые, скользкие, но я все равно люблю их больше, чем парадную лестницу: так быстрее. Под вечер я смогла бы одолжить свечу, но сейчас как-то сложно с этим возиться, нужно было бы зайти в светильную.

– А ты не умеешь... ну... – Подъем кончается. Я нащупываю в темноте выступающий камень, даю на него пяткой и открываю выход. Клио я вытаскиваю на свет, как раз когда она начинает эту фразу, и потому вижу понятное смущение.

– Зажигать огонь взглядом? Создавать каких-нибудь огненных птичек? – Угадываю легко. Клио робко кивает. – Ты знаешь хоть одного волшебника, который бы это умел?

– Нет. Но вдруг...

– Я не умею почти ничего, – вздыхаю и все же признаюсь: – Двигаю вещи и людей взглядом. Если сильно постараюсь, могу найти потерянного человека или источник воды, но для этого нужен маятник, а в идеале еще подробная карта. – Показываю маленький цитриновый кристалл, который ношу на цепочке. – В детстве у меня хорошо работала интуиция и помогала кое-что предвидеть и угадывать. Например, – нажимаю еще на пару камней плечом, и проход за нами закрывается, – все такие лазы я нашла без подсказок или простукивания стен. Но сейчас что-то интуиция меня подводит. Да и не особо я все это развиваю.

– Мне кажется, это правильно. – Клио осматривает длинный коридор, пронизанный полосами света, потом опять поворачивается ко мне. Солнце золотит ее лицо. – Волшебство недоброе, я думаю, однажды боги окончательно уберут его. Люди уже не так в нем нуждаются.

– Пока не спешат. – Вздыхаю снова. Смотрю на горящую стрелу, которая насмешливо чернеет на моем запястье. – Мне не повезло. Сойду с ума и умру в муках, как все, и...

– Это будет нескоро! – восклицает Клио. Только теперь я осознаю, что мы еще держимся за руки, и отпускаю ее. – При дворе брата и Лэлэйи много волшебников, и по годам все они уже как твой папа, даже те, которые держат только фамильяров. А у тебя и фамильяр, и гаситель...

– Хм. – Я открываю рот, но передумываю даже упоминать Эвера. Это не ее дело. Не ее. – Ладно, пойдем гулять. У нас отличная купальня, хотя в Игапте она наверняка еще больше.

– Я не особо помню, – признается Клио. – Я уехала рано, мне было лет семь.

– Значит... – осознаю запоздало. Сбавляю шаг и спрашиваю тихо, уже догадываясь, что от ответа мне станет паршивее: – Ты провела войну в Физалии?

– Да. – Ее взгляд блуждает по картинам и гобеленам, выхватывает один серебряный подсвечник за другим, задерживается на каждом: они

изображают разных зверей и почти не повторяются. Лицо Клио безмятежно, но говорит она теперь тише и с другой интонацией. – Я приехала с братом, и меня оставляли с Лэлэйей, пока он ездил туда-сюда и решал дела. Ваши первые корабли вошли в наши воды, как раз когда он вернулся в последний раз. И венчание все равно состоялось. Когда уже стреляли. Арэстэс и Лэлэйя даже были в доспехах.

– Почему тебя не увезли? – Этот спокойный вид не укладывается в голове, я смотрю на Клио, едва перебарывая дурноту, а она уже самозабвенно гладит пальцами подсвечник-антилопу.

– Красота какая...

Не отвечаю. Эти серебряные звери были любимцами мамы, она велела натирать их каждый день, до сияния. Сейчас это делают в лучшем случае раз в месяц. Клио наконец идет дальше. Я ловлю себя на том, что сильно кусаю губу. Повторяю:

– Почему?

– Просто боялись, что меня похитят или убьют в пути. – Мы входим в первый из множества залов, полных запыленной мебели, идем через него под слепыми взорами угловых статуй – крылатых девушек в длинных туниках. – Со мной некого было отпустить, каждый человек был на счету, ведь ваша армия поначалу превосходила нашу. А потом я не захотела уже сама.

– А это почему? – тихо повторяю в третий раз и открываю следующую дверь.

Прохладная синяя экседра, где ничего, кроме двух длинных угловых соф, окутывает нас сумраком. Под потолком красивый канделябр – огромный, но пустой лавровый венок. Света здесь не зажигали года три. Клио глядит на лазуритовую мозаику, украшающую пол, потом на меня. Ее четко очерченные брови чуть сдвигаются.

– Пойми меня правильно, мы еще не подруги. Есть истории, которые мне сложно рассказывать. Того, о чем мы говорим, не знают даже папа и мама, но в том числе после этого решения они... ну, в некотором смысле отказались от меня. Сами перестали звать назад.

С каждым словом ее голос слабеет, а глаза наполняются виной. Похоже, она всерьез думает, что обидела меня отказом поведать секрет. На самом деле я выдыхаю, ведь это и меня освобождает от обязанности как выдумывать для Клио слова сочувствия, так и

откровенничать с ней по поводу любых вещей, которые я сочту личными. Прекрасно.

– Если коротко, я поняла, что хочу связать жизнь с храброй Физалией, – продолжает Клио, проходя в следующий зал, полный цветочных картин и расписанных клетками столов для петтейи. – Ты осталась единственным ребенком в семье, и у тебя был один брат, а вот нас, представь себе, восемь, и я младшая. Меня уже никто особенно не ждал, со мной не слишком занимались, я часто болела, и только Арэстэс почему-то полюбил меня. Я ходила за ним, как зверек... – Клио прикрывает глаза, мечтательно улыбается. – И, конечно, когда ему нашли невесту, я стала проситься с ним, пообещала даже сидеть с его будущими детьми и вообще делать все, что он попросит. – Она осматривает картины. Надолго задерживает взгляд на голубом небе за окнами. – А потом случилось интересное: я резко перестала болеть и окрепла. Похоже, игаптский климат мне не подходил, так бывает. И люди в Физалии чудесные.

У нас не хуже. Но как ни хочется сказать это, я молчу. Во-первых, у Клио может быть свое мнение, а во-вторых, я знаю не так много физальцев. Несколько есть среди «детей героев» – они сбежали сюда, когда Гринорис казнил их примкнувших к гирийцам родителей. Несколько были целерами, один учил меня чтению и письму. На кухне работала физальская повариха, но ее убили после того, как в середине войны она попыталась отравить маму. И военнопленных я потом встречала. Да, в целом физальцы приятные, но близко-то я общалась только с Эвером.

Клио продолжает говорить о любви к Физалии, но я почти не слушаю – опять думаю не о том. Эвер не пошел с нами, я не решилась его позвать, но теперь чувствую скорее тоску, чем облегчение. Слова Клио о брате – довольно приятном короле лет двадцати пяти – что-то во мне разбудили. Она, получается, провела с ним все детство и выросла, не разлучаясь надолго. Ни на минуту не чувствовала себя покинутой. Так могла бы вырасти я, если бы не убила Эвера. Он здесь, ему лучше, мы завтракали вместе в саду, полном ландышей, но это слово все еще со мной.

Убила. Все, что было и могло бы быть между нами. И настоящего брата я тоже потеряла.

Под болтовню Клио мы проходим еще четыре зала, заглядываем в пару боковых комнат. В оружейной, где все стены в секирах, мечах и хлыстах, я подхожу к Финни, висящей точно против окна и залитой солнечным светом. Трогаю лезвие в знак приветствия. Оно загорается и звенит.

– Она изрубила трех солдат, прежде чем попала ко мне, – говорю я, и Клио изумленно приоткрывает рот. Я только сейчас понимаю, что он накрашен, это не сами губы такого красивого, напоминающего о вишне в меду оттенка. – В Гирии всего четыре выкованных Фестусом живых меча, и именно этот никому никак не шел в руки. Все надеялись, что пойдет к Лину...

– Он тоже пострадал тогда? – слегка испуганно спрашивает Клио. На Финни, которую я продолжаю поглаживать, она косится с опаской.

Я снимаю меч со стены. Отхожу на несколько шагов и начинаю плавно, скорее танцуя, сражаться с невидимым противником. Просто спектакль. Для новой подружки от старой подружки, что-то похожее мне предстоит устроить на церемониальном пиру. Противник подходит справа – и я отражаю удар. Я вижу его слева – и нападаю. Клинок рисует в воздухе серебристые арки и кольца, которые тут же тают, оседая на мои волосы. Финни на самом деле любит покрасоваться, всю старается.

– Только его гордость. – Остановившись, усмехаюсь. Клио хлопает в ладоши. – Я ведь даже до конца не поняла, что произошло, я просто увязалась с ним в тот день, и мне тоже решили что-нибудь заранее подобрать. Ему дали Финни – ну, у нее еще не было имени. А она повела себя... э-э, как все божественные мечи, которым не нравится хозяин: начала вырываться и накаляться. Папин целер заорал, чтобы Лин ее бросал, пока ему не отрубили голову, и он бросил, мне под ноги. А я просто забыла, что мне говорили, и подняла. И все сразу стало ясно.

– Ты, наверное, особенная! – выпаливает Клио, круглыми глазами смотря на серебристое лезвие. – Это же необычное оружие, у нас такого тоже мало. Да даже просто Святого мало...

Я опускаю руку. Финни меркнет.

– Нет, вполне возможно, дело было в нежелании Лина вообще обзаводиться в тот год постоянным мечом. Они выбрали неудачный

момент, почти сразу после маминой смерти. Думали, это его... взбодрит. Забавно, да? Типично для старых твердолобых вояк.

– Ужасно, – тихо говорит Клио, и ее интонация снова сжимает что-то у меня внутри. Я даже решаю не злорадствовать, сообщая, что и потом Святое железо не пошло Лину в руки.

– Как все-таки вы познакомились? – Чувствую, что ответа не будет, но наудачу все равно спрашиваю. – Я уверена, Лин не ездил ни к игаптскому двору, ни к физальскому, и тебя, окажись ты у нас, я тоже бы запомнила...

Клио молча прижимает палец к губам. Снова секрет. Ну ладно. Отвернувшись, я вешаю Финни на место и мимолетно трогаю кончиками пальцев более крупный, но совершенно обычный меч с золоченой рукоятью. Лин носил его. Тому, что Финни стала моей, он вроде бы не завидовал. Или хорошо скрывал это, ведь позже – в тот самый год Шторма, – я все же услышала от него: «У моей сестры вот живой меч. И я рад, потому что больше подруг у нее нет. Можно сказать, что я ей его уступил». Тогда я очень хотела чем-нибудь огреть брата и обозвать, но Эвер... да, теперь я точно помню, Эвер сделал то же, что сейчас Клио, – приложил палец к губам. И даже сказал...

«Ты особенная. А он в том возрасте, когда особенными хотят быть все. Оставайся выше этого, прошу тебя». Только поэтому мы с братом не поссорились. Но я все запомнила.

Я надеюсь, что к теме Лина мы больше не вернемся, но в купальне это происходит снова. Клио впечатляют узорчатые плиты из разных камней, и гигантский пустой бассейн, отделанный изразцами, и золотые краны в виде лебедей, и аккуратные спуски. Она долго стоит, просто оглядывая все это и задирая иногда голову к широкому потолочному окну; она словно пытается понять, правда ли это помещение построено для людей, и я довольна эффектом. Мы на самом деле плаваем здесь нечасто – только в холодное время года или когда на пляже совсем невыносимо жарко, а в замке много гостей. Но я куда больше люблю бывать здесь именно в пустые часы, когда камни дарят холод, а пространство кажется еще огромнее. Тут что-то приглушает голоса. И, может, поэтому тут хорошо думается.

Я опускаюсь на самоцветную плитку и свешиваю в пустой бассейн ноги. Легонько хлопаю по месту рядом, и Клио тоже садится, аккуратно оправив платье. Мы молчим какое-то время. Я смотрю вниз,

где малахит мешается с бирюзой, образуя рисунок, похожий на водоросли. Это завораживает, когда пространство заполнено чистой прозрачной водой, но красиво и само по себе. Только через какое-то время я понимаю, что Клио смотрит не туда же, а на меня. На мою шею.

– Это же монстр? – сочувственно спрашивает она. – Ну, так тебя поранил.

– Ага, – отвечаю как можно проще, чтобы это, упасите боги, не выглядело, будто я хорохорюсь. В санктуарии я держалась омерзительно. Там мне ведь правда хотелось сказать этой девчонке, на которую с интересом смотрел Эвер: «Я лучше тебя».

Клио молчит, все-таки опустив взгляд на дно бассейна. Я, наоборот, теперь рассматриваю ее и помимо воли опять думаю о том *секрете*. Клио невероятно красивая и вроде бы не похожа на Кирию и прочих девчонок, которыми окружал себя Лин. Просто не понимаю... если в какой-то момент ему встретилось такое существо, где бы это ни случилось, зачем было остальное? Откуда все эти попытки выпятить грудь и раздуться, дурацкие развлечения, да еще чувства к Эверу...

– Расскажи мне о брате, – слышу я и запоздало понимаю, что Клио уже опять смотрит мне в лицо. – О его последних годах, да можно и не о последних.

Я пожимаю плечами, вздыхаю и решаю все-таки быть честной.

– Клио, в последние лет... пять он страшно злил меня, и я уже плохо понимала, чем он живет. Королем он был бы неплохим: о народе заботился, хотел мира с вами и тоже планировал пригласить посла, научился более-менее разбираться в людях после одной тяжелой истории...

– Какой? – спрашивает Клио дрогнувшим голосом, и я снова радуюсь оружию, которое она сама же мне вручила. Качаю головой.

– Мы пока не подруги, Клио. Я не готова об этом говорить.

– Значит, касается тебя. – Она кивает, уже спокойно. Помедлив, прибавляет вопросительно: – Или твоего жениха?

– Чего? У меня нет жениха. – Хмурюсь, подумав, что зря, очень зря это сказала, но ничего исправить уже не получится, и смиренно добавляю: – Только кот.

Клио вдруг щурится – совсем не ее мимика; по-моему, ни разу с момента знакомства она этого не делала или, по крайней мере, делала

не так двусмысленно. Что еще такое? Она что, мне не поверила?

– А. – Да, тон говорит именно это. – Понятно.

– *Что* тебе понятно? – Получается грубее, чем я планировала, и она чувствует это: быстро меняет выражение лица с хитрого на робкое.

– Да ничего-ничего, я просто подумала, твой гаситель... этот Эвер...

Становится стыдно: она правда испугалась, смотрит во все глаза, будто думает, что я нападую на нее и буду орать, как в свое время орала на Скорфуса: «Он! Не! Мой! Парень!» Стараюсь улыбнуться, развожу руками и говорю почти правду:

– У нас все сложно. Но браком и не пахнет.

– Вы хорошо смотрите, – бесхитростно отвечает она, и я чувствую, как хочу вскочить и убежать. Щеки жжет, но это едва ли смущение. Скорее еще более жаркий, горький стыд.

– Ты, к сожалению, не до конца понимаешь, о чем говоришь. – Я правда встаю и протягиваю ей руку. Теплые пальцы послушно касаются моих, Клио тоже начинает неловко, путаясь в подоле, подниматься. – Пойдем на верхний этаж, посмотрим жилые покои нашей семьи, они должны быть недалеко от твоих. А по пути я расскажу еще что-нибудь о Лине.

О чем угодно – только бы не обсуждать Эвера, к которому мысли и так постоянно возвращаются. Так что, ведя Клио по коридорам и затаскивая иногда в очередные тайные лазы, я начинаю издали: какой неправильной почувствовала себя, когда магия проснулась; как услышала легенду об Арктусе, Марионе и Братстве Круглого стола; как Лин мучился из-за безумной мамы; как мы остались с папой и чем занимались в те дни. О песчаных скульптурах, о нырянии за жемчугом, о поединках с хлыстом и мечом. Клио слушает с интересом: все это не похоже на ее жизнь. В Физалии брат то сажал ее за книги, то, наоборот, брал в долгие королевские путешествия; любимым развлечением их было ухаживать за крокодилами, которых специально привезли из Игапты. Принцесса Лэлэйя – еще не королева – считала Клио младшей сестрой и училась у нее рисовать стрелки, а в ответ показывала, как правильно красить волосы, не портя их. В целом ее детство, даже в жерле войны, куда больше напоминало детство принцессы, чем мое. Хотя бы потому, что ее не препоручили безоговорочно какому-то одному человеку.

Мы говорим, говорим и говорим. Осторожно впускаем друг друга в свою память, ровно настолько, чтобы ничего там не растоптать, и за этими разговорами успеваем осмотреть многое. Ее комнату, полную вазонов с розами, – кто-то уже постарался. Мою комнату, которую я заперла, мысленно задвинув засов изнутри, и где закономерно никто не прибрал. Пару уютных, полных подушек и заначенной еды экседра отца, а вот спальня и кабинет, конечно, закрыты. К комнате Эвера, хотя она близко, мы не идем, и я предпочитаю умолчать, что он живет здесь. Так же, как и про запертую спальню Лина – она на противоположном повороте коридора. Мимо нее я стараюсь пройти побыстрее, а Клио, к счастью, не спрашивает: «Кто тут живет?»

Может, свожу ее сюда через какое-то время. Нет, не так... что-то подсказывает, что придется сводить. А пока спонтанно приходит другая мысль, и, понизив голос, я тихо спрашиваю:

– Тебе ведь понравились те серебряные подсвечники? И ты любишь красивые наряды?

Клио бесхитростно кивает, и я, снова ухватив ее за руку, иду вперед. На королевском этаже есть покои, запертые много лет, зато там ничего не тронуто. Уверена: моей новой подруге нужно их посмотреть. А может, нужно и мне, и я зря всеми силами избегала этого.

По символу на двери – оливковым ветвям – многое понятно, но Клио молчит. Молчит, когда мы останавливаемся, молчит, когда я подношу руку к замочной скважине, молчит, когда щурюсь и начинаю сосредоточенно поворачивать ладонь по часовой стрелке. В двери что-то тихо скрипит, потом щелкает. Довольная восторженным взглядом Клио, я киваю: да, поскромничала, кое-что я умею хорошо. Вскрыть замок, не ломая его, а потом еще запереть обратно – сложно; таким мелким фокусам долго учатся, это не то, что кидать людей в стены. Поэтому среди волшебников довольно мало высококлассных воров.

– А нам сюда точно можно? – все же доносится из-за спины, и я, берясь за ручку, уверяю:

– Принцессам можно везде. Ну, пока они не бьют окна и не пишут ругательства на стенах.

Я открываю дверь и первой переступаю порог, задержав на секунду дыхание. Не знаю почему, но жду, что в нос ударит запах тления, а не эта пресная пустота. Клио входит следом и восхищенно

ахает. Есть от чего: просторная экседра вся расчерчена солнечными полосами из-за полузадернутых штор; свет играет на отдельных предметах, заставляя их ослепительно сверкать.

Здесь тот же серебряный зверинец подсвечников: антилопы и львы, павлины и журавли, волки и кабаны. В виде животных – вставших на дыбы лошадей – выполнены ножки всей мебели. Пол мозаичный, как в купальне, но из камней теплых тонов: яшмы и аметиста. Клио ступает по нему почти благоговейно. Пробегает к ближайшему окну, отодвигает штору, окидывает взглядом восхитительный морской вид.

– Ух...

Я молчу. Подняв голову, встречаюсь взглядом с отражением – потолки зеркальные, точнее, стекло вделано в них фрагментарно, то там, то тут, так что никогда не знаешь, где встретишь своего двойника. Я обожала эту игру в детстве – скакать по полу, задрав голову, и удивляться тому, как проступают наверху мои перевернутые копии. Это казалось окошками в другой мир. Окошками, которые можно отыскать только здесь. Мама ворчала: «Не разбей, Орфо, осторожнее, или мы будем несчастны». Я была слишком мала, чтобы допрыгнуть хоть до одного зеркала. Все они целы. Но мы...

Да, мы несчастны куда больше времени, чем предполагает правило разбитого зеркала.

Клио отступает от окна, проговорив:

– В Игапте нет домов больше двух этажей, высокие только пирамиды. А наш дворец в Физалии так далеко от моря... – Она проводит пальцем по ближайшему подсвечнику, выгнувшей спину кошке, и хмурится, увидев плотный слой пыли.

– Пойдем дальше, – зову я, прежде чем она бы что-то спросила.

В спальне подсвечники другие, это обитатели моря: осьминоги, дельфины, рыбы, коньки. Темнеют глубокой синевой балдахин и покрывало на кровати, вся она напоминает колесницу Одонуса – того самого бога, чьи дочери наплакали Святое море. Клио замирает возле трюмо, отражается в его зеркале, обрамленном деревянными раковинами и кораллами, осторожно трогает ряд перламутровых флаконов с духами и тоже находит пыль. На этот раз она меня опережает:

– Кто жил здесь?

Использует глагол в верном времени. Нет выбора, кроме как ответить правду:

– Королева Валато. Мама. Та, кто развязала войну. – Кусаю губы. Смотрю как можно тверже. – Но я все равно хочу, чтобы ты побывала в ее эстесе^[10]. Там... здорово.

Клио отворачивается от зеркала – из-за резкого качания волос мерещится, будто отражение не успевает за ней на полсекунды. Она смотрит глаза в глаза, пристально, без злости или удивления, но снова с тем чувством, от которого у меня все сжимается внутри.

– Мне так жаль, – говорит она, и хотя я ее не понимаю, улыбаюсь благодарно.

«Жаль, что тебе так не повезло».

«Жаль, что такая интересная женщина стала тираном».

«Жаль, что тебе настолько стыдно, что ты завела меня сюда исподтишка».

Что бы она ни имела в виду, она права. И она все еще не плюнула на пол.

– Пошли. – Выдавив только это, я прохожу вперед и отодвигаю портьеру из темно-синих мелких стеклышек, нанизанных на нитки. Она заменяет дверь. Клио быстро проскальзывает следом, и портьера с тихим звоном падает за ее спиной.

В эстесе тесно, душновато: тут лишь одно окошко, которое я спешу открыть. Морской запах щекочет ноздри, бриз ерошит волосы, и я, пробежавшись вдоль стен, царственно распахиваю створки всех шкафов. Юбки, туники, платья – чего только нет. Шелк и кисея, бархат и лен, батист и расшитые серебром ткани, названия которых потерялись в моей голове. Эти вещи, в отличие от всего остального, до сих пор пахнут не пылью, а маслами и духами. Некоторые даже теплые на ощупь, точно кто-то носил их совсем недавно. Я всматриваюсь в идеальные силуэты, щупаю гладкие ленты, пояски и пуговицы, золотую шнуровку и окантовку жемчугом, белым как снег. Маме не нравились розовые, черные и даже персиковые жемчужины. Только такие.

Клио идет медленнее, раз за разом поднимая взгляд к потолку – снова зеркальному, уже полностью, – и задерживаясь у каждого шкафа. Она ничего не трогает без разрешения, но, получив его, расслабляется: кое-что даже вынимает, прикладывает то к себе, то ко мне, бережно

разглаживает, явно жалея, что столь красивая одежда долго висит без дела.

– Твоя мать все это надевала? – спрашивает она в какой-то момент, и я киваю.

– Думаю, хотя бы по разу. Она была большой модницей.

– У Лэлэйи и вполовину меньше одежды, и она скучная. – Клио прикладывает свободное белое платье в янтарной отделке к себе, потом ко мне и улыбается. – Похоже, она была с нами одного размера, то есть худенькая...

– Одного размера, – повторяю я и продолжаю помимо воли: – А сколько зла.

Не ответив, только бросив на меня еще один сочувственный взгляд, Клио вешает платье назад и проходит дальше. Снимает с верхней полки тоненькую диадему в виде ландышевого венка, даже взвизгивает от счастья – и водружает себе на голову. Ей безумно идет. А еще я почему-то представляю эту вещь на... Эвере, в его белокурых волосах. Совсем уже сошла с ума, но с ландышами он стал ассоциироваться у меня раз и навсегда.

Я возвращаюсь к окну, облакачиваюсь на подоконник и всматриваюсь в синюю даль, над которой кружат чайки. Вечер наступает медленно, но неумолимо – так же, как ужасное настроение, от которого я вроде бы избавилась за прогулку. Бриз снова освежает лицо, но ничего не может сделать с пылающими щеками. Я впервые прямо задаю себе вопрос, зачем потащила Клио сюда, почему мысль показалась мне удачной. С точки зрения дипломатии это ведь вряд ли одобрил бы папа, кир Мористеос или любой другой разумный нобиль. Но Клио хорошая и, кажется, настроена по-доброму ко всем нам. И есть кое-что, что я хочу сказать ей в ответ.

«Послушай, Клио, чудовищами не рождаются».

«Послушай, Клио, моя мама была обычной женщиной, хорошей настолько же, насколько другие».

«Она взошла на трон безгрешной и без черных помыслов, как и твои родители, и твой брат, и мой папа».

«Что-то случилось с ней уже потом, и никто не смог остановить это вовремя – в этом наша настоящая вина, а не в том, что мы члены одной семьи».

«Она мертва, Клио. Все в прошлом. Мы стали другими. Давайте дружить».

Надеюсь, хоть что-то из этого она поймет.

– Ты будешь носить их, когда тебя коронуют? – доносится в спину, и я оборачиваюсь.

У Клио слишком темные глаза и слишком... милое лицо, чтобы я смогла прочесть то, что там отражается. Но это болезненный вопрос. Я не готова говорить ей – и вообще кому-либо, – как мечтала в детстве об этих нарядах. Как надевала некоторые и повторяла мамину походку, а подолы платьев и туник волочились за мной. Она не ругалась, даже смеялась, беззлобно, но и вполнину не так ласково, как когда принимала в подарок от Лина то выловленный жемчуг, то пару пойманных в клетку опоссумов. А я верила: все это потому, что я маленькая, некрасивая и плохо стараюсь, не потому, что шансов на ее настоящую любовь у меня нет. Да... я мечтала об этих нарядах, точнее, о том, что обрету, надев их. Как хорошо, что я это отбросила.

– Что? Нет, нет, ни за что, это вообще не мое! – Я хлопаю себя по слинам, которые еще с утра закатаны до колен. – Вот мое. Платья носить придется тоже, но не эти.

Да и вряд ли я переживу коронацию, так что в замке скоро станет на одни запертые покои больше. Чтобы не думать об этом, я собираюсь спросить у Клио, что обычно носят физалийки и почему она по-прежнему предпочитает моду своей родины, но не успеваю.

– А это, наверное, то самое... да?

Клио подошла к шкафу, который мама не успела заполнить и наполовину. Взгляд ее прикован к платью, висящему в стороне от других и невесомо трепещущему подолом на сквозняке. Оно довольно невзрачное: ни отделки драгоценными нитями, ни драпировок. Узкое, багровое, с клинчатой юбкой, оно словно тревожный флаг или кровь, из которой кто-то ухитрился спрясть ткань. Я подхожу медленно, чувствуя, как колени предательски подрагивают. Мне не то чтобы страшно, но я не ждала этого. Как оно оказалось здесь? Кто его выстирал и вернул? Неужели...

Клио поднимает руку и робко трогает лиф, обводит пальцем огромную дыру в ткани.

– Да, – отвечаю наконец я. – Да, наверное.

Я не могу сказать точно: не видела, как мама поднялась на скалу, как пронзила себя ножом и упала на острые камни. Я знаю только, когда это произошло: когда в гавань входили физальские корабли, а отец готовился вести послов и лично короля Гринориса в замок. Когда многие горожане склонялись перед ним как перед захватчиком, хотя ни один снаряд с физальским огнем так и не упал на наши города и ни одна солдатская нога сюда не ступила. Когда мы вроде и не потерпели полного поражения в чужих землях, но союзники Физалии ясно дали нам понять, что не отступятся от обещаний. За несколько недель до этого мама верила в решающий удар и просила у отца войска, потому что потеряла две трети своих. А он не дал.

Но я почти уверена: платье вернул он. Мой бедный папа...

– Как думаешь, – тихо, странным тоном спрашивает Клио, возвращая меня в настоящее. Больше она не трогает платье, только смотрит на него. – Не сможете ли вы отдать его нам как... напоминание о нашей победе? У нас есть мемориал, а там зал с трофеями. Понимаю, для вас это может звучать жестоко, поэтому я не прошу. Я спрашиваю.

Нужно время, чтобы осмыслить и сам вопрос, и то, что он будит во мне. Я тоже протягиваю руку и касаюсь платья, сразу отдергиваюсь: оно теплое, нет, почти горячее, неужели так нагрелось от пары минут под светом вечернего солнца?

– Почему оно, Клио? – Я скорее выигрываю время. – Не мечи, не хлыст?..

– Не знаю, – просто отвечает она. – Это... символично.

Несколько секунд кажется, что я злюсь – злюсь, как кто-то, кому раз за разом напоминают: «Ты, ты виноват», а ему нечего ответить. Потом приходит грусть: не будь эти платья отравлены горем, мы с Клио провели бы время совсем иначе – например, правда примерили бы их, покрасовались бы друг перед другом, как, насколько я знаю, часто делают даже очень большие девочки. И наконец, я прихожу в себя: секунду, что вообще я могу сказать в ответ?

– Тебе лучше спросить у отца. – Нет, я не перекладываю ответственность, ведь так? – Пойми правильно, я не могу распоряжаться... символическими вещами. Мое мнение, как поступить с этим платьем и вообще со всем здесь, простое: я бы в глаза ничего не видела, но...

– Согласна. – Клио кивает. Не похоже, что она задета. Сама осторожно прикрывает дверцы шкафа, скрывая платье от наших глаз, снова поворачивается ко мне. – И только сейчас понимаю, как это прозвучит, если я попробую. Вроде: «Можно я заберу на память платье, в котором ваша жена себя убила?» О боги.

Я натянуто смеюсь.

– Ну... да. Не очень.

Снова пытаюсь разозлиться, но не могу. Я ведь все понимаю: мы в одной дипломатической лодке, она точно так же плохо представляет, как правильно вести себя послу, что говорить, о чем молчать. Дружелюбие и интерес не могут быть единственными средствами. Она представляет народ, который мы обидели и у которого многое отняли, а еще больше – попытались отнять. Она не может закрыть на это глаза, отмахиваясь словами: «Прошло много времени». Но и я не могу просто упасть ей в ноги с мольбой: «Да, забирайте все, только простите нас». Немалая часть народа, который представляю я, ведь не хотела войны, просто не могла ни на что повлиять. Да и... папа тоже не мог повлиять. Ничего не мог сделать против правил, по которым ужинал с ней за одним столом, а наутро она брала Лина и уезжала убивать людей.

Клио передергивает плечами и хмурится. Кажется, она даже порозовела.

– Слушай. – Она медлит. Замечает что-то на моем лице. – Прости. Я все это вообще зря, это ерунда. Она больше никогда не нападет на нас, и это главное. А тебе спасибо, что мы сюда заглянули. Я... мне многое стало понятнее.

Похоже, и думали мы о чем-то похожем. И у нас долгий путь впереди.

– Все отлично, – немного вру, но улыбаюсь. – Спасибо. Мне тоже.

Мы уходим из эстеса, закрыв окно и все шкафы. Пересекаем спальню, где уже сгустились тени, пробегаем экседру, ловя в потолке свои отражения. Облегчение накатывает волной, когда я запираю дверь. Нет, нет, хватит. Поворачиваюсь к Клио, думая, о чем заговорить, чтобы разом оставить позади все сложные темы. Она справляется сама – потупив голову, уточняет:

– А когда у вас ужин? Я даже завтракала рано утром, еще на корабле. Ну и твой отец при знакомстве дал мне грушу. Это было

очень...

Осекается. Сама. Похоже, заметила, что бесконечное «мило» начало меня смущать.

Кивнув и скорее извинившись за такой провал в трапезах, обещаю, что папа скоро ее удивит. Свежими булочками, вином и не только. У двери в ее покои мы расстаемся. И только упав на свою кровать, я понимаю, как омерзительно чувствую себя и каким количеством мыслей забита теперь голова. Я молодец? Или не совсем? Скорее бы это понять.

Я знаю, куда хотела бы пойти и кого увидеть. Кого попросила бы положить руку мне на голову. Кому пожаловалась бы: «Меня замучили. И я очень устала. И нет, я не хочу, чтобы платье моей матери становилось трофеем, потому что оно напоминает о беде нашей семьи, а не о героизме физальских солдат, пусть лучше берут оружие».

Сияясь отмахнуться от всего этого, я закрываю глаза.

6. Истина в вине. Эвер

Я смотрю в потолок и думаю о том, как буду жить дальше и когда это «дальше» наступит. Мне намного лучше, но спускаться на ужин я не стал. Догадываюсь, Плиниуса это расстроило; с другой стороны, он не может не понимать: чтобы завтра все обошлось, сегодня окружающие должны верить, что я едва ли не полутруп. То, что, попрощавшись со Скорфусом, я вскоре упал на лестнице и меня вырвало десятком окровавленных камней, подействовало на верхних часовых хорошо: вопреки возражениям, до комнаты они дотащили меня, взвалив мои руки себе на плечи, а по пути не пожалели сочувственных слов. Хорошие парни. И слишком исполнительные.

Прошло уже часа три. Кажется, теперь недомогание действительно кончилось, по крайней мере самые омерзительные симптомы. Разве что все еще тяжело двигается.

Я поднимаю к глазам руки и сравниваю их. На правой пальцы по-прежнему немного распухшие, темноватые, но шевелятся почти как раньше; левая мелко подрагивает и кажется холоднее всего остального тела. Сжимаю кулаки. Жмурюсь. Проклятие... мелькает дикая мысль расплосовать себя ножом, чтобы выпустить кровь Монстра, если она где-то там еще есть. Я не знаю. Скорфус говорит, это невозможно, но омерзение сильнее здравомыслия.

«Дальше». Я пытаюсь сосредоточиться на «дальше» снова, взглянуть в него. Там я стану медиком, потому что эта профессия мне нравилась; там я, скорее всего, уеду из Гиргамоса или вовсе из Гирии. Или нет? Ведь «дальше» будет предшествовать одно-единственное событие, от которого многое зависит, и само понимание – сколько до него времени – леденит и злостью, и отчаянием.

Я зависим от Орфо. Я снова зависим только от нее.

Если на коронации она выживет, у меня будет одно «дальше». Если погибнет, то другое. И, так или иначе, я не понимаю, что почувствую, когда она упадет на замковой площади с раздавленным черепом. Или не упадет. Вряд ли таков ее план, но работает он безупречно: вокруг меня смыкается *нормальность*, прошлое, где одна мысль быть не на стороне маленькой принцессы казалась

невозможной. Принцесса больше не маленькая. Я не могу принять ее сторону после... всего. Но я по-прежнему не могу и представлять ее мертвой, малодушно хочу одного: чтобы все скорее свершилось. Так или иначе. Так, как решат боги, и...

Снова проклятие. Так, как решу я. Но я не хочу ничего решать, и впервые это осознание обрушилось на меня по-настоящему из-за Скорфуса.

«Даже не огромная сила. Огромная боль».

С его-то выбором все прозрачно, здесь это полубожественное существо думает и ведет себя как обычный домашний любимец.

Почему боги не придумали правило суда? Оно было бы куда мудрее. Чтобы сам Арфемис, раз он столь принципиален, судил каждого всходящего на престол правителя, чтобы выносил вердикт: «Ты виновен. Ты – нет». Чтобы он решил, оправданно ли то, как Орфо поступила со мной, тем, что я сделал с «детьми героев»; перевешивает ли ее решение спасти меня убийства Монстра. Чтобы...

Я открываю глаза и разжимаю кулаки. Нет. Все это не мои мысли, не мои слова. Это мысли и слова раба, которым я когда-то был. Правила богов хорошо работают и предотвратили не одну беду именно потому, что они просты и самим богам там места почти нет.

«Прости ее – она выживет – ты будешь окончательно свободен».

«Не прощай – она умрет – ты снова будешь окончательно свободен, но рядом с ее скорбным отцом и посреди оставшейся без правителей страны».

Боги удивительны в том, как делают милосердие, справедливость и ответственность разменными монетами. И как регулируют их взаимный курс. Жестокие твари.

Сегодня Орфо и Плиниус организуют послу доброй воли лучший прием, на какой способны. Уверен, приглашены все нобили города и окрестностей, а столы ломятся от еды; звучит музыка – причем не тот напыщенный оркестр духовых, струнных и ударных, который можно услышать на всех королевских пирах, а второй, поменьше – мастера игры на раковинах и стеклянных кубках с водой. Плиниус зовет их, когда особенно хочет кого-то впечатлить. Может, ради их призрачных переливчатых мелодий я бы и спустился, но главная правда очень проста.

Я боюсь снова увидеть труп вместо Клио. И вместо Орфо. И, возможно, вместо каждого из гостей. Я надеюсь, что проснусь завтра – и помешательство исчезнет. Все-таки прошел один день. Только один день с минуты, как я перестал быть Монстром, просто длинный.

Я прикрываю глаза снова, с силой давяю на них – до черных точек и цветных кругов перед веками. Отрешенно вслушиваюсь в тишину, различаю звук, похожий на свист ветра, только не на улице. Он... в стенах? Или прямо там, в коридоре? Скорее первое: в стенах много тайных ниш; Орфо показала мне несколько – в детстве это проявление дара казалось ей едва ли не лучшим из всех. Восьмилетней она тянула меня за одежду – руки трогать боялась – и строго велела жмуриться, пока мы куда-то идем. А когда я открывал глаза, то оказывался в крошечной темноте, с тем леденящим ощущением, какое, наверное, испытывают похороненные заживо. Она смеялась рядом. Снова тянула меня. Куда-то вела дальше, и мы выбирались совсем не там, где все начиналось. Незаметно преодолевали пять-шесть коридоров, а то и несколько этажей. Подсматривали за другими замковыми обитателями через картины, зеркала и дыры в гобеленах. Орфо звала эти лазы паутиной Сэрпо. Кажется, именно во время одной из таких прогулок я впервые взял ее за руку сам. Мне правда стало страшновато.

Я пытаюсь вспомнить, есть ли лазы поблизости, не знаю зачем. Наверняка есть, ведь изначально делаются такие вещи с одной целью: спасти королевских особ, если кто-то придет их убивать. В Гирии не случилось подобного несколько столетий, но замок намного древнее, помнит времена, когда ни правила Двадцати лет, ни правила Безгрешности не было. Силнось вообразить это, но не могу. Раньше я вообще задавался вопросом, каково это – жить в мире опасений, а не правил. Где правитель может пробыть на троне сколько угодно. Где волшебник в силах победить безумие. Или где всего этого деления – на волшебников, гасителей и прочих – вообще нет. Вряд ли это был бы справедливый мир, но как минимум он был бы намного свободнее. Я не отказался бы там побывать. Монстру же стало все равно.

– Тук-тук. – Слова, сопровождающие настоящий стук в дверь, выводят меня из мыслей. Или из дремоты, в которую я незаметно начал проваливаться? – Можно?

– Входи, – бормочу хрипло, узнав голос. Да, определенно, я засыпал. – Не заперто.

Дверь приоткрывается едва ли на треть, робко и бесшумно. Орфо просовывает в щель только голову и руку.

– Привет.

Она словно выглядывает из засады – максимально странно, учитывая, как она выглядит. Снова стрелки, в этот раз жирные и длинные. Серебряные оливковые ветви в ушах и на шее. Прическа из мудреных кос, оплетающих голову. Ну конечно, она ведь с торжественного ужина. При мысли, что притащила еще Скорфуса и Клио, становится нехорошо. Может, вообще не стоило отзываться, а может, следовало запереться. Но я просто киваю.

– Привет.

Дальше повисает неловкая тишина, в которой я снова тру глаза, приподнимаюсь на локте, наконец, сажусь. Прислушиваюсь. Ветер утих.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец спрашивает Орфо, все так же держась за створку одной рукой. Пальцы, унизанные кольцами, тихонько барабают по резной древесине. – Папа сказал, ты сегодня не спустишься.

– Да, не хочу, – отвечаю максимально коротко, чтобы дать понять: причины я предпочту не объяснять. – Нормально, намного лучше, чем утром и днем.

– Хорошо. – Она все же открывает дверь шире и предстает передо мной во весь рост – в золотисто-медовом платье или, может, слишком длинной тунике, в мягких туфлях, с перекинутым через вторую руку коротким багровым плащом. – А я вот... почти в наряде одалиски, как видишь. И пришла все-таки узнать, не голоден ли ты.

Она отсылает к утреннему разговору – предельно неловко. Там что-то было про завтрак в постель, шутка с очевидным двойным дном, но молчу я не поэтому. Простой вопрос ставит меня в тупик. Я не отвечаю две секунды, три, пять и все это время прислушиваюсь к себе, резко осознавая, что еще со мной не так. Голоден? Я... не понимаю. Я будто не до конца чувствую тело. Днем я осознал, что замерз в воде и кости ломит, только когда мы уже из нее вышли и отошли достаточно далеко. Просто понял, что все это время мои пальцы почти не гнулись, на обеих руках. Просто услышал, как Скорфус сказал: «У тебя губы синие, двуногий».

– Наверное, – говорю я, вспомнив одно косвенное подтверждение: обед мы пропустили. – Но это не проблема, я пройду на кухню коридором для слуг или дождусь, пока кончится пир...

– Он не кончится в ближайший час-два, – обрывает Орфо и поясняет: – Клио заслушалась нашим стеклянным оркестром. И подбила многих танцевать. Она очень любит танцы.

– А ты... – начинаю, но осекаюсь. Она легко угадывает продолжение, усмехается:

– Да, а я по-прежнему не люблю. Не знаю, слышал ли ты, но в старые времена было правило «не прикасайся к партнеру – только кончиками пальцев к кончикам пальцев». Одно из немногих, которые боги потом отменили, ну, когда люди научились вести себя поприличнее и не распускать рук. Думаю, мне бы это подошло.

– Мне тоже. – Осознаю, что улыбаюсь, только когда улыбка уже на губах. И когда глаза Орфо меняют выражение. Она словно хочет добавить что-то, но только кусает губы и повторяет первый вопрос, забыв, что я уже ответил:

– Так голоден? – Но это не все. – Не хочешь ко мне? Я велела накрыть мне в комнате. Сказала папе и Клио, что болит голова и завтра трудный день.

Все это она выпалила сбивчиво, но глаз не опустила. Теперь комкает подол одной рукой, другой щиплет себя же за запястье. Добавляет:

– Можем отрепетировать завтрашнюю... историю. Ну, чтобы точно обойти законников.

– Я примерно понял, – нахожу наконец силы ее перебить. – Я довольно плодотворно поговорил со Скорфусом. Я понимаю, какую именно картинку вы хотите им нарисовать. Думаю, я справлюсь. Это же нормально, что у меня будет минимум воспоминаний, как Монстр...

Поглотил меня. Стал мной. Или я – им.

– Да. – Она кивает, опускает руки, но смотреть не перестает. По лицу пробегает что-то похожее на тик. – Да, конечно, это нормально. Тогда, может... – она колеблется, облизывает губы, – просто поужинаем вместе? На кухне приготовили сырные пирожные. Много сырных пирожных. И их я тоже взяла.

– Сырные пирожные, – тихо повторяю я. Звучит хорошо, и совсем смутно, но я все-таки чувствую голод. – Здорово.

– Так пойдешь? – Она снова касается двери. Медлит. Добавляет: – Или если... в общем... – глубоко вздыхает, снова растягивает губы в улыбке, – ну, если не хочешь, одалиска тебе их принесет. Знаю, тебя бесит мой юмор, но это не завтрак, это ужин. Это не считается.

Она волнуется – ужасно. Я мог бы понять это, еще когда она стала щипать себя за руку, но по-настоящему осознаю только сейчас. Снова оглядываю ее с головы до ног. Быстро опускаю глаза: мне все еще сложно видеть ее настолько взрослой. Слышать ее новый голос, ставший ниже и мелодичнее; понимать, что да, это на ее тело, облепленное мокрой туникой, я сегодня... смотрел, и в этом не было ничего предосудительного, ведь она больше не маленькая и тоже смотрела на меня *так*. Уверен: не проводи я четыре последних года там, где провел, перемены в ее облике и поведении не показались бы мне такими головокружительными – не понятно даже, в плохом или хорошем смысле. Я видел бы, как это происходит. Я лучше понимал бы почему. А может, они случились бы иначе, все-таки Скорфус...

– Да, – медленно говорю я, прежде чем мысль оформилась бы до конца. Не уверен, что она бы понравилась мне самому. – Да, давай пойдём к тебе. Поболтаем. Как раньше.

Орфо, просияв, но тут же приняв как можно более спокойный вид, кивает. Уходить и ждать за дверью, похоже, не собирается. Ладно. Я с некоторым усилием слезаю с кровати, встаю, начинаю приводить в порядок одежду: лежал не раздеваясь, не собирался еще спать, просто пытался успокоить голову. Запускаю в волосы пальцы, зачесываю несколько прядей назад. Орфо наблюдает, приоткрыв рот, снова со странным видом – но этот вид хотя бы делает ее чуть похожей на ту, кого я знал. На угловатого ребенка, которого занимает каждая деталь мира и особенно – незнакомые живые существа. На девочку, которая боялась тронуть меня пальцем, не то что заявиться в таком платье и предложить завтрак... ужин... в постель.

– Я готов, – даже звучит неестественно, но я все же произношу это, подойдя.

Орфо только теперь, кажется, приходит в себя, встряхивается, выходит за порог первой и сразу прибавляет шаг.

– Прости, плохо соображаю немного, устала, – признается она, уже идя вперед. – Могу... залипать. Ну, так это называет Скорфус. Не знаю, что он имеет в виду.

Я киваю, рассматривая ее спину в небольшом вырезе. Туника или платье, что бы это ни было, – типичного для Гирии кроя, то есть почти облегает бедра и талию, но свободная в верхней части. Закрытая грудь. Короткие рукава-фонари. Драпировка на лопатках, под которой можно было бы спрятать горб, будь у Орфо что-то такое. И полумесяц голой смуглой кожи под самой шеей, несколько темных струящихся локонов. Я опять опускаю глаза, решив сосчитать мозаичные плитки на полу; потом, передумав, просто догоняю Орфо и до двери иду с ней плечом к плечу. Мы молчим, пока не заходим в комнату. Там она тут же начинает суетиться.

– Я не убиралась, – поясняет так же сбивчиво, как говорила в детстве. Хватает сандалии, закидывает в шкаф. – Не думала, что придешь, так, наудачу позвала. – Несется к кровати, задерживает полог густо-оранжевого балдахина, чтобы скрыть неубранную постель. – Решила сегодня запереть спальню изнутри на весь день. – Сбрасывает какие-то книги и бумаги с двух кресел у подоконника, пинает в сторону, тут же подбирает и сгружает на тумбу. – Извини.

Я пожимаю плечами:

– Монстры не привередливы, не переживай.

Она отвечает неловким смехом, открывает окно, и огоньки в стеклянных подсвечниках-кубах, подвешенных на крючьях по всем стенам, тут же начинают дрожать. Становятся на секунду ярко-красными, потом черными... нет, показалось. Обычное рыжее пламя. Я потираю глаза, прохожу еще немного вперед, ощущаю стопами щекочущий пятнистый ворс: пол устлан шкурами. Кажется, Орфо ни в чем не изменила себе, ее комната прежняя, разве что пропали игрушки и появились книги и документы. Местами валяются и распечатанные письма.

– Иди сюда, – зовет Орфо, снова кивая на подоконник.

Еда расставлена там, на широком мраморном пространстве, где раньше сама Орфо спокойно помещалась целиком. Мы помещались там вдвоем: сидели у разных краев проема, поджав ноги; смотрели на море и пляж; учили что-нибудь или разговаривали. Но сейчас она запрыгивает в стоящее рядом высокое кресло, на пару цветных

подушек. Я, силясь побороть непонятное ощущение неправильности, опускаюсь во второе и окидываю подоконник взглядом. Орфо правда расстаралась, точнее, расстаралась замковая кухня. Но неважно.

Здесь есть большая доска обжаренных морепродуктов: креветки и кальмары, гребешки и рапаны, кусочки рыбы. Есть приготовленные на огне цукини, каперсы и сладкий перец, есть пряный белый хлеб, розетка оливкового масла и блюдо маслин. Ваза с фруктами – персики, кумкваты, клубника, виноград и разломанные, уже очищенные гранаты. И те самые золотистые пирожные из молодого сыра – идеально круглые, украшенные ежевикой. Последним Орфо подхватывает с пола и ставит ровно посередине подоконника синефигурный кувшин вина. Еще одна новая деталь, которую придется просто принять: она правда начала пить и, судя по щедро наполненным серебряным кубкам, наслаждается этим. Я беру придвинутый кубок с некоторой опаской – просто не знаю, как спиртное подействует на меня сейчас.

– Скорфус сказал, надо. – Орфо угадывает мою мысль. – Сказал, в некоторых других мирах оно вообще что-то вроде... противоядия от почти всего. В одном мире даже есть бог, который превращает в вино воду.

– Он большой затейник и, наверное, очень богат. – Подношу кубок к лицу, осторожно взбалтываю, вдыхаю запах. Фруктово-цветочный, что-то нежное, словно вишня с базиликом.

– Тебе станет лучше, правда. – Орфо качает кубком. – Это ведь очень... смертная вещь.

– Смертная. – Я киваю, вдыхая запах снова.

– С возвращением, – говорит она, еще раз качнув кубком в мою сторону, и делает глоток.

Я тоже отпиваю. Сладко, терпко, я определенно отвык: из-за цвета жидкости ждал, что вкус будет кровавый. Язык щиплет, зубы сводит, зато, едва я глотаю вино, внутри становится тепло и словно бы растворяется какая-то мерзость, еще недавно готовая вырваться. Пара последних камней? Я прислушиваюсь к себе несколько секунд, смыкаю ресницы и, поставив кубок, щупаю зачем-то свои руки. Даже кровь побежала быстрее, легче. Пропало желание располосовать себя.

– Все хорошо? – слышится в темноте по ту сторону век, и я скорее открываю глаза. Орфо всматривается в меня с тревогой, сжав ножку

кубка. – Воды?

Качаю головой, быстро делаю еще глоток.

– Ты была права. Спасибо.

Орфо улыбается, берет пустую тарелку и двузубую вилку, подается вперед и начинает аккуратно накладывать себе морепродукты и овощи. Я следую ее примеру. Все это время мы молчим, стараясь даже не встречаться взглядами, но это происходит раз за разом, когда вилки сталкиваются. Орфо неловко пожимает плечами: наверное, ее тоже удивляет, что мы почти постоянно тянемся к одним и тем же кусочкам. Она останавливается первой, ставит возле себя тарелку и облокачивается на подоконник. Я невольно делаю то же.

– Бери больше, не стесняйся, – предлагает она, помедлив, но я качаю головой.

– Я все еще... не совсем в себе. Думаю, не стоит. Потом. – Все так же осторожно накальваю на вилку креветку, отправляю в рот под напряженным взглядом Орфо. – Нет-нет. Не настолько не в себе, не бойся! – Спыхватываюсь, поняв, что слова звучат невнятно.

– Эй, ты никогда не говорил с набитым ртом, – смеется вдруг она и быстро цепляет колечко зеленого перца, вонзает в него зубы. – Это был мой грешок. Хорошо, что нет правила, по которому ты обязательно подавишься.

Я смеюсь в ответ – опять раньше, чем успеваю это понять. Орфо хватает оливку с блюда, закидывает в рот вместе с кусочком рыбы, и меня все-таки снова накрывает ощущение... нереальности. Что, если все это просто сон, который я вижу в ледяной пещере? Если мое тело и разум уже настолько выпиты Монстром, и, пока он терзает очередную жертву, я прячусь в последнем убежище иллюзий? Вижу ту взрослую Орфо, которую могу вообразить. Ту обстановку, которую помню. Ту еду, которой мне не хватает. Это, возможно, последний рубеж, подарок агонии, хотя четыре года мое воображение было... мертвым, как моя воля. Я не мог уйти от всего, что делал Монстр, в фантазии или воспоминания. Я всегда вынужден был смотреть. У меня не получалось даже надолго закрывать глаза – он забрал и их тоже.

– Эвер. – От глухого оклика я замираю, даже перестаю дышать на несколько секунд. Спыхватившись, снова заносу вилку над тарелкой, только после этого отзываюсь:

– Да, Орфо?

– У тебя опять медленные глаза.

Теряюсь. Я и в ее детстве не до конца понимал смысл этих слов, хотя слышал их не раз. Но следовало за ними неизменно одно утверждение:

– Ты думаешь о чем-то плохом.

И оно всегда попадало в цель.

– Да... – тускло повторяю я, цепляю вилкой что-то, что не могу точно опознать – гребешка? кусочек трески? – и отправляю в рот. – Говорю же... я не совсем в себе.

Она кивает, накалывает на вилку сразу несколько морепродуктов и овощей, подносит всю эту композицию к губам, но не ест. Взгляд неотрывен от меня, и очень похоже, будто Орфо не решается спросить о чем-то, что ее терзает. Я жду. И наконец все же слышу:

– Обо мне. Да?

– Что? – Едва не давлюсь, быстро беру кубок, отпиваю вина. – Нет, нет, что ты. Это другое, это... память.

В которой виновата ты. Но я не собираюсь портить вечер этими словами, я не хочу даже сам задерживать их в голове, потому что о ее вине мы уже говорили. Бесконечно тормозить одного и того же мертвого коня нельзя. Я не планирую сживать Орфо со свету – и также не желаю, чтобы в ответ меня мучили напоминаниями о могилах, на которых я сегодня оставил венки. Я вообще не хочу ссор и столкновений; сказанное не вернуть, и сказано уже много. Я...

– Я устал. – Вздохнув, откидываюсь в кресле, продолжаю крутить в пальцах кубок. – Знаешь, успел немного забыть, насколько тяжело быть человеком. Нет, это не намек, что я захотел назад в Подземье...

Орфо поджимает губы, кладет вилку на край тарелки. Шутка не удалась и, пожалуй, была жестокой.

– Извини.

– Не извиняйся. – Звучит вымученно. – Я все понимаю. Но так или иначе... – она тоже берет вино, делает глоток куда больше моего, сразу осушив кубок, – я вряд ли смогла бы. Это к Скорфусу. Пожалуйста, пойми кое-что важное. – Тон становится почти умоляющим. – Я для тебя не опасна. По крайней мере, в *этом* смысле. То, что произошло в тот день, Эвер, это была...

– Трагическая случайность не в том месте, не в то время. – Потираю веки, вспомнив разговор на берегу и мертвую птицу. Тоже

допиваю вино, и Орфо, явно радуясь возможности чем-то занять руки, наливает нам еще. – Злой рок. Да, пожалуй.

В том, что сделала она, – может быть. В том, что сделал ты – вряд ли. Ты убил людей. Тебя никто не заставлял, и тебе нечего было бояться. Ведь так?

Никто не говорит этого вслух, но слова явственны в голове. Холодные, с присвистом, они напоминают голос Монстра в минуты, когда он внушал ужасы жертвам и звал их к себе. «Спустишь. Посмотри мне в глаза. В твоей жизни все равно нет смысла». Я морщусь, ловлю взгляд, полный жалости, дрожащей рукой ставлю кубок обратно на окно.

– Эвер...

– Я в порядке. Правда.

Беру тарелку и вилку, опять отправляю что-то в рот. Непонятный желтоватый овощ, по форме напоминает скорее цветок, на вкус как цуккини.

– Это карликовые патиссоны, – произносит Орфо. Не без гордости. – Их тоже вывела я.

Не хочу говорить о *трагических случайностях*. Не хочу думать об омерзительных симптомах подземной болезни, или как это назвать. Хочу, чтобы голос в голове замолчал. Карликовые патиссоны – тоже очень смертная вещь. И, цепляясь за нее, я снова слабо улыбаюсь.

– Есть ощущение, что в мое отсутствие ты только и делала, что выводила новые сорта растений. А я ведь еще с детства подталкивал тебя это попробовать.

Орфо слегка морщит нос, закатывает глаза, но, судя по усмешке, не собирается спорить.

– А что еще я могла делать, когда рухнул мой мир?

– Прямо так... – бросаю я бездумно. И стоит огромного труда не отвести глаз, когда она серьезно кивает.

– Да. Именно так. Эвер... – Я вижу мягкое движение вперед, слышу шелест платья от того, как она кладет ногу на ногу. В глазах проступает особенно яркая синева. – Я же говорила. Я не хотела жить. Мне было уже все равно, что ты сделал, я желала одного: увидеть тебя снова, и...

– И все же ты пришла за мной только четыре года спустя.

Слова падают в густую тишину, где Орфо застывает испуганным зверьком. Но смотрит она неотрывно, ждет; по губам я читаю непроизносимое, грустное «что?..». Медлю, прежде чем продолжить. Я сам не осознал, как укорил ее снова, хотя она уже каялась, объяснялась. Долго я продержался: омерзительная заноза сидела во мне с утра, все-таки этот поступок, вернее многолетнее бездействие, плохо укладывалось в голове. Тот я, что молил о помощи в ледяном мраке, тот я, что бессильно наблюдал за зверствами собственного искореженного тела, просто не мог принять правду: в это время маленькая принцесса продолжала жить жизнь. Пусть болезненную. Пусть полную слез, печали, одиночества. Это была жизнь в дневном свете, в тепле и безопасности, без криков и крови. Я не мог дать имени чувству, которое испытывал: что-то намного сильнее обиды, ведь обижаться можно за разрушенный замок из песка; что-то намного горше гнева, ведь Орфо правда была ребенком, который имел право на страх, тем более на неведение. Больше этого чувства меня мучил только один вопрос. И, наверное, лучше задать и его, раз я это начал. Чтобы кое-что понять раз и навсегда.

– Признайся... – Голос садится. Я прокашливаюсь. – Орфо, пожалуйста. Это уже не имеет значения, но мне важно знать. Ты... ты вообще спустилась бы в Подземье, если бы Лин был жив и тебе не грозил трон? Все-таки вчера тебе просто повезло, это очень опасное место.

Куда опаснее, чем ты и даже твой кот можете представить.

Она молчит некоторое время – сидит, все так же подаваясь навстречу, точно порываясь встать, и нервно покачивает ногой. Удивилась, расстроилась, испугалась, но быстро это скрыла. Теперь я тщетно ищу во взгляде хоть что-то. Раздражение, обида, смущение? Нет, ничего. Но говорит она с усилием. С таким, будто слова все-таки причиняют ей боль:

– Риск не значил бы для меня ничего, дело в другом. И это я тоже, кажется, пыталась объяснить. Если бы не коронация, я просто *не узнала бы*, что тебя можно спасти. Я... – Голос все же срывается. – Эвер, я была убеждена, что убила тебя. Сожгла, вмуровала в камень, развеяла по ветру, не знаю... и молчала, как истинная преступница. – Она сглатывает, натянуто усмехается. – Понимаю. Тебе, наверное, стало бы чуть легче, услышь ты, что я ходила на этот пляж каждый

день, и простукивала скалы, и звала тебя. Да, сначала я ходила. Простукивала. Звала. Но быстро перестала, отчаялась. А потом, по сути, тебя спас Скорфус. Прости. Я не хочу врать.

– Ясно. – Пытаюсь понять, что дали мне эти слова. Похоже, ничего, кроме нелепого понимания: самый положительный герой во всей нашей истории – кот. – Спасибо за честность. И... – Снова медлю, но заканчиваю: – За спасение тоже, это очень храбрый поступок. Кажется, этого я тебе так и не сказал. Правда, спасибо, что ты меня вытащила. Внизу я... был мерзким собеседником.

А теперь чувствую облегчение, будто что-то сбросил с плеч. И это неожиданно.

– Пожалуйста. – Она почти шепчет. Все же оторвав взгляд от ее качающейся ноги, я вижу мокрый блеск в глазах. – Всегда пожалуйста, Эвер. Мне правда жаль, что я так поздно. – Она явно колеблется, что сделать: вытереть ли ресницы, отвернуться ли, просто занавеситься парой локонов. Не делает ничего. Рвано вздыхает, зажмурившись на секунду. И заканчивает, снова глядя мне в глаза: – А если бы я могла заключить с богами сделку, то предпочла бы вовсе поменяться с тобой местами. Из меня Монстр получился бы лучше, в конце концов, у нас это семейное.

Качаю головой: даже не думал, что подобные слова могут подействовать на меня. А они подействовали – что-то перевернули, разбили, пытаются собрать заново в странном порядке, или, может, так действует вино. Смотреть на Орфо вдруг становится тяжело, ее фигура окутывается роем черных мошек, расплывается по контуру – и та же чернота ползет по задней стене. О боги... Я запрокидываю подбородок и жмурюсь, силясь сосредоточиться на ощущении, как затылок упирается в спинку кресла. Кончики пальцев холодеют, ребра ноют, горло сжимается – но на два-три вдоха, не больше. Так же быстро все заканчивается. А затем приходит и ответ.

– Ну нет. – Внимательно смотрю на нее. Я тронут, правда тронут, но говорить обо всем этом слишком больно, как и о любых «если», стоящих кому-то жизни. Стараюсь улыбнуться. – Нет, я не согласен. Кто тогда вывел бы карликовые патиссоны и виноград без косточек?

Несколько мгновений она молчит, явно думая, что ослышалась. Сидит прямо, побледневшая и с неровным румянцем, со все еще блестящими, но уже не такими мертвыми глазами. Потом открывает

рот – но не произносит ни слова, зато опять начинает смеяться, слабо и хрипло. Красивый смех. Я помню его не таким, намного звонче и тоньше.

– Ты... серьезно? – выдает она наконец, даже тряхнув головой. – Ох, Эвер...

– Серьезнее некуда. – Пожимаю плечами. – Это правда хорошие достижения. Может, у тебя получатся и бескостные гранаты? Вот расковыривать их – очень утомительное дело.

– Я работаю над этим! – К моему удивлению, она кивает и, оживившись, снова берет вилку со сложной башенкой из морепродуктов и овощей. – Но это труднее. Понимаешь, чтобы получить бескостный виноград, я скрестила обычный с дикой лозой, которую нашла в санктуарии. У нее были мелкие кислые плоды, зато косточки не развивались, потому что размножается она отводками. Видов граната меньше, я пока не нашла ничего подходящего. И вообще мне повезло, что виноград сразу получился крупный, здоровый и съедобный, так бывает далеко не всегда, даже если ты принадлежишь к демосу садовников, а если нет... ох.

– Здорово. Надеюсь, у тебя получится.

Я по-прежнему вполне искренен. В моей голове подобное вряд ли бы уместилось, исследования чего-либо – фруктов, камней, жизни после смерти, древних книг, божественных правил – совершенно не моя стезя. Я потянулся к медицине и упросил хозяина обучать меня в том числе потому, что это... ясная область. Люди уже достаточно поняли, от чего болят, как это можно исправить, чем помочь. Чтобы добиться результатов, не нужно быть изыскателем ни по демосу, ни по интересам: обеззараживание ран и промывание желудка открыли до тебя. Аккуратность важнее опытов, знание лекарств ценнее умения создавать их. Отлично для тех, кто привык все сразу делать идеально и до смерти боится провалов, без которых ставить опыты невозможно. Для таких, как я.

Я просто не могу пропустить это – момент, когда Орфо разинет рот и отправит туда огромную башню еды. Наверное, я смотрю слишком пристально: не дожидаясь, она спрашивает:

– Что?

– Нет, ничего. – Неожиданно приходится прятать улыбку за кубком с вином. Аппетит возвращается, и я накалываю на вилку пару

креветок. – Ешь спокойно. Я отлично себя чувствую.

Это по-прежнему не совсем правда, хотя... не знаю. С одной стороны, с каждым *смертным* кусочком я вроде бы ощущаю тело все лучше, с другой – меня еще знобит, а страх рвоты не дает до конца расслабиться. Я выпиваю второй кубок до дна, надеясь заглушить беспокойство; Орфо делает то же, стремясь не отставать. Наливает по третьему. Я собираюсь попросить ее остановиться, но пропускаю момент, засмотревшись на оливковые ветви – сережки в ее ушах, потом на колье. Оно лежит на медовой ткани воротника, но я хорошо представляю, как оно смотрелось бы поверх голых ключиц, если бы вырез был чуть ниже. У нее, у Лина, у Плиниуса красивый и необычный оттенок кожи, с отливом в латунь, темнее классического гирийского ровно настолько, чтобы цеплять взгляд. Быстро отвожу глаза. Да что за мысли...

– Вот, самая красивая, – говорит вдруг Орфо и протягивает мне небольшую ветку золотистого винограда. – Я назвала этот сорт «Принц песков». Все думаю, как бы довести немного до двора физальского короля, может, ему понравится, что я вдохновилась им?

– Он точно удивится, ведь бескостного винограда нет нигде. – Я медлю, глядя на ее руку, потом все же забираю гроздь, мимолетно коснувшись горячих пальцев. Отправляю в рот пару ягод, подсвеченных, как лимонный янтарь. – Вкусный. Я бы не угадал здесь дикую лозу.

Она кивает и снова отвлекается на еду. Мы молчим минуты две, не меньше, но это уже другое молчание. Его не было в детстве: Орфо всегда рано или поздно находила, что мне сказать, а я – что ответить, чтобы она улыбнулась. Его не было сегодня днем – всякий раз, как мы замолкали, на нас что-то давило, бесконечно напоминало: «У вас нет, нет пути дальше, даже не пытайтесь склеить эту амфору». Теперь поменялась какая-то невидимая деталь. В нашем молчании нет ничего... особенного. Я знаю: мы оба можем продолжить разговор в любой миг, это не будет стоить усилий или выглядеть натянуто. И я делаю это.

– Как прошла твоя прогулка с Клио?

Орфо, щиплющая другую гроздь винограда, потемнее, рассеянно поднимает глаза.

– Неплохо. Она... милая, иначе не скажешь. А что делал ты?

Поколебавшись, все же выдаю часть правды:

– Немного погулял по берегу со Скорфусом. Его милым не назовешь.

– Ха-ха. – Орфо качает головой, хватая подсушенный хлеб, макает в оливковое масло. – Ты полюбишь его, обязательно. В конце концов, у тебя просто не будет выбора, если я умру.

Она кажется безмятежной, но глаза на пару секунд ее выдают, и я снова качаю головой.

– Знаешь, меня пугает, как легко ты предполагаешь такой расклад.

А еще больше пугает то, насколько он зависит от меня. Но я не могу произнести это вслух. Орфо откусывает хлеб, после чего плавно поводит ломтем в воздухе.

– Я хочу подготовить себя к нему. Относиться обыденнее. Вот и все.

«Но если ты простишь меня, вопрос снимется». Давай же. Скажи это. Пожалуйста, мне станет намного легче, потому что я пойму: ты хитришь, играешь, проверяешь меня на прочность, как утром. Но Орфо молчит, опять увлеченная вином. Она не собирается продолжать.

– В любом случае... за тебя. – Беру кубок, легонько покачиваю им в ее сторону.

– Ага, да здравствует королева, – отвечает она мрачно и делает большой глоток одновременно со мной.

Я вспоминаю, как сам сказал ей это утром. Представляю, каким смыслом наполнена для нее – *грешницы* – эта фраза. Спонтанно хочу добавить: «Надеюсь, с тобой все же ничего не случится», но молчу. Еще утром я не питал и тени таких надежд, еще около получаса назад мне было... все равно? Дело в вине. Воспоминания уже не удержат нас на плаву.

Мы снова едим молча, потом Орфо в последний раз наполняет кубки. Рука уже подрагивает, платье удается спасти чудом. Я слышу витиеватые ругательства сквозь зубы: Орфо почему-то вспоминает о дятлах, раздраженно вытирая подоконник салфеткой. Она покраснелась, ее волосы растрепались и довольно много прядей падает на лицо.

– Прости, – говорит она, поймав мой взгляд и истолковав неправильно. – Прости, я правда слегка волнуюсь. Из-за тебя.

– Не стоит. – Всматриваюсь в нее внимательнее. Качаю головой. – Нет. Я же не брошусь на тебя. – Медлю, а потом словно со стороны вижу, как моя рука тянется завести одну особенно настойчивую прядь ей за ухо. – Тебе тоже стоит кое-что понять. Что это взаимно. Ну, что я тоже не опасен для тебя. Я не собираюсь тебе мстить сильнее, чем уже... отомстил?

Я действительно касаюсь ее лица, поправляю волосы – и все эти секунды мы смотрим друг на друга. Она подается ближе, шевеля губами и будто пытаюсь сказать что-то, я почти проваливаюсь в ее полные надежды и благодарности глаза, думая почему-то о Великом Шторме, отнявшем свободу у моего народа. Я зачарован. Но вдруг ее черты снова искажаются, превратившись в омерзительный череп, из левого глазного яблока с чавканьем вылезает красный червяк – и я отдергиваюсь, будто меня укусили.

– Прости, – выдыхаю, слыша, как охрип голос. Рука сжимается в кулак. Дышать больно.

– Нет, нет, ничего. – Теперь она, снова совершенно обычная, тянет руку мне навстречу со встревоженным видом, но замирает, как перед стеной. – Эвер, можно?..

Не знаю, что она имеет в виду, но киваю, снова киваю, почти ничего не сообразив. Теплая ладонь ложится на лоб, щупает пульс на шее, отдергивается – тоже быстро. Орфо хмурит брови.

– Думаю, тебе нужно нормально поспать. И может, я зря тебя так напоила...

– Все не настолько ужасно, – уверяю я, беру кубок и осушаю сразу наполовину. Это беспокойство смущает, сам не знаю почему, Орфо хочется скорее отвлечь, а еще больше хочется отвлечь себя от призрачного ощущения ее ладони на коже. – И к слову, мы еще не дошли до сырных пирожных.

– Ну как знаешь. – Она тоже делает пару больших глотков, но не перестает хмуриться. – Возможно, похмелье и пригодится тебе завтра. На допросе будут жалеть еще сильнее.

– А тебя? – срывается с губ, и она поднимает бровь. Похоже, в словах я все же начинаю путаться. – Я имею в виду... ты очень удивила меня, когда сказала, что берешь столько вины на себя. Принцесса, которая не владеет собой и выпускает монстров. Принцесса, которая...

– Завтра сдохнет, и всё все забудут! – Она машет рукой, качнувшись в кресле и едва ли не хрюкнув от нервного смеха. – Прости! Я опять. А если серьезно, у меня есть хорошее оправдание, которое обожает мой кот. *Я была малышкой*. С того дня ничего похожего не происходило, а вдобавок я расскажу потрясающую историю о том, как нашла тебя благодаря все тому же волшебству и, рискуя жизнью, спасла, и...

– Мне все же следует ее знать? – обрываю с опаской, глотнув еще вина. – Там есть любопытные детали, в которых мы можем разойтись без репетиции?

– Я поймала тебя и стреножила, – отрезает она, снова хихикнув. Пьяно хихикнув. – Больше ты, по идее, ничего не должен помнить. Но, возможно, как раз мне стоит больше знать о том, как ты стал таким... – она щелкает пальцами, – таким. – Обводит свое лицо, будто пытаюсь нарисовать контуры черепа. – Я имею в виду не физически. А что ты ощущал. В тот момент и потом.

– Боль, – говорю и почти тут же жалею. Улыбаться она перестает. – Такую, будто меня разломали на части, бросили где-то, и там сквозь меня стало прорасти что-то...

– ...каменное, – повторяет она то, что услышала утром. – Затхлое, гнилое, червивое?

– Да. – Слова я буквально ощущаю на языке, и желудок предательски скручивает. – Подменяющее плоть. Потом тоже была боль, но уже другая, я говорил тебе про саркофаг изо льда. Когда появились ты и кот, он разбился. – Я глубоко вздыхаю, и вроде это помогает унять тошноту. – Я смог немного подавить чудовище, чтобы оно не напало на вас в телеге. Но вытравить его из себя – конечно, нет. Оно уже слишком долго было мной.

– Х-хорошо. – Рвано выдохнув и явно с трудом вернув себе бодрость, Орфо кивает. Лицо застывшее и белое. – Так и поведем. Пронимает до мурашек!

Киваю, допиваю вино – надеюсь убить в себе последнее каменное, затхлое, гнилое, если оно там есть. Все это время не перестаю смотреть Орфо в лицо, запоздало кое-что поняв.

– Я рассказал это не чтобы тебя расстроить или усилить твою вину. Ты сама спросила.

– Да. – Она тоже подносит к губам кубок. – Да, и... – Допивает залпом. Капля бежит по подбородку и все же падает на платье. – Проклятие.

Я опускаю глаза. Это чудовищно, но она, расстроенная и сосредоточенная, сейчас слишком красива, чтобы мне не хотелось спрятаться или хотя бы зажмуриться.

– Надо бы идти... – лепечет кто-то за меня. Я будто забыл, что говорил совсем недавно.

– А пирожные? – А вот она помнит, атакует моим же оружием, и я вымученно улыбаюсь.

– И правда.

Она подцепляет пальцами золотисто-белый шарик и протягивает мне – опять выбрала самый красивый, почти идеально ровный. Послушно забираю его, подношу к губам. Головокружительно пахнет сливками и ванилью, ощущается как... жизнь, сама жизнь, в которой нет ни окровавленных берегов, ни пещер с чудовищами. Я откусываю маленький кусочек. Орфо съедает со своего шарика только густо-фиолетовую ягоду ежевики. И все это время смотрит на меня.

– Когда-то я верила, что мы не расстанемся.

Едва проговорив это, она явно жалеет. Замолкает, отводит взгляд – а я медленно опускаю пирожное на край блюда. Может, она и правда перепила; может, и я примерно в той же кондиции или даже хуже – но я хочу, чтобы она продолжила. И поняв это по глазам, она пытается:

– Никогда. – Тоже кладет пирожное на тарелку, снимает ежевику с другого, просто крутит в пальцах. – Ну, конечно, пока я не сойду с ума, ты меня не убьешь и не продолжишь жить жизнь, но все же...

– Орфо.

Почему-то именно последнее уточнение – казалось бы, очевидное признание «Я готовлюсь к смерти с детства» – заставляет меня растеряться. И впервые по-настоящему задуматься: а не случись Подземья, живи мы как раньше, смог бы я убить ее, когда она обезумит? Правила говорят: это один из моих долгов. Разум и сердце говорят: «*Долбанный* ты ублюдок, для этого ты помогал ей годами?» Руку, которая в Подземьерослась с когтистой перчаткой, сводит болью. Я сжимаю кулак, не в силах раскрыть рта.

– А оно вот как повернулось, забавно, да? – Она сжимает ягоду чуть крепче и вдруг понижает голос. – Эвер, слушай. – По пальцам

бежит темный сок. – Просто обещай. Когда все кончится, отец точно отпустит тебя, ты ведь знаешь, как он тобой дорожит... но лучше не находи себе другого волшебника. Брось все это. Может, тебе стоит уехать с Клио?

– Ты далеко смотришь. – Мне не нравится мой собственный надтреснутый голос, как не нравится и спонтанное желание взять ее за руку. – Орфо, я и не собирался, но пока это не...

– Я хочу быть спокойной за тебя, – резко перебивает она, сжав пальцы еще крепче. Взгляд загорается сильнее. – Я... знаешь, мне всегда было интересно, что происходит у гасителей в голове, особенно у тех, кто руководствуется не законом, а милосердием, как в Физалии.

– Я не настолько милосерден. – Стараюсь улыбнуться. Она качает головой.

– Вряд ли. Отец... – Она дергает плечом, вспоминает о ягоде, бросает ее на блюдо и испачканной рукой трет лоб. – Боги, Эвер, отец так носился с тобой и так тебя любил, что ты мог сбежать от нас сто раз. Никаких конвоев, никаких ошейников, он дал тебе свободу на уровне бумаг и денег, разве что не возвел в какой-нибудь титул... Так почему?

Я качаю головой. Она просто уже не различает посылки и следствия.

– Может, потому что никогда не видел смысла убегать от тех, кого люблю?

Орфо слабо улыбается и, кажется, хочет добавить что-то, но в конце концов только вздыхает.

– Хорошо. – Наконец она опять пытается пошутить, даже подмигивает мне. – Хорошо, тогда можешь вообще считать, что я ревную. Думаю о тебе рядом с другим волшебником – и...

– Обязательно волшебником? – Снова язык опережает разум. Не знаю почему, но в санктuariи у меня было ощущение, будто ей не понравилось, как я общаюсь с Клио. Скорее всего, показалось. Или нет, судя по тому, как Орфо опять начала мотать ногой?

– Обязательно, – все же повторяет, упрямо сдвинув брови. Берет ежевику с тарелки, закидывает в рот уже снова с бодрым, независимым видом. – Сам знаешь. Принцесса-волшебница и ее гаситель. На веки вечные, точнее, пока принцесса не сдохнет. Вот так.

Смех и ужас борются во мне так, что хочется выпить снова. Возможно, ей тоже: она подхватывает с пола кувшин и все же обнаруживает в нем еще немного вина, по трети кубка каждому. Разделив его, она откидывается в кресле. Я, наоборот, встаю, решив сразу проверить, как меня держат ноги. Держат. С кубком я медленно прохожусь по комнате, все это время чувствуя на себе взгляд – встревоженный, выжидательный, мягкий. То ли Орфо ждет, что я начну спорить, то ли... не знаю. Я снова подхожу и встаю над ней. Беру пирожное с ее тарелки, отправляю в рот и, вспомнив, как она измывалась над несчастной ежевикой, замечаю:

– Ты так и не прекратила играть с едой.

– Нервы. – Она пожимает плечом. Забирает уже мое надкушенное пирожное, подносит ко рту. – Что? С чужой правда вкуснее.

В первые секунды я пугающе, неправильно заморожен этим зрелищем – ее яркие приоткрытые губы, эта нежная сырно-творожная масса, головокружительный запах сливок и ванили. Почти тут же страх пронзает грудь ледяным росчерком – и я даже не замечаю, как резко, почти грубо перехватываю Орфо за запястье, не давая надкусить шарик.

– Нет!

Орфо хорошо, даже слишком хорошо натренировалась: вино выплескивается мне в лицо в ту же секунду, в следующую – кубок падает, а пальцы сжимают мое горло, – и у меня перед глазами чернеет. Я не сопротивляюсь, радуюсь уже тому, что она не использовала силу. Мы так и застываем – ее глаза полны непонимания и паники, мои, наверное, тоже. Ощущая, как красные кислотные подтеки бегут по коже, я только хрипло прошу: «Не ешь», и наконец она, не разжимая хватки, задрожавшим голосом спрашивает сама:

– Чт-то?.. П-почему? – Дергает рукой. – Больно, кстати!

Это нелепо. Нелепо, но я, снова с трудом растянув в улыбке губы и облизнув их, выдыхаю:

– Я же могу быть заразным. После Подземья. – Пытаюсь скрыть ужас, который вселяет в самого меня эта мысль, но, похоже, не очень хорошо. Впрочем, поступок и так все сказал за меня.

– О боги! – Орфо отдергивает руку первой, хмурится, и теперь синева ее взгляда прожигает меня злостью. Но почти тут же глаза

закатываются едва ли не под лоб. – О боги, Эвер, ты с ума сошел, что ли? И из-за этого я потратила на тебя последнее вино?

– Прости. – Выпустив ее второе запястье, потираю шею, морщусь: крепко сдавила. Но я не лучше. Со стыдом замечаю на смуглой коже Орфо багровые полосы. – Ох. Я...

– Тогда я допью твое! – Она отнимает мой кубок, заглядывает туда, а потом разочарованно скользит взглядом по моей рубашке. – Нет, не допью.

На вороте, на груди, на животе пятна – похоже, я облился, когда схватил ее. Морщусь, выпрямляюсь, принимаюсь тереть лицо уже обеими руками, с омерзением ощущая, как слипаются пальцы. Вино было полусладким. А выплеснутое в лицо, почему-то ощущается на губах кислым.

– Прости, прости, прости... – Я потираю и веки. – Как ты там сказала? Нервы. Что бы это ни значило.

Она молчит, неотрывно смотря на меня, уже не испуганная и не злая, но расстроенная. Кажется старше своих лет, не то чтобы сильно старше, но моей ровесницей – точно. Даже не пытается улыбнуться и свести все к какому-нибудь юмору, который я опять не пойму, – просто ждет, скажу ли я что-то еще. А я снова думаю о галлюцинациях. О «ране» на скале. О мертвой птице и рвоте камнями, от которой едва-едва избавился. Мне точно пора идти.

– Я... – Приходится быстро сглотнуть: снова в горле разрастается горький ком. – Я лучше лягу, Орфо. Пока совсем не испортил тебе вечер.

– Эвер, – шепчет она так тихо, что я вряд ли услышал бы, если бы не ловил каждое слово.

Плавное движение – она опирается на подлокотник и встает. Пошатывается, ругнувшись сквозь зубы, опирается на мое плечо, но это не вызывает содрогания, к которому я почти привык. Нет порыва отстраниться, может, потому что сейчас я едва не раздавил ей руку, а она едва меня не задушила, и после этого оберегать личное пространство как-то нелепо.

– Эвер, может, тебя проводить к папиному старшему медику? – так же тихо предлагает она. – Он, наверное, уже в покоях, он не любит задерживаться на пирах.

– Нет, – говорю как можно увереннее, даже опять улыбаюсь, хотя убеждаю скорее себя. – Может, ты и Скорфус правы.

– В чем? – Ее брови сдвигаются. Похоже, и она не совсем понимает, как воспринимать новую реальность, в которой мое лицо и одежда все в красных подтеках из-за ее... нервов.

– Ну... – я сам перевожу взгляд на белую – уже далеко не белую – ткань, – что мне просто нужно меньше выдумывать ужасы. Так или иначе, – лучше признаться, все равно это не скрыть, – я правда плохо себя чувствую. Это не совсем про тело, это про дух. – Хочу остановиться, но продолжаю, будь проклят этот опустевший кувшин. – Я все еще боюсь. Боюсь, что... то, чем я пробыл столько лет, не изживается просто так. И...

– Эвер, – повторяет она в третий раз. Слегка качается, отцепляя пальцы от моего плеча, но говорит твердо, даже строго: – Послушай. Как бы ты себя ни ощущал, ты *не* заразный. Ты был Монстром только *там*. Магия Подземья работает иначе.

– Как это проверить? – Я спрашиваю безнадежно, просто потому что не могу больше оставаться наедине с этим вопросом. – Как, Орфо? Мы пойдем, только если кто-то... заболеет, пообщавшись со мной, или станет *меняться*, или...

Тоже видеть всюду черепа и червей. Бросаться на людей. Делать что-то похуже.

– Проверить? – отзывается она и вдруг неуловимо меняется в лице. – Мм. Это мысль.

В следующий миг пол резко уходит из-под ног – как палуба пробитого корабля. Орфо просто... целует меня, снова схватив за рубашку и толкнув к стене, впечатав в нее лопатками. Она целуется грубо, сразу давая понять, кто здесь главный. У ее губ вкус вина и ежевики, и я задыхаюсь то ли от их мягкого жара, то ли от того, как пальцы стиснули ткань у самого ворота, разве что не порвав его. Боги... что? По позвоночнику бежит дрожь, сковав руки; я не могу взять ее за плечи, не могу оттолкнуть, не могу ничего – а главное, не понимаю, что *хочу* сделать. Особенно когда одна ее рука легко, но настойчиво скользит ниже моего пояса, а грудь прижимается к моей, и я чувствую теплую твердость сосков. Это дико – но оцепенение отпускает меня, и ладони осторожно скользят по ее хищно напряженной спине вниз. Вдоль ребер, к бедрам, сжимая их и пытаюсь

всю ее прижать еще теснее. Безумно – но я покорно приоткрываю губы сильнее и отвечаю, когда язык касается моих зубов. Голос разума, помнящий другую Орфо, еще хочет спросить, где и с кем она научилась целоваться так хорошо, ведь пока я был с ней, она ни с кем не встречалась, хотя некоторые ее ровесники уже упали в первые подобные развлечения. Но я понимаю: с кем угодно, от целеров до отпрысков патрициев. У новой Орфо нет проблем с общением, расцвел не только ее сад. А я...

А все, чему научился я, было от хозяина. Не только от него самого, но и от рабынь, которых он иногда приводил ко мне, *приказывал* и просто... наблюдал за нами, не присоединяясь. А иногда присоединяясь. От этого воспоминания – я и девчонка с золотыми волосами на меховом ковре; плавающая от духоты и запаха масел комната; крупная сидящая фигура, сидящая в кресле и пристально смотрящая, – жар резко сменяется холодом. Не снаружи, внутри, а за холодом приходит удушье. Каким грязным я тогда себя чувствовал, каким...

– Я... – Пытаюсь отпрянуть, запинаясь, наконец осознавая, что это соприкосновение наших тел может закончиться не так невинно. – Боги, Орфо, стой, не...

Она выпила, я тоже, и это не повод заниматься подобным, особенно вспоминая то, что нас связывает. Еще немного – и я перестану владеть собой, даже память о той мерзости отступит, потому что с Орфо все... не мерзко, эти поцелуи и прикосновения – словно еще одна смертная вещь, возвращающая меня к жизни, а уж *насколько* хорошо я сейчас чувствую свое тело, особенно раскаленный ком внизу живота... Нет. Хватит. Я сжимаю на этот раз оба ее запястья, снова слишком сильно, отрываю от своего ворота, и она обиженно шипит:

– Больно!

– Прости... – Пытаюсь отойти вдоль стены, но ладонь, мгновенно упершаяся в резной камень у самой моей головы, не дает этого сделать.

– Эй. – Глядя в упор, Орфо поднимает брови. На губах появляется озорная улыбка. – Ты же не считаешь, что я задумала что-то лишнее? Просто проверим... – второй рукой она откидывает волосы с лица: успела сильно смять прическу, – заражусь ли я чем-нибудь от тебя. Все равно, вероятно, сдохну, так хоть сделаю благое дело.

– Ох... – Больше не пытаюсь сделать ни шагу, просто прикрываю руками лицо, остервенело тру лоб, веки, щеки. Я весь горю. Вряд ли это незаметно, и как же я зол. Точнее, был бы зол, если бы не дикая растерянность. И полное бессилие. – Умоляю, с чего ты решила, что это хороший метод?

– Не знаю, но почему нет? – Сквозь пальцы вижу, как она невинно пожимает плечами. Она не могла успеть протрезветь, но у нее совершенно ясные, разве что с сильно расширенными зрачками, глаза. – Возможно, ты... нравился мне в детстве. Сейчас не могу точно сказать, немало прошло. Но...

Что поразительно, она не смущена, ни капли. И если бы не чернота в густой синеве радужек, я даже не заметил бы, что она возбуждена. Смотрит прямо, говорит просто и теребит украшение на шее – бегаёт пальцами по оливковым веткам и плодам, щиплет их, обстукивает ногтями. А я вдруг осознаю: я мог бы сжать ее ворот так же, как она сжала мой, я дернул бы эту тонкую ткань вниз вместе с хрупкими подвесками из перламутра – и вполне возможно, Орфо бы не возразила. Но я не должен. Я-то ничего к ней в детстве не испытывал, и в этом я уверен. И потому говорю другое, то единственное, на что способен мой пьяный рассудок:

– Надеюсь, ты сделала это не в надежде, что так я тебя прощу.

На секунду ее лицо застывает, но тут же улыбка возвращается, став только шире и искусственнее. Глаза леденеют.

– Эвер, не заставляй меня давать тебе пощечину. Я прекрасно знаю, сколько стоит предательство. Даже если бы я весь этот месяц согласилась ублажать тебя языком и всеми прочими частями, ты вряд ли бы...

Голова от этих грязных образов опять идет кругом, но совсем не в том смысле. Уже по всему телу бежит озноб, насмешливый шепот хозяина: «Возьми ее, ну же», – заполняет сознание, и я делаю то, чего не жду сам от себя: протянув руку, зажимаю Орфо рот.

– Прекрати сейчас же.

Поверх моей ладони она только опять приподнимает брови, а когда я отстраняюсь, устало, уже совсем другим голосом спрашивает:

– А то что? И что тебя смущает? Тебе, кажется... все-таки понравилось. Нет?

Она смотрит все так же неотрывно. И я уже точно не понимаю, о чем она думает, что чувствует. Понравилось ли *ей*? Или она правда ставила на мне опыт, как с растениями?

– Я не знаю. – Это как расписаться в собственном поражении, но я не хочу врать и играть с ней в игры. Это уже не петтейя. – Не знаю, ты все усложняешь, я не понимаю тебя, и...

...И мое тело говорит то, что пугает меня самого. Ведь мне до сих пор нужен холодный душ.

– И тебе пора спать, Эвер, – обрывает вдруг она, очень мягко. – Как и мне. А завтра-послезавтра увидим, заразил ли ты меня чем-то подземным. Но думаю, нет.

– Я...

– Правда. Иди. – Она опускает руку, делает шаг назад. Сейчас я все-таки вижу в ее глазах тень вины, но, кажется, она думает не о том. – И да, Эвер. Если тебе было неприятно, ты должен сказать. Я помню о твоей проблеме, я честно держала ее в голове до пятого кубка, но...

Моя новая проблема – это, похоже, ты. Но вслух я говорю:

– Что ж, видимо, после пятого что-то случилось и со мной. Доброй ночи.

Она открывает рот, снова расплывшись в двусмысленной улыбке, и я точно знаю, что она могла бы спросить. «Не хочешь остаться?» Но, возможно, она что-то читает в моих глазах и передумывает: отводит взгляд, устремляет его на дверь, и она распахивается.

– Не хочешь взять пару пирожных и съесть в кровати? – Вот что звучит вслух. И невольно я усмехаюсь, с удивлением ощущая, как опять спадает неловкое напряжение между нами.

– Они все твои.

– Отлично. – Она проходит к подоконнику, начинает сгружать посуду в более-менее приемлемую для прислуги башню и повторяет: – Доброй ночи. До завтра. До допроса.

Еще бы вспомнить, что я собирался на нем говорить.

Попрощавшись еще раз, я выхожу в коридор и преодолеваю его так быстро, как только могу на нетвердых ногах. По углам пляшут тени, несколько раз я спотыкаюсь, путаю свою дверь с чьей-то еще, впустую дергаю ручку минуты полторы, но наконец спохватываюсь и все же вваливаюсь к себе. Едва сдерживаю соблазн сразу упасть на

кровать лицом вниз. Действительно иду в душ, где пытаюсь смыть с себя... все, что можно, заодно отметив: следы кошачьих когтей в местах, где они остались, побледнели, начали зарастать. Кожа почти как раньше – белая, ровная. Я касаюсь ее без содрогания, стараюсь забыть гнилую плоть, под которой она пряталась. Может, все правильно. Может, еще немного – и я забуду Подземье как кошмарный сон или период болезни, от которой я излечился. Надеюсь, но...

«И ты продолжишь жить жизнь».

«Принцесса и ее гаситель, на веки вечные, точнее, пока принцесса не сдохнет».

Но в моей голове все намного сложнее из-за постоянного ужаса, царящего там.

Да, она убила меня. А теперь может получиться так, что я убью ее и буду помнить об этом до собственной смерти. Правда будет преследовать меня – о том, что ничего не изменилось. Я не заразен, не похож на гниющий труп и не охочусь за другими живыми существами, чтобы сожрать их. Возможно, я даже стану медиком. Но внутри я останусь Монстром, которого Орфо не должна была спасать. Ведь вопреки всему, что она для меня сделала, и всему, что привело ее к нападению, я по-прежнему не уверен, смогу ли по-настоящему ее простить.

Как, впрочем, и себя.

7. Одна история удивительнее другой. Орфо

- А как ты его выследила?
- А где он набросился?
- И он правда был таким огромным и жрал всех подряд?
- Ого-го!

Выплыть меж двух параллельных потоков вопросов и восклицаний сложно, но я стараюсь. Кас и Пол ведь делают это не для того, чтобы потопить бодрую лодчонку моего вранья. Им правда интересно, они заступили на должности не так давно и все еще считают свою работу не только важной, но и увлекательной.

Нас разделяет большой стол, за которым парни сидят в одинаковых позах: локти на исписанных «протоколах», ладони под недобритыми подбородками, взгляды исподлобья, гладко выбритые макушки блестят. От клейм на мускулистых руках струится синеватое сияние, окутывая меня, но я ничего не чувствую, кроме слабого запаха хвойного масла из углов.

– Да, – отвечаю я на последний вопрос. – Всех подряд. Как выследила? Честно... я почувствовала. Почувствовала, что Эвер рядом, все-таки между нами годами была очень сильная связь. Взяла карту, маятник, ну, примерно как год назад искала, где бурить скважину для нового колодца. И маятник показал разлом... портал... не знаю. И не понимаю, как сама не догадалась, что искать нужно на старом месте.

– Преступник всегда возвращается на место преступления! – важно изрекает Кас. Я отличаю его от Пола только по тому, что он плохо обращается с лезвием: подбородок весь в мелких порезах.

Старательно держу лицо, силясь никак не выдать правду: «преступник» – это не про Эвера, это про меня, по крайней мере, если мы говорим о его обращении. Так это называю я. «Похищение» – это слово, выслушав историю, а вернее, две истории, выбрали сами близнецы. В протоколах можно найти оба. И вроде выглядит все неплохо.

Я украдкой всматриваюсь в широкие миролюбивые лица – на них все еще только искреннее любопытство, сочувствие и желание

услышать что-нибудь еще. Делая печальный вид, приподнимаю руку, скребу между ушей Скорфуса, раскинувшегося горжеткой на моих плечах.

Мне был бы конец, если бы не он. Но, как оказалось, некоторые правила богов, скопившиеся за века, довольно удобно противоречат друг другу, а боги пока не спохватились или не придумали, как все починить. Например, любые существа, обладающие даром гасителей, – и сами гасители – невосприимчивы к силе законников, а вдобавок глушат ее одним присутствием. Пока Скорфус рядом, я могу сказать Касу и Полу хоть, что я знаю дорогу на луну, – их метки будут считать это правдой. И Эвер тоже может. Этой лазейки почти никто не знает; обычно люди честны с мечеными законниками, просто потому что верят: этот демос нельзя обмануть, разумнее даже не пытаться, если не хочешь доиграться до пыток. А вот многим фамильярам о ней известно.

– Пур-р-р-р, – отдается в ухе, но тихо, как никогда прежде; Скорфус даже лапами не шевелит, и тело у него холодное. Я даже не уверена, что сейчас он *притворяется* спящим. Похоже, плохо себя чувствует. Мне показалось так, еще пока мы ждали своей очереди на допрос.

– Твой котейка что-то раскис, – басит Пол, почесывая голову.

– Устал после путешествия, – оправдываюсь я и отвечаю на вопрос, который он задал: – Эв... Монстр набросился на меня уже в самом сердце Подземья. После того как я поговорила с жителями и они показали мне несколько его укрытий. Когда я исследовала одно, он и явился. И да, сразу напал. Эвер... Эвер вообще никак всем этим не управлял.

– Представляю, какая жуть, – опять вступает Кас, дернув широкими плечами. – Ну то есть... ты вроде нормальный, да? А потом бац – и превращаешься в тварь, которая сеет ужасы.

– А потом ты снова становишься нормальным, но не можешь эти ужасы забыть... – тихо, понимая, что обращаюсь скорее к себе, продолжаю я, и близнецы переглядываются. – Врагу не пожелаю. Это так несправедливо.

– Угу, – хором отвечают они, и я устало прикрываю глаза.

Это не давало мне покоя и вчера – его потерянность. Эвер был со мной, но все еще где-то там, ел нормальную еду, но в какие-то минуты

явно сомневался, не человечина ли это. Шлейф мучения за ним, эта... раздвоенность терзали мою совесть. Я пила, пила, снова пила и подливала ему, надеясь убежать от всего, что осталось в Подземье. А в итоге? Я про свою-то меру забыла, не говоря о том, что надираться не стоило ему с его ослабленным телом и душой. И...

И мы целовались. Целовались, о боги, и как же это было потрясающе. Но неожиданно. Максимально, и никакое «проверим то, проверим это» мой напор не оправдывает. Неужели я правда так сорвалась с цепи, потому что где-то глубоко внутри начала мечтать об этом, еще только поняв, что с другими людьми можно не только дружить? Маленькая извращенка.

– Принцесса? – осторожно окликают меня.

Я едва не бью себя по губам, начавшим расплзаться в идиотской улыбке. О чем я думаю? Все это не смешно и не мило, правильное вспомнить, как он шарахнулся от меня – пусть не сразу, как вообще среагировал и *как* я поступила... подло. Похотливое животное, иначе не скажешь. В начале вечера спросила, могу ли потрогать его лоб, а в конце впечатала в стену, облапала, едва ли не попыталась сожрать. Могу себе представить, что он почувствовал. Вряд ли, конечно, я так омерзительна, как его медик, и все же, когда он ушел, мое лицо горело, руки тряслись, и я ощущала себя так, будто съела не великолепный королевский ужин, а горсть слизняков. Мне даже не понадобился долгий холодный душ, о котором я помышляла, пока спроваживала Эвера из комнаты, да и пирожные пришлось скормить Скорфусу. Хм. Может, из-за того, что он слопал шесть штук, ему теперь и плохо?

– А мерзкие аборигены не пытались вас удержать? – спрашивает Пол, и я окончательно возвращаюсь в «сейчас». Хотя какой-то новый вопрос, предыдущие-то гоняли меня по уже задокументированному кругу. Кас и Пол знают нашу с Эвером историю с момента «нападения» Монстра четыре года назад и до минуты, когда Скорфус содрал с него кожу.

– Нет, не особенно, они мирные, – уверяю я, думая, впрочем, о слухе, будто где-то там же, только глубже, обитают Идус с Сэрпо и есть проклятый гранатовый сад. – Были рады избавиться хоть от одного чудища.

– Надеюсь, оттуда ничего больше не вылезло! – Кас опять ежится, морщит слишком маленький для такого крупного лица нос. – Ну вроде

мужика с головой быка или женщины со змеиной прической... Они не там живут, а?

– Нет, нет, и в любом случае я об этом позаботилась. – Принимаю самый солидный вид, на какой способна. – Портал закрыт. Надежно. Да, Скорфус?

– Мгм-м-м, – мычит он, вяло ерзя в знак согласия.

– Ну тогда... отлично? – подытоживает Пол задумчиво и переглядывается с братом. Оба переводят глаза на свои бумажки. – Наверное, это пока все, да, Кас?

– Все, мне точно добавить нечего. – Я с радостью киваю за второго близнеца и собираюсь было встать, но за спиной тихо возражают:

– Думаю, вы ошибаетесь. Допрос окончен, ваша честность подтверждена, но не допросами одними... В честности же я и не сомневался. И все же задержитесь-ка.

Голос, низкий и слегка сорванный, заполняет комнату, будто сквозняк: хорошо, если волосы у меня на затылке не шевелятся. Вздохнув, быстренько возвращаю самообладание и оборачиваюсь с вежливейшей улыбкой: «А, вы еще тут? Я ничуть не надеялась, что вы уйдете». Внутренности предательски подмораживает, но заговариваю я тоже предельно ровно:

– Да, кир Илфокион? Что еще вы хотели бы узнать?

Он был здесь с самого начала, но я приложила все усилия, чтобы о нем забыть. Почти получилось: я сосредоточилась на близнецах; я не ерзала, не крутилась и даже отсекала надуманное ощущение – будто мне беспрерывно прожигают в черепе дыру. Вряд ли. Илфокион, щепетильный и, как сказал бы Скорфус,душный, скорее наблюдал за подчиненными: справляются ли они с обязанностями. Его близко посаженные глаза цвета старой меди будто созданы, чтобы быть глазами начальника. Вон как сжимаются Кас и Пол, синхронно садятся по струнке.

– Немногое, принцесса. И даже скорее не узнать, а посоветоваться. Если будете любезны.

Буду, что остается? Под моим, надеюсь, бесстрастным взглядом Илфокион медленно отлепляет широкие костистые плечи от стенки, потирает переносицу средним пальцем, одергивает короткий плащ и идет вперед. Он шагает широко и бесшумно, как крупная породистая

собака, а я привычно пялюсь на эту самую переносицу. Ничего не могу поделаться: черные брови на ней не то чтобы срослись, но стремятся к этому, зазор маленький, из-за чего ощущение, будто Илфокион постоянно хмурится. Хотя это недалеко от правды, кстати; на его месте я давно обзавелась бы монобровью, как у циклопов, и не утруждалась бы лишний раз. Сухо киваю и жду.

– Теперь, когда счастливое возвращение и героический подвиг состоялись, – сами слова пахивают издевкой, но надеюсь, мне кажется, – я хотел бы послушать о вероятных последствиях. – Илфокион останавливается за моим креслом и опускает левую руку на спинку, звякнув дутым серебристым браслетом. – Они глубоко меня тревожат. Я и сам не мог кое-чего не заметить, слушая историю кира Эвера...

– Чего именно? – Все же выдаю волнение. Нам-то послушать Эвера не удалось, часовые у двери об этом позаботились. Что он сказал? Вдруг его спровоцировали? Неужели Илфокион не понял намека отца, что эти допросы *нужно* провести спустя рукава, и решил все же подловить нас на нестыковках? Проклятие.

Илфокион склоняется чуть ближе. Его идеальное каре – по игаптской моде, но вполонину не такое длинное, как у Клио, едва прикрывающее мочки смуглых ушей – падает вперед. Наши глаза снова встречаются, и, чтобы отвлечься, я начинаю гадать, кто из этих двоих – он или все же моя новая подружка – лучше рисует стрелки. Илфокион еще и делает это весьма странно, сочетая «панду» и «кошку»: жирную обводку нижних век и безукоризненно очерченные уголки глаз. А вот Кас с Полом, ясное дело, не красятся. Они тоже тарачатся сейчас на макияж начальника, пусть и украдкой, не шевеля даже шеями, превратившись в парочку истуканов.

– Кир Эвер боится, – наконец просто, невыразительно, будто и без попыток как-то поколебать мое спокойствие констатирует Илфокион. – Очень боится, что ему вообще не стоило возвращаться. Что это повредит нам. Всем. Или уже вредит. Что об этом думаете вы?

Скорфус предательски дергается – и всаживает когти мне под левую ключицу. Я ойкаю, подпрыгнув и едва не боднув Илфокиона теменем в подбородок. Он грациозно уклоняется.

– Простите! – Недоуменно всматриваюсь в Скорфуса, наклонив голову. Его полуоткрытый глаз пуст, но я все-таки чувствую: тело

напряглось. От вопроса или... – Скорфус, ты не заболел? Или тебе есть что сказать киру Илфокиону?

Вполне может быть. Если я поняла правильно, вчера они с Эвером шлялись возле портала. Жаль, я не успела вызнать подробности. А вот Илфокион...

– Я хочу спа-ать, – капризно тянет Скорфус. – Отнеси меня в комнатку!

Да что такое? Мне не нужно смотреть на Илфокиона, чтобы увидеть его поднятые, спрятавшиеся за аккуратной челкой брови. Близнецы косятся сочувственно и даже, кажется, готовы предложить мне помощь в бережной переноске любимого котика, но я сухо обещаю:

– Попозже. Потерпи. А вы не беспокойтесь, он вечно ноет.

– У-у-у, – снова невнятно подает голос Скорфус. Определенно, его поведение мне не нравится. Нет, не так, это дополнительный повод нервничать.

– Так что, принцесса? – кашлянув, переспрашивает Илфокион: явно решил игнорировать чужое нытье и продолжит клонить к чему-то крайне скользкому. – У вас есть мысли на этот счет?

– М-мысли... – растерянно мычу я, прикидывая, что он хочет услышать.

– Вы же готовились к этой аванюре, что-то прочли, продумали стратегию, верно? – Он все так же держит руку на спинке моего кресла. Поняв красноречивую суть молчания, вздыхает. – О... то есть вы не имеете особого представления, куда заглянули, что там наделали и...

– Не наделала, уж поверьте! – Надо же, я вспылила сильнее, чем думала. – А в правилах богов, если я ничего не путаю, *нет* запретов на путешествия между мирами, они даже лояльны к таким дерзостям. Ястор принес серебряное руно, ставшее нашим священным знаменем, через портал в сердце Святого моря; Граклион нашел портал в яме, полной навоза, и добыл в мире Небесных Садов золотые яблоки для моего больного прапра...

– Спасибо за экскурс в историю. – Очаровательная улыбка, та самая, за которую хочется пересчитать все зубы. Илфокион одним взглядом пригвождает к месту заерзавших близнецов, а потом опять склоняется ко мне. Маслянисто-каменный запах его подводки щекочет

нос. – Но согласитесь, в любых путешествиях, даже в соседнюю деревню, есть меры безопасности. Особенно если вы что-то... кого-то... берете с собой в обратный путь.

Я не вскакиваю – останавливает понимание, что могу уронить Скорфуса. Ну и то, что я не желаю доставлять этому типу удовольствие. Нет. Ничего импульсивного. В конце концов, мне умирать через месяц, пора уже научиться философски относиться к твердолобости моих... ладно, отца... подданных. И давать им сдачи, не боясь прослыть пигалицей-гадиной.

– Ах вот на что вы намекаете. Тогда смею настаивать: нет, *кир Эвер безопасен!* – Все-таки не могу спрятать раздражения, вспомнив вчерашний ужин: как Эвер схватил меня за руку, чтобы я не надкусила его пирожное, как нес чушь про заразу. – Даже если сам он что-то такое...

– Мы тоже так думаем! – брякает за двоих Кас, но увядает под новым начальственным взглядом, особенно мрачным. – В смысле... ну... по допросу похоже...

Под столом брат явно его лягает. Щеки обоих краснеют. Понимаю, им досадно: они меченые законники, им доверили важное дело, а теперь их работу подвергают сомнению или даже пытаются переделать, гоняя меня по ямам-ловушкам. И кто? Какой-то ломатель, возомнивший себя самым умным. А впрочем, в этом демосе нередко мнят о себе многовато.

– В смысле, вы сами его видели и слышали, – решаю выступить им союзницей, – и, смею надеяться, сделали даже больше выводов о его физическом и умственном состоянии, чем все мы, вместе взятые. Все-таки вы здесь взрослый.

– Взрослый. – По губам Илфокиона бежит усмешка, глаза говорят почти напрямую то, что говорили не год и не два. «Ты правда считаешь, что я идиот?» – Интересная риторика. Пожалуй, да, я не заметил ничего дурного, но поймите меня правильно. Вы – начитанная развитая девушка с волшебной силой, а я лишь старый солдафон...

Близнецы сопят хором, и я готова присоединиться. Не то чтобы старый, если уж прямо, и не так чтобы солдафон в том смысле, в котором были покойные «герои».

Илфокиону около тридцати, он служит нам с пятнадцати – как его отец, дед и боги знают сколько поколений. Мама обожала его, почти

как третьего ребенка – и мастера клинка, умного, обходительного, разделяющего ее страсть к моде. Подобно многим ломателям, он обладал талантом к военному делу. Ожидаемо она поволокла его в Физалию, но ошиблась – примерно как насчет отца. В какой-то момент Илфокион отказался выполнять приказы и даже начал их саботировать. Взбешенная мать отправила его в тыл – почему-то не убила, но спихнула на самую грязную работу, разгонять мятежи. Но и там он отличился... не как она надеялась. За это после маминой смерти отец взял его под покровительство. Он всегда любил такое – приручать и перевоспитывать, хотя Илфокион перевоспитался сам: война здорово сбила с него спесь, сделала замкнутым и угрюмым. Отныне тряпки и побрякушки – его единственная радость; он совсем перестал верить людям, и это уже не черта характера, а увечье, которое не заживет. Я терплю его таким, какой есть, но не люблю. Особенно – с чудовищного дня на пляже, ведь никого, никого из целеров не оказалось рядом в нужный момент, они прибежали, только когда я уже плакала над трупами. Похоже, по этому поводу Илфокион переживал и сам: прежде всего благодаря ему мои допросы получились короткими и мою ложь – что я понятия не имею о судьбе Эвера и никак к ней не причастна, – не стали особо ковырять. Но сама я всегда ощущала: Илфокион ничего не забыл. Он принял мои показания за чистую монету лишь поначалу, а затем попробовал ту монету на зуб. Поздновато. Беззаветно преданный папе – не мне, – он грыз ее снова и снова. Что, и сейчас грызет? Не вовремя, но я готова.

– Илфокион. – Решаю ни во что не играть и заканчивать побыстрее. Пусть грызет, если правда хочется. Вот и вызов: я опустила формальное «кир». – На что именно вы намекаете, объясните, пожалуйста? Если на то, что кира Эвера, – тут я наоборот артикулирую «кира» так, что показать клыки, – нужно изолировать или водить всюду под конвоем на случай бешенства, то я... мы с отцом... запрещаем. Он и так подавлен, только что вы сами это подтвердили.

– Я пока не собирался... – начинает он, и я все равно перебиваю: сама мысль об этом типе, о том, что он мог как-то намекнуть Эверу на «подземную заразу», усугубить его страхи, жжет хуже раскаленного гвоздя под задницей.

– Мудро. Но если все же *соберетесь*, можете считать его конвоем меня, я планирую проводить с ним максимум времени и буду за него

отвечать.

О да. Отвечать. Раз пять за ночь желательно – мысль обжигает жаром щеки, я кусаю губы, немного злясь на себя, но не отвожу глаз. Да пусть видит. Плевать. Пусть даже по замку пойдут слухи: тогда, по крайней мере, Эвера точно не тронут лишний раз, чтобы не злить меня перед коронацией. Это не правило, а поверье, но обычно чем счастливее наследник, получающий корону, тем лучше проходит его правление. У меня пока мало шансов на счастье; мой разум, сердце и нервы одинаково похожи на сито, и корону я буду брать трясушимися руками, даже если выживу, но время еще есть.

– Так-так. – Илфокион шурится. Целую секунду он думает, что поймал меня на чем-то, но хищное любопытство увядает, стоит ему понять: я и планировала быть пойманной. – Что ж, это самоотверженно, принцесса, могу даже сказать, что я восхищен вашей щедростью и добротой короля. В преддверии коронации, когда у вас столько неотложных дел, так рискнуть жизнью...

– А что для принцессы важнее жизнью подданных?

Если бы в этот момент я ела, то непременно подавилась бы, ведь мысль родил Пол, скребущий гладкую макушку, – причем таким будничным голосом, что в словах не ощущается и тени пафоса. Кас шмыгает носом, энергично кивает. Брови Илфокиона опять находят убежище за челкой, на этот раз вид его становится скорее беспомощно-недоумевающим. Все за меня. Он это чувствует. Его это злит. Он не понимает причин.

Потому что я будущая королева, козел, и потому что все знают: я девочка-цветочек с большим сердцем. Потому что одна моя история интереснее другой, и мне верят. Смирись. А если ты сунешься между мной и Эвером, я тебя задушю. Успею, до того как сдохну. И сожгу все твои тряпки, включая выходную тунику с голубой бахромой и золотой вышивкой.

– Ничего. Разумеется, – наконец припечатывает он, явно потеряв траекторию прежней атаки. – Разве я спорю, друзья, меня просто изумляет спешность, необдуманность, то, что вы, принцесса, даже не взяли с собой гоплитов, целеров, меня...

– Чтобы отвечать еще и за их жизни? За вашу? Следить, помимо собственной безопасности, за тем, чтобы вас там никто не сожрал или не превратил во что-то вроде...

...Эвера?

– Хм, в общем, нет, кир Илфокион. Вы все сказали правильно: я – волшебница. Мои шансы пропасть там, в том мире, были куда ниже ваших. Мое решение было взвешено. Я взяла кота.

Мысль болезненная, зато отлично помогает держать оборону: Илфокион довольно быстро кивает, вот только его глаза все не отрываются от меня. Он продолжает выжидать. И я наконец понимаю, на что он пытается меня вытолкнуть, что пытается подтвердить хотя бы косвенно, хотя бы себе, боги знают для чего. Что я спешила не просто так. Что я...

– И да. Это мой второй прощенный месяц. – Решаю не играть даже здесь. – Чему вы удивляетесь? Я замаливаю грехи. И я считаю то, что так долго... скрывала важные вещи и бездействовала... именно грехом. Я не знаю, что считают боги, но сама я...

– Ай! – Кас морщится, потирает вдруг метку, начинает скрести ее ногтями. – Чешется...

Его «ай» едва не заставляет меня опять подскочить, но сдержаться удается, удается даже не сбиться с дыхания и не отвести глаз. Проклятие. Я заигралась. Илфокион все-таки добился кое-чего: подтолкнул меня близко-близко к краю. Заставил откровенно, грубо солгать, солгать впервые за допрос, ведь все, что я говорила прежде, было в *некотором* смысле правдой: и про то, что Эвер потерял себя, и про то, что я чувствовала его близость, и много что еще... «Я не знаю, совершила ли грех в глазах богов» – ложь. Я его совершила. И хотя сигнальная магия законников проявляет себя иначе: свечение метки становится красным, пульсирующим, – зуд и жжение явно предостерегают меня и Скорфуса. Пора сворачиваться. У любого жульничества есть предел, Арфемис не глуп. Илфокион тоже.

– Это все те жареные шарики из сахарного тростника и кокоса, которые мы вчера ели, – тем временем сочувственно сообщает брату Пол. – А я говорил, надо меньше. У меня от них тоже чешется, правда, в другом мес...

– Ладно! – Илфокион с раздражением обрывает их: добыча ускользает, а разговор может перерасти в фарс. Его цель явно не допустить этого. – Принцесса, а скажите...

Но у Скорфуса цель тоже есть – вывести нас отсюда скорее. Он издает странное бульканье, резко дергается на моем плече вбок... и

блюет прямо Илфокиону под ноги, с таким омерзительным звуковым сопровождением, что Кас вскакивает, шатнув скамью. А вот наш начальственный ужас только с брезгливым видом пятится немного от зеленовато-шерстистой лужи и озадаченно осматривает клепанные серебряными лунами сандалии из светлой кожи. Даже шевелит пальцами ног.

– Боги! – Прижимаю ладонь ко рту. Искренне. Такого запасного плана у нас не было. Дрожащими руками пытаюсь снять своего горелюбимца с плеч. – Скорфус, что с тобой?!

– Ра-азве я не заслужил отдыха? – Он обращает жалобный взгляд широко распахнувшегося глаза не на меня, а на Илфокиона, потом на близнецов. – Бедный котик... Вернул вашего долбаного гасителя вашей долбаной принцессе. Сделал всю работу... теперь страдает. А вы...

Похоже, он готов сплевать еще раз, теперь просто всем назло, но я быстро прижимаю его к себе, приняв самый умоляющий вид. И принимать особо не надо: я перепугалась. Я здорово перепугалась и окончательно убеждаюсь, что его тело *ненормально* холодное.

– Ск-корфус... – Тирада точно была актерской, призванной быстрее распугать всех этих идиотов, но мой голос предательски дрожит. Я поднимаю глаза на Илфокиона. – Отпустите нас. Пожалуйста. Я только отнесу его и с кем-нибудь оставлю, а потом, если хотите, мы договорим. – Щурюсь. – Если боитесь, что мы так ищем повод остаться наедине и обсудить какие-нибудь ложные показания, можете нас даже сопровождать.

«Ты не веришь мне. Своей принцессе. Я это чувствую, не забуду и нажалуюсь папе!» – вот что я говорю на самом деле, и он прекрасно это читает. На скулах выступают желваки досады, но уже в следующий миг подозрительность сглаживается с лица. Илфокион перестал быть обаятельным собеседником... но как выглядеть милым или хотя бы адекватным, помнит. Ему же лучше.

– Не нужно, – мирно, даже с чем-то вроде участия кивает он. – Думаю, мы закончили; выводы я сделал, но, с позволения, придержу их, они малоинтересны. Простите, что задержал. Друзья мои, – это он бросает Касу и Полу, уже размашисто пройдя к двери и открыв ее. – Вас это тоже касается. Вам пора обедать.

– Правда? – оживляется Кас.

– Правда. – Пол кивает, бегло посмотрев на солнце за окном, тоже встав и с хрустом потянувшись. – Пойдете с нами, кир?

– Позже, – отрезает он, продолжая красноречиво держать дверь открытой. – Спасибо. Вы свободны.

«Уходите уже», – горит в глазах, и близнецы, проявив удивительную понятливость, синхронно стучат кулаками по фибулам плащей. Я едва киваю, продолжая думать о «выводах». Плевать Илфокион хотел на мое согласие насчет «придержать», поэтому лучше не выпытывать. Пусть молчит. Пошел он. У него нет поддержки отца – и это главное. Зато она есть у меня.

– До свидания, принцесса! – Пол машет.

– Поправляйся, котейка! – добавляет Кас.

Они бодро маршируют на выход, а Илфокион, проводив их усталым взглядом до поворота, делает приглашающий жест и мне. Даже не знаю, что это, учтивость или просто нежелание, чтобы я совала нос в протоколы и вообще лишний раз озиралась в святая святых целериона. Мне и не хочется. Эти комнаты, душные и полные массивной уродливой мебели, давят хуже, чем если бы меня допрашивали в подземных темницах.

– Утомились? – Илфокион тихо, вкрадчиво и, как мне кажется, снова недобро спрашивает это, уже когда я пересекаю порог.

– Не столько я, сколько... – Неопределенно киваю на затихшего Скорфуса.

– Да-да. Это весьма необычно, согласны? – Теперь щурится он и, запирая дверь, все же начинает по новой: – По-прежнему не думаете, что мои опасения...

– Так. Я не выношу иносказаний с детства и еще раз прошу вас быть прямым. – Упрямо смотрю ему в глаза. – Ну, чем *именно* пугал вас кир Эвер, тем, что может снова стать монстром? Или что спуститься в Подземье – это как побывать в больнице в разгар мора? И что из этого вас больше впечатлило, что кажется вам вероятнее? Чего вы боитесь?

Как ни странно, Илфокион удивлен, в его темном взгляде даже мелькает «Это что, шутка?». Вешая ключ на широкий кожаный пояс, он опять поднимает брови, потом, спохватившись, еще сильнее сдвигает их и, наконец, явственно скрипнув зубами, качает головой.

– Хм. Я опасаясь волшебства, особенно иномирного... не по этим причинам. Скорее я считаю, что боги так надежно прячут порталы, потому что *сами* не знают правил тех миров.

От такого богохульства по спине опять бежит холодок. Я поворачиваюсь: сбоку мерещится тень, зыбкая и размытая, как если бы за окном качалась ветка. Но мы высоко, а деревьев на этом участке внутреннего двора нет – за окном безмятежно голубеет небо.

– Боги, хвала им, знают почти все, разве нет? – Надеюсь, мой тон достаточно выразителен и заставит его одуматься. Но нет, не похоже. Продолжая говорить, Илфокион понижает голос, а взгляд, клянусь, устремляет туда же, куда только что устремился мой. Нет, никаких теней.

– Может, и так, хорошо, если так. – Вид у него уже совсем невеселый. Подняв руку, он заправляет за ухо черную прядь, и перстни, все как один с кошачьими и бычьими глазами, ловят яркие всполохи дневного света. – Но все же будьте внимательнее и присматривайте... да хотя бы за своим оружием и друзьями, и пусть ваш прощенный месяц завершится достойной, спокойной коронацией. Больше не задерживаю.

В подтверждение он стучит кулаком по фибуле, чеканно разворачивается и идет прочь, в ту же сторону, где скрылись Кас и Пол. Зачем-то покрутившись на месте в поисках теней, сглатываю слишком шумно. «Достойной, спокойной». Это издевка? Угроза? Намек: «Я все знаю, берегись, маленькая дрянь»? Или все-таки, как там папа сказал... цветущая подозрительность?

Несколько секунд я колеблюсь. Могла бы рыкнуть в спину: «Зато я вас не отпускала!» – с другой стороны, стоит ли? Не скажу, что хочу вести с Илфокионом еще беседы. Не уверена, что внезапный зуд в метке Каса не навел его на мысли: все-таки не вчера родился. Нет, умнее быть осторожной и не сталкиваться с ним лишний раз, ну а когда – если – я стану королевой, придется позаботиться о *дистанции* между нами. Хм. И пусть переезжает со всем тряпьем.

– Эй, – раздается у плеча, очень сердито. – Чего встала, человечича? Я тут а... агонизирую!

Встала я не только от тревожных мыслей. Еще я надеялась, что где-то здесь, в коридоре, меня ждет Эвер – чтобы узнать, как мы справились, или хотя бы просто... просто...

...обсудить вчерашний вечер, да. Тоже придется, утром перед допросом мы же не увиделись, я все проспала с похмелья. Не то чтобы я готова, но выбора нет. Как, впрочем, нет и Эвера. Коридоры пусты, залиты светом, за распахнутыми дверями лишь тихо дрожат от морского бриза занавески. Похоже, едва вырвавшись от Илфокиона и близнецов, Эвер ушел. Хорошо, если ему не стало плохо и он не лежит где-нибудь на лестнице без сознания...

– Человечица-а...

Вздыхнув, я решительно иду в противоположную от помещений стражи сторону, к атриуму. Поняв, что нужно выплеснуть напряжение, ожидание, разочарование, сомнение, надежду, страх – всю ненормальную смесь, которой наградило меня это утро вкупе с ночью, – прибавляю шаг. А в конце концов бегу, как бегала только в детстве, и даже не понимаю, что именно меня гонит. Может, то, что Скорфус опять молчит. Может, сама мысль, смутная догадка, *что именно с ним не так*. Нет, нет, нет...

Тук-тук-тук – гулко стучат шаги по пустым коридорам, резко отдаваясь по углам. Скрипят незапертые двери, изредка попадаются часовые и слуги с метлами или утварью, еще реже – папины помощники с бумагами и книгами. Все расступаются, едва меня завидев, как если бы я выкрикивала: «Дорогу принцессе!» Я, наоборот, сжимаю губы, кусаю щеку изнутри и прижимаю к себе Скорфуса, пытаюсь согреть, а сама прижимаюсь к нему. Не понимаю... нет, не понимаю. Что именно так выбило меня из колеи, что именно так меня пугает, что...

– Ты не умрешь, Скорфус? – шепчу, уже выскочив на лестницу и помчавшись по ней. Ноги ноют, в боку колет: всю дорогу я, забыв о базовых правилах атлетики, дышала ртом. – Пожалуйста, не шути. Хватит.

– Нет, что ты... – Вяло дергаются крылья, и он смеется, в то время как я хочу закричать от непонятной паники. – Сначала я заблую всех твоих врагов. И вообще не бери...

– Дочура, осторожно!

Гора, в которую я с маху врезаюсь и которая ловит меня уже в падении, – папа. Этого только не хватало, я даже думаю вырваться и скорее проскользнуть мимо, но все не так просто: рука у него железная, а от глаз трудно что-то скрыть. Поэтому я просто

выпрямляюсь. Выдыхаю через нос, поднимаю голову, стараюсь улыбнуться. Не надо пугать его. Паника подождет. Обязательно.

– Привет. Все прошло нормально. – Старательно экономлю его расписанное время, избавляя от необходимости задавать вопросы. – Только Илфокион явно чем-то обеспокоен...

– Илфокион. – Папа с улыбкой морщится в усы. – Мой суровый мальчик. А что... – Он бесцеремонно тыкает пальцем Скорфусу в спину. – Э-э, ты живой?

– Ничего-о, – отзывается тот, и я пожимаю плечами, кусая губы.

– Правда ничего. Он устал.

Ничего, ничего, ничего, пап. Нет. Илфокион не прав со своими нелепыми опасениями, Эвер не прав со своими еще более нелепыми страхами, не права и я. Скорфус превратился в полумертвую мягкую игрушку не потому, что мы вчера вылезли из Подземья, не потому, что он слишком долго и тесно контактировал с Эвером – и не просто с Эвером, а с зараженной плотью Монстра. Это ерунда, Скорфус выпитая, его посмотрит какой-нибудь медик, все пройдет, я ведь не больна, и даже Эвер вроде бы уже чувствует себя лучше, и...

– Нам пора, – шепчу одеревеневшими губами и поднимаю глаза. – Много дел, пап.

Да. Теперь поняла точно. Хочу увидеть Эвера. Хочу увидеть его как можно скорее, я должна его найти. Просто убедиться, что он в порядке. И может, попросить осмотреть Скорфуса, все-таки его обучали медицине. Да. Это повод.

– Эй. – Папа удерживает меня за плечи и чуть наклоняется, чтобы заглянуть в глаза. – Эй, дочура. Ты точно в порядке? Мои увальни там не обидели тебя?

Он смотрит так нежно, что в горле ком. Похоже, у него все-таки наступила следующая стадия – та, которая за разочарованием, гневом и торгом. Он уже меньше злится на меня из-за Эвера и вранья, зато больше думает о том, что скоро я могу умереть. И ему жаль, как ни крути, – даже если вдруг в кармане имеются запасной план и запасной преемник. Так и есть: у него немаленькие мешки под глазами и тусклый голос. Он чувствует что-то плохое так же, как я.

– Нет. – Хотя бы это я могу сказать достаточно твердо. – Не обидели. И конечно же, я в порядке. Мы все в порядке. И будем.

– Ура! – Он одаряет меня широкой улыбкой, наклоняется и целует в лоб, после чего пальцы осторожно выпускают плечи. – Что ж... не задерживаю, встретимся за ужином и поболтаем наконец как люди, давно ведь этого не было. – Но тут же, чуть помрачнев, он прибавляет строже, настойчивее: – И да. Прошу, не молчи, Орфо. Если тебе или тебе, Скорфус, потребуется какая-то особенная помощь...

– Да, да, тысячу раз да! – Я киваю. Колючий поцелуй приятно согревает, слова тоже. – Спасибо, пап. – Медлю. – Я тебя очень люблю. Правда.

И я буду стараться, чтобы ты не пострадал, не разочаровался сильнее и вообще забыл все мои последние неудачи как кошмарный сон. Уверена, хотя бы с ними справиться окажется проще, чем с бедами, которые навлекла на себя Гирия. Кстати, о бедах Гирии...

– Раз освободились, вытащите куда-то малышку Клио, – уже уходя, просит отец. – Она скучает все утро одна, за завтраком у нее был ну очень грустный вид.

Завтрак. Мы вообще его пропустили, но желудок даже не сводит, меня подташнивает. А вот перед Клио неловко, хотя не могла же я предупредить ее бодрым небрежным: «Прости, но завтра мы с Эвером идем на допрос, чтобы увильнуть от подозрений в убийстве, так что займи себя чем-то». Наверное, она ждала, что я опять поведу ее на прогулку. Или пить вино, я же обещала. А вообще-то, следует продумать программу, я зазывала ее, не особо понимая, как себя вести с послами доброй воли. По словам отца, для начала их надо кормить, развлекать, показывать им красивые места и дарить подарки. Но в нашем случае этого... маловато? Моя идея с походом в мамины комнаты явно удалась, но сколько еще таких идей, способных показать Клио человеческую сторону Гирии, я придумаю? Хм... одна-две есть. И туда, кстати, вполне впишется прогулка. И даже небольшое пиршество на природе. С вином. Вот только...

– Ладно, папа, вытащим, а тебе хорошего дня!

...Вот только сначала Скорфус. И попутно нужно будет снова взбодриться, а для этого – скорее убежать от папиного взгляда, полного любви и тревоги. Как хорошо, что рутинные мысли немного успокоили меня, и желание зашмыгать носом отступило. На прощанье получается улыбнуться папе уже с меньшим усилием. Он треплет меня по волосам, а вскоре я уже взбегаю наверх, пересекаю тихий коридор и

влетаю в покои. К Эверу не заглянула – только, постучав и услышав «войдите», крикнула: «Нет, это ты зайди сейчас ко мне, если можешь».

В комнате Скорфус сам соскакивает с моих рук и, неестественно петляя, бредет к большой корзине в углу. Там он спит, когда по каким-то причинам не хочет в мою постель. Теперь, понаблюдав, как неуклюже он пытается залезть туда, я подбегаю и помогаю, начинаю взбивать подушки, а потом, сбегав к трюмо, хватаю оттуда флакон едкого чайного масла.

– Подыши. – Откупориваю, подношу к маленькому розовому носу. Левая передняя лапа укоризненно свистит в воздухе у самого моего лица, сверкают когти.

– Не надо... уф-ф-ф.

Улегшись, он тяжело дышит, но его глаз хоть не слезится, не гноится. В целом вид у него скорее правда просто усталый, чем больной, но меня это не успокаивает. Слянку я отвожу немного в сторону. Надо побрызгать на всякий случай углы, как буду уходить.

– Объяснись, наконец, – бегло оборачиваюсь на дверь, а потом склоняюсь к корзинке ближе и понижаю голос. Боюсь, что Эвер придет и услышит лишнее. – Скорфус, что с тобой, ты...

– Ой, да ничего. – Похоже, он собрался с силами: у него уже даже получается на меня посмотреть. – Правда ничего, уймись, я же не достаю тебя, когда у тебя течка.

– Но у тебя не может... – Я осекаюсь, наткнувшись на ухмылочку, но она нисколько меня не бодрит. – А. Ирония. Ну да. – Вздыхаю и нюхаю эфирное масло сама, надеясь прогнать тревожную тошноту. – Ладно. Тогда просто скажи, какой медик или какие снадобья тебе нужны?

– Никакой. Никакие, – ровно отрезает он, устраиваясь на спине и задирая лапы. – Орфо, я все объясню, но не сейчас. Если тебе больше не нужна моя помощь и ты не планируешь опять общаться с законниками, просто оставь меня тут. Мне нужен сон, сколько раз повторять?

– Сон... – опасливо бубню я, и прежняя мысль накрывает холодной волной.

Глупо, но я готова опять спросить: «Ты же не умрешь?» и чувствую себя напуганной курицей. Нет. Так нельзя, Скорфус этого не любит, он будет только издеваться, а может, и намеренно изобразит

мучительные корчи. И вообще... зная, как он носится со своей драгоценной персоной, вряд ли он стал бы отказываться от помощи из скромности. Возможно, она правда не нужна, а я просто думаю о нем смертными категориями? Если так посмотреть... он ведь никогда не расклеивался со дня нашего знакомства.

– Когда ты мне все объяснишь? – Все же не сдаюсь. Чешу ему шею, надеюсь задобрить, разговорить. – Скорфус, пойми, ты делаешь для меня очень много. А Илфокион, как ты мог слышать, уже подозревает боги знают что. И Эвер подозревает! Я боюсь! И за тебя в том числе! – Складываю у груди кулаки. – Скажи хоть одно, если знаешь. Тебе плохо из-за Подземья?

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Потом его нос и левая задняя лапа подергиваются, веко смыкается, но тут же глаз открывается снова, ясный и сверкающий. Правда, там ни одной из тех искорок довольства жизнью, к которым я привыкла, но нет и мучительного «Застрелите меня». Я бы даже сказала, что это нежный взгляд, каких я достаивалась за наше знакомство всего раз восемь. И обычно – когда приносила ему еду в постель.

– Нет, – наконец ровно отзывается он. – Точнее, не совсем. Так или иначе, – взгляд все-таки становится лукавым, а клыки обнажаются в ехидной улыбке, – в одном можешь не сомневаться, это не из-за твоего парня, а...

– Он не мой парень, сколько повторять?! – мгновенно вспыхив, выдаю я и, конечно же, одновременно слышу вежливый кашель и скрип двери. – О... заходи, Эвер.

Снова оглянувшись, наблюдаю, как он идет к нам, сначала плавно, потом все быстрее: явно заметил неладное и правильно истолковал мой упавший голос. Делаю приглашающий жест, но тут же руку пронзает боль: в нее впиваются когти, причем обеих лап сразу. От меня требуют внимания, и немедленно, до того как приблизится непрошенный медик.

– Пс-с-с!

Снова послушно наклоняюсь к корзине, ожидая чего-то очень плохого. Но взгляд Скорфуса, лежащего все так же навзничь, лишь стал до странности острым и требовательным.

– Что бы он ни сказал тебе, – горячо шепчет он, – он ошибается. Вели ему, чтобы не переживал. С него уже хватит. Это *моя* проблема,

не ваша. А вам нельзя становиться уязвимыми.

– Что случилось? – Эвер останавливается над нами, быстро присаживается на корточки рядом. Моя натянутая улыбка его явно не радует. – Орфо, на тебе лица нет. Я могу помочь?

«Уязвимыми». Скорфус бредит? Или... Меня опять бьет проклятая дрожь.

– Ему, Эвер. – Киваю на корзину и... вижу, что Скорфус дрыхнет. Точнее, конечно, притворяется, но неплохо: успел перевалиться на бок, свернуться в шарик, обернуться хвостом. Весь его вид теперь говорит: «Не лезьте, людишки». – Наверное. Или нет. Скорфус!

Ноль реакции.

Эвер молча протягивает руку, трогает его голову меж двух острых ушей. Они недовольно дергаются, поджимаются, а хвост от души ударяет по бледному запястью с почти сошедшим следом царапины. Да, определенно, Скорфус ушел в глухую оборону. Неслучайно выругался, еще когда я по пути постучала в чужую спальню, и обозвал меня долбаной паникершей. Похоже, он вообще по каким-то причинам не хотел, чтобы Эвер знал о его самочувствии. Но теперь поздно. «*Это моя проблема, не ваша...*» Какая? Вокруг нас сплошные проблемы!

– Холодный. – Эвер убирает руку и хмурится. – Это ненормально, правильно?

– Не очень, и это не все. – Глубоко вздыхаю и нехотя встаю. Ладно. Я доверяю Скорфусу, у него своя голова на плечах, а значит, теперь мне надо прикрыть его зад во всех смыслах, включая ректальную проверку температуры. Ну и как? Лепечу как можно жалобнее: – Но... наверное, я зря позвала тебя. Он уже сказал, что ему ничего не надо, кроме как поспать... – Срываюсь и все же проговариваюсь: – После того как весь допрос он пролежал меховым мешком и не раскрывал рта, а затем его вырвало под ноги Илфокиону!

Даже я бы заметила в своем голосе панику. Эвер хмурится сильнее, снова тянет руку. У него явно есть цель ощупать живот Скорфуса, проверить, нет ли вздутий или что там еще делают медики с пережившими пациентами? Но это не так просто: когда Скорфус – шарик, этот шарик монолитен. Хвост снова предостерегающе стучит по руке, а потом одна лапа, дернувшись, все же пытается оцарапать кисть. Эвер отдергивается вовремя и разумно уступает, бормочет: «Ладно, ладно, я приду позже, шевелишься, значит, цел...» Я чувствую

себя идиоткой, но подспудно меня радует одно: занятые этой хвостатой проблемой, мы можем не обсуждать вчерашний вечер. Есть время подыскать слова.

– Прости, – единственное, что приходит на ум, когда Эвер тоже встает и, оправив одежду, озадаченно поворачивается ко мне. – Да, зря дернула. Ему правда лучше знать, как поправиться. Но пойми правильно, у меня тоже нервы сдали...

Брови Эвера снова сдвигаются, губы сжимаются. В первую секунду я думаю, что он зол. Возможно: вдруг я разбудила его или от чего-то отвлекла, или он просто не хочет меня видеть после того, как я... проклятие. Мы все-таки здесь. Я потупляюсь, кусаю щеку и готовлюсь сказать «прости» еще раз, вложив туда другой смысл. Но, не дожидаясь этого, Эвер напряженно кивает, снова идет к двери и приоткрывает ее, спеша выйти. Я смирилась бы, приняла бы это за простое нежелание задерживаться в моей компании, но готова поклясться: всю последнюю минуту у него снова были *медленные глаза*. Глаза того, кого заживо съедают мысли.

– Подожди! – Сую флакон с маслом в карман, бегу следом, обернувшись только на пороге. Скорфус машет хвостом, мол, проваливай, проваливай. – Эвер!

Он там, стоит у стены, привалившись к ней, и трет лицо ладонями, трет до остервенения, до рваных красных пятен на щеках и скулах. Пальцы подрагивают.

– Что? – Я останавливаюсь напротив, осторожно трогаю его плечо. – Тебе тоже плохо? Ты...

Слова не находятся, его бледность и эти пятна пугают меня, я невольно бегаю взглядом по всей белой аккуратной фигуре. Ищу следы побоев, ищу что-то, чем мог выразить сомнение или недовольство Илфокион. Не нахожу. Эвер опускает руки, смотрит на меня с нечитаемым выражением и качает головой. Нет, ему не плохо. По крайней мере, не в том смысле.

– Боюсь, это я виноват. Он мог заболеть из-за меня.

Между нами повисает молчание, за которое я ненавижу себя: слова Эвера – эхо моих мыслей на лестнице. Встряхиваю головой, надеясь от них избавиться, прийти в чувство, нашарить какое-нибудь опровержение, которое убедит нас обоих. Не успеваю.

– Ты ведь в курсе, да? Когда вчера мы гуляли по берегу у портала, недалеко от нас упала мертвая птица, и он взял ее в зубы, чтобы показать эдилу. У птицы был, кажется, раскрошен хребет, и я не знаю...

Эвер осекается, облизнув губы. В памяти оживает мрачное лицо Илфокиона и его слова, что-то из последних... Вот. «Будьте внимательнее и присматривайте за своим оружием и друзьями». Теперь я начинаю догадываться, откуда еще у тех слов растут ноги. Он-то уже осведомлен об инциденте в деталях, и наверняка его возмутило, что мой кот притащил в замок подобную дрянь, да еще в дни, когда у нас гостит посол доброй воли. Вот только...

– И что? – говорю немного через силу. При всей мерзости этой картинки она не складывается целиком. – При чем тут птица?

Кулаки Эвера сжимаются. Он смотрит так бессильно, что я едва это выдерживаю.

– Да при том, что она могла быть...

– Больной? – немного выдыхаю. – О боги, Эвер, если так, то ты меня успокоил. У Скорфуса иммунитет ко всем нашим недугам, включая мор. – Эвер открывает рот, но я не даю перебить. – Он может болеть только тем, чем обитатели Святой Горы, а они, насколько я знаю, не болеют вообще. Он справится, птица же из... нашего мира, нет? И успокойся, ты бы ему не помешал, даже если бы пытался. Если он хочет понюхать или потрогать какую-то дрянь, его не остановить.

Эвер смотрит удивленно, а я с радостью наблюдаю перемену: как в его глазах проступает облегчение. Но оно секундно, тут же взгляд снова гаснет.

– Уверена, что все так просто? Никто не отметал вариант с его помощью мне...

«Что бы он ни сказал тебе, он ошибается», – слова всплывают в памяти вовремя. Невольно я в который раз восхищаюсь дальновидностью Скорфуса и его... добротой, пожалуй? Догадывался ведь, что Эвер придет к подобным мыслям и в очередной раз обвинит себя во всех грехах. И захотел это предотвратить. Если бы еще не уточнение про уязвимость...

– Он не считает, что ему чем-то повредило Подземье, это мы обсудить успели. – Стараюсь произнести это как можно тверже. – Поэтому не переживай, в конце концов, это он полубог, а не мы. – Это

получается добавить почти шутливо, и уголки губ Эвера все же дергаются. – Давай не будем пока переживать и посмотрим, каким он проснется. А там разберемся.

Удивительно... я успокаиваю Эвера, не он меня, как всегда в моем детстве. Осознаю это запоздало, осекаюсь, и между нами снова повисает молчание, в котором мы просто стоим друг против друга. Я чувствую его взгляд, но сама упрямо смотрю только на его губы. Мне опять некстати вспоминается лишнее, то, от чего колени предательски подгибаются, и я повторяю вчерашний импульсивный жест – упираюсь ладонью в стену возле головы Эвера. Предсказуемо он пытается отпрянуть в противоположную сторону, не говоря ни слова.

– Боги. – Все же встречаюсь с ним глазами и, упав в их бирюзу, сама растягиваю губы в неловкой улыбке. – Нет, нет, не бойся, я не буду больше тебя целовать, мы вроде убедились... – запинаясь, смеюсь, – кстати, да, мы ведь убедились, о чем вообще речь! Скорфус точно слег не из-за тебя, Эвер, с ним ты не контактировал так *тесно*, как со мной, а я-то здорова, и...

Ну дура, просто дура, как я еще могу себя назвать? Дура с грязным языком и не менее грязными мыслями, иначе почему я хочу упереть в стену и другую руку, чтобы он не сбежал? Но я только сжимаю ее в кулак, а спустя мгновение опускаю и вторую: беги куда хочешь, ладно, я переживу, я заслужила. Продолжаю как можно тверже:

– Нет. Неважно. Так или иначе, я правда не сделаю больше ничего лишнего, и прости, пожалуйста, за вчерашнее. Для меня это... обычно.

– Целоваться с монстрами? – Тихий, мягкий голос пробирает до мурашек.

Проклятие. Горло пересыхает. Какой же он красивый, несмотря на усталую бледность и слишком серьезный, пыливый взгляд исподлобья. По этим скулам хочется провести и порезаться; в эти волосы – запустить пальцы, сжать, просто чтобы убедиться: настоящие. Как всегда, идеален, словно скульптура времен Го Мэриса, одна из тех, которые даже боги не гнушались украсть, желая украсить свою Гору. Зато я наверняка похожа на взмыленную фурию, от которой те самые боги разбегутся с воплями.

– Не думать о последствиях, Эвер. И не учитывать важные обстоятельства вроде того, что я тебе отвратительна.

Произнести последнее стоит усилия, но я это делаю – и, к моему удивлению, его глаза взблескивают. Он весь подается ближе, я вижу, как приоткрываются губы, вижу слабое движение руки, словно потянувшейся к моему кулаку, но все-таки отдернувшейся. Порыв мимолетен: Эвер снова откидывается назад, прижимаясь к стене затылком и лопатками. Понял, что я все же не заслуживаю жалости. С губ слетает только:

– Это не так.

– Серьезно? – Вздохнув, я сама прячу руки за спину и мужественно делаю шаг назад.

Неважно, ответит ли он, я себя явно плохо контролирую. Боги знают, что накатит на меня сейчас, когда его ресницы сомкнуты, подбородок вот так приподнят и моему взгляду слишком открыта шея – мраморно-бледная, без единой родинки, но со слабыми розоватыми следами хлыста. Проклятие... К счастью, тут он открывает глаза и нарушает тишину:

– Да. В конце концов, во всем этом есть и моя вина, ведь я...

Не попытался оттолкнуть меня. Ответил. Я отлично слышала твои стоны и все еще помню, как меня касались твои ладони, ты меня не по волосам, между прочим, гладил, а вполне себе трогал, так, что я чуть не кончила. Так, Орфо, дыши. Это точно не стоит ему припоминать, и самой лучше не прокручивать в голове.

– Ты тоже выпил лишнего, – заканчиваю сама, просто чтобы он не мучился. И отвратительнейше подмигиваю, но тут же вижу, как он потупляет голову. – Ну да, ну да, я тебя с этой стороны, кстати, не знала, ты не увлекался вином, даже на королевских пирах...

И вспоминая, что делал с тобой твой хозяин, от чего отвлекал тебя этим напитком, – неудивительно. Вино, скорее всего, годами вызывало у Эвера самые дурные воспоминания. Как и зелья. Как и прикосновения.

– В общем, – пора точно заканчивать, иначе я сойду с ума, – давай попробуем это забыть. И порадуемся, что я оказалась права, ты определенно не заразен и все такое. Можно жить дальше!

Последнее я сопровождаю полным энтузиазма всплеском рук и улыбкой, хотя на самом деле хочу заползти в ближайший темный угол, покрыться плесенью и умереть. Эвер смотрит с недоверчивым недоумением несколько секунд, а потом все же улыбается и слабо

кивает. Договорились. Попробуем. Я опять останавливаю взгляд на его губах, шлю сама себе очередное проклятие и поскорее меняю позу: небрежно становлюсь с Эвером рядом, тоже приваливаюсь к стене. Ведь не похоже, что он пришел в себя до конца и собирается куда-то идти. А я совсем не хочу с ним расставаться.

– Как прошел твой допрос? – тихо спрашиваю я, склоняя голову и внимательно следя за его реакцией. – Мой затянулся. Из-за Илфокиона.

– Мой окончился достаточно быстро, – отзывается он вроде нейтрально, не отводя глаз, но от меня не ускользает жест: руки сцепились в нервный замок. – Мне задавали в целом общие вопросы. О внешности чудовища, которое я описал как... себя; об ощущениях – там я перечислил все, что и тебе. О твоём появлении. – Он опять слабо улыбается. – Я выставил тебя героиней.

– Илфокион считает меня скорее дурой, – срывается с языка прежде, чем я поняла бы последствия.

– Почему? – Эвер хмурится скорее сочувственно, а не встревоженно. Слава богам, не понимает, о чем речь, и я выбираю самый безобидный ответ:

– Он недоволен, что я не взяла с собой на подвиг его увальней или его самого. Что сделала все так спонтанно и... – вяло отмахиваюсь, – в общем, что я совсем не думаю о безопасности. – Ох, опять не удастся сдержаться, я добавляю: – И мне понятно, что это ты его накрутил.

Эвер болезненно вздрагивает и смежает веки так, будто у него закружилась голова. Я злюсь на себя: могла ведь промолчать, сама уже завершила неприятный разговор про скрытые угрозы. Но, видимо, подспудно что-то грызет и меня. Я просто не могу успокоиться, подозревая, вдруг Эвер продолжает считать угрозой себя. А значит, продолжит шарахаться, как дикое животное.

– Я... – Он потирает висок. – Да, возможно. Я плохо спал, мне снились кошмары со всякими трупами, он заметил мое самочувствие и стал спрашивать. И... я признался в том, в чем и тебе. Насчет тревог. Мне показалось, он действительно принял это к сведению.

– Что ты думаешь сейчас? – упорствую я. Ох, я сказала бы ему, что «принятие к сведению» в исполнении Илфокиона обычно не ведет ни к чему хорошему.

Эвер устало открывает глаза. Они встречаются с моими. Я стараюсь выдержать взгляд.

– Я думаю, нужно подождать. И может, через пару дней я расслаблюсь. Если не произойдет больше ничего плохого.

– Больше? – Это словно колючка в пальце. Я хмурю брови. – Эвер, а что, что-то уже...

Он опускает голову. Теперь он упрямо смотрит в пол, на котором пляшут солнечные пятна.

– Не знаю, Орфо. Ничего не знаю. Но очень хочу до этого дожить.

У него такой замученный вид, что лезть дальше просто нельзя. Медлю, кусая губы и разглядывая его, потом окончательно решаюсь – и отступаю от стенки первая. Хватит, хватит, этот день еще можно спасти. Допрос пройден, папа обещает со мной поужинать, а где-то в соседних покоях скучает Клио. Пока Скорфус отоспится, я должна выполнить свои обязанности. Развлечь посла доброй воли и найти для скорейшего выздоровления Эвера еще что-нибудь земное. Что-нибудь поприятнее, чем мои пьяные приставания.

– Есть планы? – заговорщицки спрашиваю я, все-таки тронув его за плечо.

Эвер качает головой, но мою ладонь не стряхивает. Это обнадеживает. Я опять принимаю самый безмятежный вид и понижаю голос:

– Тогда самое время собрать корзинку на эранос^[11]. Наша физальская гостья должна увидеть кое-что очень-очень важное в дипломатическом смысле.

Пойду с лучших фигур, сразу. Ведь я тоже давно *там* не была.

8. Одинокое дерево. Эвер

Море шелестит глухо и гулко, песок шуршит под стопами. Клио бежит – волосы летят по ветру черной шелковой волной. Видеть ее одетой в духе Орфо, то есть в короткой тунике и слинах, пусть они из лучшего гирийского хлопка, а не из более дешевых органзы и кожи, – странно. Думаю, дома она не расскажет, что ходила так. Даже попадая к чужим дворам, игаптяне ревностно хранят традиции. Физальцы, а нередко и физалийки, носят широкие, подвязываемые поясами белые шары и вышитые рубашки, но, как Клио доверчиво призналась нам, ее всегда обряжали только в тяжелые, прямые, украшенные золотом и самоцветами платья. Подарочные штаны до икр, которые Орфо велела сшить ей еще вчера, – первые у Клио в жизни.

Я всматриваюсь в ее фигурку, в глубокие следы, которые она оставляет на песке. Глупое сравнение, но Клио похожа на пса, которого впервые за долгое время спустили с привязи и он никак не набегаются. Она заскакивает в море. Выбегает назад. Оглядывается на нас, замедляется немного, но вскоре снова бежит. Она безмятежна, и, пожалуй, мне нравится наблюдать за ней.

Нравится, несмотря на зависть, ведь мне до этой безмятежности далеко.

– Красивая, а? – звучит рядом, лукаво и не без вызова. – Не хочешь пробежаться с ней, м-м-м? Я только рада буду.

Орфо тащит плетеную корзину с едой. С ближнего борта хитро торчит синефигурный кувшин с вином. Уже не раз я пытался забрать ношу, но Орфо только с усмешкой бросала что-нибудь вроде: «Расслабься, правители – слуги народа». Не то чтобы мне это нравилось, корзина ломится от снеди, и там еще покрывало, чаши, кувшин, ножи... У Орфо усталый вид, волосы прилипли к взмокшему лбу, хотя идет она вполне бодро. Мы почти не разговаривали весь путь от замка – но вот ей, кажется, надоела тишина.

– Не хочу, – честно отзываюсь я, но по взгляду понимаю: она ждет реакцию на «Красивая?». Удивительно, раздражения я не чувствую, хотя эмоция в глазах Орфо прозрачна. Улыбаюсь. – Если считаешь ее

красивой и для тебя это повод побегать вместе, отдай уже мне еду, а? И беги.

Орфо досадливо морщит нос, фыркает, и от очередного ее шага песок разлетается фонтанчиками. Затем она демонстративно ускоряется, и мне приходится сделать то же. Орфо кусает губы, хмурясь, явно раздумывая, что бы такого сказать, чтобы я непременно ощутил вину за свою непроницательность. Или непроницаемость, как посмотреть.

– Я больше не ребенок, а ты не нянька, – наконец цедит она. – Ладно?

– Это не значит, что я не могу тебе помочь. – Протягиваю руку настойчивее. – Но то, что ты выросла, не значит, что я буду терпеть твои... – предательски запинаюсь под неотрывным, многозначительным взглядом, полным глубокой синевы, – твои...

– Что? – Она усмехается уголком рта. В глазах что-то вроде предвкушения. Интересной перепалки? Того, что я начну краснеть и мычать?

Выходки. Шуточки. И твою ревность тоже. Я мог бы сказать что угодно, но, проклятие, правда начинаю краснеть и мычать. И она видит. Усмехается шире, склонив голову к плечу, – ветер бросает волосы назад, солнце заливает каждую прядь бликами, пестро-коричневыми, как кристаллы тигрового глаза. Я ловлю себя на том, что рассматриваю эту игру света в темных волнах. И это она видит тоже.

– Так что же? – спрашивает снова.

– Ничего. – Вздохнув, пытаюсь отнять корзину, но она не дает. – Орфо. Ну хватит. Если не мне, отдай хотя бы этим.

Бегло оборачиваюсь. Двое юношей, замыкающих нашу маленькую компанию, – белокурый физалец Рикус и смуглый, весь покрытый священными татуировками игаптянин Ардон – идут в ногу на расстоянии шести-семи шагов, тихо говоря о своем. На первом – посеребренный торакс с выгравированным на груди трезубцем, на втором – темный пластинчатый доспех, какие носят в Республике, но с медной блямбой, где тоже есть этот символ. Грозный знак морского бога Одонуса. Напоминание: физальцы считают его особым покровителем. Клио сказала, эти двое – ее давние друзья и самые близкие воины, с которыми она выросла. Это слово – «воины» – она использует охотнее, что неудивительно: «целеры» – исконно

гирийский термин. Физальцы отказываются от него как могут, но пока не подобрали достойную замену.

Орфо не в восторге от вооруженного эскорта – оба, конечно, при мечях; у физальца с собой и хлыст. Но они держатся мирно, улыбаются, явно наслаждаются прогулкой, и лично я почти забыл о них. Эти двое не кажутся предубежденными. Не знаю, чем они занимались вчера, но явно не успели сделать о Гирии недобрых выводов. И все же сегодня они настойчиво выказали желание сопроводить нас, а Клио не стала спорить. Орфо довольно сердито высказалась на тему: «В случае чего мы защитим тебя сами, не сомневайся», но в конце концов тоже уступила. Понимала: в ее делах дружбой с одной лишь принцессой-послом не обойдешься.

– Они же тебе не нравятся. Хоть какая-то польза. – Украдкой киваю на юношей, но Орфо только уныло отмахивается.

– Мне не нравятся не они, а факт их присутствия, ты же знаешь: сама я почти никогда не хожу со стражей. Но, так или иначе, они не грузовые ослики.

– Значит, нравятся? – Решив все-таки поддеть ее, я шурюсь. – Ну-ка! И кто больше? Темненький, светленький?

– Отста-ань! – Орфо пихает меня, используя корзину как таран, но быстро выбирает другую стратегию, расплывается в хитрой улыбке. – Впрочем, ответ очевиден, Эвер... мне нравится тот, который больше похож на тебя.

Значит, Рикус, светловолосый и с голубыми глазами. Между нами не так много общего: он ниже ростом, его волосы короче и прямее, но пышнее на макушке. Он иначе держит спину; его лицо рассечено длинным шрамом, спускающимся до самой шеи; подвижный взгляд выражает все любопытство к миру, какое только может быть в смертном существе. И улыбка приятная: широкая, во все зубы, немного лошадиная, но, как ни странно, это только придает ему обаяния.

– Хм. – Все, на что меня хватает, и тут же Орфо сникает, потупляет голову.

– Ладно, извини. Что ж меня сегодня несет, я ведь пока даже не пила. Ужас, да?

Пожимаю плечами. Подобные разговоры куда лучше бесконечных шуток о смерти. Орфо, похоже, поняла, как я на них реагирую,

сдерживается. И... проклятие, я ничего не могу сделать с правдой: было приятно услышать это «больше похож на тебя». Я не мог справиться и с другой, в замковом коридоре, – когда Орфо извинялась за вечер и казалась очень расстроенной. Мне ведь хотелось поцеловать ее. Самому. Целых несколько секунд, но я очнулся, едва споткнулся взглядом о ее сжатый кулак и изувеченную шею. Еще недавно я был монстром, а она – героиней, и в том числе поэтому наше поведение ненормально. Теперь, среди божественных правил, мы лишь поменялись местами, а нормальнее ничего не стало. Целовать ту, кто через несколько недель, возможно – вероятно, – умрет из-за меня? Хорошо, в первую очередь из-за собственного проступка, но все же...

Задумавшись, я не замечаю, как Орфо опять замедлила шаг. Устала, а может, просто захотела пройти остаток пути одна. Так или иначе, она бредет за моей спиной, целеры еще дальше, зато впереди темнеет замершая фигурка Клио, чьи волосы все так же развеваются по ветру.

Клио бросила мягкие лодочки на песок, а из кармана достала горбушку. Крошит ее и кидает кусочки в воздух, иногда сразу пригоршнями. Чайки без страха кружат рядом, почти задевая Клио крыльями по лицу. Ловят подачки, жадно заглатывают, а самые твердые уносят в воду, чтобы размочить. Клио буквально окружена серо-черно-белым роем вопящих птиц и явно пребывает на вершине счастья. Кидает еще хлеб, еще. Особенно крупная чайка ловит кусок, сделав быстрый кульбит. При взгляде на нее я не сразу понимаю, откуда дрожь в ногах и зыбкая дурнота, потом понимание вспыхивает. Портал. Скорфус. Почти такая же птица, но с раздробленным позвоночником, упавшая недалеко от нас без всяких причин. И поведение Илфокиона.

Я, правда, прескверно спал сегодня: видел во сне своих бесчисленных жертв. Снова вгрызался в еще теплые хребты, снова ломал шеи и ребра, снова пролистывал полные отчаяния и скорби мысли, – в поисках нитей, за которые мог бы потянуть. Я вспомнил старую подземку, которую бросили в обледенелом доме у озера внуки, – одну из первых, кого убил без труда. Вспомнил нескольких подростков из этого же народа, тосковавших по свету и мечтавших увидеть его хоть раз, – как легко оказалось приманить их иллюзией «Я помогу сбежать». Я вспомнил молодого целера из параллельного мира

– его предали друзья, раскрыв королю его любовную связь с королевой. Эта жертва из последних сопротивлялась особенно сильно, даже уже провалившись в портал и столкнувшись со мной среди кристаллов и сталагмитов. Он был полон сил и бесстрашия, тот юноша, и пока он отчаянно отбивал шпагой атаки моих когтей, я мог тысячу раз очнуться, тысячу раз пощадить его, я пытался... не получилось. Я дал ему убежать, а потом Монстр, сильнее сдавив мою душу в стенах ледяного саркофага, все же взял верх, настиг, когтями раздавил тому человеку голову и...

Они все пришли. И многие другие, и уверен, будут приходить еще и еще. Наконец-то я действительно понимаю, что чувствует Орфо в Кошмарные недели. Удивительно, но сейчас сны о *хозяине* блекнут в сравнении со всем этим. Хозяин мучил только меня и еще двух-трех рабов, но мы выжили. Я мучил десятки существ и не смог пощадить никого. Как хотелось рассказать это Илфокиону, державшемуся во время допроса довольно мягко, но не сумевшему оставить без внимания мою бледность и дрожь. «Ты честен, Эвер, но что-то все же не то, верно?» – вкрадчиво спросил он уже ближе к концу, под возбужденные шепотки близнецов: «Жуть какая, а? Как думаешь, а я бы каким был монстром?!» Я не отвел взгляда. Странно, но недобрые медные глаза Илфокиона всегда умиротворяли меня и вселяли какое-то чувство надежности, нет, защиты. Может, потому что он научил меня драться; может, почему-то еще. Так или иначе, в ту минуту я стоял в шаге от слов: «Не что-то. Все». Но я справился и сказал лишь: «Не знаю. Мне очень тревожно».

Клио оборачивается с широкой улыбкой, что-то кричит: я уже довольно близко. Я смотрю на рой птиц над ее головой – и в расположении крылатых фигурок мне вдруг мерещится огромный череп. Только на миг, птицы ведь постоянно мечутся. Смуглая рука кидает вверх еще хлеба – и вот рисунок в лазури похож уже то ли на розу, то ли на кочан капусты. А Клио, отдуваясь, отряхивает ладони.

– Нет у тебя еще еды? – умоляюще спрашивает она. – Они такие милые!

Чайки орут как бешеные, роняют перья; странно, что ни одна еще не обгадила игаптскую принцессу, но все-таки я улыбаюсь. Вспоминаю: вроде новый дворец физальских правителей стоит не у моря, а на укрепленном взгорье ближе к игаптской границе. Прежний

гирийцы разрушили, обстреливая столицу, и его так и не отстроили: в приоритете жилища и храмы, но даже их восстановление еще не завершено. У Республики выход к морю тоже есть, но чайки там куда осторожнее местных: все водоемы Игапты, и пресные, и даже соленые, кишат разнообразными крокодилами, низко не полетаешь.

– У Орфо, думаю, есть. – Киваю за спину. – Но она вряд ли даст. Она не очень любит этих птиц. И я бы тебе советовал их отогнать, пока не испачкалась.

– Испач... – Клио задумчиво оглядывает песок вокруг и находит пару подсказок. – А-а. – Тут же, впрочем, она расцветает улыбкой. – Это не страшно. Застираю одежду.

– И все-таки. – Вспоминаю Скорфуса снова, чуть хмурюсь, чтобы она совсем не испугалась, но все же отнеслась к словам серьезно. – Тот фамиляр, помнишь, вчера пообщался с одной такой и сегодня приболел. Давай не будем больше рисковать. Он мог заболеть из-за чего-то еще, но...

«Из-за тебя, например», – издевательски звенит в голове, но голос Орфо тут же парирует: «Со мной ты контактировал теснее!» *Теснее...* Я облизываю губы, но уже с досадой чувствую, как в лицо бросается жар. Да что такое, у меня никогда не было подобных проблем, максимум могли загореться уши от стыда или вины, а в целом моя кровь, по словам как хозяина, так и гирийских медиков, циркулирует медленнее и тяжелее, чем у большинства людей. Просто дефект. Очередной.

– Ты в порядке? – спрашивает Клио, пристально глядя на меня. Подбирает обувь, делает несколько шагов вперед под стихающие вопли. Похоже, она все-таки отказалась от затеи дальше кормить чаек, а они, видя, что угощение кончилось, уже разлетаются.

– Да, да, просто еще не до конца восстановился после... – даже слова находятся быстро, – долгой болезни.

– Ой, а чем ты болел? – Теперь мы идем рядом, и, судя по всему, от темы она так просто не откажется. – Я понимаю, это неприятно, в детстве я болела большую часть времени, а потом чувствовала себя какой-то куклой, которую по недоразумению поставили на ноги и велели: «Шагай!», и... – Тут она задумчиво оглядывается. – Неважно.

Хорошее сравнение. В моем случае с куклы еще содрали кожу и не указали ей точное направление, куда шагать. Вымученно улыбаюсь,

думая, что ответить. Про мор, общую беду Гирии, Физалии, да и всего континента? Испугается, мор не приходит к одному человеку и не уходит так просто. Придумать какую-нибудь травму вроде «упал с лошади, повредил голову»? Ненавижу врать. Сегодня вранья и так достаточно, учитывая допрос. И я говорю полуправду:

– Довольно неприятная паразитарная инфекция или вроде того. Я подцепил ее... где-то у воды, после шторма. Мне пришлось сильно и долго пускать кровь, чтобы избавиться от дурной, и сейчас ее во мне, наверное, просто мало осталось.

– Ужас! – Клио прижимает ладонь к груди, округляет глаза. – Неудивительно, что ты опасаясь птиц. Пойдем скорее! – И она вдруг хватает меня за руку, энергичнее тащит по линии прибоа, но замирает и смущенно оглядывается уже через несколько мгновений. – Что?

Я сам не осознал, как выдернул руку и как рвано при этом вздохнул. Она смотрит еще более круглыми глазами, ее волосы все сильнее треплет бриз. Наконец, решив, что поняла, она дарит мне самую теплую и ободряющую на свете улыбку, после чего уверяет:

– Не надо переживать! Я не боюсь заразиться, ты ведь уже здоров!

– Дело не в... – сдавленно начинаю я и осекаюсь: как объяснить, не упоминая...

– Эй, – раздается рядом, и, проклятие, я выдыхаю. Встрепанная Орфо влетает между нами, как снаряд, и настороженно щурится, жмет глазами Клио. – Что у вас тут? О чем болтаете?

Не сомневаюсь: от нее не ускользнуло ни одно наше движение, в том числе то, как Клио сграбастала мою ладонь и вознамерилась куда-то меня тащить. Вероятно, в погоню Орфо ринулась в тот же момент, нисколько не стесняясь стражи. Минут пять назад я бы разозлился на очередной приступ ревности или боги знают чего. Сейчас чувства иные: словно она вытащила меня из кипятка и дала дышать. Омерзительно. Клио ведь не хотела ничего плохого. Ненавижу себя. Быть одновременно монстром-убийцей и поломанным уродом, трясущимся, стоит кому-то чужому, даже безобидной милой девушке, его тронуть... Только мне могло так повезти.

– Да ни о чем особенном... – Не знаю, видит ли Клио предостережение во взгляде Орфо или лишь тревогу, но улыбка увяла, плечи поникли. – Эвер рассказал мне о болезни, и я почувствовала себя глупой и безответственной из-за этих чаек, вот.

– О болезни... – Орфо ловит мой быстрый взгляд и разумно замолкает. – А-а. Да, это было неприятно. И да, правильно, эдил следит, чтобы все птицы в наших бухтах были здоровы, но мало ли. – Она понимает, что, наверное, была резковата, и спешит улыбнуться. – Тем более ты гостя. Мало ли, насколько твой иммунитет готов к Гирии. Будь аккуратнее.

– Буду, спасибо. – Клио потупляет глаза. В ее тоне звенит вина, но трудно сказать за что – за общение с чайками или все же за другое. – Прости, у вас просто так... привольно. Я почувствовала себя счастливой. И, наверное, немного увлеклась.

Как легко она признается в чувствах. Все эти «счастливой», «глупой», она словно вообще ничего не стыдится, и, судя по дрогнувшим губам Орфо, для нее это так же удивительно, как для меня. Мы совсем другие, все вокруг нас другие. И кажется, это даже не вопрос принадлежности к разным народам: не скажу, что знакомые мне игаптяне потрясали открытостью, скорее, наоборот, это довольно замкнутые, хитрые люди, под стать своим монолитным домам и гробницам.

Орфо часто-часто моргает, не скрывая замешательства, я тоже ощущаю неловкость.

– Ты что, это же здорово, – наконец с новой неуверенной улыбкой изрекает она. – Я рада! Мне такого чувства очень не хватает.

Теперь я опускаю глаза. Мне тоже, но я не найду мужества признаться, хотя бы потому, что я свободы и безмятежности уж точно не заслуживаю. Дыхание перехватывает от новой непрошеной мысли: а Орфо? Имеет ли она право жаловаться на...

Ответ жжется. Имеет. Конечно, имеет. При всех непрощенных обидах я не смею, просто не смею забывать, *что* стало прологом нашей трагедии. Не волшебство, а четыре трупа на песке, вот же они, вот: стоит повернуть голову, и они будут лежать по правую руку от нас, правда, почему-то в ряд, а не крестом. Кирия, Гофу...

– Эвер? – окликает Орфо.

Я поворачиваю вправо голову. Четыре продолговатых, утопленных в песке валуна правда напоминают тела, а вокруг них растут мелкие россыпи маков. Но все-таки это лишь камни.

– Все в порядке. – Я улыбаюсь под ее обеспокоенным взглядом. Только не спрашивай, молю, ничего не спрашивай.

– Не спи. – Ее пальцы вдруг сжимают мои, ладонь соприкасается с ладонью. Осторожно. Успокаивающе. – А то мы никогда не дойдем. – Ее большой палец гладит тыльную сторону моего запястья. Я не вырываюсь, скованный внезапным теплом, но старательно избегаю взгляда наблюдающей за нами Клио. Орфо улыбается ей уже без тени угрозы, медлит, а потом, выпустив мою руку, все-таки вручает мне корзину. – Твоя очередь. А нам надо пошептаться. Топай.

Все-таки эти словечки, у которых даже тон скорфусовский... «Топай». Но я покорно иду, а Орфо, взяв за руку уже Клио, делает все, чтобы обогнать меня. Не могу не тянуть шею раз за разом: подспудно боюсь услышать шипение, а в нем: «Не смей прикасаться, он мой». Я же умру от стыда, не только за себя, но и за нее. До хруста сжимаю ручку корзины, напрягаю слух, но две принцессы, ушагавшие уже на приличное расстояние, вряд ли ссорятся. Орфо действительно склонилась к уху Клио, приобняв ее за плечи, и горячо, быстро говорит. Клио сосредоточенно слушает. Бегло оборачивается, шлет мне теплую улыбку. Кивает. Что-то отвечает, и Орфо тоже улыбается в знак одобрения. Они снова берутся за руки – и несутся вперед, туда, где за невысоким утесом, искрошенным от времени и поросшим развесистыми смоковницами, светлеет наша цель. Я намеренно замедляю шаг еще немного. Пусть. Пусть Клио увидит *это* первой.

Оглядываюсь, проверяя, как там целеры. Нормально: идут ближе, чем прежде, но все так же разговаривают, пересмеиваются, соприкасаясь плечами и запястьями. Задумчиво цепляюсь за них более внимательным взглядом, ловлю взаимные улыбки. Между ними явная идиллия, но на очередном шаге Ардон вдруг рушит ее, ощутимо, хрустко ударив Рикуса по спине и проворчав: «Не горбись!» Физалец, тоже что-то буркнув, расправляет и так ровные плечи, но стоит боевому товарищу снисходительно кивнуть и пройти чуть вперед, – легонько пинает его.

– Эй, ты! – Ардон прыжком оборачивается, темные глаза сердито сверкают. Рикус фыркает и строит ему гримасу, одновременно разводя руками – мол, смотри, зато спина прямая. – Сущее дитя... давай, давай, шевелись.

Про себя усмехаюсь: не были бы такими разными, решил бы, что братья, старший и младший. Может, сводные? Неловко кашляю, и они, все-таки заметив мой взгляд, спешно отвлекаются.

– Вы в порядке? – спрашивает Ардон с почтительным физальским жестом: стукнув ладонью по трезубцу на доспехе. – Что-то нужно?

Он выглядит невозмутимым, даже не потирает зад, а Рикус и вовсе улыбается, еще шире, чем прежде, напоминая довольного коня или осла. Улыбка, пожалуй, *слишком* яркая. Думаю, спина его, даже сквозь торакс, почувствовала тот удар, а слова «не сутулься» он просто ненавидит.

– Может, понести вашу корзину? Там, кажется, ведь еда... – предлагает он. Его чистый, приятный голос чуть звонче, чем можно ждать.

Ардон закатывает глаза, снова что-то ворча. Отказавшись, я отворачиваюсь, а чувствую себя... пожалуй, даже уютно в этой странной разношерстной компании. Намного лучше, чем мог предположить. Может, и не зря я согласился на прогулку, хотя это и стоило усилия. За спиной возобновляется тихий говор. Поколебавшись, решаю все-таки сказать то, что не сказал Орфо:

– Мы почти пришли. Это важное место для гирийского народа. Надеемся... вам понравится.

– Знаю, – отзывается вдруг Рикус, и тон его иголкой впивается мне в сердце. – Хотел его увидеть. Давно. В том числе поэтому и напросился.

– Что там? – тихо уточняет Ардон, который, в отличие от товарища, к поездке явно не готовился: по пути я уже замечал, с какой опаской он смотрит на некоторые блюда, продающиеся на центральном рынке, и как удивил его, например, новый наряд госпожи.

Они начинают шептаться. Я прибавляю шаг, ныряю в кружевную тень, но вскоре смоковницы, спускающиеся до самого пляжа и дружелюбно шелестящие широкой нежно-зеленой листвой, остаются позади. А прячущаяся за ними прекрасная белая скала, первая в длинном мраморном карьере, открывается взгляду.

Не просто скала.

Десятки фигур в человеческий рост выбиты в ней; вся ее видимая сторона – это люди: мужчины и женщины, старики и дети, в доспехах и туниках, в платьях и в лохмотьях. С мечами, камнями и палками, с цепями на шеях и запястьях. Разные, но их объединяет одно – зримая устремленность вверх: запрокинутые подбородки, простертые руки. Они словно лезут к небу – по мрамору и друг по другу. Лезут упорно,

лихорадочно, а если приглядеться, можно различить среди живых мертвецов. Их руки уже ослабли, позы обмякли, лица опустели, но они все равно остаются в движущейся горе. Чтобы стать ступенью для тех, чьи сердца еще бьются.

– Боги, – шепчет Рикус за спиной. С ужасом. Благоговейно. Я еще прибавляю шаг, надеясь, что целеры последуют за мной. Лучше им ничего не пропустить. Ведь что-то... будет?

Орфо и Клио уже замерли впереди, вскоре я тихо останавливаюсь в паре шагов от них. Клио задрала голову, мечется взглядом по фигурам, наверное, поражаясь тому, *как* это сделано. Вряд ли она видела подобное. Вряд ли то, что она слышала об этом мемориале, хоть вполтину передавало его суть. Масштаб. Количество деталей. Свист ветра меж рук и голов, игру света на вырезанных прядях, пальцах, клинках, складках туник. Скорбь и ярость, ненависть и надежду, столкнувшиеся в камне и на лицах. И пустоту. Оглушающую, ослепляющую пустоту там, на самой-самой вершине, к которой стремятся люди. На узкой каменной площадке нет никого и ничего, кого или что можно было бы назвать венцом композиции, только растет тонкая хрупкая олива. Сколько я ее помню – а она здесь восемь лет, появилась лишь чуть раньше, чем я сам, – она не выросла ни на полпальца, но неизменно зеленеет и плодоносит.

– Понимаешь? – Голос Орфо немного охрип. Несомненно, она спланировала все это или что-то подобное, но и она не может совладать с чувствами. Никто не мог, никогда. – Да?

– *Отсюда*, – одними губами шепчет Клио, не отрывая глаз от деревца. За моей спиной тихие шаги: целеры подошли. Тоже все слышат и смотрят.

– Да, – отзывается Орфо. – Но, конечно, мы не стали ее высекать. Нравится?

Противоестественное слово, такие вещи не могут «нравиться» или «не нравиться». Поняв это, Орфо неловко кашляет и явно собирается сама себя поправить, но не успевает.

– Красиво, – шепчет Клио, снова бегая глазами по фигурам. – Сколько их?..

– Надо смотреть план! – Орфо смеется нервно, скорее просто пытаясь разбить звонкую тяжесть момента. – Только скульптору, Тонтусу Гадусу, известно. Он, знаешь, был гений, но не так давно его

переехала телега, когда он задумался посреди улицы о каком-то новом шедевре. Была у него такая привычка – застыть столбом и фантазировать о своих громадах...

– Нет, – сдавленно прерывает Клио и поводит рукой вперед. – Сколько реальных?

– О. – Орфо выдыхает. Наверняка кусает щеку по своей привычке. – Никто не знает точно, Клио. Но много. Намного больше. Вряд ли хватило бы на весь карьер, но...

– Мне так жаль, – снова обрывает Клио, сгорбившись, точно мемориал давит на нее. – Боги, как жаль. Ужасно. Несправедливо. Неправильно.

Мне тоже. И я почти уверен: теперь посол доброй воли точно не уедет, не добившись хоть чего-то; никакие братья, отцы и патриции не переубедят ее. Орфо бегло оборачивается. Ее губы скорбно сжаты, но в глазах то, чего я и жду, тень гордого удовлетворения, совсем, совсем незаметная. Она знает, что делает со впечатлительной девчонкой, а впрочем... этот мемориал, скорее всего, впечатлил бы даже Гринориса. Если бы Гринорис хоть раз после заключения мира не побрезговал приехать в Гиргамос и посмотреть бывшим врагам в глаза.

– Тех, кого мы сейчас зовем Легионом короля, были сначала сотни, потом тысячи, потом десятки тысяч, – тихо рассказывает Орфо. Они с Клио проходят вперед, к нижним фигурам. В этом ряду особенно много молодых. – Они начали выходить на улицы сразу. Они не хотели воевать, не понимали, что ма... королева Валато хочет от вас, ведь наши пути разошлись еще три поколения назад. – Орфо кидает новый взгляд на меня, на подошедших ближе целеров. – Увы. У нее была поддержка, ведь прежде ее очень любили, она была лицом семьи, а главное – *исконным* правителем, отпрыском прежнего короля, папа же – *пришлым*. – Орфо ничем не выдает чувств, только очень внимательно смотрит на Клио. – Она, ее братья и верная ей часть Сената, командиры ее половины армии хорошо позаботились о том, чтобы про Физалию ходили самые дурные слухи в самом простом необразованном народе, ну и среди той знати, что считала вашу свободу незаслуженной, а вашу политику – наглой. Разные слухи... Вплоть до того, что игаптяне, с которыми вы так спешите сблизиться, присылают к вам своих *зрячих* – так ведь называют меченых жрецов,

исследующих тайны смерти? – чтобы научить вас поднимать трупы и собирать армии из них. А потом вы бы отомстили нам.

– Да чтоб... – рычит Ардон. Рикус быстро, совершенно непринужденно прикрывает ему рот, но сквозь ладонь я все же различаю: – Мертвецы не воскресают!

Оба тоже смотрят на Орфо, смотрят, как если бы она была оракулом, изрекающим волю богов. А она, сжав зубы, вступила в роль грешницы, вынужденной каяться. Да. Она явно понимает, *что* значит быть королевой, понимает лучше, чем я мог бы вообразить и... выдержать? Стал бы я так унижаться перед чужой принцессой и едва знакомыми мальчишками? Даже ради великого мира? Да нет, я бы скорее умер, все во мне бы протестовало: *почему я*, если я и не воевал, если всегда был против? Я больше не свожу с Орфо глаз, как ни пытаюсь заставить себя это сделать. Я едва сдерживаю дрожь, природы которой уже не понимаю. А она продолжает:

– Их истребляли, все больше. Наши люди всегда уважали армию, первое время ни в чьей голове просто не укладывалось, что она может обращать оружие против племса. Они надеялись: все вот-вот просто кончится, как-то само, ведь это ошибка, недоразумение, никак иначе. Но нет. Может... – Орфо поднимает голову. Во втором мраморном ряду уже есть люди старше, – кончилось бы, если бы отец сделал то, на что имел право, то есть обратил бы свою часть армии против ее части. Но он тоже не успел: сначала оправдывал ее мезтью за убитых братьев, а потом увидел, как расколоты люди, какую чушь несут даже некоторые патриции, как легко вчерашние друзья предают друг друга из-за спора о правоте и неправоте короля и королевы. Он боялся, что Гирия сожрет сама себя и перестанет существовать. Поэтому он понадеялся, что мама просто проиграет, а его стража... – Орфо и Клио одновременно смотрят еще выше. С третьего ряда в мраморе начинают мелькать солдаты. – ...стала защищать протестующих от ее стражи. Людям наконец разрешили высказываться без страха. И оказалось, что голосов очень, очень много, все больше по мере того, как ма... королева терпит крах. Почти вся стража очнулась. – Уверен, на этих словах оба мы вспоминаем Илфокиона, едва ли не первого из *очнувшихся*. – Некоторые военачальники, служащие у нас сейчас, – ее одумавшиеся гоплиты и целеры. Многие. Почти все. Потому что лучшие воины отца погибли, защищая людей.

Ардон и Рикус обходят меня, тоже приближаются к мемориалу. Они смотрят сразу наверх, на солдат. Переглядываются. Рикус привстает на носки и дотягивается до мраморной сандалии гоплита, затесавшегося во второй ряд. Видимо, трогает на счастье. В Физалии есть такая традиция, там на улицах и особенно по берегу много скульптур, у каждой есть «счастливый» фрагмент, потрогав который ты приманиваешь удачу.

– Это памятник всем, кто призывал королеву одуматься, а короля – вмешаться, – тихо заканчивает Орфо, не делая ему никаких замечаний. – С первого дня и до последнего, когда моя мать бежала к этой скале, убивая всех, кто пытался ее удержать и привести на переговоры, и таща с собой моего брата. А в этом, – она кивает на оливу, – залог будущего, которое мы хотим и обещаем. Мирного. В том числе поэтому там нет скульптур. – Она медлит, и ее голос становится чуть тише. – Я не буду врать. Мы любили ее и не разлюбили до конца, у нас не нашлось сил предать ее проклятию памяти^[12]. Но не уверена, что и вы бы этого хотели, врагов помнить нужно.

– Как и тиранов. – Рикус неотступно смотрит ей в глаза, но на лице нет ничего похожего на злость. – Чтобы они никогда не вернулись.

Он знает, что Орфо кивнет, и она кивает. Тут же он улыбается словно бы примирительно и делает жест почтения: касается трезубца на тораксе, потом и кланяется на гирийский манер. Рассказ впечатлил его, несмотря на то что, похоже, он сам знал многие детали. Или скорее впечатлил *рассказчик*? Если не сказать очаровал: он сейчас так смотрит на Орфо, что...

Не мое дело. Нет. Я смотрю так же, наверняка.

– Как и тиранов, – эхом повторяет она, чуть склоняя голову. С лукавой полуулыбкой «Давай дружить и с тобой?» – будто он вовсе не сделал ей больно, произнеся это жестокое слово.

Я быстро отвожу глаза: нельзя вмешиваться. Я не могу взять ее за руку так, как она меня, и отвлечь внимание. Орфо даже говорит мне это – глазами, случайно поймав взгляд и, видимо, прочтя там лишнее. Я прихожу в себя и отворачиваюсь первым. Да что это? Она, как я уже успел убедиться, научилась хорошо играть самые разные роли и достойно принимать самые разные удары. Именно поэтому... поэтому, видимо, она рождена той, кем рождена, а я лишь раб.

– Внушительно. – Ардон тоже подает голос. Его тон куда отстраненнее, пожалуй, даже деловитый. Определенно, оба целера хорошо видят, что Клио растерялась, заблудилась взглядом среди фигур. И, похоже, они действительно близки с ней и могут участвовать в ее беседах, а то и вести их за нее. Ардон продолжает: – Самоотверженно и самоуничижительно. – Он вздыхает и зябко поводит плечами: место, где он стоял, покрыла послеполуденная тень. – Но скажите, кира принцесса, что мы делаем дальше?

«Кира принцесса». У него явные проблемы с гирийскими формулами, он смешал уважительное обращение и титул, что звучит примерно как «красивая красавица». Рикус, поморщившись, лягает его в икру. Ардон только опять закатывает густо подведенные глаза, и Орфо, спохватившись, быстро возвышает голос, а одновременно делает его снова будничным, даже праздным:

– Как бы это ни выглядело, Легион короля – место не скорби, а надежды. – Она кивает на корзину, которую я оставил в тени. – Здесь не воспрещено отдыхать, устраивать празднества, это даже поощряется, только один тост обязательно посвятить падшим. – Снова она указывает на скульптуры. – Ну и конечно, нужно за собой убирать, но об этом мы позаботимся...

– Я не хотела бы есть здесь! – подает наконец голос Клио. Она смотрит с робкой улыбкой, но взгляд все еще грустный, замороженный, будто и вместо нас она видит статуи. Снова она подскакивает к Орфо, трогает ее за плечо. – Ну правда... здесь так странно, что я ни кусочка не смогу проглотить. – Она спохватывается. – Странно в смысле здорово, но печально!..

– И в смысле, – вмешивается Рикус, так и не отнявший руки от торакса, – нам известна ваша... гирийская философия, принцесса Орфо, в смысле замкнутости круга «жизнь – смерть», но все-таки мы в последние годы смотрим на это чуть иначе, менее гедонистически.

– А мы совсем иначе, – непреклонно прибавляет Ардон. Он уже прошел в сторону и склонился над корзиной. – В Игапте гробницы и мемориалы – все же места тишины и чистоты.

– Понимаю. – Орфо кивает. Не похоже, что она сердится, лишь чуть растеряна. Оборачивается в сторону смоковниц: – Тогда посидим там? Ближе к воде, очень уютно.

– И там больше солнца, пошли! – Клио оживляется, а потом снова оборачивается на мемориал. – Ой, а их можно украсить венком или еще что-нибудь такое?

– Нет. – Орфо качает головой, и на ее губах оживает улыбка. Она собралась. – Спасибо, но у нас тоже есть определенные традиции, и единственная, кому позволено прикасаться к нашим мемориалам, – природа. – Рикус вспыхивает и украдкой вытирает ладонь, которой потрогал каменную сандалию, о синие швары. Орфо делает вид, что не заметила. – Мы украшаем оливу лентами. Но только в День мира. Так что если не хотите пить вино здесь, пойдете погреемся на солнце. Если честно, я тоже замерзла.

– Спасибо, что показали нам это. – Рикус улыбается снова и, все еще красный, первым идет назад, но напоследок отчетливо произносит: – Вечный покой и свет этому легиону.

– И вечная слава миру во всем мире, – тихо отзываюсь я, и, кажется, впервые мы переглядываемся напрямую, надолго задержав взгляд друг на друге.

Удивительно: Рикус будто только теперь заметил, что я тоже физалец. Смотрит долго, задумчиво, точно ища во мне что-то, а потом все же отворачивается и прибавляет шагу. Когда он выходит из тени, солнце бросает на его кудрявую макушку целый сноп искр. Клио и Ардон с корзинкой спешат за ним. Никто не оборачивается, словно все трое понимают: сцепившей опущенные руки Орфо нужно время, чтобы...

– Ты в порядке? – Я спрашиваю, стоит Клио исчезнуть за деревьями. Слишком спешно, даже злюсь на себя. Прокашливаюсь. – В смысле, мое восхищение, ты могла бы быть отличным оратором-трибуном. Я не ожидал. Та ли это девочка, которая...

Угрюмо сажала ландыши у крепостной стены и украдкой вытирала грязные ладошки о плащ папы. Чуть что убегала сбивать апельсины с садовых деревьев. Срывалась на писк, если брат уделял ей недостаточно внимания. Я не узнаю Орфо Каператис. Нет, не так, я ее не знаю. Хотя стоило понять это, даже не когда мы поцеловались вчера после пяти кубков вина. Раньше – когда она задушила меня кнутом, явившись в Подземье в сияющем доспехе.

– Да, – отвечает Орфо, не сводя с меня глаз и не двигаясь. Она все так же стоит у белых каменных фигур и наблюдает за мной без тени

того, что я заподозрил, – печали или стыда. Наоборот, она победоносно улыбается. – Да, Эвер, я в порядке, и спасибо.

«Я вижу, что ты волновался. Что ты хотел меня поддержать. Что ты не понимаешь, как правильно поддерживать человека, которому выпало такое публичное покаяние. Не страшно». Это говорит ее взгляд, полувопросительный и словно бы зовущий: «Подойди».

– Я восхищен, – повторяю, уже чувствуя себя дураком. Но других слов у меня правда нет. – Орфо, ты, кажется, сделала очень большое дело на поприще дипломатии. Клио и эти двое...

– Да, – мягко перебивает она, потеряв веки. Все-таки лицо бледновато. – Да, но в этом нет ничего необычного. Любой бы понял. Я бы тоже поняла, если бы это они напали. С армией мертвецов или без...

Ее губы рассекает злая желчная улыбка. Не могу не понять: наверное, самый большой стыд она чувствовала, пересказывая Клио, что именно говорили в народе о Физалии. Хорошо хоть обошлась без младенцев и свиней: живые мертвецы показались ей более впечатляющей деталью. Так или иначе, она лишь отмахивается, не продолжает и делает ко мне несколько шагов. Уже без улыбки всматривается в глаза и словно хочет опять взять меня за руку, но передумывает. Я жду. Но все равно не готов, когда она вдруг тихо спрашивает:

– Скажи, Эвер, а ты-то простил нас? Я ведь никогда не интересовалась.

Не «меня», «нас». Не сразу осознаю, о чем она, а когда осознаю, невольно отшатываюсь. Она прикрывает глаза и остается стоять так, сторбленная и со сжатыми кулаками. Конечно, не поняла: я отшатнулся не от нее, а от мемориала. Инстинктивно. Просто потому, что прямо сейчас он давит на меня, как давил на Клио; потому, что не год и не два я молча разрывался надвое.

Я не был счастлив в Физалии, никогда. Меня купили в возрасте, когда я даже не понимал суть своего положения. Пока меня растила женщина, управлявшая богатым поместьем хозяина, я даже не совсем понимал, чем это положение плохо. Меня одевали в обычную одежду, мне расчесывали и мыли волосы, меня учили читать и писать и не запрещали почти ничего, кроме как покидать владения. Я делал работу по дому, но простую: убирался с другими детьми в комнатах, помогал

на кухне, со взрослыми ухаживал за животными, которых хозяин держал. Единственными напоминаниями о том, кто я, были ошейник – его снимали только в банные дни – и взгляды людей, таких ошейников не носивших. Вольной прислуги, наемных рабочих. Их было меньше, и они часто делали более черную работу, например чистили трубы или забивали скот, некоторые днями напролет трудились на плантациях лекарственных растений. Но все они, потные и грязные, зато со свободными шеями, смотрели на нас, рабов, с жалостью, а на меня еще и словно бы... с тревожным ожиданием. Лет в десять я понял, чего они ждут. Когда хозяин впервые пришел в мою комнату ночью, а потом стал брать меня во все поездки. Я нравился ему больше других. И возможно, я повредил себе еще тем, что выказал интерес к его работе, попросился в ученики. «О да. Я многому тебя научу, малыш», – сказал он тогда, улыбаясь и лениво убирая назад волосы с моего лица. На его руке насмешливо горела метка – змея, обвивающая посох.

Я не был счастлив в Физалии, и я не имел шанса обрести там свободу. В отличие от Гирии, где королевская семья вправе освобождать рабов, к примеру, оказавших ей особые услуги, в Физалии частная собственность неприкосновенна. Освободить меня мог только хозяин – либо по милости, либо по сделке, то есть по выкупу. Меня не ждали ни выкуп, ни милость. Точнее, я не мог спастись от милости, я был обречен на нее, пока не вырасту, не надоем или не умру. Нет... я не был счастлив. И я жил в слишком большой собственной боли, чтобы боль Физалии, на которую напал враг, нашла достаточно места в моем сердце. Собственная боль туманила мой ум настолько, что в какие-то минуты я предавался себялюбивой, нелепой фантазии: будто война – кара, обрушенная на Физалию за мои муки. Но потом хозяин одним из первых отправился в пекло боев и взял туда меня. Одного у хозяина было не отнять: он любил и добросовестно исполнял свое предназначение. Он выносил солдат с полей и вылавливал из воды там, где мог вынести и выловить. Он делал для них все, он спасал жизни тех, кто в менее умелых руках, наверное, погиб бы. И он ненавидел эту войну и врагов той частью сердца, которая не находила удовольствия в терзании таких, как я, на сбитых простынях – или, страшно подумать, именно в этих сладострастных мерзостях он черпал силы на то, чтобы быть хорошим медиком. Поэтому...

Нет. Все «поэтому» остались там, на морском дне, где сам мой хозяин. Давно. Нет ничего глупее, чем красть чужую боль, чтобы потом кого-то ею попрекнуть. Правда иная, она уродлива, но сейчас, когда рядом нет ни посла доброй воли, ни двух ее друзей, я могу... нет, должен это сказать. Она может быть важна для Орфо. А Орфо, кажется, все еще важна для меня.

– Я давно гириец, – тихо произношу я, смотря на ее сомкнутые веки. – Я принял от вас все блага, которые мог, и даже больше. Вы сделали меня счастливым. Так за что мне вас прощать?

Тварь. Тряпка. Счастливым? – вопит в голове целый рой внезапных голосов, которые я сначала не узнаю, а потом начинаю различать. Они из снов и из Подземья, они принадлежат и «детям героев», и моим жертвам, и тем физальцам, которым хозяин промывал раны и ампутировал конечности. Их все больше, они надвигаются, а когда Орфо перед моими глазами вдруг расплывается, в мраморном монументе проступают и их обладатели – бесчисленные мертвецы. Скала сочится кровью, глаза горят, людская масса возится, визжит и стонет, и я делаю единственное, что могу: отшатнувшись, споткнувшись, падаю на колени, закрываю лицо руками. Вопли все оглушительнее. Голова кружится. Что... что произошло? Уйдите!

Счастливым? Счастливым?!

– Эвер! Эвер!

Не сразу осознаю: Орфо кинулась ко мне и опустилась рядом, трясет за плечи и зовет. Я же все смотрю на трупы, ползущие вверх и злобно тянущие руки к одинокому дереву на вершине. Откуда-то я знаю: они доберутся. Они лезут с одной целью – выдрать его с корнем, сломать. Как громко они визжат, какой омерзительный смрад разливается вокруг нас, как...

– Не дай им этого, – шепчу я, надеясь, что Орфо слышит. – Не дай...

Она, отвечая что-то, делает резкое движение – тянет меня к себе, силой пригибает мою голову к своему плечу, обнимает поперек спины. Но прежде чем мир померкнет за тканью ее туники, я вижу это – тонкое мерцание оливкового ствола, незримую серебристую волну словно бы от спрятанных в мраморе корней. Волна стремительно катится по мертвецам, захлестывает одного за другим... и возвращает мемориалу прежний облик – безмолвный, бездвижный, чистый,

прекрасный. Я рвано выдыхаю, и наконец со мной рядом остается только один шепчущий голос:

– Эвер... пожалуйста, скажи, что с тобой?

Теперь мы оба стоим на коленях, судорожно обнявшись, и ее ладонь водит по моим волосам. От одежды пахнет можжевельником, чайным деревом, апельсином. Пытаюсь сосредоточиться на этом: точно, эфирные масла, она натерлась еще перед выходом, скорее всего борясь с тревогой и пытаюсь взбодриться. Нужно и мне так делать. Жаль, я никогда не ценил этот ритуал.

– Я... просто закружилась голова. – Медленно поднимаю голову и смотрю ей в глаза. Ненавижу врать. Да. Но правда отвратительна и вдобавок не имеет объяснений. – Скорее всего, последствия. Но, как видишь, сегодня мне уже намного лучше, чем вчера.

– Намного?! – Она, похоже, понимает, что я не готов к тревожным восклицаниям и расспросам, поэтому пытается передразнить мой вымученный шуточный тон. – Да ты не лучше Скорфуса, разве что тебя не рвет шерстью.

«Не забудь, что ты сама виновата», – вовремя себя одергиваю, не говорю этого, но возможно, говорит мой взгляд: Орфо быстро потупляется и кивает, словно отвечая: «Я тебя слышала». Мы замолкаем, и неловкость набирает обороты. Видимо, у Орфо только одно средство борьбы с подобными моментами. Криво усмехнувшись, а потом и вовсе скорчив какую-то чудовищную гримасу с вываленным языком, она напоминает:

– Если сдохнешь раньше, чем я, то даже не увидишь, как мне раздавит мозги короной. Помни об этом! На твоём месте я бы...

Мой палец прижимается к ее теплым губам раньше, чем я бы это осознал.

– Прекрати. – Как заговорил, я тоже не осознаю. – Я больше не хочу этого слышать.

Никогда. Ведь уверенности, что я хочу подобных *зрелищ*, мне не хватало и прежде, даже в первые минуты пробуждения, что бы я ни говорил. Да, я хотел справедливости. Расплаты. Хоть чего-то, ведь казалось, только это поможет ей осознать, что она наделала, что я чувствовал, в какую пытку она превратила мою жизнь и, вдобавок, жизни моих жертв. Да, это было главное, а может, и единственное, чего я хотел. Чтобы она поняла. Ужаснулась. Но с каждым часом,

проведенным с ней, я ведь лучше вижу простую правду: она всегда понимала. Действительно понимала, а сейчас, смотря на меня *вот так*, едва не плача, она, похоже, уже не справляется и с ужасом.

– Не знаю, останешься ли ты в живых. – Увы, и это правда. На секунду я все-таки жмурюсь, не в силах смотреть на Орфо. – Но, определенно, любоваться твоей смертью я не стану. – Открываю глаза и отвожу руку, чувствую ее рваный вздох и удивительно просто нахожу слова: – У нас впереди почти три недели. Ты права, будет очень сложно, но я сделаю все, чтобы...

Радуйся. Ты победила. Почти так же быстро, как малышку Клио. Внутри меня что-то воет и смеются мертвые голоса. Они все еще где-то здесь.

– Простить меня? – Но, к моему удивлению, она без тени радости качает головой, а ладонь, соскользнув с лопаток, накрывает левую сторону моей груди. На губах снова появляется горькая улыбка. У меня не получается кивнуть. – О. Эвер, ты очень щедр, но боюсь, все это... – Она запинается и оборачивается к мемориалу. Мучительно пытается увидеть его моими глазами. Надеюсь, у нее не выйдет. – ... просто не даст мне самой простить себя. А это очень важно.

– Это правило? – Мы снова встречаемся глазами. Она неопределенно поводит плечом.

– Скорфус говорит, это жизнь, имея в виду, наверное, что без этого трудно. Но кто знает... – Опять она кусает губы. – Если я знаю, что я убийца, если уже не уверена, что *хочу* прощения, – пальцы сжимают ткань моей рубашки, – что оно мне даст?

– Проклятие. – Теперь я хватаю ее за плечи и даже встряхиваю. Просто не верю ушам. – Так, слушай. Ты опять усложняешь. Правило звучит предельно ясно: правитель, восходящий на трон, должен быть безгрешным либо прощенным всеми, перед кем он согрешил. И я...

– А как меня простят те, кого ты уничтожил из-за меня? – шепчет Орфо, и я вздрагиваю. – А такие, как Клио? – Тут она слегка повышает голос, а я совсем перестаю понимать, о чем она. – Как ее брат, женившийся в тораксе, как Гринорис, который лишился почти всего наследия предков? Эвер, я не помогала этим людям... – Она явно хочет снова обернуться на мемориал, но я быстро удерживаю ее за подбородок. О боги. Она зашла слишком далеко. А может, просто ей слишком много сказали глаза физальцев.

– Орфо. – Слегка встряхиваю ее снова и прислоняюсь лбом ко лбу. Надеюсь, это движение выбьет ее из колеи и отвлечет. – Орфо, тебе было восемь, и вот *это* точно не твоя вина. В мифах нет даже ни одного героя, который совершал бы подвиги в восемь лет, в восемь лет некоторые еще ковыряют в носу и едят песок, а ты...

А ты вернула меня к жизни. Была мне самым бережным другом, какой мог у меня быть.

– Физальские дети в восемь лет уже участвовали в герилье^[13] в занятых городах, – тихо возражает она. Я только сжимаю зубы. – Я это знаю, и ты знаешь, и...

– И все же Лину это не мешало стремиться на трон, хотя он был старше и уже мог хотя бы бунтовать, – напоминаю я, но предательская мысль тут же откликается: «А ты уверен, что ему бы не раздавило череп?» В глазах Орфо тот же вопрос. У меня только один ответ. – Все. Хватит, Орфо. Если смотреть так, то все мы хоть раз кого-нибудь предали. Но это работает проще. Разберемся как на твоём примере... – Она натянуто улыбается, и я решаю все же опередить ее шутку. – Ладно. Если ты все-таки умрешь, я как-нибудь залезу на Святую Гору, найду там Арфемиса и попробую выяснить, за что именно ты наказана.

– Мило. – Орфо уныло шмыгает носом. Но тут же все-таки ухмыляется. – Спасибо. Такого мне еще не обещали.

На Святую Гору никто не поднимался со времен, как Гестет водила туда свою смертную подругу. Мы берем только снег и травы с подножий, а также металл из ближних рудников, взамен же оставляем подношения. Гора сурова, ее покорители либо замерзают заживо, либо все-таки долезают до пика, но не находят никаких богов. Возможно, путь, знакомый древним, теперь скрыт каким-нибудь порталом. Так или иначе, оба мы понимаем: мое обещание – шутка. Зато Орфо она поднимает настроение. Она отстраняется первой, встает и протягивает мне руку.

– Боюсь, наша троица уже недоумевают. Они, конечно, дали мне время прийти в себя, но прошло уже минут десять.

Если не больше. Я бы решил, что вечность – так меня вырвал из реальности оглушительный приступ дурноты. Но Орфо, похоже, следила за временем, даже предаваясь отчаянию.

– Приятные ребята. – Вставая, все-таки берусь за ее ладонь: не уверен в своих ногах. – И да, ты правда...

– Держалась молодцом? – Не выпуская меня, она подмигивает, улыбка становится чуть шальной. – Да. Знаешь, на самом деле я давно хотела сказать что-то подобное хоть какому-нибудь физальцу. Я писала королю, писала и Гринорису, но письма – это другое. – Она возводит глаза к небу и опять меняет эмоцию: на напускной пафос и искреннее самодовольство. – Даже если умру, такой *катарсис* сложно не запомнить, и думаю, наша милая-милая Клио всем...

Опять она про смерть, и опять иначе! Голова идет кругом от того, как она то смеется, то плачет, то снова смеется, думая о своем возможном скором уходе из мира живых.

– Орфо, как мне заткнуть тебе рот?.. – Я сам сжимаю пальцы в ответ, но осекаюсь, увидев многозначительное поднятие бровей. Орфо щурится и делает шаг ближе. – Нет. Нет, нет, не отвечай, не надо ничего про одалиск...

Она подносит мое запястье к губам, бегло целует, а потом спешит к смоковницам, дергая меня за собой.

– Пошли, пошли. Обещаю, буду молчать!

Если бы не ее ясная, хорошо поставленная речь, я даже решил бы, что она как Лин: начала принимать что-то, ведущее к подобным скачкам настроения от «я обречена, и это ужасно!» к «я обречена, и это весело!». Но нет, она стала такой сама, а эти поцелуи... Рука просто горит. Мне становится жарко, я мотаю головой, пытаюсь привести себя в чувство и еле успеваю за ней.

Физальцы встречают нас, на удивление, без вопросов – только странно переглядываются, и Рикус с Ардоном синхронно-благодарно складывают руки на коленях. По губам Клио блуждает улыбка, природу которой я понять не могу, но, определенно, там есть что-то лукаво-коварное. Будь я чуть подозрительнее, решил бы, что она потихоньку отравила вино и еду. Нет, вряд ли, скорее...

– Простите, что задержались, в этом месте я... мы... часто задумываемся. – Похоже, и Орфо заметила что-то, чего не может понять: мою руку она выпустила слишком быстро.

– Ага. Будем есть? – спрашивает Клио, ничего не уточняя.

Они успели разобраться с корзиной: расстелить покрывало, расставить чаши и кувшин, разложить еду на большой пробковой доске и достать маленькие. От козьего сыра, свежего хлеба, жареных кусочков курицы и орехов в розмариновой карамели идет приятный

запах. Впервые за день – нет, за четыре года, ведь вчера с этим были проблемы, – я чувствую настоящий голод.

– Да, обязательно! – Орфо падает с Клио рядом и хватает хлеб, начинает энергично ломать его на пять частей. – Спасибо большое, что позаботилась о нас, мы...

– Это я, – флегматично сообщает Ардон и закатывает рукав бежевой игантской рубашки. Там, среди черных треугольников, полос и полукружий, виден аккуратный домик. Хозяин. Этот юноша из демоса хозяев, никогда бы не догадался. – Эфенди слишком ленивая, чтобы заниматься такими вещами.

– Вовсе я не ленивая, просто ты делаешь их быстрее! – Клио смущенно розовеет. – Я только успела усесться и поправить одежду, а ты уже все достал.

– И слопал половину! – фыркает Рикус, потирая шрам, но Клио быстро отламывает кусочек хлебного мякиша и сует ему в рот. – М-м-м!

– Перестань дразнить его, хаби, – строго велит она и переводит взгляд на нас. – Не думайте. Они не всегда такие. – Она понижает голос, снова улыбаясь с хитрецей. – Но именно потому, что они *часто* такие, я надеялась тут, у вас, поменьше таскать их с собой.

– Можно я еще раз, при кире принцессе, – Ардон игнорирует фырканье жующего Рикуса, – скажу вам, что это неразумно? Взять хотя бы вчерашнее, в первый день, в незнакомых местах, одной отправиться в санктуарий! – Он так хмурится, что от этого даже шевелится часть ритуальных рисунков на открытом, обрамленном тугими локонами лбу.

Клио хмурится тоже и, повернувшись к Орфо, говорит ей, пожалуй, нервно:

– Нальешь мне вина?

Замечание Ардона неприятно ей, но почему? Не нравится излишняя опека или все же...

– Хаби, уймись, – примирительно влезает Рикус, уже сжевавший кляп. Орфо тем временем успела откупорить кувшин. – У всех у нас есть дела, которые хочется сделать одному, и...

– Какие у нее могут быть дела *здесь* без нас? – Ардон даже раздувает ноздри, явно не собираясь уступать, и язык мой, враг мой, опережает разум:

– Вообще-то, не стоит говорить о принцессе Клио так, будто ее тут нет.

Орфо, успевшая разлить вино и взять свою чашу, чтобы его попробовать, кашляет. Ловлю напряженный взгляд: «Кто мы, чтобы их поучать?» Она права, но поздно, и я расправляю плечи, смотря на троицу так же, как в юные годы смотрел на короля. Делая подобные замечания ему, я боялся куда больше. Чего мне бояться сейчас? Это действует: Рикус только таращит глаза и вдруг начинает хохотать, Ардон озадаченно потирает заросший подбородок, даже не думая спорить, а Клио и вовсе с благодарностью хватается за эфемерную руку помощи.

– Да, именно, хаби! – обращается она к Ардону, прямо глядя ему в глаза. – Если тебе так важно это выяснить, мог спросить напрямую. – Она морщит носик, скрещивает руки на груди и отворачивается, смешно мотнув головой. – Только знаешь, я все равно бы не сказала, потому что это в прошлом, и это неважно, и вообще... а теперь точно не скажу!

– Эфенди, – тихо, виновато окликает Ардон, но она только сопит с гримаской обиженного ребенка. – Я лишь не хочу рисков как поводов для войны. Как и вы, надеюсь.

А еще, похоже, тебе тоже больно сознавать, что у твоей подруги есть какая-то своя жизнь.

– Ценю, – отрезает Клио, берет пустую пробковую доску и начинает накладывать себе еду. – Ладно, я такая голодная!

Она умеет быть вредной – удивительно. Я украдкой наблюдаю за ней, прогоняя все странные мысли, порожденные этой короткой перепалкой. Хм... я ведь тоже задавался вчера вопросом, почему она отправилась по незнакомому маршруту одна. Что за дела наедине с собой, при чем тут Лин? И почему она так оберегает этот секрет даже от собственных...

– Ха-аби. Эфе-енди. – Орфо отвлекает меня, передав чашу с вином, а троицу – задав своевременный вопрос: – Что все это означает?

Она очень не хочет продолжения ссоры, ей важно сохранить настроение, которое охватило нас – и прежде всего гостей – у мемориала. Поэтому, даже если ей не интересно, любопытный тон получается убедительно. У меня есть ответы: хозяин знал игаптский.

Но пусть лучше они расскажут сами, ведь одно из обращений пока видится мне довольно необычным в таком кругу.

– Эфенди – то же, что «кира», «госпожа», – поясняет Ардон, все косясь на Клио. Вздыхает. – А хаби – «милый», «любимый».

– Так вот почему ты так любишь это слово! – смеется Орфо, раздавая всем им чаши. – И все-то у тебя «милое», даже я!

– Ты точно милая, – улыбается Клио, немного оттаяв. Поднимает глаза на меня. – И ты.

Ардон вздыхает так, будто кто-то взвалил ему на плечи весь мемориал. То ли недоволен, то ли все еще переживает из-за ее излишнего своеволия, то ли все сразу.

– Ха-аби, – издевательски тянет Рикус и делает неожиданное: вальяжно устраивается на песке, положив голову ему на колени. – Помнишь, что в пути ты проиграл мне спор на желание, когда я насчитал больше чаек? Так вот, ты мой раб на всю эту трапезу. Корми меня.

Холод пробегает по спине от того, как непринужденно и шутливо он произнес «раб». Кулак сжимается, ножка серебряной чаши предупреждающе врезается в ладонь, и это отрезвляет – как и новый взгляд Орфо. Ничего оскорбительного в шутке нет. Что Физалия, что Игапта – такие же рабовладельческие страны, как Гирия. Я облизываю губы, сглатываю и тоже аккуратно пробую вино. Сладкое, с отчетливыми нотами клубники и апельсина. Специально для гостей, гирийцы предпочитают все же чуть более терпкие сорта.

– Тогда и меня, ты меня обидел! – Клио ложится с другой стороны, их с Рикусом затылки почти соприкасаются.

Ардон в своей манере закатывает глаза и, вздохнув, двигает ближе ее нагруженную едой доску. Не похоже, что он будет протестовать, даже наоборот: возмущение точно напускное. Эти трое явно связаны крепко, пусть связь и... странная? Впрочем, возможно, лишь для меня, не представляющего, каково это – положить голову на чьи-то колени. Дать вот так запустить руку в волосы, как Ардон делает с Рикусом. Или чтобы чужая рука подносила курицу к моим губам – как он подносит обжаренный в сухарях кусочек ко рту Клио.

– О боги, – неожиданно изрекает Орфо. Она покачивает чашу в пальцах и тоже наблюдает за троицей. – Не думала, что скажу подобное, но вы и сами такие милые!

Ардон мирно улыбается: его раздражение и досада, похоже, совсем схлынули. Он берет чашу, Клио с Рикусом тоже, и нам с Орфо остается только поднять свои.

– Вечный покой и свет этому легиону, – произносит Клио, привстав и опять повернувшись к мемориалу.

– И вечная слава миру во всем мире! – отзывается мы все. Орфо улыбается: ей важно, что тост произнесла именно принцесса. Еще одна дипломатическая победа.

Чаши стучат. Отпив, Клио снова ложится на колени Ардону; Рикус же так и пил лежа и теперь жует сыр, который ему щедро сунули в зубы. Клио на этот раз берет курицу сама, потом закидывает в рот сразу пригоршню орехов. Интересно. Она расслабилась. Вчера она казалась куда более... нет, даже не зажатой, скорее боящейся *не так выглядеть*. Сейчас что-то – присутствие ли «своих», речь ли Орфо – встряхнуло ее. Это радует. Я, похоже, слишком внимательно смотрю на нее: она с легким смущением ерзает, пару раз моргает и, перестав жевать, уточняет:

– Что?

– Нет, ничего. – Теперь неловко мне, я отвожу глаза и за неимением более безобидного варианта начинаю рассматривать Рикуса, чьи белые волосы составляют разительный контраст с темной одеждой Ардона и с темными же прядями Клио.

– Поешь. – Обновив чаши, Орфо придвигает ближе ко мне хлеб, и я все же начинаю ломать кусочки. – Учитывая твое состояние, тебе точно нужно есть больше.

– Покорми его с рук! – советует Клио, и я на всякий случай отсаживаюсь подальше, но Орфо только поднимает брови.

– У нас это не совсем принято между... – И все-таки ее щеки, кажется, заливают краска. – Между... м-м-м... вообще. – Нет, не кажется, она правда покраснела. А еще сильнее ее, похоже, сбил с толку хитрый прищуренный взгляд. – Что?

– Нет, ничего, – моим тоном, явно передразнивая, откликается Клио и гибким кошачьим движением опять тянется за чашей. – Давайте выпьем еще. За вас, за наших новых друзей!

Громкое слово, так быстро сказать его можно только в шестнадцать. Но мысль мимолетна; даже поднимая чашу и снова чокаясь со всеми, я смотрю только на Орфо и прокручиваю в голове ее

слова. «Между... вообще». Что она чуть не сказала? «Между теми, кто не состоит в любовной связи», «Между волшебниками и гасителями» или просто «Между чужими людьми»? Она не выбрала ничего, словно поняла, что ни в один вариант Клио не поверит. Или?..

Или боялась ранить меня. Себя. Нас обоих. Она еще раз стучит своей чашей по моей, украдкой встретившись взглядом, и делает осторожный, изящный глоток. Сегодня она, похоже, решила держать себя в руках, а может, просто слишком устала даже для подобных пьянок.

– Ну а у нас принято, – неловко произносит Ардон, явно заметив что-то. Скармливает кусок курицы Клио, потом Рикусу. – В этом нет ничего зазорного. Мы контактная культура, – он косится на головы на своих коленях, – местами даже слишком.

– Так, тогда поешь-ка и ты тоже, – велит Орфо. – Ощущение, что ты кормишь только их.

– Спасибо, кира принцесса. – Сверкают в улыбке его зубы, он берет курицу с доски, и я с отчего-то сжавшимся сердцем делаю то же.

Я не могу не обращать внимания на его экзотическую красоту, на то, как сочетаются в нем угрюмая сила и терпеливая забота. Это точно может привлечь такую девушку, как Орфо. Я спрашиваю себя, почему думаю об этом, и ответ меня не радует. Хочется дать себе затрещину, а потом просто провалиться сквозь песок. Нет, нет, этого не могло случиться. Не после всего, не...

– Кир Эвер, что помалкиваем? – Мой взгляд ловит блаженно вытянувшийся Рикус.

Все это время он пялился в небо и лениво играл кулоном, вынутым из-под торакса, – кажется, серебряной монеткой с выгравированным профилем. Теперь он подбирается к доске, сгребает немного орехов, но, вместо того чтобы съесть, вдруг тянет через покрывало мне.

– И налегайте, налегайте на них, а то я вижу, они быстро кончаются!

– Я не... – Смотрю на его замершую ладонь, не решаясь протянуть свою. Чуть сбиваюсь с дыхания. – Я...

– Рикус! – неожиданно шипит Клио, опять привстает и, склонившись к нему, горячо шепчет что-то на ухо. Она как никогда похожа на маленькую сердитую кошку.

– Ой. – Лицо Рикуса вытягивается, и он начинает отводить руку. – Боги, извините меня...

– О чем вы, спасибо. – Решившись, заставив дурноту отступить, я удерживаю его сам. И меня даже не пробирает дрожь. – Да, вы правы. Я что-то до них не добрался.

Миндаль падает в руку, Рикус еще несколько секунд пылливо на меня смотрит, а потом, прикусив угол губы, ложится обратно Ардону на колени. Снова хватает монетку, сильнее оттягивает длинный шнурок – чтобы поднести рисунок к самым глазам. Ему неловко. Мне тоже. Что это вообще было? Я запоздало вспоминаю, как Орфо оттащила от меня Клио и что-то ей сказала по пути к мемориалу. Что? Похоже, что-то про...

«А правда, что твой хозяин тебя трахал?» – шепчет голос в голове. Четыре голоса.

Орех, который я сунул в рот, кажется отвратительно соленым, словно смесь пота и семени. Судорожно глотаю его, запиваю и невольно обращаю взгляд на Орфо. Она безмятежно жует сыр, вырисовывая пальцами на песке ландыш, Ардон внимательно следит за тем, как проступает рисунок. Могла ли она?.. Да нет. Клио не среагировала бы так спокойно, как она среагировала, ее лицо что-то бы выдало, или отвращение, или жалость. Но что же тогда...

Я отвлекаюсь: Орфо предлагает выпить еще, в этот раз – «за дорогих гостей». Ради этого тоста Клио снова садится, а когда чаша пустеет, уже не ложится обратно. Она себе в напиток не отказывает: осушила все три чаши до дна, ее щеки из нежно-розоватых стали почти красными, взгляд блестит счастливым туманом. Говорит она связно, но я чувствую: вино взяло ее под полную власть. Сначала она неуклюже пытается накормить Ардона курицей, потом строит башню из остатков сыра и наконец, подсев к Орфо, начинает быстро, жарко шептать ей что-то в ухо. Этот шепот – восторженный, если не сказать игривый, – сливается с мирным плеском моря. Ардон и Рикус, которым явно неловко, старательно любуются видом; я же наблюдаю, не скрывая интереса: разговор кажется мне мирным, а ответные эмоции Орфо – забавными, очень живыми. Она хмурится. Упирается. Потом тоже опять немного краснеет. Наконец отмахивается, ворча:

– Эй, перестань сейчас же!

– А вот и не перестану! – Клио тянется к ней снова.

– Эфенди, не приставайте к кире принцессе, – буднично, даже не шевелясь, просит Ардон. Бриз развеивает черную копну его кудрей, солнце играет на татуированной щеке.

Но Клио шепчет настойчивее, ухватив Орфо под руку, улыбаясь и лукаво поглядывая из-под ресниц. Она тоже залита солнцем и – определенно – очень пьяна. Что бы она ни просила или ни выспрашивала, похоже, она не успокоится, последняя застенчивость изменила ей, а следы строгого воспитания слизаны винным прибором. Она еще и начала хихикать, качаясь туда-сюда.

– Нет! – Орфо отстраняется, отбросив за плечо прядь и выпрямив спину. Кидает странный взгляд на меня, отвечает мягко и словно бы виновато: – Ты не так поняла, я тебе говорила, и...

– Это уже не похоже на правду, – ворчит Клио во всеуслышание.

– А вот и похоже! – возмущается и Орфо, а потом набирает воздуха в грудь. – Слушай...

Ее отповедь сбивчива и туманна. Боги знают, о чем речь, но Орфо, по-моему, слишком настойчива. Объясняет про какие-то правила, от которых не должна отмахиваться. Про кучу дел, которые у нее есть, и вопросов, на которые она не может ответить. Про... цветы? Да, про цветы со слишком хрупкими лепестками и сложным нравом.

– Взять ландыши, – вздыхает Орфо. Она смотрит на свои коленки. – Знаешь, порой совсем непонятно, нужно ли им больше тени или больше солнца, ведь это уже не те цветы, что ты пересадил много лет назад из родного леса...

Клио, будто сменив тактику, прерывает смешки и заправляет за уши растрепавшиеся волосы. Еще какое-то время думает и слушает, продолжая качаться, словно счастливая восточная статуэтка-кошка. После паузы – в которой Орфо обводит рисунок на песке – широко зевает. А потом самым невинным голосом сообщает, что все поняла, и обращается к своей страже:

– Хаби... – длинные изящные ногти постукивают по скуле, – я что-то устала. В сон клонит, пойдете, что ли, в замок? Заодно посмотрим на... цветочки. На ландыши.

Рикус озадаченно поднимается на локте, Ардон поворачивается с бесконечно кислым видом. Клио кивает и повторяет увереннее:

– Меня клонит в сон. А вас? – Глаз с них она не сводит, но на лице, кроме пьяного блаженства, вроде нет ничего особенного. Или

есть?

– Меня не... – начинает Рикус, но тут Ардон, словно с чем-то смирившись и ткнув его в поясницу, кивает.

– И меня, пожалуй. – Он окидывает взглядом Орфо. – У вас крепкое вино, как мне кажется, кира принцесса. А у нас принято иногда подремать перед ужином.

– А... – Рикус тоже смотрит на нас. Моргает, мотая головой. – А-а-а... – Это быстро переходит в широкий зевок. – М-м-м-м-м! Да, пожалуй. Я бы вздремнул на чем-нибудь мягком, и это не твои колени, хаби. Пойдемте, пойдемте.

Он первым начинает вставать, Клио за ним, с удивительной для ее кондиции прыткостью, но Орфо, растерявшаяся от всего этого, удерживает ее, сжав запястье.

– Что-то не так? – обеспокоенно спрашивает она, и я разделяю ее тревогу. Бегство такое, будто эти трое резко на что-то обиделись. – О боги, Клио, ну слушай, я не хотела тебя задеть или оттолкнуть, но объясняю как могу, я говорю правду, и я...

– Что ты, все хорошо. – Клио сжимает ее руку в ответ и немного наклоняется. Да, не похоже, что она сердится, у нее действительно хорошее настроение, даже задумчивая улыбка блуждает на губах. – Чудесная прогулка, спасибо тебе, но мне лучше вернуться и прилечь до того, как меня окончательно развезет и кому-то придется меня тащить. – Она косится на кувшин не без сожаления. – Я себя знаю, скоро петь начну.

– Так пой! – Орфо тоже улыбается, но взгляд горит досадой и опаской. – Что тут плохого, я для этого и взяла вино, чтобы...

– Хаби, пойми, – обрывает Клио. Орфо от удивления замолкает. Темный взгляд обращается на Ардона, отряхивающего колени, голос становится тише. – Нам еще не помешает поговорить. Наедине. Про вчерашнее. Кто-то берет на себя слишком много насчет меня...

– Я думала, этот вопрос закрыт. – Орфо тоже понижает голос. – Слушай, ради богов, не надо, они правда хотят как лучше, и я совсем не против...

– Ты чудо. – Клио улыбается, но руку отнимает, выпрямляется и делает шаг назад, говоря уже громче, с хитрой интонацией: – Вы же допьете это вино *вдвоем?*

Орфо с сомнением взвешивает кувшин. Он больше вчерашнего, но и нас было пятеро, так что по моим прикидкам осталось мало.

– Может, мы все-таки... – начинает она, но Клио уже кивает Ардону и Рикусу. Те синхронно прикладывают ладони к гербовым трезубцам и первыми идут вдоль воды прочь. Клио бежит за ними. – Ладно... пока.

Она расстроено глядит им вслед все время, пока фигурки не становятся совсем маленькими. Как и я, она, наверное, пытается разгадать предмет разговора. Клио правда так задела опека Ардона? Он ведь приставлен к ней, выполняет свой долг, и я в детстве тоже старался не оставлять Орфо надолго, тем более я никогда не допустил бы, чтобы она ходила куда-то совсем одна в чужих городах. А ведь у Орфо был дар, с помощью которого она могла бы худо-бедно постоять за себя, и навыки бойца, а Клио...

– У нее есть характер, – задумчиво говорит наконец Орфо, поворачиваясь ко мне. Новым нервным движением откидывает за спину волосы. – Нет, я еще вчера заподозрила, но...

– Не дай боги, поругаются. – Потираю лоб. – Мне показалось, у них хорошие отношения.

– Похоже, слегка цапаться для них в порядке вещей, обычное дело, если они выросли вместе. – Слабая улыбка появляется у Орфо на губах. Помедлив, она все же прибавляет: – Ну просто два брата и сестричка. Ну просто...

Что-то, довольно похожее на нас с ней и Лином, я читаю продолжение во взгляде, но все-таки оно не звучит. Орфо качает головой, словно удивляясь на саму себя, берет кувшин и снова наполняет вином мою чашу, подбавляет и в свою.

– Ты сегодня держишься, – шутливо одобряю я.

– Ты что, успел решить, что я не просыхаю? – Она комично вспыхивает, впившись в меня взглядом, морщит нос. – Что я совсем распоясалась без твоего воспитания?

– Ну-у. – В который раз пытаюсь быть честным.

– Эвер-р! – рычит она, но тут же смеется, приподнимает чашу, и мы чокаемся. – Ладно. За тебя. И будь уверен, я выросла в очень приличную принцессу! Насколько это было возможно с моей наследственностью!

– Верю, – тихо, как можно серьезнее отвечаю я, и она застывает. – И вижу. За тебя.

Мы пьем, она придвигает ближе доску Клио с остатками еды, а потом и другую, на которую выложили миндаль. Сама только щиплет хлеб, макая его в кувшинчик с оливковым маслом и отправляя в рот маленькими кусочками. Море тихо шумит сбоку, скала Легиона, смутно виднеющаяся за смоковницами, уже плавно окутывается вечерними тенями. Прислушиваюсь. Чайки не кричат, куда-то делись. Вокруг так тихо, что я слышу даже шуршание песка.

– Ты объяснила Клио, что меня нельзя трогать, – наконец я решаюсь нарушить молчание снова. Орфо встречается со мной взглядом.

– А что еще мне было делать? – Она обновляет чаши снова, берет орех, подкидывает на ладони. – Я не могла совсем не объяснить. Не заметила бы она – заметили бы эти парни...

– Что ты сказала? – спрашиваю прямо, беру вино и делаю, наверное, большеватый глоток, но в горле совсем сухо. Нет. Нет, пожалуйста.

– Я сказала, что в войну, когда ты пытался спасти тонущего солдата, он в панике чуть не утянул тебя на дно моря, – ровно откликается Орфо. – С тех пор ты предпочитаешь, чтобы тебя не трогали те, с кем ты не близок. Но если с тобой подружиться, это проходит.

Ложь тем эффектнее, учитывая, что на последнем слове она подкидывает орех особенно высоко и ловит ртом, как ручной дельфин. Начинает жевать, вопросительно глядя на меня, и, несмотря на всю невозмутимость лица, я чувствую: она тоже немного волнуется. Как я среагирую?

– Ничего себе, так в этот раз *ты* выставила меня героем.

Не жертвой. Не вещью. Я теряюсь в словах, закрываю лицо руками, и меня пронзает неожиданная мысль: возможно, лучше бы она сказала правду. Все-таки это трусость.

– И не так чтобы соврала. – Орфо издает смешок и запивает орех вином. – Спасение утопающих – твоё вечное занятие, если вспомнить детство. Нашу тонущую семейку ты точно спас... всю в целом и каждого по отдельности.

Это она сопровождает невеселой, но искренней улыбкой. Не знаю, что ответить, просто смотрю на нее, а про себя решаю важное. Я расскажу этой троице, если мы действительно станем друзьями и снова выйдем на эту тему. Стыд и отвращение все еще переполняют меня, до конца преодолеть страх, стоит кому-то ко мне потянуться, я не могу. Но если не пытаться, я останусь с ним навечно. А ребята неплохие. И правда, чем-то похожи на нас самих.

– Спасибо, – наконец говорю я вслух и поднимаю чашу снова. – За мудрую принцессу, прирожденного оратора и...

Великую волшебницу и королеву. В будущем. Но это громкие слова для того, кто еще вчера сообщил Орфо, что не так уж сильно против ее смерти. Они прозвучат либо наивно, либо двулично, либо то и другое; она вряд ли оценит их и, скорее всего, отпустит в ответ шутку в духе своего кота. Кстати, интересно, как там Скорфус, проспался или...

– ...и просто занозу в заднице, – неожиданно заканчивает Орфо и, когда я давлюсь вином, со смехом хлопает меня по спине. – Думаю, догадываешься, кто ко мне так ласков. – Она кидает беглый взгляд в сторону, куда ушла Клио. – Кстати, я думаю, нам тоже стоит пойти домой пораньше. Хочу побыть с ним, а может, он уже и оправился.

Хорошо бы. Я успел немного отвлечься от мыслей о случившемся с ним, меня больше не пугает даже видение у мемориала – все эти шевелящиеся мертвецы. То ли компания, то ли выпивка – что-то расслабило меня, но сейчас, когда мы вдвоем, а вокруг так тихо, тревога возвращается. Накатывает мягко, как волны, тоже подползающие по песку все ближе и оставляющие все более крупные ключья пены.

– А ты? – обращается ко мне Орфо.

– Что? – Решаю, что речь о Скорфусе. – Да, я тоже переживаю, и я бы...

– Нет. Как твое самочувствие? Ты так страшно упал... – Взглядом она как бы просит меня продолжить самому. Объяснить, что случилось.

– Нормально. – Даже не лукавлю. И, к сожалению, мало что могу сказать. – Закружилась голова, стало слишком много звуков, а может, это все солнце. И, в конце концов, это место... – Снова кидаю взгляд на мрамор, окутанный тенями. – Оно правда потрясает каждый раз.

Что бы я ни говорил про свое ощущение родины, мне есть что вспомнить.

– Понимаю, – откликается она. – Я, кажется, почувствовала, и от тебя, и от них. Они все всё помнят. – Она снова подливает нам вина. – Эвер. Давай за то, чтобы, независимо от моей судьбы, все получилось. Мы все люди. Наши ошибки в прошлом. Мы все должны дружить.

– Давай. – Я чокаюсь с ней, и на этот раз она осушает чашу.

– Я придумала, – говорит она, вытерев губы и бегло обернувшись. – Я хочу кое-что подарить Клио, когда она будет уезжать. Этот мрамор. – Она поводит рукой в сторону мемориала. – Ну, кроме композиции, конечно. Остальное ведь можно отколоть и отправить... – Она снова смотрит на меня. – Хватит, чтобы восстановить хотя бы часть домов, которые еще лежат в руинах после наших обстрелов. Или приморский дворец.

– А Плиниус? – уточняю я. – Это большая статья бюджета.

– Папа не против, – уверяет она, а потом, помедлив, добавляет: – Знаешь, Клио просила кое-что другое, намного дешевле, но...

– Что? – Напряжение в ее интонации обдает холодом. Я даже понижаю голос, словно кто-то может нас услышать, но Орфо, смотря очень серьезно, качает головой.

– Неважно. Это я отдавать не готова. Это... как минимум странно. Именно когда Клио сказала об этом, я на миг даже засомневалась, не сумасшедшая ли она и правда ли такая милая.

Не сумасшедшая ли, милая ли... Мне вместо ее лица померещился череп в нашу первую встречу. И череп из чаек над ее головой. А эти шепотки? Что она выпрашивала перед уходом? Вроде разговор был шуточный, пьяный, но Орфо определенно занервничала, раз начала так оправдываться и приплела свой любимый сад. Не про меня ли?..

– Эвер, – окликает она обеспокоенно, и я встряхиваюсь, решив пока не спрашивать. – Опять у тебя медленные глаза. Не волнуйся, ничего такого, она не настаивала. Скорее всего, она вообще сама не поняла, что сказала.

Может быть. Она ведь маленькая. Ей шестнадцать, как Орфо, но то ли Орфо ведет себя взрослее, то ли Клио слишком ребячится временами. Между ними большая разница, я чувствую. Хотя, возможно, я и предубежден.

– Съешь последний? – Она со слабой усмешкой протягивает мне миндальный орех, подавшись ближе. Явно хочет сменить тему. – Рикус прав, их слопали быстро. Надо попросить приготовить еще. Сразу бочку. Розмариновая карамель божественна.

Я смотрю на пальцы, почти коснувшиеся моих губ, потом Орфо в лицо. Она замерла, не отрывая глаз, и как ни хочется вкрадчиво напомнить: «У нас так не принято, нет?» – я замороженно тянусь навстречу и забираю орех. Задевая ртом кожу на подушечках, чувствую сладость.

– Смею ответить тем же? – Беру кусочек молодого сыра и подношу к ее рту, но она только качает головой и мягко сжимает мою руку, отводя ее.

– Больше не хочу есть. Как-нибудь в другой раз.

– Переживаешь. – Это не вопрос; как бы она ни старалась держаться безмятежно, на лице то и дело что-то проступает. Она кивает. Я вздыхаю, возвращаю сыр на доску и, просто не зная, что сделать еще, беру чашу. – Тогда выпей, отвлекись.

– Подталкиваешь меня к дурному! – Но снова ее пальцы накрывают мой поверх ножки чаши, и глоток Орфо делает довольно большой. Стреляет в меня новым взглядом. – Кстати, это твоя. Больше не боишься, что...

Правда, моя: не выпита и наполовину, ее-то опустела после последнего тоста. Орфо чувствует, как напрягается моя рука; сжимает ее крепче и буднично сообщает:

– Даже не надейся, я уже не смогу его выплюнуть. И вызывать рвоту не буду. И вообще прекращай это, Эвер, лучше тоже отвлекайся. – Снова она кивает на вино. Я нехотя пью. Она довольно усмежается. – Вот так-то. Сладкое, правда? Пьется как сок, а эффект...

Эффект мощный, судя по Клио, но я не чувствую. Точно нет такого воздействия, как вчера, мой ум ясен, и думаю, я даже смог бы встать. Но я не хочу. Мне нравится сидеть рядом с Орфо, нравится ощущать ее пальцы поверх своей руки. Чаша разделяет нас. Мы отражаемся в ней. Орфо не глядя берет кувшин и подливает еще, делает глоток, я повторяю. Это словно ритуал, ритуал... примирения? Нет, не так, скорее пугающего, сладостно-сокрушительного узнавания заново. Я отпиваю еще, но уже не могу отвести взгляда от ее ставших ярче губ. Она так же пристально, точно с ожиданием, смотрит на меня.

– Ты кое-что сказала вчера. – Я не осознаю, как произнес это. Но уже боюсь, что зря.

– Что? – Она лишь улыбается уголком рта. – Я много болтала.

Самые пошлые вещи, которые только можно обрушить на человека. Про язык и другие части тела, вот что вспоминается мне, когда она облизывает губы, и, проклятие, я уже не могу реагировать на это так, как вчера, – злиться, смущаться. Дышать становится сложнее, сердце словно поднимается к горлу, но я справляюсь с собой и произношу другие слова:

– Что, возможно, я нравился тебе в детстве. Это правда?

Орфо хмурится, задумавшись. У нее неплохой шанс пожать плечами и заявить, что она вообще такого признания не помнит, была слишком пьяна и не станет это обсуждать. Но она выбирает другое: снова слегка тянет чашу на себя, отпивает и, смотря поверх дрожащей винной поверхности, интересуется:

– А если да? – Что-то почти недоброе появляется в ее глазах. – Ты был мне дорог, ты был красивым, а мне почти исполнилось тринадцать. – Она тихо фыркает. – В кого мне было влюбляться, в Илфокиона или, может, в кого-то из толпы обезьян, которая гукала вокруг Лина?

– Влюбляться... – Я даже чуть встряхиваю головой, некстати вспомнив кое-что еще. – А ведь я мог заподозрить. Например, когда ты опаивала меня...

Но тут Орфо краснеет и перебивает очень быстро:

– Я только иногда гладила тебя по волосам и по руке, пока ты спал! – Взгляд даже становится почти испуганным, а через секунду – оскорбленным. – Эй! Я была все-таки маленькой и невинной, Эвер, ну, меньше и уж точно невиннее, и даже если бы это было в наш последний год, я бы ни за что... – Зарычав, она отмахивается, да так, что проливает вино на наши руки. – О боги, Эвер. – Тут она вздыхает с видом покорности судьбе. – Боги. Да, понимаю, выглядит глупо и гадко, но давай честно. Как ни крути, я была еще достаточно мала, чтобы считать, что в *этом* смысле ты для меня старый. И уже достаточно взрослой, чтобы понимать твою *проблему*. Ее я понимала и в восемь лет, как ты мог заметить.

Я смотрю на нее, сам не понимая свои чувства. Поначалу она почти пугала меня этой откровенностью, потом развеселила, и я не

осознал, что фыркаю, раз за разом. А последние слова обдали холодом. Заставили сжать пальцы на ножке чаши. Проблема. Проблему она упомянула и накануне. Проблему, только чуть-чуть перевернутую с ног на голову, она сегодня донесла до Клио. И эта проблема прямо сейчас вскипает горьким ответом-вопросом:

– Что же случилось вчера?

Я уколол ее намеренно, сам не зная, зачем опять пытаюсь разбудить чувство вины. Она же попросила прощения. А я признал, что сам не помешал ей. Это низко. Но я все-таки напал не на ту. Орфо тоже помнит наш утренний разговор и теперь, наклонившись и слизнув вино с собственных, наверняка ставших липкими пальцев, парирует:

– А с тобой что случилось?

Она знает: у меня нет ответа. И тоже бьет осознанно, в конце концов, я учил ее фехтовать и орудовать хлыстом, эти боевые навыки она прихватила и во все остальные дела. А ее взгляд обездвигивает. Я словно лицом к лицу со змеей, с завораживающей синеглазой коброй, раздувшей капюшон и готовой атаковать снова. И она атакует:

– Позволишь мне выяснить, что будет, если я...

«Повторю» – горит во взгляде. Но я целую ее раньше, сделав еще и то, чего делать точно не стоило: одной рукой слегка сжимаю ее горло. Тревожу следы собственных когтей – когтей Монстра – и слышу тихое шипение, но тут же она возвращает жест: хватает за горло меня, тоже легко находя борозду от хлыста. Она, тронутая магией Скорфуса, не саднит так, как нанесенные мной раны, но вспышка боли все-таки заставляет рвано выдохнуть. И впиться в ее губы грубее.

Я не хочу возвращать ей все то, что она обрушила на меня вчера, – так я думаю в первые секунды. Но она не хочет иначе, судя по тому, как хрустят мои пальцы на ножке серебряной чаши. Мы все еще держим недопитое вино, ее рука поверх моей, но от усилившейся хватки я вздрагиваю, обливаю нас обоим одежду, а потом чаша со стуком падает. Ладонь Орфо тут же скользит по моей влажной груди: поверх рубашки, почти сразу – под ней. Я пытаюсь удержать ее за локоть, но вместо этого рука, смяв ткань туники, ведет по плечу, задевает тяжелую волну волос, и я не успеваю очнуться – пальцы уже зарываются в них на затылке, опускаются к задней стороне шеи, снова поднимаются, большим я задеваю кожу за ее ухом...

– М-м-м, – шепчет Орфо, на секунду отрываясь от меня. – Ненавижу безмозглых сатиров, которым лишь бы намотать волосы на кулак. – Я чувствую ее вторую руку, тоже под одеждой, на спине, и ногти игриво проходятся по хребту. – Но все-таки я не совсем кошка.

Ее губы снова с нежной настойчивостью касаются моих, то кусая, то лаская; моя ладонь ведет по плавному, горячему изгибу ее спины – все еще сквозь тунику; тронь я ее иначе – наверное, умру. Но я в шаге от того, чтобы проверить, и, наверное чувствуя это по дрожи моих пальцев, Орфо тянет меня ближе за ворот, откидывается назад – и, похоже, ее не волнует обилие песка, с которым тут же соприкасаются разметавшиеся волосы. Зато ей явно нравится то, как я теперь нависаю над ней и как всматриваюсь в лицо. Голова кружится. Пряди падают на глаза.

– Что? – тихо спрашивает она, ладонью продолжая скользить по моей груди.

Пытаюсь вздохнуть, мечась взглядом по ее лицу. Пытаюсь заставить себя очнуться. Я не должен этого делать. Мы не должны, по множеству причин. Она наблюдает, но когда я, проиграв самому себе, снова тянусь к ней, прикрывает глаза. Ее шея вся в этих подживающих, уже покрытых коркой следах, вызывающих у меня дрожь стыда и ужаса, но стоит поцеловать кожу возле одного из таких участков, как Орфо отзывается всем телом, рвано выдыхает. Тянет меня еще ближе. Ее колени соприкасаются с моими бедрами, ее руки опять впиваются в ткань рубашки, и уже мои ладони движутся по ее спине вниз. Она... восхитительная. Восхитительная в этой чуть насмешливой открытости, в этой жажде, в том, как легко уступает напору сейчас – когда во мне проснулось что-то, чего я должен бояться, но страх не может пробиться сквозь огонь. Я целую ее шею и плечо, ослабив тесьму на вороте. Снова шею, снова губы, линию подбородка, мочку уха. Сама она лишь перебирает мои волосы, но стоит посмотреть ей в глаза – и что-то меняется, и вот уже она тянется ко мне: поцеловать в щеку, в висок, в левую скулу. Делает плавное движение – и на спине оказываюсь я, она нависает надо мной. Замерев, мы снова смотрим друг на друга, тяжело дыша. У нее сильно расширены зрачки, у меня наверняка тоже, но с моря дует прохладный ветер, ероша наши волосы, забираясь под одежду и словно отрезвляя.

Здесь не место для подобного сумасшествия. А это – не время. Я плавно качаю головой.

Она вглядывается в меня еще несколько мгновений, переводя дыхание, потом проводит указательным пальцем от моего лба до кончика носа. Невольно я смыкаю ресницы – и губы снова обжигает поцелуй.

– Я не знаю, нравился ли ты мне в детстве, – шепчет Орфо. – И понимаю, что не могла нравиться тебе, потому что ты нормальный. Но ты нравишься мне сейчас. – Я открываю глаза. – Надеюсь, ты понимаешь: я говорю это не в надежде спастись от смерти, а как раз потому, что мне нечего терять. – Она отстраняется. Выпрямляется, вздыхает еще раз, с силой взбивает волосы, избавляясь от песка, а потом начинает опрашивать воротник. – И надеюсь, ты понимаешь: мне также плевать, что ты думаешь. Я ничего не прошу. – Она щурится, а потом, не успеваю я найти ответ хоть на это, коварно приподнимает брови. – Ну разве что могла бы попросить жаркую ночь перед самой коронацией, потому что это правда, меня до безумия тянет к тебе. Но я не посмею.

Я лежу неподвижно и все смотрю на нее, пытаюсь унять сердцебиение. Озноб окончательно оставил меня, схлынуло и возбуждение; то, что я ощущаю, ближе к удару по голове или слишком глубокому и неожиданному нырку. Я не могу найти слов. Я не уверен, нужно ли вообще. И я точно знаю, что единственный просящийся ответ: «Кажется, и ты мне... нравишься?» будет звучать, во-первых, нелепо, а во-вторых, что-то внутри меня снова задохнется от злого бессилия.

«Не в надежде спастись от смерти»? Ну-ну. Могу ли я быть в этом уверен после претендующего на гениальность трагического монолога, произнесенного Орфо у мемориала? После того, как уверенно она держала себя что вчера, что сегодня? Она неплохо знает цену своим словам и поступкам. И если хоть на миг подумать... она может играть, может пробовать разные способы заставить меня сделать нужное ей. Возможно, она просто ищет любой доступный путь к моему сердцу – не чтобы заполнить его, а чтобы стереть оттуда лишнее. А я...

Жалкий раб. Не хозяин даже своим чувствам.

Сжимаю кулаки. Нет, нет, все это не мои мысли, я вообще не понимаю, откуда они, откуда опять этот свистящий шепот в голове, так

похожий на голос Монстра, на сплетающиеся в нем голоса моих жертв. Я перевожу взгляд на свою левую кисть, ту, которой Орфо не видит, и она на секунду кажется мне трупно-серой, заскорузлой, рахитичной. Я сажусь слишком резко, до звона в ушах – зато когда предательские круги перед глазами исчезают, обе руки нормальные.

– Ты в порядке? – Орфо потягивается. Выгибает спину. И хмурится, снова ко мне придвинувшись, опустив на колено сразу обе руки. – У тебя...

– Медленные глаза? – сдавленно шепчу я и сразу вижу кивок. – Просто, наверное... это слишком для меня. Это все. Слишком. – Теперь мне стыдно. Отвратительно стыдно за грязь, кипящую в рассудке. – Давай собираться, ладно? До ужина не очень много осталось.

Она кусает угол губы, но кивает, а в следующий миг уже начинает медленно, точно в полудреме, сдвигать к себе доски и чаши. Еды почти не осталось, посуду мы всполаскиваем в море, аккуратно вытираем покрывалом – все в молчании, не глядя друг на друга. Орфо явно жалеет о части слов: раз за разом на меня падают виноватые взгляды. Я жалею о том, что слушал молча, – будь я на ее месте, меня бы, скорее всего, это задело. Но правда... что бы я мог ей сказать? Что, кроме...

– Почему? – тихо спрашиваю я, когда корзина уже собрана. – В смысле, я... во мне же нет ничего, что можно полюбить. Ничего особенного. А ты...

Ты стала *великолепной*. Правда. Храброй, хитрой, красивой и... великодушной, я нашел это слово последним, но лишь потому, что последним смог это разглядеть. Ярость и отчаяние мешали мне. Они не исчезли, но больше не могут затмить очевидное. Орфо далеко не совершенство. Свои недостатки она, похоже, любит не меньше, чем свои достоинства, и не стремится искоренить. Но она правда на своем месте; роль королевы словно создана для нее; за четыре года она смогла до нее дорасти. Я же все еще замученный раб, не больше; по сути это никогда не менялось, а после Монстра уже и не изменится, и...

– А я взяла все у тебя, – просто отзывается вдруг Орфо, не отводя взгляда. Похоже, многое поняла по лицу. – В смысле... из меня вряд ли бы что-то получилось, если бы я не росла с тобой. – Корзина разделяет

нас, но рука все-таки касается щеки. Я пытаюсь покачать головой, но она настаивает, касается и другой. – И я всегда была и буду благодарна за это. Никогда об этом не забуду. Что бы ни случилось. – Я хочу отвести ее запястья, хочу, сглотнув ком в горле, ответить хоть что-то, но не могу сразу, а потом не успеваю. – Ладно. Пойдем?

Она подхватывает корзину и первой идет к воде. Я следую за ней, не решаясь поравняться, смотря на ее волосы, залитые уже закатом, – и опять стискивая кулаки так, что в ладони впиваются ногти.

Может, и так. Может быть. Но сейчас тебя «тянет» не туда, Орфо. К сосуду с невидимой, но широкой трещиной, через которую вытекли все силы и, что еще хуже, вся готовность собирать их заново. На дне остался только мутный осадок – горечь и боль. Скоро ты заметишь это. И я не знаю, что тогда ты скажешь. Сможешь ли сказать. Будешь ли жива. Но так или иначе...

– Уверен, из тебя получилось бы многое, – тихо говорю я, все же догоняя ее, и она тут же поворачивается. В глазах облегчение: неужели переживала, что я не приближаюсь и молчу? – Как минимум отличная цветочница. И сильная волшебница.

– И полубезумная девчонка, не умеющая владеть собой, – бросает она и тут же спохватывается. – А впрочем, от этого меня даже ты не спас.

Не спас. И поплатился, разбив свой сосуд или дав его разбить. Но так или иначе, сейчас что-то во мне, что-то слишком долго спавшее, не желает больше метаться по кругу вопросов. Оно отчаянно хочет обратиться глиной, белой, холодной и плотной. Замазать трещину как можно гуще, не дать больше вытечь ничему. И посмотреть, что будет, когда глина высохнет.

– Ну, у каждого ореха, – слабо улыбаюсь я, – должна быть своя розмариновая карамель. Если в твоем случае это полубезумие...

– Я щедро поделюсь им с ближним! – Она хватается за мое запястье, усмехаясь, тянется ближе, явно чтобы поцеловать, и я даже не сопротивляюсь, когда... – Что это там?

Ладонь, сжавшая мою кисть, холодеет в один миг. Орфо останавливается, корзина гулко падает, и кажется, я слышу сердитый треск: кувшин разбился? Звенят серебром чаши.

– Что? – повторяет Орфо, все стоя без движения и всматриваясь вперед. Ее рука начинает дрожать. – Что?..

В небе горит закат – всполохами всех пламенных оттенков от золота до кармина. Море на горизонте стало алым и глубоко посинело у линии прибоя. Волны лениво выползают на пляж одна за другой, неся тающий жемчуг. Чайки, целый рой, вопят над ними, образуя одну за другой странные фигуры и изредка пикируя, словно тоже стремясь получше рассмотреть что-то у кромки воды; что-то похожее на большой, оказавшийся не на своем месте камень.

Камень, слишком похожий на тело.

Вокруг камня то ли дрожат закатные искры, то ли цветут красные маки.

Вне правил. Плиниус

– И что скажешь, мальчик?

Потерев лоб, Илфокион довольно долго смотрит на меня поверх легкой металлической кружки, прежде чем сквозь зубы процедить:

– Они не врут. – Но стоит мысленно спеть оду хитрости своей дочери – и хитрости ее кота особенно, – как вслед летит: – Вернее, не врут ни в чем *значимом*. Никто из них не хотел вреда, а значит, можно быть снисходительным. Пока.

Откидываюсь на стуле, слыша страдальческий скрип деревянной спинки и стараясь сосредоточиться лишь на нем. Вот же новомодная ерундовина... ели на лавках и дифрах^[14] век за веком, учились осанку держать, а теперь? Но кто я, чтоб лишать единственной отдушины – буйной тяги к красивому мусору – верноподданного, с которым нас связывает слишком много для подобающей мелочности и рациональной скупости. Нет, кир. Каператисы никогда не были жадны или склочны, недостаточная прозорливость – единственный наш непреходящий грешок.

– О чем ты? – Лениво цепляю с тарелки крупную мидию и выуживаю из раковины. Съедаю, запиваю вином, про себя в который раз поражаюсь, что дурень этот моллюсков запивает любимым кофе. – И да, будь любезен... будь. Снисходительным.

Это приказ.

Он, наблюдавший за мной всю последнюю минуту, улыбается самыми углами рта. Не знаю, что и насколько хорошо он унюхал, но, скорее всего, больше, чем смог бы любой другой законник, даже меченый. В глазищах оживают мелкие искры, любопытные, лукавые, но настороженные. Да. Он понял главное, то, насчет чего я не определился, – нужно ли раскрывать.

«Я знаю побольше, чем ты. Я в курсе всех фраз, которые детеныши мои бедовые тебе сказали. Да что там, я автор трети сей трагедии, стряпали мы ее по канонам вполне классическим, мифическим. И ради всех богов, не мешай нам доиграть пьесу. Хлопай и улыбайся».

– Буду, – лаконично обещает он.

– Славно. – Вытираю салфеткой руки. Хватит с меня мидий, лучше поужинаю поплотнее. День душный, а этот обед такой поздний, что кусок в горло не особо лезет. – Ты не пожалеешь.

– О чем? – Все-таки цепляется к словам. Молодец. Чтоб тебя.

Медля, обегая глазами зашторенное от зноя помещение – триклиний^[15] стражи, густо пропахший рыбой. Кас, Пол и еще десяток целеров сидят за соседними длинными столами, блестя в полумраке вилками, ножами, доспехами и глазами. Шепчутся. Трескают за обе щеки. Догадались: у нас с Илфокионом свой какой-то разговор. Делают вид, что даже не замечают нас.

– Моя дочь будет хорошей королевой. – Снова всматриваюсь в обрамленное черными волосами лицо.

Если он и сомневается, то не выдает, умница. Берет мидию; раскрыв раковину шире, пристально разглядывает беззащитное ярко-оранжевое мясо. Э-э, и о чем он может думать? Прикидывает, пойдет ли ему туника такого цвета? Или вспоминает, каким беззащитным мясом оказывались люди, которых по воле другой королевы забивали ногами у замковых ворот, подхватывали под локти, волокли в казематы, чтобы бить снова и погружать головами в тазы?

– Когда она выйдет замуж? – Он поднимает глаза. Мидия так в своем перламутровом убежище и лежит.

– Как захочет либо как подойдет крайний срок по правилам. – Надеюсь, понятно: не жажду я это обсуждать, по крайней мере, не с ним! Все же смягчаюсь: – Эх. С безгрешными-то юнцами, которых можно было бы короновать без страха убить, нынче негусто...

Люблю поиграть с ним. Дать намек на правду, которую, как нож в рукаве, спрятать можно, но в чем смысл, если о ноже и не подозревают? Грешной моей дочуре – безгрешного мужа, ха-а-а... Боюсь, съест его и не подавится. Конечно, придется ей кого-то такого подыскать, но только когда сама пожелает, бедняжка, вертушка, бестия. Ну не вечно же ей обходиться котом.

Илфокион не отвечает. Выуживает все-таки мидию из ракушки, утонченно отправляет в рот и почти сразу запускает пальцы в стоящий между нами глиняный горшок. Он полон крошечных початков желтозубки, обжаренных до хруста, – прямиком не из Игапты даже, где выращивают только крупную разновидность, а с самого Дикого континента.

– Почему не едите кукуру-узу? – с удовольствием растягивая-разглядывая слово чужого языка, спрашивает Илфокион, но цепкие глаза спрашивают совсем о другом.

– Она кажется мне еще неспелой, мелковата.

Конечно, она поспела: только в таком виде ее можно приготовить и съесть без риска зубы переломать. И конечно, Орфо достаточно взрослая, чтобы я, уходя на покой, короновал *чету*, а не ее одну. Но я не думал об этом. Ни дня. Ее жизнь и так слишком часто кроилась другим в угоду.

– Орфо не побежит замуж, просто чтоб не начинать одной правление. – Все же отказываюсь от иносказаний и вылавливаю поджаристый початок из горшка. – Не говоря уже о том... – с хрустом надкусываю зубчики вместе с кочерыжкой, или на чем там они сидят? – что она не будет одна. Сенат никогда не нравился мне настолько, насколько сейчас. Физалия никогда не была столь дружелюбна. – Илфокион вздыхает, и я тоже. – И на тебя я рассчитываю. – Тут он даже чуть улыбается, ему идет это искреннее благодарное удивление. – Да и в конце концов... – смеюсь, заглотив кукурузу и запив хорошей порцией вина, – я-то тоже не покойник еще. Да, правила суровы, но пару отцовских советов дать смогу!

Илфокион кашляет; в глазах я ловлю тень того, чему не рад. Страх. Поразительно, но он взблескивает там всякий раз, как я хоть между делом, шутя упоминаю свой отход в мир иной. Вряд ли скорый, да, ведь я не стар, но грядущий, скажем так, в перспективе. Я спокоен: все мы смертны, кто-то еще и внезапно, и даже правила не могут до конца уберечь нас от подобных неприятностей. Но у Илфокиона с этим сложнее, и именно в такие моменты – видя, какими становятся дергаными его движения, какой вымученной – улыбка, я вспоминаю пару простых фактов. Во-первых, рядом со мной он дитя еще, ему едва тридцать. А во-вторых, все же нет, он самая разумная голова в моем кругу. И он слишком привязан ко мне, чтоб я не позволил себе немного честности. Ведь и я, не скрою, прикипел к нему. Хоть что-то взял себе у...

Нет, нет. Сгинь, мой призрак. И поверь, ничего я у тебя не отнимал, ты потеряла все сама.

– Есть кое-кто, за кого я бы ее с величайшим удовольствием выдал, – признаюсь я. – И с кем, при некоторых... э-э, поправках, со

временем, она бы вознеслась на, думаю, изумительные высоты. – Щурюсь. – Вдобавок был бы славный дипломатический изверт для соседей. Красиво, нет? Вернуться, так сказать, к тому, что почтенный Иникихар...

Илфокиону не нужно уточнений. Все на поверхности.

– Кир Эвер. – Это не вопрос, во взгляде и голосе ни возмущения, ни даже удивления. – Что ж. Правило равнокровия тут вам на руку. – Он хорошо владеет собой; даже если мысль чем-то ему претит, я этого не увижу. Но, скорее всего, ему просто все равно, ведь оба мы не забывчивые глупцы. – А вот правило безгрешности – нет. Он убийца.

Под стать ей, ведь так? – мелькает в глазах, а может, нет. Если и так, не станет заикливаться, с некоторых пор он ненавидит пустые моральные драмы, зато любит понятные приказы. Проверка на ложь была формальностью, я велел быть снисходительным ко всему, что натворила – или гипотетически натворила – моя дочь. И он будет. Но ответить мне нечем, кроме:

– Увы.

И пусть понимает как хочет.

Он съедает еще пару мидий и початков, а я наблюдаю за ним молча, думая о горьком. Убийцы, кругом убийцы, а ведь тебя, именно тебя, мальчик, я сделал бы преемником, если бы пришлось спасти грешные жизни своих детишек. Лина – понимаю теперь-то, что он как пить дать обрек себя на кару богов, допустив всю дрянь с Эвером. И Орфо – мое славное чудище. Илфокион, прошедший в двадцать лет проверку, которая им не снилась, мог бы стать неплохим правителем вместо всех нас, и, не сомневаюсь, у него бы здоровые, красивые дети родились... но, увы, он убивал в юности, убивает и сейчас. Его руки в крови по локоть, если не выше.

Из-за тебя, Валато. И из-за меня.

Летит откуда-то знойный ветер, заставив задрожать даже кофе в его кружке. Я отпиваю вина, и оно неожиданно отдает кровью. Я прикусил губу, сильно. Илфокион это заметил.

– Что вас тревожит? – Он подается чуть ближе, посматривая исподлобья, напоминая нахохленного сокола. Я отвечаю прямо:

– Твоя судьба.

– Моя?.. – Он удивлен. И я, ведь я не совсем понимаю, откуда эти слова, их словно предчувствие дурное шепнуло. Нет, у них есть

подоплека, но все же.

– Твоя, мальчик. – Легонько хлопаю его по запястью. Пусть разожмет кулак. – Эта стрижка... вдруг поменяешь, а я только привык? Она мне нравится больше, чем предыдущие.

Хлипкие мелкие косицы, какие носит лукавый желтый народ Ийтакоса. Пышное подобие мочалки, на которое его вдохновили темнокожие музыканты с Черных островов. Длинные, до поясницы, патлы красного народа, украшенные бусами да перьями, – на Диком континенте что, нет ножниц или нет вшей? Мода на все игаптское тоже нехороша, но Илфокиону, пусть он гириец до кончиков ногтей, правда идет. Только бы еще не покрыл себя татуировками, как мад-джа – ортодоксальные гоплиты этой Республики.

Он не понимает или не желает понимать шутку. Ершится, сутулится, хмуро ждет настоящего ответа. Придется договорить. И я договариваю:

– Ты боишься повторения, верно? Не хочешь служить одной лишь женщине... девушке...

– Не хочу, – сплевывает он: не то обиженный ребенок, не то обозленный старик. Тут же спохватывается, почти с мольбой смотрит в глаза. – Не держите зла, но она очень, очень похожа...

В детстве Орфо я так говорил и сам, пока не понял, как ее это ранит, и не увидел очевидного: это неправда, нужно только заглянуть глубже в ее сердечко. За ее упрямством и любовью к оружию, за красотой и дерзостью столько разного – и терпеливость, и забота, и нежность эта ко всякому цветочку... Нет! Нет, кир, нечего мне тут! Подавшись вперед, я накрываю ладонью губы Илфокиона, достаточно мирно, чтобы боевая выучка не возобладала в нем над разумом, и достаточно жестко, чтобы он не попытался продолжить.

– Нет. – Взгляда не отвожу, он тоже. – Ни капли. И если бы ты удосужился узнать ее чуть лучше, ты бы это заметил.

– Что ж, – шепчет он, едва я отвожу ладонь. Даже улыбнуться пытается, хотя в глазах, подчеркнутых этими чудными стрелками, тлеет тревога. – Думаю, мне еще это предстоит. Если, конечно, она не отправит меня на какую-то другую должность.

– А ты хотел бы? – спрашиваю прямо, думая о его наконец-то появившихся городских приятелях. Тех, что раз за разом зовут то на охоту, то в погоню за разбойниками, то просто поговорить –

обмозговать улики по сложному какому-нибудь преступлению. Токсоты в последний год сильно расплодились, среди них появилось больше людей, с которыми у Илфокиона есть общее. А вот их пританом^[16] я, к слову, недоволен, он зажрался, обленился и теряет хватку. Ему уже интереснее одалиски, охотничьи собаки и лошади, чем закон и порядок.

– Примут ли меня люди? – Слава богам, Илфокион не играет в наивность, он-то знает, куда я клоню и где есть местечко ему под стать. – Это публичная должность. После...

– Прошло восемь лет, мальчик, – как можно ровнее напоминаю я, в то время как он снова смотрит на раскрытые мидии. – Восемь. И даже восемь лет назад ты дал понять, что... – проклятие, никогда не подбиралось слов о том дне, – что... – Я потираю лоб. – В общем, э-э, сам знаешь, что ты тогда сделал, Илфокион. Для горожан. И для меня. – По заматавшемуся взгляду ясно: он готов спорить. Поэтому я встаю. – Давай-ка называть вещи своими именами: у нас, в нашем болоте ты прятался. Но работа эта – расставлять по парам всяких... увальней... – Украдкой кошусь на остальную стражу, но они, к счастью, увлеченно поглощают еду. Не поймут ведь, что я любя. – ...не по тебе, Илфокион. Все равно что гвозди забивать астролябией.

– Я ничего не могу вам сказать, – отзывается он, опять нахохливаясь, зыряка исподлобья.

Я вздыхаю снова. Не признавать ведь: «С твоим нравом тебе и правда лучше быть подальше от Орфо, когда она освоится в правлении». И я лишь ровно предлагаю:

– Подумай. Время у тебя есть.

Точно больше, чем у нас. Ох, Орфо.

– Ладно, мальчик. Дела.

Бросив это, выдержав его тоскливый взгляд, я оставляю душный темный зал, чтобы вернуться к себе и еще час убить на тайные декреты. Тайные, тайные... р-р-р, из-за того, что они тайные, они не приносят никакого успокоения. Всякий раз оживает перед глазами уродливая картинка: Орфо на коронации падает замертво с раздавленным черепом – и Гирия остается в хаосе безвластия, перед которым я бессилен. Что с ней будет? Правила просты, она не может остаться без короля. Патриции, конечно, какое-то время подержат ее на

плаву, но дальше, когда боги начнут насыпать беды и придет время борьбы...

Открыто назначить кого-то заменой, даже гипотетически, я не могу. Во-первых, сразу подстегну вопрос: «А с принцессой что?» – а во-вторых... они все почти в равной степени достойны, но абсолютно все – недостаточно готовы, ну а плебс не готов к ним. Патриций – должность тоже публичная: это значит, в определенные дни принимай людей в доме, решай их вопросы, выступай перед ними, будь им родным отцом или матерью. Отвечаешь ли ты за деньги, границы, правопорядок, семью, что угодно, люди знают тебя и вхожи к тебе. У всех моих патрициев есть взлеты и падения, поклонники и ненавистники. Но вот в чем суть: сложно это – сменить королевскую династию, давно у нас такого не было и может не кончиться добром. Никого в Сенате плебс не любит до фанатизма. Никого. Никого, меня в том числе, не любят так внимательно, верно, с таким желанием постоянно лицезреть и рукоплескать, как...

Тебя, Валато. Кажется, в последний раз в нашем королевстве так любили лишь тебя. И если еще недавно я считал, что это отлично, не нужны нам фанатики, то теперь сомневаюсь.

Ветер врывается в окно – снова знойный, колкий. Дрожат бумаги на столе, я накрываю последний декрет ладонью, а потом, скрипнув зубами, все же вписываю на пустое место несколько имен. Патриций по здоровью и благоденствию: если и любят кого хоть немного больше, чем прочих, то его – за вечную готовность спасти лично, умное доброе сердце, шутки и целую гроздь побежденных эпидемий. Патриций границ и связей: харизматичен, терпелив, лично подписал мир с Гринорисом и приложил все силы, чтоб дипломатия Орфо удалась. Патриций по торговле: умница, не знающая шор, помогла нам наладить отношения с Восточным и Диким континентами и щедра в праздничных помилованиях. Юна, в возрасте Эвера, но все-таки...

Оперение ручки дрожит, дуновение опаляет и кисть. Иногда мне кажется, что это ты, мой призрак. Пропади. Тебя здесь нет.

Запечатав и убрав декрет, встаю, потираю глаза. Вот и все, улегся ветер, но с печалью сложнее. Моя Валато... знала бы ты, как мне не хватает тебя, как не хватает того ясного рассудка, который был свойственен тебе, когда мы встретились: ты, смелая принцесса, которую изводили младшие завистливые братья, и я, поставленный

охранять тебя и сопровождать. Ты злилась, раз за разом сравнивая меня с бродячим псом. Какой легкой и обаятельной, несмотря на упрямство и недоверчивость к чужим, ты была среди своих, и как все изменилось, когда, защищая тебя, я подставился под стрелу и она вонзилась мне в грудь. Ты всегда умела ценить жертвенность маленьких людей и никогда не прощала малодушие великих. Те патриции, что хотели видеть правителем любого из твоих более ведомых братьев, но никак не тебя... Только гордость от победы, наверное, помогла тебе простить их всех и взойти на престол безгрешной. Они поступили умно, покинув Гирию, когда на пиру после коронации ты насмешливо бросила на их стол ту самую стрелу. Не сомневаюсь, Ромор и Розор не просто так не вернулись с самоцветного острова. И не сомневаюсь, те патриции были одними из первых, кого ты нашла в Физалии, уже нобилями при дворе Гринориса.

Теперь его дворец в руинах. Сколько нобилей, помимо этих, он тогда потерял?

Горячий ветер возвращается, стоит выйти в коридор. Дозорные провожают меня удивленными шепотками: да, верно, должен я работать, как всегда в эти часы; немало бумаг ждет моих глаз и росчерка. Увы. Голова словно хлопком набита, в ней с трудом держатся мысли и дошло уже до того, что мне чудится тяжелый взгляд в затылок – постоянный, пылающий, злой взгляд. От этого взгляда я и стремлюсь уйти, петляя, спускаясь по одной лестнице, по другой, кочуя по коридорам, комнатам и галереям... Но исчезает он только после бессмысленной прогулки, за которую я вспотел и выдохся. Снова здесь. Снова в Королевской башне, на нашем жилом этаже. Вся моя жизнь – круги.

Здесь сейчас тихо и даже прохладно, только бесконечная пыль кружит в ленивом небесном золоте. Часовые клюют носом, а я не заставляю их вставать навытяжку. Миную двери, которые всегда заперты, – три, четыре, пять. Вот и покои Орфо; здесь я поворачиваю ручку, но дочура не пренебрегла осторожностью, как и обычно в последнее время. Возможно, дверь даже заперта изнутри, а не снаружи – чтобы Скорфус в случае чего мог выбраться, а никто другой не мог войти. Мне вроде дела нет, но мысль – прежде Орфо такой не была, полагалась на целеров – горчит и вяжет прогорклой ежевикой. С другой стороны, она не ребенок уже, а девушка, у которой свои

секреты, боги знают какие: от противозачаточных эликсиров на трюмо до портретов возлюбленных под подушкой. Возлюбленных... Пройдя еще немного, я снова невольно думаю о том, кто, в отличие от нее, запирает покои всегда. Неважно, был ли он внутри или снаружи. А вот сегодня он этого не сделал. Не очень удивительно: живя в пещерах, наверное, от дверей отвыкаешь.

Дверь сама привлекает внимание, скрипнув, и я замираю против нее. Приоткрытая едва на фалангу пальца, она маячит перед глазами назойливее мухи – или просто я больше ни шагу не могу сделать? Да что... мне что? Повторяю это про себя словно молитву, в то время как нога сама уже делает шаг, а ладонь берется за резной металлический извив ручки.

Холодная, разительно холодная в этой густой духоте: каждый гравированный листочек плюща будто изо льда. Прохладно и внутри – хотя окна не зашторены, распахнуты, и крупные виолы нежатся на солнце, явно не страдая от зноя. Лицо щекочет приветливый бриз... странно, очень, будто сами покои Эвера выходят на какой-то другой уголок бухты, но ведь нет. Я встряхиваю головой, неловко топчась на пороге. А собственно, зачем я заглянул? Просто убедиться в очевидном – что Эвера нет? Ну конечно, я и знал, что нет.

Видел я, как все они уходили: Орфо, принцесса Клио, он и те двое кудрявых мальчишек самой воинственной наружности. Они вывалились на крыльцо дружеской толпой, но по мере того, как отходили дальше, компания разламывалась, словно сухая корка: посол доброй воли стремилась вперед, ее целеры – отстать, а Орфо с Эвером... Орфо с Эвером стремились к чему угодно, кроме друг друга, и так было, пока я не потерял их из виду. Это подпортило мне без того скверное настроение. Неужто ничего не получится? Нет, я более чем понимаю моего бедолагу, сама мысль о том, как он провел последние годы, тошнотна. Я могу представить, что он видит во снах. Понять, почему мало ест и странно смотрит. Принять его слабый голос, тусклую улыбку, *медленные* глаза. И все же надежда еще не покинула меня, ведь мою дочуру, мою славную чудовищную девочку несложно полюбить заново, простить. Она так переживает. Так старается. Так...

О, если бы у нее получилось. Вот только что получилось?

Может, и получится. И тогда потом, на троне, ей будет больно, потому что...

Да хватит. Хватит. Нет, кир, не мое это дело.

Осматриваясь, разве что не верчусь – противно от самого себя и печально, все сразу. Почему? Не знаю, печаль вот брала каждый раз, как я заходил полить виолы – пока Орфо еще увядала хуже цветов. А противно, наверное, потому что хочется найти в белом чужом порядке не тленную тоску, а надежду – что все наладится, здесь, а значит, всюду. Надежду в цветах, доверчиво раскрывших бутоны. Надежду в чистых вещах со скромной вышивкой – тех, что в шкафу. Надежду в стеллажах с медицинскими книгами, с которых позавчера, пока Орфо натирала Эверу виски маслами, я украдкой смахнул пылицу: ничего не могу поделывать, пылицу не выношу. И...

Да. И в боевой перчатке со стальными когтями, той, что лежит посреди стола и скалится солнечными бликами, мне с моим дурным умом тоже видится надежда. Эвер не выбросил ее и даже никому не отдал. Свое старое оружие. Часть своего *ужаса*. Останки Монстра. Может, он...

Снова ветер, горячий, в спину. Закрываю глаза и стою какое-то время, потом скорее прохожу к столу и бессознательно хватаю перчатку, пытаюсь зачем-то надеть. А-а-ар, не лезут пальцы. Толстовата, крупновата моя лапа, ладонь Эвера даром что длинная, жилистая, ладная, а все же хрупче, нежнее. Не рука это раба. Да, можно, можно сказать «рука раба, которого *холили*», если не затошнит от слов и их сути. Но нет, нет, кир.

Не рука раба. Далеко не впервые мысль пронизывает до костей, когда я возвращаю перчатку на место и бреду к кровати. Туда меня не раз несло в дни полива виол. Так я даже у Лина не сидел, а тут – опять сажусь. Рассеянно провожу ладонью по аккуратному покрывалу, щупаю подушку, прохладное резное изголовье. Пахнет хвоей, мятой: не сильно, но ноздри щекочет, и мысли послушно бегут туда, куда я их последние четыре года не пускал. Нужды не было. Смысла. А вот прежде они гуляли там вольнее дельфинов в закатных заливах.

Когда мне показали пленных с «Эфиратуса» – последнего из потопленных физальских кораблей, – я ведь сразу его заметил. Эвера. С этим тонким лицом, белокурыми волосами, изящными руками. Люди лежали в ряд, с ними возились медики, а я все смотрел на него, задаваясь вопросом: чего, принц? Сын какого нобиля, и это сейчас, когда мы в шаге от перемирия? Ох, не оберемся проблем. На Эвере

был ошейник, чудовищный шмат кожи, весь в белых ониксах и с притупленными, но все же внушительными шипами *внутри*. Верный знак, но я не замечал, а как заметил, решил, что какая-то ошибка. Потом нашли клеймо. Стало не до тайн происхождения, надолго, а все же не навсегда.

Позже я не раз спрашивал Эвера о прошлом – так да этак. Но мать он не помнил, не помнил отца, не помнил вообще никого рядом, кроме других детей-рабов и торговца, потом – кроме хозяина и его прислуги. Я спрашивал, точно ли, не странно ли, но Эвер только поджимал губы, закрываясь. Ему не то чтобы неприятно было говорить об этом, он просто не видел смысла. Умом отсутствие смысла понимал и я, но что-то во мне не унималось. Не руки раба. Не нрав раба. Не ум раба. Есть подвох, и не спишешь на воспитание в большом поместье благородного – тьфу, да чтоб он жрал гранаты с земли и гадил потом морскими ежами! – медика.

Когда мы изредка стали списываться с физальскими нобилями, я даже позволил себе завидную глупость. Попробовать выпытать, а не потерял ли кто из них лет шестнадцать назад сыночка, ну мало ли, может, украли младенца? Нет ли незаконнорожденных отпрысков у Гринориса? А? Я ничего не добился, кроме едких напоминаний: «Вы, уважаемый гирийский король, лишили нас множества чудесных детей, так на что намеки?» Да и сам я вскоре почувствовал себя глупо, в конце концов, это ж театр. *Мыльная трагедия* или даже *мыльная комедия*, постановки самого дешевого толка – те, куда ходят промыть гнойные раны реальности. Там да, там каждый второй храбрый раб, добрый нищий да благородный разбойник – дитя короля, нобилия, гоплита на худой конец. В жизни так особо не бывает. Вот и Эвер... может, правда воспитание? Наложилось на хорошую наследственность? Рабы – они ведь разные; иные, едва вырвавшись на волю или даже просто пригревшись возле равнодушного владельца, здорово выбиваются в люди. Поэты среди них бывают, философы, скульпторы...

Эвер обычный бедный мальчик. Которому повезло попасть к нам. И если правда сложится, как мне видится; если Орфо за него захочет замуж... ну подумаем; алмаз огранен уже, нужно лишь дать титул и землю; главное, принял бы... Так думал я четыре года назад, ободряясь еще и тем, что не королеву буду замуж отдавать, волшебницу всего

лишь. Как смешны эти мысли теперь и как снова горько от правды: Эвер лишь раб, освобожденный, но не освободившийся. Не потому горько, что замуж мне теперь отдавать королеву – да не за кого, – а потому, что мне, кабану старому, нужно было внимательнее смотреть по сторонам. Под ноги, на детей. Как страдала гордость Эвера из-за Лина и той своры. Как стойко он все переносил. И как... как...

Как надломился его ум, Валато. Примерно как твой, может?

Ты ведь тоже сошла с ума не сразу. Сколько мы прожили мирно? Половину срока точно. Какая ты была любопытная, живая, а все, что тебя печалило, – белокурые волосы от бабки. Физальские, да. А ты черные хотела, черные, как у коренных гирийцев и как у этих... соседей наших. С Дикого континента. А я вот тебя белокурой любил, ну а Дикий континент... чего смотреть, мало ли в мире чудаков? Глаза что закатное море, патлы до поясов, толстогубые улыбки в пол-лица – неужто красиво? А уклад? Да, доплыли туда наши странники, но по мне так могли и не доплывать. Нет рабства – в этом молодцы. Но и государств нет – одни племена навроде тех, что обокрали богов. С другой стороны, волшебники там... волшебники не сходят с ума, обходясь одними фамильярами-птицами. Растения диковинные вроде кофе да ку-ку-ру-зы сладкой. Зимы нет. И при этом ни городов, ни кораблей, ни больниц даже – сплошь шалаши из листвы, лодчонки да лачуги. Такая цена у мира без рабства? Объятия с дикой природой, наскальная мазня вместо картин, молчание богов – ведь мало ходят красные на поклон к Святой Горе, и правила у них чуть иные – вроде «Не бери у природы больше, чем на пропитание»? Нет, кир. Мы уже не готовы к этому, а им еще не по душе наш «грязный мир». Но ты...

Плиниус-с-с.

Виолы дрожат, перчатка ловит яркий блик. Озираюсь. Почудилось? От жары и тревоги голова кипит, надо бы пойти прогуляться к морю до ужина... сейчас пойду. Пойду, только еще чуток посижу. Подумаю. Повспоминаю. Погрущу.

Дикий континент... он тебя, Валато, чаровал. Лучше бы манил еще больше – может, и не сманила бы Физалия. Я ведь не заметил, как она поселилась в твоих мыслях, как пустила корни, хотя отец твой о ней не вспоминал. Он-то в свое время просто принял решение Иникихара – дать физальцам волю, пока не начали *требовать*. Он-то видел: они вызревают, как вино, вспоминают, кем были до Великого

Шторма. Как бороздили моря на галерах. Как строили прекрасные крепости и действительно оставляли жить только сильных младенцев. Как вышитые их швеями-волшебницами цветы и трезубцы делали простую рубашку непробиваемое доспеха. Так бывает с каждым народом – он рождается, живет, расцветает, потом может ослабнуть и задремать в чужой тени, но позже пробуждается снова, и лучше ему не мешать, не прерывать бесконечный круг, а то потом прервут твой. Иникихар все это чувствовал. А вот *неназываемый*, Истабрулл, его брат...

О нет. Истабрулла я вспоминать...

Плиниус-с-с.

Кровать скрипит, когда я вскакиваю. Неужели мидии у Илфокиона были подпорченные? Они, говорят, могут испортиться так, чтобы ты не слег, но увидел странные сны или услышал странные голоса. Облизываю сухие губы, сглатываю... вот ерунда. А может, предостережение богов: «Верно, верно, не упоминай Истабрулла, никогда не упоминай Истабрулла, особенно в душные дни, похожие на *тот самый*. И тем более не упоминай, как *на самом деле* он сошел с ума».

– Кхар-р... а-а-апчхи!

Резкий шум по ту сторону окна приближается, крепнет – и Скорфус влетает кувырком, едва не сбив одну из кадок с виолами. Нет, лишь задевает когтями пару цветов, да так, что они падают, аккуратно срезанные, на пол. Скорфус шлепается рядом, неуклюже раскорячив лапы, но тут же подбирается и начинает неистово встряхиваться. Ого-о, он поживее той вялой лохматой горжетки, что прижимала к себе моя бедная дочура еще утром.

– Денек добрый, – говорю, спешно идя навстречу и приглядываясь. Да, правда, поживее. – Эй, а я волновался за тебя, меховой мешок!

Он поднимает ясный желтый глаз, упирается им в меня и секунду спустя раздвигает зубастую пасть в белой улыбке. Хлопает крыльями – и, еще раз встряхнувшись, принимает более-менее сидячее положение. Но молчит.

– Как ты?

Заметив виолы на полу, он опять наклоняется и задумчиво подъедает их, втянув губами одну за другой, как устриц из створок.

Никаких манер, а впрочем, чего ждать, он всегда такой. Куда больше беспокоят явные потуги выиграть время, понять, как мне ответить. Скорфус, наглая шкура, за словом никуда никогда не лезет, обычно и не думает, что, кому несет.

– М-м-м. Поспал, – наконец неопределенно отзывается он. Вспархивает резко, рвано – и приземляется на подоконник меж кадок. А вот это движение уже потверже, ближе к привычной грации, точно прямо в воздухе к Скорфусу вернулись силы. – А вы, толстый король?

А я-то что? Со мной ничего и не было. И опять он... а-ар-р, вот есть у него для каждого в замке какое-нибудь ласково-гаденькое прозвище: Орфо – «человечица», Илфокион – «куколка», мои патриции все как один – «мышата», а Эверу явно быть «двуногим». Я «толстый король». Хотя не так вообще-то и толст!

– Не проспал. – Пожимаю плечами. – Работал. Но чудовищная эта жарница...

– Нет. – Он качает головой, потом лениво обвивает себя хвостом. – Что вы тут ошиваетесь?

Проклятие. Я-то не кот, мне не стоит гулять где вздумается, особенно в чужих спальнях. Еще и слово такое нашел – «ошиваться»! Емкое, что бы ни значило. И какое-то презрительное.

– Я не... – все же начинаю, а потом безнадежно машу рукой. – Да случайно забрел, Скорфус, дверь была открыта. Уже ухожу.

Он поднимает светлую полоску шерсти над глазом в знак удивления, но молчит: то ли не видел, как я печально сидел на кровати Эвера, то ли просто решил не лезть. Так или иначе, снова спрыгивает на пол, идет к двери уже достаточно твердо, крылья сложил за спиной – а хвост выставил трубой. Бредя следом, неосознанно усмехаюсь: отлегло от сердца-то, хоть одной проблемой у дочуры меньше: наглый поросенок в теле кота выздоровел и снова будет ее взбадривать. И... гасить, ведь так? Гасить, потому что Эвер...

– Настолько к нему привязаны? – спрашивает Скорфус уже с порога. – Это... занятненько.

Скотина. Нет, все-то он увидел или учуял. И отпираться бесполезно.

– Не думай только лишнего ради всех богов! – Даже поднимаю ладони: больно едкая у него морда, прищурен глаз. – Ни в коем разе я не *как его хозяин* или...

– Не понимаю, о чем речь, – с нажимом говорит Скорфус, и плевать, что это, равнодушие или такт. – Просто уточняю наблюдения.

Я оборачиваюсь, чтобы окинуть комнату последним взглядом: перчатку, блики на которой стали ярче и багровее, виолы, книги, кровать. Щемит проклятое сердце: все здесь *дышит* Эвером, мальчишкой, которого я люблю действительно больше, чем подобает, не переставал любить ни минуты, даже пока ничего не знал о его судьбе. А впрочем, я никогда не отрицал: Эвер действительно угнезвился в моем сердце прочно и быстро, точно так же, как... как Илфокион в твоём, Валато, верно? Для тебя он потеснил Орфо. Для меня Эвер потеснил...

С-сволочь!

Бриз хлещет в затылок, шипит в ухо, стоит отвернуться и пройти вперед. Скорфус наблюдает за мной совсем сузившимся глазом, поводя точеными ноздрями. Он так и сел на пороге, словно передумав как выпускать меня, так и выходить самому. Приходится остановиться напротив. Хотя бы пока не пройдет спонтанная дрожь в коленях.

– Тут правда было не заперто? – Ох, а я бы его пнул за подобные домыслы.

– Правда, мохнатый, не думаешь же ты...

– Стоит все же запереть. – Розовый язык лижет поднятую лапу.

– Так он поймет, что сюда заходили, если не случайно забыл о замке.

– И что здесь такого?.. – Скорфус закатывает глаз. – Могла быть уборка, да мало ли что, думаете, не поймет? Слишком вы носитесь с ним. Куда больше, чем...

– Ага-а, ревнуешь! – Торжествующе целю в него пальцем, ухмыляюсь: ну ясно же как день! – Заревновал мою дочуру, или свое положение, или...

Скорфус окидывает меня еще взглядом, долгим, странным, и плавно встает. Выходит, не ответив ни слова, лишь мягко качнув хвостом. А вот я медлю: все это как... ну как если бы я был глупым ребенком, размазавшим по лицу кашу, а он – моей нянькой. Ох. И боги с ним. Гадать, что у фамильяра в голове, – черпать воду растопыренными пальцами.

У двери, притворив ее, я несколько секунд смотрю на скважину. Может, прав котик? У Илфокионова помощника есть ключ – как и

ключи от всех комнат замка. Можно сходить взять или, чтоб самому не мотаться, послать кого-то потом запереть эту дверь, но все же... Эвера не стоит пугать. Он только вернулся домой, наверняка он вспомнит, что не закрылся. Кто знает, взял ли он вообще свой ключ. Чем меньше у него будет проблем и даже мелких тревог, тем лучше, тем быстрее оживет, смягчится и, может, что-то пойдет на лад. А может...

– Здравствуйте! – звенит на другом конце коридора, и вскоре мимо пробегает сияюще-пьяная принцесса Клио, а следом – ее кудрявые мальчишки. Орфо нет. Нет Эвера.

– Эй, малютка кира, а где... – начинаю я и получаю странную лукавую улыбку:

– Скоро вернутся!

Удивительные у нее глаза все-таки – как миндалинки с угольками в глубине.

Принцесса исчезает за поворотом первой, а целеры задерживаются, чтобы почтительно постучать по своим трезубцам. Я повторяю движение, сам не зная зачем, и белокурый – как его там, Рики? – улыбается во все зубы. Хороший мальчишка, ну правда. Да все они славные. Этот, кажется, вчера перетанцевал со всеми патрицианскими дочками.

– Скоро вернутся... – повторяю рассеянно, на сердце шевелится запоздалая тревога. А ну как Орфо и Эвер поссорились? Между собой или с этими? Вроде не похоже, но мало ли. Сложно.

Чинить всегда сложнее, чем ломать, нет разве?

Скорфус неожиданно вспрыгивает мне на плечо, точно пытаюсь оторвать от невеселых раздумий. Ложится теплым воротником, свешивает лапы. Урчит. Я треплю его между ушей и неспешно иду прежним маршрутом: спальня Орфо, спальня Лина, спальня Валато, а между ними всеми – еще пустые. В который раз думаю о том, как поредела наша семья. Шурины не оставили потомков, из старших поколений тоже никого нет, и если так смотреть... боги, не сегодня завтра династия просто угаснет, если Орфо не выживет. Кто останется в замке? Как эта древность с живым, кажется, сердцем будет себя чувствовать, без Каператисов? Как...

– Скорфус, – окликаю я быстро. Дурные мысли, совсем скверные, надо гнать и срочно выбираться на воздух. – Скорфус, а что все-таки с тобой было, почему прихворнул?

Мне бы просто отвлечься, хоть на что. А он елозит: похоже, не понравился вопрос. Но наконец отвечает, вяло, словно цедя слова:

– Я не прихворнул, если вам правда интересно, толстый король.

– Хм. – Врет, что ли? – Значит, все-таки настолько утомился, спасая...

«Спасибо», вот что надо бы сказать ему отдельно, и я готов, только он не дает, перебивает:

– Нет, не утомился. – За этим тяжелый, опять странный какой-то вздох. – И все обошлось. Слава... богам. Но думаю, воздержимся от повторений.

– Радует, – отзываюсь я. Что-то в последних словах не то, подвох какой-то, лучше передам-ка их Орфо, и пусть выпытает подробности. Ей-то он расскажет. – Хм, а что тебе, кстати, снилось? Вы, твари божьи, сны вообще видите?

Вздрагивает. Всем телом вздрагивает, будто я дернул его за хвост или уколол иглой, тихонько шипит. Становится горячее, потом холоднее – ох и чудное тело, будто живет отдельной жизнью от мозгов. Снова подняв руку, осторожно чешу ему макушку. Теплый. Опять просто теплый, но от ласки уворачивается, дергает ухом. Ворчит что-то там свое.

– Эй. Ну не отвечай, если это какой-то великий секрет. Я к богам не...

– Да, – отзывается он, будто и не слушая. Усмехается, бьет меня хвостом между лопаток. – Да, мы видим тысячи снов, толстый король, и в каждом правим глупыми людишками, вот! – Уже хохочет вовсю. – В моем последнем вы все были моими рабами!

А все-таки и в этом смехе есть что-то не то. Чую нутром, но не могу объяснить.

– Ну-ну. – Повожу плечами, делая вид, будто хочу скинуть его, и когти тут же впиваются крепче. – Да не обязательно для этого спать, за то, что ты сделал и делаешь для моих детей, я и сам был бы рад тебе чем-то послужить. – Мы выходим на лестницу. Я многозначительно понижаю голос: – Признавайся-ка. Чего, может, хочешь, а?

Он молчит, молчит выразительно и долго, будто предлагая мне самому повторить в мыслях свои слова. Я повторяю – и опять меня прошибает, прошибает до скрипа зубов. «Для моих детей». Забавно,

Лин-то к этому коту не подходил ни на шаг. Я и не Лина имею в виду, совсем не его.

– Хочу, толстый король, – заговаривает наконец Скорфус, и приходится встряхнуться, я даже шагу прибавляю. Голос тихий, тоже не похож на обычные его наглые приказы. – ...чтобы вы заботились о них как можете. И защищали. Что бы ни случилось. И держали в порядке душу.

– Да... – Спотыкаюсь, и горит уже во мне тревожный маяк. Не его это тон, ох, не его, и слова сами. Так и хочется стащить, взять за подмышки, посмотреть в лицо... морду... да что есть, в то и посмотреть. Бодрюсь со всех сил: – Э-э-э, чудишь, дружище. Спросонок, что ли? Говоришь так, будто помирать собрался, хватит, ну!..

Много сегодня болтовни о смерти. Ох, много. Опять Скорфус смеется. Хлопают крылья – он сам слетает с моего плеча и делает в воздухе маленькую петлю.

– Не хотелось бы. – Он все не успокаивается, хотя за бархатистым смехом мне теперь чудится натужный кашель, какого не было даже у Эвера. – Не могу же я оставить свою человечичу с этим двуногим...

– Со славным Эвером, – тихо вздыхаю. И боковым зрением подмечаю его резкое движение.

– Славным, да... просто удивительно, как все выходит.

– Не будешь же спорить? – Не могу удержаться, дельфины – мысли – поднимают головы снова. – Славный, правда? Ты ведь у нас полубог, ты не мог не оценить, хоть люди полубогами и не бывают. Какой он... весь. Сколько в нем какой-то такой силы, благородства, света... – напариваю нужное слово. – Породы! Вот! Будь он котом, это был бы самый лучший кот, под стать тебе, и...

Боги. Что только несу. Может ведь правда подумать что-то неправильное, грязное или...

Он перестает смеяться резко, будто поперхнувшись. Подлетает ближе и замирает точно против меня, смотрит желтым глазищем в глаза. А потом вдруг начинает, ерзая, опять принохиваться, так, что свистит воздух. И снова становится как-то жарче, душнее, будто обдувает пустынным ветром. От этих «шмыг-шмыг», что ли?

– Дурной какой запах, – говорит наконец Скорфус, как припечатав. Неужто намек?

– От меня? – Стараюсь, чтобы прозвучало грозно, мол, не балуй мне тут, «толстого» короля прощу, а вот «вонючего» – нет. Но он только качает головой, спокойно летя спиной вперед, пока я продолжаю спуск с лестницы.

– *Вокруг вас. Вокруг нас. Очень не вовремя, не находите?*

– О проклятие мое! – Не сдержавшись, отмахиваюсь, как от мухи. Он послушно ныряет вбок. – Да что сделал с тобой этот долгий сон, чем растревожил, ты...

– Увы. – На этот раз смотрит он как-то даже затравленно и одновременно задумчиво. – Ладно... Пока не ваша забота, толстый король. Полечу-ка на кухню, может, есть сливки? Надо кое над чем подумать, а под сливки лучше думается.

Прежде чем я бы хоть рот еще открыл, он разворачивается – и, набрав скорость пушечного ядра, мчит вниз, чтобы молниеносно пропасть за поворотом в один из коридоров. Тупо смотрю вперед, как если бы за Скорфусом остался радужный след, тоже прибавляю шаг и, в настроении все более скверном, добираюсь через еще несколько витков, пролетов и коридоров в наш многоугольный холл, под зоркие глаза портретов. Мой собственный кажется тоскующим – ну совсем как я сам. Лин смотрит словно бы обиженно. Орфо замученная.

Тебя не хватает, Валато. Правда, тебя тут не хватает, пустая стена с пошлым натюрмортом, заменившим твое лицо, отвратительна. Но у тебя нет права встречать гостей замка, нет права лишней раз напоминать о себе. Ты погубила нас своими фантазиями. Я никогда тебя не прощу. Но и говорить с тобой, похоже, никогда не перестану. Уф-ф... как жарко опять. Можно бы, пока никто не видит, голову в лебединый фонтан в углу окунуть, но не хочется. Уже несколько раз за последние недели мерещилось, будто вода в нем отдает железом и полынью.

Выхожу, киваю часовым, киваю и второму дозору, стоящему на перепутье тихого безветренного сада. Пересекаю его весь, пытаюсь вдыхать запахи и только на них сосредотачиваться: апельсины, магнолии, ландыши, озеро, мох, сырые валуны. С тех пор как верховодит Орфо, роз, гвоздик и гиацинтов почти не осталось – сплошь лесные и полевые растения. Кажется порой, будто она хочет вырастить лес в саду, соединить одно с другим. Может, и к лучшему: легче стало, задышалось вольготнее. Это прежние короли и королевы

любили благородное; ты, Валато, требовала красных и белых роз, множество красных и белых роз. А Орфо?.. Одна у нее, малышки, была мечта, чтоб тебя порадовать, любовь твою заслужить – вывести тебе черную розу. Хорошо, что не вывела. Мерзость же, как представлю черные цветы, так и глаза на лоб лезут. Не бывает в мире черных цветов, не бывает, хотя вот...

Ну то Дикий континент. На Диком континенте многое бывает, чего не водится у нас.

А солнце-то уже стремится зайти, хм. Скоро уползет с небосклона, но понимаю я это, только уже миновав сад, обойдя вдоль стены, выйдя длинным тенистым спуском на западный пляж. Пойду прямехонько вдоль воды – и, наверное, поймаю Орфо с Эвером. Должны ведь уже возвращаться, ужин со мной дочура ни за что не пропустит. Ни за что, ну только если... ха-а-а! Какая все-таки рожица была у принцессы Клио, когда мы встретились в коридоре. Веселая, хитрая, с бессловесным: «Ну вы же тоже это заметили, да?» Заметил, как же. Сохнет по Эверу моя дочь, сохнет, и ничего тут не поменялось. А ну как знаю я, почему убежала принцесса Клио. А ну как...

И пусть. Хорошим это не кончится, перед смертью не надышишься, но – пусть. Это ведь не значит, что дышать не надо.

Закат разгорается, бриз, свежий и соленый, крепчает. Ну вот и все, сошел с меня пот, отстал душный пустынный ветер, настроение как-то получше. Скорфус, правда... ну да боги с ним, со Скорфусом, захочу – встряхну его хорошенько сам, но умнее сказать Орфо: «Дурное что-то с твоим котиком, может, напугал кто, обидел?» Надо ведь за этим всем следить – за дурным. А у меня не получается, никогда не получалось. С дочурой – не понял я, что у нее грех за душой. С Эвером – не заметил, как измываются над ним. С Лином – он ведь, как постарше стал, признался мне в гадком: что наркотическим зельем в детстве забавлялся в надежде боль свою полусиротскую приглушить и страх свой королевский одолеть. А уж с тобой, Валато, с тобой...

Плиnius-с-с.

А не ты ли это, милая? Не шипи. Можно подумать... можно подумать, нужен был мне этот престол, можно подумать, нужно мне – *пришлому* – становиться *исконным*, можно подумать...

Э-эх. Да что там.

Море алое у дальней кромки, синее у берега, а в самой сердцевине – темно-лиловое, как ненастоящее, как дорогая ткань. Ровное, глубокое, ко всему глухое и всему бросающее вызов – ну совсем как глаза красного народа с Дикого континента.

Тау. Тау-тау. Так они приветствуют солнце и прощаются с ним, кажется. Просят у него благословения, как у бога, как у разумного существа, будто не знают: это лишь светильник, озаряющий Святую Гору и наш мир заодно. Нет, они-то верят, что светильник этот – заколдованная птица, орел, раскинувший загнутые крылья так, чтобы над головой его они сошлись кольцом. Орел... Странные люди. Дикие, как их земля. Но, видимо, зоркие.

– Вам лучше знать это, смуглый вождь, – так сказал мне один их посланник, тот, что прибыл с первым, давним кораблем, груженным кофе и желтозубкой. Любопытный малый с тяжелым лицом и этим же закатом в глазах. – Ваша супруга, вождь. Она очень больна.

Ты улыбалась тогда в стороне, безмятежная и белокурая, в голубом платье, и рассматривала его приветственный дар – маленький черный цветок со сложным именем, запертый в круглую банку из тонкого стекла. Ты была такой волшебной... счастливой. А я смотрел в закатные глаза чужака, чьи братья даже корабли строить не умеют, и насмешливо спрашивал:

– Чем это? Все мы, слава богам, здоровы. Это вы в наших краях можете захворать, раз даже ваши цветы, – я покосился на эту ыр... ур... орхидею, – не выдержат, по вашим словам, нашего воздуха и должны жить в банках.

Я бросил ему вызов, он это понял и приподнял подбородок. Взгляд сразу стал из глубинно-мудрого высокомерным, ледяным, неприветливым, и даже крупные черты, которые у нас называли бы «деревенскими», не делали этого человека проще, ближе.

– Призраками, смуглый вождь. Призраками. – Он помедлил, отступил на мягкий кошачий шаг. – Я чувствую: тут у вас многие ими больны. Поэтому мы уплываем уже завтра.

Так-то. Так и живем ведь: пригонят они свое добришко на наемном корабле, забьют трюм уже нашим добришком, да и назад. Не пускает нас вглубь Дикий континент, и его люди не ездят нашими тропами, не живут в наших дворцах. До сих пор так, Валато. До сих пор. А я ему – тому человеку, ныне уже тоже вождю, как его...

Орлиному Ребру в Белом Песке... так и не написал, не признал его правоту, не спросил, что же мне делать и кто еще болен-то, а ну как я сам?

Но твоя орхидея... твоя орхидея...

Плиниус-с.

Кто-то мчится на меня сзади, поднимая вихрь, и я, удивленный тем, как глубоко задумался, готов повернуться...

Спину пронзают пять стремительных ножей, холодных, как самая ледяная пещера.

Морская пена окрашивается красным; падая, я это вижу.

В затылок все ласковее и настойчивее дышит горячий ветер.

Часть 3. Правила монстров

– *Смотри, погиб твой сад, и всюду виолы, ландыши, вербена и тимьян. Какая мерзость.*

– *О.*

Я отомщу ей и за это тоже. За розу каждую свою, гвоздику, гиацинт.

– *Смотри, в крови и руки, и лицо. Ее. Мои. Твои. Как руки эти хрупки...*

– *Как сердце успокоилось мое, что корчится король, что кровью истекает. Скажи...*

А сложно это – овладеть другим и тело воле подчинять?

– *О нет, ничуть, ведь много она прячет. В осколках самое себя, там много*

И грез, и отражений, и надежд. Того, кем стала,

Кем стать могла бы, что могла б сказать.

Увидеть и почувствовать. Она

Меня не замечает вовсе. Скоро ей быть моей. И мы начнем. А он?

– *Он крепче, крепче, чем казался, но*

Меня он помнит. Помнит, ненавидя. Зовет – и я иду.

Они похожи в том. Похожи все, кто мертвецов своих лелеет.

Любя или хуля.

– *Что на сердце его?*

– *И боль, и страх.*

– *Не жаль тебе его?*

– *Ничуть. Убьем еще двоих, а там...*

– *А там и срок придет девчонке*

Стать королевой. На свою беду.

1. Кошмар наяву. Орфо

Ноги как чужие – еле держат, предательски дрожат. Со стороны кто-то мог бы подумать, что я боюсь, но, к счастью, мы одни. И, тоже к счастью, я пока слишком слаба, а вдобавок владею собой. Хотя мечтаю, просто мечтаю хлестко вскинуть руку и отправить этого ублюдка в полет к стене, впечатать в камни со всей силы, до хруста спины, и... и...

О горе мне. Я должна забыть эти порывы. Они недостойны принцессы. И волшебницы.

– Никто. Не давал. Вам. Таких полномочий, – чеканю вслух, облизывая сухие губы. Ровно посередине нижняя треснула, на языке омерзительный железный вкус. – Никто, кир Илфокион.

Он стоит прямо, но не навтыяжку, вздернул подбородок, а вот трясучку победить не может, никак. Тоже ведь можно решить, будто испугался меня. И тоже неправда: просто не спал; уже несколько раз я замечала, как он нетвердыми руками стискивает гудящую голову, что-то бубня.

– Знаю, – бросает, будто плюет под ноги. – Знаю, принцесса. Но давайте начнем с простого: я остался без приказа. И сделал то, что счел правильным. В ваше отсут...

– Вы еще меня обвиняете? – Мои кулаки хрустят, я топаю ногой. Нет, определенно, ты сейчас у меня полетишь, если не заткнешься, полетишь, как... – Меня?! Да вы на меня посмотрите! – Картинно раскидываю руки, демонстрирую исцарапанные вены. – Цените уже то, что я прямо сейчас стою перед вами и наконец могу говорить, то, что я...

Он спохватывается: быстро, дробно стучит кулаком по фибуле, а потом еще и сгибается в поклоне, обрывая меня на полуслове этим изящным движением. Волосы качаются, глаза из-за них блестят настороженно, выжидательно. Да. Он сам все понимает. Понимает, что во многом не прав и что я могу броситься, но не бежит и не напирает по-настоящему. Уже заслуживает уважения.

– Да, принцесса, – говорит он, тихо вздохнув и распрямившись. – Да, не сомневаюсь, что здесь сыграло немалую роль ваше мужество.

Признаться, мы все уже немного сомневались, очнетесь ли вы вообще, и не понимали, что делать, если нет.

Он вяло улыбается. Глаза полны страха, под ними огромные мешки. Я даю себе мысленную затрещину: так, хватит, хватит, ничего уже не поправишь. Пока ты, Орфо Каператис, мучилась кошмарными ночами и *днями*, а твой отец истекал кровью, окруженный перепуганными медиками, целериону, как и Сенату, подобало хоть что-то сделать, хоть для выяснения обстоятельств. Илфокион решил то, что решил. Патриции – даже кир Мористеос! – согласились, попросив лишь проявить *дипломатичность*. Что ж... учитывая, что прямо сейчас мы стоим не возле темницы, а возле большой светлой двери, пусть и в самой-самой высокой замковой башне, башне Волшебства, – дипломатичность проявлена. Насколько возможно. И все-таки...

– И вот я здесь. – Решаю не заводить по четвертому кругу гневные упреки. – И утверждаю еще раз: принцесса Клио не виновна. Как минимум она не умеет драться и не управилась бы с этой чудовищной перчаткой. Как максимум...

Боги, как максимум это самое безобидное создание, какое я встречала за последнее время. И которое, вот ужас, совсем не хочу терять. Ни в каком смысле, не только в политическом.

Ноги все-таки подгибаются сильнее. Охнув, я пячусь, опираюсь на подоконник, склоняю голову к груди, почти коснувшись подбородком ключиц, а потом, наоборот, вскидываюсь – резко, до хруста шейных позвонков. Перед глазами кружат красно-рыжие точки, потом черные жуки, а потом все вроде как становится нормально. Но мне нужна передышка.

Мне есть за что себя отругать и даже проклясть, но что я могла сделать? Кошмары накрыли меня в тот же вечер, когда мы с Эвером нашли папу на берегу. Он, как мне тогда показалось, не дышал. Одежда была в соли, соль попала в пять длинных глубоких ран на спине, и, скорее всего, они чудовищно саднили, хотя папа не чувствовал: потерял сознание. Я... справилась. Не заплакала, не закричала, только сосредоточилась как могла, собрала волшебство и попыталась послать тревожный сигнал Илфокиону, Касу, Полу, Клио, замковым медикам – всем, до кого могла хоть немного дотянуться. У меня никогда этого не получалось, потому затем я побежала, оставив Эвера осматривать папины увечья. Далеко бежать не пришлось:

Илфокион услышал. Он мчался к нам с несколькими целерами, но без медика. Я закричала на него, он приказал одному из парней возвращаться за подмогой, а через полчаса отец был дома. Живой – Эвер сумел остановить кровотечение в той единственной ране, которая задела крупный сосуд. С разгорающейся воспалительной лихорадкой. Я держалась. Последила за медиками, пробыла в иатрии долго, надеясь, вдруг папа очнется и заговорит, но нет. На выходе что-то сонной все-таки случилось: потолок и пол поплыли, стены схлопнулись, и я лишилась чувств. Последним, что я слышала, было возмущенное мяуканье Скорфуса. Он с кем-то спорил за поворотом коридора. А потом меня обступили чудовища из снов. В голове засмеялась мама.

Кошмарных ночей на долю волшебника приходится семь в месяц. У них есть верный признак: луна обрастает багровой канвой – значит, жди их через пару деньков. Придворный астроном, кажется, предупреждал меня – только мне было не до лун в последние дни. Поэтому я оказалась не готова и уж точно не могла подготовиться к другой разительной перемене.

Кошмары не отпускали меня еще и днем; вдобавок снова были очень болезненными. Сказалось горе? Снова? Неужели это правда работает так жестоко? Будто у меня нет ни фамильяра, ни гасителя. А ведь это не так.

Я почти не просыпалась, но в короткие минуты ясности видела то несчастную черную морду одного, то испуганное бледное лицо второго. Тянулась к ним, мне давали лапу или руку, но легче не становилось. Скорфус ложился под бок. Эвер касался моих скул, пытался удержать взгляд и вытащить меня разговором. «Смотри на меня». «Дыши». «Я рядом». «Хочешь пить?» Он неумолимо раздваивался, порой вместо него я видела Монстра и начинала с визгом вырываться. Но даже за этими рваными вспышками бодрствования мне не удалось спрятаться от чудовищной реальности. Папа на волоске от смерти. Все очень устали и не понимают, что делать. А окровавленную когтистую перчатку Эвера нашли в комнате у физальского посла доброй воли Клио Трэвос.

Так прошло трое полных суток, и, видимо, боги посчитали их как семь ночей. На четвертый день я очнулась сравнительно бодрой, вскочила и вот теперь пытаюсь разгрести последствия всего произошедшего без меня.

– А ее целеры? – тихо уточняет Илфокион, подходя на шаг. Солнце блестит в его сальных, давно не мытых волосах. – Они бы справились.

– Илфокион. – Опять я опускаю «кира». Нет сил на формальности. – Эти ребята... в чем смысл? Они заинтересованы в дружбе с нами. Они не ненавидят Гирию, по крайней мере, я ничего такого не заметила, не почувствовала...

Я не до конца искренна; конечно, мне нужно самой посмотреть им в глаза. Но чего я точно не хочу – так это мазать грязью будущих или как минимум *возможных* друзей в компании не слишком симпатичного начальника стражи. Причем под дверью, где они заперты, как мыши.

– Вы волшебница с довольно слабой интуицией, – веско напоминает он. Вот же скудоумный дельфин-лицемер, а ведь еще недавно звал меня «развитой девушкой»!

– Но я не дура, – усмехаюсь так зло и уверенно, как только могу, понижаю голос. – Я достаточно к ним приглядывалась. Они не такие, как старшее поколение. – Он изгибает брови, я, вздохнув, не даю напомнить очевидное: – Да, я знаю их пару дней. И да, я должна бы цепляться за любую возможность найти и наказать виновного. Я найду. И накажу. Но...

– Я все-таки хотел бы присутствовать при разговоре на случай... – Илфокион косится на дверь, и в этот раз силу я все же применяю: заставляю его опять ко мне повернуться. Он потирает щелкнувшую челюсть.

– Нет. Ни за что. Полагаю, Клио не скоро согласится видеть вас возле себя, и я ее понимаю. – Щурюсь. Пора сказать то, чего я очень опасаясь, но, увы, иначе у нас точно не выйдет слаженный дуэт – замена отцу. – Вы напали на нее на допросе, чтобы проверить, есть ли у нее боевые рефлексы. Вы затащили ее сюда. Еще одна подобная выходка – и я отстраню вас от должности, запру в казематах. Не нужно создавать мне лишних дипломатических проблем.

Хорошо, что в одну из минут просветления мне успели это доложить. «Следственный опыт» Илфокиона просто ужаснул меня, нужно будет сейчас выпросить подробности. Ох, как бы не услышать что-то, отчего моя жажда расправы усилится. Она и так клокочет.

Мы смотрим друг на друга тяжело, почти яростно едва ли не полминуты, но наконец он все-таки сдается. Опускает глаза, сжав зубы, и неровная краска приливает к шее, к ушам. Я поражаюсь про себя: какой замызганный у него вид и какие опять идеальные стрелки. Скорее всего, рисуя их каждое утро, он собирается. В смысле, повышает боевой дух. Я слышала, красный народ разрисовывает кожу с теми же целями.

– Ладно. – Он кивает, нехотя снимает с пояса ключ и отдает мне. – Подожду тут. Но будьте осторожнее.

– Вам очень повезло, – игнорирую его напутствие, продолжаю давить, – что Клио... вошла в наше положение. Одно ее письмо брату – и я проснулась бы посреди вторжения.

– Мне не *повезло*. – Илфокион сжимает губы. Замерев у двери, я жду продолжения. – Ее уговорил кир Эвер. Немного подождать. И он же передал мне... тот ультиматум, с которым она приехала, поэтому после проверки я действительно был очень мягок, куда мягче, чем мог бы. Все мы были.

Эвер. На сердце теплеет, и я тоже сжимаю губы, чтобы не улыбнуться слишком широко. Хочу увидеть его, очень. Соблазн, едва соскочив с кровати, помчаться в его комнату был огромен, но страх и вина перед Клио и парнями победили. Еще успею. Обязательно увижу. Но это важнее.

– Надеюсь, она считает так же. – Бросив это, стучу и тут же слышу смутное «да?». – Клио, можно?

– Заходи! – звенит громче, увереннее, и я напоследок кидаю в сторону Илфокиона укоризненный взгляд. Но он демонстративно отвернулся. Смотрит в окно, скрестив руки на груди.

И пошел он.

Верхние покои башни Волшебства довольно обширны: тут несколько комнат, ванная с большой купальней, балкон в экседре. Они пустовали долго, сюда никого не селили после Истабрулла – того моего сумасшедшего прадеда, который убил людей на пляже, израсходовал на это последние силы и... и...

Нет. Мы по возможности не вспоминаем Истабрулла, особенно в жаркие дни. Хотя сейчас уже не так страшно навлечь этим упоминанием беду, беды и так сгустились.

Экседра встречает меня знакомым запахом лотосов, смешанным с ароматами цитрусовых масел, – все лучше, чем пыль, хотя крепковато. Зайдя, демонстративно хлопаю дверью, чтобы Илфокион дернулся. Смотрю на Клио, сидящую на софе с книгой, потом на Рикуса с Ардоном – те играют в петтейю за угловым столиком. Все три взгляда уже устремились на меня в ответ. И приходится дышать как можно глубже, чтобы сладить с румянцем стыда.

– Мне очень жаль, – первым делом говорю я. Кто-то из парней хмыкает. – Не я это приказала. Вам вернули оружие?

Рикус оживает первым, кивает с легкой улыбкой и даже встает в знак приветствия. Его меч не на поясе, а буднично прислонен к стене. А вот Ардон уже вооружился до зубов – и саблей, и кинжалом, улыбаться не спешит, в кресле разваливается только небрежнее, с видом «уважения ты недостойна». Его глаза, такие же усталые, как у Илфокиона, жгут меня – может, поэтому, заговаривая снова, я обращаюсь именно к нему:

– Вы можете возвращаться в свои покои, прямо сейчас. И конечно... – Сглатываю. Хочется потупиться. – ...вы можете уехать, ведь вам нанесли глубокое оскорбление. И можете...

– Как кир король? – смотря все так же исподлобья, тихо обрывает Ардон. Закидывает ногу на ногу. – Нам никто ничего не говорит.

– Сидим тут, как отшельники, – добавляет Рикус мягче, склоняет голову и нервно трет тот край розоватого шрама, что уходит под челюсть. Солнце искрит в монете на шее, и я неожиданно понимаю, как странно видеть его без доспеха, в простой рубашке, расшитой цветами льна.

Клио молчит, но не отрывает от меня встревоженных, слишком встревоженных глаз.

– Ты белая что-то, у тебя ноги дрожат, – шепчет она наконец, и... меня словно прорывает.

– Плохо, – свистяще выдыхаю я, шагаю вперед, шатаюсь. Куда только делся весь мой запал? – Плохо...

Не знаю, о чем я, об отце или о своем состоянии, но мир туманится, а к золотым бликам солнца примешиваются черные и красные. Я делаю еще шаг, еще, спотыкаюсь неподалеку от софы и, добравшись до нее едва ли не ползком, даже не сажусь – просто

упираюсь в обшивку локтями. Зажмуриваюсь. Пытаюсь дышать носом, сую плечи, по спине бежит озноб.

Я только встала с постели – а уже устала, чувствую три взгляда, но не могу посмотреть в ответ. И все же глаза лучше открыть, иначе перед ними окажется тело отца в розовой морской пене. Лицо Эвера, белое как полотно. Гулкая темнота, из которой тянутся пасти, щупальца и трели мамино смея. Кошмары во сне. Кошмары наяву.

– Ой! – слышу над макушкой, а в следующий миг Клио, свесившись, испуганно, но очень крепко обнимает меня сразу обеими руками. – Орфо, Орфо... ну пожалуйста, ну...

– Простите меня, – как заведенная повторяю я. – Простите. Я не могла... я...

– Я этого не делала, – в унисон шепчет Клио куда-то мне в макушку; надушенные волосы, упав, занавешивают обзор. – Правда, я ни за что бы, я никогда бы, мы...

Ее голос срывается, и я вздрагиваю, отстраняюсь, медленно поднимаю взгляд, едва ли сумев скрыть удивление. Что? Но глаза у Клио мокрые, несчастные, она облизывает и кусает губы.

– Знаю, – осторожно отзываюсь я: этот страх, это искреннее желание оправдаться действует лучше пощечины. Да что за чушь? – Знаю, конечно, да ты бы ведь просто не сумела, и...

– А главное, среди нас нет преступников, да еще таких трусов, – вмешивается Ардон, снова резковато, и все же встает, бряцнув оружием. В пальцах он нервно крутит черного легионера. – И хотелось бы знать, кто мог подбросить эфенди эту дрянь.

– Выясним, – обещаю я, все-таки опустив глаза, прикусив щеку изнутри. – Иначе никак.

Перчатку нашли в шкафу Клио, поверх тяжелых, богато расшитых платьев и накидок. Она лежала вся в крови, почти на виду. Представляю, насколько испугалась Клио, вышедшая из ванной на стук целеров, что она лепетала, как смотрела... И боюсь, они могли бы быть с ней куда грубее с первой же минуты – если бы рядом вовремя не оказался Скорфус, заверивший, что пару часов назад перчатка была совершенно в другом месте. У Эвера на столе. Он сам видел. Разозленный вопросом, что забыл в чужой спальне, мявкнул: «Я кот, могу гулять где вздумается, а вы пошли в задницу!» и велел пальцем

не трогать игаптскую принцессу. А дальше, видимо, и Эвер сказал пару слов. Я благодарна им обоим. Очень. Вот только...

– Клио. – Я не должна спрашивать или как минимум должна сделать это так, чтобы до ушей Рикуса и Ардона ничего не дошло. Но я не могу ждать. Ядовитые колючки сомнения ведь разрослись во мне, разрослись еще в минуту, как я услышала «перчатку нашли у нее». Ненавижу себя за это, но лучше проговорить, чем гадать. – Клио, пожалуйста, скажи, зачем все-таки вы ушли так рано? Выглядело это действительно... странно.

Спрашивая, я вскинулась: не хотела упустить ни одной перемены на ее лице. Не знаю, чего ждала, но не вижу ничего, кроме легкого удивления: приоткрытых губ, округлившихся глаз. Но взгляда Клио не отводит. Отчетливее всего на лице я читаю что-то вроде «Серьезно?». Я даже немного боюсь, что это запоздалая обида, перекипающая в злость; что сейчас она отшатнется или закричит. Нет, она лишь тоскливо, но смиренно улыбается, а потом за нее отвечает Рикус. Он сопровождает слова нервным смешком и столь же нервной игрой бровей.

– Да боги... мы увидели, как вы с киром Эвером обнимались у скалы, и решили, что вам нужно уединение. Поэтому сразу договорились сбежать поскорее, едва это перестанет казаться невежливым. Знали бы, как подставимся...

Клио энергично кивает. Я вся вспыхиваю, но завопить: «Мы не встречаемся!» не успеваю. А действительно... как все это назвать сейчас? Как после второго поцелуя, после...

– Поверь, убийство твоего отца мы не планировали. – Мои заматавшиеся мысли прерывает Ардон. Видимо, он всегда прямодушен: даже вид не делает, что мои сомнения для него загадка. Скользнув взглядом по Рикусу, он опять встречается со мной глазами. – Не говоря уже о том, что смысла в нем нет. Захоти мы, например, отомстить вашей династии, убили бы тебя. – Усмешка кривая, но беззлобная. За эти три дня Ардон не утруждал себя бритьем, совсем зарос, и только сейчас я понимаю, что больше он не сыплет всякими «кира принцесса»: плюнул на церемониалы. – Сварить двух крокодилов, вскипятив одно болото. – Так же быстро усмешка гаснет, брови сдвигаются, почти соединившись с черным треугольником татуировки между ними. – Ведь он не выживет без

тебя, его время почти кончилось, а преемником у вас и не пахнет. Правильно?

Киваю – наверное, с убитым видом: Клио тянется ко мне снова и начинает ладошкой гладить по волосам. Вздохнув, все-таки заползаю на софу рядом, она тут же хватает меня за руку, и я устало откидываюсь назад. Да что за утро, что за ненормальная круговерть слов и мыслей, что за...

– Он не выживет, – шепотом повторяет Клио и заглядывает мне в лицо. – Раны никак не закрываются, да?

Киваю снова, просто киваю, потому что в глазах – и у нее, и у парней – уже вижу очевидное продолжение. Не могу его слышать, лучше озвучить самой.

– У него около месяца, чтобы передать корону. И да, медики говорят, правило двадцати лет уже тянет из него силы, много сил, напоминая, что пора уходить. – Сглатываю. Эти трое не знают мою тайну, не понимают, как все ужасно. Неважно. – Так что да. Я коронуюсь раньше. Не через три недели, а уже в конце этой – чтобы повысить папины шансы. Если вдруг вы все-таки захотите остаться, а ваши делегации приедут...

Что ж, посмо трите, как я умру. Но папу нужно спасти. В последние недели перед коронацией преемника правители всегда слабеют, а папе необходимо сохранить побольше сил.

– Мы останемся, – отвечает Рикус после того, как все они переглядываются. Мне опять прилетает его ободряющая лошадиная улыбка. – В конце концов, не каждый день принцессы становятся королевами.

Или забрызгивают городскую площадь мозгами. О горе мне... Казалось бы, то, что произошло между мной и Эвером возле мемориала, должно свести на нет вопросы о прощении. Должно. Но не сводит. Сидя возле раненого отца там, на берегу, он смотрел на меня с таким отчаянием, так отчужденно, что в глазах сложно было не прочесть немой крик. В ту минуту он боялся себя и меня. И ненавидел, возможно, нас обоих, потому что пять ран от железных когтей не спутать ни с чем. Где-то поблизости расхаживал Монстр, кем бы он ни был. Я его не победила и теперь точно не прощу сама себя. За все сразу.

– Ты что-то продолжаешь белеть. – Рикус делает к нам пару шагов. Подмигивает: – Что, не хочется на трон? Понимаю, по-моему, никому в здравом уме не захочется, с другой стороны... – он крутится на одной ноге, точно танцор, и принимает картинно гордую позу, – в этом много плюсов. Красивые наряды, вкусная еда, куча подлиз...

– Хаби, – одергивает Клио строго. Опять смотрит на меня, и желудок сжимается: вдруг поняла что-то? – Перестань. Это просто очень большая ответственность, тем более получается, что у Орфо съелся большой кусок прощенного месяца...

О, Клио. Сейчас-то я наконец понимаю: чтобы по-настоящему очиститься, мне не хватило бы и прощенного года, пара недель не решает ничего. Вслух говорю лишь:

– Все обряды я уже прошла. Формально я готова.

– И по углям походила? – В голосе Рикуса сквозит разочарование, я удивленно поворачиваюсь к нему. – Ну... интересно же!

– Ха-аби. – Ардон закатывает глаза и чуть тише, но все же добавляет: – Придурок.

Устремленный на меня взгляд теперь полон тревоги. Он тоже что-то чувствует в моем настрое, хотя и вряд ли будет задавать прямые вопросы. Спеша отвлечь его, сообщаю:

– По углям пойду накануне коронации. И тогда же буду пить яд кобры. На последнем пиру.

– Фу! – взвизгивает Клио, сжав мои пальцы. – Брат и Лэлэйя тоже пили...

– Ты ведь помнишь, что это не опасно и даже полезно, если у тебя здоровый желудок? – Рикус уже расплылся в улыбке. Похоже, предстоящее зрелище его немало вдохновляет, несмотря на все обстоятельства. – В общем, будет весело, и мы обязательно тебя поддержим!

– Спасибо на добром слове. – Вздыхаю. Весело. О да, воплощенное веселье.

Рикус подходит вплотную и шумно плюхается к нам на софу. Монета подпрыгивает, крутится, и я украдкой пытаюсь рассмотреть, что за профиль на аверсе. Но ко мне снова поворачивается реверс – какой-то поцарапанный кружок с листиками.

– Прекращай. Твой папа поправится, – тихо и убежденно говорит Рикус, заглядывая мне в глаза. Его костлявая, жилистая, теплая ладонь

накрывает наши с Клио руки. – У него громадная сила духа, так мне показалось, и он любит эту жизнь. Это всегда чувствуется, это помогает.

Он не прибавляет: «И пусть его жена напала на нас, а он не помешал», это даже не читается во взгляде. И я слабо улыбаюсь, пока на меня не падает:

– Станешь королевой – и он точно пойдет на поправку.

Не прощу себя. Нет, не прощу, даже если Эвер простит. Я всем несу беды, несу, видимо, со дня, как родилась. Меченой уродкой, умеющей только открывать порталы и швырять туда людей. Бесхребетной лгуньей, которой нужно было просто сразу признаться, что она натворила. Может, мы что-то исправили бы сразу. Может, папа позвал бы каких-то там сильных волшебников с Дикого континента, они вытащили бы Эвера... *только Эвера*. Кто гуляет теперь по нашему замку и заходит в чужие комнаты? Кто, если часовые не видели никого на западном пляже? Как вернулась эта троица. Как ушел в сторону мемориала папа. Все.

Что-то из страхов Эвера и Илфокиона все-таки оказалось правдой. Возле нас таится зло.

– Ладно. – Сил моих больше нет. Вздохнув, я отнимаю руку у Клио и Рикуса, встаю. – Ладно, спасибо большое за... понимание и терпение, вас больше никто не запрет, ваши покои, повторюсь, вас ждут. Кир Илфокион в коридоре... – Я замечаю, как вздрагивает Клио, и сильно повышаю голос. – И да, киру Илфокиону тоже очень стыдно, что он поспешил арестовать кого попало, таких благородных особ! Как только вы выйдете, он извинится!!!

И только попробуй стечь по лестнице, покрашенная ты медуза.

– Спасибо. – Клио все смотрит на меня снизу вверх, снова со странной эмоцией, которой я совсем не жду. – Но не нужно, правда... он был резок, потому что испугался, и он...

– Он напал на тебя, мне доложили, – цежу сквозь зубы я, но она только усмехается:

– Просто прыгнул в мою сторону с грозным оскалом, уже сказав: «Мы закончили, можете идти». А я попятилась, упала на пол и завизжала. Но он был даже без оружия.

– И все же. – Я морщусь, готовая сказать о дипломатическом иммунитете и банальном уважении, но Клио настаивает:

– По закону он имел полное право на что угодно, ведь у меня нашли...

Она снова зябко поводит плечами, не сумев закончить, – видимо, окровавленная перчатка еще стоит перед ее внутренним взором. Губы дрожат. Она словно собирается повторить: «Я этого не делала!», а я не понимаю зачем. Конечно. Уверена, особенно теперь, когда услышала идиотскую причину ее спешного бегства.

– Ох, Клио. Это ничего не доказывает. Это вообще могло быть актом мести, уже тебе. Заносчивой физалийке-игаптянке, посмевшей к нам явиться.

Она вымученно улыбается, и, глядя в ее блеснувшие глаза, я пытаюсь успокоить нас обеих:

– Давай думать здраво, Клио. Как любит Ардон. – Кидаю на него взгляд, он кивает, демонстрируя вежливое внимание. – Папу ранили уже ближе к месту нашей пирушки. Недалеко от смоковниц. Ты вряд ли добежала бы туда никем не замеченная, разве что прокралась поверху, по всяким утесам, ну или, может, проплыла под водой? – Натянуто смеюсь. – Ловчее кошки, быстрее ветра?

– Я была в купальне, – тихо и серьезно возражает она, зачем-то показывая мне аккуратную правую кисть. – Помылась, обстригла сломанные ногти и вычистила грязь из-под них, намазалась медом с молоком, лежала. Хотела хорошо выглядеть...

– Следов меда и молока на папе не нашли, – шутить больно, но я пытаюсь. Не хочу, чтобы она совсем раскисала. Перевожу задумчивый взгляд на Рикуса, на Ардона. – Вы, конечно, куда проворнее, тут Илфокион прав. Но все же...

– Да ради всех богов. – Ардон, вздохнув, проходит к окну. – Замок окружен скалами и сам стоит в скалах. У вас есть южный главный выход – в город, западный – на берег в сторону мемориала, три «черных» в разных точках и те «тайные» ступени на восточный пляж, что вырублены в дальней стене. – Заметив, как я впечатлилась его умением с ходу накидывать план локаций, он усмехается. – Главные входы охраняют по два целера плюс дозорные на стене. – Открыв створку, он осматривается еще, высота птичьего полета и расположение башни позволяют. – У ступеней, и наверху, и внизу, тоже есть часовые. – Он снова оборачивается. – Остаются рыночный, лесной и морской входы для тех, кто доставляет вам провизию. Скорее

всего, обычно там можно проскользнуть, но сейчас охраняются и они, верно?

– Сейчас охраняется все. – Киваю. – Потому что вы здесь и грозились объявить войну, если Клио вдруг пострадает. Стражи стало втрое больше.

Ардон разводит руками, вспрыгивает на подоконник и, сев поудобнее, мирно смеется.

– Значит, вариант один. Кто-то из нас выпрыгнул в окно, расправил крылышки и полетел за твоим отцом. По каким-то причинам его не добил, подбросил перчатку эфенди и снова спокойно занялся своими делами. Звучит логично.

– Крылышки, – прежде чем повеселевшая я бы фыркнула, повторяет рассеянно Рикус и встает с софы. – И когти. – Когда мы встречаемся глазами, я почему-то мигом догадываюсь, что услышу, и замираю. Нет, веселья не предвидится. Просто... что? А этот бред откуда?

– Эй! Выдумывай что угодно, но Скорфус не стал бы этого делать! – Даже не скрываю возмущения. Это не тот вопрос, где нужен такт. – Ни за что. Тем более он весь день плохо себя чувствовал... – Рикус открывает рот. – Так, слушай. Что за домыслы? – Даже тошно становится: знал бы этот парень, как многим я обязана «крылышкам и когтям» своего фамильяра. – Если кто-то наболтал тебе, что в замке живет одноглазое чудовище с дурным нравом, то это не так!

– Ну... по крайней мере, не совсем, – удивительно, но меня сразу поддерживает Ардон, нежащийся на солнце. Он уже втянул на подоконник длинные смуглые ноги, посматривает лукаво, почти ехидно. – Ты не права, мы знаем твоего кота, он заглядывал к нам. Приносил сырные пирожные. Просил не рубить сплеча. Делился пошлыми мыслями о вашем будущем с...

– И кир Эвер, кстати, тоже бывал! – торопливо перебивает Клио, но по взлетевшим бровям Ардона и Рикуса мне все ясно. Ох... – Его иногда впускали часовые. Но он казался таким расстроенным, так мало говорил, выглядел, будто вообще не спит... мне его очень жалко.

– И мне. – Вздыхаю. Знали бы вы, сколько для жалости причин, и они только множатся.

– А все-таки, близко ты знаешь этого кота? – Рикус явно не хочет так просто отказываться от дурацкой версии. – Кровь на перчатке, если

подумать, могла вообще быть чья угодно, хоть собачья. И это могло быть просто отвлекающим маневром, чтобы...

– Рикус, – одергивает Клио, забыв даже о своем «хаби». Она, похоже, все прочла по моему злобно-затравленному взгляду. – Я же просила, перестань так думать или молчи! Скорфус – хороший кот и, как и всякая родная кровь Гестет, он никогда не обидит человека!

– Не говоря уже о том, что у котов-фамильяров полидактилия. Семь пальцев, не пять, – снова подает голос Ардон, а потом, хмыкнув и неожиданно подмигнув мне, добавляет: – Твой Скорфус предложил подправить Рикусу зубы и шрам божественной силой, так что не удивляйся.

Зря он это: вспыхнувший Рикус в несколько шагов оказывается рядом и с грозным шипением вытягивает руки – будто намерен придушить приятеля. Не то чтобы мне, сегодня узнавшей что-то новое, было дело: надо же... а я пальцы Скорфуса никогда не считала, надо присмотреться к его мягким лапкам.

– Да ладно, ладно, мне твои зубы очень даже нравятся! – Ардон, хохотнув, лягается и пытается увернуться. – И шрам тоже, он, наоборот, делает тебя мужественнее, тебе бы только подкачаться еще да перестать суту...

– Ардон, – теперь Клио одергивает его, еще более сердито. Судя по всему, замечание далеко не первое в их общей жизни. – Я же просила...

– И я, и, кстати, давай потише! – Рикус хмурится, вроде даже дует, но мигом хватая приятеля за локти, заметив, как сильно он, дурачась, качнулся на подоконнике. – Или закрой створку. – Вздохнув, он оборачивается и снова смотрит на меня. – Ладно, прости. Я, конечно, не обижаю чужих питомцев и тем более полубогов почему зря. Но твой Скорфус действительно держится в эти дни странно, дерганно. Может, конечно, просто волнуется за тебя, но будто... скрывает что-то?

Например, экс... эзи... экзистенциальный ужас, или как он выражается? В смысле, четкое понимание, что папе конец, мне конец, а значит, конец всем его надеждам на блестящее будущее королевского кота. Я не удивлена. Наши чувства похожи, только у меня нет возможности взлететь на приглянувшуюся крышу, усесться там и

долго, истошно орать на луну. Да что там, у меня даже возможности вылизать себя – это вроде тоже «кошачий способ расслабиться» – нет.

– Ну, вообще, да. – Клио задумчиво заправляет волосы за уши. – Я не думаю, что речь о чем-то плохом, но Скорфус не такой, как в день нашей встречи. Его все раздражает.

– Даже моя монета, не то что зубы! – встревает Рикус, опять возмущенно. Ардон кивает.

– И он всех нюхает... Я даже помылся после этого лишний раз.

Да что такое. То, что они описывают, мало похоже на Скорфуса. Он остряк, но не брюзга.

– Разберусь. – Вздыхаю. – Разберусь обязательно, что там с ним. Наконец-то я снова в строю, сейчас пойду найду его и Эвера тоже...

Эвер. Только мысль о нем еще способна меня успокоить, хоть немного. А не должна бы: разве он – не то, на чем замыкаются все проблемы, настоящие и будущие? Да. Но на него же надежда.

Смотри на меня. Дыши. Я рядом. Он не бросал меня эти три кошмарных дня. Судя по всему, не спал. Пытался поддержать, как в детстве, пытался... погасить злобное волшебство, смешанное с моей болью. Хотя, возможно, на его месте я просидела бы все три дня у постели отца.

– Кста-ати, слушай. – Теперь встает и Клио. Снова у нее лукавый вид «Я тебя поймала», и несложно сделать вывод: она догадалась о части моих мыслей. Так и есть. Оттащив меня в сторонку, она понижает голос, но хихикает так, что вряд ли парни не понимают предмет разговора. Святой стыд. – Вы так мило обнимались! Зачем все-таки ты соврала мне, да еще и потом отпиралась, неся чушь про пересаженные ландыши? Что вы не...

«Что вы не...». Ну да, ну да, это я и пыталась объяснить ей там, на нашей маленькой пирушке, когда она, пьяно фыркая, висла на мне, царапала плечо ногтями и канючила: «Ну что же, что же между вами происходит на самом деле? Почему вы не *то*, почему вы не *это*?» Теперь щеки и шея немного горят при одном воспоминании о моих ответах, ведь получается, я... правда слукавила? Или все же нет?

– Я не врала! – Безнадежно обороняюсь. Видя, что и Рикус, и Ардон все равно греют уши, решаю даже голос не понижать. – Нет, Клио, нет! Эвер. Не. Мой... – Запинаюсь. Кусаю губу. – Ох. Ладно, давай повторю то, что уже говорила. Между нами все очень сложно. –

Давлю вздох. Клио не сводит с меня глаз. Не понимает. Не верит. Придется углубиться. – Не знаю, знакомо ли тебе это. – Кулаки сжимаются сами. – Когда в детстве между вами словно натянута какая-то непонятная, невидимая, нежная нить, но потом она с треском лопается, и взрослые вы подходите друг к другу уже просто с обрывками в руках, если вообще подходите. Вот. Мы...

Ардон нервно поводит головой, я вижу это боковым зрением. Рикус цокает языком.

– Но ведь подходите, – странным тоном прерывает Клио. И обнимает себя за плечи, будто продрогнув. – Это главное. Но... да, я, наверное, поняла. Извини. Пожалуйста.

Перевожу взгляд на парней, но теперь оба смотрят куда угодно, лишь бы не на нас. Рикус играет с монетой, Ардон считает то ли птичек, то ли облака. Клио отступает на шаг. Я отступаю тоже, внезапно поняв: продолжать разговор мне сейчас очень в тягость. Есть что-то, что я упускаю. Что-то оттуда, из «мы еще не подруги». На секунду даже становится жаль, ведь шансы стать ими здорово уменьшились. Но что есть, то есть.

– Да. – Улыбаюсь всем троим, хотя вряд ли получается естественно. – Да, обрывки тоже надо беречь, и за это я очень благодарна вам. Собирайтесь, если успели что-то сюда перетащить, и возвращайтесь по комнатам. Там, на нашем этаже, ведь куда лучше. Теплее, не так сквозит, ну и конечно, вам больше не придется есть как узникам...

– Ага! – Рикус машет кистями рук, будто стряхивая окутавшую нас неловкость. – Спасибо. И знаешь, дело даже не совсем в сквозняках или замке на двери. Тут... жутковато, что ли?

Ардон, поскребывая щетину, добавляет:

– Будто от стен отражается смерть.

Ого. Смотрю на него в упор, долго, впервые теряясь взглядом в священных татуировках. Игаптяне... ну да, они помешаны на смерти, им лишь бы кого-то обмотать благовонными бинтами или засолить в каменной бочке. Но все равно слышать это тревожно, учитывая, что вряд ли ребятам рассказали, кто жил тут до них; мы очень, очень неохотно упоминаем Истабрулла.

– Ну вот и славно, что я продрала глаза так быстро. – Старательно бодрюсь. – Собирайтесь и выметайтесь поскорее. И давайте сегодня

вместе пообедаем в саду?

Это спонтанно, но я правда хотела бы посидеть с ними. И со Скорфусом, и с Эвером... Собраться вместе. Почувствовать хотя бы недолгую иллюзию безмятежности.

– Да, да, давай! – Клио хлопает в ладоши. Тут же, сникнув, вздыхает. – Выпьем за здоровье твоего отца. В Физалии верят, что такие тосты имеют силу.

– Тебе лишь бы выпить, эфенди! – хохочет Рикус. – А впрочем, да, славно, хоть сто раз.

Улыбаюсь, стараясь удержать в себе неожиданное, милостиво кем-то подаренное тепло. Это что, и есть она? Дружба с кем-то... кто не твой брат, не твой кот и не твоя... нянька? Как же здорово. Но, попрощавшись, выйдя и привалившись спиной к двери, я несколько дурацких секунд медлю. В голове вертится паническое: «Вдруг они сейчас начнут смеяться надо мной? Обсуждать, какая я дура и дрянь?» Но они молчат. А вот Илфокион, следящий за мной, уже опять выгнул брови и ехидно открыл рот. На фоне солнечного неба за окном его фигура темная, мрачная, но никакого трепета мне все равно не внушает. Напоминает облезлую борзую, надевшую парик.

– Ни слова. – Поднимаю ладонь, и его зубы щелкают. Все-таки не так плохо иногда быть волшебницей. – Только мысленное спасибо. Они не в обиде на вас. Собираются. Счастливо.

Не дожидаясь ответа, гордо следую мимо. Лопатками чувствую раздраженный взгляд с искренним посылом: «Сломайте ногу, принцесса». Сам сломай! Уже на лестничном спуске все-таки становится совестно: зачем я так, если подумать? Я ведь могу представить себе всю бездну отчаяния, в которую свалился Илфокион, она вряд ли мельче моей. Он любит отца беззаветно, любит, как большой пес, и еще неизвестно, что устроила бы я сама, если бы не упала без чувств. Seriously. Узнав о перчатке в вещах Клио, вспомнив, как спешно они с парнями удрали с эраноса, не сложив правильно два и два, не прояснив голову... что бы я натворила?

Картинка встает перед глазами ярко, и я едва не вскрикиваю. А потом дыхание перехватывает: похоже, на меня рушится то, что не сбылось. Я ясно это вижу – как по яростному взмаху моей руки Клио отлетает к стене, как я распинаю ее на кладке и проворачиваю запястье, останавливая ей сердце. Останавливая сердце... или

разверзая еще один портал. Клио кричит и корчится, сосуды в ее глазах лопаются, ребра трещат, на груди занимаются искорки, быстро перерастающие в магическое пламя. Я смотрю на нее, наслаждаясь каждым воплем и хрипом, каждым «Я не виновата, отпусти!». Она дрожит, такая хрупкая и уродливая. Она...

Да, я бы сделала это. О горе мне, я бы сделала это. Боги... боги...
– Орфо?

Я не заметила, как прибавила шагу, как побежала, как тяжело дышу и как лихорадочно мотаю головой – точно мокрое животное, пытающееся вытрясти воду из ушей. Не заметила я и фигуры, выросшей на очередном лестничном витке, так что просто врезаюсь – лбом в грудь, со всей силы. Слугу я бы, вероятно, просто сшибла, опрокинула, но мне повезло. Эвер ловит меня – выучка, которой неизменно обзаводишься, сопровождая слишком подвижных малолетних принцесс, – и, сжав легонько плечи, возвращает в вертикальное положение.

– Ох. – Выдыхаю. Понимаю, что возвышаюсь над ним, потому что он ступенькой ниже. Неловко переступаю с ноги на ногу. И опять эта предательская дрожь в коленях, чтоб ее!

На лестницу просачивается свет из бойниц, и я вижу не только восхитительный солнечный блеск в волосах Эвера, но и жуткие мешки под его глазами, корку в углах губ и то, насколько помята обычно безупречная одежда. На подбородке щетина – не такая броская, как у Ардона, но все же, и эти мелкие порезы от явно небрежных попыток ее сбрить... Так. Орфо, спрячь руки за спину. Спрячь немедленно!

– Привет. – Голос едва слышится. Сглатываю, трясую головой еще раз, и наконец картинка умирающей Клио окончательно стирается, даже с границы сознания. – Привет, прости, я...

– Ничего, – быстро отзывается он, но тут же явно прикусывает язык.

Опускает глаза. Нет, ему никуда не деть из взгляда тревогу и участие, не деть, несмотря ни на что, и, скорее всего, он злится на себя из-за этого. Я несмело улыбаюсь. Не знаю, как бессловесно показать: «Эвер, мне не нужна жалость, и вообще можешь идти, куда шел, я...»

– А я как раз думала поискать тебя.

И это вместо «...я тебя не держу»? Ну-ну. Орфо, ты только что вцепилась в его запястья хуже краба, не даешь убрать руки со своих

плеч. Ох, как бы не ляпнуть что-нибудь еще. Медленно разжимаю пальцы, действительно прячу руки за спину. Ожидаю, что ладони Эвера тут же соскользнут с ткани моих рукавов, но нет – я все еще чувствую их. Ободряющую твердость. Прохладную дрожь. Дрожь... Всмотревшись в него внимательнее, я со вздохом убеждаюсь и в правоте Клио, и в собственных догадках.

– Не спал? – спрашиваю осторожно, избавляя от необходимости реагировать на «думала поискать». Не так чтобы жду честный ответ, но после колебания Эвер кивает.

– Помогал сегодня медикам с твоим отцом... Когда увидел, что тебе легче, пошел к нему.

– Спасибо.

Снова тяжело сглатываю. Да, я действительно бесхребетная, иначе не скажешь: боюсь даже спросить: «Как он?» Если бы улучшения были, Эвер упомянул бы их в своей последней фразе. Не упомянул. Значит, либо улучшений нет, либо что-то стало хуже, а он, видя мою убитость, просто меня щадит, замалчивает. Мой добрый Эвер... Вздохнув, отстраняюсь от его прикосновения сама и тихо прошу:

– Ну теперь-то поспи.

Я не могу не заметить, как он вздрагивает, как его глаза снова становятся медленными, как он приоткрывает губы, словно собираясь ответить, а потом сжимает их. Мотает головой со странной эмоцией – не то досада, не то упрямство, не то печаль. В конце концов сухо бросает:

– Нет, не хочу.

– Ладно. – Медленно шагаю вперед-влево, чтобы обойти его и скользнуть по лестнице дальше. – Как знаешь, няня в нашей паре ты.

«В нашей паре...» О боги. Я едва не вою от несвоевременно глупой шутки и от самих этих идиотских слов. Пара? Вот же ничтожество. Чего ты хотела добиться, а если не хотела, то почему не можешь просто вырвать себе язык и засунуть в задницу? Навсегда. Всем станет легче. Эвер молчит. Видя это, я собираю последнее мужество и делаю еще шаг, сообщая:

– Если хочешь навестить Клио и ребят, то они собираются, скоро вернуться в свои комнаты, я все решила. Можешь помочь им или подождать, там наверху Илфокион, и, скорее всего, он не в...

– Вообще-то, я хотел увидеть тебя. – Это как толчок в спину: я разве что не спотыкаюсь. – Узнать, как ты. Сегодня в середине ночи твой сон стал спокойнее, и я понадеялся...

– Да, я очнулась, – в который раз перебиваю, не могу удержаться от того, чтобы оглянуться. – И я в порядке, правда!

Он, тоже ко мне развернувшись, смотрит – остро, обеспокоенно. Явно не верит. Понимаю, вряд ли он не видит мое серое лицо, колтуны, следы ногтей – везде, я здорово расцарапала себе во сне и запястья, и шею поверх старых ран, и щеки. Только теперь, мысленно посмотрев на себя глазами Эвера, я понимаю, почему Клио, Рикус и Ардон так быстро надо мной сжалились, вообще почти ни в чем не упрекали. Скорее всего, решили, что наказана я достаточно.

– Я рад. – И вдруг он снова делает навстречу шаг, замирает напротив. Уголки губ чуть дрожат в улыбке. – Тогда, может, прогуляемся? Тебе явно нужен свежий воздух.

В эту минуту, когда он так близко, я чувствую: меня вернуло бы к жизни кое-что другое. Косой луч падает Эверу на пряди, на плечи, заставляет слабо мерцать даже его кожу – это все напоминает искры изморози в пещерах Подземья. Странная иллюзия... Я моргаю, но она не пропадает. Ну и как удержать рвущуюся с языка шутку с огромной долей правды: «Эвер, ты просто ослепителен, и я хочу вместо свежего воздуха твой поцелуй. Сейчас»? Вдыхаю. Нет, Орфо, нет. Читай по губам. Тебе предлагают про-гул-ку. Так что повернулась – и пошла.

– Да, буду рада. – Прежде чем сделать это, все-таки позволяю себе особенно долгий взгляд. – Я... я чувствовала, что ты где-то тут. Пока была в кошмарах. За это тоже спасибо, ты пожертвовал, похоже, столькими часами сна...

– Не стоит благодарить, – откликается он не без горечи. – В смерти отоспимся.

– Ха! – Не могу удержаться, даже округляю глаза. И всеми силами отгоняю спонтанную жуть. – Ха, Эвер, ты что это, откуда на твоём языке внезапно мои шутки? Не пугай меня!

«На твоём языке». Ох. Какое там слово использовал Скорфус, пытаюсь передать недовольство моим пошлым юмором, «кринж»? Что бы это ни значило и в каком бы мире ни употреблялось, звучит отлично. Я действительно задним числом продолжаю думать о... не о воздухе.

Он слабо усмехается, но глаза остаются серьезными. Ладно, надеюсь, его слова так и останутся шуткой, не сбудутся. Вздыхаю. Кивнув на спуск, первой продолжаю его, мужественно молчу весь путь до нижнего этажа. Стараюсь даже не оглядываться. И очистить мысли.

Подступы к лестнице и выход охраняют сразу две пары целеров. Откровенно скучая, они играют в непонятную новомодную игру из Ийтакоса: расселись прямо на полу, у каждого в руках по вееру разрисованных карточек, еще стопка лежит между ними. На некоторых – портреты, на некоторых – просто символы, и похоже, тут как в петтейе: у всех карт разный ранг, по крайней мере, я раз за разом слышу то «Бей!», то «Бито!». Машинально смотрю на верхнюю карточку в стопке. Белокурая дама с алыми губами, в алом же одеянии откуда-то из эпохи короля Арктуса, – будто живая. Чудится, что она насмешливо машет мне скипетром. Корона серебрится в волосах.

– Все в порядке, принцесса? – учтиво спрашивает старший целер, делая попытку встать. – Наверху, с вами?

– Да, да. – Облизываю губы, жестом прося его сидеть. Оторвать взгляд от дамы, так похожей на мою мать, сложнее, чем я думала: будто увязаю в горячем болоте, теряюсь в складках и лентах ее рукавов и юбки. – Скоро спустится кир Илфокион, даст новые распоряжения...

Целеры кивают. Новая карта – красивый темноволосый юноша в голубом – шлепается поверх дамы. Прибавляю шаг, чувствуя плавную поступь Эвера за спиной. Говорить все еще не получается, опять начинает подташнивать. Видимо, и правда воздух мне не помешает.

Эвер что-то замечает и, догнав меня на крыльце, мягко сжимает пальцы в своих.

– Что? – Похоже на шепот ветра. Кажется очень нежным, но приходится поскорее стряхнуть эту иллюзию. Не нежно, просто тихо.

– Так, разваливаюсь себе на части... – Неловко, неестественно дергаю плечами, как если бы наступила на электрического утря.

Пальцы не отпускают, но я не позволяю себе сжать их в ответ, чтобы их тут же не отдернули. Может, Эвер вообще сделал это случайно, привычно. Как когда я была маленькая и сопливая.

– Понимаю. Пошли.

Теперь он ведет, а я послушно следую хвостом: все равно, куда ему захочется, где он сочтет воздух достаточно свежим. Это будет апельсиновая роща? Крепостная стена с ландышами? Уголок с

виолами и земляникой – тот, что появился еще в год войны, когда я не знала, чем себя утешить? Нет, Эвер идет дальше, минует и пруд, откуда я таскала мох, и мамин старый крохотный розарий, единственный, который я пощадила, переустроивая все на свой вкус. Дальше, дальше, в самое сердце сада. Запахи лимонной мяты, тысячелистника, майорана и календулы бьют в нос; в траве робко, но приветливо проступают белые головки каменных роз: кустарник упорно не хочет расти хоть немного вверх, все стелется и стелется ковром. «Целительский садик». Ну конечно.

– О... – Вопреки этому «конечно» в голове, с языка слова не идут. Эвер помнит это место. Оно не пахнет для него разрушенными надеждами.

«Садик в саду» я разбила специально для Эвера, когда поняла: он все еще хочет быть медиком. Не моим гасителем, не нашим с Лином придворным умником, не воином – медиком, больше, чем все это, вместе взятое. Мне было десять, и в ту весну я развернула большое приключение, выпросив у Илфокиона сразу трех целеров в постоянный дозор – их обязанности сводились к тому, чтобы охранять пятачок от Эвера, охранять, пока я все не посажу и это не вырастет хоть немного. Ему понравилось, и придворным медикам, кстати, тоже – прежде они ходили за травами на рынки или в лавки. Без Эвера сад продолжал жить, живет и сейчас. Ступив на светлую поляну в аккуратных лучах пестрых грядок, я сразу подмечаю: здесь недавно срезали с десятков тысячелистников, тут взяли лопух и ревень, там крапиву и кровохлебку. Для папы. Все для папы. Знала ли я, что помогаю и ему, сажая сад? Моя кровохлебка, например, намного лучше той, что есть у окрестных травников. Я ведь выводила не только виноград.

Эвер опускается под можжевельником, прислоняется к стволу. Мой можжевельник – полная противоположность каменным розам: вопреки породе чересчур вымахал, не стоило скрещивать его с сосной. Зато он дает большую тень. Это одно из моих любимых деревьев в саду.

– Не могу, – выдыхаю. Я должна это сказать. Ноги подгибаются, я скорее падаю, чем сажусь.

– Что? – тихо переспрашивает Эвер, смотря на меня из-под полусомкнутых ресниц. К стволу можжевельника он уже прислонился

затылком, чуть запрокинул подбородок.

– Пойти к папе, увидеть его.

– Понимаю, – отзывается Эвер. Снова это слово.

Зря. Понимания это не заслуживает. Я должна его навестить, как ни больно видеть любимую мою темную гору слабой и истерзанной. Силясь собраться, приподнимаю руку, срываю с нависающей ветки можжевелевую ягоду. Шершавая, густо-синяя, крепкая, под пальцами она нехотя рассыпается кислотовато-свежим запахом. Рассматриваю ее. Сжимаю в кулаке. Бросаю. На Эвера я больше не смотрю, но чувствую: он ждет, скажу ли я что-то еще. Наверное, я бы не стала. Я бы просто посидела в тишине и, может, помечтала бы о других обстоятельствах, о тех, в которых мы могли бы сейчас целоваться, снова. Что-то... изменилось? Я ведь правда не понимаю этого. Не понимаю, могли ли мои слова «Ты нравишься мне сейчас» что-то повлечь, помнит ли Эвер их вообще, вызвали ли они у него что-то... что-то...

Что-то кроме отвращения?

Нет, нет, стой, Орфо. Не нужно пустых драм. Он вряд ли почувствовал отвращение, пусть и не ответил ничего конкретного; мы смеялись, шутили, было настолько хорошо, насколько вообще может быть у нас после того, что мы пережили. Да-да, отвращения он, скорее всего, не почувствовал, но... но...

– Коронация пройдет через три дня, Эвер, – говорю я вслух. – Я должна спасти отца. И очень надеюсь, что ты... ты мне поможешь.

Но ведь никогда не поздно его вызвать, правда?

Поворачиваюсь так быстро, как только могу: нет, я достаточно храбра, чтобы увидеть и его разочарование, и гнев. Но когда наши глаза встречаются, я не вижу ничего, даже удивления, – Эвер сидит все так же, тревожно-усталая бирюза мерцает из-под светлых ресниц. Я перевожу взгляд на его руки и замечаю, что они немного сжали траву. Вот и все. Все, чем он себя выдал.

– Знаю и не могу обещать этого, – наконец произносит он ровно. Подняв одну руку, откидывает волосы со лба. – Но я постараюсь.

Все? И все? Я стискиваю зубы, резко вспомнив, с чего – с каких взглядов, каких усмешек – мы начинали дней пять назад, или когда мы выбрались из Подземья? Его: «Да здравствует королева». Мое: «Я предлагаю тебе сделку». Тогда все между нами казалось безнадежным,

неразрешимым, непонятным... О нет. Безнадежным, непонятным и неразрешимым все стало только сейчас.

– Спасибо. – Все, что я говорю, и он склоняет голову, трет глаза кулаками почти яростно. Это бессильный жест. – Может, все-таки поспишь?

– Нет! – резковато отвечает он, и я, пожав плечами, смолкаю.

Его может раздражать моя забота. Подумаешь, меня тоже сейчас раздражает почти все.

– Просто... – Наверное, и он не в восторге от своего тона. Вздыхает. – Просто сон сейчас не приносит мне облегчения, Орфо. Будто и меня никак не отпустит кровавая луна.

– То есть ты все еще... – начинаю я, но боль в его глазах заставляет замолчать.

Замолчать, хотя хочется спросить: «Что тебе снится?» Замолчать, хотя хочется пообещать: «Я приду в твои сны и зарублю всех чудовищ, которые там есть». Замолчать, хотя честнее было бы спросить очевидное: «Это все тоже из-за меня. Да?» и, получив кивок, поскорее отвернуться. Но я поступаю трусливее – просто перевожу разговор.

– Повеселю тебя, – нервно фыркаю. – Представляешь... Рикус, кажется, подозревает Скорфуса. В нападении на папу.

Жду, что Эвер тоже фыркнет, или улыбнется, или даже позволит себе шутку в духе «Ну-ну, он сразу мне не понравился!». Но я снова промазала с репликой: глаза его совсем пустеют, он опять закрывает руками лицо, сидит так какое-то время, и только ветер мягко треплет его волосы. Сердце предательски сжимается. На миг кажется, что я сейчас услышу: «Это вполне вероятно». Сглатываю, кулаки опять с хрустом стискиваются. Да... нет! С чего это все, они сговорились?! Скорфус просто не мог этого сделать, и не только потому, что фамильяры почти не нападают на людей. Скорфус любит нас, замок – его дом, мы – его семья, и мне вообще не приходило в голову, что, например, он... изобразил плохое самочувствие, чтобы не ходить с нами к мемориалу? Чтобы что-то сделать в замке? Что-то плохое? Совсем наоборот!

«Это *моя* проблема, не ваша. Вам нельзя становиться уязвимыми».

Он не хитрил, говоря это и впиваясь когтями в мою руку. Он казался очень расстроенным, нет... раздавленным? Я встряхиваюсь.

Да. Даже Эвера я не пощажу, если сейчас он заявит...

– Кто бы это ни был, вряд ли это твой кот, – к моему облегчению произносит он и все же дарит мне вымученную ободряющую улыбку. Похоже, чувствует: мне важно это услышать.

– Знаю. – Улыбаюсь в ответ, сажусь немного ближе. – Но спасибо. Еще бы выяснить кто.

– Не я, – выпаливает вдруг он. От неожиданности я, ерзающая в траве, чтобы сесть поудобнее, едва не падаю ничком.

– Э-э! – Удерживая равновесие, опираюсь на его колено, но тут же отдергиваю руку. Вглядываюсь в лицо, ищу шутливость, но он серьезен. Все-таки смеюсь, добавляя: – Да чего ты как Клио? Конечно, на папу напал не ты. Ты же был со мной.

Но вместо того чтобы засмеяться в ответ, он сжимает губы. А потом с них все же срывается то, чего я не хочу слышать, но что кажется эхом моих недавних мрачных мыслей.

– Зато Монстр может быть где-то рядом.

– Эвер, бр-р! – Дергаю плечами, осторожно цепляю его под локоть и, прижимаясь ближе, пытаюсь заглянуть в глаза. – Послушай. Этот инцидент может иметь какую угодно природу. В конце концов, если так подумать, у папы много давних врагов. В Сенате остались мамины сторонники, которые просто затаились; из-за моей коронации город взволнован и...

– Тогда кто-то должен приглядывать за тобой, – тихо обрывает он, и наши взгляды снова встречаются. – Чтобы ты не стала следующей.

Смеюсь так громко, как только могу. Кусаю губу. Приглядывать? А давай ты? Вслух шучу:

– Эвер, ради всех богов, может, просто повесим на меня табличку: «Эта принцесса и так скоро сдохнет, потерпите, терпение – добродетель!»? Меньше проблем, а то дел столько...

И он все-таки смеется в ответ, совсем тихо, почти призрачно, но так чудесно – я обмираю. А потом, не вырываясь, он вдруг наклоняется ближе, слегка касается лбом моего лба и шепчет:

– Твои шутки... знаешь, порой мне уже кажется, будто ты *хочешь* умереть. Это пугает.

В горле пересыхает. По спине бежит жаркая дрожь, и не только от его горячего дыхания.

«Я хотела. Часто хотела. Почти постоянно. Пока думала, что ты мертв и это я убила тебя».

– Я...

Дикий крик не дает ни закончить, ни сделать глупость – податься ближе к его губам, к этой слабой щетине на подбородке, к этим убийственным, неотрывным от меня глазам.

Кричат в верхних покоях башни Волшебства.

2. Блеск древнего серебра. Эвер

Сад никогда еще не казался таким бесконечным, а замок в его сердцевине – таким далеким. Мы бежим через грядки лекарственных трав, ломаем кусты, спотыкаемся. Треск, топот, наше дыхание – других звуков нет, крик оборвался. Я думаю, что сейчас упаду – так сорвался с места, но все наоборот: я обгоняю Орфо шагов на десять, а потом и на двадцать, в пять-шесть прыжков проскакиваю сад камней, проламываю огромную тростниковую сетку, увитую виноградом. Мои ноги будто пружинят, а вот Орфо, хотя и несется стрелой, отстает сильнее и сильнее. Я замечаю это, только услышав сзади удивленный оклик, но выбрасываю его из головы в мгновение ока.

Потом. Все потом. Это неважно. Куда важнее, что Ардон, которого мы увидели падающим – нет, кубарем вылетающим – из окна, все-таки зацепился рукой за проем. А сейчас, когда я уже почти под стенами, стою с горящими стопами, едва дыша, – с ним рядом кто-то появился.

Ардон судорожно пытается то ли подтянуться, то ли крепче ухватиться; его ноги бессмысленно ищут опору на отвесной стене. В ответ на какой-то возглас он дергается вверх, точно раненый лев, тянется второй рукой. Звякает и сверкает серебро, падает в кустарник у подножия башни. Монета. Значит, прибежал Рикус. Да, в проеме мелькает его белокурая голова. Свесился он опасно, очень опасно, так низко, что их с Ардоном лица едва ли не соприкасаются...

– ПОМОГИТЕ! – Да, это его голос. – СТРАЖА! КЛИО!

Шею сводит – я смотрю на них, не решаясь позвать, чтобы, не дай Зирус, кто-то случайно не дернулся, не разжал рук. Не понимаю... эти двое схожей комплекции и даже если успели снова облачиться в доспехи, игаптские пластинчатые панцири намного легче физальских тораксов. Почему Рикус никак не затащит его наверх, почему...

– Хаби! – Кажется, это голосок Клио. – СТРАЖА!

– СТРАЖА! – кричу и я, надеюсь, что хоть здесь, в саду поблизости, кто-то прохлаждается. Ведь, скорее всего, пока мы с Орфо сидели в тени, Илфокион снял большую часть часовых и ушел сам. Вряд ли он пожелал задержаться, вряд ли даже оставил кого-то, чтобы помочь ребятам перетаскать вещи. А может, вещей особенно и нет,

ведь забирали их почти без всего, это потом прислуга что-то донесла. А значит...

– Лезь! – кажется, хрипит Рикус там, наверху.

– Да помощи... тяни... – Нога Ардона снова скользит по кладке.

Лихорадочно озираюсь, ища хоть какой-то способ им помочь. Стража могла бы растянуть плащ, но стражи упорно нет; кусты чахлые – да я и не успею наломать достаточно веток, чтобы смягчить падение. И потом, даже если ободрать все поблизости, достаточно для такой высоты не будет. Я решаю иначе – и бегу к крыльцу, стараясь не думать о простом и беспощадном: ребята на высоте примерно десяти этажей, и даже если я опять смогу двигаться очень быстро...

– Ри-икус!

Истошный визг застает меня на ступенях – и пригвождает к ним. Я вскидываюсь снова, пытаюсь не думать – о странном свисте ветра, который словно окружил меня, об этом ослепительном солнце над краем крыши и о ветках, снова о ветках. Они выпали. Оба. И летят вниз под крики Клио, чье лицо темнеет в окне. Словно этого мало, я опять вижу ее *мертвой* – на этот раз полуразложившейся, с сальными, налипшими на лоб волосами. Прогалы челюсти. Огни в глазах. Вижу очень хорошо, слишком хорошо для десяти...

– А-А-А-А-А!

Этот крик гремит сзади, хриплее, ниже. Но прежде чем дернуться на него, я уже все понимаю – и дрожь прошибает меня от затылка до пальцев ног. Воздух рассекает упругая невидимая волна. Рикус и Ардон, точно куклы на веревках, замирают где-то на высоте пятого этажа. Медленно отведя от них взгляд, я нахожу Орфо – на том месте, где только что стоял сам.

Она кричит снова, сгибает ноги, как если бы волокна на спине тяжелую ношу, и дергает плечами. Все ее раны и царапины – на шее, на запястьях, на лице – кровоточат, кровь струится и из-под ногтей. Но вскинутые вперед-вверх напряженные руки направляют невидимый поток. Он достаточно мощный, чтобы удерживать две фигуры, пусть и в странных, неестественных позах, снова и снова напоминающих о театральные игрушки. Они живы, это главное.

Бежать в башню нет смысла – разве что проследить, чтоб Клио не вывалилась следом? Нет, скорее она сама уже несется вниз. Слетаю со ступеней, не зная, впрочем, чем помочь Орфо, может ли хоть кто-то.

Рикуса и Ардона мотыляет вправо-вниз: похоже, сила дала сбой. Орфо, свистяще выдохнув, возвращает контроль, но все ее ногти уже красные, из груди рвутся хрипы. Она расставила ноги, как в боевой стойке; плечи окаменели. От них до запястий то и дело бегут крупные судороги, а пальцы скрючились, словно птичьи когти. Глаза застыли; метка на левой руке горит тревожным оранжевым огоньком. Я никогда такого не видел.

– Орфо... – шепчу, медленно идя к ней, больше всего опасаясь, что резкие движения ее собьют. Молчать, говорить? Шепчу: – Орфо, отлично, еще немного. Давай...

Она сжимает зубы, но тут же снова кричит, дергаясь. Я даже не знаю... здесь ли она, что видит и что слышит. И тем более не знаю, есть ли смысл в моем полном страхе и надежды:

– Я рядом. Здесь. Просто знай... ты сильнее.

Сильнее чего? Ее взгляд темный, тяжелый, исподлобья – и на малодушный миг я замираю, вспомнив, когда видел у нее такой же. Там. На берегу. В тот ливень, когда вокруг лежали четыре трупа, а эти простертые вперед пальцы сдавливали мои кости, сердце, горло. Но я сбрасываю оцепенелый ужас, делаю еще шаг, не сводя с Орфо глаз и повторяя все те же слова. Вряд ли ей это поможет. Вряд ли, хотя в детстве помогало. Помогало и в снах последних дней. И может...

Она судорожно выдыхает, шатается. Рикус и Ардон опускаются еще на этаж, но резко, рвано, и по задрожавшим сильнее кистям Орфо я ощущаю что-то очень дурное – до дрожи в спине.

– Орфо...

Кровь из-под ее ногтей начинает капать в траву, а колени подгибаются сильнее.

– Что-то... мешает, – выдыхает она сипло. И испуганно. – Не могу просто их...

В воздухе звенит всхлип – Клио? Она, похоже, уже где-то рядом, я почти вижу, как она бежит по ступенькам, задыхаясь и прижимая руку к боку, слышу топот ее ног в мягких лодочках. Точно отзываясь, Орфо дергает руки вверх, и две фигуры тоже дергаются, но – проклятие! – тут же ухают еще ниже. Кубарем. Орфо ловит их, а я вижу их круглые, полные ужаса глаза, рты, приоткрытые в немом вопле. Рикус с Ардоном даже не двигаются, просто смотрят вниз. Я не знаю, сколько раз их сердца уже остановились и сколько остановок еще выдержат.

Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Отпущены. Пойманы. Нет, нет, это больше не может...

– Эвер! – Рикус собирает силы и хрипло кричит это, видя, что я спешу точно под место их неминуемого – неминуемого, я уже уверен – падения. – Эвер, нет, приятель, ты не мягкий, вообще не мягкий, не!..

Голос задушенный, на середине фразы он кашляет, давясь дрожащей натянутой улыбкой. Кажется... или и он, и Ардон даже не бледнеют – сереют? И все еще не шевелят ни ногами, ни руками. Куклы? Нет, не куклы. Наконец я понимаю, их тела просто сдавлены, сдавлены волшебством; я задыхался так же, когда Орфо пригвоздила меня к скале, я помню это ясно, чудовищно и теперь уверен: еще немного, и усилия будут бессмысленны. Еще рывок вниз, еще сопротивление волшебства. Крик, скрежет зубов, глухие сипы. Ребят что-то мотает, ударяет об стену, швыряет. Орфо ловит, снова, но Ардон уже слишком часто хватается воздухом. Из его носа идет кровь. Он пытается задрать голову, словно ему мешает дышать петля.

– Орфо, они задохнутся! – Оборачиваюсь. Она все в той же позе, заоченелая, сосредоточенная, напряженная... и кажется, лишь кажется чудовищем, но я должен ее предупредить: – Ты... ты...

Ты убиваешь их. Но нет, это застревает в горле, я просто не понимаю, как поступить правильно, и... делаю еще шаг. Пусть лучше правда падают на меня.

– А-А-А! – снова вырывается изо рта Орфо, и, оглянувшись, я уже вижу ее на коленях, но она упорно тянет вверх окровавленные руки. Лицо расколол страх, глаза заблестели.

Она сама все поняла. Она больше не знает, что делать. Пытается ослабить удушье – парни падают, усиливает хватку – хрипят. Точно смеясь, какая-то сила вдавливают ее в землю еще больше, я вижу это по примявшейся вокруг ее колен траве. Да что за... что...

– Орфо! – Кажется, она вот-вот лишится чувств. Ее метка ослепительно горит.

– Отпусти нас! – Не знаю, чего стоит Рикусу этот крик, он дергает в воздухе запястьем.

– Отпусти! – вторит Ардон, хриплее и глуше.

Но она ползет. Упрямо ползет на коленях ближе к башне, шатаясь, сгибаясь, не опуская рук и не отводя глаз. Ищет равновесие. Между смертоносностью и спасительностью своей силы.

– Да ни за что. Ни за... – сипит она, и на шее, висках, лбу расцветают темные ветки вен; теперь я кидаюсь к ней с безумной мыслью – как-нибудь отдать свою энергию, вдруг это возможно, не станет ли ей тогда... – Эвер! – Она отшатывается, едва не упав. Скованно, точно кто-то держит ее подбородок в одном положении, качает головой. – Нет, нет, ты меня погасишь!..

А ведь да. Скорее всего. От ее полного ужаса и мучения голоса я замираю в пяти шагах, и ненависть к себе резко переполняет меня, металлически лязгает в ушах. Снова отступаю. Ничтожество. Ничтожество, я ведь ничем не могу помочь ей или двоим на волоске от смерти. Даже если бы они правда упали на меня с той высоты, то только переломали бы кости. Я...

– Не могу, – шепчет Орфо, сипло ловит ртом воздух и вмиг падает на бок, уронив руки. Ее губы искусаны в кровь, волосы облепили лицо. Рассеявшееся волшебство, точно тугая пружина, жарко свистит в воздухе. Тая, оно оставляет огромную вмятину на стене.

Рикус и Ардон в облаке каменной крошки летят вниз, но, судя по сомкнутым векам и тишине, им уже почти все равно. Это бессмысленно, но я опять кидаюсь навстречу, тяжело ворочая в голове одну за другой глупые мысли. Попробую поймать, попробую хотя бы чуть-чуть задержать падение, попробую...

– Плюхайте на мягкое! – звенит вверху, и меня резко накрывает укрупняющаяся с каждой секундой тень. – На ката! Только...

Скорфус! Извернувшись в воздухе, он задействует свою магию и вырастает до размера большого быка – достаточно, чтобы Рикус с Ардоном ударились о его живот не слишком сильно. Увы, как и все фамильяры, в таком состоянии Скорфус может продержаться недолго. Едва смягчив ребятам падение, он скидывает их, уменьшается и шарахается вбок. Рикус с Ардоном, уже кувырком, все же рушатся на меня – зато совсем с небольшой высоты. Твердая земля неожиданно приветлива; запах травы никогда еще не казался таким острым и нужным. Даже боль первые несколько секунд растворена в облегчении: Ардон и Рикус дышат, шевелятся, кто-то успел захватить локтем мне в ухо. Хотя приятного все равно мало.

– Да-да, – под хруст наших суставов и мой стон довольно комментирует Скорфус, спикировав поближе. Глаз горит лукавством. – А потом сразу на доктора. Отличный выбор.

Приподнявшись на локтях, сплюнув каменную крошку, встряхиваюсь. Рот полон крови: я прикусил то ли щеку, то ли язык, то ли все сразу; странно, что целы зубы. К счастью, иллюзия, что меня переломали всего, проходит, стоит Рикусу и Ардону окончательно осознать происходящее и скатиться с моей спины. Оба падают в траву – и заходятся кашлем. Рикус при этом лихорадочно оттягивает кожу на шее, точно надеясь, что так в горло попадет больше воздуха, а Ардон растирает плечи, даже не пытаясь остановить кровь из носа. Я обессиленно лежу, наблюдая за ними. Кажется, приходят в норму, даже быстрее, чем можно было надеяться, вот только глаза...

– Пресвятая Гестет! – К моему облегчению, взгляд Рикуса проясняется, и он подает голос. А уже через секунду хватает Ардона за ворот и дергает к себе. – Так! А теперь быстро говори, сколько ты слопал...

Его прерывают испуганные возгласы, лязг и топот сразу с нескольких сторон: ну наконец-то целеры поняли, что в башне Волшебства случились какие-то неприятности. Солдаты Илфокиона не то чтобы лезут из всех кустов, но их действительно много, и вопросы они задают наперебой, обступая нас кольцом. При этом вплотную никто не подходит. Не знаю, что пугает их больше, – то, что мы в крови, или взгляд, которым смотрит на них Скорфус, немое «Вам головы нужны, чтобы носить шлемы?». Он уже носится вокруг неподвижной Орфо. С усилием сбросив оцепенение, совладав с нытьем в спине и коленях, я тоже кидаюсь к ней. Это словно сигнал: некоторые целеры все же подходят ближе. Одна группка спешит к Рикусу и Ардону, другая – к нам.

Скорфус делает самое бестолковое, что может, – обмахивает Орфо крыльями, одновременно гневно шипя на парочку самых быстрых часовых, протянувших руки и что-то забормотавших, кто про помощь, кто про смерть.

– Не смейте ее сейчас тормозить. Не трогайте, нет! Нет, жива! Двухногий, на спину ее!

На лицах вокруг нас ожидаемое сомнение. Еще три дня назад они, скорее всего, не послушались бы *кота*, даже фамильяра принцессы, но без короля многое изменилось. Кроме Илфокиона и некоторых, самых близких к Плинию патрициев, только он и понимает еще хоть что-то в перевернутом с ног на голову замке и городе. Личные советники

Плиниуса, например, вообще отказались иметь к происходящему хоть какое-то отношение, еще когда физальскую принцессу посадили под замок. Сейчас я сомневаюсь, что Скорфус не делает хуже: на боку у Орфо меньше риск задохнуться. Но он требует слишком уверенно, и я подчиняюсь.

– Ее нужно доставить к медикам... – Окровавленная кожа Орфо, ее так и не расслабившиеся руки притягивают взгляд. Она лежит в странной позе, не человек, а скульптура – будто попалась на глаза той злобной отшельнице-нимфоманке с волосами-змеями. Трогаю запястье. Горячее. И правда, будто каменное. Тошнота подкатывает к горлу. – Скорфус, что с...

– ЧЕЛОВЕЧИЦА! – видимо, тоже сорвавшись, мявкает он, резко приземляется и... впивается мерцающими когтями ей куда-то в солнечное сплетение. – ДЫШИ!

Целеры, судя по перекосившимся лицам и паре воплей, готовы кинуться его оттащить, я тоже, но мы не успеваем даже шевельнуться.

– А-а-а-а! – Содрогнувшись, как от поцелуя с электрическим скатом, оживает Орфо, с усилием разлепляет веки и... обмякает, будто кровавые дыры на тунике действительно чем-то ей помогли. – Мальчики... вы все... – Взгляд едва переползает по нам; кажется, я наконец понимаю, что она все детство имела в виду под моими «медленными» глазами. – Почему вы все так орете? Тише...

Скорфус, облегченно урча, снова забирается ей на грудь. Тянется с высунутым языком к окровавленному лицу, а она не сопротивляется, наоборот, приобнимает его одной рукой. О боги... он правда собрался ее вылизывать. Уже начал. А она умиротворенно зажмурилась, дыша все ровнее.

– Принцесса, – робко зовет один из часовых, но Орфо вяло отмахивается другой рукой.

– Я в порядке. Правда. Лучше туда... – Снова открыв глаза, она указывает на Ардона и Рикуса, что-то объясняющих другим солдатам. Клио тоже прибежала, упала рядом со своими целерами на колени, всхлипывает и обнимает обоих за шеи, грозя придушить еще разок. – Нужно разобраться... я не понимаю... не...

У нее заплетается язык, она так и лежит навзничь, поглаживая гладкую шерсть Скорфуса окровавленными пальцами. Взгляд почти не

движется, кажется расфокусированным, но, найдя меня, немного проясняется. Светлеет. Вдруг загорается чем-то, что я не могу описать.

– А ты почему такой помятый, Эвер? Рот в крови...

Она почти незаметно тянет ладонь навстречу. Я колеблюсь всего несколько секунд, прежде чем сжать ее сразу обеими руками. Может, это и что-то из наших детских привычек, может, нет. Так или иначе, после того что она сейчас сделала, я не смог бы притвориться, будто не заметил этого робкого движения, тем более демонстративно отвернуться и отвергнуть его.

– Это неважно. – А вот голос звучит так, будто душили и кидали с башни еще и меня. – Что с тобой? – Я склоняюсь ближе, и она наконец реагирует почти живо: морщится.

– Магический коллапс. – Рука у нее подостыла, но все еще очень твердая. Осторожно пробую помассировать ее. – Да, спасибо, так хорошо... – Она снова прикрывает глаза. Грудь вздымается слабо, не без усилий, и вряд ли оттого, что на ней сидит Скорфус. – Устала... Вот и все, не переживайте. Главное, ребята целы.

Оборачиваюсь. Физальцы продолжают что-то говорить столпившейся вокруг них мрачной страже; кто-то уже дал Ардону платок и гематитовый оберег с шеи – остановить кровь. Хорошо, что пока не явился Илфокион – он наверняка поволочет нас выяснять обстоятельства. Все равно узнает... но пусть хотя бы не сейчас: Клио от облегчения плачет в голос, Орфо так и лежит; парни потирают то ребра, то шеи. Да и в целом лучше сначала что-то от них услышать – самим. А уже потом решать, насколько широко услышанное можно распространять по замку, тем более за его пределы. Город и так в последние дни держится на честном слове, точнее, на нескольких честных словах патрициев. О том, что у короля лишь небольшая травма, о том, что принцесса просто столкнулась с Кошмарной неделей, о том, что ничего необычного вообще не происходит. Ни с кем. Судя по всему, скоро улицы и так залихорадит, ведь коронация вне срока – это...

– Вообще, странно, – задумчиво бросает Скорфус, отрывая от невеселых мыслей меня. Он перестал лизать Орфо скулу, обернулся, смотрит туда же, куда и я: на Рикуса и Ардона. – Они не так чтоб увесистые парни.

– Зато какая высота, – мрачно напоминаю я. – Можешь себе представить, насколько тяжело удерживать двух человек на...

Как сухо в горле, как сложно продолжать. Как легко оживают в памяти дождь и холод скалы под моим позвоночником. Страх. Боль. Что-то отдает на кончике языка горечью и солью. Ах да. Кровь. Вместо того чтобы сплюнуть ее, с усилием сглатываю, но избавиться от предательского, злобного шепотка на краю рассудка сложнее.

Тогда ты расправилась со мной играючи, Орфо. Никаких кровотечений, никаких обмороков. Интересно, тебе придала сил ненависть?

– Правда. – Голос Орфо снова вырывает меня в реальность. – Скорфус прав.

Я сам не заметил, как стиснул ее пальцы до хруста, но она, похоже, не чувствует. Спешно расслабляю хватку, с облегчением подмечаю, что рука стала чуть больше похожа на человеческую. Орфо двигает ладонью, но не пытается ее высвободить. Облизывает губы.

– Их словно... что-то отнимало у меня. Не знаю.

– А ты вообще раньше управлялась с таким весом, высотой? Ты настолько развила силу?

Настолько перестала бояться, что твоя метка тебя убьет?

Впрочем, ответ очевиден: вряд ли. Орфо качает головой.

– Может, дело в этом, да. Ладно, хватит... – Она цепляется за меня крепче и садится, снова привлекает внимание пары солдат и громко просит: – Если никому не нужна помощь медиков, – она встречается взглядом с Рикусом, с Ардоном, и те мотают головами, – оставьте нас. Если, конечно, вы не услышали от моих гостей о каких-то вопиющих инцидентах...

– Инцидент заключается в том, что кто-то слишком много ест! – шипит Рикус и получает тычок в бок. – Эй!

Стража с сомнением переглядывается. Орфо это замечает и, как может, повышает голос:

– Можете уведомить кира Илфокиона! Кира патриция границ! Советников, если они готовы вернуться к своим обязанностям! Кого угодно. Но дайте нам, ради богов, поговорить наедине!

Она все больше нервничает – наверное, боится, что за пределами замка все же поймут, насколько трещит по швам жизнь внутри него.

Она права: меньше людей, посвященных в детали, – меньше сторонних разговоров, особенно когда кто-то... кого-то...

– И пусть кто-нибудь уже накрывает стол в саду, пора обедать! – вдруг добавляет Рикус, на что Ардон тут же фыркает, брызнув кровью из носа.

– И после этого ты меня... – Он осекается, шумно вздыхает и пожимает плечами, отмахнувшись от самого себя. Снова прислоняет к переносице чужой оберег – маленького гематитового бычка. – А впрочем, ты прав. Поесть не помешает.

– Приятель, ты только что выпал из окна, – вяло напоминает Скорфус, махнув хвостом. Даже он явно впечатлился услышанным. – Вы оба. Как же экзистенциальный ужас?

– Но мы ведь живы, – резонно напоминает Ардон, но осекается, услышав очередной всхлип Клио. Именно он наконец оказывает нужный эффект: замковые целеры начинают потихоньку от нас пятиться, шепчась и озираясь. Эти увальни не любят слезы, особенно слезы принцесс.

– Я так испуга-алась, – шепчет Клио, поднимая глаза. Осталась красивой даже с распухшим носом и потным от бега лицом. – Я... я чуть не прыгнула за...

– Ну что ты, эфенди, старушка?.. – Рикус уже тянет ее к себе и начинает наглаживать по волосам, приклонив голову к своему плечу. Заикаясь, она лепечет что-то еще. – Пыш-пыш-пыш, не плачь, не плачь, крокодилам не останется слез!

– А впрочем, чего я, я тоже проголодался... – бормочет Скорфус и скорее отворачивается к Орфо, трущей исцарапанное лицо. – Эй. Тоже ревешь? Не трогай щеки, сразу занесешь и будешь страшная.

Снова сглатываю кровь, но мысль, что и Орфо прекрасна даже в таком убитом виде, не изглаживается. Может, такой ее делают усталость и уязвимость, но скорее, наоборот, опасные огоньки в глазах, тлеющие даже сейчас. Я... наверное, я хотел бы сказать это: «Ты такая сильная, я горжусь тобой». Но зачем ей очевидное? Ей не до того. И главное, она сама все прекрасно знает, она не из тех, чью веру в себя и дух нужно поддерживать похвалой, ей важнее поступки.

– Хочу в душ, – изнуренно сообщает она, подняв голову. Действительно, крови на ней слишком много, чтобы сесть за стол как

ни в чем не бывало. – Я быстро, ополоснусь, переоденусь и вернусь; надеюсь, к тому времени никто не попытается сдохнуть еще раз.

Она кривит губы в улыбке и хором со Скорфусом сыплет хриплыми смешками, но в глазах веселья нет, лишь тревога. Как и мне, ей очень хочется из первых уст узнать, что случилось и все ли правильно поняла стража насчет *отсутствия инцидентов*. Мы переглядываемся. Она начинает шатко вставать, и я делаю то же со словами:

– Давай провожу и помогу...

Хотя бы с твоими ранами, раз пользы в другом от меня никакой.

Странно на меня посмотрев, даже не дослушав, она тут же перебивает:

– Клио! – Кашляет, старается смягчить голос, даже улыбается чуть теплее, встретившись с физальской принцессой взглядом. – Ты не проводишь меня? Мне не помешает смазать потом ссадины, нужны... м-м-м... нежные руки.

Ко мне она больше не поворачивается, так старательно, что посыл понятен. Ожидаем. И справедлив. На миг закрываю глаза: ну конечно. Она ничего не скажет, но запомнит мое бессилие в беде, она сделает или уже сделала пару выводов, а я... я... В третий раз сглатываю кровь, отрешенно отмечая, что вроде бы она успокаивается. Боги, да почему я вообще думаю об *этом*? Я ничего не должен Орфо Каператис. Она волшебница, я гаситель. Она принцесса, я монстр. Она когда-то уничтожила меня и не вправе ничего ждать от моих руин. И уж точно с большинством вещей в этой жизни она теперь справляется куда лучше меня.

– Конечно! – Шмыгнув носом, Клио тоже вскакивает, подлетает к ней, улыбается дрожащими губами. – Орфо, хаби, Орфо... – Запинается, робко сжимает ее запястье и, встав на носочки, заглядывает в глаза. – Ты же спасла их. Да я что угодно сделаю! Я...

– Что угодно не надо, но другие нежные руки мне не подойдут. – Орфо улыбается, на щеках выступила краска. Она по-прежнему смотрит куда угодно, только не на меня. Я заставляю себя не отворачиваться, даже слыша: – Пойдем. Заодно проверю, как там с едой, ведь мне тоже не помешает восполнить силы.

– Орфо, – все-таки решаюсь вмешаться. Да, звучит унизительно навязчиво, но хотя бы разумно. Или мне так кажется. – Может, тебя

все-таки провожу я? Ты очень слаба, что, если упадешь в обморок?

Нежные руки этой девчонки, которую я периодически вижу мертвой, довольно неуклюжие. Тебе намного большегодились бы руки того, кто учился у медика.

– Какой-нибудь целер поймает, – мирно отзывается Орфо, все-таки посмотрев на меня, правда, бегло. Кусает губу. – Эвер, спасибо, но я бы не хотела, чтобы ты...

Таскался за мной, такой могущественной, хвостом. Это время прошло. Хватит.

Она не говорит этого, но кто-то в моей голове шепчет, шипит, выдыхает слова шелестящим злым потоком. Вот как... Я сдерживаю порыв снова сжать кулаки – нет, никто не должен заметить, что со мной творится, я ведь и сам этого не понимаю. Только какая-то глупая, жалкая, возможно, подлинно рабская часть меня все не хочет уступать:

– Орфо, но я...

– Двухногий, – раздается внизу, а потом черный всполох появляется перед лицом, не дав добавить: «...хочу помочь хоть как-то». Может, и к лучшему. – Уймись.

Скорфус, в отличие от Орфо, так и вытаращился на меня желтым глазом. Он качается вверх-вниз, его мельтешащие крылья нагоняют воздух. Как ни странно, я рад этому: становится как-то легче дышать. И думать. Наконец я даю себе мысленную затрещину и опять задаюсь вопросом, с чего так лезу туда, где меня явно не хотят видеть. На горизонте маячит очередной ответ, который мне не по душе, почти бросает в жар. Скорфус тем временем скалится.

– Дай человечке отскрести от себя всякую дрянь и займись делом. – Странное ощущение, будто за этими словами он прячет какие-то другие и они его невероятно забавляют: оскал скорее похож на паскудную ухмылку. – Хочу, чтобы мы сели жрать пораньше, а то нежные руки...

– Эй, заткнись! – к моему удивлению, быстро, сердито одергивает его Орфо.

Поверх крыла Скорфуса мы сталкиваемся взглядами, и на этот раз она не отворачивается, будто присматривается. Только бы ничего не прочитала; только бы не прочитала больше, чем понимаю я сам. Но вдруг она улыбается, обезоруживающе тепло, и я с трудом сдерживаю

желание шагнуть навстречу, отмахнувшись от этого кота, как от огромной меховой мухи.

– Эвер... мне правда важно, чтобы кто-то остался с ними. – Она кивает на Рикуса с Ардоном, все еще переругивающихся в траве. – Кто-то *адекватный*, кто умеет задавать вопросы, а не только издеваться и раздуваться, как лягушка с соломинкой в зад.

– Ха-а-а! – фыркает Скорфус и машет хвостом, явно целя ей в лицо. – Очень смешно, человечича, ты смотри! Не стоит упражняться в остроумии в мой адрес, я ведь могу и...

– Клио, пошли! – Орфо, потеряв терпение, вздергивает нос и шагает прочь. Физальская принцесса трусит следом, напоследок испуганно обернувшись и шмыгнув носом еще громче.

Улыбаюсь ей. Бедняжка, наверное, все еще не понимает, как устроено общение этих двоих. Нас троих, если точнее. Ведь меня уже не выключишь так просто из этой... этого...

– Ладно, двуногий, пошли тоже. – Скорфус щурит глаз, а потом понижает голос. – Пошли-пошли. Мы, конечно, оба понимаем, почему на самом деле она не взяла тебя, прими еще разок мои искренние поздравления, но нужна правда...

– Почему она меня не взяла? – само срывается с губ. Боги. Это даже звучит глупо, будто мы неразлучные дети и вдруг она просто взяла и пошла гулять одна. Но голова просто кругом.

Возможно, еще и из-за мыслей, почти панических, – о том, как же назвать все, во что я впутался вслед за этим котом и Орфо. Не стоит себя обманывать, это *заговор*. Пусть ради спасения престола, а не наоборот, пусть без злого умысла вообще, но мы врем, изворачиваемся, в той или иной степени манипулируем представителями чужого государства, и неизвестно, до чего еще дойдем, пока Орфо не попытается сесть на трон. И я участвую в этом, больше даже не задумываясь лишней раз. Я, который, открыв глаза в светлой комнате, полной виол, почти клялся себе, что никогда больше не смогу – и главное, не пожелаю – помогать ей как прежде.

– Бо-оги! – Скорфус закатывает глаз под лоб и пролетает мимо, шлепнув меня хвостом по щеке. – И что только она в тебе нашла? Определенно не мозги.

Впрочем, хватит. Хватит носиться со своими обидами, сейчас точно не время. Речь больше не о посадке цветов, не о детских

шалостях и не о петтейе. А человек, благодаря которому в моей жизни все это вообще появилось, сменив собой ошейник, надушенные подушки и стекающее по бедрам семя, лежит при смерти, раненный неизвестно кем. *Неизвестно...*

– Расскажи лучше, – бормочу я, потому что от этого шквала мыслей нужно бежать и лучше даже не оглядываться, – что она нашла в тебе?

Хотя в принципе три последних дня, в которые Скорфус лихо орал на целеров и советников, носился, отдавая какие-никакие распоряжения прислуге, вылизывал Плиниусу раны и ухитрялся поддерживать дружелюбный дух в Клио и ее страже... ответ у меня есть. Быть полубогом здорово. Точно лучше, чем человеком, превращенным в монстра и дважды выпотрошенным заживо.

К счастью, Скорфус игнорирует меня, а значит, я могу игнорировать его. Тем временем Рикус и Ардон, видимо привлеченные нашей перепалкой, прекращают свою и синхронно поднимают глаза. Ардон все еще сидит с чуть склоненной головой и прижатым к носу каменным бычком, но кровь уже не капает.

– Эй, все в порядке? – Рикус, вздохнув, обшаривает пространство вокруг взглядом и, не найдя ни одного дерева, прислоняется к плечу товарища. – Денек, конечно, тот еще.

– Это вы мне расскажите. – Убедившись, что вся замковая стража уже на достаточном расстоянии и продолжает расходиться, присаживаюсь на корточки напротив парней. Их лица вернули наконец нормальный цвет, и в целом они, кажется, пришли в себя. – Про «в порядке».

– Угу, это вы грохнулись из окна. – Скорфус не находит ничего лучше, чем развалиться у меня на плечах. Я дергаюсь, и он нехотя стекает в траву. – Поехали, что ли?

– Куда? – Ардон озадаченно моргает. Скорфус опять закатывает глаз.

– Вау... – Уточняет: – Башкой. Спрашиваю, с ума вы, что ли, спятили или, может, таким был ваш план по убийству *моей* принцессы? Развязать войну, сдохнув?

– Ардон, – быстро перебиваю я, наблюдая, как сдвигаются черные брови, сливаясь с вытатуированным треугольником. Игаптянин кажется мне более вспыльчивым, чем его товарищ, и лучше не

дождаться его праведного возмущения. Я понижаю голос. – Целеров нет, можно говорить напрямую. Я спрашиваю от лица Орфо, думаю, ты понимаешь. Все ведь началось с тебя, как ты вывалился?

Может, я выбрал не лучшее слово, выставяющее его неосторожным глупцом, но ничего точнее на ум не пришло. Не до церемоний, я слишком встревожен. К счастью, Ардон не щепетилен: рассеянно сунув в карман чужую подвеску, потирает подбородок, потом висок, поднимает темные глаза и пожимает плечами.

– Мне нечего тебе сказать. – Прислушиваюсь к интонации, но пока не нахожу там второго дна, одну растерянность. – Я сидел на подоконнике с момента, как ушла Орфо; ребята собирались в своих спальнях. Я начал задремывать на солнце, а потом, в полусне, что-то словно... толкнуло меня в висок, такой горячий сгусток, который мог бы быть выстрелом или брошенным предметом... – Заметив выражение моего лица, он спешно приподнимает ладони. – Нет, нет, вероятно, случилось что-то вроде теплового удара, в мозгах у меня и вправду помутилось. На меня не нападали, это я могу сказать точно, я очень быстро открыл глаза и поблизости, в дверях или где-либо, никого не было.

Рикус кидает острый взгляд на Скорфуса, и тот морщится, явно сумев его истолковать. Разве что не шипит, сверкнув когтями:

– Поверь, я еще вылизывал себе яйца у пруда. Меня привлекли ваши вопли.

– Что? – Сталкиваюсь с Рикусом взглядом и запоздало вспоминаю то, что начинала рассказывать мне Орфо, еще не так давно. – Подожди. Почему...

– Ничего, – вздыхает тот и, определенно сделав над собой усилие, добавляет: – Извини, королевский кот. Но ты стойко мне не нравишься, тебя слишком много и ты что-то...

– Как и твоих зубов, – буднично перебивает Скорфус, махнув хвостом и рассмеявшись. – Точно не хочешь...

– Так, прекращайте, – веско встревает Ардон, отодвигаясь. Рикус едва не падает в траву, и строгий взгляд впивается в него. – Слушай. Давай ты не будешь забывать, что он нас спас, и лучше расскажешь... – тут глаза сужаются, – как давно в последний раз у тебя была нормальная тренировка. Какого крокодила ты не смог меня поднять, мне казалось, тот больной заморыш...

Рикус кусает губу, потирает шрам резким, нервным жестом. К впалым щекам приливает такая краска, какой я не видел даже у Орфо в самые неловкие минуты. Слегка теряюсь: мне казалось, эти двое примерно на равных позициях. Переругиваются, но ни один не может отчитывать другого подобным родительско-командирским тоном, от которого леденеет все внутри. Так, будто...

– Да. – Рикус повышает голос. – Да, я виноват, буду стараться лучше, но перестань!

Ардон не продолжает, но они метают друг в друга молнии взглядов и это метание – явно недобрый знак. Ничего не понимаю. И не знаю, как себя вести. Будто меня нет или я оглох?

– Хорошо, – наконец бросает Ардон. – Надеюсь, ты сам все понимаешь. На тебя рассчитывают, ладно я, но если ты точно так же подведешь эфенди... стыдись.

«Стыдись»? Теперь Ардон почти яростно смотрит на свои сложенные на коленях руки, а Рикус, наоборот, – прямо мне в глаза. «Ну, допытывайся», – читается на лице. Я жду, что влезет Скорфус, он ведь не упустит шанса уколоть человека, почти обвинившего его в случившемся. Но Скорфус неожиданно занят: увлеченно, даже слишком, поедает бабочку, пойманную на ближайшей маргаритке в траве. А значит, и я могу вместо неудобных слов сделать простой приглашающий жест: говори о деле, а не об этом всем. Меня не касаются никакие тайны Рикуса – по крайней мере, пока они не имеют отношения к Гирии.

– Тебя, Ардон, что-то будто тянуло вниз, – начинает он хмуро. Поднимает руку к груди, скорее всего, чтобы привычно покрутить монету. Не находит. Вздыхает и хватается за ворот рубашки. – Ну, будто ты набил штаны булыжниками или привязал эти булыжники к лодыжкам, не знаю... – Усмешка, чуть мстительная, все-таки оживляет лицо. – Хотя мне все еще кажется, что ты в этих краях слишком много лопаешь хлеба.

– Остряк! – Ардон пихает его, опять потирает висок, а потом тоже поднимает взгляд на меня. – Вообще, знаешь, камни или не камни, но, пока я висел, у меня было ощущение каких-то... разрядов по телу? И тяжести. Не знаю даже. Скорее всего, просто страх. Я правда испугался.

– Хм-м-м, – раздаётся в траве. Скорфус, из уголка рта которого торчит покрытое пылью золотисто-узорное крыло, замер и пялится на него, дергая носом. – Хм-м.

– Боги, ты омерзителен. – Рикус встает, сердито отряхивает коленки. Унылый взгляд его начинает потерянно блуждать вокруг. – Хорошо, что эфенди нет.

– Твой талисман, кажется, упал туда. – Машу рукой на кусты барбариса под самой замковой стеной и, когда он уходит, снова смотрю на Скорфуса. – Что?

– Опять что-то воняет? – добавляет Ардон и нюхает подмышку. – Опять намекаешь, что я?

Чавкнув, Скорфус втягивает остатки крыла в рот, а потом взлетает Ардону на плечи. Тот стоически терпит жар тела фамильяра, неожиданно широко улыбается, почесывая ему шею. Мурчание звенит в воздухе. Истинный игаптянин; думаю, Скорфусу льстит это благоговение, и он даже передумал острить. Так и есть.

– Я рад, что ты выжил, пирожок, – сообщает Скорфус тоном, близким к томному, и я едва не давлюсь воздухом. Ардон только поднимает брови. – Но если серьезно, будьте-ка поосторожнее. В замке что-то происходит. Не задерживайтесь у окон, аккуратнее обращайтесь с острыми предметами и... – Тут он косится на Рикуса. – Внимательно смотрите вокруг. Мало ли, встретится монстр... вроде меня.

Ардон смеется, бормочет что-то вроде: «Ну ты, не обижайся, он не так плох!», но я едва его слышу. Теперь я опустил взгляд в траву, крепко сцепил пальцы, с трудом дышу – точно меня сдавили в магических тисках между небом и землей. «Монстр». Пульсация в голове отвратительна, я сжимаю зубы и резко встаю, найдя повод: Рикус не понял, куда я ему показал, и шарит совсем в других кустах.

Монстр. Монстр. Монстр. Сглотнув, иду к стене, а по пути машинально поднимаю взгляд на окно. Там, в комнате, теперь снуют силуэты – целеры все-таки решили поискать что-то, чуть не погубившее физальских гостей. Кажется, даже мелькает аккуратная стрижка Илфокиона... Я отвожу глаза, смотрю на свои дрогнувшие руки, опускаюсь возле барбариса на четвереньки и принимаюсь шарить по траве. Иногда я колюсь о шипы до крови. Иногда намеренно.

Все эти ночи, что Орфо боролась со своими кошмарами, я бежал от своих. Раз за разом почти одно и то же: я вновь обращаюсь в Монстра, стремительно лечу куда-то сквозь толщу камня и просоленного песка – и убиваю Плиниуса. Каждый сон немного отличался от предыдущего: где-то он успевал обернуться, где-то нет; где-то я вспарывал ему грудь, где-то горло. Раз за разом я просыпался, задыхаясь, сжимая пальцы на собственной шее, смагивая слезы. Раз за разом шел в ванную, брызгал себе на лицо водой или вовсе набирал ее побольше и окунал в отрезвляющую прохладу голову. Ничего не помогало. Какие яркие, настойчивые видения; не спасало даже то, что они не могли быть правдой ни при каких обстоятельствах. Поэтому к середине ночи я одевался и куда-нибудь уходил: либо к Орфо, либо к Плиниусу.

Монстр. Монстр. Рука нашаривает в траве чуть щербатый металлический кругляш со шнурком, вытягивает его на свет.

– Рикус, вот, – окликаю, и он спешит навстречу со словами:

– Спасибо, дружище, я уж думал...

Слушая его шаги, задумчиво опускаю взгляд к монете в ладони – и чуть не роняю ее. Она лежит сейчас профилем вверх, солнце играет на серебре, делая его четким и филигранно детальным. Всмотревшись еще, я стискиваю кулак, и ребро почти режет кожу. Горло сжимается.

Боги. Лицо этого юноши, увенчанного лавровой короной, – словно мое. Один в один.

– Эвер?

Когда я зажмурился, почему трясую головой? Отдай ему! Отдай, ну. Подумаешь... монета, судя по волнистому канту, физальская, а многие физальцы, так или иначе, похожи: белокурые, с тонкими лицами, большими глазами и маленькими ртами. Белокурым и тонколицым был даже мой немолодой хозяин. Рикус такой, и Гринорис, насколько я помню, и...

– Держи. – Осторожно вкладываю монету в его ладонь, но не встаю. Надеюсь, пальцы не вспотели, или он найдет, как это объяснить.

– Слушай, мы, наверное, ушибли тебя?.. – Он не отводит глаз и держит руку все так же, словно ожидая, что я за нее возьмусь. – Вообще спасибо, ты, правда, немягкий, но...

Теперь в его голосе звенит вина, от которой мне некуда деться: упреки Ардона явно не прошли даром. Рикус все еще смотрит в ожидании – ответа, вопросов? Понимая: еще немного – и он сам спросит что-то еще, качая головой.

– Нет, нет, не переживай, вы падали уже с не очень большой высоты. Оставьте пару синяков на моей спине, ребрах и заднице, не больше...

– Заднице! – хмыкает Рикус и вдруг весь расплывается, мигом повеселев. Подкидывает монету на ладони. – Ого-го! Почему мне казалось, что ты не произносишь таких слов?..

Вообще-то, он прав, но то ли на меня дурно влияет Скорфус, то ли слово «задница» слишком хорошо описывает обстоятельства, в которых все мы сейчас находимся и будем пребывать, вероятно, длительное время. Так или иначе, не хочу обсуждать с ним подобное, подтверждать или опровергать его впечатления о моем воспитании. Вместо этого киваю на монету.

– Старая? Кажется, сейчас у вас в ходу какие-то другие, и в мои времена были другие...

– Да, очень, ее нашли, когда... – Рикус запинается, чуть мрачнеет, но продолжает, – когда после войны разбирались завалы приморского дворца. Представляешь, удалось найти комнатку-сокровищницу, полную всяких древностей, ну и немного монеток там было...

«Кто здесь изображен?» – рвется с языка. С другой стороны, откуда ему знать, он не кажется увлеченным историком. Нет, все-таки спрошу, вдруг...

– ЕДА! – сообщает Скорфус довольно громогласно и первым устремляется прочь – туда, где мелькнули и пропали красно-зеленые накидки двух замковых слуг. – ЕСТЬ! ЕСТЬ! ЕСТЬ!

– Вы идете? – Ардон ждет, не сводя с нас глаз, и я не успеваю снова заговорить: Рикус отступает, на ходу цепляя монету обратно на шею.

– Да, пошли, принцессы скоро, наверное, вернуться.

Ничего не остается, кроме как последовать за ними по усаженной кустарником садовой дорожке. Вопрос застревает на языке, так и не вырывается. В висках стучит, в горле растет комок, и, сделав несколько шагов, я понимаю, что это означает. Мне стыдно. Мне безумно стыдно за то, что всего на миг мелькнуло в рассудке, так глупо, но так ярко,

так безумно, но так желанно. Короли. На монетах ведь чаще всего чеканят королей. И наивная, нелепая часть меня, вглядываясь в серебро, целый миг надеялась... нет, даже почти верила, словно в детстве...

– Эвер! – окликает Рикус.

Я прибавляю шаг. Мне нужно сейчас одно – справиться с тошнотой.

Наверное, это проходят все дети-рабы – не могут не проходить, когда правда об их сословии и судьбе становится им ясна. Так и я, едва поняв, в каком количестве смыслов принадлежу хозяину и всем, кому он захочет меня отдать, не раз убегал в пустые мечты. О свободе, на которую на самом деле имею право, а значит, рано или поздно обрету. Об отце-страннике из-за моря, нобиле, а может, даже и правителе, ищущем меня. Пока я рос в поместье, мне, как и другим детям, прочли довольно сказок – о сыновьях рыбаков, становящихся принцами; о дочерях солеломов, возглавляющих пиратские флотилии. О великом Арктусе – короле, которого в детстве украли и продали в рабство, чтобы не дать сбыться великому пророчеству, но в рабстве он нашел себе волшебника – Мариона, помог ему разбудить способности, сбежал с ним, и вот они уже правили древним городом-полисом Карфалотом, обращали его в великую империю. У меня было достаточно почвы, чтобы мечтать. Потом я понял: ее недостаточно, чтобы верить, и это было болезненное понимание. Зато оно избавило меня от иллюзий.

Нельзя подпускать их к себе теперь. Зачем, в конце концов? Я свободен. Разве нет?

Спотыкаюсь – какой-то камень предательски оказывается под ногами. Чуть не падая, морщась от боли в стопе, перевожу взгляд вниз – и вскрикиваю, прежде чем сдержался бы.

Это не камень, это череп в короне. Треснутый череп, кажется, женский, похожий на...

«Радуйся, она умрет, – шепчет голос. Знакомый, раздробленный на десятки, я уже его слышал. – Ликуй, скоро, скоро... потерни».

Кручу головой, но Рикус, Ардон и Скорфус уже далеко впереди, и силуэты их размылись; никого из прислуги поблизости тоже нет. Снова голова идет кругом. Я не должен... нет, я не должен бояться и должен понимать: все это просто иллюзия, последствия *болезни*, почему не

звать это так? Разве нет? Собравшись, наклоняюсь, беру череп в руки, подношу ближе к глазам, чтобы убедиться: это тоненькое переплетение оливковых веточек, эти довольно хрупкие кости, это...

Глазницы вспыхивают красным. Череп сам рвется навстречу, точно брошенный мне в лицо снаряд, и я, в этот раз не сумев даже закричать, отшвыриваю его, сгибаюсь, закрывшись ладонями, предательски опускаюсь на колени и захлебываюсь в воздухе. Что...

– Эвер, – пробивается откуда-то из бешено кружащегося мира, низко и встревоженно. – Эвер, эй, ты что?..

Ко мне, похоже, склонились, я слышу чье-то быстрое дыхание. На плечо легла крепкая рука, кожу охладили перстни. Разлепив веки, убрав ладони, всматриваюсь в смуглое лицо, темные глаза с броскими стрелками, идеальное каре. Не могу разомкнуть губ. Илфокион успел присесть рядом, обеими руками держит меня за плечи, легонько трясет и, кажется, готов уже кого-то позвать.

– Не надо. – Резкий запах благовоний, идущий от него, – апельсиновая косточка, мята, чайное дерево – наконец возвращает мне и разум, и голос. Вслушавшись, не слышу ничего шепота, вообще ничего, кроме шелеста листьев. – Простите, кир, закружилась...

– Голова. – Его губы разрезает вдруг усмешка, беззлобная, усталая, но слишком выразительная, чтобы я не отвел глаз. – Вот оно что.

Медлю. Я знаю его достаточно, хоть никогда и не знал близко. Так он смотрит, когда понимает, что ему врут. Заставив себя не отводить глаз, жду расспросов, думаю, как оправдать то, что он мог увидеть. Тем, что я переволновался за ребят? Тем, что на меня упали? Тем, что...

– Голос Монстра? – ничего не дождавшись, тихо, с выражением еще более странным, чем эта улыбка, спрашивает он, и меня пробирает предательская дрожь.

Ни в чем подобном я ему не признавался, ни на допросе, ни позже. Говорил о скверных снах, о рвоте щебнем, о дурноте, о том, как сложно мне было в первые дни чувствовать собственное тело. Но чтобы признаться: «Я слышу голоса невидимок и вижу... вижу...» Камни. Лишь камни. В пяти шагах от меня громоздится замшелый булыжник, который и на череп-то не похож.

Илфокион все еще держит меня, держит крепко, и только сейчас я понимаю: меня это не отвращает, не пугает, не заставляет цепенеть, как большинство прикосновений. Впрочем, так было и в годы наших тренировок, долгих и нередко оканчивавшихся для меня плачевно. Наверное, мой страх прошел быстро и навсегда, потому что однажды получить мягкое одобрительное рукопожатие от человека, прежде считавшего своим долгом вывалить тебя в грязи и отбить как свиную тушу, довольно приятно. А может, есть что-то еще – например, правда о его прошлом. Правда, важная той моей части, которая по-прежнему привязана к Физалии.

– Голос Монстра, – одними губами шепчу я, не кивая.

Пусть поймет как хочет: как признание или как удивленное уточнение. В конце концов, это может быть просто тонкая игра с расчетом услышать больше, чем удалось в присутствии Каса и Пола. Поймать меня на чем-то. Проверить.

– Знаю. Иногда я тоже его слышу. – Илфокион разжимает руки и, резко встав, прячет их за спину. – Дойдешь?

Его лицо снова непроницаемо, волосы играют бликами на ветру, блестят торакс и короткий зеленый плащ с металлическим подбоем. Тоже встав, я всматриваюсь в него. Никаких допросов? Даже про окно? И что он имел в виду? И вообще, сказал ли...

– Тебя проводить, Эвер? – спрашивает он уже резче, холоднее, и сомнение – а услышал ли я то, что услышал, – становится стократ сильнее. Боги. Неужели я...

– Я дойду, благодарю. Скорее всего, я перегрелся. И переволновался.

Он не возражает, не настаивает. Только какая-никакая гордость и слабость в ногах не позволяют мне просто сорваться с места и кинуться за Рикусом и Ардоном. Иду медленно, провожаемый почти осязаемым взглядом, стараюсь держать спину как можно прямее и не оглядываться – ни на Илфокиона, ни на отброшенный камень.

В «обеденном» уголке сада, между виол и апельсинов, происходит то, что и можно было ожидать, – все, включая вернувшихся Орфо с Клио, смотрят на меня с немим вопросом. «Почему ты так отстал?» Пожав плечами и понадеявшись, что этого хватит, я изображаю легкую хромоту, которая вряд ли кого-то убедит, и бреду к стоящему чуть в

стороне от стола кувшину с теплой водой. Ладони в земле и немного в крови, к счастью, моей собственной, – я и не заметил.

– Давай помогу! – Клио вскакивает со скамьи, летит навстречу и хватается кувшин, чтобы полить мне на руки. – Подставляй!

В нос бьет запах мяты, роз и чего-то едкого. В Гирии в последние годы в ходу «спиртовая вода», которой можно и ополоснуть грязные пальцы, и промыть раны. Сосредоточенно смотрю на прозрачную струю, методично потираю руки, надеюсь, что дышу я уже ровно и безумного ужаса нет в моих глазах. Судя по внимательному, сочувственному взгляду Клио – все-таки есть. Но, ничего не спрашивая, она ограничивается тем, что подает мне с травы полотенце – тоже сама.

По пути за стол хорошо понимаю, почему помочь мне решила именно она. Остальные, ну кроме пожирающего мелких рыбок из широкой глиняной миски Скорфуса, выглядят все-таки не лучшим образом. Орфо обработала ссадины, но следы от них видны, а под ногтями так и темнеет кровь; Рикус с Ардоном помятые, встрепанные, усталые – хотя уже и уплетают за обе щеки огромного фаршированного тунца, заедая его крупно нарубленным салатом и лепешками.

– Фочешь? – Жуя, Рикус начинает было двигаться на лавке, чтобы я сел рядом и мне хватило места возле длинного блюда.

Качаю головой, заметив плавное, будто бы приглашающее движение Орфо, – и иду к ней. Клио тоже; мы садимся с разных сторон, и я ловлю слабую улыбку, от которой все же становится легче. Хочу спросить, как она, прежде чем услышу этот вопрос в свой адрес. От нее ведь ничего не укрылось – видно по тому, как сдвигаются прямо сейчас брови, как она украдкой блуждает взглядом по моему лицу, стараясь при этом не поворачиваться открыто.

– Смотри, что сегодня сделали, – говорит она, к моему облегчению, и указывает на одно из блюд. – Окунь в виноградных листьях. Был твоим любимым, кажется?..

Послушно кладу несколько темно-зеленых свертков на блюдо; Клио, перегнувшись через Орфо, щедро докидывает туда пару лепешек и брусков поджаренного сыра. Желудок сводит: я снова вспоминаю череп в своих руках, твердые ладони Илфокиона на плечах, странную фразу...

– Это вкусно? – как сквозь туман спрашивает Клио про окуня.

Орфо придвигает блюдо уже ей. Хорошо, что отвлеклась: не видит, как зыркнул на меня Скорфус, на миг поднявший морду от миски. Он ест ровно в центре стола, сидя лицом к нам и задом к целерам – нисколько не скрывая пристального наблюдения за хозяйкой и за мной. Не могу понять, какие чувства горят в желтом глазу, но они беспокоят почти так же, как беспокоил пытливый взгляд Илфокиона. Скорфус тоже знает про голоса? Или...

– Убери эту дрянь, – резко повернув голову на неестественный совиный полукруг, припечатывает вдруг он. – Она слепит меня!

Рикус, на которого желтый глаз уставился, роняет нож, давится и под хлопки – Ардон с удовольствием пользуется поводом подубасить его по спине – возмущенно возражает:

– Ты, вообще-то, сидишь задом.

– Как видишь, мне это не мешает. – Под сочное «хрясь» голова проворачивается обратно, снова уставившись на меня, а Рикус в немом омерзении заталкивает монету под рубашку. Речь ведь о ней. Солнце на серебре действительно играло странно, я тоже ловил взглядом белесый блик, и все же...

– Давайте продолжим, – спешно влезает Орфо и, вытянув руку, хлопает своего ненормального кота по макушке. – Скорфус, прекрати, отстань от них. Так что дальше?..

Похоже, пока я шел сюда, они снова заговорили о падении из окна. Рикус и Ардон повторяют историю, которую успели рассказать мне, даже цапаются в похожих местах – разница лишь в том, что теперь Рикус еще и может отобрать у Ардона пару лепешек. Орфо слушает сосредоточенно, но то и дело поглядывает на меня. Понятно: ей важно «сверить время», убедиться, что мелкие детали не разойдутся в двух версиях. Вряд ли она не доверяет Рикусу и Ардону, тем более Клио, но она права, детали важны, нельзя ничего упускать. Увы, нового целеры не сообщают, зато на словах про «камни на лодыжках» Орфо вздрагивает.

– Если честно, – осторожно произносит она, – у меня было такое ощущение, что оба вы нажрались камней под завязку.

– Нет, спасибо, я уже почти не голодный! – Рикус отрезает себе еще кусочек тунца, а потом отправляет в рот колечко лука. – Но если серьезно... – это он адресуется скорее Ардону, и тон его не похож на тот,

к которому я привык. – Я тренируюсь каждый день. И честное слово, я...

– Я уверен, – обрывает он и вдруг слегка склоняет голову. – Я был резок, хаби, прости.

Что бы ни значил этот диалог взглядов, в него явно не стоит вступать. Даже Скорфус разбавляет его лишь чавканьем и хрустом, бросив, правда, уже с набитым ртом:

– Ну-ну-ну, поцелуйтесь еще. Имейте в виду, я не всегда буду рядом, так что качайте бицуху оба. И заодно мозги.

– Бицу... – начинает Клио, но Орфо подпихивает ее локтем.

– Язык фамильяров, который они пополняют из Мироздания. Не забывай его словечки, это как поваляться в выгребной яме. Долго еще будешь необычно пахнуть.

– Душнила, – фыркает Скорфус, клацнув зубами.

– Как хочется вина... – вздыхает тем временем Рикус, оглядывая стол, но тут Орфо быстро качает головой.

– Знаете, ребята, пока мы не разберемся со всеми этими странными событиями, я бы не советовала вам употреблять что-то туманящее разум.

Ардон одобрительно кивает, я тоже, а вот Клио округляет глаза.

– Событиями?..

Переглядываюсь с Орфо. Она молчит, заметно колеблясь. Если подумать... понятно, почему Клио удивлена: для нее настоящим «событием», требующим внимания, является только нападение на Плиниуса. Ее вряд ли встревожила моя история про мертвую птицу, и она, похоже, ни на миг не может вообразить, что Ардон и Рикус выпали из окна не случайно. И конечно, у нее куда меньше, чем у нас, поводов для тревог, ведь ей не встречались никакие...

– *Монстры.*

Кажется, это сказал я, и все услышали. Судя по удивленным взглядам, просто перевести разговор не получится. Под столом Орфо сжимает мою руку – ободряя или моля найти хоть какое-то продолжение, которое не испортит сильнее и так-то тревожный обед. Увы, выбор невелик. Объяснить Клио правду, вселить в нее пустой ужас, повторив мутные предостережения Скорфуса, или...

– Ну, монстр-ры. – Я делаю страшные глаза и поднимаю над столом свободную руку, шевелю пальцами в направлении ее лица.

Даже получается улыбнуться – как в детстве, когда поводов для радости не было, но Орфо очень нуждалась хоть в чьей-то улыбке. – Кто знает, не подослали ли их к нам боги проверить нас на стойкость. Популярный сюжет.

– Особенно меня, претендующую на трон. – Орфо грустно подхватывает неловкую шутку. – А ведь знаете, судя по некоторым драмам и трагедиям, моему отцу почти повезло: он жив и не превратился в кабана.

Это правда: многие спектакли о юных правителях и героях начинаются почему-то со зверских убийств их родителей. Бывает еще вариант, что родителей заколдовывают – например, обращают в диких свиней, уток или коз – и отправляют на далекий остров, а бедные сыновья и дочери ищут им спасение два-три следующих акта. Мы в похожей ситуации: Орфо лишилась помощи отца, у меня никого и не было, наши трое новых приятелей приехали тоже без старших...

– Фу. – Рикус морщится. – Звучит так, будто в конце мы все умрем.

– Никто не умрет! – возражает Клио, так возмущенно, что, пожалуй, это ободряет.

– Кроме меня! – Проклятие. Это сказала Орфо. Похоже, нервные шутки о смерти прилипли к ней не меньше, чем словечки Скорфуса; судя по округлившимся глазам, она сама не ожидала от себя подобного. – Ну... закон жанра. Главная героиня трагедии чаще всего умирает, и...

– Погоди-ка. – Ардон подпирает кулаком подбородок с видом бескрайнего скепсиса. – С чего ты решила, что у нас трагедия...

– И что ты главная? – фыркает Скорфус, сдвинув миску подальше. Разваливается между блюд, принимается лизать лапу. – Может, это история про королевского кота.

– Или про самую красивую принцессу за этим столом! – встречается Рикус, под хмыканье Ардона добавив: – Нет, нет, это я не о себе.

– Самая красивая – Орфо, – тут же смущенно отнекивается Клио.

– А я думаю, Клио. – Орфо подмигивает. – Да чего ты? Правда же.

Она довольна: неосторожность сглажена, вряд ли кто-то уже воспримет слова, с которых начался этот обмен глупостями, всерьез. Не могу сказать, что хочу его прерывать, он умиротворяет и делает все вокруг почти будничным, почти... дружеским? А компании хороших

друзей обычно побеждают зло, это еще один популярный сюжет. Ардон, кинув в рот луковое колечко и сонно прикрыв глаза, выносит вердикт:

– Ладно. Пусть это будет история о двух храбрых почти-братьях, которые помогают своим соседям выбраться из неприятностей. – Они с Рикусом перестукиваются кулаками.

– Я такую слышал, – зеваает Скорфус, переворачиваясь на спину. – Но, кажется, она была о бурундуках, один из которых носил туники в цветочек...

– Ты опять про мои зубы! – Рикус дергает его за хвост, но Скорфус только вяло дрыгает лапой.

– Вообще-то я уже к ним привык. И они даже кажутся мне милыми. Знаешь, я быстро привязываюсь к тем, кого избавляю от перспективы мучительно сдохнуть...

С этими словами он обводит взглядом всех нас. На миг кажется, будто он иронизирует, но, похоже, только мне: Клио тут же гладит его, Орфо со смехом тянется почесать ему живот, Ардон хватает с тарелки кусок сыра и тащит в величественно распахнувшуюся пасть. Даже Рикус наблюдает за разнежившимся фамильяром без прежнего сердитого прищура, скорее удивленно: похоже, прикидывает, стоит ли верить словам. Вздохнув, смотрю в свою тарелку. Понимаю, что почти ничего не съел, и лучше исправить это, пока никто не заметил. Увы, Рикус уже видит. Его глаза встречаются с моими, под рубашкой снова слабо сверкает серебро – и я потупляюсь первым, принимаюсь есть быстрее. Окунь правда получился отлично: нежное мясо в хорошо вымоченных, душистых листьях.

– Можно кусочек? – Орфо снова садится рядом, смотрит так, что подтекст просьбы нетрудно понять. Приоткрывает губы, едва я подношу рыбный сверток к ее рту, с удовольствием съедает его – разве что не урчит, как Скорфус. Ее ладонь в это время снова сжимает мою, вроде бы легко, но до обжигающей дрожи. Взгляд удерживает мой.

– Эм-м, – подает голос Рикус. Только тут я понимаю: они, скорее всего, видели, *как* на нее смотрел я. – Вопрос. Он назрел.

– Хаби, – одергивает Клио, и он замолкает, видимо что-то поняв по ее глазам. Мне все же прилетает тихое, вкрадчивое:

– На твоём месте я бы учился ходить по углям, приятель.

Мы с Орфо снова встречаемся глазами. Она, успевшая прожевать окуня, будто ждет от меня чего-то. Чего? Что я как-нибудь отобью намек Рикуса? Или наоборот, что...

– Не понимаю, о чем речь, – стараюсь говорить как можно ровнее. Я не собирался произносить этих слов, но двусмысленные взгляды и улыбки, это их слишком приподнявшееся настроение, брови Ардона, которые, кажется, вот-вот взлетят к макушке, – все вдруг рушит нежное наваждение, режет хуже ножа, ранит ту часть меня, которая все еще скована холодом Подземья. – Вообще-то, как только Орфо будет коронована, я покину Гиргамос. Поеду учиться на медика.

Я не знаю, чего жду от них всех, а особенно от нее; мне не нравится мой же безжизненный тон, но меня вполне устраивает повисшая над столом тишина. По-настоящему выдает удивление только Клио, округлившая глаза; остальные держат лица, а впрочем, какая разница? Я прохладно добавляю:

– Мы договорились об этом почти сразу после моего... выздоровления. Хотя это довольно давний план.

– О, здорово. – Рикус ерзает. Ардон быстро прячет лицо за чашей с медовой водой. – Хорошая профессия, да...

Я стараюсь не смотреть на Орфо и даже не наблюдать за ней периферийным зрением. Но оно предательски обострилось, странно, но я вижу ее мимику почти так же ясно, как если бы глядел в упор. Закушенные губы. Дрогнувшие и на миг сомкнувшиеся ресницы. Тихий вздох.

– Да, – говорит она, и ее пальцы медленно выпускают мои. – Да, Эвер довольно долго был со мной, но мы всегда знали, что на самом деле у нас разные пути, и теперь...

– Теперь с ней я! – Скорфус бодро взмывает ей на плечи, то ли спасая положение, то ли втапывая меня в грязь. Желтый глаз на миг обжигает. «Ублюдок», – читается там, а потом рот расплзается в клыкастой ухмылке. – Фамильяры вроде меня ничем не хуже гасителей. Как, собственно, в гашении, так и в убийствах.

Никакого намека, знаю. Скорфус говорит лишь о долге убить волшебника, потерявшего контроль, а не о том, что сделал Монстр. Но меня все равно бьет озноб. Сипло выдохнув и поняв, что меня может просто вывернуть, я встаю из-за стола. Не шатает, уже хорошо. Залпом осушив кубок с медовой водой, делаю в сторону шаг.

– Я прошу извинить меня... – А вот язык заплетается. К счастью, не слишком сильно, и даже плечи удастся держать прямыми. – Что-то заболели ребра. Вряд ли трещина, но мне нужно немного полежать.

– Эй, может, тебе в... – начинает Рикус и замолкает. Очень похоже, что кто-то наступил под столом ему на ногу. Возможно, сразу три чужих ноги. – Давай, отдыхай!

Я даже не обманываю их, ребра разрываются – или разрывается что-то за ними. Не знаю почему. Не знаю, голос ли это Монстра, его когти или какие-то остатки его гниющей плоти, застрявшие между моих костей. Так или иначе, лучше уйти. Лучше правда немного побыть в одиночестве, а потом объясниться с Орфо. Объясниться... хотя бы насчет самого простого.

Ведь я ни за что не скажу ей, что, будь все иначе, наверное, прошел бы с ней по горячим углям.

Вот только мы оба сделали все, чтобы это было невозможно.

3. Все сложно. Орфо

Папа никогда не был таким тихим. Всегда напоминал темную гору, одну из тех, над пиками которых рокочут грозы, – и никогда не был тихим. Это едва слышное хриплое дыхание бьет меня на осколки сильнее любого грома.

– Вот... как-то так, пап. – Закончив говорить, я отпускаю его руку, аккуратно кладу поверх повязки, охватывающей почти весь корпус. – Стану королевой. Скоро. И ты поправишься.

Сдохну. И не знаю, что с тобой будет. Но Клио, мнущаяся у окна, крепко прижавшая к груди сцепленные ладони и опять хлюпающая носом, не должна этого слышать. Я привела ее сюда не для того чтобы надавить на жалость и повысить шансы на физальскую дружбу.

– Как думаешь, – встаю, – услышал он что-нибудь из... тех мест, где находится?

Боги знают, что это за места. Нам хорошо известны два пути для мертвых – перерождение и Рой Бессонных Душ, – но мы понятия не имеем, куда заносит впавших в летаргию или болезненный коматоз, или хотя бы тех же лягушек в анабиозе. Кто-то считает, что они так и остаются тревожно витать над телом, охраняя его, и могут напасть на попытавшегося причинить вред. Кто-то верит, что их утаскивает на дно морское Одонус – и он же возвращает к жизни, если несчастные хоть ненадолго уймут его вечно рыдающих дочерей. Кто-то считает, что не бывает комы, летаргии и анабиоза без причин – это Арфемис забирает душу на промежуточный суд и он же решает, очнешься ты или нет. В последнее я точно не верю... папу не за что судить, давно не за что. С этой точки зрения остаться в коме после Кошмарных... трех дней должна была я.

– В Игапте думают, что *уснувшие* сторожат тела. – Клио вытирает нос украдкой, повернувшись ко мне полубоком. Похоже, стыдится, что несколько минут моего тихого рассказа папе о том, как у нас у всех дела, довели ее до слез. – Поэтому мы раз в несколько дней оставляем им легкую еду, приносим иногда их любимые вещи, тоже разговариваем с ними, чтобы им не было грустно... – Она вздыхает,

снова посмотрев на меня прямо, а потом машет рукой куда-то в пустоту. – Эфенди Плиниус... поправляйтесь, пожалуйста, вы нам очень нужны.

Невольно я улыбаюсь. Откуда дурацкое желание ее обнять? Совсем раскисла, ведь, так или иначе, она мне все еще почти никто, а я никто ей. Наверное. А может, я для нее и хуже, я...

– И я вас не трогала, – шепот врзается в мысли раскаленным молотом. – Правда-правда, я... я...

– Он знает, поверь. – Нет, от объятий я воздерживаюсь, но беру ее за руку. Внимательно смотрю в глаза, в который раз горько думаю: нет, такими-то нежными пальчиками никого не убьешь. И, что хуже, ни от кого в случае чего не отобьешься, еще и ногти срезала... – Клио, не нужно этого. Нет. Я верю тебе. – Повышаю голос. – И вам всем!

Украдкой я прислушиваюсь – но уже не к дыханию лежащего в постели папы, а к звукам сразу за двумя соседними дверьми. За одной – в кабинете – ждут, тихо переговариваясь, постоянные папины медики, которых я отослала из спальни. За другой – в малой экседре – топают, лязгают оружием и говорят куда громче целеры, которых я тоже отвадила. Что ж. Не ломаются внутрь – уже хорошо, но я уверена: они, как и я, ловят каждый звук.

Клио Трэвос пришла со мной проведать отца не просто так – они должны это уяснить. Клио Трэвос впущена в пропахшую маслами и медикаментами комнату, потому что я отвергаю любую мысль о ее вине. Несмотря на перчатку. Несмотря на все случившееся когда-то между нашими странами и роль – а точнее, *безролие* отца в этом. Да, я доверчиво впускаю Клио сюда, к своему раненому отцу, который в случае чего не сможет от нее защититься, так же как физальцы когда-то доверчиво возрождали свое новое, маленькое свободное государство на границе с нашим. Пока не пришли наши корабли и наши войска.

– Идем. – По глазам вижу: Клио вот-вот заревет снова. – Спасибо за поддержку.

Похоже, она представить не может – или, наоборот, представляет слишком красочно, – какво потерять родителей. Несмотря на то, что давно не живет с ними. Несмотря на то, что по ее рассказам кажется, будто восьмой... или какая она там... ребенок не был им особо нужен.

Когда я заглядываю в экседру, целеры встречают меня двумя молчаливыми шеренгами по три человека. Шестеро! Шестеро стерегут

отца, и боги знают, сколько еще ждет в смежных комнатах. Это одновременно успокаивает и злит, как и облегчение на их чеканных смуглых лицах. Хорошо хоть, что нет Каса и Пола, а то ведь отличная идея – поставить их под дверь на случай, если Клио заговорит со мной и решит в чем-нибудь приврать.

– Рассредоточиться парами, – сухо велю я и веду Клио в коридор. Мне отвечают бряцанье и топот, говор и скрип: кто-то явно спешит вернуться на пост в спальню.

– Не злись, – тихо просит Клио, когда я отпираю главную дверь покоев. Ее прохладная рука касается моего плеча. – Зато с ним точно ничего не...

Не понимает она, что они тут из-за нее? Или просто настолько вежлива и добра? Впрочем...

– Ох. – Сглатываю, смотря в ее строгие грустные глаза, и решаюсь признаться кое в чем еще: – Понимаешь... я боюсь, что некто или нечто, сумевший или сумевшее к нему подобраться... в общем, что десяток или два солдат для этого... создания ничто.

Папа сильный – нечего и спорить. Хотя вот в последние годы он сильно размяк, иначе не скажешь, и даже в гладиариях – регулярно проводимых в Гиргамосе сражениях лучших нобилей-воинов – перестал участвовать, предпочитает теперь выставлять своего бойца. Обычно Илфокиона. В прошлом году я умоляла выставить меня, но увы. Что ж... королеве уже никто не запретит раздеться почти донага, обмотать грудь бинтами, нацепить тяжелые железные наручи и, вымазавшись маслом и грязью, хорошенько помахать кулаками. Хоть какая-то радость.

– Папа сильный, – говорю я вслух, но это похоже на жалобное заклинание.

– О чем ты? – Клио поводит плечами, окидывая обеспокоенным, даже настороженным взглядом тихий коридор. – Мне не нравится... ой... и Эвер, кажется, что-то такое...

Эвер. Я прикрываю глаза. Нет, не думать о нем, хотя бы о нем, сейчас она ведет к другому.

– Монстры? – На мой полувопрос Клио кивает. Все же фыркаю: – Брось! Он же шу...

– Нет, – удивительно твердо возражает она, опять поведя головой вправо, влево, точно ища кого-то. – Он выглядел напуганным. Так не

шутят.

А действительно? Что он там сказал-то, прежде чем мы все начали сочинять сюжет собственной жизни? Я в тот момент бесстыдно думала совершенно не о шутке Эвера и ее подтексте, а о посторонних и несомненно постыдных вещах вроде того, чтобы съесть рыбу с его рук. Но Клио, похоже, заметила что-то мной упущенное.

– Что случилось, пока мы были под... – не унимается она, и продолжение очевидно по беспокойству в ее тоне.

– Эй, я была *заперта* точно так же, хоть и в другом смысле! – обрываю резче, чем хотела бы, и, конечно, тоже выдаю тревогу. Спешу смягчиться: – Но клянусь, нет, я ничего не скрываю. Монстров в том числе. Пока вы сидели в башне, в замке ничего не произошло.

Все случилось раньше. *Все*. Вот только что именно? И эти парни... нет, не настолько они скудоумные, чтобы вот так взять и выпасть из окна, да еще вдвоем. Хотя, ох, лучше бы да. Лучше бы они были просто неуклюжими и хилыми, лучше бы перепили, подрались или даже решили заняться на этом подоконнике любовью или танцами, а не стали жертвой кого-то, кто...

– Знаешь, я могла бы решить, что в округе появился волшебник. – Не то чтобы мысль хорошая, не то чтобы ею стоит делиться с такой пугливой девушкой, но лучше ею, чем еще более дикими версиями. Про монстров. Которых нет. Ведь так? – Какой-то сумасшедший, который быстро бегают или прыгает, или может ходить сквозь стены, или...

Летает? Боги. Нет, это точно невероятно.

– Волшебники Физалии и Игапты все примерно как ты. – Мы с Клио медленно идем по коридору к ее покоям. Определенно, я предпочту ее проводить, с такими разговорами иначе я сойду с ума. – То есть они делают все эти вещи с предметами, и большинство еще хорошо ищет воду, ну и кое-кто предвидит, но чтобы иметь действительно убийственные способности...

Действительно убийственные способности. Видимо, я на пределе: сложно не рассмеяться. Клио, хаби... «Сюрприз», как говорит Скорфус, «делать все эти вещи с предметами» – способность крайне убийственная, ведь на месте предмета можешь оказаться ты. Я кусаю щеку до крови. За соленым привкусом во рту все равно проступает

образ – Эвер, распятый магией на скале, чудовищные искры вокруг его груди, полный ужаса взгляд и...

– Так что, я думаю, такого волшебника бы заметили, – доносится до меня уверенный голос Клио. – Давно. Они ведь перестали рождаться.

Не знаю. Надеюсь. Как хорошо, что я хотя бы не такой волшебник.

– Так или иначе, – и как я подпустила в тон столько искусственной бодрости? – солдаты всех подразделений внимательно слушают разговоры в городе, ищут подозрительных чужаков и...

И прескверно несут караул в саду, судя по тому, как поздно прибежали к Рикусу и Ардону. Мы-то с Эвером услышали крик издали, он еще и примчался с умопомрачительной скоростью... кстати, правда. Он никогда так не бегал и тем более не прыгал через препятствия, что, вот настолько перепугался? Просто удивительно. Надо, что ли, присмотреться к его мышцам на...

– И? – повторяет Клио, глядя на меня. О горе мне. Я что, правда задумалась о мышцах на ногах Эвера посреди разговора о замковой безопасности? Боги, сожгите меня. Прямо сейчас.

– И-и-и... я убью их всех, – добавляю быстро, тут же спохватываюсь и уточняю: – Не в прямом смысле, нет! Но, Клио, правда, мне стыдно, что парней никто не спасал. Я недосмотрела.

Я не посмела сказать ей это, пока мы брели в мои покои. Не посмела, пока она помогала мне обработать царапины и вычесать кровавые сгустки из волос. Не посмела, пока, болезненно шипя, я надевала чистое платье – терракотовое, мягкое, мешковатое, такое, которое не будет слишком тревожить увечья и на котором будет чуть незаметнее кровь. Ни в Гирии, ни в Физалии, вообще нигде на нашем континенте такое не носят. Но у жителей Дикого, приславших нам партию национальных нарядов, другие представления о том, что красиво и хорошо. Да, грубовато, из украшений только россыпь деревянных бусин вдоль подола. Зато ткани спрядены из целительных растений с обеззараживающими свойствами. Когда папе станет лучше, такую рубашку наденут и на него. Увидев меня, Клио сказала, что я красивая. И это вместо: «Куда смотрят твои солдаты, ты понимаешь, что чуть не произошло?»

Если бы целеры прибежали раньше, они могли бы... не знаю. Растянуть на месте будущего падения тряпку? Или вообще падения не допустить, вовремя помочь Рикусу... Рикусу. Который вовсе не выглядит хилым, но почему-то случилось то, что случилось. Не хочу думать, что было бы, если бы дикая мысль – использовать волшебство – не пришла в мою пылающую паникой голову. Не хочу думать, что было бы, если бы у меня не получилось.

– Не ругай себя, все обошлось, – говорит Клио, снова твердо. – Зато их много на пляжах. С обеих сторон. Я видела сверху. Конечно, они больше ждут опасности оттуда.

Мило, но теперь на языке вертится предательское: «Тебя не тревожит, что твой ближний целер не может такой ерунды, как вытащить на себе товарища?» Сжимаю зубы: так нельзя. Во-первых, не мое дело, а во-вторых, еще неизвестно, кого и как поймала бы я, если бы располагала только парой рук. А быть подушкой для парочки перепуганных парней, судя по Эверу...

Эверу. Опять.

После того как он оставил нас, разговаривать не получилось: над столом повисла холодная, вязкая, липкая неловкость. Парни уткнулись в тарелки: видимо, они из тех, кто заедает потрясения, а не запирает из-за них желудки на замок. Мы оставили их, пошли к отцу, и все это время – пока не переступила его порог – я продолжала думать о лишнем. Мучительно гадать, что, почему заставило Эвера сказать «Я уезжаю», именно когда мы держались за руки.

Держались. Подумаешь. Я выдумала слишком много, вот и все.

– Кстати, ты *это* имела в виду, когда сказала, что у вас «все сложно»?

Проклятие. Неужели все унижительные «он хочет бросить меня, хотя мы даже не вместе, и это убивает меня, о боги!» читаются прямо на моем лице? Молчу, приподняв брови: ну же, еще можно сменить тему. Но Клио не отступает, ждет. Я могла бы уже понять, что в *такие* темы она вцепляется зубами не хуже маленького упрямого крокодила.

– Ты не хочешь его отпускать. Да? А почему все-таки он не может учиться здесь?

Не хочу. Правда. Пора признать. С самого начала, наверное, не хотела, было так соблазнительно все вернуть. «Королева-волшебница и

ее гаситель, не на веки вечные, но хотя бы на чуть-чуть». Почему нет, почему? Обещая Эверу полную свободу действий после коронации, я ведь украдкой надеялась, что он ее не захочет, надеялась на куда большее время вместе и... конечно, на то, что мы проведем его иначе. Нет, нет, не в страстных или каких-либо еще поцелуях, но точно – не молясь отчаянно за отца. Я, наивная, хотела такой малости! Просто... просто...

– Не может, – все, что получается произнести. – Как раз потому, что все сложно, Клио.

Просто иногда есть за общим столом в саду. Просто показывать потихоньку, как этот сад вырос без Эвера и сколько всего я вывела, думая о нем. Просто вспоминать что-то из детства и – да, конечно, – строить планы, очевидно разные, но где-то пересекающиеся. Может, я бы уговорила его идти в университет Гиргамоса, один из старейших на континенте. Может, разжалобила бы до такой степени, чтоб он стал замковым – пусть не моим! – медиком. Может... не знаю. Как люди мирятся после долгой серьезной ссоры, разрушившей между ними все до основания? Как снова сближаются после предательства? Возможно это вообще или я была дурой, уже когда надеялась на это? Или...

Да. Наверное, это сложно. Между людьми даже сложнее, чем между странами. Там-то рано или поздно просто меняются люди и появляются те, кто готов улыбнуться бывшим врагам и осторожно сказать: «Давайте начнем сначала». Вот живое доказательство, передо мной.

– Клио, странно прозвучит, но как думаешь... – глупость, и все же я не могу сдержаться, – у монстров может быть хоть какое-то право на прощение?

Позволь представиться, хаби, монстр – это я. Что бы мы с Эвером ни говорили друг другу.

Она останавливается у своей двери в полоске света, падающей из окна, смотрит удивленно. Округлившись глаза спрашивают: «О чем ты?» – но белые зубы прихватывают вдруг уголок губы. Так, словно у Клио есть ответ. Так, словно она не очень хочет им делиться. Я всматриваюсь в ее дрожащую на полу длинную четкую тень. Та кажется густо-синей, как беззвездное небо.

– Не знаю, – наконец говорит она. – Если ты о монстрах-людях. Но мне кажется... – она поднимает ладонь к глазам, щурится, и

крокодил на браслете ловит блик, – почти все скорее да, потому что почти всегда в них все равно остается что-то человеческое. – Она медлит. Мельком смотрит себе под ноги, потом снова на меня. – Я здесь и поэтому. Хотя никто меня не поддержал.

– Поэтому... – Запинаюсь. Почти режусь об улыбку на ее темных, сегодня ненакрашенных губах. Вздыхаю, натянуто посмеиваясь. – То есть даешь шанс монстрам-нам?

– Вы не монстры, – отрезает она почти сердито, хмурится. Кусает губу снова. – Я не про тебя. Я не про кого-то из живых. Я...

Не знаю, что со мной, что я предчувствую, но вдруг хочется попросить ее прекратить разговор, уйти. Похоже, нервы, или о чем там любит рассуждать Скорфус, совсем расшатались. Но я не так малодушна. Хотя и почти знаю, о чьей «человеческой» стороне Клио может говорить с таким напряжением, так задумчиво на меня посматривая. Точнее, у меня два варианта, но второй, скорее всего, неправильный. Клио вряд ли знала, что Лин в некотором роде тоже монстр.

– Валато Каператис. – Почему-то называю мать... так. Кажется, не впервые.

– Твоя мама. – Клио словно поправляет меня, а может, так и есть. Прислоняется к двери спиной. Заправляет за уши волосы дрожащими пальцами. Больше не отводит глаз.

– Ты что? – В горле продолжает пересыхать, но в голове пока мало что складывается. Меня будто корабельной доской ударили. – Знала ее? Разве ты могла, ты же была не старше...

– Видела, – отзывается она. Тоже сглатывает, будто борясь с комком в горле. – Видела раз... шесть-восемь, наверное. Всегда в алом. Всегда с сыном. Всегда над мертвецами. Нашими мертвецами.

Я снова смотрю на ее тень, только на тень, спрятав за спину руки, – чтобы Клио не видела сжатых кулаков. Снова вспоминаю наш странный разговор, быстро ставший болезненным, там, в эстесе, – про трофеи. Его, именно его, и кажется, я вот-вот начну понимать, чем действительно это диктовалось. Но все еще не понимаю, как к этому относиться.

– Она водила его за руку, – тихо продолжает Клио, а я холодею с каждым словом. – Показывала самые развороченные тела. Не знаю, что она ему говорила, но кажется, торжествовала, и ты не

представляешь, каково было наблюдать, не вмешиваясь, ведь все это происходило обычно в «тихие двухчасия» – те лакуны после сражений, когда обе стороны не трогают друг друга, забирают свои трупы.

Я вскидываюсь резко – точно мне дали пощечину. Почти так и есть, но не Клио, конечно. Реальность. Реальность, в которой папа, видимо, дополнительно оберегал меня, раз я на поле битвы ни разу не побывала. Я не видела *их* – ни одного тела, кроме трупов протестующих, да и последние редко: убийства в основном происходили не прямо на улицах во время волнений, а позже, в застенках, у моря или в лесу, вдали от моих глаз. Зато маленькая Клио...

– Что там делала ты? – еле выдавливаю это. И с еще большим трудом добавляю: – Твои родные что, были такими же сумасшедшими, раз таскали тебя...

– Я помогала с телами и с умирающими, – просто отвечает Клио. – С последними особенно. У нас верят, что если на пороге смерти увидишь ребенка, твоя следующая жизнь будет счастливее и светлее. Я... благословляла, наверное, так это можно назвать.

Закрываю глаза. Быстро понимаю, что это слабость, и сжимаю зубы, сдерживая отвратительное: «Ну и зачем ты рассказываешь все это? Чтобы мне стало стыднее? Чтобы я отдала тебе платье?» Она ведь вела к чему-то, нет?..

Да. Точно, вела. К ответу на мой вопрос, ни к чему другому. И она продолжает:

– Однажды... – Я снова поднимаю взгляд, и ее кулаки тоже стискиваются до хруста. Я, кажется, прежде не видела у нее этого жеста. – Однажды, еще в начале войны, Арэстэс и Гринорис были на поле со мной и кто-то не выдержал. Не выдержал *ее* платья, улыбки, того, как *она* глумилась над нашими мертвыми, вместо того чтоб позаботиться о своих. А может, не они, а кто-то из командующих, не знаю, неважно... но по вашим людям открыли стрельбу.

Я вздрагиваю. Она тоже, еще крупнее, потом устало потирает виски.

– В нее и твоего брата полетел дождь стрел. А она, вместо того чтобы напасть на нас, или бежать, или велеть стрелять в ответ, просто упала и накрыла его собой, накрыла, обняла и все время, пока свистели стрелы, гладила по голове, я видела... – Клио странно

улыбается. И потупляет голову. – Вскоре и я оказалась на земле, под братом, который делал то же, боясь, что я начну кричать и вырываться... А стрелы полетели уже с обеих сторон. Потом успокоились. Я не помню, кто понял, что дальше так нельзя, кто первым прекратил стрельбу, но мне кажется, ваш... – Она смотрит вправо. Точно ища теперь кого-то среди караульных на углу.

– Илфокион. – Не уверена, но кажется, одним из проступков, за которые его разжаловали, было как раз «непротивление вероломному нападению в двухчасие». Не в это ли?

Клио кивает:

– Он был моложе, у него были волнистые волосы, как у тебя, и...

– Да, он еще не повернулся на моде так сильно! – Неловко улыбаюсь. Не знаю, как побороть дурноту. – Так что же тебя потрясло, что мама попыталась защитить сына, всего-то?

Может, я не права; может, мамина жажда мести действительно затмила в те дни родительский инстинкт и уступила ему неожиданно и чудесно. Но пока мне видится скорее расчет: кому без Лина наследовать престол, не мне же? Тогда она ведь еще не планировала ни убивать себя, ни забирать его с собой... Но Клио совершенно тверда.

– Что это было *первым* ее поступком, хотя у нее были все шансы убить вражеских *короля и наследника*, вовремя отдав приказ или бросившись самой. – Клио облизывает губы. – Мы были близко. На расстоянии удара хлыста. – А она лежала... молчала... прижимала его к себе... Как брат меня. Все это время.

Да. С этой позиции выглядит действительно человечно. Но мысль я отгоняю почти с яростью, внезапно чувствуя желание едва ли не сплунуть под ноги со словами: «Вот это да, вот это мать мечты!» Как... как Клио может? Говорить так, будто речь не о женщине, развязавшей войну из-за пустых иллюзий, амбиций и обид? Не о женщине, которая потом чуть не зарезала этого самого сына и сломала мне нос? Как?..

Нет. Заткнись, дура, подумай. Она говорит это, потому что ты спросила сама. Потому что она куда добрее тебя. И потому что она-то не была для этой женщины нелюбимым, лишним ребенком. Возможно, она даже верит: при всех омерзительных тиранских замашках Валато Каператис была отличной мамочкой, раз у нее выросла такая замечательная я. Нет даже смысла ее разочаровывать. Но Лин...

бедный брат. Послушно рассматривающий трупы, лежащий на окровавленной земле, слушающий свист стрел над головой. Меня все меньше удивляет то, что в какой-то момент он стал нуждаться в дурных свойствах сонного зелья. Меня все меньше удивляет... многое. А еще кое-что кажется теперь особенно важным, и я осторожно, преодолев сопротивление той своей части, которую Скорфус ласково зовет «заноза в заднице», спрашиваю:

– Клио, мы все еще не подруги?

Скорее всего, нет, учитывая, что три последних дня я провела в полукоме, а она – как преступница. Но она молчит, словно ждет продолжения. Украдкой подумав о двери, за которую в день знакомства так ее и не пустила, я решаюсь спросить:

– Ты встрет... увидела Лина именно тогда? Что было потом?

– Ничего. – Кажется, она даже не колебалась, решаясь дать мне ответ. Но он мало похож на то, чего я могла бы ожидать. – Ничего, правда, Орфо. Я раз за разом видела его на поле боя, видела, как он ходит за своей торжествующей мамой, ловила его взгляд, а он ловил мой, мы... мы осторожно улыбались друг другу. – Она запинается. Кусает губы сильнее и сильнее. – Мне было жаль его, я чувствовала, что он тут как пленник. И я видела, что он жалеет меня; возможно, думает о том, что свою маленькую сестренку ни за что не взял бы смотреть на трупы. Всего раз... – Она лезет вдруг за ворот туники. Там блестит тонкая золотая цепочка, но я ни разу не видела, что на ней висит. – ...он дал мне это. – Щелкает медальон с выгравированным крокодилчиком, внутри оказывается маленький засушенный цветок земляники. – Он это чудом сделал, когда ваша мама не видела... – Клио защелкивает медальон и быстро убирает назад.

– Я выращивала. – Не знаю, почему голос падает. Не знаю, почему мне опять хочется спрятаться. – Можешь считать, он тебе передал привет от меня, хотя ты меня не знала, ха-ха...

Клио улыбается, но молчит; взгляд ее остается пристальным и грустным. Она понимает, какой вопрос вертится у меня на языке. Она понимает, что, скорее всего, я и сама прекрасно знаю ответ, но все равно спрошу.

– Ты надеялась, что между нашими странами что-то наладится, и вы...

– Увидимся, – выдыхает она, и ладонь ложится на ручку двери. – Просто увидимся, поговорим хоть раз...

Глаза теперь круглые и влажные, но губы не дрожат. «Знаю, ты считаешь меня душой», – вот что читается на лице, в самой позе: ссутулившиеся плечи, спина, прижавшаяся к двери, ладонь, стиснутая на металлическом изгибе.

– Клио, мне так жаль... – Я не подхожу. Вряд ли нужно обнимать ее, вдруг тогда она опять разревется и сама будет не рада? – Очень жаль. Это ужасно.

Ужаснее, Клио, только то, что мой брат, похоже, тебя не заслуживал. Как я не заслуживала Эвера. Семейное.

– Ведь с тобой у него были шансы перестать быть таким... – запинаясь, решаю обрушить на нее любимое словечко Скорфуса, надеюсь на улыбку, – *засранцем*.

– Что? – Она правда вроде немного отвлекается. Морщит нос. – Звучит вонюче...

– Нет, нет, проблема в другом, но это неважно! – Смеюсь как можно бодрее, пока еще могу. Недолго. И, подавшись ближе, все-таки обнимаю ее. – Ох... Ты замечательная, Клио. Просто замечательная. Если подумать, лучшей королевы я бы и не пожелала.

Но королевой стану я сама, если выживу, а королевский, императорский, консульский брак – это всегда союз мужчины и женщины. Правила богов требуют от коронованных оставлять потомство и соблюдать равное право полов на власть, поэтому все развлечения с себе подобными возможны лишь вне трона. Не говоря уже о том, что меня такие развлечения не прельщают. Вдохнув лотосовый запах от волос Клио, я отстраняюсь. Вроде она чуть повеселела, улыбается.

– Спасибо, что рассказала... все это. – Немного сжимаюсь. Ведь закономерный ответ здесь: «А ты объяснишь, наконец, что у вас с Эвером за проблемы?» Но Клио говорит другое:

– Спасибо, что выслушала и... поняла?

Да. Поняла. Многое. И приняла решение, которое не имеет особого смысла, но сможет вынуть из меня хоть одну занозу.

– Знаешь, то платье... я думаю, я все же отдам его в ваш музей.

А все остальные тряпки и побрякушки давно пора продать. Оставить немного, что я смогла бы носить, прочее же потянет на

хорошую сумму и пригодится городским беднякам или...

Пальцы ног в сандалиях резко сводит. Вздогнув, замечаю, что их коснулась удлинившаяся тень Клио. Бр-р, проклятые сквозняки и проклятый магический коллапс от моего недавнего «подвига» – никогда еще меня так им не накрывало, хотя, конечно, я и сил столько не тратила... Чтобы ожить, стоит сегодня провести побольше времени в купальне или в душе.

Душе... Тут я опять встряхиваю головой. Не знаю, кто тянет меня за язык, а может, я просто не хочу, чтобы Клио с круглыми глазами переспросила: «Отдашь? Правда?» – я ведь пока колеблюсь. Но, попятившись из тени и усмехнувшись, я как можно небрежнее добавляю:

– Кстати, еще раз спасибо за медицинскую помощь. Боюсь, если бы со мной пошел Эвер и ему пришлось бы трогать меня, я могла бы просто завалить его.

– За... – Что это с ней, почему опять глаза как монеты? – Чем и зачем?!

Не то чтобы перевести разговор на это оказалось хорошей идеей: Клио явно опешила. Ах да. В *том самом* смысле это словечко тоже открыл мне Скорфус; если он говорит «завалить», то подразумевает либо «на лопатки и трахнуть», либо «хлебало», либо и то, и то в произвольном порядке. Клио же может прийти на ум только жутковатый вариант «завалить камнями».

– Ну... – Проклятие, а ведь неловко. Скрещиваю руки на груди, шумно выдыхаю через нос. Наверное, покраснела. Дура. – Ладно, забудь. Просто на будущее: нас *на самом деле* не стоит оставлять наедине, я... несдержанна, поэтому лучше не оказывай мне таких услуг, как на пляже.

– Ой! – Но вопреки возгласу, вид ее становится хитрым. Что-то мне это не нравится. Так и есть, снова расплывшись в невинной улыбочке, Клио склоняет голову, и ее волосы падают на лоб. – Ну-у, посмотрим! – Челку она тут же смахивает суетливым жестом. – Но не забывай, что я посол доброй воли, а это дело всей жизни, не только примирения двух стран, и...

– Боги, Клио, не пугай! – Разве что не пячусь. Но все-таки фыркаю, давая смешок.

Не люблю мессианство. Все вот эти вот «боги говорят мне творить добро, и я буду творить его ради тебя, эй, стой, куда побежал?». Но пока остается только смириться. Эта принцесса не знает, с чем имеет дело. Не стоит переживать, она не будет моей свахой.

– В общем, лучше будь, пожалуйста, осторожна. – Вздыхаю, смотрю строже. Шутки шутками, но некоторые вещи несмешные. – Хотя бы пока не *помиришь* страны. И пока не уедешь из наших жутких мест. Встретимся на ужине.

Она одаривает меня еще одной улыбкой, уже совсем светлой, и исчезает за дверью. Стою, слушая легкие шаги, секунд пять, а потом, когда они удаляются, окликаю целеров из дальнего конца коридора. Кивком указываю, где встать. Не знаю, что они успеют сделать, если Клио, например, тоже выпадет из окна; будь моя воля, я запустила бы своих солдат в комнаты на постоянной основе. Хорошо хоть, мне удалось уговорить физальцев пожить вместе. Скорее всего, Рикус и Ардон даже уже там, раз Клио не пришлось отпирать дверь ключом.

Ключ... Не кстати вспоминаются слова Скорфуса: что дверь Эвера была не заперта, когда все мы прохлаждались на эраносе. И что он, Скорфус, предлагал ее все же запереть, когда нос к носу столкнулся там с отцом. Отец отказался, боясь, что Эвера это встревожит. И вот...

Кто-то вошел туда, взял перчатку и напал на отца. Кто-то...

Никаких других волшебников в замке нет. Скорфус, разумеется, невиновен. Ребята тоже. Тогда кто?

Идя от дверей Клио, я рассеянно оборачиваюсь, всматриваюсь в несущих дозор парней. Смуглые, один посветлее, другой потемнее, оба молодые и еще не научились держать каменные мины, «как подобает замковой страже». Один вздрагивает при виде моего, прямо скажем, непривлекательного, в полосах царапин лица; другой, наоборот, дарит улыбку: ой, кажется, несколько месяцев назад мы целовались и не только под... на... не помню где, но было неплохо. Я киваю обоим, отгоняя мысль: а ведь *это* тоже вполне могут быть враги отца, мои враги. Да кто угодно может, если рубить сплеча. И слуги. И патриции, и советники. Спеша отвлечься, прибавляю шаг. Даже думать о таком сейчас тяжело, может, поэтому мысли спешат, очень спешат опять перекинуться на...

Эвера. Конечно. На то, в чем я призналась Клио. И себе заодно.

Мне слишком понравилось, как он на меня смотрел – там, у башни, когда я очнулась. Мне было плевать, что глаза заливают кровь, а руки похожи на раскаленный камень. Не волновала даже мысль, что я чуть не умерла, выплеснув столько магии. Когда я встала, мной владел дикий порыв – спросить у Эвера: «Видишь, какая я? А? Теперь-то ты, я, мы...». Хотя нет. Другой порыв – например, потерять сознание по пути в замок и пусть бы он волок меня на руках, был куда настойчивее. И конечно же, следующий – затащить его в душ. О боги. Звучит как: «Бешеная, ты что, недостаточно вымоталась, спасая парней?» Но нет. Наоборот. Количество крови, которое я с себя смыла, говорило об этом вполне ясно. Я была вымотана достаточно, чтобы *любыми* доступными способами сказать Эверу: «Слушай, давай перестанем бегать друг от друга, я не знаю, проживу ли дольше трех дней, а может, даже откинусь раньше, неужели ты не хочешь еще хотя бы один поцелуй или что-то посущественнее?» Что я сделала вместо этого? Побежала. Ну, точнее, поплелась с Клио, но неважно. Ведь у меня пока есть хоть какие-то мозги, и я боюсь растревожить в Эвере... растревожить все, что, увы, не может его не терзать. И тем более не хочу, чтобы что-то из моих поступков виделось ему требованием. Он не ответил на мое «Ты мне нравишься». Этого я тоже не забыла, и я его не сужу.

Я миную угол, продолжая думать об этом... и потому Эвер, сидящий в оконной нише недалеко от моей двери, кажется мне закономерным продолжением больных фантазий и горьких сожалений. Даже не удивляюсь – по крайней мере, пока он не поворачивает голову на шум и мы не встречаемся глазами. Вот тут... тут меня как под зад пинают. Навстречу я почти бегу, а едва подбежав, хватаю его за запястье и без особых церемоний тяну вниз.

– Боги, ну хоть ты не пугай меня, слезь сейчас же! – Я разве что на пол его не скидываю, и это вместо «здравствуй». Истинная принцесса.

– Привет. – Он спускает ноги, не сопротивляясь, на лице ни тени хоть каких-то эмоций. Даже натиск его не удивил. – Как ты себя чувствуешь?

Когда наступит благодатное время, где этот взаимозадаваемый раз за разом вопрос останется в прошлом?

– Нормально. – Отдергиваю руку, устало прикрываю глаза, умоляя себя прекратить вести себя так по-дурачки. Спыхватываюсь. – Вообще-

то, нужнее спросить об этом тебя, нет? Ты уходил лежать, жалуясь на боль в ребрах, но внезапно сидишь здесь, чтобы?..

Последнее слово я произношу максимально вопросительно и надеюсь, что в нем не слышно мольбы. Слышно или нет, но кто-то на Святой Горе ее уловил. Эвер, поколебавшись, подтверждает:

– Подождать тебя.

Кусаю угол губы, чтобы только не улыбнуться. Повода нет, ни малейшего, учитывая, на чем мы расстались. Ну, ждет и ждет. Скорее всего, решил сказать что-нибудь вроде: «Прости, но я действительно хочу уехать. Прямо сейчас, потому что мне все это надоело, у тебя еще и люди из окон падают». Смотрю Эверу в лицо в ожидании этих или каких-либо других слов. Но он молчит, просто молчит, глядя в ответ, словно это я должна как-то среагировать. Может, и должна.

– Ну... – Развожу руками, а что еще? – Я тут! Ты дождался! Чем займемся дальше?

Все-таки теряюсь: здесь он улыбается, и кажется, что его взгляд становятся не только ярче, но и теплее. Будто словами я то ли позабавила его, то ли даже принесла облегчение. Будто он ждал худшего. Еще какое-то время он вглядывается в меня – с надеждой что-то найти, понять? Потом качает головой, и улыбка гаснет так же быстро, как появилась. Наконец понимаю: его внимание удерживает то же, что и внимание часового. Эти царапины, которые в обед, конечно, не кровоточили, но я и сама их чувствую.

– Какая же ты... изувеченная, – едва шепчет Эвер. И вдруг, взяв меня за левую руку, разворачивает ее клеймом к себе.

Ожога нет, хотя я сама думала, что найду его, очнувшись под башней. Стрела горела; казалось, еще чуть-чуть – и вспыхнет вся моя рука, ну а потом и я целиком. Обошлось. Стрела снова черная, кожа вокруг нее выглядит неплохо, не считая пары ран, оставленных моими же ногтями во сне. Но это неважно. Прикосновение... резко вспоминается первый год после войны, день, когда Эвера привели ко мне знакомиться и мы взяли друг друга за запястья. Наши метки вспыхнули. Будто были единым целым. Может, сейчас это вспоминает и он.

– Это пройдет, – произношу, едва шевеля губами. Почему-то сглатывая ком.

Именно сейчас вдруг понимаю: боги... а ведь я устала. Для человека, которого три дня и три ночи истязали кошмарами, меня еще надолго хватило! Но что поделать. Посплю я нескоро.

– Я... пришел извиниться, Орфо. – Слова будто встряхивают меня, изнеможенное желание слизнем сползти на пол – прямиком по стене, а еще лучше по ногам Эвера – чуть отступает.

– Подожди, что? – Встряхиваюсь, думая опять о разговоре за столом. – Вот... вот что...

– Мне жаль, что я ничем тебе не помог. Что ты потратила столько сил. – Говоря, он все еще держит меня за кисть и смотрит на метку, только на нее. – Как... как здорово было в детстве, когда я всегда мог поддержать и защитить тебя или хоть дать совет. Да?

Я вздрагиваю. Украдкой подмечаю его застывший – тот самый – взгляд. Качаю головой, почти сбитая с толку. Мы все же думаем о разном. Хорошо это или плохо?

– Эвер, подожди, ты же не обязан... – Не то чтобы голос слушался.

...хотя бы потому, что как минимум какой-то частью разума ты все еще ненавидишь меня и винишь в очевидных нам обоим вещах. Я знаю. И это справедливо. И еще потому что...

– Я так не привык, – выдыхает он чуть быстрее. Наше пожатие наконец размыкается, я только теперь осознаю, что тоже цеплялась за его руку чуть повыше метки, пониже локтя. Он делает полшага назад. Жмурится на миг. – Знаю, тоже звучит невесело и, пожалуй, глупо, но все же...

Невесело. Глупо. Что? Да и о чем он вообще? Я ведь многое сказала бы о том, как мне в ту минуту помогло его присутствие, когда он звал меня, не давал потерять сознание – по крайней мере, долго. Что только его «У тебя *может* получиться», читавшееся на белом как мел лице, не дало мне захлебнуться страхом пополам с болью в теле. Помогло продержаться достаточно. Но... его вряд ли это утешит, как не утешило бы меня. И я прекрасно понимаю, о чем он – видящий мои царапины, убитое лицо, мешковатую одежду – переживает.

– Никому не нравится быть беспомощным. – Потираю занывшую рану на левой щеке; она, конечно же, начинает жечь только сильнее. – Мне тоже, поверь, я не понаслышке знаю это чувство. Поэтому и стараюсь как могу, особенно теперь.

– Я вижу, – начинает он, а потом устало машет рукой, разозлившись на самого себя: брови сдвигаются, переносицу раскалывает морщина. – Ладно, Орфо. Я... – он медлит, – я вообще, пожалуй, зря пришел. – Медлит снова, ему явно сложно не отводить глаз. – Но я просто хотел сказать, что, если тебе в чем-то в эти последние дни понадобится моя помощь, ты всегда можешь...

– А потом? – выпаливаю, прежде чем схватила бы слова на лету. Запоздало щелкаю зубами: дурная, позорная привычка; наверное, это чудовищный звук! Но Эвер либо не заметил его, либо проигнорировал.

– Потом?.. – переспрашивает он тихо, и я, вздохнув, понадеявшись скорее выиграть время, чем что-то еще, признаюсь:

– Слушай, я очень долго проболтала с Клио в коридоре и подустала. Пойдем сядем.

Он смотрит не то чтобы с опаской, но задумчиво: конечно же, помнит, чем кончился наш совместный ужин в моих покоях. Не хочет повторения или...

– Можем пойти к тебе, – добавляю как можно небрежнее, скрывая, о чем думаю. – Еслипустишь. Хотя бы полюбуюсь на твои виолы.

Хотя бы. Ну да. На что еще? Нет, нет, только не спрашивай.

– Конечно же, пущу. – Он отталкивается от подоконника ладонью, тут же чуть морщится, потеряв бок, и первым идет вдоль соседних с моей дверей. – Откуда только у тебя сомнения?

Я медлю какое-то время, просто буравя взглядом прямую спину за белой рубашкой. Откуда, Эвер?.. Да вот отсюда. Я не понимаю, что происходит сейчас в твоей голове, о чем ты думаешь, когда смотришь на меня и когда ко мне прикасаешься, даже когда просто ободряешь. Там, на берегу возле мемориала, у меня кружилась голова от того, как мы с тобой летим в пропасть, летим стремительнее ветра, а пропасть почему-то разверзается вверх, не вниз. Теперь все своим чередом: мы явно падаем. Пусть не так, как Рикус и Ардон, но... но...

– Входи. – Он уже открывает дверь. – Орфо?

То ли правда стал перемещаться сильно быстрее, чем я привыкла, то ли я нырнула в мысли слишком глубоко и перешла на черепашью походку. Нас разделяет уже шагов шесть, приходится ускориться, чтобы он не стоял впустую. Украдкой все-таки кидаю взгляд на его

ноги. Ожидаемо, под шварами с их довольно свободным кроем ничего не разглядишь.

Комната светлая, проветренная – такая, к какой я и привыкла. Буквально на секунду мной овладевает глупая иллюзия: что все эти четыре года мы регулярно вот так приходили сюда вместе, что покои эти не стояли запертыми и не служили лишь изредка прибежищем уныния – для отца, для меня, может, и для Лина, хотя насчет него я не знаю: он быстро прекратил говорить об Эвере сам. Только болезненная гримаса, разрезавшая его красивое лицо всякий раз, как имя звучало из чужих уст, напоминало: брат не забыл, кто это такой.

Иллюзия проходит, стоит мне увидеть виолы – их лопухие листья, густые соцветия. Эвер не дал бы им так разрастись, он аккуратно отстригал бы лишнее, хотя бы чтоб цветы не затеняли друг друга. Но пока руки явно не дошли, и у него на подоконнике настоящий виоловый лес. В котором так приятно спрятаться взглядом, прежде чем вернуться к неизбежному.

– Эвер. – Глубоко вздохнув, я опускаюсь на единственное место, где можно посидеть, – на кровать. К его покоям относится еще пара помещений, не только ванная, но и что-то вроде маленького кабинета и экседры, но он особенно не обживал их. – Эвер, я хотела бы знать, твои слова про скорый отъезд... они связаны вот с этим «я не привык» или?..

Глупо звучит, знаю. Но я правда не понимаю, как подступиться. Не заламывать же руки с яростным «Слушай, не уезжай, хотя бы пока я не сдохну!». Если я поняла правильно, он и не собирается, этого-то дождется. Так что я просто не могу собрать мысли в кучку и осознать, что меня волнует. Точнее, озвучить это... не омерзительно! Ведь самая близкая к моим чувствам реплика прямо сейчас – что-то вроде: «Не смей даже говорить об отъезде, даже если планируешь его в старости! Меня сразу начинает мутить! Ясно?» И это пугает. Может, это призрачное эхо – или закономерное возрождение – магии, которая нас когда-то связала. Хорошо бы такая... *зависимость* объяснялась этим, ведь мне казалось, за четыре года я хоть чуть-чуть, но одолела тоску по Эверу. Но я с собой честнее. Местами моя зависимость напоминает манию, без тени чар. А главное, она далека, максимально далека от детской версии. Взаимна ли она? Хоть немного?

Эвер опускается рядом и смотрит туда, куда собиралась смотреть я, – на виолы. Смотрит пусто, а свет из окна играет на его лице. Глубоко вздыхаю. Жду. Вот в эту минуту, чувствуя его плечо своим, я, может, и сорвалась бы, может, и выпалила бы: «Нет, Эвер, не уезжай, вообще не уезжай, я нуждалась в тебе всегда, нуждаюсь сейчас и совсем пропаду, если стану королевой!» Сжимаю зубы. Не смей. Вообще непонятно, когда это ты, дуреха, начала заглядывать так далеко? Начни с простого: если ты умрешь, тебе будет все равно на жизненные планы Эвера.

– Нет, – говорит он удивительно просто. Хотя вовсе и не удивительно: это же Эвер, он ничего не усложняет и ничего не смешивает в неудобоваримые кучи слов, мыслей, чувств. Никогда. – Нет, Орфо, это разные чувства, и не думаю, что отъезд чем-то поможет мне в...

Бессилии. Беспольности. Это говорят его усталые глаза. Переживает, все так же. Вот бы взять его за руку. Хотя бы потрепать по плечу. Все-таки сказать то, что я не сказала в коридоре: «Эй, ты продолжаешь защищать меня, продолжаешь поддерживать, а больше всего меня поддерживает простой факт: ты делаешь это вопреки другому. Вопреки едва ли оставившему тебя желанию, чтобы я заплатила за то, как с тобой поступила. Вопреки... Монстру?»

– Тогда почему ты заговорил об этом? – Проще спросить прямо и мысленно забиться под кровать, чем нарезать возле вопроса зыбкие круги. – Почему так, при *них*, почему когда...

Не продолжаю. Просто шевелю пальцами. Эвер переводит взгляд на них, потом на мое лицо и чуть поджимает губы.

– Чтобы ни у кого не было иллюзий. Потому что я ненавижу вот такие подмигивания и игру бровей в свой адрес. Потому что в глазах этой троицы я как будто...

– Боги, нет! – Несложно угадать, что за продолжение читается в его глазах. И вспыхнуть: – Эвер, слушай, ну ты же видишь, они... они немного другие! У них со всем этим как-то попроще, и нет, конечно же, никто из них не воспринимает наши с тобой отношения как...

– *Принадлежность*, – наконец выдыхает он с омерзением, и я яростно мотаю головой.

Все-таки беру его за руку. Легко сжимаю ладонь в своей. Словно слышу: «Понимать и принимать правду о том, что всякая любовь есть

в той или иной мере рабство, – большое мужество. У меня, например, его нет». У меня, похоже, стало еще больше этого мужества. Жаль, оно никому не пригодится. Зато рядом Рикус с его веселым «Учись ходить по углям, ведь этого явно желает от тебя принцесса-волшебница».

– Давай-ка начнем с простого, – понижаю голос. – Никому из них не известно твое происхождение. И не будет известно, потому что, как и... другие вещи, это далеко в прошлом. – Смотрю ему в глаза. Глубоко вздыхаю. – Они считают, что ты нобиль. И мой друг. Ну может, больше, чем друг, но никто не полагает, что ты в этом плане *привязан* ко мне, не можешь принимать самостоятельные решения или что ты там...

Он отвечает на пожатие. И, наклонившись ко мне, вдруг прикасается лбом ко лбу, как утром в саду. Бирюза его глаз холоднее морского бриза. От нее не спрячешься, да я и не хочу.

– Что же они будут думать, когда... если ты умрешь?

Когда... если. Не будь его взгляд таким отчаянным и усталым, я решила бы, что он сказал это с умыслом, сказал, вернувшись в день, когда очнулся в этой комнате, на этой постели – со следами когтей по всему телу и полным непониманием, чего ждать. Теперь мы поменялись местами, исцарапана я, и куда сильнее. Тоже не понимаю, что будет дальше. И вдобавок, как я уже сказала Клио... я, пожалуй, больше похожа на чудовище. Страх и вина убивают меня.

– Я буду надеяться, что причину они не узнают. – Все, что мне остается сказать. Ведь это правда. – *Ни одну из причин.*

Даже почти надеюсь, что он не поймет подтекста. Но глухой вздох обжигает губы, а потом Эвер, высвободив руку, вдруг легонько обхватывает мою голову уже обеими ладонями, чуть выше ушей, – так, будто возлагает на меня лавровый венок победителя. Я не двигаюсь, ни о чем не спрашиваю, просто смотрю и вслушиваюсь в это ощущение – его рук поверх своих волос. Сжимаю губы. Все-таки улыбаюсь. Ладони лежат мягко, совсем не давят, это явно не попытка обрисовать мне в красках будущую смерть. Что тогда?

– Пожалуйста, не думай хотя бы о Физалии, – просит он.

Да. Значит, вспомнил мое отчаяние у мемориала. Там, говоря о бесчисленных погибших с обеих сторон, я действительно готова была проклясть себя за бездействие. Никакое «мне было восемь», никакое «все решали взрослые», мне не помогало. Сейчас это тоже жжется во

мне, но... но доброта Клио, и случившееся с парнями, и наши разговоры о трагедиях и героях немного разжали тиски на сердце. Как и решение о платье. Я не хочу тащить за собой бремя вины своего народа. Патетичные удары кулаком в грудь, вечные покаяния без тени действий – удел слабых. А я, возможно, именно тот правитель, который нужен, чтобы никогда не повторить историю Гирии и Физалии и исправить ее последствия. Делами. Я *должна* выжить. А чтобы это точно получилось, мне нужен предельно ясный разум, ведь я понятия не имею, что из моих мыслей тигрозубый Арфемис может вывернуть против меня.

Ладони Эвера слабо дрожат, он смыкает веки на несколько секунд и опять подается вперед. Мое сердце делает секундный прыжок к горлу и ухает в желудок; все мысли о *правиле безгрешности* летят прочь стайей чаек. Неужели поцелует?.. Нет, он чуть падает на меня, явно обессилев, но приходит в себя до того, как обмякнет окончательно. Я сама удерживаю на прежнем месте его соскальзывающие, трясущиеся все сильнее руки. Холодные. Болезненно холодные.

– Что?.. – Снова пытаюсь поймать помутневший взгляд. – Что, Эвер? Тебе нехорошо?

– Немного, – неохотно отзывается он, стараясь выпрямиться. Виновато отводит глаза. – Вот об этом я и говорю, как ты там сказала утром? «Так, разваливаюсь себе на части».

Помнит. Помнит такую ерунду. Хотя есть ощущение, что это наша новая реальность.

– Приляг. – Киваю на кровать. – Позвать кого-то из замковых...

– Нет, нет, не надо. – Он качает головой, не спешит ложиться, но теперь я отвожу его руки и упираюсь ладонями в плечи.

Ему не понравится мое открытое беспокойство, очередное напоминание о бессилии, о «я так не привык»: в детстве, кроме Кошмарных недель, мне ведь не приходилось заботиться об Эвере как о больном, это он вечно выхаживал меня. Мне самой это беспокойство не нравится, выматывает напрочь, а день и так чудовищный. Поэтому я предпочитаю нервно пошутить:

– Эвер, на тебя упали две туши. Так или иначе, это неприятно. Особенно когда ты несколько дней плохо спал, а незадолго до этого вылез из пещеры.

Он слабо смеется, качая головой, – и смотрит благодарно. Все-таки опускается на кровать, полуложится, прислонившись к подушке, откидывает голову – словно так ему полегче дышится. На лоб падают светлые пряди, шея и линия челюсти в этом ракурсе – просто какая-то идеальная скульптурная лепка. О боги... к этому жизнь меня сегодня не готовила. И тем более не готовила к тому, что он начнет расстегивать рубашку, чтобы, видимо, еще раз ощупать ребра на предмет трещин. Наверное, побеспокоили его именно они.

Отвести взгляд от его пальцев, тем более от ключиц, сложно, но я спасаюсь в виолах. Блуждая глазами по мясистым фиолетовым и синим лепесткам, в очередной раз ругаю себя на чем свет стоит: послушай, дорогая, в вашем роду, по крайней мере по маминой линии, никогда не было сатиров – или как там зовутся козлоногие островитяне с юга, ну вот те, играющие на тростниковых дудках и помешанные на оргиях? Хотя зачем я проверяю мамину линию? На папу я ведь похожа больше, а у него что-то такое могло в роду и заблудиться. На лице же написано, нос этот его, маленькие стопы, которые, конечно, не копытца, но...

Осторожно касаюсь ладонями своих щек. Вроде не горят. То ли я стала лучше владеть собой, то ли помогает прохладный ветерок из окна. Еще бы встать, отойти на безопасное расстояние, пока это испытание на благочинность не кончится. Может, цветы нужно...

– Полить твои виолы? – Надеюсь, слегка охрипший голос не выдаст меня с потрохами.

– Нет, спасибо, они политы, и ветер сейчас влажный, – отзывается он и, помедлив, уточняет: – Орфо? Ты сама-то точно в порядке?

Какой-какой ветер? Быстро закрываю руками лицо, потом все-таки пересиливаю себя и поворачиваю к Эверу голову. Рубашка едва болтается на плечах. Длинные худые пальцы осторожно ощупывают ребра возле правого бока, большой, но не слишком темный синяк на коже. Проследив за кистью, я стараюсь не задерживать взгляда ни на плоском животе – с не слишком выраженными, но все же заметными и тоже более чем скульптурными кубиками, – ни тем более на груди, худой, но широкой. И все же я предательски спотыкаюсь на другом: корпус рассекают сразу девять косых, блеклых, но, похоже, глубоких застарелых шрамов. Длинные, тонкие... идут почти параллельно.

Хлыст, точнее, не просто хлыст, не благородная его разновидность, придуманная быкорогим богом Фестусом для воина-нобиля.

«Кошечка». Девятихвостка. Плеть работорговца.

Я с усилием поднимаю глаза, даже не совсем понимая, что выбило меня из колеи больше, – сами эти шрамы или простой факт: теперь-то я знаю, почему при нас с Лином Эвер никогда не раздевался, почему не снял рубашку в день, когда мы брели по воде в санктuariй. А может, все-таки больше меня потрясло то, что сейчас-то он сделал это, то ли забывшись, то ли...

И он что-то говорил мне про изувеченность. Не хочу даже думать, на что похожа его спина.

– Я могу тебе помочь? – Кто только тянет меня за язык, кто толкает, но я подсаживаюсь ближе. – Ты вообще знаешь, что медики очень редко могут сами на себе...

...защитить рану. Максимальная глупость, это же другое, про хирургию, а не про диагностику, но почему-то пришлось к слову. Может, потому что помогать в чем-либо другом уже давно поздно, а может, потому что перепутались все мысли, то ли из-за внезапных чудовищных шрамов, то ли все-таки из-за этих, будь они неладны...

...пальцев, ребер, мышц на животе, сосков цвета темнорозового мрамора, ключиц. Всего и сразу.

Я ничего не соображаю в переломах, и он это знает. У меня, скорее всего, расширились зрачки, и хорошо уже то, что я не истекаю слюной. В который раз думаю о том, как здорово и разумно сделала, отправившись принимать душ с Клио. То есть без Клио. То есть... в общем, положившись на помощь человека, с которым смогла сохранить безопасное расстояние и который не воображается мне рядом, обнаженным, под горячими струями, в слабом белесом мареве, стонущим или...

Сейчас мои пальцы просто накрыли прохладную ладонь Эвера и движутся по ребрам вместе с ней. Второй я упираюсь в кровать рядом. Меня это вполне устраивает, я не сделаю ничего лишнего, все равно у меня ведь все ноет и жжется, главное, чтобы...

– А ты не позволила помочь тебе даже в такой малости, Орфо.

Его вторая ладонь вдруг отводит прядь с моих глаз и зарывается в волосы. Там же, где лежала, изображая половинку лаврового венка. Эвер всматривается в меня все еще чуть затуманенно, но неотрывно, и

я сокрушительно тону, как могла бы тонуть в бирюзовом тумане. Беспокойном. Нежном. Спрашивающем о... чем? «Почему?» Да он что, не видит в упор? Впрочем, ожидаемо: я же «долбаная», как сказал бы Скорфус, принцесса. У которой, слава богам, ничего нигде не встает. Хочется рассмеяться: он правда... думал об этом? О том, что я могла, точнее, не могла делать с Клио? Я кусаю губу. Лучше промолчать. Но слова предательски вырываются:

– Все просто, Эвер. Мне не помощи от тебя хотелось. Так что знаешь, будь со мной...

...осторожнее. Но никому из нас явно не нужно сейчас это слово.

Я даже не понимаю, целует ли Эвер меня или это я сама опять накрываю его губы своими. Но стоит этому случиться, как сатирическая часть моей крови – если она есть – предательски вскипает. Я нависаю над ним, перемещаю свободную ладонь на подушку, а потом и под его затылок. Ловлю рваный вздох, когда вторая моя рука, сплетенная с его, плавно ведет с ребер вверх. Огладив ключицы, забирается под рубашку, потом ложится на грудь поверх сердца. Теперь он сам сжимает ее – может, просто чтобы она не двинулась снова вниз. Намного ниже, чем была.

Если и так, поцелуй, медленный, но жадный, горячий, выдает совсем другие желания. Как и вторая рука Эвера, чуть сжавшая мне волосы, а потом скользнувшая по спине; как и вся поза: он неуловимо подается навстречу, пусть и не приподнимаясь, не слишком сокращая расстояние между нами. Мне этого недостаточно. Я сама не осознаю, как склоняюсь вплотную, как в ответ смыкаю на его волосах пальцы, а потом, высвободив их, накрываю и вторую сторону его груди. Он отзывается на эти легкие гладящие движения – все его тело даже чувствительнее, чем я думала. Он вздрагивает, когда я прилипаю губами к шее под его ухом, когда спускаюсь поцелуями вдоль артерии, – а в следующий миг, совсем легко подхваченная его руками, я осознаю, что лежу на нем, прильнув всем телом. Смотрю сверху вниз. Падаю в ответный взгляд и замираю, осознав, что ладонь плавно ведет по спине, снова вверх, ложится на шею под волосами, поверх позвонков. Проклятый наряд красного народа... он отвратительно закрытый, и в нем даже не сядешь нормально, *на ком-то*, по крайней мере. Зато он легко задирается из-за свободного подола-мешка. Слыша слабый стук деревянных бусин и чувствуя, как прохладные пальцы

движутся по моему левому бедру, я сама направляю их. Чуть выпрямляюсь, чтобы еще раз встретиться с Эвером взглядом, и улыбаюсь.

– Надеюсь, у тебя все же ничего не сломано и не треснуло.

– Надеюсь, ты не решишь это исправить, – тут же находится он, но глаза выдают другое.

«Даже если». Он... он, кажется, любит меня. Не могу назвать это иначе, видя, как движется взгляд, чувствуя, как одна рука вдруг снова сжимает мою и тянет к губам. Точка пульса. Ладонь. Кончики пальцев. Этого я не выдерживаю, порываюсь стащить с него рубашку, но сама себя останавливаю, вспомнив, как мучительно дрогнуло его лицо в миг, когда он падал на меня, охваченный дурнотой. Жду. Просто целую его снова, опуская ладонь вдоль его живота, к поясу, за пояс. О боги... пару раз и отец, и Скорфус скотски спрашивали, не хочу ли я с моим бешеным характером родиться в следующий раз мужчиной. Нет, не хочу. Определенно не хочу иметь тело, которое вот так меня выдает, стоит красивой девушке оказаться слишком близко. Куда больше мне нравится касаться такого тела. *Его*. Именно его.

Он отзывается стоном сквозь поцелуй, но, снова перехватив мою руку, увлекает ее к груди. Я подчиняюсь – даже сейчас все то, что я знаю о нем с восьми лет, не дает совсем превратиться в неуправляемое подобие той змееволосой особы, у которой, кстати, тоже вроде были сатиры в родне. Я отрываюсь от губ Эвера, и мы встречаемся взглядами еще раз – бирюзовая мгла и глухая чернота. Я могу лишь гадать, что он видит в моих глазах, – надеюсь, не угрозу, тем более не какую-нибудь там дрянь про «может, все же побудешь моим рабом?». Он, кажется, хочет сказать что-то – но на его щеку падает густая темно-алая капля, и он осекается. Моя кровь. Рвано выдыхаю сквозь зубы, не успеваю поднять руку – капает еще. Не то чтобы мои увечья от всех этих объятий и прикосновений стали болеть сильнее, не то чтобы за последние минуты я почувствовала себя хуже, скорее сильно наоборот... но такое кровотечение вряд ли вдохновляет.

– Прости. – Знаю, звучит глупо. Сдавленно. Может, даже испуганно. Я тянусь стереть кровь, но только размазываю капли по его белой коже. – Что... разваливаемся оба, да?

Он снова тихо смеется, смазавшаяся кровь задевает уголок его бледного рта. И в этом зрелище тоже что-то есть, что-то, отчего я

кусаю губу сильнее, тянусь навстречу...

– Нет, – шепчет он, и я снова вдруг оказываюсь в его осторожных руках, – так не пойдет.

Он плавно приподнимается и опускает меня на спину, отводит с лица волосы. Пальцы подрагивают, они, кажется, исколоты шипами, и, повернув голову вбок, я возвращаю ему недавний поцелуй, а потом снова всматриваюсь в глаза. Хочу спросить, где он поранился. Не успеваю: он целует меня в щеку, обходя потревоженную царапину, касается губами уголка губ, точно дразня и расправляясь со всеми моими лишними мыслями. Спокойно смотреть на него такого – нависающего надо мной, щекочущего кожу отросшими белыми прядями у висков – оказывается очередным невозможным испытанием. Я замираю от его ровного теплого дыхания. От прикосновений – ладони скользят по телу, одна вверх, другая вниз, глядя и сжимая. Но блаженное оцепенение уходит: в следующий миг я сама притягиваю его ближе, чуть обхватывая бедра коленями. Запускаю пальцы в волосы. Прикрываю глаза.

В этот раз он точно целует меня сам – все так же осторожно, неглубоко. Похоже, он теперь боится, как бы я не умерла под ним – раз по нелепой случайности этого не случилось на нем. Я даже хочу сказать что-нибудь, чтобы он расслабился, – вроде того, что выдерживала с ним же, а потом с Илфокионом многочасовые тренировки, что побеждала монстров, что... Слова тают: снова легко стучат деревянные бусины на моем подоле, пальцы Эвера скользят по внутренней стороне бедра, и я, охнув, кусаю губу. Его. Невольно выгибаюсь даже от этих пока еще легких касаний, впиваюсь одной ладонью ему в плечо, а другой в волосы. Вздрагиваю: его рука слегка сжимает грудь, и это сводит с ума даже поверх грубой ткани. Вторая... Наверное, стон слишком громкий: он снова целует меня, не прекращая плавных движений пальцами. Уже во мне. Так, что не представлять на их месте что-то другое невозможно. Впрочем, достаточно того, что это его пальцы, что постепенно в наш поцелуй вливаются и его стоны, что он тесно прижимается ко мне – и уже не сопротивляется, когда моя ладонь вновь скользит ему за пояс.

– Так тоже не пойдет, – шепчу, с трудом оторвавшись от его губ.

Ему идет эта темнота в глазах, то, как они расширяются, когда я сжимаю руку. Веду плавно. Еще раз. Снова. Расслабляю кисть,

сжимаю снова – знаю, это ощущается как сокращение мышц, жаркое и жадное. Теперь вздрагивает он, хватая воздух губами. Щеки наконец окрашивает слабый румянец. Проклятие, как мне нравится это зрелище.

– Орф...

Мои пальцы прижимаются к его рту, снова ведут по груди. По шрамам, как можно осторожнее, словно это – интимнее всего прочего. Может, и так. Часто дыша, он касается носом волос на моем виске, словно прячась от слишком жгучего взгляда. Но ничего не может сделать со своим телом. С дрожью мышц. С этой горячей твердостью под другой моей ладонью.

На его лице все еще следы моей крови. И боюсь, мы так жмемся друг к другу, что в ней будет и его белая одежда. Так и есть. Уже. Красные подтеки на расстегнутой рубашке, красная полоса – прямо там, на поясе, но не похоже, что он заметил. Я тоже забываюсь быстро – стоны и пульсация под моей ладонью сводят с ума; сама я, кажется, горю – от все более настойчивых, ритмичных, но все еще нежных движений его пальцев. Он... даже вот так, в исступлении, он будто чувствует меня. Не то чтобы у кого-то получались со мной такие вещи – всегда было либо слишком рвано, либо слишком грубо. Не так. Не словно наши тела существуют как горячая, пульсирующая, слепящая звездная система. Могу ли я так же хорошо чувствовать его? Или?..

Быстрее – это уже нужно мне самой, я неосознанно подаюсь навстречу его пальцам, раз за разом. От очередного движения моей ладони он стонет так, что горячий узел внизу живота становится просто раскаленным. Ловлю его губы своими, скольжу языком по передним зубам. Секунда, две, пять... он вздрагивает, выдыхает – и я чувствую влажное тепло на пальцах, чувствую волну по всему его напрягшемуся корпусу и бедрам, чувствую, как она проникает в его кровь. Мягко провожу второй рукой по спутавшимся волосам – не вытирать же об них эту. Быстро... хотя нет, не очень. И так или иначе, ожидаемо, учитывая... сколько лет в пещере? Монстр-то вряд ли... и даже если... о нет, про это я думать не хочу, хотя даже эта омерзительная фантазия ничего не может со мной сделать. Эвер хрипло выдыхает, и меня опять пробирает до костей – этим звуком, теплом между шеей и плечом, дрожью. Жаль, я едва вижу, что делала с

ним. Жаль, опустить глаза сейчас – это выставить себя еще большим... сатиром, чем я есть.

Он снова касается губами моих губ – настойчивее, лихорадочнее. Его замершие пальцы скользят в меня снова – ровно так быстро, как нужно, еще раз, еще. Я слушаю его дыхание, я неосознанно подаюсь навстречу последнему толчку – и приходится стиснуть зубы, чтобы никто не ринулся к дверям на мои крики. Руками впиваюсь в его рубашку. Дрожу, и это самая приятная дрожь за всю мою жизнь. Боги... не думала, что это ощущается так. Стремительным полетом на Святую Гору и падением с нее, диким пульсом и жаром, в котором я словно... забыла о царапинах, о ломящих мышцах, обо всем? Правда, спина, шея, плечи, нывшие прежде, утихли. Если не считать эту разнеженную слабость, я почти полна сил. Снова. А может, и как никогда. Да что это?

С усилием разжав руки, открыв глаза и чуть поведя головой, я ожидаемо вижу все ту же кровь, и на постели, и на чуть отстранившемся Эвере, и на своем задранном платье. Чувствую ее вкус на губах – мои ведь были в трещинах еще недавно. Беспокоит меня и легкий озноб, но что-то во мне явно поменялось. Что-то... Шевелю пальцами, плечами, языком – остальное все еще под теплой волной спадающего возбуждения, шевелиться не желает. Не понимаю.

– Орфо. – Шепот Эвера хриплый. Вновь подавшись ближе, он касается левой рукой того места на моей щеке, которое прежде обошел даже поцелуем. – Ты, кажется... регенерируешь.

Регене... в смысле раны заживают сами? От *этого*? Ох... Его голос звенит потрясением. Он гладит и гладит мою скулу, мягко, но все же так, будто изучает анатомическое пособие, а я лишь опять смежаю веки, отрешенно прислушиваясь к себе. Предположение не вдохновляет. Скорее наоборот. По крайней мере, сейчас, когда голова занята совершенно другим.

– М-м-м... – все, что я могу ответить, наконец посмотрев на него. Он, лежа рядом, вглядывается в меня теперь с беспокойством: не мог не среагировать на тон. – Здо-орово. Может быть... понятия не имею. Плевать.

– Так что, и раньше было? – Похоже, так просто он тему не оставит.

Медик и есть медик, даже недоученный, такое ведь и должно быть ему интересно. А вот мне нет. Все меньше и меньше. Он хмурится: возможно, моя реакция его удивляет, но я как раз отлично понимаю ее причины. Я уже не ребенок, дивящийся чудесам. Когда-нибудь я перестану спотыкаться о новые уродства, которыми одаривает меня метка, но нет, не сегодня. И тем более все выглядит диковато, учитывая, что это далеко не первый мой...

– Не замечала, – почти отрезаю, отпихивая непрошеную мысль и жар осознания в груди. – Знаешь, живу не настолько бурной жизнью. Я тебе не сатирка какая-нибудь, а все-таки принцесса.

Долбаная. Это он пропускает мимо ушей, продолжает хмуриться, и невольно я щетинюсь, добавляя:

– Еще скажи, что тебя это пугает. Тебе ли не знать, что во мне есть вещи похуже.

Но он сразу качает головой, а потом и потупляет глаза. «Меня пугает другое», – говорит его взгляд и особенно – внезапная краска на щеках, закушенная губа, нервное движение: ого, он пытается застегнуть на себе хоть что-то, а пальцы не слушаются! Спыхватился: э-эй, о чем вообще мы говорим после того как... как... Больше не злясь ни на себя, ни на него, я кашляю, чтобы не усмехнуться: усмешка просится. Но я не знаю, как он ее воспримет, не знаю, как бы восприняла сама, учитывая все обстоятельства. Только бы не как торжество. Только бы не как что-то вроде: «Ну все, я затащила тебя в постель, а значит, теперь ты точно обязан помочь мне со всем этим коронационным кошмаром. Как минимум сделать все, чтобы я его пережила». Нет же, нет... я ведь думаю о другом, как ни страшно. О том, что «Смотри, с тобой мои раны заживают сами» напоминает признание в любви. Или даже в чем-то большем, в чем-то *божественном*. Правда... стойте. Регенерация... за счет чего? Омерзительное подозрение похоже на липкий плевок в лицо. Даже подкатывает тошнота, холодеют пальцы, и я резко поднимаюсь на локте.

– Как ты себя чувствуешь? – Надеюсь, он поймет, к чему я веду таким упавшим голосом.

– Ребра все еще целы. – Эвер слабо улыбается, оставляя одежду в покое. Нет, не понял. Быстро облизываю губы и все же произношу вслух как можно небрежнее:

– Ну ладно, отлично, и, кстати, надеюсь, силы на эту регенерацию я не выпила у...

Это ведь возможно. Даже вероятно. Волшебство – не дар, это лишь набор способов болезненно расправляться с другими людьми. Или хотя бы поганить им жизнь. С меня станется. С трудом борюсь с желанием протянуть к Эверу руки. Ну... пощупать его, что ли? Нет, не в этом смысле, но хотя бы лоб и пульс!

– Нет, что ты! – Он правда выглядит удивленным. Примерно пару секунд. Тут же ладонь ложится на мою скулу уже иначе, без изучающей настороженности, нежно и бережно. Я едва сдерживаюсь, чтобы не вцепиться в бледную кисть, кусаю вместо этого щеку. Но судя по утешающему голосу, он все заметил и понял. – Это... скорее всего, что-то в твоей метке. Точнее, в тебе.

– Что, *розмариновая карамель*? – Пытаюсь засмеяться в голос, но не получается, почему-то – никак. Может, слова даже звучат жалко, будто я готова плакать.

– Нет. – Взгляд Эвера становится строгим, и только тогда я расслабляюсь: он, похоже, искренне не разделяет моих опасений. Даже опять склоняется близко-близко. И я подаюсь навстречу сама. – Послушай. Ты сегодня потратила очень много сил. Перестань.

Он не поясняет, что именно я должна перестать, но этого и не нужно. Может, он прав. Карамель – значит, карамель. Он же не стал серым и не рухнул в изнеможении, даже на щеках играет этот сумасшедший румянец, и глаза блестят ярче, чем обычно. Все... в порядке?

Мы лежим какое-то время в молчании, рядом, а потом я подрагивающими руками начинаю оправлять одежду. Я все еще горю, как минимум лицо. Ощущения тоже сильные, их не убила даже спонтанная тревога, смешанная с омерзением к своему дару, и на регенерацию заряда бы хватило. Его пальцы... ох... нет, не стоит сейчас думать о том, о чем я думала, когда он только начал. Это чересчур, даже для сатира, в перерывах между оргиями они как минимум плещутся в водопадах и поедают подмерзший прошлогодний виноград. Кстати, о водопадах...

– Примешь со мной душ? – Это точно меня отвлечет. От всего и сразу.

Судя по его приподнявшимся бровям и приоткрывшимся губам, он удивлен.

– Ну... – Все-таки усмехаюсь. Не знаю, портит ли меня общение со Скорфусом или слова правда так и просятся: – Раз тебя так огорчило, что в первый раз твое место заняла Клио.

Он переваривает фразу несколько мгновений. Потом глухо рычит и быстро утыкает лицо в подушку. Ну... как минимум больше он не будет волноваться: безумие на месте, все вернулось на круги своя. Смеюсь, жмусь к нему и дергаю за рубашку на плече.

– Нет, нет, не заняла, я ее не привлекаю; думаю, ей найдется, с кем...

Запинаюсь, быстро прикусываю язык. Даже не оттого, что Эвер стонет, и в этот раз возмущенно-страдальчески. Просто сквозь теплую пелену, сквозь дикое пламя последних... скольких там... пятнадцати, двадцати минут?... пробиваются отголоски нашего разговора. Не с ним. С ней. Ее тихое «хотя бы поговорить». Цветок в медальоне. И прямо в эту секунду я спонтанно, необъяснимо чувствую что-то вроде стыда. Нет, наверное, не за то, что после такого глубокого разговора тут же помчалась «заваливать» Эвера – я ведь не знала, что я... он... мы правда завалим друг друга. Но определенно мне стыдно за то, что я полощу имя Клио в омерзительно пошлом контексте. При человеке, который все равно не любит такие шутки.

– И вообще забудь, – выдыхаю почти лихорадочно. И тут же обжигаюсь о его внимательный взгляд. – Эвер, я нормальная. Я не кидаюсь на людей, которые нравятся мне как друзья. И не как друзья...

Ну ладно, тут немножко кинулась. Смущенно оглядываю свои руки – чтобы отвлечься. Хм. Они ведь тоже были все в царапинах, и эти царапины там, возле башни, кровоточили. Кровоточили они и еще недавно – судя по красной полоске на шварах Эвера, по еще нескольким хаотичным разводам везде, где мы валялись друг друга в нашем «и все-таки сверху буду я». Но теперь кожа выглядит поджившей. В какую-то минуту – в ту самую, что, *серьезно?* – раны зарубцевались.

– И все же ты, похоже, интересно действуешь на меня, – шепчу, подавшись к его уху. Он не отстраняется, но и не шевелится. Явно осознает последствия. Целиком и полностью. Окончательно. Вздыхает. – Боже, Эвер... ну... – неожиданно все-таки теряюсь в

словах, – если хочешь знать... вот примерно этого я и боялась, когда позвала Клио.

– Боялась, – повторяет он с непроницаемой интонацией, не сводя с меня глаз, будто хочет убить...

А потом рядом будто чихает лисенок. И я расплываюсь в улыбке.

– Так что, примешь со мной душ?

Он смотрит на меня особенно долгим взглядом и садится. Я все-таки стаскиваю с него рубашку, украдкой поцеловав еще раз в губы, – и сжимаю руку. Пальцы сплетаются с моими. Метки, кажется, мерцают. Будто снова найдя друг друга. Как странно... а может, и наоборот.

Посмотрим.

Пол какой-то слишком холодный, но я не обращаю внимания и на это. Жар между моей ладонью и ладонью Эвера намного сильнее.

4. Святое железо. Эвер

Скорфус обещал, что *все это* пройдет. Но ничего не проходит.

Я плескаю в лицо холодной водой, пока сердце наконец не успокаивается, а орущие в голове голоса не умолкают; тогда выпрямляюсь и смотрю на себя сквозь зеркало, утопленное в перламутровую раму. Все в порядке, я – это я. Не Монстр с серой прогнившей кожей и багровыми червями в волосах.

Казалось, сегодня я наконец выплуюсь – не знаю почему. Не потому же, что кошмары покинули Орфо, не связал же я свой сон с ее сном или...

Да. Связал. Хотя это очевидная глупость.

Они снова нашли меня, и нашли быстро. Мои жертвы, одна за другой, и «дети героев» тоже, а последним пришел Плиниус – его я преследовал в Подземье. Он протянул мне руку со словами: «Мой мальчик, давай, я вытащу тебя». Я бросился на него, он поднял секиру, мои когти залязгали о сверкающее топорщице, легко преодолевая его сокрушительные удары... Я загнал Плиниуса к краю обрыва. Он рухнул в бездну, но не упал: его подхватил Рой Бессонных Душ. А потом уродливые полунетопыри, Идус и Сэрпо, стали пожирать его, заживо разрывая на куски.

Я проснулся и резко сел под шипящие вопли: «Это твоя вина, твоя, все твоя!» Тело ломило, и, ощупав его, а потом еще раз осмотрев, я увидел, как налился чернотой синяк на ребрах. Пара таких же ярче проступила и на спине. У невидимых голосов нашлись ответы и на это: «Не стоило прикасаться к этой дряни!» Орфо. Они кричали о ней. Я зажал уши, сгорбился, не вставая с кровати, и просидел так какое-то время. Они не отставали. А вот вода немного помогла.

Я ищу хоть что-то живое в своих глазах, но сейчас их не назовешь даже «медленными». В них то ли лед, то ли туман, и даже когда они увлажняются от очередного прикосновения к синяку, мертвечина не девается никуда. Я смыкаю веки и до судороги впиваюсь в края раковины, выполненной... собственно в форме раковины. Они извилистые, аморфные и достаточно острые, чтобы посылать по моим

ладоням предостерегающие сигналы боли. Чтобы напоминать: я не сплю, я не в Подземье и я...

...Не безумен? Или наоборот?

Стараясь глубоко дышать, я упираю подбородок в ключицы. Проклятие... мне даже хуже, чем в прошлые ночи. Может, всему виной убитое тело. Может, оно мстит за то, что я бездумно сделал его подушкой для... как там сказала Орфо?... «двух туш». Туш. Сам не замечаю, как губы разрезает слабая дрожащая улыбка, точно уголки рта тянут в стороны чьи-то пальцы. Орфо... Орфо.

С усилием размыкаю веки и смотрю на глубокую купальню, на расположившийся над ней извилистый кран. Рычаги напора все еще в «душевом» положении. Приходится мотнуть головой, потому что силуэт Орфо – обнаженный, с гладкой темно-латунной кожей – миг возникает перед глазами в предательских деталях: живот, выдающий большое внимание к силовым тренировкам; грудь, идеально лежащая в ладонь; широкие, но худые и оттого все равно хрупкие плечи. Я слишком раздавлен, чтобы во мне всколыхнулось хоть что-то похожее на желание, но мысли сбиваются, путаются. Пальцы ловят фантомные прикосновения к ее мокрым волосам.

Сложно даже объяснить себе, что я вспоминаю острее и с большим ощущением нереальности – как мы дрожали и стонали от касаний друг друга на кровати или как буднично стояли потом лицом к лицу – под этими струями, в запахе миндального мыла, лишь слегка глядя друг друга и вода по коже губкой. Так, будто это обычно для нас. Будто не то чтобы ничего не произошло, но все совершенно естественно. Естественно – в какой-то момент снова увлечься поцелуями и потерять опору. Естественно – чувствовать губами и языком ее влажные ключицы, соски, кожу бедер и бархатистый нежный жар между ними. Естественно – задыхаться от ощущения уже ее губ и языка на своей коже: от груди, вдоль живота, ниже, слишком низко. А потом – так же естественно – она оделась, замотала волосы полотенцем и ускользнула. Чтобы и на ужине вести себя обыденно. Изменилось одно – она снова кидала в мою сторону слишком много тревожных взглядов. Я улыбался ей. Синяки еще не ныли так, как сейчас, а сама она... о. К ночи на ее лице и запястьях розовели лишь слабые полосы царапин. Примерно такие оставил мне Скорфус, освобождая от чудовищной оболочки.

«Она, она пьет твою жизнь!» – Еще крик, сотрясший мой разум по пробуждении. Отчаянный, злой, болью врезавшийся в виски. Почему? Какая-то часть меня действительно так думает? Нет... не знаю. Если так, то часть эта вызывает сейчас, в оскале ночи, страх и омерзение. Определенно, нет. После... всего я почувствовал прилив, а не упадок сил, теплую нежность, а не брезгливую дрожь. Боль – это другое, она закономерна, синяки часто являют суть с некоторой задержкой.

Взяв с мраморной тумбы маленькую глиняную банку, черпаю мази. Запахи мяты, шиповника и акульей плоти сжились в ней так, что одно почти не отличишь от другого. Кожа благодарно отзывается, боль притихает. Что ж, как минимум я уже совсем уверен: ребра целы. Это чудо, если подумать: вместе Рикус и Ардон весят... конечно, не как хороший боевой конь, но как половина или хотя бы треть коня. Они могли повредить мне и позвоночник, и череп. Да что угодно, они вообще не смотрели, куда и как падают. Но я отделался очень легкими увечьями, это... удача?

Удача. И странность. Как и скорость, с которой я бежал на крики, и четкость, с которой слышал голоса наверху башни и видел лица ребят. Только сейчас, подумав об этом отстраненно, я замечаю нестыковки, что-то из разряда «так не бывает». Точнее... точнее... Боги, нет.

Я закрываю ладонями лицо, забыв о мази. Все равно, пусть запах въедается и в кожу, и даже в волосы. Яростно растираю щеки и виски, скребу их ногтями – будто нащупывая чужую гнилую плоть. Снова осторожно кидаю взгляд в зеркало, сквозь пальцы. Нет, это я. Не Монстр. У меня человеческие руки, человеческие глаза. Все хорошо. Все...

Но именно Монстр мог перемещаться огромными скачками. Монстр слышал звуки через несколько стен. И он видел в самой глубокой темноте, не подсвеченной кристаллами. Мое же зрение, когда я поселился в замке, уже подпортили медицинские книги с их вечно слишком мелким текстом. Остальное – слух, скорость, болевой порог – было во мне заурядным, человеческим. Илфокион хорошо тренировал меня, но никогда не напирал с такими вещами, не стремился превратить меня в гладиара. Самыми важными качествами для будущего убийцы волшебника он считал хорошую реакцию, бесшумность и ловкость.

Вспоминаю странную гримасу, пробежавшую по лицу Орфо, когда я спросил: «Ты... регенерируешь?», и весь наш последующий диалог. Она не обрадовалась, и прямо сейчас я понимаю ее до колкой боли в груди. Она лишь открыла в себе очередную расчеловечивающую особенность, о которой не просила. Я сейчас... тоже? Но может, мне просто показалось?

Сосредоточенно вслушиваюсь и, кажется, различаю свист ветра. За окном спальни? Да нет, это могут быть и звуки в трубах. Или там, даже когда напора нет, живет свою жизнь не воздух, а вода? Не знаю... всегда плохо понимал в этом. Снова встряхиваю головой, возвращаю мазь на место, иду в комнату, продолжая украдкой прислушиваться. Невнятная речь часовых в коридоре. Прибой. Все тот же ветер. Ничего *действительно* тихого – вроде дыхания Клио и Плиниуса или топота мышей, жуков, боги знают кого еще. Кто-то ведь точно живет в щелях замковой кладки. Их я не слышу, а вот все остальное вроде моря наверняка мог слышать и так, просто не обращал внимания, привык. Хватит. Хватит пугать себя собой же.

Сажусь на постель, но сама мысль о сне вызывает пока лишь волну паники. Ладонью – не дрожащей, но предательски похолодевшей – веду по простыни, по подушке, точно надеюсь нащупать, поймать, раздавить притаившиеся кошмары. Увы... ими фантомно пропахли ткани, пух, даже древесина изголовья. И воздух. Я ничего тут не сделаю. Поэтому просто взбрызгиваю белье маслом лаванды, после чего наспех одеваюсь, открываю окно и выхожу в коридор.

Часовые смотрят недоуменно-осоловело. Я киваю им и говорю, что у меня бессонница. Они стучат кулаками по фибулам и вроде больше не реагируют никак, но, уже преодолев поворот и пару лестничных пролетов вниз, я различаю лязгающие шаги за спиной. Достаточно далеко, но они есть. Вряд ли кто-то из целеров оставил пост на этаже, скорее прошелся до ближайшего празднующегося дозорного и велел составить мне компанию. Дозорных теперь много, всюду. Они делают обходы, надеясь то ли поймать несостоявшегося убийцу Плиниуса, то ли предотвратить новые беды, то ли и то и другое. Разумно. Я даже сделаю вид, будто не замечаю преследования, ведь если подумать... я рад. Я еще не сошел с ума настолько, чтобы сны о Плиниусе вселяли в меня что-то, кроме отвращения. Я не имею

отношения к его ранам. А значит, тот, кто имеет, действительно может быть рядом. Впрочем, если это все же я...

Нет, нет, я же был с Орфо!

А та моя часть, которую уничтожил Скорфус? Могла она как-то... собраться из ошметков? Или, может, кто-то мог *собрать* ее?

Сквозняк лениво проходится по моим волосам, точно в них зарывается властная рука. Останавливаюсь посреди лестничного спуска, буквально ступенях в пяти от шестиугольного атриума. Из окон на его мозаичный пол падает розовато-сизый свет: луна уже не кровавая, но еще и не вернула нормальный голубоватый оттенок. Портреты в рваных отблесках словно сияют: Плиниус – величием, Лин – надеждой, Орфо... Орфо сияет просто, и на нее я смотрю дольше всех, думая даже приблизиться и коснуться полотна ладонью. Не знаю зачем.

Злясь на себя за эти детские глупости, скольжу взглядом дальше – к лебединому фонтану, к бестолково гнездящимся возле него креслам, которых стало примерно вчетверо больше: ждут гостей. Вода кажется красной, и чтобы избавиться от этой иллюзии, приходится передернуть плечами. В тот же миг ноги подводят – будто кто-то ударил под колени, – и я почти кубарем лечу вперед. Чудом успеваю слегка извернуться: падаю, ничего не разбив, но прикусив язык и потянув левую кисть. Издаю слабый стон скорее досады, чем боли, и из тени за фонтаном тут же выходит еще пара встревоженных целеров. Отмахиваюсь: все в порядке, загулялся и сплю на ходу. Они упорно смотрят, но я даже не спешу подниматься. Плевать, какой у меня вид, я лежу хотя бы не ничком. Если бы мог, поднял бы табличку вроде «Я не умер, просто устал». Ладно... все это ерунда. И надо убираться отсюда, ведь я уже слышу из других тенистых закутков сдавленное фырканье. Атриум большой. Тут может прохладиться, манкируя обходами, еще не один солдат.

Отгнав мимолетный порыв выйти в сад и уже двинувшись обратно наверх, все же оглядываюсь – посмотреть на портрет Орфо еще раз, немного успокоиться в синеве ее глаз, заметной даже сейчас. Слабо улыбаюсь. Она вся – и из-за этого оттенка радужек и туники, и из-за легкого серебра в темных волосах – немного похожа на море. Это завораживает. Она... дива.

Отворачиваясь, случайно задеваю взглядом и четвертую картину в атриуме. Насыщенный натюрморт: гора апельсинов, пара медных кубков, убитый кабан и цитриновое ожерелье, брошенное поверх окровавленной шерсти. Валато Каператис любила все это – хорошие вина, апельсины, дичь и необычные украшения, поэтому ее парадный портрет заменили именно таким полотном. Жмурюсь, зябко ежась: образы будто врезались в сетчатку глаз. Так ли далеко гирийцы ушли от игаптян, строящих своим мертвым пирамиды и забивающих отдельные комнаты этих пирамид пищей, драгоценностями, тканями?

На одной из лестничных площадок от меня шарахается тень – мой зазевавшийся целер-конвоир, точно. Его мерные шаги снова звучат сзади, стоит одолеть еще ступенек двадцать, потеряться взглядом в полотнах и барельефах. Главная лестница замка могла бы быть музеем – столько всего украшает пролеты. Только попав сюда, я терялся среди лиц богов, силуэтов атлантов, тонко вырезанной из камня листвы. Эта лестница словно существует отдельно от всего прочего – угрюмых коридоров, узких бойниц, крутых башенных спусков и особенно – грязноватого, прокопченного нижнего этажа, обжитого стражей и прислугой. Даже горят здесь не свечи, а лампы – маленькие огоньки в прозрачных шарах. Они родом с болот Дикого континента, что-то среднее между насекомыми и лишайниками. Красный народ придумал селить их под стекло, как капризные цветы, а все, что им нужно для хорошего самочувствия, – чтобы в банки иногда подливалась болотная жижа. Красивое место, хотя в первый год здесь я ненавидел его: слишком напоминало о богатом поместье хозяина.

За пару этажей до жилого я сворачиваю в боковой коридор, полный экседр и кабинетов. Целер следует за мной; шаги кажутся все более знакомыми, но я упорно делаю вид, что ничего не замечаю. Мне все еще так спокойнее. Сумеречный замок кажется чужим, я никогда не полуночничал вот так – скитаясь впустую; мои бессонные часы принадлежали Орфо и ее кошмарам. Поэтому теперь я то натываюсь на скульптуры, то не вписываюсь в повороты, а на одной из черных лестниц налетаю на дозорного. Бедный малый, худой и лохматый, мгновенно хватается за меч: в белой одежде я, видимо, показался ему кем угодно, но не человеком.

Мы извиняемся друг перед другом и расходимся, я ныряю вверх. Когда сзади звучат уже два голоса, я убеждаюсь в догадке о своем

преследователе. Странно и тревожно, но ведь скрывать мне нечего? Пусть. Расправляю плечи, облизываю губы, не без удивления отмечаю: они больше не ощущаются сухими и обветренными. *У тебя целительные поцелуи, Орфо?* Слабо улыбаюсь и даже не одергиваю себя, только в груди гнилым цветком распускается другой вопрос без ответа. *На что-то рассчитываешь?*

Толкаю двустворчатые двери, сворачивая в бесконечную череду залов, в сизо-розовый свет, которого тут еще больше. В арочные окна он падает яркими пятнами, вступает в схватку с тенями и иногда побеждает. Почти в каждом помещении есть зеркала – круглые и квадратные, большие и маленькие, на потолках и стенах. Идя вперед, я ловлю свое отражение и через раз вздрагиваю: оно предстает то мной, то им. Монстром.

Монстром в окровавленной железной перчатке, с гнилым оскалом. Монстром, готовым крушить и ломать. Снова... почему снова? Исчезни! Ускоряю шаг – отражений становится слишком много, много теней, много лунных бликов. В какой-то момент почти бегу, но от мыслей не убежать, как не убежать и от гнилого цветка, рядом с которым пышно цветут другие.

Ты точно уверен? – У этого медово-полынный голос, почти как у Кирии.

Что все идет так, как должно, и ты не изменяешь сам себе, целуясь и зажимаясь с ней? – добавляет одинокая старая затворница из Подземья, ехиднее и мрачнее.

Пусть живет новую счастливую жизнь? – смеется тот невидимый храбрец со шпагой.

Ты за нее порадуешься? – допытывается Гефу. Или Гофу.

Хорошо... надеюсь, все эти голоса, и видения, и сны, и слабость, и то, как тебя вышвырнули из человеческой жизни, не повлияют на то, что решило твое сердце... – Шепот хозяина продирает до костей. – *Оно ведь все решило?*

– Я... – Замолкаю.

Нет, нет, отозваться им – значит призвать свое сумасшествие, я не стану! Не стану, даже если...

– *Ты ведь не убьешь ее случайно, твое прощение... полное?* – Не может это шептать Плиниус, никак, нет, и все же я предательски спотыкаюсь, вбегая в новый зал. – *Несмотря даже на то, что – ты*

ведь знаешь? – если бы не ее поступок, ты мог бы стать ее королем, но останешься лишь рабом? Да?

Рабом. Но даже это лучше, чем чудовищем. Я бегу. Они твердят свое по кругу: *уверен... зажимаясь... счастливую жизнь... порадуешься... прощение... король...*

– ИСЧЕЗНИТЕ!

Очередная дверь, темная, грубая и старая, на засове. Не заметив этого, я слегка врезаюсь в левую створку – но даже не пробую отпрянуть, наоборот, прижимаюсь к резной древесине лбом. Кажется или он пылает? Вдавливаю рядом еще и ладони, силясь отдышаться и окружить себя тишиной. Хватит, хватит... Интересно, что подумает мой преследователь? Нет. Не интересно.

Мои ли это вопросы, мои ли мысли? Все сложнее отделять себя от голосов, и это не просто пугает – это лишает сил. Нет. Многие просто не могут быть моими. *Королем? Я?* Плиниус точно не думал о подобном, это порождение чьего-то больного разума. Он знал, какое чудовище притащила обратно в замок его дочь; Арфемис даже не раздавил бы мне череп, как Орфо, нет; он разодрал бы меня на куски за одно только дерзновение. Я не схожу с ума, я... Сглатываю, облизываю губы, ощупываю свое сознание так, будто оно и вправду поросло гнилыми бутонами. Боюсь оступиться, боюсь слишком глубоко вдохнуть и уже не выдохнуть. Остервенело, до ломоты, скребу по древесине ногтями, надеясь болью вырвать себя в реальность.

Хорошо... хорошо. Пара вопросов поддается объяснению. Какая-то часть меня все еще зла на Орфо – эта злость оживает при каждом подобном помутнении, при каждом кошмаре, полном криков, при каждом предательстве тела, извлеченного из пещер. Закономерно... разве нет? Как я могу не злиться, как могу не жалеть себя, как могу хотя бы украдкой не представлять другую свою судьбу, счастливее, проще? На всепрощение не способны даже боги, а я лишь человек. К тому же прошло мало времени. Я не знаю, на что рассчитывала Орфо, точнее, знаю: на несколько недель, в ходе которых я или мы оба вернулись бы к более-менее прежней жизни, но... но... у нас столько нет. Путь к примирению, который мы преодолели всего за пять дней, удивителен, невероятен, почти подобен чуду, как бы ни мешались в нем боль и тепло. Но уже послезавтра Орфо коронуют. Иначе

Плиниус, скорее всего, умрет; правила уже сужают круги, не давая ему выздоравливать так, как мог бы его сильный организм.

Его лицо сегодня на рассвете было совсем серым, с проступающими под кожей черными венами. Медик, проводивший ночь рядом, поднял тревогу, прибежало несколько меченых целителей, и их прикосновения стерли чудовищный... морок? Знамение. «*Торопитесь*». Целители отдали Плиниусу свои жизненные силы. День они проспали как убитые, тоже с серыми лицами, и вышли на ночное бдение только недавно. Орфо не знает таких деталей, но, видимо, чувствует. Потому и торопится, я знаю, что приглашения иностранным послам она велела писать еще в первое утро своего Кошмарного беспамьяства. Завтра гости придут, почти все. Игаптяне, желтый народ, черные с островов, соседи с южной оконечности Континента Святой Горы, может, даже кто-то из красных – вроде бы они как раз пригнали пару торговых кораблей, а на торговые корабли за компанию с торговцами часто ступают любопытные вожди. Ждать недолго. Орфо не отступится, а я... я...

Что я почувствую в миг, когда ей на голову возложат венец? Что? А если приступ отчаяния от дурноты и кошмаров, если в висках застучит: «Нет, ты сделала со мной слишком многое, разве ты безгрешна?!» *Все происходит в сердце* – так она сказала сама. Но кроме сердца, с которым многое мне понятно, есть мысли. Они... сильнее? Какая часть меня так похожа на Бессонную Душу, какая никак не успокоится, не примет ни раскаяние Орфо, ни то, как бесконечно она изменилась и как не похожа на отчаянную дикарку, отправившую меня в Подземье? Какая считает все эти поцелуи, прикосновения, воспоминания пустой грязью? И откуда она? Когда Орфо рядом, когда наши пальцы или дыхания переплетены, эта часть ведь замолкает, убирается подальше, подавленная... волей моего сердца? Но стоит мне остаться одному, особенно в темноте...

А может, это твой последний разум, может, не целиком ты превратился опять в раба, покорно ползущего за своей – не своей, твоей она точно не будет, – принцессой?! Может, это она подавляет твое сердце волшебством? Борись!

Взвывая сквозь зубы, вздрагиваю, выпрямляюсь, делаю очередной глубокий вдох. Кто ты? Что тебе надо?! Резко сдвигаю засов и, боясь обернуться на тени и зеркала, распахиваю двери. Стены блестят. Я

пришел в оружейную, мог бы и вспомнить или хотя бы догадаться. Что еще из этих давно обезлюдивших помещений всегда запирают на ночь, особенно сейчас?

Их здесь много – мечей и секир, щитов, кинжалов, стилетов. Есть дары других краев – катаны Ийтакоса, неуловимо похожие на задремавших лисиц, и шипастые булавы – их поднесли физальские наместники, в том далеком прошлом, где Физалия была еще колонией. Что-то скучает десятилетиями, потому что фатально пострадало в сражениях. Что-то ждет счастливого часа, точнее, той своей единственной в году недели, когда будет снято и начищено, и попадет в крепкие руки, и сшибется с другим оружием в гладиарном поединке. А что-то живет заурядную жизнь: покидает стены каждый раз, когда замковым обитателям нужно потренироваться.

Есть немного оружия, которое не спутаешь ни с каким другим. Секира Плиниуса, покачивающаяся на тяжелых цепях, безмолвна и тускла: неживая, но будто чувствует беду с хозяином. Меч Илфокиона – длинный, чуть зазубренный от частых боев, с расширяющимся к концу клинком – надменно, но столь же безжизненно сияет золотом по рукояти. Зато Финни возбужденно звенит: что, узнала меня? Могла, она ведь, при всей серебристой филигранности, остром жале и идеальной форме, будто созданной для Орфо, – скорее большая собака, чем священное творение Фестуса. Я иду навстречу, а она мелко дрожит в узких скобах, лунный свет на острие начинает походить на солнечный, звон крепнет. Финни скучно. Вот только я все равно не смог бы взять ее, даже если бы захотел, она знает только одну руку, как прежде знала...

Вздрагиваю, остановившись. Сейчас ночь. Мысль об Истабрулле не прошибает холодным потом, как это неизменно происходит в душные дни, но во рту пересыхает. А ведь да... Финни была мечом волшебника и прежде. Сумасшедшего волшебника. Интересно, каким именем ее – тогда еще *ego* – звал человек, чье кровавое преступление вьелось в песок замкового пляжа?

– Привет. Не спится, Эвер?

Я уже знаю, кто тенью шел за мной все это время, но все равно приходится сделать усилие, чтобы не вздрогнуть. Выдыхаю, медленно разворачиваюсь и окидываю высокий силуэт Илфокиона взглядом. Темно-оранжевая туника. Волосы, кажущиеся тусклыми и грязными.

Холодный блеск серебряных браслетов и настороженная, чуть хищная поза. Когда на тебя вот так смотрят, особенно если это делает военный, первые слова, просящиеся на язык, – это: «Я не сделал ничего плохого!» Но я правда не сделал ничего. И я представляю состояние духа этого человека достаточно, чтобы собраться и сказать другое:

– Видимо, не мне одному?

Его темные губы оживляет полуулыбка. В ожидании ответа щурюсь, пытаюсь понять, на месте ли стрелки. Их нет, зато глаза красные и опухшие, значит, путь по моим следам – не ночное бдение по долгу службы. Это либо бессонница, либо кошмарное пробуждение. Как у меня.

От голоса Монстра?..

– Не тебе одному, – глухо повторяет он и ступает вперед, притворив двери. Останавливается шагах в шести, обводит взглядом стены. Тоже замечает: Финни смолкла. Мне она была рада, а вот его не любит. – Смотри-ка... кто-то опять проявляет характер.

Звучит беззлобно, даже с тусклой искоркой веселья. Пожимаю плечами: оба мы понимаем, что живые мечи относятся к тем или иным людям точно так же, как владельцы. Орфо сердита, если не сказать зла на Илфокиона – за поступок с физальскими гостями, а вероятно, и за многое другое, что мне неизвестно. И он, конечно же, вряд ли питал какие-то иллюзии.

– Все в порядке, Эвер?

Не тот вопрос, которого я ожидал. Скорее «Что ты делаешь здесь?» или даже «Пришел за новой перчаткой?». На его месте я бы насторожился из-за подобного выбора. Скорее всего, я вообще запретил бы как минимум некоторым, самым подозрительным замковым обитателям ночные бдения. Впрочем, он, вероятно, и насторожился. Иначе не стал бы преследовать меня сам. Но в тоне вопроса я не улавливаю и тени подозрения, там что-то совсем другое.

– Уже лучше, – почти не лгу. – Решил пройтись и случайно забрел сюда. Впрочем, вы в курсе моего маршрута и того, что он выдался довольно длинным.

Ухоженные брови взлетают под челку, Илфокион делает еще пару шагов, смотря все пытливее. Но вместо раздражения на лице вдруг проступает удивительно искреннее, делающее его почти безобидным и даже приятным огорчение.

– Давно заметил? Боги милосердные, похоже, я теряю хватку.

Нет. Нет! Это я, возможно, превращаюсь обратно в чудовище, которое вы в случае чего даже не поймаете. Или не переставал им быть. Надеюсь, он не угадает эту мысль по моим глазам, не должен. Собираясь, медленно качаю головой. Шепчу, убеждая скорее сам себя:

– У меня хороший слух. И я достаточно часто слышу ваш голос, чтобы держать его в памяти. Вы заговорили с обходчиком, на которого я налетел.

Он плавно, молча подходит еще на шаг. Задумался: что-то в моих словах не сходится? Не знаю. Не хочу думать. Возможно, он просто пытается вспомнить, правда ли выдал себя так глупо, нехватка сна стирает из памяти и более значимые детали. Я выдерживаю взгляд, но не знаю, что добавить, нужно ли добавлять или лучше держаться так, как я держался во время давней – трехдневной, а может, столетней давности – проверки на ложь. То есть не раскрывать рта лишний раз, не давать поводов... ни для чего. Молчать. Ждать вопросов и отвечать на них.

– Отрадно видеть, что *ты* хватку сохранил, – к моему удивлению, говорит Илфокион и снова улыбается. Тепло. С каким-то... пониманием.

Теряюсь: что, он напрашивается на лесть? На него не похоже, но я совершенно не против поддержать его и ободрить так, как он поддержал и ободрил меня сегодня днем.

– Как иначе? Вы были отличным наставником. Лучшим из возможных для меня.

Это правда. Когда спустя полгода с Орфо меня вызвал Плиниус и тихо, мрачно спросил: «Ну, как в случае чего будешь убивать мою дочуру?» – я почувствовал только ужас. Я успел привыкнуть к новой роли, я привязался к «маленькой принцессе», которая запрещала звать ее «кирой», зато спешила показать каждый новый цветок или случайно пойманного тритона. Тогда мне казалось, что единственное проявление ее волшебства – кошмары. Орфо не любила поднимать силой предметы, тем более не использовала силу против живых существ, ну разве что могла подставить подножку Лину. Она еще не слишком умела решать проблемы словами, предпочитая кулаки или слезы, но нет, нет, не волшебство. Поэтому слова Плиниуса, тусклые, но твердые, что-то заморозили во мне. Взгляд, вероятно, тоже, ведь он с

трудом удержался от ласкового жеста – прикосновения к моему напрягшемуся запястью – и, хрустко сцепив пальцы в замок, добавил: «Эвер, так заведено. Принято. Так *безопаснее*. Тебе нужно выбрать оружие, а наставника я найду».

Это не было правило, это был закон. Оставалось лишь кивнуть, а себя утешить рациональной мыслью: «Разве плохо уметь драться? Всегда пригодится». Перчатка показалась мне самым безобидным вариантом, но вскоре кто-то из окружения Плиниуса решил, что меч мне освоить тоже не помешает, ведь тогда я смогу обучить и Орфо. А ну как со мной обучение пройдет спокойнее? Вдруг я не стану тем наставником, которому она, испугавшись или разозлившись, случайно сломает шею? Я согласился без споров, все еще помня о своей рабской сути; Илфокион, которому меня поручили, тоже счел это разумным. Сам он не рвался учить Орфо. Вероятно, помнил, что не справился даже с ее лишенной дара матерью. Но с ним мы действительно нашли общий язык быстро: я не любил, чтобы ко мне без крайней нужды приближались в каком-либо из смыслов, он – тоже. Я старался не упускать из внимания ничего вокруг себя; он это поощрял. Я двигался мягче кошки – это он стремился во мне усилить.

– Лучшим из возможных... – повторяет он без тени радости. – Правда?

Он все еще на меня смотрит или...

– Что с вами? – Да. Он смотрит не на меня, а в пустоту. – Вы выглядите... – подбираю слово, но в конце концов возвращаюсь к тому, за которое меня, скорее всего, одернут, – ...больным.

Просто не знаю, как еще описать бледность, мутный взгляд, повисшие патлы. Даже туника будто велика ему, хотя выглядит совсем новой, явно сшита недавно. Илфокион удивленно моргает: не ждал, что я спрошу о таком, или не ждал, что я вообще это замечу? Брови сдвигаются. Он качает головой, сразу пытаюсь напустить на себя бодрый, строгий вид.

– Что ты? – Он даже опять улыбается. – Ошибочное впечатление, я здоров, просто...

...Просто волнуюсь за нашего короля. Просто не жду добра от коронации. Просто устал. Скажи он подобное, я бы поверил, но «просто» обрывается пустотой, и в моем горле комом встает вопрос, который я должен, просто обязан задать, а вообще-то спросить об этом

стоило еще днем. Там, на садовой тропе. Там, где я упал и к моим ногам подкатился череп Орфо.

«Что вы имеете в виду под голосом Монстра?» И второй: «Что вы слышите?» Я почти решился, я открываю рот, судорожно обещая себе не отчаиваться ни от какого ответа. Даже от «Он очень похож на твой». И даже от «Я говорил про каких-то Монстров? Эвер, ты с кем-то меня перепутал». Да. Я должен это выяснить. Должен, или...

Что-то тихо лязгает, скрежещет. Илфокион, отойдя, снимает со стены свой меч, и клинок взблескивает в лунном свете. Вся его поза мигом меняется, становится тверже, привычнее, естественнее. Точно меч придал Илфокиону сил. Или что-то расставил по местам в его голове.

– Потренируемся? – тихо спрашивает он.

Из глаз все плещет та усталая, отчужденная грусть. Не мольба, но просьба: «Отвлеки меня». Не знаю, что в его кошмарах и слышит ли он какие-то голоса. Но, возможно, это и подождет. И мне точно не помешает отвлечься самому; я могу это себе позволить, пока действует мазь. Сейчас такое время... стоит разбудить долго продремавшие навыки.

Снимаю со стены кинжал. Нужно хоть как-то уравнивать условия: Илфокион никогда не пользуется хлыстом, я же не собираюсь изменять себе, просто потому что иначе вряд ли буду хоть сколь-нибудь интересным противником. Я не брал в руки меч много лет, зато еще с порога присмотрел новую перчатку, которую все равно собирался забрать взамен изъятой. Она кажется более-менее подходящей. Так и есть: все равно не то что сделанная на заказ, но для тренировочного боя сойдет, на руку ложится почти как влитая, зажимы достаточно плотные для моего запястья. Ногти, правда, ноют, упершись в спаянные с когтями напальчники: успели отрасти, пусть даже совсем немного. Чтобы боли не было, состригать их нужно под корень.

Илфокион следит за мной молча, опустив плечи. Он не склонен к этому – заранее принимать красивые стойки, играючи крутить меч в руке, хотя умеет это как никто. Он просто ждет, но когда я надеваю перчатку и разворачиваюсь, с губ все же срывается:

– Забавно, я почему-то думал, обращение отвратило тебя от такого оружия.

Как кое-что отвратило вас от хлыста?

Перчатка была моей рукой. Несла смерть. Я опускаю взгляд на когти, тоже успевшие поймать лунный свет, смаргиваю иллюзию: кровь, на них кровь, и не застарелая, а совсем свежая. *Нет*. Ничего. Приподняв руку, заставляю себя улыбнуться и качаю головой. Волосы падают на глаза.

– Только вернувшись, я тоже так думал. Но ведь виновато не оружие, а волшебство. Глупо отказываться от того, чем я хорошо владею, особенно сейчас, когда я не понимаю, где прячется опасность и как защитить...

Орфо. Я подумал о ней, и наверняка Илфокион это понял – усмешается, в глазах читается в этот раз скепсис: «Это ее нужно защищать, точно не наоборот?» Сам злюсь на себя, в который раз радуюсь, что в целом не склонен к спонтанному румянцу смущения... не успеваю даже додумать эту мысль: меня атакуют, настигнув в несколько хищных шагов.

Он верен тактике стервятника – нападает, чуть кружа. Так мы начинали часто: он якобы пытался обойти меня справа или слева, я вынужденно следил за ним, гадая о траектории броска – а в итоге не раз получал атаку лобовую, насмешливую и сокрушительную. В голову врывается металлический грохот: я среагировал быстрее, чем осознал. Клинок лязгает о когти, сильно, но не сломав их, – хорошо, оружие правда сделано на совесть. Я быстро проворачиваю перчатку – надеюсь на тот излюбленный прием, когда меч застревает меж когтей и его удастся выбить. Нет. Илфокион быстрее и, похоже, не забыл мои тактики: отступает до того, как я контратаковал бы кинжалом, пользуясь короткой дистанцией. На губах опять расцветает слабая улыбка. Он доволен.

– Молодец, – бросает уже с шести шагов, все же прокрутив меч в руке. – Днем... честно скажу, Эвер, днем я испугался за тебя, твое состояние.

Когда нашел меня с булыжником? Возможно, трясущегося, не помню. Да, я понимаю – и вынужден только расправить плечи, напрячь их и шагнуть вперед со словами:

– Не стоило волноваться, я в порядке.

– ...и другая ложь. – Снова вспыхивает его взгляд.

Не мешкая, пытаюсь достать его когтями и, конечно, встречаю отпор – даже не меча, а тяжелого широкого наруча, который

опрометчиво принял за модный игаптский браслет. Клинок летит прямо мне в живот, нога готова подсесть, приходится уворачиваться, и быстро, пытаться поднырнуть хотя бы сбоку – а в конце концов все-таки пятиться. Это удается.

Нет, Илфокион ни за что не убил бы меня – как я не убил бы его. Наши тренировки всегда проходили с настоящим оружием, как и у всех гирийских солдат. Палки, муляжи и прочее тут не признают. Мастера здешней боевой школы считают, что лучше потерять пару пальцев в тренировочном бою, чем расхолодить себя, помахивая притупленным клинком или вовсе деревяшкой. Не слишком разумно, но кое-что Илфокион объяснил мне безошибочно. Сражаясь только настоящим оружием, ты наиболее четко понимаешь, *что* в твоих руках. Орудие смерти. Или свободы. Или защиты. Или, опять же, таланта, мастерства. Ты учишься владеть собой, ставить прозрачную цель и достигать ее быстрее. Выверять каждый удар, бросок, вздох в зависимости от того, кто и зачем с тобой бьется.

Мы движемся намного медленнее и даже, пожалуй, картиннее, чем во время настоящих тренировок. За каждой серией ударов следует пауза, обмен взглядами, пара вздохов. Неотступно странное чувство: Илфокион наблюдает за мной. Не как за противником или учеником и даже не как за подозрительно загулявшимся другом принцессы – иначе. Ищет что-то. Пытается разгадать. Впрочем, я ведь делаю то же: под звон железа снова судорожно гадаю, что могло разбудить его, и выдернуть из постели, и повести по моим следам.

– Хотите... спросить что-то? – выдыхаю на очередном скрежещущем лязге, когда приходится припасть на колено под напором меча.

Его глаза взблескивают особенно цепко, он напирает, но все же сдается, едва я пытаюсь достать его бедро кинжалом.

– Думаю, нет. – Этот ответ, снова с расстояния нескольких шагов, удивляет меня. Илфокион то ли ждет контратаки, то ли задумался – просто стоит, чуть расставив ноги, подавшись вперед и тяжело дыша. – Но есть ощущение, что хочешь ты.

– Вы в порядке? – зеркально возвращаю вопрос, но не удар. Застываю, выпрямляюсь, повожу ноющими плечами, удивляясь, насколько мне нравится это нытье.

Сейчас я не про здоровье или, по крайней мере, не только про него. Илфокион явно понимает это: медленно увеличивает расстояние между нами еще немного, тяжело выдыхает, посмотрев на клинок. И качает головой. Это тоже удивительно, он... будто сдался? Настороженно вглядываясь, делаю пару шагов навстречу. Когти опущены, но кинжал я на всякий случай держу перед грудью.

– Вам что-то снится... – не спрашиваю. Собравшись, добавляю: – А может, вас что-то преследует и наяву.

Как меня. Этого не добавляю: он, скорее всего, догадывается либо знает, а привлекать сейчас внимание к такому я не желаю. Мы ведь о нем. Не обо мне. Откровенно говоря, стоит передать все, что я услышал и, возможно, услышу, Орфо. Это не шутки, Илфокион отвечает за охрану замка, и ему нужен крепкий разум. Он не может... не должен...

– Тебя так это удивляет? – хрипит он и вытягивает меч вперед: не подходи, *ни в каком из смыслов*. Губы желчно кривятся. – Меня многое преследовало и прежде, а теперь...

Осекшись, он прикрывает глаза. Я чуть мотаю головой: непривычно не видеть стрелок, они подобны элементу брони, и без них веки выглядят... старческими? Мелькает и другая мысль: сейчас Илфокион – отличная мишень для атаки, его можно обойти сбоку. Но я не подойду.

– А теперь в замке что-то изменилось, и стало хуже, – отзываюсь так же глухо. – В том числе вам. Мы все будто заболели, а может, и так, только это не мор, а что-то в головах, что-то *из прошлого*. – Медлю. Решаюсь: – Так что... что говорит вам голос Монстра?

Его глаза распахиваются, впиваются в мои, и меня будто опалает молнией – столько там безысходного, затравленного бешенства и потрясения.

– Эвер... – Дрогнувшей рукой он убирает за ухо прядь. – Ох, Эвер.

Похоже, он не ждал, что я решусь заговорить об этом. Ведь, сделав так, я, по сути, расписываюсь и в собственном сумасшествии. «Да-да, меня тоже окружают голоса, которых нет, и я как будто тону в темноте». Пусть. Безопасность – наша общая – определенно важнее съедающего меня ощущения, будто...

– Я ничтожество, – добавляю, почти не осознавая. И даже почти не чувствуя страха и горечи. – Мне он говорит в основном это.

Я жду чего-то резкого или насмешливо-равнодушного. Жду и неловкой лжи, которой многие спасают свое самолюбие, подменяя ответную откровенность: «А мне ничего, о чем ты вообще, у тебя проблемы?» Но молнии в глазах Илфокиона вдруг гаснут, сменившись чем-то еще более меня удивляющим. И не будящим никаких хороших чувств.

– Это не так! – Слова он почти выплевывает, тут же, спохватившись, хмурится и мотает головой. Рука с мечом опускается, челюсти отчетливо сжимаются – до желваков. – Что за чушь? Это ты-то, после всего?..

Молчу, потому что боюсь солгать. И потому что не уверен, что найду слова. И потому что жду ответа на свой вопрос. Что-то из этих трех причин Илфокион понимает, с горькой усмешкой крутит запястьем – меч рисует в лунном воздухе сверкающую фигуру. Скучающая на стене Финни завистливо, обиженно звенит.

– Мне другое. Что я вымазан в крови по подбородок, что утопаю в ней. – Он будто сорвал горло, сбивается на хрип. – Что все пустое и лучше дать свершиться тому, что должно, хотя я совсем не знаю, что *должно*... – Он сильнее вцепляется в меня взглядом, будто о чем-то прося или спрашивая. Ему требуется усилие, чтобы продолжить. Он качает головой снова, уже иначе, совсем безнадежно. – Король не прав, Эвер. Король... мы говорили в тот самый день. И он предложил мне возглавить городских токсотов, уйти из замка. Сказал, что я...

– Что вы заслуживаете? – Это не трудно угадать. На самом деле я тоже так считаю. – Что ходить ночами за такими, как я, – не совсем то, для чего вы...

Он отворачивается так резко, будто я занес руку для пощечины, – хотя нас все еще разделяет слишком большое расстояние и я не двигался. Легко прослеживаю взгляд: Илфокион смотрит на хлысты, те несколько металлических хлыстов, что висят неподалеку от перчаток, среди них тускло серебрится и хлыст королевы Валато. Там же – собственный хлыст Илфокиона, с золоченым набалдашником над плетью.

– Мне не нужны никакие голоса Монстров, Эвер, – снова повернувшись, тихо обрывает он. – Разве я сам не один из них?

Он не хочет продолжать, не рад откровенности, на которую мы вышли, – и потому атакует снова, медленно, но мощно. Поймав блеск клинка, я сам шагаю навстречу, и меч сшибается с перчаткой, давит, норовя вывернуть мне руку под максимально болезненным углом. Опять ловлю металл между когтей, осторожно смазывая траекторию удара, сжав зубы. Ноги врезаются в пол. Илфокион не сильно выше меня, но крупнее, и под его напором я даже проезжаю на подошвах назад, чуть не теряю равновесие, морщусь от боли в лопатках, ребрах. Действие мази ослабевает. Скоро мне намного тяжелее будет даваться этот поединок, да и ногти почти трещат.

– Нет, – выдыхаю я сквозь зубы, и пусть он понимает это как хочет. Как «Я вам не проиграю» или как «Вы не монстр, вряд ли вы вообще знаете, что это такое на самом деле».

Поняв, что прием не удастся, задействую кинжал, целю ему в плечевую мышцу – и, неосторожно подавшись слишком близко, все-таки получаю легкий удар кулаком в зубы. Почти ласковый – насколько это возможно. Глаза Илфокиона на миг проясняются, искрят весельем: так я не подставлялся ему лет с... семнадцати? Расслабился. Дурак. Отступая, я встряхиваюсь, кинжал не роняю только чудом, но тут же на меня снова идут.

– Нет? – Свистящий шепот почти обдает щеку.

– Нет. – Вскидываю и перчатку, и кинжал. – Это очень далеко в прошлом.

Мои позорные поражения. И ваша чудовищность.

Он атакует, еще раз и еще. Я парирую, не успевая переходить в наступление, отступаю, даю себя теснить – все это время мы не сводим друг с друга глаз. Я не знаю, что он хочет сказать. И мне самому нечего добавить, я не помощник в том, что терзает его вот уже... восемь лет? Но мне его жаль. Почему-то сейчас, может, впервые за все наше знакомство, мне по-настоящему его жаль.

Илфокион был приближенным королевы – я слышал разное о том, насколько тесной была эта близость. Так или иначе, Валато Каператис выделяла его с пятнадцати лет, вечно выбирала своим гладиаром, если не выходила на поединки сама. Она чувствовала с ним родство – как презрительно и насмешливо говорят сейчас, из-за тяги к нарядам. Мне кажется другое: ей отзывались его честность и боевой дух. Что находил в ней он? Вроде бы он рос со славным отцом, но без матери, и

такую, как королева Валато, храбрую, красивую и благоволящую, наверное, сложно было не вознести на этот свободный пьедестал.

Илфокион начал терять ее расположение уже на войне: когда слишком берег солдат, когда не нарушал перемирий, когда оспаривал саму необходимость сражаться. Его выслали обратно в столицу, где, опозоренный, он подвергся проклятию еще и семьи. И оказался лицом к лицу с бунтующими против войны подданными своей несостоявшейся матери.

Я не знаю, в какой момент что-то в нем сломалось, и он бросил хлыст, которым прежде достигал и подростков, и стариков, и отвернувшихся сослуживцев. Бросил прямо к ногам толпы, обескураженные солдаты дали промять свои ряды, и народ хлынул в замковый двор. Королевы не было, к людям вышел король и попытался успокоить их, хотя – как он позже признавался – не представлял, что говорить. Ведь не «Послушайте, мне тоже не нравится эта война». И не «Мы же не знаем *всей* правды о том, как именно Физалия получила независимость и на что хотела ее употребить». И даже не «Вообще-то, если подумать, у нас есть поводы бояться Игапты». Король искал слова, толпа кричала, а потом ее все же начали сминать люди Илфокиона. И тогда он сам бросился на одного из подчиненных, проломившего голову какому-то бунтовщику; за ним бросилась та часть стражи, что служила не Валато, а Плиниусу, – и тот *не помешал*. С Илфокиона начался раскол в страже, из-за Илфокиона солдаты поняли, что протесты – пока они более-менее мирные – можно не только давить в зародыше, но и контролировать. Что люди, которым дают выговориться и прокричаться, становятся спокойнее и уже проще ищут консенсус, слушают доводы и обещания, уступают хотя бы до поры до времени. Что...

Что этих людей, которым нужно выговориться и прокричаться, много. Очень много. Они всего лишь напуганы и хотят мира, а вовсе не куплены игаптским золотом и не одурманены физальским волшебством. Это *наши* люди.

– Голос говорит мне, – Илфокион наконец отступает достаточно неловко, чтобы я перешел в контратаку, – искать врагов. Говорит... – нет, это обман, и вот уже наруч скрежещет о кинжал, в то время как меч описывает опасную дугу у моей головы, – враги всюду. На Плиниусе все не кончится... – Снова приходится присесть, и краем

глаза я вижу странный свет вокруг его метки ломателя. – Нужно делать что-то. – Удар слишком тяжелый, я пригибаюсь все ниже, выставив навстречу клинку обе руки. – Но я не знаю что. Я... я...

Я тоже не знаю, но еще пара секунд – и меч скользнет вниз достаточно *нетренировочно*, чтобы отрубить мне кусок уха, и это в лучшем случае. Превозмогая боль в хребте – она выросла за последнюю серию ударов, – я отталкиваю клинок, отскакиваю сразу шага на три, поскальзываюсь, но выстаиваю – и невольно зажимаю ребра локтем. Проклятый синяк... Пора заканчивать, это уже становится невыносимым. Я поднимаю глаза, открываю рот, чтобы об этом сказать, но тяжелый топот заставляет слова застрять в горле.

Илфокион кидается снова – будто не видит ни моей гримасы боли, ни одышки. Меч ловит лунное сияние, оно кажется на миг розоватым, потом кроваво-красным – и я предпочитаю просто увернуться, предупреждая выставив кинжал.

– Кир Илфокион, остановимся, – стараюсь говорить как можно ровнее. Он всегда запрещал мне выдавать усталость, утверждая, что противнику это придает сил. – Я...

Новая атака; приходится быстро вскинуть перчатку, ловя клинок хоть как-то, – я ее не ожидал. Илфокион поднимает глаза. Они полны такой пустоты и отчаяния, а еще кажутся такими... медленными, что меня пробирает озноб. Что, если он слышит сейчас *голос*? Если...

– Вы...

Удар кулаком в висок. «...В порядке?» остается произнесенным, мир взрывается искрами. Растерянный, я отступаю, но он не дает, и я по-прежнему трачу почти все силы на то, чтобы отвести его меч и хоть как-то увеличить расстояние. Еще одна попытка кулачного удара встречает мой кинжал, повернутый ребром, и на костяшках пальцев остается кровавая полоса.

– Простите! – Но, кажется, это пугает только меня. Он ничего не заметил, наступает. – Кир Илфокион! Стойте! Мне кажется, мы потренировались достаточно! Мы...

Никакой реакции, кроме атаки. Не слышит он или не слушает, но его метка горит странным рыжим огнем – сегодня я такой уже видел. Я отступаю снова, вжимаюсь в стену. Пячусь вбок под оглушительный лязг. Илфокион задевает висящее на стене оружие, такое темное и ржавое, что им явно не пользовались десятилетиями. Меч, булава и

пара щитов с грохотом рушатся на пол. Илфокион подскакивает, вертит головой, будто потеряв меня, но быстро находит – и делает шаг.

– Что же ты? – Наконец слышу его голос. – Не бойся. – Он улыбается, откинув со лба прядь, но улыбка скорее пугает. – Это же тренировка. Я хочу просто проверить тебя.

Что?..

– Я же сказал... – Тщетно ловлю взгляд, темный и тяжелый. – Слышите?! Я...

Но он уже снова рядом. Когти моей перчатки страдальчески звенят: удар слишком сильный, дрожь отдается по костям, до плеча. Я чудом сохраняю и равновесие, и даже стойку, лихорадочно заносу кинжал – но тут меня хватают за запястье.

– Сколько страха в твоих глазах...

Прикосновение. Полное злобы и угрозы. Горло сковывает тошнотой; кости хрустят от тяжелого жара; между губ Илфокиона проступает торжествующий оскал. Мои глаза застит невольными слезами: больно, очень больно, но паника намного чудовищнее. Что это за проверка? Он никогда не проверял меня так, будто хотел уничтожить! Оглядываясь в прошлое, я даже думаю порой, что он щадил меня, щадил больше, чем я заслуживал, и делал для этого определенные усилия – по просьбе ли Плиниуса, из-за чего-то ли в собственной голове. Теперь же...

– КИР ИЛФОКИОН! – Голос жалкий, но это неважно, сейчас неважно ничего. – ХВАТИТ! ПРОШУ! У МЕНЯ ПОВРЕЖДЕНЫ РЕБРА, Я...

Пусть я вру, но его ведь должно это отрезвить. Или...

Он лишь сильно дергает мою руку вниз, словно хочет выдрать сустав из плеча. Кинжал падает; я кашляю, задыхаясь в панике, колени дрожат, и только перчатка каким-то чудом продолжает сдерживать меч. Да чего он хочет? Неужели всего-то...

– Сдаюсь. – Не сводя с него глаз, смаргивая слезы, заставляю себя собраться. Никакого страха, страх может его разозлить. – Да, сдаюсь, сдаюсь и, как всегда, признаю ваше мастерство! Проверку не прошел! Ладно?

Его губы расползаются в улыбке шире – но он меня не выпускает. Новая догадка заставляет задыхаться рванее, потеряться в словах. Вдруг это... *раж берсерка?* То помутнение, о котором говорят в гирийской

воинской школе? Опасное состояние, когда, желая расправиться с противником, забываешь, что перед тобой, например, ученик? Дергаюсь. Илфокион никогда не впадал в подобное, наоборот, именно он предостерегал меня: оружие в руке, так или иначе, – всегда соблазн. Соблазн показать силу. Соблазн напитать ее страхом. Соблазн... соблазн во многом, и порой, вспоминая свое безумие в давний дождливый день, я нахожу мужество признать, что раж берсерка овладел мной, в нем я убил четверых противников, пускай, скорее всего, довольно было бы покалечить одного, чтобы распугать прочих. Но они хотя бы напали на меня, попытались унижить и навредить, а в будущем и уничтожить. У моего припадка не было оправдания, но было какое-то логическое объяснение. Здесь же...

– Кир! – Меч скрежещет по перчатке, и я снова начинаю осторожно смещать ее, но не перестаю и звать: – Кир Илфокион, пожалуйста, хватит, я больше не могу, мои синяки...

Они пульсируют как сгустки огня, мышцы дрожат натянутыми канатами. Я хватаю ртом воздух, сглатываю, наконец слышу щелкающий лязг – и вижу, что добился своего. Клинок попал между двух когтей. Стоит чуть извернуть руку – и вынуть его уже не получится так просто. Что я и делаю, подавляя новый приступ дурноты. Я. Должен. Справиться.

Он напирает, снова будто вдавливая меня в пол. Сухожилие стонало бы, если бы было живым, ногти трещат, от усталости я припадаю на колено, а Илфокион неотрывно и яростно наблюдает за мной, то дергая рукой, то мотая меня из стороны в сторону. Чего бы он ни хотел добиться... не добьется. Больше – нет, меня и так испытывает на прочность слишком многое. Хватит.

– Я сказал! – Остался последний рывок, клинок все еще в тисках. – Довольно!

Его руки намного сильнее моих, но движение получается резким, злым – и меч наконец летит на пол, под целую череду других неожиданных звуков. Топот. Грохот открывшейся двери, но не за моей спиной, а в другом конце оружейной. Испуганный возглас:

– Эй!

Оружейная – сквозное помещение, двери здесь с двух сторон. На миг кажется, что я продолжаю сходить с ума, ведь на дальнем пороге – моя копия. Светловолосый физалец в белой одежде, бледный, с

круглыми глазами. Но стоит ему снова открыть рот, как дикая мысль уходит. Это Рикус. Он пыхтит, держась одной рукой за проем, но в другой сжал меч и нацелил на нас. Точнее, на Илфокиона, ведь он навис надо мной, в то время как у меня подломились уже обе ноги, и, наверное, сильным кашлем я выдаю мольбу о пощаде. Вовремя... я вот-вот рухну. Впрочем, и Илфокион выглядит так, будто готов рухнуть рядом. Его крупно трясет, глаза закрыты, на лице будто натянулась вся кожа – такое оно напряженное. Он застыл. Он, похоже, не замечает даже кровь из оставленной мной раны. Зато замечаю я: с опущенной руки она капает на пол неровными пятнами. Не слишком ли обильно для удара, принятого на себя костяшками?

– Кир Эвер, кир Илфокион... – Рикус все больше теряется с каждой секундой. Не опуская меча, скользит взглядом по нашим лицам, моргает, но, похоже, не может подобрать правильный вопрос. Наконец находит хоть какой-то, встряхивает кудрями. – Вы что тут делаете ночью?!

Я все еще на коленях. И скорее шарахаюсь, когда вместо ответа навстречу вдруг тянется крепкая рука с меткой-мечом. Та, из которой я выбил оружие. Та, которая, как только что казалось, может и схватить меня за горло. Она тоже заметно дрожит и даже... вспотела?

– Эвер, вставай. Пожалуйста.

Он не спешит отвечать Рикусу, даже не поворачивается к нему – смотрит только на меня. Темные глаза полны того, что я могу объяснить лишь самыми скверными вещами. Боли. Стыда. И страха, если не такой же паники, как у меня. Я даже жду, что он шепнет: «Не говори об этом», имея в виду свое внезапное... невысказанное... жестокое желание меня...

– Мы тренировались. – Он все же кидает на Рикуса взгляд, почти холодный, но на следующих словах голос будто становится надтреснутым. – И, похоже, я немного увлекся.

Вы меня чуть не убили. Но пока я сжимаю губы: правильнее послушать, как повернется разговор. Возможно, найдется объяснение, после которого все встанет на места и мне полегчает. Пока я не решаюсь даже уцепиться за знакомую руку, хотя сам подняться не могу.

Рикус издает странный звук – наверное, цокает языком. Меч с лязгом возвращается в ножны, руки скрещиваются на груди в самом

отталкивающим, надменном, совершенно не свойственном этому юноше жесте. Догадываюсь: Рикус, скорее всего, вспомнил, как их с Клио и Ардоном загоняли на верх башни. И сейчас он за это отплатит.

– Я будто забылся, потерял над собой контроль в ударах, впал в... не то состояние, – устало продолжает Илфокион, потирая веки. – Я почти не сплю. С той самой ночи. И мне везде уже мерещатся враги, хотя, разумеется, Эвера я за одного из них не...

– Вы начальник стражи, – обрывает Рикус довольно резко и чуть вздергивает подбородок. Понимаю, в нем играет обида за свою принцессу и, скорее всего, его вывело из себя то, в каком я состоянии. Все же он пусть частично, но обязан жизнью и мне. – Не мальчишка.

– Рик... – все же подаю голос.

– Хотя, конечно же, я понимаю, – как ни в чем не бывало продолжает он, уже с легкой, кажущейся мирной улыбкой. – Напряжение копится, это правда. И все-таки если вам нужно его сбросить, на досуге лучше займитесь любовью, а не войной.

Не представляю, как среагирует Илфокион – снова озверев, кинется? – и предпочитаю сыграть на отвлечение. Пересилив себя, все-таки хватаюсь за широкое запястье, шатко поднимаюсь, и, спохватившись, Илфокион сам помогает мне скорее обрести крепкую опору под ногами. Хлопает второй рукой по плечу, бормочет: «Надеюсь, ты цел, прости, мне жаль...» и, опять посмотрев на Рикуса, неожиданно возвращает улыбку.

– Пожалуй. Хорошая мысль, мой юный друг, учту.

Рикус кривится от обращения. Он старше Клио лишь на год, но, скорее всего, тринадцать лет разницы с Илфокионом для него не слишком весомы, особенно учитывая оранжевую туннику, модную стрижку и стрелки. Мне и прежде казалось, что Рикус не слишком серьезно воспринимает нашего начальника стражи, ну а после своего заточения и вовсе ищет лишь повод для такой... перепалки? Но лучше так, чем настоящая ссора. Точно не то, что нам сейчас...

– Вот ты где, физалец, чтоб тебя!..

Мои мысли обрывает зычный топот где-то там, у Рикуса за спиной. Молодой рыжий целер вырастает у порога быстро, с шумом выдыхает, с таким же – втягивает немного воздуха широкими ноздрями. Открывает рот, поняв, что Рикус на него даже не

среагировал, хмурится и передумывает продолжать, наткнувшись на тяжелый взгляд Илфокиона.

– Меррион, у всех наших гостей есть имена. И я, кажется, отдал общий приказ обращаться к ним только так и не забывать о слове «кир».

– Простите! – выпаливает юноша. Рикус невозмутимо косится на него, будто только что заметил.

– Не с такими экземплярами, конечно, но...

– Кир Илфокион, я вас поранил. – Снова отвлекаю внимание на себя, тронув закаменевшее от напряжения плечо. Пора пресечь все эти шутки. – Рука...

– Да, Эвер, да... – Впрочем, возможно, встревожился я зря. По глазам Илфокиона, по тому, как сонно он уставился на длинный красный след, рассекший костяшки пальцев, не похоже, что шутка вообще пробилась сквозь тяжелый водоворот его мыслей. – Всего-то. Ты проявил удивительное милосердие, учитывая, как я...

– Вы точно в порядке? – Украдкой посылаю Рикусу предостерегающий взгляд: лучше помолчи. – Раж берсерка... он ведь никогда... я...

Я путаюсь в словах и тщетно заглядываю Илфокиону в глаза. Сложно сказать почему, но сейчас мне, кажется, еще страшнее, чем было в конце поединка. Украдкой всматриваюсь в померкшее клеймомеч, резко вспоминаю, как пылала метка Орфо там, под стенами башни. Это отличалось от мирного мерцания-приветствия. Того, которым мы обменялись много лет назад, при знакомстве. И того, которое коснулось наших стрел сегодня, когда мы... «...займитесь любовью, а не войной». Даже сейчас воспоминания обдают жаром и чуть оттеняют тревогу. И все же...

– Ты ведь помнишь, Эвер. – Илфокион облизывает губы. Проводит по лбу окровавленной рукой, пачкается, но будто не видит этого. – Мой меч не живой, но, как и та твоя перчатка, выкован из железа Святой Горы, так что частичка жизни в нем есть. Он коварен, и думаю...

– Да о чем вы таком шепчетесь? – Потеряв терпение, Рикус подходит к нам вплотную с самым решительным видом. Илфокион, наоборот, тут же отступает.

– Возможно, я перестал быть достоин этого меча, поддавшись отчаянию? – Он все еще обращается лишь ко мне, но не ждет ответа: резко отвернувшись, идет к застывшему рыжему целеру, наверняка чувствующему себя лишним. – А может, никогда и не был. Пошли.

Прежде чем я бы ответил, они обмениваются каким-то бормотанием и перешагивают порог.

– Доброй ночи, думаю, вдвоем вы благополучно доберетесь до спален, – бросает Илфокион, и от вялого взмаха его руки на пол снова капает кровь. – Впрочем, дозорные на местах.

– И вам доброй, – озадаченно отзывается за нас двоих Рикус, но, стоит двери затвориться, таращит на меня глаза. – Так! А теперь рассказывай правду. Что у вас случилось?! Он...

Вместо продолжения Рикус переступает с ноги на ногу, потом прыгает. Оборачивается на дверь раз, другой, точно подумывая все же ринуться в погоню и задать уже более грубые вопросы. Не стоит допускать этого; думаю, не стоит сейчас вообще приближаться к Илфокиону, снедаемому какими-то личными потрясениями. Он держался из последних сил, говоря со мной, и сейчас мне немного тревожно даже за того юношу, которому не повезло остаться рядом.

– Мы тренировались, – ровно повторяю я. – А потом он правда забылся. Ты, наверное, знаешь, мы всегда тренируемся на настоящем оружии, и некоторая его часть выкована из Святого железа, пусть даже и не Фестусом, и такое...

– А, это оно усиливает тебя, но здорово туманит мозги, когда ты устал, не собран или увлекаешься! – Рикус кивает, косясь на свой меч. – У меня не такой, если что, мы предпочитаем что-то попроще... – Было расслабившись, он снова хмурится. – И все же, Эвер. Это не шутки. Ты ведь помнишь, он уже нападал и на Клио, когда пытался выяснить ее боевые навыки...

– Без оружия и не желая навредить, – спешно напоминаю я, хотя и сам понимаю: не то чтобы иностранных послов убеждали такие аргументы. Не то чтобы они убеждали меня самого.

– У него дикие методы, – прохладно возражает Рикус, но, видимо заметив мой расстроено-виноватый вид или просто сжалившись, жмет плечами. – Ладно. За Клио он хоть извинился. И если в ваших тренировках впадать в раж бер... бобр... – пощелкав пальцами, он быстро сдается, – нормально, то кто я такой, чтобы вмешиваться?

Киваю, хотя в голове бьется мысль: нет, не нормально. И да, возможно, теперь мы квиты, Илфокион *мог* случайно убить меня. Но, не говоря этого, я лишь с усилием расправляю плечи, собираюсь предложить Рикусу вернуться в комнаты и запоздало спохватываюсь:

– Слушай, а ты...

Вряд ли он разбужен шумом – от их с Клио и Ардоном покоев нас отделяет этаж и, скорее всего, пара изгибов коридора. Значит, он просто бродил где-то поблизости, под невидимым надзором рыжего целера, а уже потом ринулся к нам, на крики и лязг оружия. Так и есть: вопрос он угадывает уже по первым словам. Неожиданно потупляется и, сунув большие пальцы за кожаный пояс с ножнами, нехотя бросает:

– Не спалось. Решил прогуляться. Даже догадывался, что кто-то прилипнет, а то и прицепится с расспросами, но... – Словно сам на себя, он машет рукой. – Неважно, пошли.

Его говорливость будто выключили по щелчку, улыбку стерли влажной тряпкой. От неожиданности я ограничиваюсь кивком и даже отвожу взгляд, аккуратно начиная снимать перчатку, встряхивая горячей от перенапряжения рукой, изучая ногти, два из которых сломались. Затем мы молча пересекаем длинные темные залы, молча же выбираемся на главную лестницу. Кажется, будто сияние ламп стало тревожнее; оно режет глаза, и полминуты я иду, прикрывая веки ладонью. Рикус очень прямо держит спину. Кажется, он тоже прячет взгляд – боясь какого-нибудь вопроса? Не какого-нибудь, вполне конкретного. Он мгновенно вскидывается, услышав:

– Что, у тебя тоже кошмары?

Покосившись на меня, Рикус чуть замедляет шаг и накрывает ладонью перила. Ведет по прохладному мрамору, снова уставившись вперед, но я уже догнал его, и, скорее всего, в моих глазах проступила тревога. Я привык видеть Рикуса бодрым и безмятежным даже в не самые веселые минуты. Он казался одним из тех удивительных людей, которые ни о чем не печалются, наслаждаются обедом, даже выпав из окна, и крепко спят назло всем невидимым чудовищам. Это впечатление было ярким, цепким, неотступным. А впрочем, в минуту, когда Ардон...

– Нет. – Его внезапный смешок совершенно неестественен. – Нет, что ты, со мной особо такого не бывает! Я вообще сегодня не спал, вот и решил немного побродить.

– Не спал, – повторяю озабоченно. Цепляюсь взглядом за синяк на его скуле, за в целом бледное лицо и свалявшиеся волосы. – Что, впечатления дня?

– В каком-то смысле. – Рикус вяло жмет плечом и наконец смотрит на меня в упор. Тут же кривит губы – точно один вид моего лица его раздражает или повергает в ступор. Тем страннее тон, мягкий, почти умоляющий: – Слушай, не забивай голову, ладно? Я понял, что у меня будет бессонница, еще вечером. Еще и Клио с Ардоном так поругались...

И снова – взмах руки, на этот раз с ясным смыслом: «Зря я сболтнул». Тревога крепнет: что-то новое, не звучит как хорошая новость. На ужине все казалось обыденным, мы же общались вполне дружелюбно! Понурившийся Рикус трет щрам, явно не собираясь ничего пояснять, и, прежде чем он бы опять ушел в себя или сменил тему, я все же решаюсь уточнить сам:

– Что, Ардон и ее успел обидеть?

Рикус почти спотыкается. Его пальцы на перилах сжимаются, а потом он опять поворачивается ко мне – так, что пружинками прыгают волосы.

– А кого еще?

Он смотрит не предостерегающе, скорее устало. С видом «Боги, да неужели?..», с видом «Почему же мне не лежалось в постели?». Но одновременно – с видом «Это грызет меня». Что – «это»? В общем-то, мне по-прежнему не должно быть дела до отношений этой троицы. Достаточно того, что они все еще на нашей стороне, не уехали в панике, даже поддерживают как могут. Я опять потираю веки, всматриваюсь Рикусу в лицо. Вспоминаю унылую мысль, приходившую уже не раз: в нем ровно столько радости и жизнелюбия, сколько не хватает новому мне, вот бы одолжить хоть каплю. Но этого юношу, понуро идущего рядом, я сейчас едва узнаю. И не уверен, могу ли оставить это как есть в надежде, что утром замок снова озарит его улыбка.

– Тебя? – произношу как можно бесцветнее, и он досадливо вздыхает сквозь зубы.

– Нет, – на миг он смежает веки, будто надеясь уснуть на ходу, – что ты, нет, нет...

Мы уже на лестничной площадке, которую украшают две статуи хвостатых дочек Одонуса. Рикус останавливается и, словно заинтересовавшись, начинает их рассматривать. Трогает левую сирену за прикрытую ракушкой грудь. Щупает чешую, потом корону из кораллов. Обнимает каменную девушку за талию. В общем, делает все, чтобы выглядеть глупо и оставаться от меня на максимальном расстоянии; похоже, надеется, что я отвлекусь на замечание о его развязности или на что-то еще. Но я не собираюсь. Вздохнув, лишь останавливаюсь возле правой скульптуры и прислоняюсь к перилам. Жду. Рассеянно подняв взгляд к бесконечному потолку, пытаюсь посчитать барельефные медальоны с портретами древних королей, но в полутьме они напоминают скорее тех чудовищных существ, с которыми я сталкивался в Подземье. Больше всего боюсь заметить среди них себя.

– Знаешь, что мешало мне спать, Эвер? – тихо спрашивает наконец Рикус. Он успокоился, снова повернулся и в точности отзеркалил мою позу. – Стыд. И вина, пожалуй, но стыд больше. Перед Орфо и тобой, кстати, тоже, но прежде всего...

– За то, что вы упали? – Вяло массирую ноющую кисть. Я многого не понимаю, но вряд ли такого стоит стыдиться. – Рикус, слушай, мы очень рады, что вы выжили, и не виним...

– Я ведь знал, что однажды это все-таки произойдет. – Он, похоже, не слышал, был все время в своих мыслях. Пальцы крутят вытащенную из-под ворота монету. Я вспоминаю, какие чувства, точнее, иллюзии она вызвала у меня в прошлый раз, и потупляюсь. – Я снова почувствую себя бессильным! Будто ничего не менялось! Но я не думал, что так... так!

Он сильно топает ногой, тоже задирает голову и сжимает монету между ладоней. Я украдкой, исподлобья наблюдаю за ним, гадая, почему он замолк: жалеет о начатом разговоре или решил, будто мне и без слов понятно продолжение? Пытаюсь вспомнить, о чем, когда мы говорили достаточно откровенно. Ни разу – тем более о чем-либо, связанном с со стыдом и слабостью. И пожалуй, скорее я мог бы пожаловаться ему на это – если бы такие жалобы не требовали от меня усилий еще огромнее, чем требуют победы над наваждениями.

– Ты это вряд ли поймешь. – Вздохнув, Рикус отталкивается от перил и делает пару шагов ко мне. Снова улыбается, впиваясь на этот

раз странным, почти вызывающим взглядом, на который я опасливо отвечаю. – Ты так хорошо знаешь, что сделать в каждый нужный момент. Ты безупречный, такой собранный и, как мне кажется, очень сильный, а я...

И снова – унылое пожатие плечом. Рикус отворачивается, идет дальше по лестнице наверх. Едва проходит удивление, я догоняю его и делаю то, чего, кажется, никогда не делал со столь мало знакомыми людьми: касаюсь рукой острого локтя. Рикус поворачивается, удивленно прослеживает этот жест и, вскинув глаза, бросает:

– Вот, даже это можешь, хотя Орфо говорила, у тебя с этим проблемы.

– Не просто так, – слетает с губ само.

Я вспоминаю, что почувствовал, узнав о полуобмане, которым Орфо оградила меня от лишних прикосновений. Но нет. Время для откровенности, конечно, неподходящее, лучше не забываться. Благо Рикус сам качает головой.

– Знаю. И это убивает меня еще сильнее, хаби.

Хаби. Теперь так обратились и ко мне. Это что, принятие в их эфемерную семью?

Мы идем снова молча – мимо ламп, рассматривая темные тени под ногами. Я убрал руки за спину, а Рикус похрустывает кулаками; мои глаза опять режет, поэтому я даже не пытаюсь их поднять. И я почти смирился, что влез в личное, что ничего не пойму. Может, тогда поговорить с Ардоном? Могу ли я сделать ему очередное замечание насчет такта, не зная подоплеку тех его...

– Я выздоровел. Я ведь давно выздоровел! Я просто... просто растерялся!

Я упускаю миг, в который Рикуса будто прорывает, и он, запнувшись на повороте коридора, сам хватает меня за плечо. Меня пробивает дрожь, к горлу подкатывает предательская тошнота, но я справляюсь с собой, не дергаюсь, не закашливаюсь. Рикус убирает руку и внимательно смотрит в мои глаза. Похоже, наконец понимает, что мое недоумение искреннее.

– *Заморыш*, Эвер. – Он облизывает губы, снова криво улыбается. – *Заморыш* – это я, я только семь лет как хожу, представляешь? Прости... – Улыбка гаснет, Рикус пятерней отбрасывает волосы со лба. – Я... а ведь я, наверное, совсем задурил

тебе голову. Почему-то был уверен, что ты успел все от кого-то услышать. Хотя, если подумать, от кого?

На это тоже ответить нечего, кроме «Все?». Просто смотрю, пробегая взглядом по его слишком большим глазам, тонкому носу, крупным зубам и шраму – странному шраму, тянущемуся от щеки, через подбородок, вдоль шеи. Рикус – целер принцессы, поэтому ни на миг у меня не возникало вопроса, где он мог получить такое увечье в таком юном возрасте; казалось, это не что иное, как боевое ранение. Но если подумать...

Рикус проводит по розовой полоске пальцами, точно пытаюсь стянуть ее широкие края. Слишком широкие, об этом я тоже задумываюсь только сейчас. Даже от удара секирой, скорее всего, осталось бы что-то поуже. И при этом потемнее.

– Правильно, правильно. – В полумраке его зубы невесело блестят, а вот глаза остаются тусклыми. – Да, Эвер. Я родился настолько слабым, что меня, по возрожденным физальским обычаям, швырнули со скалы. Ну точнее, немного не докинули, нас там было несколько, действие прервали, ну и из жалости меня подобрали на самом краю, когда лицо я уже рассек...

Это почти как очередной дурной сон; безотчетно я даже чуть отступаю, теряю дар речи на пару секунд. Рикус щурит глаза, но не похоже, что он задет этим замешательством. Возможно, быстро представил себя на моем месте и смутился.

– Не смотри так. Гирийские байки правдивы даже не на четверть, куда меньше, просто отдельные люди... – он медлит, – некоторые влиятельные люди все же не видят дурного в избавлении от слабаков. Вроде моего отца. Я родился недоношенным и сразу же, представь, с этим *подарком!* – Он стучит по крупным резцам. – Ему я не понравился, и вот...

– Кто подобрал тебя? – Даже звучит дико. Не верю, что произношу это вслух, и даже не пытаюсь изобразить спокойствие: внутри все перекутило. – Он же? Одумался?

– Гринорис. – Опережая мои вопросы, Рикус добавляет теплее, мягче: – Они друзья и соратники, но его взгляды всегда были другими. В Гирии наверняка говорили о нем иначе... но он делит традиции на славные и недобрые, выкидывание младенцев относит ко вторым. И заставил отца... скажем так, смириться с наличием в довесок к

нескольким здоровым сыновьям и дочерям еще меня. Был моим... кем-то вроде покровителя. Всегда.

Рикус идет дальше, опять сунув пальцы за пояс, а вот я отстал, меня словно схватили за руки мысли. Зачем-то пытаюсь вспомнить... теперь его. Гринориса. Прошлого короля Физалии, сероглазого и густоволосого. Он был венцом красоты нашего народа, но именно ему досталась война, иссекшая, обескровившая лицо. Он был *поэтом* – принадлежал к редкому демосу, отмеченному лирой; славился комедиями на разные сюжеты и шутливыми песнями для солдат. Когда началась война, песнигодились, но метка замолчала навсегда. Я видел его вблизи лишь раз – он поднимался благословить корабль, где служил мой хозяин. И лучше всего я помню в Гринорисе ее – поперечную морщину на лбу, такую резкую, будто боги обвели ее углем. Как ни сложно мне теперь звать Физалию родиной, Гринориса, хотя бы за мужество, я все еще считаю своим королем и не удивляюсь тому, что услышал. Куда больше меня потрясло другое.

– То, что ты смог научиться ходить, – это...

Слова застревают в горле, продолжить не получается. Как же так? И он считает *меня* безупречным. Собранным. Сильным. Он даже не представляет, каким ничтожеством – то чудовищем, то руинами, то треснутой вазой – я себя ощущаю. Теперь я совсем не хочу сообщать ему: «Ты заблуждаешься». Я хочу, я должен сказать что-то более ободряющее вроде «Это удивительно, это сила воли, и никто не смеет упрекать тебя». Но я не успеваю.

– Я не сам. – Рикус медлит, чтобы я его догнал. Грустно улыбается. Догадка проста:

– Они?

Кивок, полный нежности и печали. Усталый. Скупой.

– Это было сразу после войны, Эвер, их – девятилетних Клио и Ардона – привезли успокоить сердца в наше старое поместье. Они бегали в поисках развлечений и секретов, и вот однажды – под вечер, одна – Клио забрела в темную дальнюю комнату, где отец меня держал. Так себе развлечение, но почти секрет! – Он подмигивает так же неестественно, как недавно улыбался. – Хотя я выдал себя сам, знал бы ты, какие ночные истерики с воем и плачем я устраивал, узнав, что в дом привезли чужих детей и что *мой* отец мил и добр с ними: разделяет завтраки и ужины, гуляет в их компании по саду, в то время

как я вижу его раз в... раз в никогда, только если укушу слугу или разобью окно!

Голос Рикуса звенит, кулаки снова хрустят. Он, точно спохватившись, расправляет плечи, и я сжимаю зубы: похоже, отец – это то, о чем он так и не научился говорить ровно. Скорее всего, он и сам знает это: продолжает о другом, снова нежно и словно бы все еще не до конца веря:

– Клио была такой... хаби, что сложно было долго злиться на нее. Приносила мне цветы из сада, рассказывала истории... пусть в основном и жуткие, о войне, не гнушалась натереть мне ноги мазью и даже их размять. А вот с Ардоном оказалось сложнее: он, заметив ее непонятные отлучки, стал ревновать, у него с этим... – Рикус встречается со мной глазами. – Неважно, просто тогда она уже, видимо, была одержима своим принцем, а тут появился еще и я. Но Ардон, думаю, быстро решил, что я ему не соперник. И правильно.

Он делает все больше пауз, кусает губы. Ступил на спорную территорию, это очевидно. Ардон привязан к Клио, похоже, чуть сильнее, чем Рикус. Нет, не так, привязан *чуть в ином* смысле, и боюсь, я знаю причину их с Клио сегодняшней ссоры. Наверное, как-то выплыла правда о ее детской влюбленности, той безнадежной надежде, о которой самому мне тихо, грустно рассказала Орфо, когда мы прощались. Лин... Могу себе представить, как Ардон выбит из колеи. С мертвецами, которых сердце окружает ореолом невероятности, не тягаться даже лучшим из живых.

– И вот они начали потихоньку вытаскивать меня на улицу, хотя я-то давно махнул на себя рукой. – Рикус вздыхает. – Ардон выносил меня, и мы пытались хоть что-то сделать. Всегда с подбадриваниями, всегда как ни в чем не бывало: обопрись вот на эту оградку, дойди вон до того фонтана, хорошо, тогда доползи... – Он опускает взгляд; я невольно тоже. Его ноги выглядят вполне обычными, а мышцы на руках и вовсе литые. – Они не пропускали ни дня. Возились со мной, как с младенцем: я ползал, потом пошел, потом побежал. К зиме я дрался. Даже отец тогда, кажется, не верил, что это все тот же я, а я не поверил, когда он внезапно взял и... обнял меня?

Он медлит. Улыбки нет, а интонация, правда, вопросительная. Губы снова кривятся, от чего-то среднего между болью и

брезгливостью. Заканчивает Рикус глуше, точно параллельно о чем-то тоскливо размышляя:

– Интересное чувство, Эвер. Прожить десять лет, ободрать колени в мясо, обрести панический страх падений и нездоровую любовь к атлетике... и все ради одного объятия. Чтобы в следующую же минуту понять, что больше ты не хочешь видеть этого человека. Никогда.

Качаю головой. Мне одновременно и очень понятно это чувство, и... нет, мысль не оформляется во что-то цельное, зато жжется и колется раскаленным скарабеем за пазухой. У меня нет родителей, и, наверное, я слишком хотел бы однажды посмотреть им в глаза. Спросить, что случилось. Что ими двигало. Был ли у них выбор, разлучаться со мной или нет. И уже потом, может быть, навсегда вычеркнуть эту встречу из памяти.

– Я их очень люблю. – Рикус возвращает меня к реальности, прежде чем последняя мысль превратилась бы в ослепительно болезненную вспышку. Слава богам. – И я выбивался из сил, чтобы стоять рядом с Ардоном... – Снова он чуть улыбается. – Во всех смыслах, ты не представляешь, как мне хотелось быть его другом, да хоть чьим-то другом, если так подумать. Но сегодня я не смог ему помочь, чуть не погиб сам, да еще и вы столько сил...

– Не переживай, пожалуйста, вряд ли все так просто. – Решившись, тесню очередное воспоминание о его загадочной монете в тень. Для него точно не время. – Может, ты и не мог справиться. Я абсолютно уверен, что ты здоров и твоя немощь никогда не вернется, но...

– Роковые силы, коварные убийцы! – Рикус фыркает. Он, кажется, чуть повеселел. Поворот коридора он оглядывает так, будто там может кто-то таиться, кто-то кроме очередной пары целеров. – Вот только даже если так, у слабости нет оправданий, Эвер, по крайней мере у моей. – Он салютует солдатам и снова поворачивается ко мне. – Чудовища, недуги – неважно, но я...

Я должен справиться вопреки всему. Это читается в его упрямом взгляде.

– Каждый, кто говорит себе такое, рано или поздно убивает или калечит себя. Нет?

А ведь это тоже сорвалось само. Сорвалось – и пробрало новой дрожью. Кому и что я объясняю, предрекаю, ему или... Рикус уже

округляет глаза, потирая шею – заползающий на нее край шрама. Видимо, что-то в моем тоне заставило его задуматься. И почувствовать второе дно.

– Ой, хаби. – И все-таки он лишь качает головой. – Ты слишком серьезен. Знаешь?

Не отвечая, просто смотрю на него. Светлый, яркий, действительно похожий на меня и – снова почти лучащийся бодростью. Нет. Я не буду с ним спорить. Я не буду рассказывать о том, как важно беречь себя и признавать свои слабости. Не буду повторять, что любящим людям куда важнее видеть его просто живым, чем безудержно, бесконечно сильным. Не буду.

С пониманием всего этого проблемы у меня самого. Да и у Орфо.

– Ладно, вот и моя дверь, доброй ночи. – Оказывается, я проводил его до гостевых покоев и сам не заметил. Он уже аккуратно поворачивает в скважине ключ.

– Доброй. – Кажется, есть еще немало, о чем я бы спросил у него... но главное так и останется замолчанным, пора вовсе вычеркивать это из разума. Куда важнее другое. – Надеюсь, ты не против был поговорить. Пусть даже о таком.

Рикус снова одаряет меня улыбкой и качает головой:

– Нет, что ты. Ты, мне кажется, заслуживаешь доверия. А я даже спать захотел...

Тут он отвлекается, чтобы зевнуть и потянуться – долго, шумно, с удовольствием. Монета, выглянувшая из-за ворота, снова сверкает, качаясь и дразня. Спроси. Спроси же про меня, давай. И я колеблюсь, в конце концов, лучший способ вычеркнуть что-то из разума – сначала как можно четче это там нарисовать. Облизываю губы, почти решаюсь, но Рикус опережает меня снова: опустившись на пятки, прячет талисман. После чего оживленно сообщает:

– У вас, кстати, много общего с ним. В лучшие его времена. Так что я... рад? Пока!

Он договаривает уже из-за закрывающейся двери. Шепотом, который можно принять и за шум прибора. Или за ветер. Или за обман сознания. Не успев переспросить, не найдя слов, я лишь провожаю макушку Рикуса отчаянным взглядом, а когда ключ проворачивается с той стороны, покорно иду по коридору назад.

Даже боль в теле не отвлекает достаточно; приходится отбиваться от услышанных фраз раз за разом, но они упорно крутятся в голове. Задумчивые. Почти растерянные. И будто бы таящие в себе попытку ободрить. Рикус про... Ардона? Или Гринориса? Не про своего же отца?

Луна все еще розоватая. Ноги заплетаются, на сердце тревожно, синяки и мышцы ноют все сильнее. Но возле двери Орфо я расправляю плечи и с усилием улыбаюсь, как если бы она наблюдала за мной. Глупо... но мне это важно. Я хочу быть таким – собранным и сильным; если не ради нее, то хотя бы под скучающими взглядами богов. Может, Рикус и прав хоть немного. В конце концов, я выстоял против Илфокиона, я победил его и даже обезоружил, что в любой другой день вряд ли бы произошло.

Жаль, мои бои с собой куда тяжелее. Враг, отражающийся в зеркалах, все еще сильнее меня.

5. Струна страха. Орфо

Я едва узнаю наш замок. Он словно провалился в прошлое.

Делегации, видимо, прибывали с рассвета: разговоры и переклички, конское ржание, скрип колес – все это я слышала еще сквозь предутренний сон, но не проснулась. Видимо, мое тело накрепко вцепилось в шанс наконец-то, впервые за несколько дней и ночей, по-настоящему отоспаться. Без снов и даже почти без тревог.

С тревогами, конечно: на краю сознания постоянно маячили мерзкие тени то дневных событий, то грядущей коронации, то чего-то еще, грязно-неопределенного и жуткого. Но пробиться в мой крепкий сон все это не могло, только прошибало иногда ознобом или мелькало стремительными росчерками перед сомкнутыми веками.

Я проснулась полная сил и почти полная надежды – а потом, глянув в окно, вдруг увидела на пляже *людей*. Много, разного возраста, по-разному одетых, но одинаково взбудораженных – и они испугали меня. Я внезапно вспомнила последние месяцы войны, когда толпы горожан раз за разом вливались в главные ворота замка, и доходили до сада, и топтали его – не добираясь лишь до моих укромных уголков у дальней стены. С пляжа они тоже кричали, зная, куда выходят покои правящей семьи, – эти крики были самыми гневными, самыми обидными.

Я не заметила, что впилась в подоконник и подалась назад, а щеки загорелись – как в детстве, когда мне было одновременно и страшно, что меня убьют, и жалко Лина, и стыдно за всех нас. Но наконец я выдохнула, пригляделась внимательнее и поняла: этим людям вообще не до меня. Они либо прогуливаются, либо сидят на песке, либо даже плавают. А одеты они... действительно слишком по-разному, чтобы быть просто жителями Гиргамоса.

Это были наши соседи. Гости.

Желтолицая девчушка в красном кимоно бежала по кромке воды и тащила за собой, высоко в воздухе, на веревке, аляповатого бумажного дракона. Компания аккуратных игаптян в мужских версиях платья Клио завтракала на расшитом священными кошками покрывале. Несколько физальцев – точно, в белом и блондины! – в стороне

тренировались, бились на трезубцах. Были синелицые жители Хиды, самой южной и лесистой страны континента. И темнокожие островитяне, все в алмазах и серебре. И гирийцы, чью принадлежность к дальним регионам выдавали то ярко-фиолетовые туники в россыпях звезд, то не по сезону теплые накидки на меху. Страх сменился недоумением... а потом я посмотрела на часы.

Десять. Боги, сколько я проспала?!

Все дальнейшее я делала в спешке: мылась, наряжалась, причесывалась. Я чудовищно злилась, и на себя, и на боги знают кого, кто мог бы меня разбудить. А действительно, кто? Будь папа здоров, конечно, он бы растормошил меня вовремя. Будь жив Лин... о, даже он бы, возможно, сжалился, он не любил позориться перед иностранцами. Еще это мог бы быть Эвер... но мысль о нем я отбросила быстрее всего. Я надеялась, что Эвер тоже отсыпается. Я хотела этого, потому что накануне под вечер он совсем валился с ног и у него уже опухли синяки.

Гости оказались на патрициях – боги, храните патрициев! В беспамятстве Трех Кошмарных Дней я, как оказалось, не только написала все нужные приглашения, но и доверила киру Мористеосу бездну дел, связанных со встречей делегаций и организацией мероприятий. Предоставила списки – людей, блюд, напитков, приветственных даров, комнат с лучшими видами и условиями! Предложила примерный набор промежуточных развлечений! И даже, невероятно, подробную программу на завтрашний... завтрашний...

Ритуал очищения. Ох, тот самый, с углями и ядом, когда по первым я пройду, второй выпью, ну а все будут наблюдать, угощаясь легкими закусками, непременно включающими креветки, клубнику и сыр. Не желая думать об этом, я пялилась на кира Мористеоса козыми глазами, а он как ни в чем не бывало уважительно перечислял то, что я ему поручила, пояснила, подчеркнула, сосчитала. Периодически он добавлял: «Достойное уважения внимание к деталям, особенно учитывая ваше состояние, принцесса!»

Кир Мористеос с его твердыми чертами лица, длинной треугольной бородкой, взглядом паука-людоеда и улыбкой добродушной лайки – один из самых умных папиных патрициев. Мягким он никогда не был, но мы поладили, когда в нем я нашла полную поддержку своему желанию примириться с физальцами.

Может, все дело было в его так и не прервавшейся – даже в войну – дружбе с королем Гринорисом. Может, в том, что даже метка у них была общая – лира, эти двое писали друг другу письма стихами! Так или иначе, теперь он лучился гордостью и восторгом по поводу моих талантов правительницы, а мне искренне казалось, будто он повредился рассудком. Я *не могла* дать все те распоряжения и составить списки. В раздиравших меня снах я имя-то свое вспомнить не всегда могла и хорошо, что ни разу не сходила под себя. Я более-менее помнила только, как писала – и диктовала, если силы совсем оставляли, – приглашения. Ну и как царапала свое лицо, то во сне, чтобы проснуться, то наяву, чтобы не отключиться.

Так или иначе, кир Мористеос уверил меня, что этим днем – до вечернего дипломатического ужина – я могу распоряжаться как вздумаю, готовиться без оглядок, ну а гостей займут. Кого-то свозят на морскую прогулку, кого-то поведут к мемориалу, кто-то захотел на охоту, а кто-то уже нашел досуг, нежась на пляже и нюхая мои цветы. В конце концов, ко мне прибыли вечно занятые проблемами собственных земель люди. Которые рады любому поводу отдохнуть и вовсе не горят желанием сразу вступать в новые игрища. Но меня здорово смущало, что я не приветствовала каждого по приезду, как неизменно делали и мама, и папа с Лином... с другой стороны, к ужину подтянутся последние. Поприветствую всех сразу. И плевать, пусть запомнят королеву Орфо как Королеву, Которая Вечно... Дрыхнет? Или какое там слово любит Скорфус? Да, точно, Королева, Которая Вечно Дрыхнет. Напоминает о том безумно красивом персонаже-недотроге – принце, воине, поэте?.. – уколшемся чьим-то волшебным веретеном и надолго уснувшим. На радость всем, кто днями и ночами мечтал хоть раз его поцеловать и, кажется, не только. Кстати, одна из самых жутких гирийских – или физальских? – сказок.

Раз я так сплю, может, усилить на этаже охрану? Впрочем, куда еще? С появлением гостей ее стало больше *еще* вдвое, а покои отца просто наводнились медиками и солдатами. Его стерегут. И надеюсь, гости не сделают из этого какие-то свои, лишние выводы, ведь в письмах я написала почти правду: что папа сильно пострадал – на *прогулке* – и вряд ли с ними встретится.

Меня позвали завтракать Клио и парни – прямо в их покоях, на балконе. Дверь Эвера оказалась заперта, с утра его никто не видел, и я

сделала вывод, что он правда заспался. Такое предположил и Рикус, хотя откуда ему знать? Уточнить я не смогла: завтрак прошел... странно, еще тревожнее, чем даже вчерашний обед после падения из окна. Лохматая Клио с красными, как у кролика, глазами почти не смеялась; лицо Рикуса отекло, будто он очень мало спал, а Ардон... Ардон раз за разом забрасывал нам на тарелки такие куски еды – то хлеба, то сыра, то запеченной птицы, – будто надеялся всех нас этими кусками убить. Мы разговаривали сквозь зубы, любые темы сразу увядали, и в конце концов я устала играть в душу компании. Может, все они встали не с той ноги. Может, «переспав» со вчерашним ужасом и наконец осознав его, передумали со мной дружить, по крайней мере, пока я не разберусь с монстрами и окнами. А может, просто чувствовали, что и во мне все сильнее натягивается струна страха, с которой я уже еле-еле борюсь.

Когда мы встали и вместе собрались вниз, Клио, как мне показалось, почти решилась что-то спросить. Парни отошли в соседнюю комнату, она робко взяла меня за руку, заглянула в глаза, открыла рот... но замолчала: Ардон вернулся. Тихо, прямо, смотря ей в лицо и явно не стесняясь меня, спросил: «Будешь с кем-то танцевать на завтрашнем обряде?» – «Нет», – одними губами отозвалась она, Ардон мрачно кивнул и первым вышел в коридор, где тут же вступил в беседу с часовыми. Ладонь Клио выскользнула из моей и сжалась в кулак, и вот тогда я начала что-то понимать. Это я. Я опять все испортила. То ли наш вчерашний разговор о Лине подслушали, то ли, открывшись мне, Клио решила открыться и друзьям. Боги...

«Потанцуй со мной, если я не сожгу все пятки», – как можно веселее разрешила я. Вообще все это глупость: завтрашние танцы – это не то, что на обычных вечерах. Они не парные, гости, конечно, берутся выборочно за руки, но обычно танцуют толпой, формально пытаюсь попасть в тот ритм, который им задает пирриха – танец с оружием, начинаемый коронуемой особой. То есть мной. Я должна была танцевать в паре с отцом, но теперь буду одна, потому что *король или никто*. Клио поблагодарила, посмеялась, но покачала головой: ей сейчас явно не до танцев. А едва взяв ее за руку сама, я почувствовала между нашими ладонями небольшой латунный ключ. «Спасибо и за это», – шепнули ее губы. Ключ от покоев Лина она получила вчера после ужина и провела там где-то полчаса. Я знаю это точно:

несколько раз, осторожно заглядывая в приоткрытую дверь, видела ее свернувшейся клубком у Лина на кровати.

Она кивнула на вопрос, все ли в порядке, – и мы спустились в сад. Физальцы сразу нашли свою делегацию, державшуюся настороженной кучкой, и отправились узнавать, как дела дома; я увязалась для скованного приветствия, после чего, поняв, что мне не рады, сбежала – якобы контролировать подготовку к вечеру. Какое-то время я правда наблюдала, как к пруду выносят столы. Рядом готовили пространство для танцев и помост для музыкантов. Я предпочла бы тот чудесный, папин любимый оркестр, играющий на стекле и воде, но мои представления о ритуальности отличаются от общепринятых. Да и вряд ли я сплясала бы пирриху – танец силы и готовности к бою – под эти нежные переливы, для нее действительно нужны дробные удары буковых барабанов и устричных кастаньет, грозная песня раковин и игривые переливы флейт.

Поизображав надсмотрщика, я вернулась в цветущую часть сада, к гостям, но по-прежнему не была нужна и там. Клио как ни в чем не бывало ворковала со всеми этими одетыми в белое молодыми мужчинами – физальскими нобилями, одинаково белокуроыми, одинаково небритыми, одинаково подтянутыми и одинаково красивыми. Она явно взяла себя в руки: словно старалась сиять за троих и, надеюсь, вещала о том, как у нас хорошо. Увы, ее собеседники не сияли, хотя и слушали с вниманием. Какое-то время, топчась в стороне, я разглядывала их и пыталась представить девять лет назад. Получалось легко: у всех мужчин были на лицах или руках шрамы, походка и подергивание головы одного выдавали взрывную контузию. Он посмотрел прямо на меня и вроде даже улыбнулся. Я вернула улыбку, но скорее отвернулась, не понимая, чего во мне больше, горечи или страха. Нет... не нужно грызть себя, Эвер прав. Там, в прошлом, я мало кому и мало чем могла помочь. Зато за мной будущее. И плевать, плевать, что ни Гринорис, ни Арэстэс, даже принцесса... королева Лэлэйя не приехали, хотя я и им писала лично, вот этими тогда еще трясущимися окровавленными руками. У них-то точно есть дела важнее.

Я заставила себя отвлечься: на беседы со всеми другими гостями, кто меня узнавал. Таких было не очень много: я пренебрегла венцом, почти пренебрегла даже кольцами и только слины разумно заменила на

синее платье. В который раз вспомнила очередное свое уродство, обнаруженное вчера с Эвером, и поняла, что оно кстати. Не знаю, как среагировали бы гости, увидев мою исцарапанную рожу, поломанные ногти, следы одновременно удушья и поцелуев на шее и прочее. А так я, наверное, показалась хоть кому-то симпатичной. Ну разве только невыспавшейся и печальной: понятно для любящей дочери, чей отец борется за жизнь.

Про отца я опять говорила почти правду – понимая, что запутаюсь во лжи, и вдобавок опасаясь наткнуться на меченного весами. Да, у отца пять серьезных ран; нет, никто не угрожал ему, или, по крайней мере, я не знаю; да, преступников ищут; да, у него есть шансы выжить; нет, повидать его нельзя. Пока что. Но можно будет приехать в гости снова. Правда. А еще можно куда-нибудь позвать нас, мы любим путешествия! Боги... как унижительно, я будто побиралась.

Сейчас уже нет сил общаться с гостями, да и число их поуменьшилось: кого-то доконала жара, кто-то отправился за развлечениями. И все же... ощущение, будто я в далеком прошлом, накатывает каждый раз, как я замечаю рядом чужих. Конечно, в последние годы в замке бывали гости. Гирия снова торговала с миром, папа постоянно увеличивал круг друзей и на каждый праздник кого-нибудь приглашал. И все-таки... столько гостей, и гостей разных, приезжало, только когда я была маленькой, а мама – нормальной. И живой. После конфликта с Физалией нас посещали словно бы с опаской; редко с детьми, зато почти всегда – с огромными отрядами. Я знаю это чувство – когда ждешь подвоха от кого-то, кто находится рядом, но воспитание, расчет или жалость не дают ни сказать об этом, ни отойти подальше. Его трудно скрыть. И определенно, оно отвратительно визжит о себе, когда ты сам регулярно «забываешь» пригласить этого кого-то на значимое событие – свадьбу, погребение, спортивное состязание, парад.

Не хочу думать об этом. Не хочу думать ни о чем. Остается только осторожно растить в голове надежду – что я стану той королевой, к которой будут ездить, которую будут звать на другой конец света, от которой не будут ждать убийств и сумасшествия. Ну... с последним я перегнула, ладно. Сумасшествия ждать будут, как бы хорошо я ни правила и какой бы чудесной ни казалась. Я же волшебница. И вдобавок мою репутацию подмачивает еще момент – то, что я

коронуясь одна. Правила позволяют мне искать достойного мужа еще четыре года, прежде чем на меня и Гирию посыплются болезни и неурожаи, но проблема не в Правилах. Не совсем в них.

Просто я не представляю, сейчас уже совсем не представляю, за кого хотела бы замуж. Кроме Эвера. Ну разве что Скорфус бы правда превращался в человека... Боги, нет, это все равно не то, и вчерашнее... вчерашнее дало мне понять, что я не хочу даже развлечений и экспериментов. Даже с человеческой версией моего кота. Нет. Нет, ничего и никого, кроме...

Я не замечаю, как обогнула пару башен, как последние голоса стихли – и как я оказалась в своем закутке. Я настолько ушла в себя, что узнаю его лишь по ландышевому запаху и тени. Глубоко вдыхаю. Бегло оборачиваюсь, чтобы убедиться: старые кипарисы надежно спрятали меня от чужих глаз. Никто за мной не пошел. Возможно, никто вообще не заметил, что я пропала. Особо интересным собеседником я не была, в основном произносила в произвольном порядке: «Как у вас дела?», «Нравятся ли вам ваши покои?», «Надеюсь, вы хорошо добрались?» и «Я ужасно волнуюсь, но ваш приезд меня очень поддерживает». То-то чувствую: во рту пересохло. Я попила бы даже из фонтана, но ближайший фонтан далеко. Ладно... все равно. Жара утомляет и меня; скоро вернусь в комнаты и по пути поплюю в атриуме. Как животное. Всем на радость. Возможно, даже сунув голову в воду. Пока же...

Привет, мои цветочки, как вас много. И как мне нравится ваш аромат, вы – мое убежище. Вы бы знали, сколь о многом мне напоминает. Например, о том, как я впервые за омерзительный год почувствовала себя в безопасности. Жестоко... Это ведь было даже до встречи с Эвером. Это было в день после того, как не стало мамы. Я лежала на постели в своей комнате, с плохо заживающим носом, и мне принесли целый букет вас, еще из леса. Я прятала среди вас лицо, плакала от горя и одновременно думала о том, что больше никто никого не тронет. Никто. Никого. И я уже тогда поняла: отныне вы будете со мной. Перелом зарастет, и я почувствую ваш запах нормально.

Все-таки хорошо, что меня никто не видит. Хорошо – ведь опустившаяся было на колени, потянувшая к ландышам руки, я сама не замечаю, как падаю в траву – просто падаю, почти ничком, и

утыкаюсь в душистые белые соцветия, чувствуя себя Гестет в объятиях Зируса. В голове предупреждающе искрит: ландыши ядовиты. Даже спать в одной комнате с их букетом не стоит, не говоря уже о том, чтобы ткнуться носом в цветочную гущу.

Плевать. Это лишь удобное оправдание, но ведь, возможно, послезавтра я умру. Могу я понюхать собственные цветы?

Могу. Конечно. И даже блеснуть парой печальных метафор – о том, что ландыши останутся после меня, а то и сохранят мое дыхание. Я бы наверняка сделала это, будь рядом Эвер, я уже заметила: с ним на меня находит просто удивительное вдохновение. Нет, не то чтобы *вдохновение* – ни по демосу, ни по призванию я не творец. Мне вообще все это неблизко – сидеть и что-то выписывать, вырисовывать. Я не думаю красивыми образами, куда чаще – словами, которыми не делятся с приличными людьми. Такая сказка среди наших – или игаптских? – тоже была: про девушку, которая выращивала самые прекрасные цветы в королевстве, но никак не могла найти ни мужа, ни друзей, потому что стоило ей заговорить, и изо рта выпадали жуки и жабы. И все же рядом с Эвером мир кажется мне красивее. Или просто лучше находятся слова.

Мыча что-то самой мне непонятное, пригребая цветы ближе. Точно надеюсь их обнять – хотя мелкие белые чашечки возмущенно стучат по коже, норовя вынырнуть из-под рук. Ландыши хрупки и капризны, я для них слишком груба, и вдобавок пора бы, наверное, спохватиться. Что, если кто-то все же придет? А я лежу вот так. Как не лежу даже пьяная. Головой в...

Что-то мягко пружинит об спину, а потом над ухом знакомо мурлычут:

– Эй. Человечица. Ты умерла или в тебе проснулась священная хидская корова?

Когти, все... двадцать восемь?.. проходятся по лопаткам, и неожиданно это почти блаженство. Еще неожиданнее – острое чувство без внятного имени, что-то между радостью, благодарностью и беспокойством. Та самая струна внутри меня снова звенит. *Удивление*. Вот что ее дернуло.

Скорфус все топчется, наминая мне спину, урчит, а я не подаю признаков жизни – ну, кроме вялого мычания. Украдкой борюсь со спонтанной мыслью, которую могу объяснить разве что нервами: он...

он как-то избегал меня в эти два дня, нет? Мы говорили значительно меньше, чем обычно; утром – и вчера, и сегодня – его корзинка была уже пуста. Он и не поужинал с нами, и, ложась спать, я оставляла окно открытым, потому что он еще не вернулся. А возвращался ли ночью? Или это я правда все надумываю? Надеюсь, что так. С другой стороны... я волшебница. И большая часть моих надумываний, особенно самых дурных, рано или поздно сбывается.

Решившись, резко переворачиваюсь на спину – чтобы успеть поймать вспорхнувшего Скорфуса за бока и потянуть ближе. Передними лапами он упирается мне в грудь, наши взгляды встречаются, и буквально секунду я, кажется, вижу подтверждение своим опасениям. Но секунды мало: желтый глаз знакомо загорается нахальством, потом сужается, и Скорфус, урча втрое громче прежнего, лижет меня в нос шершавым, слишком длинным для кота языком.

– Боги, фу! – Обиженно разжимаю руки, и он тут же довольно взмывает повыше.

– Обидно. Могу поспорить, если бы тебя лизнул двуногий... – закатывается он.

– Пошел ты! – Но щеки предательски заливают краска.

Он все хохочет, хлопая крыльями и пикируя надо мной ехидной, закопченной совой-переростком. Не вставая, пытаюсь поймать хоть кончик его хвоста, но хвост, как обычно, живет своей жизнью. Солнце бьет в глаза, на небе ни облачка. Все вроде... нормально? Обычно? Да, наверное, я просто себя накрутила; если подумать, насчет Скорфуса я накрутила себя, еще когда он приболел после допроса. Может, я просто слишком дорожу им и слишком привыкла к его компании. Может, все так совпало: видя, сколько сложностей у меня то с физальцами, то с Эвером, Скорфус осознанно старается не оттягивать мое внимание на себя. Может...

– Иди сюда, – зову я, снова протянув руки, и на этот раз он сам усаживается мне на грудь. – Я соскучилась, знаешь?

Не знаю, увидит ли он в словах намек, не знаю, не заявит ли, дразня меня: «А я нет». Просто говорю что думаю, напоминая самой себе о возможном обратном отсчете жизни. Улыбаюсь. Почесываю его за ухом и под подбородком, а другую руку подкладываю себе под голову. И справа, и слева белеют теперь соцветия ландышей, но их запах я замечать почти перестала.

– Чем занималась? – спрашивает он, лениво лизнув лапу. – Подмазывалась ко всем этим нарядным недоразумениям?

– Вроде того. – Пожимаю плечами. Нет смысла это отрицать. – Надеюсь, успешно, хотя с тобой в роли воротника вышло бы лучше, все любят котов. Чем занимался ты?

– Летал... – откликается он неопределенным, задумчивым тоном. – В целом... наверное, можно сказать, что *вынюхивал*. Все, что воняет.

– И что нанюхал? – Не так чтобы мне нужны пояснения. Хоть бы новости о папе...

– Сильно перележавшую сырную голову в одном из подвалов! – кисло хохотнув, сообщает он, и задумчивость враз сменяется прежним ехидством. – Человечица, слушай, следи повнимательнее за замковыми припасами! А то у тебя все перемрут без мора.

– Эй! – Вот на эти претензии у меня ответ точно есть. Ухмыляюсь, закладывая под голову и вторую руку. – Вообще-то, не тебе ругать меня за неорганизованность! Я знаешь, что сделала, пока лежала с кошмарами? Я ухитрилась организовать все вот это, что ты видел!

Полоска шерсти над его глазом приподнимается в недоумении, и я не без удовольствия пускаюсь в объяснения:

– Ну, прием гостей... то, что они расселились... что они поели и что их развлекают, и вечерний дипломатический...

Я осекаюсь, заметив, как расплывается в ухмылке его рот. Что? Не успеваю спросить: глаз опять вспыхивает, хвост ловко щелкает меня по носу, потом по лбу, и, наконец, Скорфус начинает по новой хохотать, заливисто и громко. Пушистые бока и грудь раздуваются, голова дергается, а хвост теперь просто пляшет в воздухе. Не понимаю веселья, но что-то передумываю продолжать. Опять тщетно охочусь за этим хвостом, пока наконец он сам красиво не оплетает лапы.

– И ты прямо *помнишь*? – наконец уточняет Скорфус вкрадчивым тоном, склонив голову. – Как ты все это планировала и отдавала приказания?

– Э-э-э... – Возвожу взгляд к небу, потом снова обращаю на его морду. Она уже просто лучится язвительностью. – К чему ты ведешь? Я плохо понимаю. Я...

Скорфус наклоняется вплотную и насмешливо касается носом моего носа, обрывая на полуслове. Фыркает, когда фыркаю я. А потом

начинает тихонько, нараспев перечислять:

– Комнаты в восточном флигеле выходят на сад, стоит поселить туда делегации из Ийтакоса и с Дикого континента, если последняя почтит нас присутствием. Физальцам отведите лучшие покои с видом на море и обязательно, обязательно верните им те «трофейные» золотые трезубцы с амазонитами, что незаконно вывезла из Викимара королева Валато. Утройте охрану отца, любопытные наверняка будут. И думаю, нужно срочно, срочно замачивать смокву в меду, чтобы испечь на первый дипломатический ужин тот пирог, которым так славится наша земля!

Он делает довольно театральную паузу, в которой снова отстраняется, чтобы лизнуть лапу. Но мне больше не нужно ничего объяснять. Странно, что я не разинула рот, как жаба.

– Так это был ты? – Я едва не подскакиваю, остаюсь лежать, только потому что боюсь его спихнуть. Но голова кругом. – Ты все... – сбиваюсь, запинаюсь, – мне... за меня...

Такое ощущение, что, даже пялясь на Эвера, я краснела меньше, – не говоря о фатальной разнице в ощущениях. Просто... просто... В мозгах не укладывается, не получается даже нервно смеяться! Нет, среди наших сказок есть даже такая – про бедного пажа, который остался единственным слугой свихнувшейся королевы; вроде та обещала съесть его за несделанную работу по дворцу. Когда она, совсем проголодавшись, завалила его срочными поручениями вроде чистки домохода, выпекания хлеба и штопанья платьев, паж позвал на помощь всех замковых мышей, тараканов и сов. Но как минимум их было много и это сказка! А я...

– Да нет, конечно! – смеясь, заверяет он, и я снова чувствую прохладное прикосновение его носа. – Не поверишь, но у тебя скопилось тут немало друзей. Некоторые, правда, сидели под замком, зато некоторые...

– Эвер тоже причастен к этому? – Сержусь на себя, но уточнить это мне важно. Не только потому, что я, кажется, совсем пропала всего-то за пару дней и меня уже не спасти. – Он как-то не удивился, когда я сказала, что коронация через...

– Да, конечно, и он тоже. – Скорфус задумчиво щурится. – Ведь он тут у вас когда-то неплохо ориентировался, и его многие в целом слушаются даже сейчас. Ну а по каким-то общим вещам вроде «чем

дипломатический ужин отличается от просто ужина»... тут, конечно, помогла принцесса Клио. И эти ее два, пирожок и ослик.

Ослик... и все-таки Скорфус чудовищен.

– Никто и словом не обмолвился. – Решаю все же пока его не одергивать. Но если скажет такое при Рикусе, оторву не только хвост.

– Как-то не было поводов прихвастнуть. – Скорфус снова распрямляется и быстро чешет ухо задней ногой, надеюсь, никого на меня не страшнув. – Все то падали из окон, то что-то еще.

– Спасибо, – выдыхаю я и снова пытаюсь притиснуть его к себе. На этот раз он не так чтобы противится, даже не фырчит. – Ох, Скорфус. Я так тебя люблю.

От слов он чуть вздрагивает, вздыхает и впивается когтями в мое плечо. Не больно, но заметно, а я не понимаю, что это значит. «Отпусти, раздавишь»? Или все-таки «Я тоже»? Но вроде бы он не вырывается, даже не шевелится, а только, немного помедлив, шутливо интересуется:

– Говоришь это, потому что боишься откинуться?

– Говорю потому, что говорю. – Разжимаю хватку, давая ему отстраниться. Мы снова смотрим друг на друга. – Хотя с чего бы мне врать, Скорфус? Конечно, я ужасно боюсь.

Боюсь – поняла это, общаясь с гостями. Боюсь – нет, поняла намного раньше. Боюсь... и не потому, что не доверяю обещаниям Эвера; скорее потому, что вижу, как много вещей уже никогда не станут прежними. И просто не понимаю... почему даже беды с Физалией кажутся мне поправимее творящихся с ним? Эта его измученность, его... видения, сны, приступы? Я ведь замечаю, что иногда становится с его лицом, с движениями. Он будто промерзает насквозь, его плечи сжимает стоящее за спиной невидимое чудовище. Ему плохо. Плохо, как бы он ни скрывал. И из его памяти никогда не сотрется правда о том, кто, кроме него самого, в этом виновен.

– Вчера мы с Эвером... – Впрочем, я сразу осекаюсь. Не потому, что Скорфус опять многозначительно играет бровью, явно догадываясь о примерном продолжении. Просто не подбираются слова, и я оставляю их себе. – Неважно. Лучше расскажи, а как он среагировал, узнав, что я решила перенести коронацию?

– Никак. – Скорфус потягивается, все так же сидя на мне. Голос звучит буднично. – Он ведь тоже боится за толстого короля. Он

понимает, что тобой движет и каковы Правила. Он...

– Как думаешь, я умру? – обрываю, прежде чем осознала бы это.

Впору дать себе затрецину: таких вопросов я точно задавать не должна. Но я малодушна, надеюсь ведь услышать что-то вроде «Ой, да конечно нет, у вас все отлично, раз вы уже целуетесь». Я готова даже к «О-о, а я *видел*, что было вчера, и думаю, все пройдет гладко!». Я не верю в это сама, я знаю: кроме боли Эвера есть еще моя неистребимая вина. Немалая – все большая, пожалуй, – часть меня считает, что он... он не должен меня прощать. Что на его месте я, привыкшая быть здоровой и полной сил, а плохие сны видящая лишь под алой луной, вряд ли бы простила такое превращение в... сломанную игрушку? Но ведь и эта часть тоже хочет жить. И чтобы выжил отец. И чтобы не начала разваливаться страна.

Как и любая трусость, эта наказывается: Скорфус слишком долго молчит. Уже по этому молчанию ответ можно угадать, а бесцветный тон добивает меня окончательно:

– Я не знаю, человечича. Все сложно. Даже сложнее, чем ты можешь себе представить.

– Он что-то говорил тебе? – Голос предательски падает, горло сжимается. – Да?!

Я резко сажусь, тут же охнув от колотья в висках; Скорфус спрыгивает в траву. Взгляда он не отводит, но вид все еще невеселый. Он снова медлит, точно что-то взвешивает. Я кусаю щеку.

– Нет, нет, расслабься, – наконец откликается он. – Двуногий не разговаривает со мной о чувствах, тем более к тебе, да что там, он вообще неразговорчив. Просто... – Скорфус прикрывает вдруг глаз; по морде пробегает что-то вроде судороги. Ясно, я безнадежна. И отвратительна? – Ох, человечича. Отстань. Не трави душу. Молись и делай то, что должна.

«Молись и делай то, что должна». Типичный гирийский девиз. Горько улыбаюсь, киваю, начинаю массировать себе голову. Она все-таки заныла из-за ландышей и зноя. Ничего, сейчас пройдет.

– Знаешь, что убивает меня еще сильнее, Скорфус? – помолчав, снова обращаюсь к нему я. Он, успевший завалиться набок, вопросительно приподнимает голову. – Эвер... если я все-таки погибну, он ведь будет винить себя. Потому что... вот в день, когда ты болел, а мы ходили к памятнику... он пообещал мне...

Скорфус роняет голову в траву снова. Я замолкаю, сама не понимая, почему заикаюсь.

– Тебя что, правда волнует еще и *это*? – после паузы спрашивает он с еще более странной интонацией, чем все прежние. Почти с отчаянием. – *Сейчас*? Ну... что его окончательно накроет из-за твоей смерти?

– Накроет?.. – Срываю травинку, растираю в пальцах. – А. Опять твои долбаные иномирные слова. Но да. Я не хочу, чтобы он винил себя, если ты об этом. Потому что наш замкнутый круг вины и обиды должен как-то разомкнуться. И поцелуев тут мало.

– Круг, – повторяет он сквозь зубы и опять устало жмурится. – Хорошо сказала. Да.

Я благодарна ему за то, что дальше он снова замолкает. Что не спрашивает: «Ты что, любишь его вот настолько?» и вообще не произносит слова «любовь», ни шутливо, ни серьезно. К этому слову – ну, в том самом смысле – не до конца готова я сама. Точнее, не могу разрешить его себе и не уверена, что смогу. Да я уже даже жалею, что сказала «люблю» Скорфусу, разве этим словом я не обязала его к чему-то? Спасать меня. До конца дней. Моих.

Опустившись на бок, тяну руку, чтобы почесать Скорфусу живот, потом подбородок и ухо. Он почти не реагирует, хотя обычно просто растекается от этого. Струна внутри снова дрожит, но я старательно игнорирую ее и как можно бодрее спрашиваю:

– Ну что... позаботишься о них обо всех, если завтра недосчитаешься меня?

Он медленно открывает глаз. Но молчит в этот раз совсем недолго.

– Я лишь кот. – По тону похоже скорее на «тебе конец». Приходится сглотнуть очередной ком. – Выбери кого-то понадежнее, пока не поздно.

– Ну... я не знаю, как поступит после моей смерти Клио. – Глажу его по затылку, но он не урчит. Может, чувствует, что пальцы дрожат? – Скорее всего, сбежит, как и все остальные гости, – опять запинаясь, ощущаю себя утопающей, вцепившейся непонятно во что, – но у тебя ведь останутся еще Эвер на какое-то время и патриции, особенно кир Мористеос... – Удивительно, как теперь сложно выталкивать слова из горла, но я должна, должна показать, что я в порядке и вовсе не в шаге

от предательских слез. – Кир Мористеос всегда мне нравился, почти уверена, что отец назначил его одним из преемников, он вообще славный и...

– Человечица. – Мотнувшийся хвост резко прикрывает мне рот. Взгляд Скорфуса обжигает чем угодно, но не весельем. – Замолчи. И выключи этот ужас в глазах. Пожалуйста.

Он дергает ухом. Послушно не продолжаю; вздохнув, убираю руку, но мы так и лежим лицом к лицу, смотря друг на друга. Что-то не так. К моей шее, ушам, щекам опять приливает краска – я ведь только сейчас понимаю, как все звучало и что Скорфус может чувствовать. Я так пекусь об Эвере, который вообще-то, может, даже и выдохнет немного после моей смерти... ну, та его ожесточенная часть, которая все еще считает такой исход справедливым. А что почувствует Скорфус, у которого нет ожесточенной части? Который был рядом все эти четыре года, который помогает мне сверх всякой меры, с которым у нас планировалось общее будущее?

– А хочешь... – и кто тянет меня за язык, но несколько безумных мгновений это кажется очень хорошей идеей, – я оставлю указ, по которому власть перейдет к тебе, хотя бы соправительство? – Мысль пьянит простотой, прозрачностью, соблазном сбросить хоть один груз и, возможно, спасти папу. Я подаюсь ближе, пристально следя за его непроницаемой мордой. – Ну... почему бы нет? У тебя есть мозги, а боги вообще-то нигде не прописали, что только люди...

Не удастся закончить: на этот раз хвост быстро бьет меня по щеке, легонько, но болезненно, – и я послушно смолкаю, поняв смысл этого удара. И устыдившись еще больше. Я... я что...

– Так, очнись. – И все-таки Скорфус, к моему облегчению, наконец снова улыбается. – Я на это не подписывался. Королевский кот – да, король – нет, не говоря уже о том, что я не собираюсь жениться и заводить потомство, а без этого в вашем деле никак. – Он тихо вздыхает и щурится. – Хм. Не видь я, что творится с твоей крышей, я даже решил бы, что ты издеваешься.

– С крышей?.. – От горечи в его тоне мне и самой как-то... горько?

– Неважно. – Одним плавным, перетекающим движением он садится, вторым – раскрывает крылья.

Надоело, ясно. Я тоже нехотя сажусь и заставляю себя встретить его взгляд. Я боюсь всего, что могу услышать, боюсь всего, что только что заявила, боюсь... этой новой, унылой, еще более неадекватной, чем прежняя, себя. Что со мной? Может, боги предупреждают, чтобы я даже не пробовала подходить к трону? Лишают последних мозгов? Но что тогда мне делать, кому его отдавать? Кому, если даже мой кот, мой *долбаный* кот с амбициями башенного размера...

– Слушай, человечца. – Может, Скорфус что-то читает в моем взгляде. Улыбается он уже теплее, и я тоже растягиваю дрожащие губы. – Выше нос, ну? И давай без опрометчивых выходов, в том числе с преемниками. Возможно... – он переводит взгляд на ландыши, трогает лапой ближний, наблюдает, как цветки тихо качаются, – есть способ немного повлиять на правило безгрешности. Точнее... подстраховаться. Но я должен подумать.

Я, потянувшаяся было его погладить, замираю. Он больше не смотрит на меня и кажется скорее растерянным, чем воодушевленным. Крылья и хвост подрагивают. Не похоже, что он собирается что-то объяснить. Может, ему пока и нечего, а может, он боится, вдруг я опять отвечу какой-нибудь несусветной глупостью, но я не могу просто сделать вид, будто ничего не слышала. Я слышала. И вся сжимаюсь внутри. Но я запрещаю себе даже тень надежды, ведь обмануть богов – это не то что обмануть законников. Вряд ли его план правда... план.

– Так. – Кажется, я даже затаила дыхание. – Что требуется от меня? Выпить вдвое больше яда, лечь на угли?

Он все-таки поворачивает ко мне голову, и клыки снова взблескивают в ухмылке. Которая, впрочем, почти тут же гаснет.

– Нет, ничего нового. От тебя не требуется ничего, кроме ясной головы и понимания, что ты заслуживаешь права на жизнь. От твоего двуногого, впрочем, тоже... – Скорфус шумно вздыхает. И вдруг смеется, сухо и фальшиво. – Но увы. Вы, смертные, такие замороженные, такие душные, такие... самоеды. – Слово он будто выплевывает, с невеселой, почти пугающей улыбкой. А потом резко, черной молнией взмывает в воздух. – И что с вами делать?..

Его едва слышно. Почему тогда это так похоже на вопль отчаяния?

– Я... – Начинаю вставать. Дурное предчувствие, сменившееся было почти смирением, снова выпускает самые ядовитые побеги. Я не

хочу с ним ссориться. Потому что он прав. – Скорфус, я стараюсь как могу! Правда! Прости!

Несколько мгновений он молча качается перед моими глазами. Я надеюсь, что он ответит. Я все больше убеждаюсь, что этого не будет и что я *не* надумала.

Он избегал меня в эти два дня, а может, начал раньше. Не просто так. Сглатывая, я протягиваю руку, но он отлетает подальше и, прежде чем я бы сломалась, прежде чем запросила бы пощады и прямоты, как ни в чем не бывало подмигивает. Его глаз кажется ярче солнца.

– Ладно, бывай, все путем. Встретимся в обед! Хвост трубой!

И он улетает, прежде чем я бы хоть пошевелилась. Против солнца – не получается даже проследить, где именно он пропадает, за какой из крыш. По пути назад, в обитаемую часть сада, я еле передвигаю ноги и уже не забочусь об улыбках. Немногие гости провожают меня взглядами, но, пожалуй, пусть думают что хотят. Я занята. Я пытаюсь понять, что, *что*, ради всех богов, сделала не так, если Скорфус... Скорфус. Даже не получается оформить во что-то внятное внутренний крик. Скорфус что? Обиделся? Разочаровался во мне? А может, заревновал, привыкнув, что, кроме него, у меня никого нет? Но когда он рядом, он вроде ведет... вел себя до сегодняшнего дня обычно. Просто он рядом все меньше. Я даже не помню, когда в последний раз слышала его нежное «душнила!» в свой адрес.

Думая, миную сад почти незаметно для себя. В атриуме, где в креслах сидят некоторые гости, вспоминаю, что хотела попить, и подхожу к фонтану. Зачерпнутая вода солоновата. Скривившись, просто взбрызгиваю лицо и, все не выныривая из уныния, иду к лестнице. Поднимаясь, бегло оборачиваюсь. С удивлением понимаю: меня жутко раздражают наши парадные портреты. В конце концов... зачем они? Им самое место вдоль лестницы, среди других, или в каких-нибудь залах. Хотя... если уж оставлять, натюрморт, заменяющий маму, точно нужно убрать. Может, повесить хотя бы портрет Скорфуса? Почему нет, это точно кого-то впечатлит. Пока что этот труп кабана, соседствующий с нашими лицами, выглядит...

Чудовищно.

Я спотыкаюсь и чуть не падаю: похоже, путаюсь уже в собственных ногах. Вздохнув, отворачиваюсь, перехожу на бег. Давай, взбодрись, Орфо. Скоро обедать, и если постарайся, ты еще успеешь

принять прохладный душ. И переодеться во что-нибудь более легкое и красивое.

И разбудить Эвера.

Хм, а почему не переставить некоторые пункты местами? Бежать сразу становится легче.

В нашем коридоре все еще полно целеров, и у ближайшей пары я спрашиваю, видели ли они моего гасителя. Солдаты качают головами, и, расспросив их на расплывчатую тему «каких-нибудь недоразумений и неприятностей на этаже, из-за папы», я иду дальше – к двери Эвера, пока еще плотно затворенной. Нет, запертой. Ручку я тяну впустую; убедившись в этом, осторожно стучу в створку. Тоже надо было действовать в обратном порядке. Ну ладно.

На второй или третий стук я слышу с той стороны стон, а затем сонное:

– Да-а-а?.. – звучит почти страдальчески.

– Эвер, – прокашливаюсь, зову чуть громче, отгоняя внезапную нежную дрожь: глупая часть меня просто не может дольше ждать встречи. – Эвер, привет, ты там как? Тоже проспал?

Судя по недолгой тишине, он какое-то время возится, выискивая часы и пытаюсь разобраться в стрелках. Усмехаюсь про себя: спросонок это всем дается с трудом. Наконец то ли у него получается, то ли он все понимает по солнцу, но до моих ушей доносится по-прежнему страдальческое:

– Входи, можешь открыть дверь, как ты умеешь.

То есть волшебством. То есть он не в силах встать, соня... зато хочет видеть меня. Я сосредотачиваюсь, шевелю правым запястьем и быстро слышу сухой лязг отъезжающего засова. Теперь ручка поддается, и я ныряю внутрь, скорее прикрыв дверь за собой. Не сомневаюсь, целеры наблюдали за мной с любопытством. Ну... надеюсь, хотя бы не подойдут ближе погреть уши. А впрочем, мы с Эвером не собираемся заниматься чем-либо предосудительным.

Не собираемся же? Нет, нет, некогда, и я не так чтобы в настроении.

В комнате прохладно – намного прохладнее, чем в коридоре, хотя все тот же зной должен бы сочиться сквозь открытое окно. В ярком дневном свете Эвер лежит, наполовину спрятав лицо в подушку, и наблюдает за мной из-под полуопущенных ресниц. Беспорядок на его

голове, смявшаяся рубашка, эта общая растерянность, плавно перерастающая в искреннее беспокойство, заставляют меня расплыться в улыбке. Даже тревоги из-за Скорфуса немного отступают.

– Сколько я проспал? – хриловато спрашивает Эвер то же, что спрашивала в пустоту я, едва продрал глаза. – Боги, да как я мог...

– Пора обедать. – Слегка пожав плечами, иду к нему и, убедившись, что он не против, присаживаюсь на край кровати. Борюсь с желанием провести по его спине, запустив руку под рубашку. – Мы уже начали волноваться, как ты там. Рикус еще что-то такое сказал...

На последней фразе Эвер поднимается на локте, встряхивает головой, и я осекаюсь: замечаю кое-что довольно странное. Его белая рубашка... судя по синей волнистой вышивке на воротнике, она повседневная, это не одежда для сна, да и ткань грубовата. Хмурюсь.

– Что тебе сказал Рикус? – Тон Эвера из сонно-бесцветного мгновенно становится настороженным. Да. Что-то не то.

– Что... ты, скорее всего, будешь долго спать? – Пытаюсь припомнить подробности. Да, как-то так. Колеблюсь, пытаюсь подступиться к тому, что меня не касается, и наконец все же подступаюсь, максимально дурацки: – Так, я ревную... а ну рассказывай, чем ты занимался в ночи? Или вы вместе занимались?!

Я надеюсь, что он смутится, отобьет мою атаку шуткой – в общем, среагирует как-то так, чтобы у меня не прибавилось желаний провалиться сквозь землю. Увы. Не улыбаясь, он некоторое время просто смотрит на меня, потом садится, отводит назад волосы, и я замечаю еще пару неприятных деталей. Синяк на скуле – словно от удара кулаком. Такой же на запястье – будто его кто-то с силой хватал. Да и гематомы на ребрах заметно потемнели со вчерашнего дня.

– Это еще что? – Запинаюсь, облизываю губы и начинаю лихорадочно озираться. – В ванной комнате мазь или где? Эвер, что произошло?

– У меня... были кошмары, ничего нового, – лаконично отзывается он, свешивая ноги на пол и начиная стаскивать мятую рубашку. Морщится от боли. Я решаюсь помочь. – Не беспокойся, я сейчас все смажу. Это ерунда.

– При чем тут кошмары? – Я осторожно беру его за руку, все больше убеждаясь: темный след вокруг запястья – от чьих-то пальцев.

Сильных пальцев. – Я бы поверила, что ты ушиб лицо, свалившись с кровати, но...

– Мы тренировались с Илфокионом, – вздохнув, нехотя сообщает Эвер. – В оружейной. И он несколько увлекся, похоже, впал в раж берсерка. Но все обошлось.

Опять он! Сама не замечаю, как сжимаю кулак, а зубы стискиваю до скрежета. С таким бы рвением он следил за солдатами! Хотя он, наверное, и следит, вон как их стало много...

Постойте. Из старших целеров я сегодня видела только Карифира, его помощника. Он расставлял последние посты, когда я проснулась, и он сказал, что начальнику нездоровится. Но я, конечно, не придала этому значения, решив, что Илфокион переел любимых мидий. Или, учитывая все, чему он подверг Клио и парней, не хочет лишний раз показываться физальской делегации. Или наносит вечерний макияж с утра пораньше, чтоб ему...

– Я его убью! – сетую я, грустно переплетая пальцы с пальцами Эвера. Просто в голове не укладывается: как... как можно было так с ним поступить? Вроде Илфокион его даже в каком-то смысле любил. Как минимум всегда уважал и жалел.

Он примирительно улыбается, не отнимая руки и заглядывая вдруг мне в глаза. Как в детстве. Совсем. Да, это одна из тех улыбок, после которых маленькая я не могла больше рвать, метать и сшибать с деревьев апельсины. Но я уже взрослая и не понимаю, стоит ли верить ей. Так же он ведь улыбался в день, когда стал Монстром, – прежде чем уйти гулять на побережье.

– Не беспокойся. Зато я добыл себе новую перчатку. – Он кивает на стол, медлит и все же прибавляет: – В случае чего хотя бы попытаюсь защитить тебя.

Защитить меня. Я остро вспоминаю наш вчерашний разговор, вспоминаю его погасший взгляд и поскорее улыбаюсь. Не знаю... нет, дело не в том, что я не верю в способность Эвера это сделать, верю, еще как, другой вопрос – как бы нам, если падение из окна действительно имеет *причину*, не пришлось столкнуться с чем-то, от чего не помогут ни его когти, ни Финни, ни мое волшебство. А все равно... все равно это удивительно приятно слышать.

– Знаешь, я очень ценю, что кто-то хочет это сделать, – отзываюсь я и, сама того почти не осознав, опускаю голову ему на плечо. –

Спасибо.

Только бы не отстранился... нет. Прикрываю глаза, вслушиваясь в саму себя, чуть крепче стискиваю пальцы и, после некоторого промедления, все же спрашиваю:

– Что тебе снилось?

– Чудовища. И мертвецы. – Слова, простые и отрывистые, заставляют озноб пробежать по позвоночнику, пусть я примерно их и ожидала. – Я очень устал.

Слова Скорфуса оживают в памяти. Услышь он тон этого «я устал», наверное, повторил бы то, что и сказал среди ландышей. Что все сложно. Чудовищно. Что до ясного ума, способного на настоящее прощение, в которое поверит тигрозубый Арфемис, далеко. И, что, может, ужаснее всего... никакой вины Эвера в этом нет. Ему нужно не понять, что жизнью я исправлю больше, чем гибелью, он это прекрасно знает. Ему нужно просто выздороветь и отдохнуть.

– Прости. – В слове нет смысла, но оно срывается с губ само, и я почти готова отнять руку.

– Не надо. – Его пальцы нежно сжимаются. – Однажды это закончится. Все заканчивается.

Однажды это закончится. Не знаю почему, но и эти слова заставляют оцепенеть, похолодеть. Впрочем, знаю. Просто я уверена: они заклятие, они молитва, они с ним с детства. Может, он еще мальчишкой повторял их на корабле хозяина – под его поцелуями и всем, что их сопровождало. Наверняка повторял и позже, в темных пещерах, глядя, как убивает и пожирает людей Монстр. И... он был прав. Все заканчивалось. Просто слишком поздно. Так будет и в этот раз?

– Тебе станет легче, если я умру. – Это не вопрос и не обещание. Скорее попытка еще с одного угла заглянуть в туманную пропасть. Найти повод для... радости?

Теперь цепенеет он, и я слышу хруст пальцев – моих, его?

– Нет, конечно. – Он говорит твердо, быстро, так, что хоть немного, но теплеют ледяные тиски на моем сердце. – Нет. Но я...

«Я боюсь». Мне не нужно этого слышать. И этот тон даже хуже звенящей ненависти в «Я устал»: столько отчаяния и... нежности. Подняв голову, повернувшись, я целую его в щеку и обнимаю второй рукой за шею. Он возвращает объятие, и так мы сидим какое-то время,

пока бриз из окна не ерошит наши волосы и я не замечаю, что кожа Эвера покрылась мурашками. Я отстраняюсь. Осторожно расцепляю пальцы и отвожу ему волосы за ухо, снова разглядывая синяк.

– Помочь с ушибами? – Я бы с удовольствием прикоснулась к нему пару лишних раз, но он качает головой. В принципе, понимаю: каждому из нас после пробуждения нужно время наедине с собой, и даже жаркие игры «в медика» его не заменят. – Ладно. Тогда приводи себя в порядок и заходи за мной. Поедим в саду, там уже стало потише. Если ты, конечно, хочешь с нами...

– Да, – мигом выпаливает он. Колеблется, словно думая что-то добавить, но сжимает губы. – Сейчас приду. И... спасибо, что разбудила? Уверен, у тебя и без меня было полно дел.

Запоздало понимаю, что это у меня есть причины его благодарить. Это ведь они со Скорфусом позаботились о том, чтобы дела – и гости – не свалились мне на голову. Но Эвер явно не собирается признаваться, что приложил к этому руку: может, считает это ерундой, может, ему просто не до благодарностей от меня или от кого-либо еще. Скорее всего. Когда у тебя проблемы со сном, многие вещи теряют ценность. Лучше позаботиться о том, чтобы на столе хоть были крепкий кофе и его любимая желтая малина, и вроде я это сделала.

– Не волнуйся, я уже все знаю о доброте замковых мышей и прочих обитателей, – тихо говорю я, встаю и, махнув ему, иду к двери.

Распахиваю ее резко, нацеленная кого-нибудь поймать с поличным, но целеров либо разморила жара, либо им просто все равно, чем я занималась. Они стоят в стороне, ближе к окну, явно надеясь, что оттуда повеет ветерком. Лица блестят, один из мужчин дышит ртом, и невольно я прислушиваюсь к собственным ощущениям. Действительно... чересчур душно. Особенно после комнаты Эвера. Там холод. Этот холод я бы даже назвала *пещерным*, впрочем...

– Вы в порядке? – осторожно спрашиваю я солдата, дышащего ртом, и он кивает, торопливо вытянувшись в струнку, а потом еще благодарит меня за заботу. – Сходите, попейте воды, вид у вас замученный.

В дальнем закутке каждого этажа у нас тоже есть фонтанчики – не такие большие и красивые, как лебеди в атриуме, но приятные и чистые.

Солдат благодарит меня еще раз и, кивнув товарищу, направляется в нужную сторону. Я иду в свою, открываю дверь и почти вваливаюсь в покои. Уф-ф-ф... очень странно, нет, дело явно не в расположении окон. У меня тоже не как у Эвера, у меня жарко, и я чувствую эту омерзительную соленую клейкость на лбу: волосы наверняка ею пропитываются, сейчас станут соляными, некрасивыми... нет, мыть их мне только завтра.

Быстро запускаю в пряди руку, откидываю их, запираю дверь. Поворачиваюсь, чтобы хоть понять, открыто ли у меня окно, но замираю, так и не добравшись до него взглядом. Это... это...

В комнате чужая вещь – стоит на моей тумбе, блестя стеклом. Солнце легко пробирается под него, играет на зеленой подушке мха и бархате крупных черных лепестков. Высокая широкая банка, у нас такие называют флорариумами. Знакомая. Хорошо забытая. Цветок изменился за годы, что я его не видела: подрос, раздался вширь, листья стали мясистее, но спутать его ни с чем нельзя.

Мамина орхидея. Единственная ее вещь, которую отец забрал к себе в кабинет.

Как она сюда попала?

6. Черный разум, черные цветы. Эвер

– Может, ее принесли к тебе, потому что теперь за ней некому ухаживать? Было бы разумно.

Мы сгрудились вокруг стола в саду, напрочь забыв о еде. Ардон смело склонился к флорариуму почти вплотную, стучит по стеклу пальцем – словно орхидея может ему ответить. Но орхидея неподвижна, только ее лепестки легонько дрожат.

– Было бы разумно. – Орфо кивает. Она стала бледнее полотна и лихорадочно обтирает руки мокрой салфеткой – как если бы стекло, за которое она взялась, чтобы принести цветок сюда, было ядовитым. – Только моя комната была заперта изнутри. Как и всегда.

– А... – Клио задумчиво щелкает в воздухе пальцами, – лазы? Вроде того, что ты мне показывала? Неужели ни один не ведет в твою...

– Нет, конечно! – перебивает Орфо, нервно бросив салфетку на край стола. – Даже если бы они были, я бы их замуровала, мало ли кому они могли бы пригодиться. Не говоря уже о том, что папин кабинет тоже был заперт, там много важных бумаг.

– Хм, ну не сама же она пришла, правильно? – Рикус склоняется к стеклу с другой стороны от Ардона и тоже ударяет по флорариуму ногтем. Ближний цветок качается.

– Так может, и вы не сами выпали... – начинает Орфо, но отмахивается сама от себя: продолжение очевидно. И я не знаю, как к нему относиться.

– Ты что думаешь, это связано? – Рикус округляет глаза, а потом фыркает. – Боги! Слушай, ну она же никому не причинит вреда. Уверен, о ней правда просто некому больше позаботиться.

– Вопросы, откуда она взялась, это не отменяет. – Все-таки подаю голос, хотя не так чтобы замечание полезно. – Мы выясняли: никто не входил к Орфо. Разве что через окно, тайком?

Рикус неразумно открывает рот.

– Ну давай, давай, заяви, что это опять я! – желчно встревает Скорфус, развалившийся на столе рядом. – Мои когти оставили бы на

стекле следы внушительнее, чем вот это нечто на твоей физиономии, но ведь так логично!

Вряд ли Рикус хотел предположить что-то подобное, со вчерашнего дня эти двое вроде бы перестали ругаться. Но теперь он предсказуемо вскипает и идет в атаку:

– Ну если так, то у тебя длинный и сильный... – Хвост Скорфуса, мотнувшись, стучит его по макушке, Рикус отскакивает. – Да чтоб тебя. Все, молчу, отстань. Что ты такой злой?

Игнорируя его, Скорфус лениво оборачивает хвост вокруг лап и прикрывает глаз. Он правда выглядит недовольным или, скорее, напряженным, а Орфо, как мне кажется, поглядывает на него слишком часто. Ждет, что он скажет нечто умное и даст ценные указания, что делать? Или тоже некстати вспомнила, каким домыслом ее приветствовал вчера утром Рикус? Версий с того их разговора не прибавилось, целеры никого не нашли. Может ли Орфо вправду, хоть на край сознания, допустить мысль, что этот кот...

– Я советую тебе разбить стекло. И сжечь цветок, – сообщает Скорфус, растягиваясь на столе сильнее. – Если тебе интересно мое мнение, человечца.

К моему удивлению, Орфо, едва ли не стрелой выскочившая из комнаты с этим злосчастливым флорариумом, не спешит кивать – лишь мрачно молчит, смотря на миску с желтой малиной. Ардон снова барабанит по стеклу, Клио замороженно смотрит – любитесь. Действительно красивое растение, похоже одновременно и на башмак, и на оскаленную пасть, и на необычную бабочку – в зависимости от того, как склонить голову.

– Почему? – снова подает голос Рикус. – Зачем сжигать? Это все-таки чуть ли не последняя и, как мне кажется, вполне безобидная вещь ее...

Орфо отчетливо скрипит зубами, и Рикус сжимает губы, так и не сказав «мамы». Ардон смеривает его напряженным взглядом, отстраняется и садится на лавку.

– Может, заберешь как еще один трофей? – вдруг спрашивает Орфо, смотря на Клио, и теперь уже мы с Рикусом и Ардоном опасно переглядываемся: чувствуем в этом голосе почти яд. О чем они? Но Клио, судя по лицу, поняла.

– Да нет, что ты! – пугается она и внезапно краснеет. – Не волнуйся, пожалуйста...

– А я бы волновался, – тихо возражает Скорфус, садясь на столе. Он будто проснулся и сжалился над всеми нами, не способными ничего сообразить без него. Голос звучит устало и серьезно: – Все верно, орхидеи не ходят. И нам уже достаточно неприятностей.

– Давайте тогда сжигать все, с чем происходят странности? – фыркает Рикус. – Ту мертвую птицу, про которую кто-то из вас говорил. Когтистую перчатку, которой ударили короля. Нас, выпавших из окна, и само окно. Того целериона, который...

Не хватало только обсуждать еще и случившееся ночью, отсекая от себя последних действительно взрослых людей, на которых мы можем положиться. То, что сегодня Илфокион снял с себя обязанности и, по словам подчиненных, обратился к медикам, уже говорит о его ответственном отношении к своему... припадку? Я кидаю на Рикуса предостерегающий взгляд, и он дергает плечом, но смолкает. От движения за расстегнутым воротом мелькает монета.

– Птицу сожгли, если тебе интересно, – сообщает Скорфус. Он бредет по столу в поисках кувшина со сливками и, найдя его, явно собирается все же пообедать. – Остальное можем...

– И после встречи с ней ты заболел, – тихо напоминает вдруг Орфо, снова посмотрев на него... с мольбой? с обидой? Будто пытаюсь донести что-то, чего нельзя слышать остальным. Или, наоборот, это «что-то» выпытать. Ее взгляд сложно описать, но Скорфус явно понимает что-то еще, что-то несказанное, и, замерев с наполовину опущенной в кувшин мордой, сухо бросает:

– Нет. Это не связано.

– Да откуда тебе знать? – Тут она повышает голос, а потом, спохватившись, виновато трет лоб. – Хотя, наверное...

Похоже, она не находит себе места. А ведь выдержка еще не изменяла ей с этим котом, все их общение сводилось к остроумам и подначкам, к «У меня прекрасное настроение, и я непобедима». – «Нет, мое настроение еще лучше, а я еще непобедимее». Но и Скорфус – тут Рикус прав – не был таким... скрытным? угрюмым? Сейчас он все так же бесцветно огрызается:

– Наверное. Я знаю, от чего я болею, а от чего нет. – После чего утыкает морду в кувшин и, лакая демонстративно громко, выпадает из

разговора.

Да и мы уныло молчим, рассаживаемся чуть дальше друг от друга – и от орхидеи. Ближе всего она теперь ко мне: ее мшистое убежище пронизывают солнечные лучи, на стекле выступают искристые капли воды. Она кажется обычной вещицей из-за океана. Так ли важно, кому она принадлежала восемь лет назад? Но я вспоминаю, какой бледной и испуганной застал Орфо в спальне, и сомневаюсь. Дар волшебницы позволяет чувствовать и чужое, злое волшебство. А еще... кроме волшебства можно надумать – точнее, нельзя упускать – многое другое.

– Давай подумаем, – заговариваю я, боясь, что безнадежное молчание затянется. Встречаюсь взглядом с Орфо, и продолжить оказывается не так просто, ведь я ее не успокою. – Посмотрим на все чуть иначе. Если в появлении цветка есть злой умысел, если оно действительно связано с... – рассеянно смотрю на Клио, потом на Скорфуса, – прочими бедами замка, если за всеми ними стоит кто-то один, он ведь сейчас совершил довольно *нестрашный* поступок. Нет?

– Нестрашный, – фыркает Орфо и трет глаза, а потом сердито устремляет их на флорариум. – Да я чуть не поседела. И говорю же, вытащить эту орхидею из папиного кабинета...

– Хорошо, – мягко обрываю я, видя, что она вот-вот снова закипит. – Все выглядит не очень. Но как минимум все живы. – Ардон, похоже догадавшийся, к чему я веду, кивает. – Так вот, я бы воспринимал это как некое... сообщение? Послание? – Орфо хмурится, но я настаиваю. – Каким оно могло бы быть?

– Да какая... – начинает она все так же раздраженно и устало, но, внимательнее глянув в мои глаза, вздыхает. – Не знаю. «Я до тебя доберусь, для меня нет запертых дверей»?

– А может, «Не прячься от прошлого, оно не исчезнет»? – слишком пронизательно предполагает Клио, и Орфо эта мысль по понятным причинам не нравится.

– О, поверь, я все помню, – цедит сквозь зубы она, потирая теперь слабую горбинку на носу. – И какой смысл папиному врагу, если это он, учить меня жизни?

– Это может быть еще: «Вашему роду не отмыться от грехов», – тихо говорит Ардон, и мы с Клио одновременно вздрагиваем. Он

пожимает плечами. – А что? Если речь действительно о врагах королевской семьи, мотивы у этих врагов, безусловно, политические.

– Осторожнее, хаби, – мрачно встречает Рикус. Он усмехается, но даже ему явно не по себе. – Сейчас додумаешься до того, что больше всего мотивов делать гадости все-таки у нас, у обиженных физальцев. Других-то грехов у королевы Валато нет.

– Нет? – Орфо удивленно морщится. – Боги... слушай, вообще-то, она как минимум повредила голову моему брату, а как максимум расправилась с огромным количеством внутренних врагов из разных сословий. У большинства протестующих, например, была родня.

– Твой брат мертв. – Наверное, все мы чувствуем эмоцию, с которой Ардон произносит эти слова, и ловим его осторожный, но веский взгляд в сторону Клио. – При чем тут он?

– При том, что я, – Орфо произносит это с нажимом, а Клио быстро треплет по плечу, – устала все сводить к войне и валить на маму. Если честно. – Голос ее все жестче. – Мамы нет. Есть я. Только время поможет мне что-то здесь исправить, если, конечно, я выживу, но мне так...

– Нам тоже, – быстро уверяет Клио. Она кусает ноготь, а потом зачем-то повторяет, с трудом скрывая панику: – Это не мы. Это все не мы! Правда!

Парни озадаченно переглядываются, но не находят ничего лучше, чем кивнуть.

– Знаю. – Орфо грустно кивает, двигает флорариум еще подальше и демонстративно заменяет его миской с салатом. – Ладно. Что вы сидите? Налетайте, хватит унывать.

Они начинают есть, но без привычного аппетита: Рикус вяло ковыряет жареного осьминога, Ардон просто жует хлеб, смачивая его в оливковом масле, Клио щиплет виноград. Орфо, пересевшая рядом со мной, пьет медовую воду. Боюсь, как бы она не потеряла аппетит до... до момента, когда все так или иначе кончится? Это плохой вариант.

– Ты же знаешь, что ритуальный змеиный яд не пьют натошак? – двигая к ней малину и сыр, тихо спрашиваю я. Остальные поднимают головы.

– Я пью его лишь завтра, – равнодушно говорит она. – Запихну что-нибудь в себя.

– Слушай, – снова подает голос Рикус. Он задает вопрос осторожно, но настойчиво: – Да что ты все-таки так разволновалась? Точно ли надо проводить параллели? Уверен, рано или поздно какая-нибудь прислуга сама признается тебе, что принесла это растение...

– Хаби, – обрывает Клио. Она хмурит брови, внимательно наблюдая за Орфо, а потом не терпящим возражений тоном говорит уже ей: – Не бойся. Если это правда послание, если на коронации тебе что-то грозит... – за поддержкой она поворачивается к Ардону, – мы защитим.

Тут и Скорфус высовывает морду из кувшина, а Рикусу с Ардоном явно стоит труда сдержать улыбки. Похоже, они даже забыли, что между ними всеми что-то разладилось: Ардон мгновенно кивает, а Рикус еще и встает. Он обходит лавку, замирает за спиной у Орфо и явно собирается помассировать ей плечи, но передумывает, наткнувшись на мой взгляд. Делает невинные глаза. Я отвожу свои. Мне все равно, пусть воспринимает это как ревность. Ему не нужно знать, что не только я плохо отношусь к лишним прикосновениям чужих людей.

– Вообще, да, – говорит он поверх ее головы и все-таки позволяет себе улыбку. – Мы несомненно за всем присмотрим. Хотя у вас тут и так полно солдат, конечно.

– Спасибо, – глухо, но с искренним облегчением откликается Орфо. Ее пустой взгляд не отрывается от орхидеи. – Лишние глаза и оружие не помешают. Жаль, Клио, мы так и не позанимались с тобой...

– Надеюсь, успеем потом! – оживляется она, сцепляет ладошки. – Вот бы стать как ты!

– И еще, – подает голос Ардон. Он разламывает новый кусок хлеба и макает обе половинки в масло. – Послания посланиями... но не все они передаются, чтобы донести сведения. Некоторые нужны, наоборот, чтобы расстроить. Сбить с толку. Напугать.

– Кстати, да, я бы испугался, если бы вот он, – Рикус косится на Ардона, – загробным голосом заявил про «грехи». Тут невольно задумаешься, а правда ли на тебе их нет?

Орфо особенно глубоко вздыхает и, пока звенят в воздухе эти слова, смотрит на меня. Хмуро. Вопросительно. Словно бы беспомощно-сердито, как в детстве, когда пыталась посадить ландыши

и не понимала, почему они поникли. «Что мне делать?» или «Что я делаю не так?». С трудом выдерживаю взгляд. Нет. Она спрашивает не об этом, и в том, о чем она сейчас подумала, я не советчик. Я умею дружить еще хуже, чем она; сказать то, что вертится на ее языке, – это подпустить почти чужих, по сути, ребят еще ближе, чем они оказались по воле судьбы. Я...

– Так что давай-ка ешь и готовься завтра блистать! – Рикус, ничего не замечая, плюхается на лавку, забирает у Ардона одну хлебную половинку и протягивает Орфо. – Хаби...

– Ты будешь очень хорошей королевой, мы уверены. – Клио кивает. – Ты даже сейчас вполне справляешься. Как будто уже ею стала.

– И по-моему, ты заслуживаешь этот трон, – вздыхает Ардон, потерев щетину на подбородке. – И вовсе не потому, что на тебе нет грехов, как на твоей матери, и ты раскаиваешься. Ты просто...

– Ардон. – По этой дрожи в голосе я сразу понимаю: Орфо все же сорвалась. Она не опускает глаз, но ногти впились в ладони, щеки посерели. Хлеб в руке Рикуса замирает. – И вы. – Она обводит взглядом и их, и Клио. – Вы не правы. На мне... есть грехи, и я очень плохо представляю, что ждет меня послезавтра, вообще выживу ли я. – Она вздыхает. – Простите, но вы вправе знать. Возможно, нашему... врагу, кем бы он ни был, и не придется стараться. Вот.

Три взгляда устремляются на нее, и она растягивает губы в слабой улыбке. Все-таки забирает хлеб, кладет на край ближайшего блюда, снова смотрит на меня. Я жду. Здесь – говорить ли о грехах подробно, называть ли имена – я точно ничего не могу за нее решать. Но уже через секунду я осознаю: смотрит она не поэтому. Просто понимает: чтобы рассказать, что она сделала, ей сначала придется рассказать, что сделал я. Ей нужно разрешение. Я медлю. Потом киваю. Может, ей станет легче, а может, станет и мне, ведь друзья не врут, а мы, как бы там ни было, неумолимо становимся друзьями. Или нам с Орфо так кажется – и эта троица просто шарахнется и проклянет нас, поняв, например, что я убил детей? И что я... я...

Тот самый Монстр. О котором так весело шутил.

Вмешивается Скорфус, не дав нам открыть рты: слетает со стола и садится Орфо на плечо.

– Тебя не ждет ничего плохого. Успокойся. – У него железный голос, а взгляд, метнувшийся по нам всем, предостерегает: «Попробуйте только сказать лишнее».

Впрочем, физальцы и не спешат высказываться. Они скорее расстроены, чем испуганы, ни на чьем лице не читается ничего похожего на «так я и знал». Рикус, очнувшись первым, встряхивает головой. Все так же молча встречается с Орфо взглядом, едва кивает ей и сосредоточенно начинает накладывать себе новую еду – салатные листья и птицу. Похоже, он действительно справляется с потрясениями именно так: лицо такое, будто он вообще ничего не услышал. Только пальцы легонько дрожат.

– Что ты сделала? – наконец все-таки спрашивает Клио, и, видя, как Орфо сжалась, отвечаю я:

– Сильно покалечила волшебством... – медлю, поняв очевидное: их ужаснет, что жертвой еще и был я, а для дополнительных ужасов не время, – одного человека. За... – и раз так, я могу смалодушничать и здесь, – преступление. Все уладилось, человек ее простил, а она простила его, а перед этим он понес наказание, вот только...

...Вот только нечеловеческая его часть считает, что лучше бы принцесса Каператис все же умерла. Или? Я дал Орфо время, но теперь оно нужно мне самому, ведь я снова чувствую приближение *их* – голосов, чувствую ознобом по спине и невольно сутулю плечи. Нет, нет... *Монстр. Монстр, думал, спрятался?* Замолкаю, стараюсь дышать глубже, а Орфо, наконец собравшаяся, перехватывает произнесенные слова, так твердо, как только может:

– Вот только этому человеку очень тяжело, он не оправился до конца после того, что я с ним сделала, он... болен. – Она старается смотреть только на Клио; голос снова звенит, и все внутри меня сжимается. – То преступление было... в общем, случилось не из-за злости. Он очень добрый, милосердный, но когда ты скорее руины тебя, и ты понимаешь, что до конца твои раны и душа никогда не заживут, и ты знаешь, кто в этом виноват...

Она прокашливается, все же сбившись, запутавшись. Я не должен смотреть на нее. Тоже. Не должен, не должен, не... Под столом я опускаю руку рядом с ее рукой. И накрываю ладонь, холодную, кажущуюся сейчас очень хрупкой. Голоса требуют сдавить до хруста. Я сжимаю нежно, надеюсь, что ей станет легче.

– Какой ужас! – Рикус смотрит в свою тарелку и все-таки не ест. Потирает шрам, сначала небрежно, потом яростно, будто тот вдруг зачесался. Я запоздало понимаю: скорее всего, ему очень отозвалось то, что он услышал. – Ужас, Орфо. Руинам... руинам сложно отстраиваться. И прощать. Да помогут тебе... да помогут вам боги.

– Как мило. А ваше-то решение в силе? – Тон Скорфуса насмешливый, но все же напряженный. – Или грешникам никакой помощи не будет?

– Да, – не колеблясь отвечает Ардон, а Клио быстро кивает. – Мы будем за всем смотреть. Коронации никто не помешает, Орфо никто не повредит. Что было, то было.

Скорфус довольно урчит и перебирается на его плечо.

– Пирожок!

Меня не впервые передергивает. Орфо ревниво морщит нос, но даже хихикает. Кажется, она приободрилась, от моего ли пожатия или от реакции ребят. Теперь уже Клио треплет ее по плечу.

– Если, конечно, враг не стоит слишком высоко, например среди ваших целеров... – и все-таки Рикус это говорит, старательно не смотря на меня. – Мне, повторюсь, не нравится этот ваш Илфокион, и я бы запер его где-то, пока все не кончится.

– Да что тебе постоянно кто-то не нравится? – фыркает в пустоту Скорфус.

– Подумаю, – к моей досаде, тихо отзывается Орфо. Я качаю головой.

– Если думать так, то запереть лучше всех, кроме тебя. Вредить может кто угодно.

– О нет, – устало откликается она, и дрожь от ее руки словно прошивает мою ладонь. – Меня надо запереть первой. Сильнее не вредит никто.

– Да что ты... где твоя бодрость, за которую мы тебя полюбили? – возмущается Рикус.

Клио с шипением пихает его, Ардон называет дураком. Они начинают препираться, Орфо невольно вливается в эту перебранку, неловко шутя о том, что чем ближе смерть, тем больше она похожа на унылую раздавленную медузу. Ее ладонь все еще под моей. Я ловлю себя на порыве – легко потянуть ее вверх, к себе, и поцеловать. Спыхватываюсь: глупость. Не то чтобы мне хотелось скрыть

происходящее между нами, не то чтобы в тайнах был смысл – время уходит, и возможно, нам обоим будет тем легче, чем открытее мы станем играть. С другой стороны... мы не знаем, что нас ждет. Не знаем – но если Орфо погибнет, я не буду молчать. Расскажу, что это моя вина, мое... сердце? Сердце. Которому не хватило мужества до конца, искренне простить ту, кого я... я...

«Ты был с ней. Но она мертва». Вот что они все точно скажут мне, если я поцелую ей руку сейчас. И будут правы.

Сжимая губы, понимая, что слова ребят звучат смутным гомоном, я просто сижу. Мой взгляд скользит по ярким ломтям овощей, по подрумяненным птичьим грудкам, по золотистой корочке свежего хлеба и желтой малине. Я вижу и кофе – как вовремя. Если Скорфус не прикончил еще все сливки, нужно налить себе; может, я взбодрюсь, сосредоточусь, смогу наконец сказать что-то, что действительно вернет нам присутствие духа? На этой мысли я двигаю к себе пустую чашу, стоявшую возле флорариума. Тут же приходится отдернуть кисть: на кончиках пальцев остается что-то вроде... слизи? Или влажной паутины? Вглядываюсь.

Ножка чаши черная, эта чернота расползлась уже по трети стола. От замершей под стеклом орхидеи, с которой тоже что-то не то.

Она черная и осклизлая вся – лепестки, стебель, листья, мох. Чернота, кажется, вытекает там, где стеклянный купол стыкуется с дном из тоненькой каменной пластинки, – и продолжает шириться. Легче всего она забирается на еду: уже почернели блюдо с перепелиными яйцами, блюдо с креветками, блюдо с апельсинами и грушами. Черные разводы похожи на щупальца, и их хватит, чтобы пробраться всюду. Древесина покрывается грязно-серым пушком плесени.

Ребята тем временем продолжают говорить – уже о чем-то другом. На лице Рикуса играет улыбка, когда он берет свою чашу, шумно прихлебывает из нее и черный сгусток остается на губах – а потом головастиком скользит в рот. Рикус ничего не замечает, заедает его такой же черной ягодой винограда. Смотрит на меня. Вопросительно потирает курчавую макушку.

– Что?

Он не видит. Как и остальные. Как Клио, левую руку которой обвилось особенно толстое щупальце из черной плесени – этой рукой

Клио берет оливку, закидывает в рот, с удовольствием облизывает черные пальцы. Улыбается мне черными губами.

– Эвер, – это Орфо. – Все хорошо? У тебя медленные...

Я все еще держу ее за руку, и только что ее пальцы крепко сжались, даже легонько дернули. Я не решаюсь повернуться, не хочу видеть, насколько близко к ней подползла чернота. Пока не должна – плесень больше интересует другая половина стола. Та, где ребята, та, где и Ардон уже попробовал кусок черной склизкой курицы и разрезает ножом следующий, покрупнее...

– Н-ничего, – отзываюсь я. Наблюдаю, как черный Скорфус, важно прошестввав по столу в мою сторону, начинает поедать таких же черных креветок прямо в панцире. Поднимает морду. Черная слизь шматками и нитями свисает из его рта.

– Двухногий, ну и рожа у тебя.

Я прикрываю рот рукой. Посильнее давлю себе на зубы, впиваюсь ногтями в щеку. Боль должна помочь мне. Должна. Ведь все это мне *кажется*, ничего такого нет, виноваты голоса – голос, состоящий из множества. Они решили не говорить со мной среди такого количества людей, а мучить меня иначе. Мне мерещится. Нет никакой слизи-плесени. Да откуда бы она взялась, столько ее и не влезло бы в маленькую банку, так быстро сгнуть орхидея не могла, и...

– Эвер! – зовет Орфо настойчивее, но мягче. – Эй!

Я поворачиваюсь – чтобы она тут же поднесла мою ладонь к губам и вдруг поцеловала, тепло смотря в глаза, ничего не стесняясь. Как уже делала возле мемориала, только черными, липкими, ледяными, пахнущими болотом губами. Я, вскрикнув, отдергиваю кисть, прежде чем осознал бы это, и вытираю о рубашку – так же быстро. Запястье трясется. Я закашливаюсь. Кашель отдается в ребрах.

В несколько секунд тяжелой тишины, сомкнувшейся следом, почти невозможно дышать. Пять неотрывных взглядов сразу могли бы меня уничтожить. Физальцы явно напряглись. Наверное, я кажусь им животным, которое внезапно взбесилось. По крайней мере, Ардон чуть заметно потянул Клио дальше от нас и ближе к ним, обняв поперек плеч. Она, впрочем, отпихивается.

– Прости. – Кажется, Орфо даже не удивилась, скорее смутилась, расстроилась. Ее круглые глаза живые – в отличие от губ и сероватой кожи вокруг них. Что она успела съесть? Паника захлестывает лишь

сильнее, я с трудом сдерживаю порыв отпрянуть и вскочить. – Эвер, ох... совсем плохо, да? Из-за Илфокиона?

Она тянется к моей щеке, и в этот раз мне удается не отдернуться, вообще не пошевелиться. Я нормален, твержу заклинанием. Она должна видеть, что я нормален и мой жест не нес в себе ничего злого. Лишь на миг, но я представляю, что она почувствовала, когда я вырвал руку. О чем подумала. Что представила. Нужно держаться, и я смотрю ей в глаза, не мешаю пальцам – пока не гнилым пальцам – гладить скулу, зарываться в волосы. Я киваю. Да. Это все Илфокион, который тем нападением напугал меня, напомнив о моем омерзительном прошлом: и о детстве, и о жизни в теле чудовища. Ничего больше. Ничего страшного. Я...

– Может, это тебя взбодрит? – Она протягивает мне керамическую миску с синей росписью, подносит почти к самому лицу, продолжая заглядывать в глаза. – Будешь?

Миска полна гнилой желтой малины, вонь от нее бьет в нос, как если бы на дне еще и умерла мышь или птица. Смагиваю слезы. А пальцы Орфо подцепляют ягоду, тянут к моим губам:

– Смотри, какая спелая!

Я должен прекратить это. Должен, пока они хотя бы еще... живы? Они ведь живы? Чернота все расползается, оттуда же, из-под проклятого стекла. Черви копошатся у Скорфуса в горящем глазу, быстрые, длинные и тонкие. Нет, нет, это не явь, это не явь, это...

Они сильнее меня, все еще сильнее. Я отшатываюсь, стоит гнилой ягоде коснуться губ, хватаю флорариум и, отвернувшись от Орфо, швыряю его об землю. Только уже сделав это, понимаю, что все испортил: теперь даже стекло не сдержит лезущую гниль. Но поздно.

– Эвер!

Звона нет, нет, нет – почему? Клио кричит, взмывший Скорфус молотит крыльями в воздухе, кружа над нами, а мои склизкие руки дрожат. Солнце, выглянув из-за тучи, бьет вдруг в глаза так резко, что приходится заморгать. А когда я снова смотрю вокруг, то не вижу черноты. Ни на себе, ни на траве, ни на столе, ни на ребятах – нигде.

Я вижу только испуганные лица, все взгляды снова устремлены на меня. Ардон застыл с недобро поднятым ножом, Орфо так и прижимает к себе малину. Скорфус, не рассчитав, приземляется неудачно и опрокидывает несколько блюд. Теперь хоть что-то –

черепки, ведь тарелки ударились о пустую лавку – действительно звенит. С этим звоном бьется тишина.

– Эвер?.. – Орфо повторяет мое имя глуше, потерянное. Остальные молчат.

– Двухногий, я, конечно, с тобой солидарен, но чтоб так... – говорит Скорфус, прыгнув в траву. Он осторожно идет к флорариуму и трогает стекло лапой. – Надо же. Какой крепкий.

Ни трещины. Ничего не отвалилось. Один из нежных черных цветков смялся и лишился лепестка, но на этом все. Удивительно... кажется, я швырнул флорариум с силой, которую только смог в себе найти. Достаточно далеко. Может, в том и дело, удар смягчила трава, а нужно было, как с тарелками, бить о лавку?

– Что стряслось, хаби? – подает голос Рикус, в то время как Клио уже перелезает через лавку, бежит вокруг стола, присаживается у флорариума на корточки. – Она настолько тебе не нравится?

Его взгляд... странный. Не то чтобы опасливый, там даже не читается: «Я запер бы еще и тебя», но я могу прочесть что-то вроде вопроса: «Вчера ночью я точно видел то, что видел?». И я понимаю его, я тоже бы задумался. Точно ли это я стал жертвой Илфокиона, а не наоборот? Не прикрыл ли он меня из жалости, по старой памяти? Мы глядим друг на друга секунду, две... и я потупляюсь. В горле ширится комок, глаза застит туманом. На миг становится страшно: а что, если именно так? Если я просто не помню, как первым стал наносить слишком яростные удары в бою; если в моих глазах что-то загорелось и Илфокион почувствовал опасность; если...

– Нет. – Наконец беру себя в руки. Хотя и не понимаю, на какой вопрос отвечаю, на прозвучавший или на те, что бьются в голове. – Нет, мне просто показалось... – Запинаюсь и все же признаюсь: – Показалось что-то плохое. Боюсь, это все еще последствия моей болезни.

Я говорю, снова твердо смотря Рикусу в глаза и борясь с желанием одернуть. Он не уступает; кажется, что сейчас он даже поделится подозрениями вслух, нисколько меня не стесняясь, с него станет, тем более он видит, что Орфо растеряна, а Клио напугана. Но нет. Настороженность в его глазах медленно гаснет и... сменяется замешательством, потом страхом. Он лезет под ворот. Теряет монету, заставляя меня резко отвернуться. Могу себе представить... бледный, с

перекошенным лицом, да еще с синяками, я, наверное, уже мало похожу на тот красивый профиль, который служит ему талисманом.

– Эвер, – опять окликает Орфо, медленно ставя миску с малиной на стол. Клио тем временем подбирает цветок и внимательно оглядывает. – Ты... – она снова касается ладонью моей щеки и поворачивает меня к себе, – что ты видел?

Слизь. Гниль. Смерть, расползающаяся всюду. Я выдавливаю это, смотря ей в глаза, и слышу сдавленный вздох, а потом – неожиданно – тихий голос Ардона:

– А вообще не так чтобы удивительная галлюцинация, учитывая, чьей она была.

– Хаби! – одергивает Клио, ставя флорариум на стол, но тон сбивчивый.

Возможно, она подумала о том же. А возможно – хоть немного, – и я сам. Пусть это и предательство в отношении Орфо. Да. *Мамы нет.* Но королева всегда где-то рядом и никуда не денется еще много веков. Мы все это чувствуем.

Орфо, к моему удивлению, снова придвигает флорариум ближе – хотя это и стоит ей явного усилия. Она чувствует наше настроение, и, конечно, ей неприятно – неприятно, несмотря ни на что. Но и она все понимает. Сделав над собой усилие, она расправляет плечи и лишь ровно, прохладно просит, коснувшись стекла ладонью:

– Давайте не будем обсуждать это все и уходить в такую философию, ладно? – Преодолев себя окончательно, она даже гладит поверхность. – Пока что. Ради отца. Он дорожит этой вещью, и я хотела бы, чтобы она была цела, пока не поправится он.

Не ломать вещи больных. Не правило, но суеверие. А может, немного и отговорка, все-таки что-то вроде нежности, той последней, которая в Орфо еще осталась. Ведь она не могла совсем исчезнуть – так же, как Рикус не может вырвать из сердца предавшего его отца. Судя по его взгляду, он думает о похожем. И его это, конечно, не радует.

– Что же ты тогда так от нее шарахнулась? – колко, но безнадежно уточняет он, я же ловлю мрачный взгляд Скорфуса. На себе. Его перепалка не интересует. Что тогда?

– То, что я испугалась ее появления, не значит, что я собиралась ее уничтожить, – грустно отвечает Орфо. – Я лишь хотела что-нибудь

выяснить. И, конечно же, не оставлю ее у себя, отдам кому-то из садовников.

– Ну... славно? – отзывается Рикус. Остальные кивают. Им просто нечего сказать.

– Орфо, я... – Запинаюсь, когда она устало поворачивается ко мне. Кусаю губу. – Нет. Ничего. Прости меня, пожалуйста. Я совсем не подумал насчет отца.

Я не подумал ни насчет чего. Я потерял способность думать, это ужасно, и дело вовсе не в суеверии про вещи больных – в него-то я не очень верю, хоть и понимаю, как важны расстроенным людям такие якоря надежды. Вздохнув, облакачиваюсь на стол и прячу в ладонях лицо. Кажется, что они все еще склизкие. От них пахнет болотом. Нет, не болотом. Пещерой.

– Не надо, ты просто не владеешь собой, – тихо и горько говорит она. А потом добавляет, почти повторив мои слова: – Но это закончится. Все заканчивается. Я не злюсь.

Все заканчивается. Не двигаясь, я вслушиваюсь в себя и понимаю, что голосов нет. Они довольны. Чего они хотели? Орфо гладит меня по спине, ребята звенят посудой – снова начали есть? Да, судя по этому шумному звуку: кто-то что-то с удовольствием хлебает. Скорее всего, Рикус. Что-то журчит и рядом со мной, крепкий запах бьет в нос: мне все же наливают кофе.

Посмотрев сквозь пальцы, я опять натыкаюсь на взгляд Скорфуса – острый, тоскливый. Он что, смотрел на меня все это время? Или периодически поворачивался и повернулся в очередной раз? Смотрю в ответ, надеясь, что он видит не всю мою затравленность и не может нащупать глубину боли. Хотя полубогов сложно обмануть. Его неподвижный глаз полон золота. Мои, скорее всего, пусты. И может, этой пустотой я и ловлю его отчаяние, непроходимое, непривычное отчаяние, которое облекается в слова слишком просто.

«Ты убьешь ее. Ты просто ее уничтожишь. Что будет, если очередной такой припадок настигнет тебя прямо на коронации и ты от всего сердца пожелаешь ей зла?»

Я прячусь за ладонями снова. А Орфо снова, как в комнате, кладет голову мне на плечо.

– Хаби, – тихо окликает вдруг Рикус. У него непривычно мягкий тон. – Это не мое дело, но... точно не хотите короноваться вместе? Все

это так трогательно, я не могу.

На него шикает Клио. Вздыхает Ардон, пожелав ему быть сожранным крокодилом. Орфо невесело смеется.

Я молчу. Я думаю о его словах.

Короноваться. Вместе.

Какая хорошая идея. А ведь многое станет проще.

Голоса смеются. Им это нравится.

7. Путь по уголькам. Орфо

На угли нужно наступать всей ногой – никаких перекатов с пятки на носок или с носка на пятку. Двигаться быстро, но не бегом. Спокойно дышать, не спуская глаз с мерцающей дорожки впереди, забывая, что между твоей кожей и огнеглазыми кусочками боли есть тонкий, но достаточный слой пепла. Есть слой пепла – и совсем нет воздуха.

«Огненный шаг» я отработывала еще до того, как отправилась в Подземье; когда вернулась, стало совсем не до тренировок. Зато ноги достаточно загрубели, этого я старательно добивалась, расхаживая босиком и в жестких сандалиях. Еще один способ защититься. Еще один способ доказать богам, что я достойна. Всего лишь грубые пятки, быстрота и плоский ход.

Идя вперед – под ритмичный бой устричных кастаньет, под гортанное пение двух шеренг жрецов и напряженные вздохи людей за пиршественными столами, – я стараюсь не думать так. Боюсь разозлить Арфемиса, уверена: он смотрит. Лучше не думать вообще; от жрецов, помогавших мне с предыдущими обрядами – вроде поедания горных снегов и проползания на коленях от статуи Зируса к статуе Гестет, – я слышала, что пустой разум – лучший помощник в таких делах. Но не думать я не могу, в мою голову, как вода в пустую канаву, тут же хлынут ужасы завтрашнего дня. Я начну задаваться вопросом: зачем весь этот театр? Зачем я шагаю по раскаленным углям с дурацкой корзиной на голове? Зачем я улыбаюсь чужим людям и не забываю даже о том, чтобы шаг был слегка танцующим – «я волна, волна, волна от плеч до бедер»? Зачем я не лежу, подвывая, в углу или хоть не провожу с отцом последние свои часы?

Нет. Мне это не подходит. Собыюсь, обожгусь, позорно спляшу, а этого допустить нельзя. Потому, улыбаясь, украдкой ловя шипение покоряющихся угольков, вспоминаю, что именно и в каком количестве лежит в моей корзине. Ищу одну за другой мысли, в которых могу укрыться и которые не сделают мне больно. Шаг. Шаг.

Хорошо, пусть таких больше нет. Жаль, нельзя даже посмотреть на Скорфуса, летящего надо мной. Он не может составлять мне

компанию по-настоящему – сев, например, на плечо или двигаясь параллельно. Поэтому он там, в небе, достаточно высоко, чтобы не вызывать вопросов, но все равно я словно чувствую его – чувствую, и мне легче. Я улыбаюсь шире, еще чуть-чуть прибавляю шагу. Не бежать, нет. Небрежность и спешка чреватые тем, что к стопе прилипнет особенно настойчивый уголек. Так ты точно получишь ожог.

Жрецы поют – рыже-красные хитоны похожи на пламя в густой ночи. Недвижные глаза, могучие голоса, я могла бы коснуться лиц, если бы отпустила корзину и раскинула руки. А гости там, впереди, смотрят – с помесью любопытства и сочувствия. За столами собрались далеко не любители такого зрелища, как «жареная принцесса», многие страшно боятся сбить меня лишним движением; другие же не сомневаются, что я собьюсь сама. Я не была на чужих коронациях, но, насколько знаю, просто пройти по раскаленным углям и пройти по ним без повреждений – разные вещи. Когда ты закончишь, никто не будет тебя проверять; твоя главная задача – дойти.

Папа говорил, что сбился в какой-то момент с шага и настроя, не нашел ритм снова, чудом не уронил корзину – и не сплясал только потому, что не мог опозорить маму, следившую за ним из-за стола. Он дошел с гордо поднятой головой, но когда сел, все губы его были искусаны, а ноги в волдырях, заживавших потом пару месяцев. Мой бедный папа... он всегда был сильным.

И на него давила *пришлость*. Могу себе представить.

За мной наблюдают десятки, если не сотни глаз, но я хотела бы смотреть в одни. Хорошо, звучит слишком безнадежно, но правда – бирюзовый взгляд Эвера, которого я, как и Клио, Ардона и Рикуса, посадила с собой за один стол, поддерживает меня, пусть я не могу его различить. Лишь понимаю: вон он, там. Иди, Орфо. Иди. А если еще качнешь волосами на этой высокой ноте – будет красиво. Шаг. Шаг. Дыши.

До столов, ломящихся от еды, немного – и я еще ускоряюсь по мере того, как рванее становится кастаньетный ритм и отрывистее – хвалы Зирусу. Рикус украдкой помахал мне уже несколько раз, хотя это не принято; Клио, сильно волнуясь, грызет ногти, хотя это невежливо. А Ардон, судя по кувшину, который они с Эвером возле себя

поставили, уже готовится тушить мои ступни в случае чего. В кувшине наверняка молоко со льдом.

Почему-то думаю о том, как несправедливы наши обычаи – ведь даже если бы у меня был муж, испытание мы проходили бы порознь, по очереди. Как мама с отцом. Как все наши предки, женившиеся и выходявшие замуж уже после коронации; как родители Клио. Как Лэлэйя и Арэстэс, коронованные вместе. Разве не глупо? Почему коронуемым вместе нельзя пройти по углям рука об руку? Впрочем, жрецы объяснили все очень просто:

«Вдвоем сложнее. Чужой шаг всегда отвлекает».

Может, и так. Я точно думала бы, не споткнется ли мой партнер. Посматривала бы на его носки и пятки, неволью подлаживалась бы, чтобы не отстал и не опередил. И наоборот – у него наверняка в какой-то момент возник бы соблазн избавить меня от испытания, просто поднять на руки и нести...

Проклятие. Я ведь представляю рядом конкретного партнера, представляю даже, каково быть на его руках и какие болезненные ожоги он получил бы от нашего двойного веса. Шаг. Шаг. Уголек едва не попадает на незащищенную верхнюю часть ступни, я избегаю этого чудом и сжимаю челюсти, натягивая на губы улыбку и понимая, что покраснелась от жары.

Не только от этого. Я представляю рядом Эвера.

Рыжих огненных глаз впереди уже почти нет. Дорожка обрывается в пяти шагах от первого стола, и как же прохладна вечерняя росистая трава. Шаг. Зубы можно разжать. Корзина чуть не падает – руки прошивает дрожь. Но я вдыхаю полной грудью и говорю:

– Слава Зирусу. Слава Арфемису. Слава Святой Горе!

– СЛАВА! – откликаются за спиной жрецы, и от голосов их дрожит листва на деревьях.

– Слава! – скандируют и гости, не сводя с меня глаз.

Когда я опускаю корзину с тяжелым выдохом, когда кастаньеты, дав последнюю череду ликующих ударов, смолкают и смолкают зычные певчие голоса, Эвер привстает. Не он один: вскакивает Клио, встают многие в делегациях, поднимается даже Орлиное Ребро в Белом Песке – высокомерный вождь красного народа, прибывший последним, сегодня днем. Он наблюдает за мной мерцающими

закатными глазами, с любопытством исследователя, но и не без уважения. Похоже, он, как и многие, не надеялся, что я пройду.

Но я прошла. Прошла! Только теперь, вместо ударов ракушек и переливов хора слыша возбужденный гомон, я это понимаю. Спohватившись, бегло проверяю пятки и места между пальцами – чистые, впрочем, боль я бы почувствовала сразу. Наконец могу выдохнуть уже по-настоящему, одарить всех настоящей улыбкой и даже помахать. Подумаешь, угли. Не самое страшное в моей жизни. Хотя ощущение – будто под пятками поселились блуждающие огоньки и словно бы... вполне сдружились с моей душой? – необычное. Может, во всех этих ритуалах очищения и правда живут частички божественной силы, которые я должна впитать?

– Будьте, – громко говорю я последнюю формулу, – мне свидетелями.

Я чиста. Ну... хоть в чем-то.

Гости медленно садятся на места: убедились, что я в порядке. Обвожу столы взглядом – они расставлены полусолнцем, где центральный «луч» – мой стол, справа идут «лучи» столов, за которыми сидят гирийские патриции и нобили, а слева – «лучи» делегатов. Все смотрят, ждут – ведь это не все. Последней, медленнее остальных, опускается Клио; ее горящий испуганный взгляд прикован ко мне: похоже, она до сих пор подозревает, что ноги я сожгла и лишь не подаю виду.

Я улыбаюсь ей, поудобнее перехватывая корзину, – и медленно иду вдоль длинной боковой скамьи, вдоль чужих спин. Клио там, во главе стола, по левую руку от меня между Ардоном и Рикусом, в то время как по правую – Эвер, кир Мористеос и кир патриций по медицине Хиршус. Слева также вся физальская делегация и их стража, а справа Илфокион, несколько токсотов высшего ранга, медики отца и прочие люди, на которых я полагаюсь все минувшие дни. Я посадила их тут, не смотря ни на сословие, ни на что, кроме заслуг. В последнюю неделю я чуть не сошла с ума и сегодня благодарю всех, кто не дал мне это сделать. Место выделено и Скорфусу – прямо на столе, между Эвером и киром Мористеосом. Он уже приземлился туда и с достоинством вылизывает лапу.

Я подступаю к Клио – и, по-прежнему улыбаясь, вынимаю из корзины яблоко, самое красное яблоко из всех, что там лежат. В наших

землях нет яблоневых рощ, лишь немногим меченым садовникам удается вырастить эти капризные фрукты. Чаще их привозят из северных провинций, но это яблоко – с единственной яблони, что выжила здесь, прямо у нас. Я посадила ее восемь лет назад для Лина – он яблоки обожал, – но первые плоды она дала лишь год назад, когда он уже редко что брал из моих рук. Я не скажу об этом Клио, но скажу другое:

– Да умножится наша дружба, эфенди.

Клио, расплываясь в ответной теплой улыбке, принимает дар, трогает мои пальцы. Я слегка кланяюсь ей и иду левее, ловя полные любопытства взгляды. Ну конечно, они ждут. Это важная часть обряда – пронесенную по углям корзину нужно разделить с иноземными гостями. Главе каждой делегации – дать фрукт в знак дружбы и доверия, одарить в том порядке, в каком видится тебе важность отношений с той или иной страной. Другьям принято давать фрукты первым, враги получают последние – иногда успевшие помяться от неаккуратной ходьбы. Но я, кажется, донесла все фрукты нормальными. И раздаю я их ровно так, как люди сидят.

Гроздь белого винограда – синекорой Рушди Ша из Хиды, удивленно и приветливо сверкнувшей темными глазами и россыпью приклеенных ко лбу страз.

Спелый инжир – Орлиному Ребру в Белом Песке, снова приподнявшемуся мне навстречу и блеснувшему в полумраке серебристой птицей на смуглой щеке.

Три золотистых абрикоса – улыбчивому старику Лу Цинь из Ийтакоса и второе спелое яблоко – его маленькой внучке, ерзающей рядом.

Постепенно я одариваю всех глав делегаций и, поняв, что фрукты остались, решаю замкнуть круг. Обхожу столы справа, раздавая яблоки и апельсины, виноград, инжир и абрикосы патрициям и военачальникам. Корзина была тяжелая, и вроде бы я примерно рассчитала все. Да, фруктов хватает. В последний раз я ныряю в корзину, уже стоя возле Эвера. Ирония... в моих руках большой, немного надломившийся от спелости гранат.

Я смотрю поднявшему голову Эверу в глаза, стараюсь улыбнуться – но вспоминаю то, что вспоминать сейчас не стоит. Скорее всего, он

видит это в моем взгляде. Потянувшаяся к гранату рука дрожит, но уже через секунду крепко, уверенно сжимает мою кисть.

«Все в порядке. Это вовсе не я вчера пропустил дипломатический ужин. Не я лежал поверх покрывала на кровати и смотрел в потолок пустыми глазами, пока за окном сгущались сумерки. Не в меня удалось впихнуть в качестве хоть какой-то еды всего пять-шесть виноградин».

Я оставляю ему гранат, отнимаю руку – и демонстративно швыряю корзину себе за спину, на самый край берега пруда. Это тоже часть ритуала: показать, что она пуста, что ты ничего не припас себе и готов отказаться от всех благ во имя других. Гости аплодируют. Снова начинается тихая музыка, уже без пения. Жрецы покидают нас: вдоль меркнувших углей уходят пламенным строем в сторону главных замковых ворот. Как всегда, подчеркивают непричастность к королевским делам, даже дать им фрукты было нельзя – а ведь я благодарна. За то, что два месяца терпели мое каменно-унылое лицо. Давали советы, какие могли. Спокойно стояли рядом, когда, в очередной раз охваченная ужасом смерти, я просто упала лицом в снег Святой Горы и решила полежать, хотя следовало лишь благоговейно умыться им и съесть немного. Да много за что, я была... мягко скажем, сложной коронуемой особой. Но увы. Мне не поблагодарить ни одного из них даже простым «Спасибо от всего сердца, такой-то». У жрецов Святой Горы нет имен и ничего, что бы их заменяло, кроме безликого «кир святейшество».

Проводив жрецов глазами, плюхаюсь на место между Эвером и Ардоном. Скорфус тут же лезет мне под ладонь, сверкая глазом, я треплю его макушку и улыбаюсь, но в следующий миг рука замирает. Как, уже? Я замечаю золотую чашу, испещренную гравированными силуэтами держащихся за руки богов и богинь. Она полна чуть мерцающей, вязкой зеленоватой жидкости. Да, точно, ее подготовил кто-то из жрецов, еще пока я обносила делегации.

Давай, принцесса, утоли жажду.

Гости посматривают на меня – и, не найдя ничего лучше, я начинаю есть. Просто ломаю хлеб, макаю в масло и заталкиваю в себя, не запивая. Тяжеловато. Но сойдет.

Под столом вторую мою ладонь накрывает рука – и я украдкой поворачиваюсь. Эвер улыбается уголком рта, и я улыбаюсь в ответ,

снова прогоняя все, что хоть немного похоже на страх. Дело ведь не в змеином яде, который мне скоро предстоит выпить. И не в огненной дорожке, все еще заметной в темно-зеленой траве. Я просто...

Эвер берет мою руку, подносит к губам. Второй поцелуй касается метки-стрелы, и меня глупо пробирает дрожь. Я расправляю плечи, смотрю вокруг. С удивлением и настороженностью за нами наблюдают лишь некоторые физальцы; остальным гостям, похоже, все равно, или же они попросту считают происходящее в порядке вещей. Есть даже взгляды, полные умиления, такие, будто мы играем в красивой драме. Ведь Гирия всегда была одной из самых свободных стран на континенте, когда дело касалось любви, плотской и внебрачной в том числе. А может...

А может, они убеждены, что вот он, мой будущий муж. Может, они только и ждут какого-нибудь подтверждения догадок – например, прямых слов о скорой помолвке? Боги... а ведь наверняка. Волшебница и гаситель, разве не идеально для них же, заранее опасующихся моего грядущего безумия? Откуда им знать, что наш брак невозможен?

Невозможен. И в этом в том числе виновата я сама.

Эвер медленно отпускает мою руку, складывает на коленях свои. Не ест. Даже гранат лежит нетронутым возле его пустой тарелки. Поймав мой взгляд снова, Эвер все-таки кладет себе немного орехов, винограда и сыра, потом половинку груши. Я не могу настаивать. У меня и говорить-то пока не получается, все силы уходят на борьбу с мыслями.

Я чувствую его поцелуи, оба, и вспоминаю, как он вырвал руку вчера. Как бросил на траву мамин цветок, как безумно смотрел то на него, то на всех нас. Как ушел в себя. Как отказался идти с нами наверх и долго сидел где-то в саду; наверняка там же, где прежде я, – у ландышевой стены. По крайней мере, от него пахло ландышами потом, когда он все же вернулся, а я ждала у двери. Ждала, только чтобы спросить: «С тобой все в порядке?» и покорно пропустить его в покои. Я, может, и могла бы пойти за ним, расспросить подробнее, попытаться насчет его видений, или что это было. Но духу не хватило. Тогда – нет.

Я не заговорила об этом и вечером, когда все-таки заглянула в его покои – принесла еду. Просто присела рядом, просто спросила, могу

ли помочь, и он устало покачал головой. Я понимала его. Точнее, я понимала, каково не понимать себя и как раздражают все эти вопросы: «Что с тобой?», «Ты же сделаешь с этим что-то?», «Вчера ведь все было нормально, разве нет?». Понимала я и кое-что еще, что впервые заставила себя четко проговорить в мыслях – но не вслух.

Нормально не было. Скорфус ошибся, Эверу не стало легче, наоборот. Если бы я хоть что-то в этом понимала, сказала бы, что Подземье – какая-нибудь тень Монстра, не знаю – тянет из него силы, то больше, то меньше, но тянет постоянно. Что будет, когда... если они кончатся?

Я не знаю, понимает ли он это сам, но, скорее всего, да, просто молчит. Я не могу избавиться от чувства, что над нами что-то висит, оно преследовало меня и весь следующий день – пока я не видела его, пока готовилась, молилась, проверяла рассадку гостей, шла по углям. Не укладывается в голове, где он взял силы сейчас. Чтобы сидеть со мной, целовать мою руку и говорить:

– Вряд ли это вкусно. Если ты готова, то, может, лучше сейчас?

Может. Тогда, по крайней мере, церемониальная часть вечера закончится еще немного быстрее. После змеиного яда мне останется только пирриха.

Гости сразу, по неведомому знамению, замечают мое движение – как пальцы берутся за золоченую ножку чаши, как я начинаю вставать. Я делаю это медленно – чтобы дать стихнуть музыке, чтобы замолкли голоса – и чтобы собраться. Мне не нужно долгих красивых речей. Не нужно никого ни в чем убеждать, все, что должны услышать люди и боги, – формулы. Снова формулы, ничего больше. Я окончательно встаю и крепче сжимаю чашу, поднимаю ее на уровень груди. Гости окончательно замолкают и тоже тянутся к своим напиткам.

– Я объявляю этот тост, – зычно, ровно начинаю я, – за всех вас, собравшихся здесь сегодня. Мои союзники. – Обвожу глазами левые столы. – Мои опоры. – Обвожу правые. – Я обещаю быть всем вам верным другом, обещаю стремиться к мудрости, спокойствию и изобилию. – Поднимаю чашу чуть выше. – Я заверяю вас, что достойна венца. Я подчинюсь всем Правилам и сделаю так, чтобы их соблюдали прочие. Я... – Все-таки запинаясь. Я не должна думать о том, как они все могут завтра удивиться. – Я безгрешна. Я чиста. Я пью за вас. Я пью за свою землю. И за богов.

– За богов! – Как и век за веком, гости повторяют лишь последние слова. Тянут кубки к губам.

– За моего отца, – совсем-совсем тихо, почти шепотом добавляю я и начинаю пить.

Я делаю все ради тебя, папа. Все, что не ради Гирии и мира, – только ради тебя.

Змеиный яд похож на перебродивший ромашковый отвар с лимонным соком: затхлый, кисловато-горький. Самое отвратительное – не вкус, а маслянистость, он будто пленкой остается на зубах, на языке, не хочется представлять, как такой же пленкой он покроет горло. Бояться нечего: у меня здоровый желудок, нет язв. Вряд ли это кому-то неизвестно, но все время, что осушаю чашу, я ловлю десятки взглядов. Они никуда не деваются, и когда я ставлю чашу на стол, когда медленно сажусь, заученно улыбаясь. Украдкой все же прислушиваюсь к себе: как... как оно там? Не нашел ли яд все-таки лазейку в кровь? Не позаботился ли об этом Арфемис, наверняка ненавидящий меня и зовущий в мыслях так же, как иногда Скорфус: «бешеная везучая сучка»?

– Ты как, человечка? – Он, точно поняв, что я о нем думаю, обнажает в ухмылке клыки. – Понравилось?

– Хочешь облизать? – Сую правую ладонь ему под нос. На пальцах осталось немного желтовато-зеленой жидкости, стекшей из переполненной чаши.

– Бо-оги. – Он закатывает глаз и демонстративно придвигает мне миску для полоскания рук, предусмотрительно принесенную слугой в какой-то незаметный момент.

Глупо, но... я осторожно горжусь собой. Справилась! Справилась и с этим, и, наверное, отцу был бы приятен мой тост. Старательно мою руки, я сама чувствую на губах улыбку и даже не сгоняю ее. Зачем? Поводов улыбаться мало. К тому же так никто не догадается, что на самом деле происходит у меня в голове.

На моей тарелке растет количество еды: ее подкладывают и Эвер, и Ардон. Жареные овощи, кусочки запеченной рыбы, кабанины и зайчатины, креветки, клубника, голубой сыр. Из-за плеча Ардона на меня смотрит Клио – в глазах столько беспокойства, что я думаю ободрить ее: «Ну же, видишь? Я цела!» Но внезапный голод оказывается сильнее, и я набрасываюсь на еду, правда, пока лишь

самую легкую. До танцев недолго. Я вообще объявила бы их сейчас, чтобы закончить церемониал и провести остаток вечера, ни на кого не оглядываясь. Но регламент четкий: какое-то время нужно ждать, не подействует ли на меня яд.

Не надейтесь. Похоже, единственное его свойство – пробуждать аппетит.

Я аккуратно цепляю на вилку рыбу и овощи, не притрагиваясь к кабанятине, хотя очень ее люблю – одно из немногих вкусовых предпочтений, роднящих меня с мамой. Прекрасно... подумала об этом и перестала расстраиваться, что это мясо слишком тяжелое, чтобы после него выплясывать, и потому пока его лучше откладывать на край тарелки. Остынет... ну ничего. Кабанятина хороша в любом виде.

Скорфус, слопав миску моллюсков, поднявшись и выставив хвост трубой, отправился погулять по столу – явно подразнить гостей, а может, и нарваться на пару поглаживаний и почесываний. Мористеос и Хиршус обсуждают с Эвером какие-то коронационные дела, и он старательно им улыбается, уверяя, что за всем – за мной? – присмотрит. Клио и Рикус завели разговор со своей делегацией, которая, кстати, – до сегодняшнего утра я этого не замечала и, может, к лучшему – смешанная. На две страны сразу. Игаптяне не прислали никого из высших нобилей, только несколько мелких дипломатов прибились к физальцам. Конечно, я почувствовала легкое унижение, но не разрешила себе злиться. И красный апельсин во время недавнего «обхода» честно вручила одному из этих смуглых темноглазых юношей, так мало похожих на Ардона. Они хотя бы улыбались мне и не шарахались, уже неплохо. И по приезде подарили жутковатую, убийственно дорогую статую крокодила из зеленого золота. Но если так подумать...

– Что? – Плавая в невеселых мыслях, я не сразу перехватила пристальный взгляд Ардона. Теперь беспокоюсь: может, он понял, что меня расстраивает? Все-таки это его соотечественники, а я, наверное, тарашусь на них так, будто подумываю сожрать.

– А ты довольно удивительная, – говорит он с мягкой улыбкой.

Я в неожиданном смущении теряюсь среди татуировок, покрывающих его лицо. Например, только сейчас замечаю тонкие черные лианы от висков к линии челюсти, они уходят в щетину, и это

сбивает с толку. Но в голове пульсирует: это еще что? Пусть только попробует... не знаю... заставить ревновать Клио? Она же не будет. Точно не будет. Он что, не понимает?

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю немного опасливо.

И кошусь на Эвера: чтобы ревновал он, мне точно не нужно. Кажется, когда мы только знакомились с ребятами, его беспокоило мое дружелюбие. Не хочу, чтобы это возвращалось, а Ардон сегодня ну просто невероятно предупредителен: и кувшин приготовил, и перед самым ритуалом прочел мне целую дополнительную лекцию об ожогах.

– Ты так тепло держалась, ты вполне могла бы быть хозяйкой. – Он кивает на свою метку.

Немного расслабляюсь. Да что я... если у него и есть мотивы любезничать со мной Клио назло, то они имеют куда меньший вес, чем инстинкты... замашки?... хозяина. То самое «позаботиться об этой ненормальной, даже если я не обязан». Но почему я...

– Но я волшебница, – говорю очевидное, не зная, что еще ответить. – Боюсь, это подходит мне больше, а все остальное стоит мне больших усилий.

– И все же ты расстраиваешься, когда твоей добротой пренебрегают, а это наша черта. – Он качает головой. – Быть заботливым ведь непросто. Нормально, что хочется отдачи.

Он цепляет на вилку кабанятину, отправляет в рот. Я завистливо вздыхаю и немного люблюсь тем, как изящно он ест. Наверное, когда ты растешь с *настоящей* принцессой, это получается естественно. Тебе даже не хочется схватить что-то рукой, по крайней мере, на официальных мероприятиях. Не то что я, всегда готовая, урча и ерзя, поглощать еду как придется.

– С чего ты решил, что я... – Но он кидает взгляд на своих соотечественников, и остается только щелкнуть зубами, удерживая окончание фразы. – А. Нет, не принимай на свой счет, и я вовсе не обижена, просто похоже, моих дипломатических усилий...

– Эфенди, – весело обрывает он и наклоняется чуть ближе. Зубы блестят в ободряющей улыбке. – Поверь, это не так, Игапта вполне благосклонна к тебе и многого ждет от тебя. Тебя почтила присутствием целая игаптская принцесса, пусть живущая в соседнем государстве, и...

Тут прикусывает язык он сам. Улыбка пригасает, он выпрямляется, берет кубок и отпивает вина. Сегодня мы сделали исключение: вино есть. Было бы странно пренебречь им, а еще страннее – запретить его остальным, объясняя это какими-то загадочными предосторожностями. В замке полно целеров, согнаны все до единого, включая резервы. Они не пьют и пристально следят за порядком, равно готовые и защищать, и нападать. Ничего не случится, а вот лишнюю панику сеять точно не надо.

– И ты?

Слова для меня очевидны, по его чуть опустившимся векам и дрогнувшим ресницам. А ведь я должна была раньше задаться здоровым вопросом: что этот игаптянин делает рядом с Клио в чужом, пусть дружественном, государстве, зачем переехал? Я мало знаю и о Рикусе, только пару деталей – что он сын одного из военачальников Гринориса и давно с ним в ссоре. Но Ардон...

– Ты случайно не еще один какой-нибудь принц? – шутливо спрашиваю я, прежде чем он вообще заявил бы, что имел в виду что-то другое.

Он вздыхает, явно раздосадованный, что я вцепилась в тему, и убирает за ухо черную прядь.

– Нет. Я просто зеркальное отражение.

Удивленно на него смотрю, даже тычу пальцем в локоть. Я ослышалась? Он снова смеется, но уже не очень весело.

– Нет, нет. – Он цепляет еще кусок мяса, крутит на вилке. – Неужели ты не слышала про зеркальный род маджжа? «Вторых после консула»?

– Я очень мало знаю об Игапте. – Не уточняю причину: это ведь при дворе твердили, что великая и могучая Игапта – наш враг, укладом и обычаями которого зазорно интересоваться.

– Он сопровождает род консулов. Каждый консул, если ему удастся сменить правящую династию, приводит своего маджжа. – Ардон говорит тихо: явно не хочет привлечь внимание друзей. – Мы сопровождаем Трэвосов уже три поколения. Народ давно выбирает наследников этого рода, доволен курсом.

– А что означает *сопровождение* и почему *зеркальный*? – все еще не понимаю я, а про себя думаю о другом. Народ, выбирающий правителя... мне всегда казалось это необычным. Зато наверняка это

избавляет от многих проблем, связанных с правилом двадцати лет: просто объяви «конкурс на самую крепкую руку, самую светлую голову и самую железную задницу» и... наслаждайся?

– Мой отец женился одновременно с консулом Рагсисом – как женились одновременно их деды. У моего отца восемь детей, как восемь детей у Рагсиса, – перечисляет Ардон. – Число всегда должно совпадать. На каждого принца или принцессу из правящего рода приходится человек из нашего. И должен его или ее оберегать. Мне вот досталась Клио, я – ее зеркало. Куда она, туда и я; если ее сильно ранят, я смогу отдать ей свою кровь; если ей что-то грозит, я должен за нее убивать, а если угрозой станет она – я убью ее... и так далее.

Голос у него ровный, я слышу только легкую печаль. Но в моей голове бьется: вот же кошмар. Ну и чем это лучше волшебников и гасителей? Всматриваюсь Ардону в глаза.

– Я счастлив, – быстро говорит он, и я почти верю ему. Но не могу просто покивать.

– А она? – Не лучший вопрос, но я вспоминаю, какой расстроенной Клио была вчера утром. В том числе из-за этого очаровашки. Да и Рикуса он поддразнивает неприятно. Непростой все-таки у этого «зеркала» характер.

Ардон молчит. Я попала по больному. Он замечает на своей вилке мясо, облегченно впивается в кусок зубами, явно радуясь, что выиграл время. Он все еще очень изящно это делает. Это вдвойне необычно для его довольно грубого, воинственного лица. Его манерам, наверное, позавидовал бы даже Илфокион. Может, и завидует: сидит недалеко, хотя сейчас я его и не вижу.

– Не знаю, – наконец выдавливает Ардон. – Еще недавно мне казалось...

– А потом ты что-то подслушал, а может, и увидел, как она лежит на кровати чужого мертвого парня. – Не без удовлетворения мщу ему, вспомнив, как еще недавно он меня перебил. – И думаю, теперь тебя немного расстраивает судьба быть прикованным к той, которая...

Но тут я запинаясь сама, спохватившись, что Клио рядом, пусть и отвлечена беседой. Да и что я могу тут сказать? «К той, которая влюблена в моего брата»? «К той, которая явно не спешит становиться твоей женой»? Слова все же приходят, но я уже поняла: лучше

придержаться их. «К той, которой явно нужно время. И, возможно, глубокое разочарование».

Как же глупо все вышло. Конечно, когда мы дети... когда мы дети, мы привязываемся слишком импульсивно, привязываемся, уцепившись за какой-то один хороший поступок и дальше не замечая тысячу плохих. Разве не так – после одних только ландышей – я привязалась к Эверу? Ладно, у него «тысячи плохих поступков» не было, но, зная меня, я бы простила, даже бы не увидела. Как с Лином... Лина мне есть в чем винить, и сейчас, оглядываясь в прошлое, я понимаю, что наш общий мир начал крошиться задолго до появления «детей героев». Не в день ли, когда мама увела его из замка и он даже не обернулся на меня, сброшенную с лестницы и истекающую кровью? Когда поверил ей, а не мне, сразу почувствовавшей дурное? Но *тогда* год за годом я помнила, как добр брат был, когда мой дар только явил себя и родители испугались.

«Эй, малыш... волшебники, знаешь ли, на самом деле всегда творили великие дела».

Это сказал он. Не папа, не мама. Не Эвер.

– Он был так хорош? – в лоб спрашивает Ардон тоном, будто точит нож, а потом нехотя добавляет: – Да, видел... и забрал ее оттуда. Может, зря, она так плакала...

Я качаю головой, даже не осознав этого: хорош? Лин? О, если бы... Спыхватываюсь, сухо добавляю:

– Нет, но я прошу тебя этим не пользоваться. И вообще в это больше не лезть.

Судя по приподнявшимся бровям, он собирается уточнить, что я имею в виду, но я его опережаю:

– Ты поступил не просто нехорошо. Что-то мне подсказывает, что дома у Клио и так не очень много личной свободы, а тут еще ты даешь понять, что следишь за каждым ее шагом. И вообще, знаешь... хаби... – Не мое дело, но молчать не могу. – Тебе стоило бы быть помягче с друзьями. Соответствовать своей метке не только в том, что раздаешь всем еду.

Ардон готов спорить. Внезапно поняв, что до одурения устала и не хочу быть его любовным или дружеским ментором, хватаю со своей тарелки кусок кабанятины и сую ему прямо в пасть. Быстро отдергиваю руку, чтобы он машинально меня не укусил. Но он даже

жевать начинает не сразу, еще какое-то время просто разглядывает меня, одновременно удивленно и виновато.

– Это воспринимается так? – Боги, да он искренне расстроился.

– А как еще? – Вздохнув, отправляю в свой рот кусочек сыра. – Ну или уж в крайнем случае... – Сыр кисловат, я макаю палец в мед и быстро его облизываю. – Подслушал что-то – промолчи и потом просто используй информацию на свое усмотрение. А ты этого явно не сделал.

– Меня убило еще то, что Рикус так спокойно ко всему отнесся, заявил, что все понимает... – мрачно начинает он. – А впрочем, он вообще слишком мягок, чтобы быть воином. Ему все хиханьки да хаханьки. Иногда это заражает, иногда это здорово, но...

Опасливо кошусь поверх его плеча: несколько наших реплик назад Клио с Рикусом встали и отошли что-то обсудить с тем самым контуженным физальцем из делегации. Так что, к счастью, они пропустили самую непростую часть разговора. Но они уже возвращаются, и пора заканчивать. Я прижимаю палец к губам и совсем тихо говорю:

– Вряд ли это окажется так, если вы попадете в беду. И как минимум он хороший друг. Не намекаю, что ты плохой, но еще раз: будь помягче. Думаю... – ободряюще треплю Ардона по запястью, просто чтобы разжал кулак, – у вас все еще наладится. Не знаю, в том ли смысле, в каком тебе этого хочется, но почти уверена.

Ардон кивает мне. Клио с Рикусом садятся на места.

– О чем вы щебечете? – лукаво спрашивает у меня Клио, но отвечает Ардон.

– О том, как здорово, что мы познакомились. И как важно оставлять прошлое в прошлом. – Не отказывая себе в удовольствии, я сильно, очень сильно лягаю его в икру под столом, а потом и наступаю на пальцы правой ноги. Его лицо ничего не выдает. – ...Когда на это появляются силы. Рано или поздно они всегда появляются. И... это ведь не мешает беречь светлую память, да?

Клио смотрит на него долго, и опаска, обида, сомнение в ее глазах медленно угасают. Наконец она несмело улыбается и просит подложить ей крольчатины. Я случайно встречаюсь взглядом с Рикусом – и тот шумно, но с явным одобрением фыркает. Неужели понял, какую работу я тут проделала?

– Он прав, – тихо раздается из-за плеча, и я поворачиваюсь. На меня смотрит Эвер, от которого наконец отстали патриции. – Ты могла бы быть хозяйкой.

Что ж, даже ведя свою беседу, он ничего не упустил из нашего разговора. Пора уже привыкнуть к широкому и только растущим разбросом его... талантов? Мне есть что вспомнить, например, тот бешеный бег до башни, в котором он меня, говоря словами Скорфуса, уделал. Или то, как он позаботился с патрициями о достойном приеме делегаций? Да много чего, и сверхслух тут не предел. Главное, не заикливаться на его сносящих голову поцелуях и на том, как его пальцы...

Ох.

– Я бы хотела для начала тоже стать хорошим другом. – Слабо улыбаюсь, смотря ему в глаза. Он осторожно поднимает руки и массирует виски. – Но, наверное, для такого нет специальной метки. Как ты себя чувствуешь?

– Неплохо. – Вроде бы он не врет. Только тарелка все еще почти не тронута. – Правда, у еды почему-то вкус гнилой земли и пепла... – Он спохватывается, издает смешок, не глядя хватая что-то. – Но я понимаю, что это тоже иллюзия, точно так же, как...

– Эвер. – Быстро перехватываю его запястье. В пальцах винограда. В моем горле опять ком. – Не ешь. Не надо. Подожди, пока эта... иллюзия пройдет. Не нужно ничего изображать.

Он кусает губу, кивок совсем слабый. Наверное, оба мы вспоминаем одно и то же – как вчера он обошелся с орхидеей. Тогда ведь у него тоже были какие-то проблемы с едой, он объяснял, что она то ли заплесневела, то ли еще что-то. Запоздало вспыхивает догадка: а не поэтому ли мне так сложно было накормить его хотя бы виноградом вчера, после дипломатического ужина? В тревоге сжимается уже мой собственный желудок. О нет.

– Это *не пройдет*. Да? – Кто только тянет меня за язык, кто мешает нормально подобрать слова? Спешно уточняю: – В смысле... в ближайшие минуты? – Не хочу, чтобы он уклонялся, поэтому спрашиваю быстрее, резче: – Ты завтракал? Обедал?

Сдаваясь, он качает головой. Потом снова кивает.

– Да, я пытался, потому что понимаю причины и понимаю, что все не по-настоящему, но...

Но есть гнилую землю и пепел противно, вряд ли легко удержать рвотный позыв, даже если ты все понимаешь. Я не нахожусь с ответом – только отнимаю виноградину и нервно кидаю в рот. Сладкая, сочная, да еще без косточек. Восхитительная, ведь фрукты и ягоды для пира подбирали придирчиво; кажется, это делал лично кир Мористеос, который до сих пор помнит один крайне неудачный ужин с подгнившей клубникой. Где земля? Где прах? Я проглатываю кожицу и виноградный сок, смотрю на Эвера, надеясь, что на моем лице не проступило отчаяние. Он слабо улыбается. Берет с тарелки хлеб, смачивает в масле и надкусывает.

– Вот с ним все пока более-менее неплохо. Скорфус, кстати, говорил, что, как и вино, хлеб в одном из миров – священная еда.

– Скорфус знает о твоей... – не могу сказать «проблеме», говорю: – ...беде?

Эвер кивает. Его вид становится таким виноватым, что я просто не могу этого вынести.

– Да что же вы у меня все разваливаетесь... – Вздохнув, беру чашу с вином. Эвер тоже. – Слушай. Давай мы выпьем за тебя. А можем и за нас. поможет. Что-то же должно помочь.

Может, время? Вот только времени у нас нет.

Наши чаши звонко стучат друг о друга. Глядя мне в глаза, Эвер медленно пьет вино.

– Нормально? – едва произношу. Думаю о том, можно ли хоть на время заменить так еду.

– Да, вино – нормально, – отзывается он. – И вообще все нормально. Не бойся.

Но я не свожу с него взгляда, наверное слишком острого, и снова чувствую внутри натянутую струну. Я боюсь. Я очень много боюсь, а еще большего – опасаясь. Что его сейчас вырвет, если он врет мне и заставляет себя пить. Что вино повредит ему, ведь я понятию не имею, что с ним, и медики, которым мы вчера все же пожаловались на его недомогание, – тоже. А еще что... проклятие. Да. Я не могу себя обманывать. Видя, как подрагивает его рука, и вспоминая вчерашнее, с этим злосчастным цветком, я предательски боюсь того, на что мне должно быть наплевать: что в очередном приступе галлюцинаций или боги знают чего Эвер...

Опрокинет стол или пару тарелок?

Схватит меня или Ардона за волосы?

Начнет кричать или еще как-то перепугает гостей, для которых мы так стараемся?

Не это ли еще одна причина, что я посадила его рядом с собой?

Боги. Я омерзительна. Я вообще не должна думать об этом, я...

– Может, мне уйти? – вдруг тихо спрашивает он.

Тон спокойный, но я почти не сомневаюсь: Эвер что-то понял. Возможно, он просто думал о том же все это время, а возможно, я владею лицом хуже, чем думала. Если так, то плевать.

– Ну нет, – шепчу я, и моя улыбка натянутая лишь в первую пару секунд. До того, как я плавно опускаю руку ему на колено. – Даже не думай. Ночь будет долгой. Я собираюсь провести ее... правильно, вдруг она у меня все же последняя?

Усилия того стоят: он чуть не проливает на себя вино, особенно когда я слегка сжимаю пальцы. Все так же смотрит мне в глаза, ищет ответ на немое: «Ты имеешь в виду?..» Я медленно веду ладонью чуть выше, потом все-таки сжимаюсь и убираю ее. Снова залезаю пальцами в мед, облизываю их. Эвер следит за мной. Я улыбаюсь шире и невинно пожимаю плечами.

– В любом случае не стоит бросать меня, Эвер. Я ненавижу танцы, мне нужна поддержка.

Возможно, кто-то из патрициев услышал слово «танцы» и отдал соответствующие распоряжения; возможно, я просто потеряла счет времени – но уже минут через десять я чувствую, как в настроении за столами снова что-то меняется. Голосов звучит все меньше, некоторые гости ерзают. Музыканты играют с другим настроением: к сонным струнным снова прибавляются раковины и кастаньеты. Ополоснув руки, я глубоко вздыхаю, встаю. Я понимаю, что это значит. Это призыв.

За спиной вырастает молодой темнокожий целер и подает мне сначала торакс, а потом Финни, аккуратно завернутую сразу в пять или шесть слоев священного шелка. Кроме церемониального пояса, это чуть ли не единственный безопасный способ чужому взять ее в руки, да и то, избавившись от меча, юноша тут же начинает дуть себе на обожженные ладони. Ардон сочувственно двигает к нему тот кувшин с молоком, который не понадобился мне, и даже предлагает полить на руки. Может, я строга. Может, не такой и скверный он хозяин.

Я иду вдоль стола, расправив плечи. Заново привыкаю к ощущению прохладного металла поверх тонкой туники, расшитой золотом. Дорожка из угольков почти совсем остыла – я чувствую это на первом же шаге и думаю теперь о том, как долго придется мыть ноги. Но это позже... сейчас не до этого.

Некоторые гости – конечно, не все, такого не добивается никто, – поднявшись, уже следуют за мной. Они идут справа и слева, тихо переговариваясь и иногда поднимая головы к темному звездному небу, похожему сейчас на бархатное полотно. Скорфус быстро вспархивает мне на плечо и трется о мое ухо.

– Почти все позади, человечница. Выше нос.

Только вздыхаю, пытаюсь расправить плечи еще немного: снова думаю о папе. Сейчас он мог бы идти со мной, ведь это уже не испытание. Это просто обычай, что-то вроде игры, театральной, скорее символической. Я уже показала гостям свою выдержку. Щедрость. Умение говорить. Осталось умение двигаться и сражаться.

Похожий на полумесяц помост с оркестром раскинулся справа от угольной дорожки; перед ним – ровное, свободное от цветов травянистое пространство. Здесь поместится человек сорок, но сейчас их намного меньше... пятнадцать? Двадцать? Никого из физальцев, зато те два симпатичных игаптянина здесь; здесь почти вся делегация Хиды; здесь Орлиное Ребро в Белом Песке и двое его соплеменников помоложе – но с ними понятно, красный народ обожает танцы, у них танцуют все и по малейшему поводу, вплоть до обильного дождя. А вот моим подданным участвовать в пиррихе не позволено. Они могут лишь наблюдать.

Скорфус меня оставляет, напоследок пожелав поборнее крутить задом. Остальные тоже отстают, и вот уже нас разделяет пять шагов, десять, пятнадцать. Я останавливаюсь перед самым помостом. Надо мной льется сменяющаяся мелодия – поднимается волной. Становится все более нервной, рваной. Гости смотрят на меня, и на миг снова кажется то, что испугало меня утром.

Мне восемь. Моя мать развязала войну. Толпа ненавидит меня.

В мелодию врывается особенно испуганная струнная трель: пора. Я поднимаю меч так, чтобы он разделил мое лицо пополам, а потом – когда струны невидимой лиры словно рвутся и ее затмевают несколько более басистых кифар – делаю плавное круговое движение клинком,

рукой и всем телом. Финни очерчивает меня искристой спиралью. Лиры снова поют: кружись!

Враги будто взяли меня в кольцо, но этим вихревым, порхающим взмахом я могла бы снести головы всем им. Не могу – потому что врагов нет. Мелодия уже звенит и стучит, веет гулким ракушечным ветром, подхватывает меня – и ноги сами знают, как ступать, а руки – какие пассы делать. Я перестаю чувствовать вес Финни, вообще сливаюсь с ней, как не всегда сливаюсь даже в бою. Она продолжение моей руки; росистая трава – продолжение моих усталых ног. Все так просто: под нисходящую мелодию припасть на колени, под взлетающую – потянуться вверх, будто враг крылат или будто я хочу разрубить луну. И снова взмахивать мечом, чертить им невидимые узоры, выгибать спину. И украдкой радоваться, что на меня не надели платье.

Струнные звенят и спорят, сетуют и смеются. Духовые зовут в бой, кастаньеты из устричных раковин отмеряют шаги. Я кидаюсь вперед. Падаю, как трава под ветром. Так же распрямляюсь.

За мной следят, встречая вздохами некоторые пассы. Ни одно движение не ускользает от гостей, толпящихся там, ближе к пепельной дорожке. Я не пытаюсь вовлечь их, я понимаю, что они не приблизятся, боясь моего оружия, – и, как многих, пирриха в какой-то момент повергает меня в транс, вытеснив даже тоску. Из-за отца, с которым мы должны были разыгрывать сражение-танец вдвоем. Скрещивать клинки, обходить друг друга, украдкой соприкоснуться свободными руками, а в конце – обменяться оружием, красиво подбросив его в воздух.

Его нет. Поэтому я танцую так, словно он мог бы видеть меня.

Когда я снова вспоминаю, что не одна, когда на очередном развороте смотрю на гостей, они уже двигаются. Им не позволено прибегать к оружию, дипломатическая пирриха проще: люди берутся за руки, люди вторят моему шагу и расцепляют пальцы ровно тогда, когда нужно повернуться. Поначалу – и снова, так всегда – все довольно нелепо, потому что кое-кто выпил уже много и путается в ногах, а кое-кто просто неловок. Для коронуемого это тоже испытание – не сбиться самому, не засмеяться, видя, как кто-то с кем-то сталкивается или даже падает, пытаясь за ним поспеть. Наоборот, нужно намеренно чуть замедлиться, следуя за музыкой. Так я и делаю

– и постепенно ритм заражает людей. Мой ритм, моя сила – все это сливается с их ритмом и их силой, они быстрее и увереннее поднимают спотыкающихся, слаженнее повторяют за мной повороты и шаги – даже когда опускаются на колено или тянутся вверх. И их все больше. Они выходят из-за столов. Я словно управляю маленькой армией. Самой странной, самой разномастной армией на свете. Целым миром.

Я смотрю на них – через расстояние. Снова кружусь под взмывающую музыку, сосредотачиваюсь, осторожно приближаюсь еще на два-три танцующих шага и веду Финни вперед – так, чтобы искры с ее клинка долетели до ближайших гостей. Они оседают на волосах и нарядах. Кто-то издает удивленный возглас, кто-то даже пятится, но танец не прерывается. Я не решаюсь приблизиться еще, чтобы точно никого не задеть. Новый взмах меча – и искры сыплются сильнее, белые, голубые и лиловые. Словно я сбиваю с неба звезды.

Маленькая девочка из Ийтакоса смеется, кружась со своим седым дедом. Орлиное Ребро величественно и грациозно вскидывает руку к луне. Клио, Рикус и Ардон, успевшие появиться в толпе, крепко держатся за руки и тоже поднимают их слаженной волной, а потом припадают на колено вместе с прочими гостями; музыканты, словно все разом, решили порвать струны, разбить кастаньеты и отдать духовым раковинам весь воздух...

Значит, это финал.

Я запрокидываю подбородок, подбрасываю меч и, когда он падает, ловлю его уже острием вниз. Он почти касается моих ключиц. Он пронзил бы меня, как кинжал пронзил мать.

Музыка затихает. Волна впереди снова идет вверх. Распрявившиеся гости аплодируют мне, я медленно опускаю оружие, выдыхаю и склоняюсь перед ними. Моя последняя формула проста:

– Я справлюсь с любой бедой и не дам музыке замолчать. Потому что я чиста.

Все позади. Завтра я стану королевой.

Они почтительно, даже восхищенно расступаются, когда я иду навстречу. Все, кроме моих физальцев, тут же, наоборот, окруживших меня, начавших хлопать по плечам. Рикус сообщает, что я богиня, Клио просто бессвязно пищит, Ардон без лишних комплиментов сообщает, что моя челка прилипла ко лбу и вот-вот засалится. Кручу

головой: нет Скорфуса, где он? Думаю спросить и чувствую внезапный укол сомнения: что, если он... не смотрел? Встряхиваюсь, вытираю пот, отбрасываю злосчастную челку. Да с чего бы? Он не мог пропустить подобное, он где-то там, в толпе или за столами, из-за которых все время танца не позволено вставать гирийской половине гостей. Так и оказывается: почти до хруста вывернув шею в сторону, я нахожу его – рядом с Эвером, они разговаривают. Скорфус обеспокоенно мотает хвостом влево-вправо, а вот Эвер, наоборот, словно бы приободрился, неуверенно кивает, потом прижимает к груди кулак. Точно почувствовав мой взгляд, он вскидывается и встает. Скорфус взмывает в воздух.

Я встречаю его на середине пути к столам, ловлю и прижимаю к себе.

– Фу, ты потная! – ворчит он, но трется об меня, прижимая уши к голове.

– А я была красивая? – просто не могу не спросить. – Ну, когда танцевала?

– Да, почти как танцоры мамушки, – ворчит он, перебираясь мне на плечи, чтобы привычно лечь там воротником.

– Что это – мамушка? – Поднимаю брови.

– Да забудь, забудь, всякие дурацкие сабельные танцы другого мира, – хмыкает он. – Твой был лучше, богами клянусь. Жаль, правда, что без толстого короля...

Ему правда жаль. Несколько следующих шагов я делаю с закрытыми глазами, чтобы мысли об отце не выбили меня из колеи. Все. Я справилась. Но я должна улыбаться.

Прохладный ветер обдувает кожу, роса приносит облегчение грязным ногам. На место за столом я падаю, стаскиваю с себя Скорфуса и, поколебавшись, все-таки беру кувшин с водянистым ледяным молоком. Наклонившись, начинаю омыwać ступни, одновременно выравнивая окончательно дыхание – и радуясь, что никто не рвется мне помогать. Даже Ардон и Эвер просто наблюдают, как по моей коже, между пальцев, стекает белая жидкость, постепенно становясь грязновато-серой. Я прислушиваюсь к себе. Радуюсь ли я? Ну... немного. Арфемис явно сжалился, раз не спалил мне пятки, не дал ни отравиться, ни пораниться, ни споткнуться. Значит ли это, что и завтра все обойдется? Или церемония выдалась такой гладкой и даже

довольно впечатляющей, именно чтобы моя позорная смерть особенно потрясла гостей и подданных?

– Это было очень впечатляюще, – тихо говорит Эвер, когда я выпрямляюсь и, перекинув ноги через скамью, поворачиваюсь к столу. Смотрю на кабанятину. Нет, я расхотела есть.

– Спасибо, – все, что срывается с губ, и я беру пустой кубок, который проходящий мимо слуга тут же любезно наполняет вином. – Надеюсь.

– С такого расстояния, наверное, должно было быть видно не очень хорошо, но... – Эвер запинается. Кидает взгляд на Финни, которую я оставила на траве, рядом со снятым доспехом. – По мечу многое угадывалось.

Странное ощущение: продолжить он хотел как-то иначе. Но как? Всматриваюсь в него поверх кубка, понимаю, что не хочу гадать, и просто тихо говорю:

– Что ж. Да здравствует королева, как бы это ни звучало.

– Да здравствует королева, – мягко повторяет он, и наши кубки стучат друг о друга.

В его взгляде обещание. Снова то обещание.

«Я сделаю все, чтобы...»

– Мы справимся, – добавляю я, делая глоток, и, может, вино бьет в голову, а может, я наконец немного расслабляюсь по-настоящему. Но я чудовищно хочу поцеловать Эвера. Прямо сейчас.

Он протягивает руку и отводит волосы с моего лба. Я кусаю губы, думая, как на поцелуй отреагируют окружающие – воспримут как долгожданное: «Да, да, мы женимся, эта белокурая мечта каждой принцессы — моя!»? Не хочу тешить их иллюзиями, нет сил травить ими и собственную душу. Заставляю себя отстраниться, перехватить его запястье – но не выпустить. Пытаюсь отвлечься, кошусь на Клио и ребят, разговаривающих голова к голове, маленьким кружком. Не знаю, что они обсуждают, но надеюсь – свои проблемы. Не буду им мешать. Все, что могла, я сделала, а если Ардон еще раз ляпнет что-нибудь насчет чувств Клио или позволит себе хоть какое-то дерзкое замечание про моего брата, я вырву ему все волосы. И, возможно, зубы.

Делаю еще глоток вина и сама не замечаю, как осушаю кубок. Снова наполняю сама – и свой, и кубок Эвера. Ищу Скорфуса, тоже

порой равнодушно к спиртному, но он куда-то незаметно пропал. На столе его точно нет, его хохот обычно слышен издали.

– Эвер, – тихо зову я, снова повернувшись. – А-а-а где мой крылатый засранец? И что он там к тебе приставал во время пиррихи?

– Не знаю, – отвечает он на первый вопрос. Улыбается на второй: – Он волновался о тебе, и он... кое-что придумал. Но я расскажу тебе чуть позже. Не здесь.

Не здесь. Меня пробирает дрожь, причины которой я даже не могу понять. Наверное, это дрожь надежды, но почему тогда на словах «не здесь» я снова думаю о том, что эта ночь все-таки может стать для меня последней? И начать ее я хочу не с разговоров.

Я снова пью. Эвер тоже. С облегчением замечаю, что еды на его тарелке стало чуть меньше.

Музыка опять играет, и некоторые гости уже ушли туда, на притоптанную траву, чтобы нестройно, но взявшись за руки, танцевать, больше не ловя чужой ритм. Я сплотила их. Ненадолго, но сплотила. Рикус, Ардон и Клио, встав, тоже идут вдоль серой угольной дорожки, и их пальцы переплетены. Никто не кажется сейчас ни расстроенным, ни напряженным.

Может, все не зря. Даже если завтра для меня все кончится, они будут помнить, что я до последнего старалась сближать людей. Как папа.

А не стравливать их, как мама. И Лин.

8. Темная комната, запертая изнутри Эвер

Гости не спешат расходиться, но, похоже, Орфо все равно. Она оставляет сад без оглядок, ее ладонь крепко сжимает мою. Я едва замечаю, как мы преодолеваем прохладный холл с фонтаном, лестницу, несколько дозоров. Наверное, мы увлеклись: все вино, моя кровь сама неотличима от вина. Его вкус и на губах, оно победило вкус земли и пепла, мне стало легче. Мне почти хорошо, и я хватаюсь за это чувство, зная, как скоро оно меня покинет.

За этаж до жилого Орфо ныряет в возникший будто из ниоткуда коридор, узкий, темный и без окон. Наверняка тупиковый – он идет под странным углом, ничем не украшен: ни статуй, ни картин, ни гобеленов. Я даже не знаю, куда он может вести, что там за помещения. Малая библиотека? Хранилище подарков, которые королевской семье негодились и которые в праздничные дни будут щедро раздаваться народу? Иатрия, в которой медики Плиниуса берут некоторые снадобья, чтобы не спускаться вечно на служебные этажи?

Стены голые, от камня веет сыростью – я чувствую это, когда Орфо прижимает меня спиной к одной из них. Ее руки, обвившие мою шею, ее губы, прильнувшие к моим, наоборот, горячие – и винный запах с тонкой волной граната, яда и малины захлестывает меня сильнее. Наконец это окончательно происходит – тиски в моей груди ослабевают, уходит тошнота. Прямо сейчас я верю: все еще может быть в порядке. Даже мерзкое ощущение, со вчерашнего дня мешающее мне есть, может уйти. Рвота камнями ведь ушла. Разве нет?

Я обнимаю Орфо за пояс, притягивая ближе, отвечаю, быстро делая почти игривый поцелуй глубже, настойчивее: я устал держаться, устал делать вид, что она не сводит меня с ума все сильнее. Меня. Не монстров. Она рвано выдыхает. Кусает уголок моей губы, словно прося еще мгновение промедления, – и делает незаметное движение рукой возле моей головы. Там, кажется, был подсвечник-дельфин... и она его повернула. Стена за мной приходит в движение, пол кренится, и мы оба оказываемся в совсем глубокой, совсем ледяной темноте.

Орфо не дает мне прерваться, глухо смеется в губы.

– Тише, не пугайся...

Ход. Ну конечно, опять. Она знает их наперечет и хочет попасть куда-то, обойдя стражу. На миг думаю, как неосмотрительно, учитывая все, что вокруг нас происходит, оставлять такие лазейки доступными... Они хороши для нас, пьяных и потерявших ненадолго осторожность. Но еще лучше – для наших возможных врагов.

Я хочу сказать это, но в голове туманится, когда уже Орфо оказывается у стены, в этом холодном мраке. Ее пальцы впились в мой ворот, другая рука скользит по спине под рубашкой, я ничего не вижу – и может, поэтому хуже контролирую себя. Я не осознаю, как перехватываю ее бедра и легко приподнимаю. Как целую снова в губы, потом в шею, остро понимая, как мешает мне одежда, как я хочу содрать ее с нас обоих. Она снова обнимает меня одной рукой, пальцы другой запускает в волосы, сжимая их ровно до той боли, которая не способна напомнить о дурном. Хозяин хватал их не так. Тянул до хруста шеи, словно проверял на прочность. Орфо знает, как потянуть так, чтобы тысячи приятных мурашек бежали по позвоночнику и чтобы я почти задохнулся. Чтобы следующий мой поцелуй пришелся ниже, чтобы губами через тунику я почувствовал: после пиррихи, где-то между нашими тостами и побегом, она избавилась от бинтов, перетягивавших грудь. Я заставляю себя прерваться, чуть отстраниться, справляюсь с желанием сквозь ткань прихватить твердый от холода или нетерпения сосок губами и тихо спрашиваю:

– Хочешь короноваться со сломанной ногой?.. Я могу тебя уронить.

Мы фыркаем. Даже это напряжение между нами, тягучее и темное, легко обращается игрой. Мы знаем друг друга слишком долго и помним другими. Мы никогда не любили тот самый театр, о котором говорили с физальцами. Это в театре, особенно мыльном, скользкий пол, плесень, сырой воздух, а порой и ползающие вокруг жуки и змеи не мешают Большой Страстной Любви. Может, все это не помешало бы и нам после такой дозы выпитого, но...

– Не хочу. – Она нехотя освобождается, спрыгивает на пол, тянет меня за собой. – Пошли. Только не упади, твоя сломанная нога мне тоже не нужна.

Я иду – не могу даже выпустить ее запястье; боги знают где мы и насколько просто отсюда выбраться. Я ненавижу эти ее внезапные

«открытия» еще в детстве; тесные пространства, стены, способные проглотить и не выпустить, не будоражили, а пугали меня.

– Если разозлю тебя, бросишь меня тут? – спрашиваю в спину полушутливо, в следующий же миг врезаюсь в нее. Почти губами в губы: Орфо опять развернулась, опять притянула меня к себе, но поцелуй слишком короткий. И слишком обещающий.

– В темноте можно сделать намного больше интересных вещей, Эвер. В следующий раз могу показать.

И снова я слышу ее шаги, снова мы идем – начался подъем. Крутой и долгий, пару раз я спотыкаюсь, она тоже путается в ногах – и даже сквозь жаркий туман я не могу совсем не думать о том, что будет, если оба мы где-то поскользнемся, сломаем не ноги, а шеи и останемся лежать тут до скончания времен. Нас никто не услышит, даже вонь нашего разложения могут не почувствовать. Орфо будто слышит мои мысли: сжимает руку крепче, тянет увереннее, и еще через несколько шагов подъем кончается. Воздух становится чуть теплее и суше, из какой-то щели падает узкая-узкая полоска факельного света. Но мы все еще почти полностью в темноте.

– Пришли, – шепчет Орфо и снова поворачивается ко мне. Во мраке я различаю блеск ее глаз. – Хотя ты подсказываешь слишком хорошие идеи. – Пальцы пробегаются по моему воротнику и расстегивают пару пуговиц. – Может, все-таки хочешь задержаться?

– Я... – Но прежде чем я бы ответил, она подступает вплотную.

Сжимает уже обе мои ладони, всматриваясь в лицо.

– В темноте ты точно не увидишь ничего дурного, – шепчет она так, что я чувствую дыхание на губах. – Порой мне кажется... темнота спасительна.

Глупо, но на миг я опять думаю об этом: она правда может бросить меня здесь. Она еще не знает, как это опрометчиво, не знает, что сказал мне Скорфус, но я не могу судить ее, ведь она... она, возможно, чувствует что-то кроме пьяного желания бесконечно целоваться.

За столом я видел, как она обеспокоена, как сожалеет о моей дурноте и одновременно как терпеливо и покорно ждет от меня... чего-то, за что ей придется оправдываться. Она всячески это скрывала, скрывала до самого конца, ловя меня в толпе взглядом, полным надежды и благодарности, а не настороженности и мольбы: «Не

выкини ничего лишнего». Но думаю, сейчас ей намного легче. Легче от самого факта, что мы наедине и я больше не представляю опасности.

Для ее образа будущей королевы. Для гостей, не подозревающих о моих припадках. Для столов, блюд и кувшинов. Но не для нее.

– Нет?.. – шепчет она, проводя по моим волосам совсем легко. Во взгляде снова надежда. И слова, которые кажутся мне опрометчивыми: «Тогда и я останусь тут с тобой».

Я смотрю в ее глаза и все еще слышу... тишину. Голоса не возвращаются, боятся ли они вина, темноты, *ее* или того, что я чувствую даже от переплетения наших дыханий, но так или иначе...

– Не знаю, – едва удается вытолкнуть ответ из горла. Я не хочу говорить об этом, не хочу думать, но ведь это было неизбежно. Шагнув чуть назад, прислоняюсь к стене, и с губ все-таки срывается: – Но ты уверена, что ко мне безопасно приближаться? Особенно там, где... .. где тебя, если что, никто не найдет.

Темнота смеется – Орфо уже опять подошла. Чувствую мягкое движение – в кладку по обе стороны от меня упираются руки, это напоминает что-то давнее и кажущееся таким смешным. Губы совсем мимолетно касаются моих губ, щеки, линии челюсти. По ключицам проводят ногти, и еще пара пуговиц оказывается расстегнута.

– Я волшебница, Эвер, – шепчет она, снова запуская пальцы мне в волосы. – Как-нибудь справлюсь, если ты надумаешь броситься, но...

Перехватывает дыхание: она прижимается вплотную, делает такой смешной и невинный жест – легонько трется о другую мою щеку своей щекой, будто кошка. А потом снова внимательно, уже совсем иначе смотрит в глаза. Рыжая полоса блестит на наших лицах.

– Но я не думаю, что мне нужно тебя бояться. Мне нужно тебе помочь. И кажется, обо всем этом мы уже говорили. Поэтому перестань.

Я не успеваю коснуться ее лица в ответ, не успеваю ее отстранить и хотя бы попытаться объяснить, что это бессмысленно и невозможно, – она отступает сама. Берет мои пальцы уже мягко, тянет, другой рукой снова что-то со скрипом поворачивает в стене – и мы буквально вываливаемся из ниши в неизвестность.

Ноги предают нас, мы падаем и какое-то время лежим друг против друга – на смутно знакомом ковре из звериных шкур. Вокруг

синеватый полумрак, свет – рассеянный, звездно-лунный – льется лишь из узкого окна, выходящего на море. Лицо Орфо кажется бледным. Но там ни тени колебания.

– Мы убедились, что все это не заразно, – выдыхает она под скрежет отъезжающей на место стены. Я начинаю подниматься, помогаю ей встать. – И ты никому не сделал зла, кроме цветка.

– Что, если это пока? – предательски срывается с губ, но я заставляю себя продолжить: – Если дальше мне померещится на твоём месте гарпия или химера, если...

– Вот тогда и разберемся. – Она касается пальцем моих губ. А потом искры, слабые, но невыносимые, загораются в ее глазах, и она снова оказывается слишком близко. – Но я кое-что заметила, Эвер, и думаю, это важно, хотя, вообще-то, это сказал еще Скорфус, а я не слушала...

– Что? – Я удерживаю ее за плечо. Вспоминаю, что услышал от Скорфуса сам.

Но второй рукой она уже снова забралась пальцами под ткань моей рубашки. Там, где они касаются, будто расцветают огненные космеи.

– Поцелуи всегда работают. Ты кажешься таким расслабленным... со мной. Снова нет?

Я обнимаю ее в ответ прежде, чем нашел бы слова. Ткань туники не может скрыть жар ее тела; она сминается и слишком легко ползет с левого плеча, даже когда не ослаблена шнуровка. Все... просто? Достаточно просто, чтобы это могло немного подождать.

Я сам накрываю ее губы своими, и она отвечает, привстав на носки. Ей этого не нужно, мы почти одного роста, зато от движения ее качает вперед – а я невольно отступаю, увлекая ее за собой, врезаюсь во что-то лопатками, и это что-то деревянно грохочет. Дверца... шкафа? В ноздри бьет резкий цветочно-пыльный флер, я вдыхаю его, вздрагиваю и, резко открыв глаза, наконец понимаю, где именно мы оказались. Нет. Не может быть.

– Орфо. – Я отрываюсь от ее губ. Ноги подогнулись, спина все еще упирается в резную древесину, а Орфо немного нависает надо мной, комкая в пальцах отвороты рубашки.

Я поднимаю голову. Потолок зеркальный. А вокруг далеко не один огромный, украшенный резными фигурами сирен, сфинксов, змей и

химер шкафа. Мы в эстесе ее матери. Наши силуэты там, наверху, темные и дрожащие. Одиноким, непонятно кем зажженный подсвечник у ниши почти не дает света – точно весь его крадет тайный ход.

Тревога заставляет вздрогнуть, нетвердо распрямиться. Орфо снова настойчиво целует меня, но отвечая, я шагаю вперед, сжимаю вместо ее бедер плечи, даже встряхиваю. Я не хочу быть здесь. Она чувствует мое напряжение, чувствует, что я толкаю ее, а не просто веду. Поэтому наконец прерывается сама и вопросительно смотрит мне в глаза.

– Это единственное место, где сейчас точно нет стражи. – Усмешка играет на губах, но в тот же миг меркнет. – Что случилось? Это лишь... покой.

– Наверное... – Мой голос хриплый. Я не могу справиться ни с тревогой, ни с тем, что она не может до конца затмить, – с желанием снова подхватить Орфо, поцеловать и перестать думать о темных шкафах и их мертвой хозяйке. – ...это не то место, где тебе стоит провести последнюю ночь.

– Или наоборот. – Она, глядя все так же пристально, но уже чуть холоднее и хищнее, поводит головой – волосы, из которых давно исчезли заколки в виде птиц и оливковых веток, рассыпаются густым водопадом. – Может, мне давно пора *забрать* это место себе. Может, это шаг, который сделать стоит. И я знаю, как начать.

Она говорит твердо, мрачно – а я не понимаю, что в ее глазах. Решимость, может, даже ярость – но не только. Я поднимаю руку и отвожу прядь с ее виска. Она скользит ладонями по моей груди, легонько гладя, будто успокаивая, но по дрожи в пальцах я понимаю: успокоиться нужнее ей самой. Она действительно думает об этом. О каком-то реванше. О каком-то одной ей понятном способе показать мертвой матери: *Ты проиграла. Теперь все будет иначе.*

– Может быть. – Я вовсе не уверен, что она действительно не права. – Но точно ли сейчас?

Она все-таки отстраняется, отступает – но не спорит. Смотрит несколько секунд, словно чего-то ожидая или что-то решая, и наконец вдруг, легко обогнув меня, идет к шкафам. Это почти танцующее движение похоже на те, которыми она завораживала в саду и от которых я не мог оторвать глаз. Я снова видел слишком ясно, видел, как если бы стоял рядом, но у меня не было сил даже бояться этой

зоркости – как не было раньше, пока Орфо, хрупкая и величественная, шла по углям. И идущая по углям, и танцующая пирриху, она замкнула на себе весь мой мир. В те минуты я хотел одного – чтобы у нее все получилось и чтобы она вернулась. Невредимой. Улыбающейся. Я чувствовал себя почти как в детстве, когда на нее падало какое-нибудь испытание, которое она блестяще выдерживала. И одновременно совсем иначе – потому что мечтал поцеловать ее, нет, о намного большем – глядя, как она изгибается в танце, как запрокидывает голову и как ищет украдкой мой, именно мой взгляд.

Я не противился, беря у нее гранат, я повторял себе, что... люблю ее? Даже когда голоса меня нашли, даже когда зашептали, сжав виски злобным визгом:

Она не упала! Не сгорела!

Я хватался за виски раз за разом, я представлял на своей руке когтистую перчатку, а голоса – уродливыми чудовищами, подобными мне же. И я прогнал их, окончательно прогнал. Надолго ли?

– Я знаю одно, – шепчет Орфо, пройдя к дальнему угловому шкафу, бегло глянув на меня через оголенное плечо. Открывает дверцу, привстает на носки, вынимает что-то. – У мамы есть сокровища. Которых она не заслуживает. – Она плавно, хотя и чуть шатаясь, идет назад; руки спрятаны за спину, и поэтому я теряюсь, когда она снова оказывается вплотную и что-то прохладное опускается на мой лоб. – Зато *мы* заслуживаем. Смотри.

Она касается пальцами моего подбородка, приподнимая его так, чтобы я взглянул в потолок. Смотрит туда же – и на нас смотрят наши зеркальные двойники. Волосы Орфо клубятся темным, поблескивающим в лунном свете облаком. А на моих, белых, как сама стареющая луна, светлеет диадема из зеленого золота, эмали и жемчуга. Ландышевая диадема.

Ее ладони касаются моего лица снова, ногти легонько впиваются в кожу, и я послушно опускаю голову. Сердце колотится. Но к этой вещи я не чувствую омерзения, скорее... трепет. Орфо гладит меня по щеке, не отводя потемневших внимательных глаз. Шагает вперед. Я – назад, едва замечая, как снова опускаю ладони на ее поясницу.

– Я так давно хотела забрать ее... всегда хотела.

Я думаю снять диадему и надеть на нее, но пальцы перехватывают мою кисть.

– Нет. Так – лучше. Ты меня спас. Она – твоя.

И что-то во мне, будто сама темнота, но на этот раз теплая и безголосая, отзывается кивком: «Да». Я тоже хочу ее забрать. В память о том полном боли ребенке, которым я был. И которым была Орфо. Разве не нас обоих в каком-то смысле вернули к жизни ландыши?

– Идем. – Орфо снова берет меня за запястье, ее рука горячее углей. – Идем же.

Может, она и задумала все ради этой *кражи* – а теперь спешит уйти? Спешит – и потому снова спотыкается, продираясь через синий полог из бусин, спешит – и потому едва помнит, куда меня тащит. А может, наоборот – не знаю. Но я не успеваю подумать, не успеваю сказать ни слова, когда в спальне Валато Каператис Орфо снова останавливается так, чтобы я в нее врезался, прижимается и целует меня. Слишком быстро. Слишком жарко. Слишком близко от широкой кровати с пологом. Я хочу лишь снова обнять ее, увести, но мир предательски качается. Темное покрывало, встретившее нас, пахнет не пылью, а розой и можжевельником.

Я вглядываюсь в Орфо сверху вниз, она усмехается – и одним движением меняет нас местами. Ее жар пронзает меня до самых костей, когда она жметя бедрами к моим бедрам, когда склоняется так низко, что волосы, пахнувшие дымом, закрывают комнату пологом. В этой новой темноте жарко. Так, что я сам помогаю ей расстегнуть последние пуговицы, так, что она ослабляет шнуровку на своем вороте и тянет тунику наверх – но не успевает снять, потому что я наклоняю ее и целую, ведя ладонью по спине вверх и поднимая ткань. Она сводит меня с ума такой – не обнаженной, а лишь в сбившейся, смявшейся одежде, и кажется, мы ощущаем это одинаково: мой пояс она расстегивает медленно, не прерывая поцелуя, и не спешит стягивать с меня рубашку.

Я и не позволю ей это сделать. Ведь она сразу увидит...

– Эти шрамы, – выдыхает она сквозь поцелуй, прерывает его, смотрит ниже моих ключиц. Дрогнув, ладонь проводит по животу, груди, я перехватываю пальцы, но не отвожу взгляда. Это потрясло ее. Снова. Как будто с прошлого раза они могли исчезнуть.

– Не нужно смотреть на них. В этом ничего необычного.

Что еще я могу ей сказать? «Сложно найти раба, у которого не было бы хоть одного подобного увечья»? «Сложно найти раба,

который не попытался бы хоть раз сбежать и не поплатился бы за это»? Сложно...

– Как здорово было бы отменить однажды рабство... Дикие ведь живут без него.

Она выдыхает это сбивчиво, будто слова прорастают колючками в горле. Освобождает руку, медленно поправляет диадему на моей голове – и снова ведет пальцами по рубцам на груди. До синяка на боку, которого не касается. Снова – по рубцам, уже вверх. Я качаю головой. Я слишком хорошо знаю мир, который нас окружает. Мир рабов, тех или иных.

– Сколько тебе было? – Орфо спрашивает это еще сдавленное, и я знаю почему. Она догадывается об ответе.

– Десять.

– Тебя бил не тот, кто тебя продал.

– Нет.

Тот, кто меня купил. И сам же подобрал мне самую действенную мазь. И конечно же, втер ее, сопровождая это поцелуями и нежнейшими словами.

«Я же люблю тебя, малыш. Зачем тебе бежать?»

Странно – говорить о подобном с прекрасной девушкой, которая сидит на мне, говорить и не чувствовать той дурноты, к которой я привык, той, которая накатывала каждый раз, когда там, на пляже, еще маленькие Орфо и Лин спрашивали, почему я не раздеваюсь. Я закрываю глаза, думая сделать это на несколько мгновений, чтобы просто подобрать хоть что-то похожее на внятный, взрослый, взвешенный ответ; чтобы ушло ощущение – неправильное, – будто я опять ухожу в себя и прячусь, будто отталкиваю Орфо, будто не оставил *это* позади, будто...

– Эй.

Чувствую движение: она плавно скатывается с меня. Ложится рядом, осторожно разворачивает к себе, выжидательно смотрит: не «скажи хоть что-нибудь», но «дыши». И я утыкаюсь лицом в ее шею, снова чувствую запах волос, с глубоким вдохом обнимаю поперек спины. Я никогда, даже в десять лет, не плакал из-за этого. Но мне всегда хотелось вот так заслониться, просто уткнувшись в кого-то. Мы замираем. Ландышевая диадема сбивается набок, но я едва замечаю, я не ощущаю больше своего тела – кроме позвоночника, по которому

Орфо водит пальцами. Она не может не чувствовать шрамов и там. Она сможет насчитать те же девять, если постарается. Первый удар пришелся на лопатки, второй – в грудь, когда я развернулся. Не в лицо. Лицо хозяину нравилось. Там, в Подземье, не то борясь с Монстром, не то пытаюсь задобрить его, я иногда справлялся с тем, чтобы воскресить и поднять к самой крышке ледяного саркофага то или иное воспоминание о детстве. Чтобы Монстр увидел его, пусть даже зыбко. Чтобы почувствовал. Монстр рычал, голодно и громко. Монстр думал о том, как хотел бы показаться хозяину на глаза. Монстр ревел, а мне становилось чуть легче. В те минуты Монстр правда был мной.

– Скорфус действительно нашел способ немного... помочь нам, – говорю я, понимая: тех самых слов, взвешенных и взрослых, все-таки нет. Я не хочу ни рассказывать Орфо еще что-то о хозяине, ни повторять, что все это в прошлом и не стоит ни злости, ни боли: да, не стоит, но злость и боль есть.

Ее руки замирают. Она неуволимо напрягается, втягивает носом воздух, а потом все-таки отстраняется, чтобы видеть мои глаза. «Сейчас?» Я киваю. Пусть сейчас, если раны, зримые и призрачные, все равно не дают нам раствориться в ночи. Орфо снова опускает ладонь на мое плечо, пытается поправить диадему, но на этот раз перехватываю ее кисть, отстраняю и снимаю слабо сияющий убор. Орфо не сопротивляется. Позволяет мне медленным, осторожным движением надеть диадему уже ей на лоб. Ждет, пока я нарушу молчание и скажу то, о чем, может, мы могли бы и догадаться сами.

– Если твоя проблема – я... я должен тебя короновать. Именно *надеть на тебя венец*. То, что ты примешь его из моих рук и по моей доброй воле, скорее всего, убедит богов в том, что мной ты прощена. Учитывая все прочее, риск твоей гибели почти исчезнет. Несмотря на мое состояние.

Пару мгновений между нами висит тишина, потом Орфо округляет глаза. Облизывает губы, как в полусне касается зеленого завитка слева от центра ландышевой композиции. Шевелит губами, смотря на меня – вопросительно, с надеждой, будто с каждой секундой пробуждаясь от плохого сна. Выдержка изменила ей. То, что все это время она продолжала прокручивать в голове картины собственной смерти, становится очевидным. Неуверенно, точно еще думает ущипнуть себя, она наконец говорит то, что мы и так знаем:

– Это будет просто. Коронуемый может выбрать кого угодно, не обязательно патриция или жреца. А у меня даже папы нет... – Орфо запинается, быстро поправляется, ее голос звенит злостью на себя. – Нет сейчас. Кстати, надо бы проведать его завтра утром...

Киваю, хотя едва ли это нужно: она говорит скорее сама с собой. Смотрит на мое плечо, словно боится поднять глаза – и прочесть на лице что-то плохое. Что-то... несложно догадаться что. Несложно, ведь я уже знаю голоса в своей голове, ведь я догадываюсь, что бы они закричали и завизжали, если бы могли найти и потревожить нас здесь.

«Ты не должен!»

«Оставь ее, и пусть она умрет!»

«Она не заслужила прощения!»

«Давай же, хотя бы спроси: “На что ты готова, чтобы я тебе помог?”»

Но голосов нет. Мы сбежали от них. Может, она права и поцелуи действительно работают – хотя бы иногда. И пока это так, я шепчу другое:

– Если ты доверишь мне это, я готов. Я все еще твой гаситель. Думаю, никто не возразит.

Она улыбается уголком рта, и в улыбке правда светится оно – облегчение. Я был прав. Теперь я поправляю на ней корону, потом медленно снимаю и, потянувшись вперед, водружаю на тумбу рядом с нами. Чистую от пыли. Темную, как монолитный камень. Пустую. Ложусь назад и смотрю Орфо в глаза, растворяюсь в синеве. Когда она подается ближе и снова нависает надо мной, полог ее волос еще темнее и жарче.

– Что ж, даже если это не поможет и я погибну... – снова она щекочет мои губы дыханием, – я сама бы этого хотела. Все почти как у Арктура. И Мариона.

Я вспоминаю взгляд Скорфуса – усталый, померкший. Задумываюсь о его по-человечески безжизненных интонациях и горькой улыбке, которой он ответил на мою – полную благодарности и надежды. Он сказал тогда: «Не думай, что это поможет *обязательно*, двуногий. Тебе же лучше, если ты правда разобрался в своем сердце». Я хотел кивнуть, но мне помешал страх: а если нет? Скорфус смотрел – и на морде, обычно такой ехидной и решительной, читалось что-то, для чего не хотелось подбирать слов. Казалось, он не договорил, и

последние слова стынут на его губах. «Пожалуйста»? «Постарайся»? Но в конце концов он сказал другое, задумчиво и почти холодно: «Могу себе представить, чего это будет стоить». Я очнулся, покачал головой, уверил, что мне – ничего, и снова попытался найти форму для своего не нужного этому коту, жалкого «спасибо». Но Скорфус даже не дослушал, резко вспорхнул со стола и на прощанье бросил лишь: «Чтоб вас всех».

– Я... – Всматриваюсь Орфо в лицо. – Наверное, у меня будут дрожать руки.

Какая глупость. Улыбка оживает на ее губах.

– Я буду дрожать вся. Но это не худшее из всего возможного.

– А что хуже? – Судя по взгляду, она имеет в виду не провал, не свою смерть. Что же еще?

– Эвер. – Удивительно, но она посмеивается. Посмеивается так, словно мы обсуждаем какой-то веселый праздник, а не попытку обмануть богов. – Ты. Будешь. Рядом со мной. И наденешь на меня корону. Боюсь, в ответ мне может захотеться что-то снять с тебя.

Последнее она говорит невинно, все так же непосредственно, и я не сомневаюсь: она знала, каким будет мое замешательство. Я думаю о том, как же ее бросает из крайности в крайность, как качает с волны ужаса на волну надежды и снова на волну... отчаянного желания не потерять ни мгновения зря? Я не знаю, насколько она на самом деле успокоена. Насколько верит в благоприятный исход, а насколько делает вид, стараясь ободрить меня. Но я знаю: она не хочет, чтобы я спрашивал об этом сейчас, когда ее раздражает столько противоречий. И я, вернув улыбку, отзываюсь:

– Принцессы так себя не ведут. Лучше делай это сейчас.

На этот раз она быстро тянет рубашку с моих плеч – и поцелуи на них обжигают. Я сжимаю пальцы на ее волосах, когда дыхание касается ключиц, когда спускается по шрамам и напряженным мышцам живота. Снова тяну ее к себе. Касаюсь губами губ, ладонями скользя по ребрам, поднимая тунику и сжимая грудь. Орфо накрывает мои ладони своими, выдыхая сдавленно и рвано, ее тело как струна, и этих прикосновений ей явно мало. Она ведет мою руку вниз, заставляя опустить пальцы на пояс, она насмешливо шепчет: «Понимаю, это не то, что просто задрать платье...» – и поддается, падает на спину, когда я меняю наше положение, чтобы скользнуть ладонью ей под

слины и услышать глухой стон. Горячая рука снова обвивает мою шею, новый поцелуй почти лишает дыхания, и я едва осознаю, как Орфо остается в одной тунике, сбившейся с плеча. Она смотрит мне в лицо, снова на шрамы, потом на пылающую плоть – и черная бездна в глазах затмевает синеву. Эта бездна глубже той, что разверзается в Подземье, а ее притяжение сильнее. Я не могу ждать, мне не нужно даже ласкать ее пальцами: раз скользнув внутрь, они находят нетерпеливый влажный жар. Она этого и не хочет, очередной стон в ухо похож на мольбу.

Она выгибает спину от первого же движения и не перестает жадно вглядываться в меня – будто я горю на ее глазах. Она кусает губы, чуть ведет головой, пытаюсь отбросить волосы, и я помогаю ей; моя ладонь замирает на теплой щеке. Я тоже не отвожу взгляда – я ведь... проклятие, я едва помню, когда и с кем был в последний раз, насколько это было больно или хорошо. Хозяин... рабыни и рабы. Чаще они: сам он после очередного полного крови дня предпочитал просто смотреть на нас, раскинувшись в кресле. После этого я не приближался почти ни к кому в том самом смысле, пытался лишь раз или два; после этого почти любая подобная мысль, не говоря уже о слишком красноречивом касании, пугала меня, и все это видели. Я лишь помнил, что – вроде бы – должен чувствовать. И что чувствовал на самом деле.

Она прикрывает глаза и мягко подается навстречу следующему моему толчку. Стонет, тихо выдыхает, сжимает мою руку и направляет ниже – снова к груди, заставляя сначала накрыть ее сквозь ткань, потом скользнуть под мятый ворот. Я склоняюсь к ней. Снова оставляю поцелуи на шее и на ключицах, двигаюсь чуть быстрее, даже не прислушиваясь к себе, ощущаю эти пламенные волны, раскатывающиеся от пояса. Незнакомые. Не кажущиеся стыдными и грязными, как не казалось ничего, что мы делали друг с другом.

Орфо снова смотрит мне в лицо, отзывается на более глубокое движение слабым вскриком. Она дрожит, но это не дрожь боли, она уже слегка давит ногтями мне на спину, там, где нет шрамов: быстрее. На щеках горит неровная краска, которую я вижу даже в сумраке. Она... она прекрасна в эту минуту, когда ее мир замкнулся на моем. Из уголька она стала пламенем. Из пепла я стал штормом.

– Орфо... – Я с трудом выдыхаю имя, просто чтобы не потерять разум окончательно, чтобы она хоть немного вернула меня на землю. Она возвращает, бросив меня в жар шепотом:

– Мне так жаль, что ты не первый.

Мне – нет. Я не хотел бы, чтобы она билась, плакала и кричала от боли подо мной. Она бы билась, плакала и кричала, как бы нежен и осторожен я ни был; я знаю это все по тем же хрупким девочкам, которых хозяин звал своими. Как меня. Моя кожа не сохранила следы их ногтей, но перед моими глазами еще долго потом стояли пятна крови и красные от слез глаза. Еще одна вещь, которой я не произнесу, но с губ срывается другое:

– В каком-то смысле... ты первая у меня.

Первая, от кого не хочется отмыться. Первая, кого не хочется отмыться от себя.

Она смотрит неотрывно, водя по моей скуле ладонью, тянет ближе, целует – и я снова двигаюсь, слыша, как сквозь наш поцелуй пробиваются стоны. Орфо, наверное, чувствует, как я отреагировал на ее слова, целует меня в щеку, прихватывает мочку уха губами, потом шепчет:

– Не стоило мне этого говорить. Я же захочу научить тебя чему-то плохому.

Движение – и она снова укладывает меня на лопатки, слабо, нежно улыбаясь и очерчивая ладонями мои скулы, а я перехватываю ее запястья. Сбиваюсь с дыхания: в этом положении волны – когда она снова позволяет мне войти в нее, когда начинает плавно двигаться со мной в такт – еще сильнее, оглушают и ослепляют. Ее стоны, словно лианы, оплетают мой разум, а невесомые касания рук – к груди, к лицу – лишают его остатков. Я не осознал, когда начал дышать так часто, когда мои руки сжались на ее бедрах, когда уже сам не смог сдержать голос – и ощутил прохладную ладонь на своих губах.

– А вот теперь я осознала масштаб бедствия.

Орфо улыбается, прижавшись лбом к моему лбу. Она отзывается на мои движения, я – на ее, и в этом соприкосновении мы будто срастаемся, срастаемся дыханием, голосами, поцелуями и телами. Я задыхаюсь, даже просто пробегая пальцами по ее ребрам. Я снова пытаюсь вспомнить, когда чувствовал похожее, было ли это хоть раз, – и не нахожу такого воспоминания, как не нахожу таких фантазий и

снов. Затравленность, стыд, острое понимание неправильности происходящего – вот чем прежде обрушивались на меня любые подобные вещи, даже когда уже не был игрушкой, которую в случае чего всегда можно отходить плетью. Теперь же...

Да. В каком-то смысле она действительно стала первой. И наверное, будет последней.

Я обнимаю ее крепче, я снова прижимаюсь губами к ее шее под волосами, я чувствую ее – или свои – движения, уже не плавные, похожие на бушующую в теле и разуме бурю. Она почти вскрикивает. Мы замираем в объятиях друг друга, и она вцепляется в мои плечи, вновь отгораживая от мира тяжелым шлейфом волос. Наша волна, высокая и хлесткая, накрывает ее первой. Но еще пара движений ее горячих сокращающихся мышц, пара толчков – и прибор выбрасывает в реальность, теплую, тихую и пронизанную нежным трепетом, меня.

Мы ложимся рядом – и какое-то время снова смотрим друг на друга. Потом Орфо убирает мои волосы с лица, заправляет за ухо и касается губами синяка на скуле. Он наконец перестал ныть. Теперь она целует его без страха сделать мне больно, и я прикрываю глаза.

– Смерть перестала казаться такой трагедией, – шепчет Орфо. – Даже если она случится.

Мне нечего ответить. Нечего, кроме: «Твоя смерть, возможно, меня убьет». Но, может быть, это говорит мой взгляд, потому что она подается опять вплотную, касается разгоряченным лбом моего лба, как уже делала, и говорит тверже:

– Но мы выживем. Иначе не может быть. Королева-волшебница и ее гаситель...

Я смежаю веки снова. Почему именно сейчас, лежа рядом со мной вот так и храня на коже следы моих поцелуев и касаний, она ищет спасительные клятвы в своем детстве?

– Навсегда, – откликаюсь я. Голоса-фантомы все еще молчат.

Может, так и будет; может, так и должно быть. Может, все это произошло, чтобы я сумел сбежать от голосов, а она – от страхов. Может, в старых клятвах и есть ответы, которые мы никак не найдем, а боги примут наш обман за чистую монету и это действительно ничего никому не будет стоить. Тогда...

– Предлагаю немного здесь поспать, – шепчет она и опускает голову мне на плечо. – Вернемся, когда будет меняться дозор. Лично я

почти не спала сегодня, Эвер, волновалась.

Я не помню, спал ли я. Кажется, тоже нет, потому что видел во сне черный цветок, от которого расползлась плесень. Когда я открыл глаза, мне даже померещилось, будто он стоит тут – прямо на моем столе, и звездный свет дрожит в стеклах и росе на бутонах. Но я моргнул, и морок исчез, а за ним пришло облегчение: цветок – это ведь... лишь цветок. Не жертвы, которых мы с Монстром растерзали, и не другие чудовища, которые, как и я, знали путь в проклятый гранатовый сад. И цветка нет. Орфо действительно отдала его садовникам.

Я соглашаюсь.

...Ночью мои жертвы стонут, визжат от боли и проклинаят меня как никогда. Среди них – хозяин, у которого из развороченного живота вываливаются внутренности; среди них – его рабыни с разодранными промежностями. Они все требуют одного – чтобы я пошел с ними. Пошел куда-то, откуда дышит холодная сырая тьма, пошел и дал им снова покрыть свою кожу струпьями и червями. Пошел – и дал им в себе прорасти.

«Твой дом там, Эвер».

«Там».

«С нами».

«Мы тебя ждем».

«Ты все равно вернешься назад, уже совсем скоро».

«Когда она будет умирать на твоих глазах».

Я просыпаюсь в поту и с трудом удерживаю крик. Какое-то время просто лежу, прислушиваясь к себе и к миру вокруг. Боюсь, что и наяву голоса закричат, что я не смогу справиться с ними и растворюсь в их воплях – ведь спастись мне нечем. Орфо найдет меня скорчившимся и сжавшимся на полу. Если вообще найдет.

Если меня.

Я поднимаю руки к лицу – они серые. Правая обратилась в железную когтистую культю.

За окнами темно, только звезды смотрят на нас десятками глаз. Орфо спит рядом, на боку, обернувшись в покрывало, как в плащ. Она... а ведь мне казалось, рядом с ней они отступают. Я снова моргаю, снова смотрю на свои руки – обычные человеческие руки – и тянусь ее обнять. Будь моим спасением, Орфо. Будь хотя бы сейчас.

Прежде чем я бы ее коснулся, она поворачивается на спину. Все еще почти обнаженная, прекрасная... не похожая на себя. Темные змеи волос стелются по груди, лицо в полумраке кажется бледным и неживым. Я смотрю на него, хватая губами воздух. Все дольше, все пристальнее, надеясь быть зачарованным, а не испуганным...

Ее лицо превращается в череп, серый и осклизлый, как голова Монстра. Она снова шевелится – и волосы выпадают клоками, пачкая подушку. Сквозь височные кости и глазницы прорастает венчик из крупных уродливых орхидей. Я сжимаю зубы, чтобы не закричать, отодвигаюсь как можно дальше, сжимаюсь и закрываю глаза, готовый лежать так до зари. Пока морок не отпустит. Озноб невидимыми пальцами водит по спине. Десятки голосов слились в один.

«Ты знаешь, что должен сделать, чтобы это кончилось. Знаешь. И теперь у тебя все шансы».

Да. Я знаю. Я короную ее, а потом все это кончится. И для нее, и для меня.

9. Яма Орфо

Когда я просыпаюсь, диадема из ландышей лежит на соседней подушке. Эвера нет. Спальня пронизана тонкими лучами утреннего солнца, вкрадывающегося из-за тяжелых темных штор.

Прежде чем уйти, Эвер их задержал. Ну, хоть что-то.

Одежда в живописном хаосе на полу, вместе с парой заколок, колец, браслетов; только туника – мятая, в одном месте даже порванная – по-прежнему на мне. Ежась, я пытаюсь поправить ее и одновременно борюсь со смутно ворочающимся внутри недовольством.

Почему его нет? Я надеялась проснуться рядом с ним. Да, смену дозоров мы проспали: видимо, вино дало о себе знать, но разве это не повод выбираться на волю вместе? Ну, держась за руки, старательно делая невинно-невозмутимый вид и фыркая на удивленные взгляды? Вздыхаю. Покоряюсь судьбе. Думаю о том, что невинный вид в таких лохмотьях у меня все равно не получится и на самом деле я предпочла бы начать утро по-другому. Совсем по-другому.

Ночью было... здорово. Но я чувствовала, что Эвер немного зажат, что он... даже не стесняется происходящего между нами, а скорее всеми силами пытается вырвать свои ощущения из когтистых лап своих же воспоминаний. Будь проклят этот его хозяин, просто чудо, что он вообще не привил Эверу страх ко всему плотскому или что мне удалось хоть немного этот страх победить. Разве это не омерзительно – когда *эрос*, одна из самых приятных на свете граней любви, приносит тебе вместо удовольствия дурноту и душевную боль?

«В каком-то смысле... ты первая у меня».

Он имел в виду не умение, а желание. Ненасильственное желание. Разбуженное, не вырванное угрозами. И несмотря на это, я сходила с ума от его объятий, поцелуев и прикосновений, от блеска его глаз и тихих, больше похожих на рваные вздохи стонов. Он совсем не был груб, нетерпелив, думал, казалось, больше обо мне, чем о себе. И это хотелось вернуть ему.

Я верну. Непременно – затащив его в какую-нибудь темноту. Если только он захочет. Когда коронация останется позади.

В ванную мамы давно не подают воду, потому уже скоро, кое-как одевшись, я бреду к дверям ее экседры – опять ловлю свои отражения в зеркалах потолка. Солнце пробралось и сюда, кидает всюду длинные золотые блики, обещает хорошую погоду. Хорошую погоду... надеюсь, это не единственное хорошее, что ждет меня... нас... сегодня. У последнего отражения останавливаюсь, долго смотрю в свои зеркальные глаза, до хруста сжав кулаки.

Нет, мама. Я ничего не испорчу. Ни себе, ни Гириш.

Зеркальная Орфо улыбается в ответ, у ног ее пляшут синеватые утренние тени.

Продолжая гадать, как и почему ушел Эвер, перешагиваю порог слишком быстро, нервно – и едва не врезаюсь в кого-то в коридоре; диадема съезжает с моих включенных волос.

– Ай... – Ловлю ее.

Слава богам, это лишь кир Мористеос. Отскочив на пару шагов, запнувшись о собственную мантию, но не упав, он уже приветливо кланяется мне.

– О, принцесса, ну наконец-то вы!

Так он тут неслучайно? Ждал? Объяснений может быть два: либо еще вчера бдительные часовые выследили нас с Эвером и сделали выводы, либо я не первая, кто выныривает из этих дверей в попытках выглядеть так, будто просто заспалась. Время для невинных улыбок. Откашливаясь, запоздало прикрываю расползшуюся ткань туники на левом плече.

– О, кир Мористеос, как неожиданно, доброе...

– Доброе, доброе! – в нетипичной манере перебивает он, но, еще раз оценив положение солнца за окном, я его понимаю. – Поспешим!

Не особо церемонясь, он ловит меня за плечи, подталкивает по коридору к моим же дверям и, идя рядом, начинает в красках рассказывать, что нужно еще сделать в преддверии церемонии и насколько сильно я опаздываю. Путь короткий, поэтому, к счастью, в рассказе я не вязну. Вывернувшись из-за угла стража встречает меня фибульным стуком, несколько заполошенных служанок появляются рядом как из воздуха и смотрят с ожиданием – когда же я впущу их. Что ж, снова смиряюсь с судьбой: сейчас меня будут мыть, причесывать, наряжать, душиить – не подушкой, а маслами, той особой королевской смесью, где лимон и кокос, мята и кедр, лаванда и еще

десяток запахов сливаются воедино и являют каждому моему подданному чуть разный флер. Может, и неплохо: без помощи я буду копошиться вечно.

Когда служанки уже шмыгают в комнату, а я еще нет, кир Мористеос кладет мне на плечо унизанную золотыми кольцами руку. Еще одно кольцо – в бороде – ловит солнечный блик.

– Хотел бы уточнить ваш выбор, принцесса. Вы действительно желаете, чтобы корону на ваше чело возложил ваш гаситель?

Я вслушиваюсь в его тон, тревожно ища обиду: все-таки кир Мористеос вправе был сам рассчитывать на эту роль. Он очень помогал мне, его любит отец, номинально именно он сейчас – верховный патриций, один из... Но темные внимательные глаза смотрят лишь деловито, озабоченно и, кажется... понимающе? Кир Мористеос уже прикидывает, кого послать мыть, причесывать и наряжать Эвера. И как сделать все побыстрее.

– Он сказал... – видя, что я медлю, начинает кир Мористеос, и я торопливо киваю.

– Да. Верно. – Мысленно благодарю Эвера за то, что он взял на себя еще и это. – Именно он. Все-таки он многое делал для меня в детстве, пострадал из-за меня, и, как вы могли заметить, сейчас я всячески показываю ему, сколь важно мне... продолжать.

– Продолжать что? – ожидаемо спрашивает кир Мористеос, рассеянно пропуская сквозь пальцы бороду. Из-за плохо закрепленного кольца она идет космами, он вздыхает и начинает ее расправлять, заново обматывая тонкие прядки вокруг металла.

– Отношения. – Спыхватываюсь: понять можно очень по-разному, лишнего лучше не выдавать. – Ну, когда он вернулся, он ведь говорил об отъезде...

Кир Мористеос поднимает широкую, с парой отчетливых седых волосков бровь. А потом почему-то переводит взгляд на мою левую руку, которой я бездумно тереблю правый рукав.

– Знакомая вещица, – пропустив мимо ушей мою неоконченную реплику, с улыбкой в голосе говорит он и... развернувшись, уходит. – Удачи! – На ходу он зовет наряд стражи, и целеры присоединяются к нему, шумно топая. – До скорой встречи, принцесса!

Проводив его озадаченным взглядом, я смотрю на свою руку сама. Тонкое бирюзовое колечко Эвера красуется на моем указательном

пальце. Похоже, он надел его на меня, пока я спала. Расплываюсь в улыбке, представляя, как бережно он это делал, чтобы меня не разбудить. Вздыхаю – и ныряю в комнату, готовая ко всем водяным, гребневым, тряпичным и благовонным пыткам.

К счастью, они не занимают так много времени, как я боялась. Девушки, зная, сколь пренебрежительно я отношусь к туалету, даже принесли часть увлажняющих кремов, масел, губок и прочего с собой. Прямо на пороге я делаю еще один глубокий вдох и отдаюсь служанкам во власть, заставив себя отринуть мысли, как хорошие, так и плохие.

С одной плохой справиться все-таки не удастся: корзина Скорфуса снова пуста. Пуста, и... у него точно была красная подушка? Кто ее поменял, зачем? Сидя против зеркала, позволяя тянуть свои волосы в разные стороны, терпеливо принимая все попытки расчесать нерасчесываемое и заплести незаплетаемое, я то кошусь, то тяну шею, то ерзаю, но ничего не могу понять. ТерблЮ кольцо Эвера. Кусаю уголок губы и щеку.

– Не тревожьтесь, принцесса, – журчит в какой-то момент у уха голос одной из служанок. – Вы будете блистать. И все пройдет прекрасно. Вы столько трудились для этого!

Далиса? Я давно не прошу никого помогать мне... примерно ни с чем, кроме смены постельного белья и влажной уборки, поэтому плохо помню девушек в лицо; возможно, они вообще пришли недавно и я вижу их впервые. Так или иначе, эта низенькая девчонка с круглым лицом и черными серпантинками локонов умиляет меня своим искренним заблуждением. Но я же не могу сказать ей: «Что ты, я лишь переживаю, не решил ли мой кот бросить меня или вообще... .. сдохнуть».

Сдохнуть. Слово, такое неожиданное, точно кем-то нашептанное, колом встает в горле. Я даже прижимаю к нему руку, потеряв формальный ответ: «Спасибо, я молюсь об этом». Скорфус? Умрет? Да откуда эта мысль вообще? Вчера он трескал и пил за обе щеки, держался бодро, разве что после пиррихи загрустил... Но я его понимаю. Он все больше беспокоится и за меня, и за свои мечты. Может, сейчас он... летает? Да, наверняка летает, проветривая голову, а может, окидывает взглядом бескрайнее море и прикидывает, куда направится, если с «этой принцессой» – со мной – ничего не выйдет.

Когда он только узнал, на какой ниточке висит моя жизнь, он ведь поддразнивал меня. Заявлял: «И что же мне теперь? Да ты хоть понимаешь, сколько я втирался в доверие к тебе? И как сложно найти принцессу без аллергии на котов?» Он лукавил, конечно же, только для того, чтобы я дергала его за хвост и возмущенно визжала. Его взгляд говорил об этом: он лишь пытался обратить в шутку все то, чего боялась я. И мне было тепло с ним, ведь он всегда тихо добавлял: «Ладно, прорвемся, человечца». Пожалуй, сейчас изменилось главное: я... хотела бы, чтобы он улетел, потеряв меня, и был счастлив.

Но, конечно же, он меня не потеряет. Останется. И счастливы мы будем вместе.

– Так лучше! – смеется... да, точно, Далиса. Ее определенно обманула моя улыбка в зеркале. – Какая вы красивая, принцесса!

– Невероятно красивая! – вторят остальные две, легкими пальцами оставляя мазки масел на моих запястьях и шее.

– Знаю.

Никогда не понимала потупленных глаз в ответ на справедливый комплимент. Я правда хороша: мне заплели и закололи лишь часть волос, остальные расчесали и чуть вытянули. Эти косы держат едва заметные серебряные и золотые заколки, больше похожие на запутавшиеся в волосах ягоды можжевельника; шею открывает низкий свободный ворот, и – слава богам – то ли Эвер был настолько осторожен вчера, что не оставил ни следа, то ли следы опять прошли. Платье бледно-лазурное, и сейчас этот цвет успокаивает меня. Хотя у наряда, конечно, нелюбимая мной длина в пол и бестолковые драпировки. Но королевы древности восходили на престол в таких облачениях. И когда я становлюсь в полный рост, когда оправляю рукава, когда одна из служанок накидывает мне на плечи легкий аквамаринный плащ с вышивкой белых ветвей по плечам, я почти смиряюсь с перспективой следующие несколько часов путаться в подоле. Зато я не похожа на оборванку, буду выглядеть даже величественно. Если не упаду лицом вниз. И если...

Нет. Я не должна снова думать об этом. Скорфус всегда знает, что делать. Скорфус ни разу меня не подвел, и я его не подведу. Скорфус...

– Никто не видел моего кота? – Я не осознаю сама, как это срывается с губ, как разносится по комнате. И голос у меня звучит жалобно, точно у ребенка, потерявшего игрушку.

– Нет, принцесса, – отзывается Далиса, отставляя флакон на тумбу. – Его тут не было.

Две другие – я вижу это в зеркале – мотают головами. Одна кидает взгляд на пустую корзину, потом на меня и, поклонившись, трогает худыми пальцами локоть.

– Простите, но вам пора идти. Нам очень строго отмерили время, нас будут бранить.

Они выводят меня из комнаты, окружив щебечущим конвоем, и за их улыбками, пышными кудрями, взбудораженными взглядами – все-таки им повезло прислуживать будущей королеве, самой королеве! – я не могу даже снова высмотреть корзину. Скорфус, чтоб ты тоже ел гранаты с земли! Почему я должна беспокоиться еще и из-за тебя? Красная подушка упорно стоит перед глазами, и что-то в ней кажется вопиюще неправильным. Да что же?

Все просто: Скорфус, как и Эвер, не любит яркие цвета. Его подушки всегда белые или бледно-золотые. И какая-то она сейчас... неровная по цвету, будто в подтеках. Красных.

Целер в коридоре почтительно подает мне плетеный кожаный пояс с ножнами, в ножнах – Финни. Мы идем, но служанки оставляют меня у главной лестницы – упархивают так же быстро, как появились, буквально растворяются. Едва бросив взгляд вниз, понимаю причину их спешки: спуск весь в девушках и юношах. Они стоят и по правой, и по левой стороне вдоль перил, по человеку на каждые две-три ступеньки, по четверо на каждой площадке. Сверкающие тиарами, нарядные, надушенные, они обращают ко мне оживленные лица, стоит неловко застыть и кашлянуть. Улыбаются, кланяются, я же озадаченно смотрю на них, пытаюсь сообразить... ах да. Да. Это сыновья и дочери наших высших чинов. Им предстоит сопровождать меня до площади и сидеть в первых рядах Глизеи. Там же будут и иностранные гости вроде Клио, Ардона и...

Через пролет мелькает подозрительно знакомая светлая макушка. Я в сомнении тяну шею, а потом, сбросив оцепенение, просто делаю первый шаг. Девушки и юноши, не шевелясь, наблюдают за мной; кто-то даже не разогнул спины. Киваю, улыбаюсь уголками губ, но стараюсь не слишком всматриваться в лица. Я боюсь обнаружить старых дружков Лина и не сдержат омерзения. Хотя, может, я их и не вспомню... У самой меня ведь нет друзей среди богатых детей. Я

оттолкнула всех без сожаления, еще потеряв Эвера, а после смерти Лина быстро дала понять, что его приятелям ничего не светит, можно не вилять передо мной задом.

Девушки, все как одна, в цветных платьях, похожих на мое; юноши – в туниках, слинах и плащах. На пальцах мерцают кольца; в прически тех, кто пренебрег тиарами, вплетены цветы, ягоды, лавровые и кипарисовые ветви. Запах соцветий щекочет ноздри, мешается с более яркими ароматами масел. Я медлю там, где вся эта волна пригасает, – на первой лестничной площадке, возле статуй сирен. Я не обозналась, глядя с жилого этажа: Рикус быстро выскакивает навстречу и, стуча по трезубцу на нагруднике, одаряет меня улыбкой.

– Хаби, даже не знаю, что на меня нашло!

И я. Определенно, Рикус не должен тут быть, как и прочие делегаты.

– Тебе стоит охранять Клио, – тихо напоминаю я, чуть склоняясь перед ним и постукивая ладонью – не кулаком – по фибуле накидки.

– Она уже не только с нами, забыла? – Рикус кажется совсем безмятежным. Не то чтобы меня это сердило, но что-то внутри определенно свербит. Он замечает это и продолжает глуше, серьезнее, с явным сочувствием: – Хаби, прости, я знаю, что здесь место только своим, но...

– Ты свой, – выдыхаю я очевидное, распрямляюсь, а в следующий миг наши пальцы соприкасаются – он вдруг подается ближе и шепчет уже почти мне в ухо:

– В общем, удачи тебе, Орфо, пусть будет у тебя, скоро увидимся.

Он убегает вниз по лестнице, меж двух шеренг моих нарядных подданных, быстрее, чем я бы что-то переспросила. И даже быстрее, чем осознала бы: ладонь холодит металлический кругляш. Продолжая идти, украдкой разжимаю пальцы, чтобы рассмотреть предмет. Ничего себе... Рикус отдал мне свою счастливую монету, это настолько спонтанно и мило, что весь путь до холла я не могу второй раз расцепить кулак, так и несу серебряный кругляш у груди. Конечно, я не раздавлена так, как бирюзовым колечком Эвера... но все же.

Я не одна. Не одна.

Когда я выхожу из парадных дверей в залитый солнцем сад, люди за спиной наконец перестают притворяться статуями. Под их тихие

шаги и голоса, не оборачиваясь, я пересекаю широкое крыльцо, минуя ступени, позволяю Илфокиону и еще трем целерам, которых не знаю по именам, окружить меня: один прикрывает сзади, второй спереди, двое по бокам. Илфокион по правую руку. Украдкой я поглядываю на его сверкающий торакас, на снова безупречные волосы и стрелки, на каменное лицо. Внутренне я напряжена: помню, что говорили Рикус и Эвер. Но когда Илфокион вдруг улыбается мне уголком рта, я даже немного ругаю себя за это. Выпрямляю спину. Смотрю только вперед, но тоже улыбаюсь краем губ, видимым ему.

– Ваш отец, думаю, гордился бы вами. – А может, мне это только слышится.

– Он гордится. Я уверена, – все же отзываюсь и бегло осматриваю через плечо вытекающую в сад толпу. Юноши и девушки строятся четверками. Разве что не берутся за руки.

Как бы я хотела отменить этот церемониальный ход. Просто не понимаю, зачем такому количеству пар ног топтать мой сад, зачем все эти ребята следуют за мной, хотя целеров мне более чем достаточно. Если уж выбирать, я предпочла бы видеть рядом близких – которых у меня, о горе мне, нет. Поставила бы Клио и парней, Скорфуса, Эвера. Ну а если вся эта нарядная процессия так хочет получить свой миг славы, выйти на площадь под звуки ракушечных рогов, то пусть бы сначала они со мной прогулялись по раскаленным углям. И угостились змеиным ядом. Ладно... что есть. Ворота распахиваются, открывая медово-розоватую панораму Гиргамоса. Я все еще заставляю себя улыбаться и не могу прогнать из разума мысль. Две мысли.

Надеюсь, обратно меня не занесут на щите.

Надеюсь, кто-нибудь в случае чего будет достаточно щедр, чтобы одолжить мертвой грешной принцессе свой щит.

В Гиргамосе тихо, будто он вымер. Это не так, уверена: за нашей пестрой процессией наблюдают через окна приземистых двух- и трехэтажных домов, наблюдают и из подворотен, и из маленьких мандариново-лимонных рощ, которые в призамковом квартале часто разбивают на крышах. Но чеканные шаги стражи – у ворот целеров стало больше; теперь нас сопровождают две тяжеловооруженных колонны, лязгающих щитами, – заставляют горожан прятаться. Никому бы и в голову не пришло сбиться в толпы и, например, перегородить нам путь: замковой стражи все еще побаиваются, как и

городской. Восемь лет под властью моего благодушного отца не смогли это изменить.

– Горожане допущены на коронацию? – Не знаю, почему я спрашиваю это у Илфокиона. Может, просто вижу: он тоже напряжен и, вероятно, мы думаем о схожем.

– Да, принцесса, – отзывается он, медленно отводя взгляд от россыпи мандариновых деревьев на одной из крыш. – Все верхние десять рядов Глизеи отданы народу.

Глизея – и есть центральная площадь Гиргамоса, точнее, ее ядро. Как и почти все прочие наши площади, она не возвышается над городом, а выкопана, точнее, выбита в нем; напоминает яму или бассейн, окруженный рядами таких же выдолбленных в вековом камне ступеней. Глизея огромна. В такой яме поместился бы, конечно, не весь наш замок, но половина – точно.

На – или в? – Глизее проходят все важные для Гирии церемонии, празднества, спортивные игры вроде боев-гладиарий и танцев-гестиарий. Здесь короновались мои родители и все до них. Здесь объявили, что мы начинаем войну и что мы ее заканчиваем. Здесь зачитывали приговоры провинившимся патрициям и вручали награды тем, кто совершал подвиги.

Илфокион прав, люди встречают нас уже на подходе к Глизее. Они окружили ее не то чтобы толпой, но несколькими большими кольцами, и уже токсоты вялыми окриками и предостерегающим лязганьем щитов сдерживают напор любопытных. Сидячие места, те самые десять рядов, заняты – а это те, кому мест не хватило. Странно, но я чувствую... нет, не радость, скорее облегчение, только теперь понимаю, как неудобно было идти по онемевшим улицам. Несмотря на все детские страхи, наверное, я бы предпочла, чтобы горожане были всюду. Чтобы кричали и приветствовали меня. Так было прежде, я знаю по рассказам родителей, именно это они обещали в детстве Лину: «Когда ты с друзьями выступишь на коронацию к Глизее, народ от замковых ворот и до самой площади будет бросать к вашим ногам цветы». Мне отец не обещал ничего, да и Лин, пока был жив, уже не ждал приветливых, довольных толп. Люди Гиргамоса заполняли улицы лишь в редкие дни Раздачи Слонов – так зовут ритуал избавления от ненужных подарков, привозимых ко двору. С очень

давних времен, когда юным Иникихару и Эагре правда пришлось искать достойный приют подаренному Хидой слоненку.

На спуске к трибуне светлоглазый поджарый мальчишка, поднырнув под локтем могучего токсота, быстро протягивает мне букет из трех мандариновых ветвей с плодами. Щербатые белые зубки блестят в улыбке, улыбаются и почти все вокруг, так что я, покоровшись, беру мандарины – и быстро вручаю Илфокиону. Тот награждает меня сердитым взглядом, но принимает, передает кому-то еще, после чего подступает ко мне вплотную и сжимает горячими пальцами плечо.

– Ну что ж, принцесса.

Я не знаю, чем он хотел закончить. «Удачи»? «Не упадите»? «Славно, что вас еще не убили»? Второй целер, идущий по другую руку, тоже опускает на мое плечо ладонь; передний и задний немного смыкаются. Боятся, что со мной что-то случится именно здесь. Зря. Уверена, идеальной мишенью я была там, на пустых улицах, с заросших крыш которых так удобно стрелять по движущейся колонне. И все же я распрямляю спину, вздергиваю подбородок.

– Ну что ж, кир Илфокион, приветствуйте идущую на смерть.

Ему определенно не нравится мой юмор, он кривится, будто я сунула дольку лимона ему в зубы. Я и сама не в восторге от себя, разве не пора лишний раз повторить: на моей стороне Скорфус, Эвер, отец, физальцы, у меня все шансы сойти с трибуны живой и королевой! Но, проклятие... чем ближе я к монолитному возвышению, где уже стоят несколько патрициев, два послушника и верховный жрец с массивным продолговатым ларем в руках, тем сложнее концентрироваться на этой надежде. Она – лед, тающий на пустынном солнце. Я сглатываю. Кошусь на мандариновый букет, который несет теперь молоденький целер за моей спиной. Может, оторвать один фрукт? Во рту сухо, в горле тоже.

Я не успеваю решить: жрец, заметив нас, кивает послушникам. В следующий миг они трубят – все в те же роги-раковины, которые у нас используют при каждом удобном случае. Рев пронизывает солнечный воздух, у меня постреливает в ушах от гулкосты. Конвой расступается – и остается лишь подняться по шести высоким выщербленным ступеням, первой среди всех. Я делаю это – и одновременно кто-то начинает подниматься по противоположной лестнице, там, у жреца,

послушников и патрициев за спинами. Спотыкаться нельзя, тянуть шею тоже. Я держусь.

Но я точно знаю: это Эвер, которого привел свой наряд целеров.

Он в белом, идеально причесан, но ветер легко играет прядями его волос. Солнце бьет в глаза так, что тораксы сопровождающей стражи слепят гравированными лозами и соцветиями; сияют наручи и мечи. Сам Эвер безоружен. Из украшений на нем ничего, кроме тонких колец на средних фалангах пальцев и знакомых гвоздиков, тоже поблескивающих издали, а по вороту физальской рубашки змейками вьются две голубые волны. Больше – ни капли цвета. Белым кажется и лицо, от этого горло сильнее пересыхает. Эти круги под глазами... слабые, нестрашные, но, скорее всего, потому, что кожу массировали. Ее массировали и мне, пока в волосы впитывался бальзам, – массировали с укоризненными причитаниями, что я пренебрегаю отдыхом. Но никакой массаж не способен до конца скрыть ночь без сна или ночь сна прерывистого, тревожного.

У него опять были кошмары?

Эвер улыбается мне взглядом, только им – и я заставляю себя перестать. Не надумывать, не поддаваться мрачным фантазиям, не задавать мысленных вопросов – не сейчас. Сейчас нас ждет важное, что-то, после чего мы наконец станем свободны: может, друг от друга, а может, просто так, не знаю, не хочу знать. Так или иначе, тревожное ожидание кончится.

Чтобы не тарашиться на Эвера во все глаза, оборачиваюсь – посмотреть, кому достался первый ряд Глизеи. В сердце пробивается немного облегчения: Клио, Рикус, Ардон здесь, и ближе других делегатов. Я только что прошла мимо них, просто не повернула голову, не взглянула за плечо Илфокиона. А вот они следят за мной – и уже заулыбались, поняв, что я их заметила.

Шнурок с монетой Рикуса я надела как браслет – не очень красиво, но лучше, чем вешать на шею, где сияет легкое украшение из оливковых ветвей. Монета и бирюзовое кольцо – все на одной руке, той же, где метка волшебницы. Может, стоило уравновесить удачу, надев что-то на правую, но уже нет смысла. Тем более во второй руке будет Финни.

Она уже возбужденно звенит, подрагивая и кидая мне в глаза серебристое солнце, – чувствует всеобщее внимание, вот же

заносчивая железка! Не лучше Скорфуса. Скорфуса... Почувствовав холодок в пальцах, холодок по спине, холодок в сердце я новым взглядом окидываю гостей. Сопровождавшие уже почти расселись, но меня интересуют не они. На первом ряду, рядом с Клио, я нахожу то, что просто не могли сюда не принести, ведь это был мой отдельный приказ, о котором я не забыла бы ни за что на свете. Пухлая подушка лежит, свесив со скамьи серебристые нитяные кисти уголков. Она пуста. Сама понимая, что не должна, что это выглядит странно и скоро мое замешательство станет неуместным, я тяну шею, ловлю взгляд Клио. Наверное, мне удастся задать вопрос глазами: она, тоже кинув взгляд на подушку, легонько жмет плечом.

– Принцесса...

Стража уже опять рядом, и Илфокион, конечно, первым заметил неладное. Впрочем, и жрец, с которым уже поравнялся Эвер, переминается с ноги на ногу, озадаченный моим топтанием на краю трибуны. Да и кир Мористеос, держащий в руках тяжелую темную книгу, чуть хмурит брови, перешептывается с остальными тремя верховными патрициями.

– Да. – Это стоит усилия. – Идем.

Расправляя плечи, я сама слышу хруст позвонков. Медленно снимаю с пояса Финни – и, отщелкнув пряжку, передаю сам пояс одному из солдат. Опять кусаю изнутри щеку: боги... боги, мне ведь стоит разозлиться, обидеться. Это слишком. Может, Скорфус проспал, заночевав где-то в другом месте – например, у отца? Может, носится где-то, охотясь на птиц? Может...

Я оборачиваюсь снова. Подушка похожа на раздавленную медузу, внутри которой плещется ночь. Неважно. Нет. Он сделал намного больше, чем должен был. Он ни за что бы меня не подвел. Может, ему отчего-то опять стало дурно, например он опять чего-нибудь переел? Я его обязательно найду. Скоро. И поздравлю с тем, что он теперь королевский кот.

Я пересекаю трибуну и останавливаюсь примерно в центре – в шаге от жреца, держащего ларь, в шаге от чинно замершего рядом Эвера. Патриции стоят еще чуть в стороне, я пробегаю взглядом по их лицам. Кварта. Четверо высших. Патриций границ и связей, патриций защиты и нападения, патриций здоровья и благоденствия, патриций финансов. Все сосредоточены, смотрят на меня, возможно репетируя

дальнейшее в мыслях. Каждому предстоит взять с меня свою клятву, каждый откроет священную книгу Правителей на своей странице.

Жрец кивает себе за спину – и послушники снова трубят во все явно могучие легкие. Гвалт, всколыхнувшийся было на скамьях, стихает, голоса исчезают стайей вспугнутых птиц. Люди смолкают, многие – особенно те, кто выше, – уже ерзают и тянут шеи, привстают. Ведь есть кое-что, что они могут увидеть только сегодня. И это не будущая королева.

– Мы все здесь, – зычно, так, будто что-то усиливает каждое его слово, произносит жрец. Он совсем седой, но на лице мало морщин; глаза еще более темные, синие и пронзительные, чем у меня. – И день этот светлый. Так начнем же!

Я стою против него, но он смотрит на ряды поверх моего плеча. Я же смотрю поверх его – на людей, к которым он спиной. Зачем-то пытаюсь представить себя там, на скамьях, а не здесь, внизу. Где бы я предпочла очутиться, чье лицо видеть? Принцессы? Или служителя богов? Впрочем, что гадать? Скорее всего, я смотрела бы на Эвера, просто не смогла бы не смотреть.

Он стоит молча, застыв – и тоже смотрит за мою спину. Когда я вглядываюсь в его глаза, он не реагирует – словно меня нет, ведь мы не должны выдать ничего лишнего. Когда вглядывается он, я отвечаю тем же. Церемония незыблема. Как стоять, куда глядеть, что говорить и в каком порядке – все расписано, все, и правила должны быть соблюдены во избежание бед. Лишнее движение, лишняя улыбка – все может разозлить богов, привлечь их внимание к ненужному. Ведь что для нас церемония, для них – суд.

Я... мы... так или иначе, виновны. И должны это скрыть.

Поэтому лишь на новом величественном возгласе: «Сегодня принцесса станет королевой!» – я оживаю, позволяю себе поднять руки: одну – с растопыренными пальцами, вторую – с мечом. Мое лицо видят лишь люди за спиной жреца, и уверенная, что это неправильно, я хочу хоть немного повернуться, но трибуна начинает медленно вращаться сама, с нами всеми вместе. Невероятно: она ведь казалась выдолбленной в каменном дне Глизеи, а не установленной здесь! Впрочем, наверняка мне говорили про тайный механизм, управляемый... снизу? Да, вероятно, трибуну вращают люди где-то там, внизу. Сколько их, насколько им тяжело... Вздрагиваю при мысли

об этом. Думаю, что среди них мог бы быть Эвер. Он, судя по застывшим глазам, – тоже.

Я чинно стою с поднятыми руками и легкой улыбкой, пока трибуна не возвращается в исходное положение, – а люди на скамьях все это время приветствуют меня криками. Кто-то скандирует имя, кто-то – титул, кто-то – фамилию нашей семьи. Я чутко вслушиваюсь, не чтобы насладиться триумфом, но чтобы сразу уловить *его* – голос невидимого врага. Того, кто навредил папе, того, кто вредит нам и никак не попадетсся страже. Он ведь должен быть здесь. Должен. Готовиться напасть на меня, или хотя бы крикнуть что-то оскорбительное, или...

– Дочь Каператиса, опусти клинок. Дети Гирии, смотрите на подлинный блеск!

Но его нет. Или он затаился.

Я подчиняюсь, даже не задумываясь, – и не только я. На второй фразе Эвер словно просыпается, глубоко вздыхает и с низким поклоном – мне, потом жрецу – тянется к ларю в его руках. Щелкают почти невидимые боковые замки, похожие на когти. Массивная крышка, покрытая узором бесконечных лоз, откидывается, являя взгляду бархат почти такой же синий, как на злосчастной пустой подушке. От параллели мне приходится потратить несколько мгновений на борьбу с тошнотой, с очередным порывом посмотреть на ряды – поэтому любоваться *подлинным блеском* я начинаю не сразу. Зато посмотрев на него, уже не могу оторвать глаз.

Уборы короля и королевы не разлучают во время церемоний – поэтому ларец и длинный. Два украшения из серебряных ветвей, увенчанных золотой листвой и золотыми же оливками, – одно чуть помассивнее, второе потоньше – лежат рядом, искрясь на солнце. Венец королевы, давно не знавший ничьего чела, явно начищен. Я смотрю на него, вылавливая среди золотых оливок редкие жемчужные, – и холод от кончиков пальцев снова пронизывает все тело. Боги... боги, нет.

Я не должна бояться, но я боюсь; я должна верить, но я... я опять колеблюсь? Обруч этого венка такой тонкий, хрупкий, неужели он правда может раздавить мне череп, неужели способен раскалиться добела и даже раздробленные кости мои изуродовать следами копоти? Сглатываю, точнее, пытаюсь. Снова думаю о мандариновых ветках в

руках молодого целера – сейчас тот стоит внизу, у подступов к лестнице. Интересно... а как все они среагируют, если я, например... побегу? Просто сорвусь с места и побегу прочь?

Нет, нет. Пусть я виновата. Я виновата во многом, но я *заслуживаю*. И я выстою.

– Эти уборы, – снова жрец зачаровывает толпу, его хорошо поставленная речь обтекает меня прохладным потоком, – испокон веков были регалиями Гирии и тем сокровищем, через которое боги доносили до нас свою волю. Эти уборы, – он еще повышает тон, но одновременно делает его теплее, – были и остаются святейшим способом богов сказать: «Я доверяю тебе, Человек». Эти уборы... – Уже тише. Как же хорошо он справляется с этим, он подчиняет зрителей, как детей, заставляя ловить каждое слово. – ...стали и нашим способом сказать друг другу то же. «Мы доверяем тебе, Правитель. Веди нас». – Синие глаза устремляются на меня, и я улыбаюсь всеми силами. – Веди нас, Орфо Каператис. И пусть тебя коронует тот, кого ты выбрала. Кому доверяешь ты. Кто тоже доверяет тебе.

Снова короткая волна хлопков и криков. Теперь на меня смотрит и Эвер – как мне кажется, смотрит вечность, две вечности, три. Он пока не прикоснулся к регалиям, он просто стоит со жрецом рядом, снова прямой, сосредоточенный, спокойный... прекрасный. Так он смотрел, когда восемь лет назад папа привел его в мой сад. Так он смотрел раз за разом, когда я угрюмо терла глаза, не желая выбираться из постели или заниматься учебой. Так он смотрел, когда мы раз за разом сталкивались после всех неловких поцелуев и слов. А я...

Шелестят страницы, и я понимаю: ни одной вечности не прошло. От силы пара мгновений.

– Принцесса Орфо, – ко мне громко обращается кир Мористеос. Книга на его широких крепких ладонях дрожит страницами. – Клянешься ли ты блюсти мир и приумножать дружбу со всеми, кого отделяют от нас границы, сухопутные и водные?

Он слегка улыбается. Кольцо в бороде блестит, развевается темно-лиловый плащ. С усилием смотрю в его глаза и тоже возвышаю голос.

– Клянусь. – Все же оборачиваюсь. В этот момент я должна посмотреть на Клио. – И пусть гости будут мне свидетелями.

Подушка все еще пуста, но я не должна думать об этом. Встречаюсь взглядом с Эвером – и его губы чуть дрожат. Он что-то заметил. Но не может спросить, все ли в порядке. Я отворачиваюсь, борясь со слезами.

– Принцесса Орфо. – Это кира Феонора, патриций по финансам. Она не так стара, как кир Мористеос, но тяжелые каштановые волосы тронуты сединой, а вокруг глаз поселилась первая паутина. В ее руках книга не дрожит – она призвала страницы к порядку ухоженными крепкими ногтями. – Клянешься ли ты быть своему дому рачительной хозяйкой, пусть даже и лишена хозяйского клейма, множить богатства и быть осторожной в тратах?

Тут нечего даже оборачиваться. Я медленно приподнимаю запястье, обмотанное шнурком с монетой, как бы показывая, сколь простых вещей мне хватает для счастья. Кира Феонора понимает, улыбается уголком ярко покрашенных губ, верхняя из которых полнее нижней.

– Клянусь. – Формула везде одна, взгляд я в этот раз дарю тем рядам скамей, что простираются от меня справа. – И пусть гости будут мне свидетелями.

Книга снова переходит из рук в руки – и кир Герасклепий, патриций по здоровью и благоденствию, шелестит страницами. Он обращается с ними бережно, как с хрупкими костями пациента, а водянисто-зеленым, рассеянным взглядом словно пытается подбодрить меня. Он добр. А еще он очень чувствителен; в годы мора я не раз видела его оплакивающим мертвецов, особенно медиков, трудившихся в его личной больнице. Наверное, сейчас он видит мою тревогу и грусть так же хорошо, как часто видит недуги. Наверное, ему меня жаль.

– Принцесса Орфо. – Даже его голос мягче, хотя и не тише прочих. И в нем есть мелодия. – Клянешься ли ты превыше всего ценить жизнь и здоровье своих людей?

Легкий порыв ветра задевает меня по волосам. Я не отвожу взгляда от кира Герасклепия, но думаю об Эвере, о его мечте – тоже лечить людей. О том, сколько раз там, в Подземье, он, точнее Монстр, предал эту мечту, кого-то убив. Из-за меня. Сжимаю зубы: нет. Думая об этом сейчас, я подвожу всех. Арфемис может меня услышать.

– Клянусь. – Я чуть крепче сжимаю пальцы на рукояти Финни, успокаивающе прохладной, и смотрю вперед. Добавляю, не дав голосу дрогнуть: – И пусть гости будут мне свидетелями.

Все слушают, все молчат – только ветер гуляет между рядов. В какие-то мгновения кажется, что этот ветер закручивается в спираль, вьется вокруг меня дразнящей лисой или стайей ласок, щекочет пушистым хвостом. Это ощущение напоминает разлитую в воздухе магию. Добрую магию, ту, которая могла бы быть благим знамением и успокаивать. Но успокаиваться рано. За последней клятвой последует исход. Я собираюсь.

– Принцесса Орфо...

Книга перекечевала в последние руки, крепкие, смуглокрасноватые. В кире Алексоре роста столько же, сколько в Илфокионе, но лицо его словно выбито в мраморе, и выглядит он как классический театральный герой-воин. Так и есть. Кир Алексор вторым после Илфокиона послушался маминых приказов в Физалии, только вместо того, чтобы покорно вернуться и служить ей в тылу, сбежал и начал на задворках Гирии собирать сопротивление. Вскоре кира Алексора поймали. В наших подземельях ему вырвали ногти, а его сорванный голос так и не восстановился. Сейчас кир Алексор закашлялся еще на обращении ко мне и вынужден его повторить.

– Принцесса Орфо. – Я смотрю в его усталые блеклосерые глаза, в лицо, обрамленное шапкой светлых кудрей. Физальская кровь в нем сильна даже три поколения спустя. – Клянешься ли ты никогда не развязывать пустой войны, а если ее развяжут против тебя – защищать Гирию до последней капли крови?

Следовать всем правилам, которые нарушила мама. Да. Да.

– Клянусь. – Смотрю на левые ряды. Люди смотрят на меня. Я медленно поднимаю меч, на этот раз совсем ненадолго. – И пусть гости будут мне свидетелями.

Кир Алексор захлопывает книгу – быстро, с громоподобным хлопком. Не знаю, как это выходит – точно и этот звук что-то многократно усилило, разнесло до самых верхних рядов. Гулко. Помпезно. Пугающе. Волна бежит по приподнимающимся, гомонящим людям, волна – по опускающимся передо мной на колени верховным патрициями. Все так же незыблемо стоят только жрец,

Эвер и послушники у жреца за спиной. Раковины подняты к их губам. Они готовы трубить. Они трубят, призывая всех снова замолчать.

– Так взойди же на трон, – громогласно произносит жрец. Словно не благословляет. Словно приказывает. – Так коронуй же ее, ты, избранный ее доверием!

Ну вот и все. Не осталось никого, кроме нас, Эвер.

Он делает глубокий тихий вдох, смотря на меня, – а я на него. Ему стоит явного усилия разорвать контакт, снова склониться передо мной и перед жрецом, протянуть руки – и взять хрупкий венец королевы. Он блестит ярче, когда Эвер приподнимает его. Он блестит невыносимо, оказавшись над моей головой. Подчиняясь все тем же формулам и правилам, я говорю, говорю так громко и четко, как позволяют силы, говорю, зная, что и мой голос усилят:

– Доверяю тебе свою королевскую судьбу.

Доверяю тебе все. Доверяю. Доверяю. Прости меня.

Я поворачиваюсь спиной. Перед глазами снова Клио, Рикус, Ардон, другие физальцы, Орлиное Ребро в Белом Песке, посол Ийтакоса с маленькой внучкой, кто-то еще, еще...

Я старательно обегаю взглядом пустую подушку. Я рада, что не вижу Эвера – только чувствую его присутствие за спиной. Мурашками по позвоночнику. Теплом где-то между лопаток и в груди. Сломанным, разрушенным, нежным безмолвием, в котором у самого уха четко звучит:

– Удачи.

А потом холодные ветви из серебра и золота касаются моей головы.

Я не успеваю испугаться – и даже о чем-либо подумать. Не успеваю упасть в темную память о своих или чужих ошибках и вынырнуть из нее, не успеваю ничего, ничего, ничего, а венец уже в моих волосах. И он... просто лежит. Лежит, не давя, даже не теплея. Не пытается меня убить и... почти не чувствуется? Это просто красивый кусочек металла, возложенный легкими руками, кусочек металла, знаменующий десятки и сотни вещей. Например, то, что папа будет жить. Что я смогу сгладить память о маминых страшных ошибках. Что буду жить я сама и... и...

– Да здравствует королева Орфо! – провозглашает за спиной жрец, и люди на первых рядах, знающие, что это одно из правил и одна из их

обязанностей, вторят, громче и торжественнее:

– ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА Орфо!

– ДА ЗДРАВСТВУЕТ!

Их крики – то ли волна мне в лицо, то ли отдаляющийся ветер: крепнут, ширятся, разносятся уже по всем скамьям. Первыми начали кричать делегаты и семьи нобилей. Теперь закричали стража и народ, все те, кто на верхних рядах, потом и те, кто толпится вокруг Глизеи. Я чувствую это. Не только слышу, но и чувствую – как сотни, если не тысячи глоток втягивают воздух, как меняют этот воздух на слова, вылетающие птицами. Да здравствует. Да здравствует. Да...

– Да здравствует человецица. Королева Орфо.

Тише. Мягче.

Я не должна этого слышать, вопли слишком громкие, а подушка – больше не пустая, я уже боковым зрением вижу, что не пустая, – слишком далеко. Но я слышу, слышу так, будто Скорфус говорит в моих висках или на моем плече, а потом понимаю, что голос его странно, надтреснуто искажен. Точно это не совсем он. Может, и не он вообще?

– Ваше величество? – меня окликает кир Мористеос. – Ваше...

Скорфус или не Скорфус, кто-то в моей голове заходится смехом, на плечо ложится рука – Эвера? Нет, тяжелее... Я все стою. Я смотрю сейчас чуть левее физальской делегации, смотрю упрямо и сосредоточенно, стараясь не замечать очевидного: Клио, и Ардон, и Рикус тоже встревожены, они ерзают, повернувшись, и повернулись они в сторону прохода.

– Принцесса... – Может, кир Мористеос решил, что я просто пока не привыкла откликаться на новый титул: как животное, должна сначала выучить свежую кличку.

Но дело не в этом.

Монета на разматавшемся шнурке падает в ладонь, ребром врезается в кожу. Я сжимаю ее, чувствуя, как течет пот и как другую руку пронзает жар возмущенной Финни: ее рукоять я тоже стиснула. Но... но...

– Эвер? – Оборачиваюсь. Мне все еще необъяснимо страшно и дурно, смех в голове затих, и я понимаю: мой порыв попросить его посмотреть на подушку неправилен. Но я не могу справиться. Я снова превращаюсь в комок страха, в робкого ребенка. – Эвер...

Но он не слышит. У него медленные глаза. Он смотрит в пустоту над моим плечом. Тоже видит?

– Эвер?

Возможно, он еще не осознал, что все кончилось и больше мы ничем не связаны... если только он этого не пожелает. Возможно, прямо сейчас он делает выбор, тот, который меня уже не убьет, но ранит так, что я долго буду оправляться, если вообще оправлюсь. Ведь это все еще возможно, несмотря ни на что. В груди пережимает. Венец хочется стянуть и швырнуть к ногам, но я справляюсь с собой, молчу и поворачиваю голову вперед сама. Я должна увидеть. Я...

Смотрю. Скорфус сидит на подушке, мерцает золотистым глазом и улыбается мне во все свои сахарные клыки. За его спиной нет крыльев.

В голову снова ударяет шум, разжавшаяся рука роняет меч с четким, громким лязгом. Люди, продолжающие галдеть, почему-то этого не замечают; я все смотрю на Скорфуса, а потом, немного переведя взгляд, замечаю и ярко-красную цепочку следов на ступенях. Капель. Пятен.

Кровь фамильяров цветом напоминает самую дорогую алую краску. Она не темнеет и не густеет, не гниет и не испаряется. Другая подушка, в его корзине, в моей спальне...

Клио тянет к нему руки, но вместо этого прикрывает ими глаза и отшатывается, видимо разглядев спину. Я хочу сделать шаг. Я хочу мотнуть головой, стряхнуть корону и закричать; хочу, чтобы хоть кто-то что-то мне объяснил или все это оказалось просто дурным видением и...

– Эвер. Эвер, подожди!

Сделав несколько шагов вперед, все смотря и смотря на своего неподвижного, неестественно спокойного кота, перед которым уже опустился на колени встревоженный Ардон, я замираю так же резко, как сорвалась с места – в голосе кира Мористеоса не просто тревога, ужас. Остальные патриции тоже что-то говорят наперебой и, кажется, идут ближе. Над трибунами все еще крики, но и их настроение изменилось: ликование сменилось... недоумением? Беспokoйством?

В невнятной волне поднимается гребень гнева. Ширится ропот.

– Эвер!

– Эвер, остановись! – это уже кричит жрец, и я наконец оборачиваюсь на отдаляющиеся нетвердые шаги за спиной. – Верни, верни его сейчас же, что ты...

Я оборачиваюсь в миг, когда кир Алексор роняет книгу и бежит по арене вбок. Когда срываются с места послушники – они смотрят на одну и ту же сцену. На Эвера, который в какой-то момент вынул из священного ларя второй венец. Венец короля.

Теперь он медленно, смотря куда-то в толпу впереди, опускает его себе на голову. Руки дрожат, по прокушенной губе бежит струйка крови. Лицо бледное и пустое, вены на шее странно набухли, будто под кожей пускают корни ядовитые побеги.

– Эй, мальчик... – испуганно, ласково начинает кир Герасклепий, делая шаг.

Не слушая, Эвер дает венцу коснуться своих волос. И падает на камни.

Толпа кричит, став уже и штормом, и ветром одновременно. Многие вскакивают, размахивая руками и вопя в страхе, гневе и недоумении. Послушники, замерев по жесту жреца, пытаются усмирить людей трубным гулом, а целеры и токсоты там, у лестниц, никому не дают броситься к нам, увещевают, грозят оружием. Они не пускают даже Клио и Скорфуса, ринувшихся вперед первыми. Все потрясены, я понимаю, ведь самовольно надеть королевский венец – дерзость.

Богохульство и дерзость, сурово караемые, а еще...

А еще иногда это способ раз и навсегда покончить со всем.

– Принцесса! – Не понимаю, кто зовет меня, и мне плевать.

Я все поняла. Поняла, и слезы снова вскипают в глазах.

Он не богохульник. Он предатель.

– Человечица! – Нет, я не отзываюсь даже на близящийся окрик Скорфуса.

Нет, он не предатель... нет, просто я совсем не заслужила того, что жива. Я опускаю глаза.

Венец, как влитой, сверкает у лежащего Эвера на голове, и единственное, что я понимаю, – нужно кинуться к нему и снять, снять, прежде чем металл поймет, что оказался на челе убийцы, если только он еще этого не понял. Прежде чем сожмется. Прежде чем раздавит. Снять и...

– Не трогайте, принцесса! – Трое из патрициев хватают меня одновременно; кир Алексор уже там, с Эвером рядом, наклоняется. – Не трогайте, и...

– ОТОЙДИТЕ! – Я просто кричу, но магия взрывается во мне. Кир Мористеос, кир Герасклепий, кира Феонора – все разлетаются в стороны, как осколки этого взрыва. – Эвер!

Мир смазывается и дрожит блеском доспехов и оружия, ревущими голосами, падающим небом. Я бегу, путаюсь в платье и больно падаю на колени, едва замечаю и это – ведь я упала достаточно близко от белой фигуры, все еще недвижимой; от патриция по защите и нападению, нависшего над ним мрачно и... недоуменно. Потянувшаяся рука замерла. Лицо сильнее окаменело.

– Эвер? – тихо зову я.

Наверное, кир Алексор понимает, *чего* я жду, по ужасу в моих глазах. А может, как и кир Илфокион, с самого начала подозревал, что со спасением от Монстра все не совсем чисто. Так или иначе, он не спешит снимать с чужой головы священный и смертоносный убор. Лишь смотрит, будто не совсем понимая, где оказался.

– Он дышит, принцесса. – Голос наконец заговорившего патриция ровный и лишен цвета. Шаг назад он делает так, будто боится запачкаться об Эвера. Или об нас обоих. – Он жив, да и с чего бы ему умирать?..

Толпа не успокаивается. Стража кричит все яростнее, теснит публику все грубее: предсказать поведение людей, видящих то, что они видят, сложно. Кир Алексор и жрец оцепенели. На лицах остальных трех патрициев, с трудом встающих после моего волшебства, – голый страх, за которым все же пробивается подозрение. Догадка. Готовность задавать вопросы. Они снова медленно обступают нас. Меня и лежащего Эвера. Но больше не решаются меня от него оторвать.

Мне все равно. Я осторожно снимаю венец со своей головы, с его головы...

И закрываю глаза.

Да здравствует королева. Да здравствует милосердие богов, внезапно пощадивших того, кто заслуживал пощады. Или?..

10. Что-то между богом и чудовищем. Эвер

Когда я открываю глаза, тело не подчиняется – будто я камень в бесконечном ущелье, полном камней. Видимо, те, кто принес меня сюда, догадывались, что так будет: даже не связали мне руки. Воздух пропитан запахом лаванды, успокаивающим запахом, от которого сейчас меня мутит. Почему я снова здесь – в своей спальне, которую спешно, сопровождаемый почти почетным караулом, покинул утром? Почему – разве я не должен быть в темнице за то, что осквернил прикосновением венец короля? Почему...

...почему я жив?

Голова разрывается, потолок плывет – все эти бесконечные лепные деревья, фигуры дриад и птиц меж ветвей сливаются. Кровать качается в душных волнах; свет из окна – острые-острые ножи, воткнутые мне в веки; мои виолы – грозные чудовища.

– Привет, двуногий, – отвечают на мой стон боли. – Жив?

Знакомый черный хвост бьет по щеке. Скорфус устроился на тумбочке и, похоже, скучает там давно. Боковым зрением сразу вижу то, что уже видел: с ним, с самим его силуэтом, что-то не так. Все не так. Под его лапами успела натечь лужица крови.

– Привет.

Губы едва удастся разлепить. Облизывая их, чувствую то ли грубую кожу, то ли битое стекло – так они высохли. Скорфус тихо фыркает:

– Ох, держи, неудачник.

Кубок с водой он подает мне все тем же хвостом. Я беру – и наконец поворачиваюсь к нему, чтобы увидеть очевидное. Чтобы втянуть носом второй запах этой комнаты – горько-железный.

– Твои крылья...

Он поводит плечами, если можно сказать, что у него есть плечи. Поводит и головой, медленно, осторожно, точно проверяя, не отвалится ли она. Грустно улыбается уголком розовой пасти и вместо ответа сплевывает:

– И вот так ты мне отплатил.

– Я...

Часть меня тихо возражает: подожди. Ему ты не отплатил ничем, ты сделал то, что должен был, и все прошло хорошо, правильно, справедливо... ну, для всех, кроме голосов в твоей голове, голосов, сливающихся в холодный сокрушительный голос Монстра. Но ты победил их. Вы обманули богов. Вы помогли друг другу. Орфо коронована, жива, станет правительницей, а ты...

Я закрываю глаза и второй ладонью осторожно щупаю свои височные кости, лоб, затылок. Целые. Невредимые. Болят не потому, что венец их раздавил. Венец на голове вообще не ощущался, теперь я помню это ясно. Надев его, я не почувствовал даже холода или жара.

– Да. Прости. Но, как видишь, у меня ничего не получилось.

Скорфус молчит, наблюдая, как я пью воду и осторожно, трясущейся рукой, ставлю пустой кубок на стол. Слышу отчетливый хлоп: посеребренная ножка опустилась в красную лужу. Меня передергивает, хотя я видел много крови в своей жизни; еще больше – в жизни Монстра. Просто сейчас я наконец понимаю *весь* подтекст его слов.

Он что-то сделал. Что-то сделал ради того, чтобы Орфо осталась жива. А я...

– Почему? – шепчет Скорфус, тяжело, нетвердо спрыгивая с тумбы прямо мне на грудь. Лапы оставляют на рубашке следы, я чувствую едкий жар фамильярней крови, обжигающий кожу даже сквозь ткань, но не двигаюсь. И не отвечаю.

Его злое понимание, заключенное в самой формулировке вопроса, накрывает меня с головой. Конечно, он не будет спрашивать: «Чего ты хотел добиться?» – мы оба прекрасно знаем: чтобы стать королем Гирии, недостаточно просто надеть венец, какой бы силой он ни обладал. И главное, мы оба знаем, что я становиться королем никогда не хотел. Но Скорфус вправе не понимать, почему я захотел другого. И как ни боролся, там, на коронации, все-таки не справился.

Я закрываю глаза, сжимаю кулаки. Потом снова усилием воли размыкаю веки и поднимаю ладони к глазам. Бледные. Человеческие. Костяшки пальцев на левой руке поранены – видимо, я ушиб их, падая. Не помню. Не помню ничего. Но руки не серые, не покрыты струпьями, и правая не превратилась в железную когтистую лапу. Это главное. Я сжимаю кулаки крепче – впиваясь ногтями в ладони.

– Ты видел что-то. – Скорфус говорит утвердительно, а уши прижимает к голове. – Опять. И это наконец тебя доконало.

Киваю. Он вздыхает и вдруг, точно устав сидеть или тоже почувствовав дурноту, сворачивается клубком у меня на груди. Из клубка мерцает только тоскливый золотой глаз.

– Мне жаль. – Бессмысленно, но я говорю это. Потому что сил спросить: «Где Орфо и как она?» у меня пока нет. Поэтому я делаю над собой новое, другое усилие и пытаюсь объяснить.

Все случилось сразу, как только я понял: мы победили. Как только венец лег на темные локоны Орфо, как только солнце заиграло в листве и оливках, на кончиках ветвей и на самих прядях, которые качнул ветер. Орфо стояла с прямой спиной и мечом меж ладоней; я не видел ее лица, но был уверен: она улыбается, к ее щекам приливает робкая краска, а глаза уже загораются блеском триумфа. Я чувствовал также: она с трудом сдерживается, чтобы не повернуться и не обнять меня. Чтобы хоть что-нибудь не сказать мне, только мне. Но, как и все мы, она соблюдала правила. И несмотря ни на что в прошлом, я, кажется, был... счастлив?

Хотя бы тот я, который знал ее с детства. Тот я, который в глубине души всегда понимал, к каким бедам может привести Гирию правление такого вемого человека, как Лин.

И тогда небо вдруг разом выцвело, будто его задернули серым полотном. Глизея, люди на скамьях, стража в проходе, патриции, жрец, Орфо – все потеряло краски, задрожало, замерцало. Я качнулся, моргнул. Когда открыл глаза, на трибуне я был один, а окружали меня десятки и сотни разлагающихся мертвецов. Моих мертвецов. Мертвецов со всех концов моей жизни.

«Дети героев». Раненые физальские солдаты, которых мы выхаживали с хозяином на его корабле. Сам хозяин, посиневший, вздутый и с зияющей в животе дырой. Жертвы Монстра с еще более развороченными внутренностями и изуродованными лицами. Их было много, очень много, и все они напирали друг на друга, пытаюсь влезть на трибуну и приблизиться ко мне, но шатаюсь, оскальзываясь и давя друг друга.

– Убийца, – твердили они.

– Чудовище.

– Жалкая тварь. – Этот голос я услышал прямо у уха, но не посмел повернуть голову.

Они кричали и шипели, стенали и швыряли в меня то свои желудки и сердца, то оторванные конечности. Они скребли ногтями по камням, вонь постепенно заполняла и мои легкие, и сознание. Я попятился, споткнулся обо что-то. За моей спиной стоял ларец с одиноким венцом. Я отвернулся и снова уставился на эту гнилую толпу. «Вас нет, – твердил я. – Никого из вас нет».

Но они были. И первые из них уже поднялись на трибуну. Тот храбрый юноша-иномирлец со шпагой, та старуха, и хозяин, и Кирия, чье лицо почти полностью закрывали волосы и чья голая грудь с оторванными сосками бесконечно сочилась темной кровью. Они подступили. Они почти окружили меня.

– Что ты сделал? – шепнул окровавленный юноша.

– Это твой откуп? – выхаркнула Кирия вместе с клубком червей.

– Не поможет! – гаркнула старуха и швырнула мне в лицо ком своих дымящихся кишок.

– Это так жалко, Эвер, – прошептал хозяин, растягивая в улыбке черные губы. – Так... *рабски*.

Я хотел закричать и позвать кого-то, кто защитил бы меня или вернул в действительность: Орфо, кира Илфокиона, кира Мористеоса. Я все еще верил, что они где-то здесь, верил, что лишь опять провалился в кошмарный морок, верил, что смогу выбраться, если сосредоточусь. Я надеялся, что Орфо передо мной. Что я коснусь ее плеча и проснусь, что мне удастся, ведь я так стараюсь, и я выдержал всю, всю церемонию.

– Орфо... – шепнул я, потянулся, глядя мертвым в глаза, но пальцы поймали пустоту. Что-то невидимое лязгнуло, пронзило болью голову. Я покачнулся. Упал рядом с ларем на колени.

– Один из нас, – сказал хозяин, идя ко мне.

– Один из нас, – шагнула и старуха, а Кирия засмеялась.

– Один, – пробормотал юноша, а я не мог даже отползти, потому что видел свои руки, которыми начал загораживаться. Одна была серой и заскорузлой. Вторая сверкала железными когтями. По шее вверх ползли черви, и...

Я все понял. Понял, что обращаюсь обратно, почему-то обращаюсь – может, потому что боги все же наказали меня за обман.

Или за прежние деяния. Неважно, они вправе, но если так, то я лишь помогу им, а не буду мешать. Потому что...

– УБИЙЦА! – На трибуну лезли все новые мертвецы.

– Нет, – шептал я. – Нет, нет... – Но я едва слышал сам себя.

...Потому что я устал. Очень устал. И пора было признать: однажды я стану настолько опасным, что ко мне лучше будет не приближаться. В нашей с Орфо паре «гаситель – волшебник», сумасшедшим монстром оказался я. Что ж. Пусть так. Значит, недавнее мое слабовольное желание *закончить все*, короноваться *вместе* было правильным; значит, то, что произошло между нами сегодня ночью, лучше пресечь прежде, чем Орфо поймет: ей не спасти меня, она только увязнет. Может, и не стоило ждать коронации. Может...

Но я дождался. Значит, сейчас. Я схватил венец из ларя и возложил на свою голову, зная: стольких жертв боги не простят. Я смотрел на тех, кто шел ко мне, и больше не чувствовал ничего, кроме облегченной убежденности: это последний раз, это кара. Я хотел встать, я хотел даже попробовать рассмеяться им в лицо или оттолкнуть их, но задохнулся в облаке смрада и упал.

Теперь я здесь. Живой и... человек? Черный комок с золотым глазом молча лежит у меня на груди, наверное обдумывая мои слова, а может, просто давая мне отдышаться и перестать дрожать. Знаю, это неправильно; знаю, я не должен винить *его*, но все же произношу дальше то, что раскаленной змеей извивалось в мыслях, когда я проснулся две ночи назад:

– Ты обещал, что это пройдет.

Он не шевелится, а обрубки – нет, борозды на его спине все кровоточат. Я впервые по-настоящему остро, наживую думаю о том, больно ли ему, и сам повожу плечами. Замечаю, что в густой шерсти возле шеи что-то поблескивает. Решаю не приглядываться, сжимаю зубы и беру слова назад:

– Прости. Прости, Скорфус, я не прав, но я...

– Да. Мне тоже жаль, – вдруг глухо обрывает он. Его тон неожиданно мягкий, будто в мыслях прямо сейчас он не обзывает меня всеми теми странными бранными словами, которые любит, вроде «долбоеб» и «утырок». – Если тебе интересно... конечно же, я не хотел обмануть тебя. *Вас* я никогда не обманывал.

В логическом ударении, которое он сделал, ответ на прежде проигнорированный вопрос. Но я все же повторяю, в этот раз прямо, хотя и здесь сложно себя преодолеть. Но лучше спрошу я, чем Орфо, – я почти уверен, она тоже еще не решилась, иначе Скорфуса не было бы тут.

– Боги наказали тебя за то, что ты рассказал нам. Да?

Он тихо хмыкает, что-то бубнит сквозь зубы, потом проговаривает четче:

– Уже второй раз.

– Второй?.. – Осекаюсь, резко вспомнив.

Скорфус закрывает глаз, превращаясь в черное пятно.

– Да. Первый был, когда я помог вам с законниками. Тогда я просто немного... полежал. А вообще, – его меховые бока чуть раздуваются от смеха, – кажется, они любят меня. Ну, любили, ведь первое нарушение правил они вообще спустили мне на торм... – Он кидает на меня взгляд и, снова вздохнув, отказывается от какого-то явно иномирного выражения. – В смысле, меня не наказали за то, что я впустил Орфо в Подземье. Вообще никак. А должны были.

– Но... – Я не могу уложить это в голове. – Твой дар...

Многие коты-фамильяры умеют открывать порталы. Никто никогда не наказывал их за это умение. И все же Скорфус, приподняв голову, расплывается в такой желчной ухмылке, будто я сказал невероятную глупость.

– То, что мы можем куда-то войти, вовсе не всегда означает, что нам туда можно, двуногий. – Он вздыхает. Слабо мотает хвостом, потом плотно обвивает им себя. И продолжает чужим, опять лишенным красок голосом: – Тысяча правил у людей, Эвер, и всего три правила у фамильяров. Не помогать людям обманывать богов. Не водить людей туда, где боги не властны. И не открывать людям их секретов.

– А иначе... – Опять запинаясь. Кровавые борозды на его спине объясняют достаточно. – Скорфус, боги... – Это бьет наотмашь. Бьет и заставляет наконец спросить то, о чем я гадал с нашего знакомства. – Скажи. Зачем тебе это? Зачем тебе мы? Почему ты...

Почему вообще ты не остался на своем благостном острове, где цветут лотосы и люди оставляют вам подношения в виде моллюсков и

сливок? Почему потащился сюда? Почему, зная, как с тобой могут обойтись, позволил себе целых... три?... раза нарушить правила?

– Потому что тысяча правил, которые ограничивают тебя, делают жизнь куда сложнее и интереснее, чем три. – Скорфус, удивительно, не ударяется в остроумие, просто устало, не двигаясь, смотрит на меня. И я чувствую: это не все. – Потому что так бывает: однажды ты просто понимаешь, что кому-то где-то не помешает такой друг, как ты. Потому что обладать большой силой и не пробовать обратить ее на настоящую пользу, просто наслаждаться тем, что тебя боготворят, – это дерьмо. Разве нет?

Я решаюсь на то, о чем думаю вот уже несколько минут. Поднимаю руку, чтобы почесать его между ушей. Он прикрывает глаз и слабо урчит.

– Да, иногда это выходит боком. Здорово выходит. Но что поделаешь. Я никогда не выливал подобные сопли на Орфо, и ты тоже не смей, ведь она будет смеяться, и...

Но тут он осекается на полуслове, будто подавился. Дергается, отталкивая мою руку, резко смотрит мне в глаза. Выражение задумчивое, словно что-то он заметил или понял лишь сейчас и все еще осмысливает до конца. Я жду. Мои пальцы замерли. Но Скорфус не продолжает мысль, а только, раздраженно фыркнув, повторяет тоном, не терпящим возражений:

– Ты тоже не смей. Она считает, что я просто люблю путешествовать. И в принципе, она права, это тоже правда, я мог бы быть странником. – Он посмеивается. – Да, я наверняка странник, если меня обрить.

Я не отвечаю. Имя Орфо вонзается в мой разум раскаленной иглой, я опускаю руку и сжимаю в кулак. Больше нельзя откладывать вопрос, который должен был быть первым или хотя бы вторым. Пока я не узнаю ответа, скорее всего, у меня даже не найдется сил встать.

– Где... как она? – Смешиваю два вопроса в один, принимая то, что звучу глупо и жалко. И ту правду, которая закономерна.

– Она подавлена. Поэтому ее пока здесь и нет. Думаю, ей нужно время, чтобы... – Скорфус снова осекается, и снова на его морде проступает странная эмоция, которую я определил как задумчивость. Задумчивость, повод для которой его не воодушевляет. Помедлив, он

начинает новое, другое предложение: – И послушай, двуногий. У нас времени тоже не так много. Ясно?

Его речь становится вдруг немного сбивчивой, а дыхание, кажется, учащается. Мои ребра жжет сильнее: кровь? Да, струйка стекает через его правый бок. Он, заметив это, с отвращением лижет шерсть, потом неестественно выворачивает голову и лижет сами борозды. Долго. Тщетно. Снова обращает ко мне окровавленную морду, и на этот раз я читаю в его взгляде одно-единственное тлеющее слово. Слово, которое отдается в висках.

«Спрашивай».

Он не про свое самочувствие и не про Орфо – понимаю это резко, как если бы когтистая лапа дала мне пощечину. Другой вопрос, тот, который тоже должен был быть первым или вторым, так пока и не прозвучал. Я задал его лишь в мыслях. Задал в пустоту, уверенный, что ответ найдется в каком-нибудь контексте. Например, я услышу, что Орфо сняла с меня венец прежде, чем ветви раздавили бы мне череп. Или что убор сам упал при моем падении. Что угодно глупое, очевидное. Что угодно, а не...

– Почему я выжил? – одними губами спрашиваю я, и Скорфус кивает.

«Отлично».

– Здесь могло бы быть три варианта, двуногий, – тихо начинает он, сев. Я все еще не в силах шевельнуться лишний раз, поэтому не поднимаю рук, пока он не просит: – Сними то, что у меня на шее. Давай.

Под шерстью оказывается шнурок, на котором что-то блестит. Плохо слушающимися пальцами я медленно мучаю узел, пока Скорфус, не сводя с меня взгляда, продолжает:

– Первый. Ты безгрешен. Что неправда. – Узел наконец ослабевает. Я тяну шнурок, и что-то, звякнув, падает мне на живот. – Второй. Боги отменили правило безгрешности. Это невозможно, венец убивает всех убийц, прикоснувшихся к нему. – Я нашариваю предмет. Круглый и плоский. Маленький. Знакомый?.. – И третий. Правила, придуманные богами для людей, над тобой просто не властны. Потому что ты не человек.

Он замолкает. Холодно следит за тем, как я поднимаю предмет к глазам, как без удивления разглядываю монету Рикуса, которую,

видимо, отдала Орфо. Я поворачиваю серебро чеканным профилем. Всматриваюсь в него и понимаю, что иллюзия – мелькнувшая у подножия башни, спутавшая все, лишившая покоя – снова овладевает мной, на этот раз безраздельно, не встречая преград. Этот портрет на меня очень похож. Настолько, что я сжимаю кулак, не в силах смотреть.

– Рикус не рассказал тебе, верно? – Скорфус снова говорит желчно, так, будто Рикус в чем-то виновен, а я не понимаю, в чем именно. – Зато таращился, таращился раз за разом, а впрочем, что взять с этого ослика? – Кошачья морда почти по-человечески кривится. – Он же не понял. Он просто не смог бы понять.

– Чего?

Я совсем теряю нить. Кажется, будто Скорфус говорит уже не со мной, в чем-то убеждает сам себя, и остается лишь вспоминать, что эта монета злила его, раздражала, он с самого начала прицепился к Рикусу в том числе из-за нее, постоянно требуя убрать. Я разжимаю кулак и смотрю снова. Лик обрамлен легкими волосами, почти прямыми, но пышными. Общее спокойствие ощутимо даже в таком маленьком изображении. Кто это может быть, что за правитель Физалии, если правитель? Рикус упоминал, что монета нашлась в старой сокровищнице и была в обороте очень давно. Я не знаю физальскую историю настолько хорошо, чтобы помнить гравюры-портреты ее прежних властителей и тем более наместников колониальной эпохи. И главное, я не понимаю, почему Скорфус смотрит на серебряный кругляш с такой... злостью?

– Эвер. – Он снова обращается ко мне по имени, не по излюбленной дурацкой кличке. Бьет лапой по руке, и монета падает на постель. – Это Идус. Младший брат Зируса, Арфемиса и Одонуса. Таким он был, прежде чем то, что вы зовете Темным Местом, свело его с ума.

Я тянусь взять монету, просто чтобы как-то отвлечься от дрожи по спине, тянусь быстро, но Скорфус снова бьет меня лапой, на этот раз выпустив когти. Злость с его морды стерлась. Теперь там тревога. Нет, почти отчаяние.

– В каждом божестве Святой Горы, – тихо продолжает он, – есть что-нибудь звериное, тебе, как и всем, это известно. О крокодильих глазах

Зируса, о тигриных зубах и хвосте Арфемиса, рыбьей чешуе Одонуса и прочем, прочем... Знаешь, что было у Идуса?

Я качаю головой. Об Идусе почти не говорят, а если говорят, то насмешливо и презрительно, он считается отверженным богом или не богом вообще. Несчастливым, глупым и гордым одновременно, ведь как можно в здравом уме и при божественной силе поддаться мертвым голосам, покинуть свой великолепный дом и бросить игрища с людьми ради... ради чего?

– У Идуса были крылья. – Скорфус не справляется с собой: обернувшись, кидает взгляд на собственную спину. – Крылья, огромные и сильные, но братья смеялись над ним и унижали. Потому что летать на них он так и не научился. Просто волочил по земле. Иначе не получалось.

Дрожь прошибает повторно, в висках стучит с новой силой. На миг кажется, будто вот-вот вернутся голоса, насмешливые фантомы, что смеялись надо мной и пугали меня, что обесцвечивали мир и заполняли мертвецами. Я сжимаю покрывало, на котором лежу, в поисках опоры. Нет, нет, не сейчас, не сейчас, как бы мне ни хотелось скрыться от этого рассказа, пусть я пока не понимаю, куда он ведет. Скорфус смотрит на меня. Наверное, догадывается, что я потерян. Поднимает лапу и изможденно, опять совсем по-человечески, проводит ею по своей морде, как если бы засыпал на ходу. Борозды на его спине кровоточить вдруг перестали, но почему-то это не кажется хорошим знаком.

– Что дальше, ты примерно знаешь, все знают, – продолжает он, обернув лапы хвостом. – Рой Бессонных Душ оттуда, из Подземья, соблазнил его властью, и он пошел туда в надежде, что обретет место, где над ним не станут издеваться. Бедная Сэрпо, Сэрпо, Плетущая Паутину, ушла вернуть его, но не смогла, и оба они постепенно превратились в монстров. Идус...

– Подожди, – все же обрываю я. Измученно закрываю глаза, понимая: мы идем в никуда. Зачем все это? При чем тут я? – Идус может быть странным богом. Из... изуродованным богом, и да, я похож на него, я вижу. – Все-таки снова смотрю на монету. – Но так не бывает, и это тоже знают все. Даже если он выходил на поверхность, если соблазнил какую-нибудь человеческую девушку или... или сделал что-то с ней насильно, боги и люди не могут...

– Люди умирают от семени богов, а не рожают от них детей. – Скорфус кивает. – Все верно, двуногий. Но у богов с богами дети вполне получаются. Не думаешь?

И снова кулаки сжимаются – так я сдерживаю злой смешок и вопросы, которые наверняка его оскорбят. Но все звучит даже не как сюжет для театра, ни один трагик или комик не придумал бы такого, никому и в голову не приходит лезть в семейные дела богов вот так. Единственный на Святой Горе, у кого есть дети, – Одонус, прочие же, кажется, заняты совсем иными вещами. Мы привыкли к этому, и тем более, судя по вечно плачущим сестрам Окво, дети-боги – существа огромнейшей силы. Это и закономерно: они ведь наследуют могущество родителей. Удвоенное могущество. А я, даже если на миг предположить...

Я же слаб. Слабее слабого. Всегда был.

– Зачем ты смеешься надо мной, ты так мстишь? – все же спрашиваю я, ловя взгляд Скорфуса. Я сдержусь, я ни за что этого не сделаю, но хочется схватить его и встряхнуть или хотя бы сбросить, потому что его горячая тяжесть давит. Или давят слова. – Понимаю, я проявил малодушие. Понимаю, тебе больно за Орфо, и ты зол, и может, вы даже выдумали все это вместе, но поверь, я... – Горло предательски сжимается. Сглотнуть тяжело. – Поверь, я не повторю. Это было помутнение. Я держался прежде и буду держаться дальше. Я...

Он снова бьет меня по щеке хвостом, не когтями, и заставляет замолчать. Во взгляде поселяется что-то страшное, что-то, от чего я подчиняюсь и только опять сжимаю монету. Начинаю садиться, и он, почувствовав движение, плавно перебирается на кровать рядом. Золотой глаз медленно угасает, вся поза словно расслабляется, но когда он скидывает голову, тон снова не терпит возражений и режет хуже клинка.

– Эвер, тебе лучше принять это сейчас. Сэрпо – твоя мать, а Идус – твой отец. И Орфо... – Тут он запинается. Запинается и делает глубокий вдох, точно собрался куда-то нырять. – Орфо не превращала тебя в Монстра. Она только вытащила то, чем ты являешься, что давишь в себе. Точнее, даже не она. Вся ваша история... она шита паутиной. Ничем иным.

Почему *паутиной*? Между нами снова повисает тишина, в которой я трясущимися руками тру лицо, а он лежит без движения, смотря снизу вверх. Хвост снова начинает мотаться из стороны в сторону, потом – бить по кровати. Поджав к груди колени, попытавшись вообще сжаться в ком, чтобы хотя бы победить озноб, я неотрывно смотрю в ответ. Все еще жду желчной улыбки и вопроса: «Ну что, как тебе шутка?» – а Скорфус, видимо, ждет, что я снова начну что-то отрицать. Нет. Нет ничего. Я только чувствую, как сгущается вокруг темнота, отнимая мой голос и не принося даже чужих. Пока этого не произошло совсем, я, запнувшись, прошу:

– Объясни. Пожалуйста. Я... хорошо, я все выслушаю.

Скорфус кивает без облегчения, пробормотав лишь: «Постарайся». И продолжает, все бесцветнее и глуше:

– Идус и Сэрпо лишились большей части божественной сути, потому что Подземье неподвластно даже богам. Они стали... тем, что ты наверняка видел, парой похожих на нетопырей тварей, Идус наконец-то взлетел. – Из горла Скорфуса вырывается нервный смешок. – Иронично. Но неважно. Так или иначе, даже в этой тьме они любили друг друга, любили без оглядки и у них рождались дети. Много детей. Ты наверняка встречал их?

Он смотрит. Ждет. Я не киваю, но смыкаю ресницы – и вижу всех их перед глазами.

Огненный дух с лицом старика и руками-плетьми. Водная змея с петушиным гребнем, замораживающая взглядом. Серый младенец с щупальцами вместо ног и пастью на пол-лица. Девушка, вся спина которой – шевелящиеся внутренности. Юноша, очень похожий на меня, но с зеленой кожей и неразвитыми стрекозиными крыльями. Они все и многие еще были там, в пещерах, в основном в самых глубинах и в гранатовом саду. Исчезали. Появлялись новые.

– Встречал. – Тон Скорфуса утвердительный. Я снова смотрю на него. – Встречал и, может, даже чувствовал, что всех вас что-то связывает. Это сложно не почувствовать. – Киваю. Я ненавижу себя за это, но не могу не кивать. – Двуногий... мне жаль. Мне очень жаль, что я не знал этого, когда мы тебя вытаскивали. А ведь я не знал. Я тоже знаю далеко не все.

На этот раз ему, похоже, нужно время, чтобы собраться. Он снова трет лапой морду, мотает хвостом. Я смотрю на его черный силуэт, а

потом прячу лицо в колени. Мне тошно. Тошно настолько, что я не могу найти ничего разрушающего его... предположение? Ведь это просто предположение, не может быть иначе. Он ищет объяснение, почему я не погиб. Ищет так глубоко, куда никто не заглядывал. По крайней мере, из людей. По крайней мере...

– Они сказали мне, когда я заснул, – почти шепчет он. Я с трудом поднимаю глаза. – Боги. Прочие. Сказали, что не покарали меня потому, что чувствуют вину; потому, что любая помощь отродь... – он ищет слово, – породж... потомкам... Идуса и Сэрпо для них ценна. Но если я оступлюсь где-то еще или сболтну лишнее, будет хуже. И я... – снова звучит его невеселый смешок, – я оступаюсь. Осознанно и с разбегу. Вот так, ясно?!

Я не успеваю ответить: он крупно вздрагивает, совсем как я недавно.

– Ясно?! – повторяет в пустоту, точно помутившись на миг рассудком, тоже как я.

Снова по-человечески морщится, мотает головой. Глаз вспыхивает ярче, опять тускнеет, и вдруг он вспрыгивает обратно на тумбу, подняв кровавые брызги. Я слежу за ним. Он сейчас будто актер на сцене, даже его речь опять становится другой – более четкой, выверенной и проникновенной. Обращенной... не только ко мне?

– Слушай, потому что время бежит, Эвер. Слушай. У богов, которые стали монстрами, уже не могут рождаться *боги*. Но остатки их сути еще тлеют, поэтому *просто монстры* у них рождаться тоже не могут. У них рождается только что-то среднее. Это люди. Точнее, что-то, что можно хотя бы приблизить к человеческой ипостаси и отпустить на свободу из темноты.

– Отпустить... – бездумно повторяю я. – Но зачем? С чего?

Скорфус смеется невесело, если не сказать страшно. И понижает голос.

– Затем, что иначе они довольно часто забывают, кто вы. И иногда сами съедают вас.

Он и сам вздрагивает от этих слов. Молчит. А я впустую силюсь вспомнить, хоть что-то вспомнить, первый осознанный миг из детства. Сколько мне было, два, три, пять? Что я делал? Что видел? Где жил? Все, что отпечатывается в памяти, – корабль, где меня везли на рабский рынок. Как кого-то били девятихвосткой, но не меня. Как про

меня... про меня же?.. говорили: «Вырастет очень красивым». Но где меня взяли, где моя мать, я...

– Поэтому только так, – продолжает Скорфус. – Сплести из паутины крепкое человеческое обличье, такое, чтобы срослось воедино с чудовищной сутью и никогда не расползлось. Использовать все остатки силы, чтобы помочь выбраться наружу. В какой-нибудь мир. Но там может и не повезти.

Снова я закрываю глаза. Пытаюсь вспомнить слепящий свет, пытаюсь вспомнить чьи-нибудь крепкие руки, которые волокли бы меня куда-то откуда-то, пытаюсь вспомнить нити. Не вспоминаю и, кажется, издаю сдавленный стон. Сжимаю между ладоней монету, на которую больше не решаюсь взглянуть. Прижимаюсь к сцепленным ладоням лбом.

– Тебе не повезло, Эвер, – шепчет Скорфус. – Не повезло дважды, потому что сначала ты попал в рабство, а потом оказался там, где есть портал. Он спал долго, его ничего не тревожило, неудивительно, что ты его не чувствовал. Но стоило тебе потревожить его кровью, а Орфо – волшебством, как все поменялось, потому что Подземье... Подземье всегда помнит, кто вы. И начинает звать, как только грань между ним и нашим миром истончается. А дозвавшись – забирает обличье. Снова уродует его.

Монета падает на край кровати, потом на пол. Я смотрю на свои ладони, бледные и обычные, потираю их, поднимаю рукава. Вены... там, на коронации, они вздулись и потемнели, но теперь тоже выглядят привычно, обыденно. Я не хочу рассмеяться на слова Скорфуса, они могут быть правдой в отношении несчастных богов и их потомства в целом, но...

– Это не про меня, Скорфус, – слетает с губ. – Не. Может. Быть. Ведь я... обычный?

– И зрение, которое стало острее, и скорость, с которой ты стал двигаться, и то, *что* ты иногда видишь и слышишь, по крайней мере часть из этого, и то, что больше не можешь нормально есть... – Он опять смотрит на меня. Смотрит с жалостью. – Как же все так вышло?

Я пытаюсь встать. Ноги предательски подгибаются. Подгибаются по-человечески.

– Я же упал там, когда надел венец... – Даже в это я судорожно вцепляюсь.

Но Скорфус неумолим.

– От истощения, потрясения, нехватки сна. – Он опускает лапу мне на запястье. И почти мягко заглядывает в глаза. – Двухногий. Я сделал ошибку. Я сделал ошибку, и из-за моей магии, из-за того, что я тебя... ободрал, твое обличье и твоя суть теперь спорят. Боюсь, так будет всегда. Потому что я не умею это исправлять – и никто не умеет. Но я хочу, чтобы ты знал...

– Ты можешь доказать это хоть чем-то? – Мой голос стал хриплым. Я сам его едва слышу.

Он не может поступить так. Не может. Не лишит меня последнего – права быть человеком.

Скорфус качает головой. От его лапы идет сейчас особенно сильный жар.

– Я привел тебе достаточно доказательств, и я полубог. – Он медлит, странно сглатывает. – А последнее доказательство ждет тебя совсем скоро.

– Ждет... – Почему-то слово застревает в горле комом.

Скорфус закрывает глаз, ничего не отвечая, кашляет. Выпускает когти – и всаживает их сам себе во вторую лапу. Вздрагивает. И, посмотрев на меня снова, не дав спросить: «Что ты делаешь?» – твердо говорит:

– Послушай главное, двухногий, послушай. – Его голос срывается. Но он очень настойчив. – Я понимаю, да, это ужасно и это не та божественность, которую обретают в театре. Понимаю, но с этим можно жить, и особенно тебе, учитывая, как многие любят тебя. Пожалуйста, не повторяй того, что ты сделал. Ведь если подумать, что есть люди, да и фамильяры, как не среднее между богом и монстром? – Скорфус смаргивает. Это что... слезы? – Все мы такие, пойми. И всех нас не просто так что-то привело в этот мир. – Нет, он опять смеется, скаля пасть. – Так что прекращай это душное дерьмо сейчас же, прекращай и подумай о том, как ты дорог Орфо, о том, как многое ей предстоит сделать и как нужна ей помощь, о...

Смолкнув, он хватается ртом воздух.

– Так. Погоди...

Он спрыгивает на пол – и в этой паузе я смотрю в окно, за которым близится закат. Сколько я проспал? Сколько... сколько Орфо мучается и злится, сколько собирается с силами, чтобы увидеть меня?

Я сжимаю зубы. Опускаю глаза на метку, сосредотачиваюсь – и на миг, кажется, правда снова проступает. Рука видится мне серой. Покрытой струпьями. Чудовищной, но я смотрю на нее, смотрю, пока не начинают слезиться глаза, и потом тоже смаргиваю. Она становится нормальной. Или нет. Какая она на самом деле?

Я родился чудовищем, из меня сделали человека и выбросили наверх. Меня поймали, и я прожил ту жизнь, которую прожил, и всю эту жизнь моя сущность выдержала. Она не прорывалась, когда меня били. Не прорывалась, когда меня трахали. Не прорывалась, когда началась война. Она проснулась, похоже, в тот самый день, когда «дети героев» напомнили мне обо всем этом разом и когда моя жизнь разбежалась трещинами во... второй?... третий?... бесконечный раз? Наверное, даже неудивительно. Наверное, она и не могла выдержать. Наверное...

– Скорфус, – тихо зову я, не поворачиваясь, потому что не знаю, что в моих глазах. – Скорфус... я... я загоню эту сущность внутрь, обещаю. Спасибо тебе. Я...

Да, именно так. В ответном молчании я думаю об этом, думаю все горше. Пусть. Пусть это очень похоже на правду и пусть многое эту правду подтверждает. Наверное, в этом даже есть плюсы – скорость, зрение, слух точно. Вкус пепла... он чудовищен, но можно привыкнуть, мы ко всему привыкаем. Пусть я сшит из двух частей. Человеческая даже обладает меткой, я могу... всегда мог... сдерживать другую. И единственное, что мне важно, – чтобы Орфо...

– Ты ведь пока не сказал ей, да? – снова обращаюсь к нему я. Голос звучит умоляюще, но я не пытаюсь его изменить. Ведь я действительно умоляю. – Не говори. Пожалуйста. Хотя бы не сейчас, хотя бы пока я сам этого не осознаю, пока я...

Тишина. Он уже должен ответить что-нибудь острое и насмешливое, нет? Должен со смехом потребовать за молчание платы сливками или поклонами. Должен, в конце концов, незнакомым серьезным тоном повторить то, что так любила говорить маленькая Орфо: «Друзья не врут». Но он молчит. Молчит слишком долго, поэтому я поворачиваюсь резко и встаю, опустив взгляд. Меня будто что-то подталкивает.

– Скорфус?

Нет. Я не знаю того, кто, сидя на полу и играясь лапой с упавшей монетой, смотрит на меня пустым взглядом желтого, чуть мутноватого глаза.

– Мяу.

– Эв...

Орфо распахивает дверь и быстро переступает порог. Она бледная, так и не переделавшись, волосы падают на покрасневшее лицо. Наверное, она долго решалась, а потом побежала; наверное, у нее приготовлено много слов и некоторые из них меня уничтожат, но теперь я вряд ли их услышу. Потому что она тоже это видит. Видит и охрипшим голосом произносит другое имя:

– Скорфус?

Молча, не шевелясь, она смотрит, как небольшой черный кот, еще раз мяукнув, неторопливо идет к ней и, задрвав хвост, трется об ноги. Выдыхает сквозь зубы, отступает, врезается спиной и затылком в закрытую дверь. Грохот сильный: наверное, она ударилась больно. На глазах выступают слезы, она вскидывается, и наши взгляды наконец сталкиваются. Я пытаюсь встать и хоть что-то объяснить. Тело опять предает, не получается, даже когда я вцепляюсь в изголовье.

– Орфо...

– Что ты сделал? – шепчет она. – Что? Это ведь *тоже* сделал ты?

Ее тон, надломленный и испуганный, такой незнакомый, бьет наотмашь, и я предпринимаю новую попытку встать, сцепив зубы. Но в голове бьется: «...последнее доказательство». И «...не рассказывай людям секреты богов». Это ведь ответ.

– Орфо...

Кот – я не могу назвать его по имени – плюхается на пол, из уголка его рта капает слюна. Орфо нашаривает ручку двери.

– О чем вы говорили? – Она повышает голос. – Что вы делали?!

Что ответить? Ведь если быть правдивыми, виновен действительно я. Ведь, возможно, об услышанном я мог догадаться – или узнать – сам. Если бы хотя бы попытался. Если бы поговорил с Рикусом. Если бы не предавался молчаливому отчаянию от своей «болезни».

Если бы не был слабым.

– Послушай...

Но слова не находятся. Не находятся, как бы я ни пытался. «Я монстр, Орфо?» Трусливое нечто внутри зажимает мне рот. «Он спасал нас, но не спас себя, и это из-за меня»? Я готов сказать это, но и тут спотыкаюсь. Она наклоняется. Поднимает монету, которую Скорфус успел начать грызть. Смотрит на портрет. Потом на меня. Конечно, она не знает, не знает ничего, но страх уже написан на ее лице. Она видит сходство.

– Что это? – одними губами спрашивает она.

Я снова закрываю глаза, сосредотачиваюсь и, кажется, чувствую, как начинают меняться мои черты – будто глина, которую мнет грубая рука. Пусть это будет ответ, если иначе я пока не могу.

На этот раз с ее губ срывается только сдавленный стон. Ей не страшно. Ей больно.

Через секунду хлопает дверь.

11. Голос Монстра

Орфо

Воздух тяжелый, душный, густой. Я чувствовала это еще днем: он прорастал в горле и легких ядовитыми спорами, прорастал – и становилось дурно. Я путалась в словах, ища ответы для патрициев и гостей. Путалась, пытаюсь защитить Эвера и не понимая, должна ли. Большая часть окружающих ведь убеждала меня, что за его *поступком* стоит желание либо надерзить богам, либо нелепо и изощренно намекнуть мне на желание тоже взойти на престол.

А немногие, кто догадался о его настоящем мотиве, не стали скрывать иные домыслы.

Почему он, такой чистый, верный и правильный, решил, что это его убьет?

Не вы ли его до этого довели, ваше величество?

Эти вопросы звучали лишь намеками, но торжественный обед, все время которого я просидела на иголках, не съев ни кусочка, прошел тяжело. И я почувствовала облегчение, когда все разошлись по покоям. Пусть скрасят отдых злословием, мне-то что? У меня не было моральной готовности общаться даже с моими физальцами – ни с кем, о чем я сказала честно, наверное обидев их. Особенно Клио, которую с самой коронации всю трясло.

Но пока мне хотелось поговорить лишь со Скорфусом, снова исчезнувшим, как только мы сели за столы в саду. Я ведь так и не спросила его о крыльях, не смогла спросить вообще ни о чем – было не до того. Клио, по ее словам, Скорфус сказал, что это *жертва*. Жертва кому, за что, допытывалась она? Но тогда и я этого не поняла.

Зато теперь понимаю. Почти. Или нет?..

Он забрал монету – я даже не заметила, как. И он зачем-то отправился к Эверу, хотя я поставила часовых у его двери, едва мы вернулись в замок. Я не хотела, чтобы это приравнилось к аресту, но не хотела и предложений отправить его в казематы. Кир Алексор и так пытался настоять, и было сложно заставить его замолчать. Конвой у спальни стал консенсусом.

Но, может, кир Алексор был прав. Может, его стоило послушать. Не знаю.

Пустая морда с пустым желтым глазом – кошачья морда, не морда моего полубожественного друга – все еще перед внутренним взором и не пропадает, как я ни жмурюсь, как ни ускоряю шаг. Это ведь смерть, как еще это назвать? Я знаю, что есть способ сделать такое и с людьми, что иногда люди мамы делали это с ее врагами – привязывали к подвальным колоннам, брали тонкий раскаленный стилет, вгоняли куда-то в лобную кость и били маленьким молоточком несколько раз. Не раскалывая череп, а уничтожая в человеке то, что собирает воедино его мысли, чувства, реакции тела. Самую его суть. После этого он переставал быть даже подобием себя, мог разучиться ходить и есть, начать пускать слюни и забыть свое прошлое. Становился...

Я закрываю глаза. Мне снова кажется, что *он* трется о мои ноги.

А потом я думаю о том, что мне самой, может, не помешала бы эта чудовищная полуказнь.

Потому что я схожу с ума.

Я слышала только несколько последних фраз их разговора и ничего не поняла. Я вошла – и увидела уже *это*. У меня есть лишь профиль на монете, похожий на профиль Эвера, и сам факт, что почему-то Скорфус счел нужным украсть ее и принести к Эверу в комнату, и...

И галлюцинация. На миг мне ведь показалось, будто лицо Эвера становится лицом Монстра. Это от ярости? От страха? Или...

Я останавливаюсь как вкопанная и, поднеся руку ближе к глазам, разжимаю кулак. Снова всматриваюсь в серебряный профиль, даже не пытаюсь отрицать очевидное. Это не просто вещь. Скорфус знал что-то – что-то, что долго скрывал и за что... поплатился? А Эвер? Нет, нет, все-таки вряд ли это сделал он, и может, спешными словами я ранила его. Он казался потрясенным и расстроенным, не озлобленным. Он даже не мог встать. И на меня, и на Скорфуса он смотрел затравленно, обреченно, и...

Я переворачиваю ладонь. Монета звонко падает на пол в оглушительной теплой тишине. Я запоздало, с удивлением отмечаю, что миновала уже несколько дверей, почти добралась до поворота, но не вижу ни одного дозора. Хотя еще когда я шла к Эверу, они вроде были.

Хмурюсь. Глубоко вздыхаю, пытаюсь зацепиться мыслью хотя бы за это. Не получается – и я просто начинаю ругать себя. Боги... что на меня вообще нашло? Зачем я вылетела за дверь как крыса с подожженным хвостом, почему больше ничего не спросила, почему не подошла и хотя бы не всмотрелась? Я же никогда так не поступала. У меня достаточная выдержка и трезвый ум. Или... почему я не пошла, например, к Рикусу, не ткнула монету ему в нос с гневным «Так, что это за дрянь?». Усмехаюсь, даже становится легче. Да. Вот так и надо сделать. Минутную слабость я себе, конечно, прощу, все-таки у меня был трудный день, трудная неделя, да что там, трудный год и довольно трудная жизнь. Но какое бы безумие ни происходило, я ведь справлюсь, справлюсь со всем и, надеюсь, даже пойму, почему Скорфуса кто-то за что-то...

Горло петель захлестывает тошнота, почва мыслей на этом месте становится снова зыбкой.

Может, и пойму. Но смогу ли помочь? А хотя бы отомстить?

Ладно. Я ведь должна попытаться. А сейчас серьезно, где...

Слабое движение за спиной и легкий шум заставляют быстро обернуться.

– Так, это что!..

Я жду, что поймаю спешно встающего на положенное место целера, хотя бы одного, но... коридор по-прежнему пуст. Лучи солнца из окон рассекают его, оставляют неровные ярко-рыжие квадраты на выщербленных камнях. Где мои солдаты? Где все? Единственный, кроме меня, по чьему приказу они могли бы оставить посты, ведь Илфокион. А ему они зачем сейчас?

Развернувшись, шагаю в ближайший закатный квадрат. Громко кашляю: хочу еще раз намекнуть, что заметила нарушение приказа. Нет, из-за поворота никто не спешит. И вообще не происходит ничего. За всеми дверьми мертвая тишина.

Рассеянно смотрю вперед, вслушиваясь в тихое чириканье птиц и отдаленный шум деревьев. Прежние мысли – вернуться в комнату Эвера или сначала поговорить с Рикусом – все еще кажутся разумными, но теперь их что-то теснит. Смутное ощущение неправильности, разлитое прямо в воздухе. Размышляя, снова отступаю и наклоняюсь поднять монету. Надеваю ее на шею, где больше нет церемониального украшения. Делаю сразу пять шагов – к

папиной двери – и прижимаюсь к ней ухом. Возможно, этот день измучил меня. Возможно, я не могу верить себе, раз на месте Эвера мне померещилось боги знают что. Но я готова поклясться... край моего зрения поймал человека, скользнувшего к этой створке. И теперь он по ту сторону.

Вероятно, это был отлучавшийся часовой, которого свои встретили тихо. Может, он принес всем еду, воду, карты? Целеров ведь полно там, внутри, мы не ослабили дозоры даже сегодня. Именно потому, что их полно там и есть еще медики, я не побежала в ярости выставлять новый караул: уверена, стража вот-вот покажется или как-то выдаст свое разгильдяйство. И все же...

– Эй, вы там... – Но властный оклик звучит, будто я простыла.

Меня тревожит что-то, что я даже не могу обрисовать, проговорить. Что-то, отчего все внутри опять натянулось струной, а желудок сжало. Даже тень под ногами, закатная тень кажется неестественно длинной, темной и грязной. Будто и не тень вовсе. Будто...

Кто-то кричит. Кричит там, у отца, хрипло, надсадно, а потом замолкает резко, словно ему зажали рот. Я распахиваю дверь опрометью, даже не думая, – и шагаю за порог.

– Так, ну хватит, чем вы там...

Я все еще не уверена в своем рассудке, здравая часть меня не ждет ничего, кроме удивленных взглядов собравшихся за картами солдат. Поэтому я не готова к тому, что споткнусь. Что внутренняя ручка, странно нагретая, словно вырвется из моей руки и дверь захлопнется. Сама.

– Привет. Ну наконец-то.

Клио, стоящая у постели моего отца, незнакомо улыбается, обернувшись через плечо. И резко заносит над ним ослепительно сверкающий, залитый солнечным маревом меч.

Это моя Финни. Которая почему-то не обжигает чужие руки, не вырывается, молчит. Острое осознание настигает меня, уже когда я кидаюсь вперед, когда выставляю ладонь, пытаюсь выбить оружие волшебством, – и спотыкаюсь опять, точно мне подрубили ноги. Не просто падаю. Ушибаюсь, врезавшись в знакомый деревянный предмет. Тумба. Рядом со мной что-то грохается на пол и звонко разбивается; на миг жмурюсь, спасаясь от разлетающегося стекла.

– Какого...

Клио смеется. Она хотя бы отвлеклась, пока не опустила меч. Ее темные глаза, в которых зрачки слились с радужками, неотрывны от меня и от того, что расплзается во все стороны с места, где я упала. Черного. Вонючего. Слизкого и точно сгнившего много лет назад.

– Молодец. – У нее что-то с голосом. Он тоже стал ниже. – Спасибо тебе. Так быстрее.

На тумбе вместо лекарств, которые прежде оставляли медики, был флорариум с маминой орхидеей – тот, который я отдала садовникам. Теперь банка разбилась, и орхидея – или что-то в ней – истекает плесневелой, удушливой чернотой, быстро пожирающей пол, стены, углы. Я не могу просто отползти от нее – и она леденит руки, вяжет, так что приходится продираться. Я боюсь отвести от Клио взгляд, но уже поняла главное: комната... пуста. В каком-то смысле. Людей, способных помочь мне, в ней нет. В углу темнеет груда чего-то, в чем узнаются несколько тораксов и серебристых туник медиков, но это что-то тоже погребено под черной плесенью. Эти коконы, напоминающие плохо забальзамированных игаптских мумий, стонут и хрипят, торчащая из одного кокона рука лихорадочно скребет пол, сдирая в кровь ногти.

– С-спаси...

Хотя бы живы. Надолго ли?

– Что ты сделала? – шепчу, ощущая, как сохнет в горле. Стараюсь не разжимать губ, боясь, что черная дрянь, растекающаяся все шире и уже скользнувшая под дверь, в коридор, попадет мне в рот. – Что. Ты. Сделала?!

Я снова вскидываю руку в надежде поймать ее, как поймала падающих Рикуса и Ардона, – но в тот же миг, почти зеркально, руку вскидывает она и швыряет меня в стену. Она делает это легко, лениво, хлестко – а я врезаюсь, будто меня запустили из катапульты. Левый висок, плечо, ребра пронзает боль, и я снова падаю. Сквозь шум в голове отстраненно пытаюсь понять, кто живет за этой стеной, живет ли, – и, не вспомнив, спешно, шатко поднимаюсь на дрожащие ноги.

– Стой, объяснись!.. – Во рту кровь. Сглатываю, ошалело трясая головой. – Клио!..

Но клинок уже устремился вниз, папе в живот – почти молниеносно. В этот раз, крича и поднимая руку, я целю импульсом не

в Клио, а только в Финни, в ее сверкающее серебро. Это словно черпать и вдыхать пламя; ее гнев обжигает меня от кончиков пальцев до легких и заставляет пошатнуться, зато мне удастся ее выбить. Она отлетает к окну, а Клио не успевает за ней кинуться: в этот раз я быстрее, закрываю ей путь.

– Так это ты, всегда была ты? – Не замечаю, как преодолеваю расстояние, и не чувствую, как снова падаю, уже с ней. – С самого начала, Клио? – Стараюсь не дать голосу сорваться, стараюсь не думать. Особенно сильно стараюсь не чувствовать.

Она улыбается снова, глядя мне в глаза и словно раздумывая, потом то ли кивает, то ли качает головой – вообще скорее поводит ею, будто в такт дивной, слышной только ей музыке. Ей все равно, что я сдавила ее горло. Пальцы крепко впиваются мне в плечи.

– Почти... но не совсем.

Вслушиваюсь в сиплый голос, шарю взглядом по ее рукам. На узких смуглых запястьях нет браслетов, и я четко вижу:

на коже ни следа, точно ни следа меток. Но я клянусь: она использовала против меня волшебство. Уже дважды, если не трижды. И она понимает, что я поняла это, судя по тому, как улыбка становится шире.

– Ничего не умеешь. Учись. Руки ведь не главное.

Ее зрачки словно вгрызаются в мои – я чувствую это, – а потом кто-то невидимый начинает сворачивать мне шею – резко, внезапно, только чудом мне удается разорвать контакт вовремя, двинув ей кулаком в челюсть. Под отвратительный хруст она шипит, отпихивает меня, снова вскакивает, я вскакиваю тоже – и меня оглушает крик:

– Я все равно убью его! Убью! А не я – так ты.

Я не знаю, кто из нас первым кидается вперед вновь, но я четко слышу еще слова, на этот раз тихие, вкрадчивые и насмешливые:

– Но сначала ты убьешь меня... и начнешь войну. В которой мы победим.

Я толкаю ее, она утягивает меня за собой.

– Клио, что с тобой? – То во мне, что должно было почувствовать боль, что должно было начать все отрицать, не выдержало, наконец очнулось и подало голос. Ведь я вижу ее разбитое лицо, ведь с ее губ сорвалось слово «война». Мне кажется, будто я начинаю понимать. И

мне кажется, что может быть, я... я... – Клио, пожалуйста! Что я сделала? Что?!

Осекаюсь: Финни звенит. Там, на полу, она звенит тревожно, жалобно и точно пытаюсь что-то сказать. Бегло оглядываюсь – пока мы с Клио душим друг друга. Замечаю алое мерцание вокруг клинка, рваную пульсацию и темноту по краям рукояти. Она наконец поняла, что ее обманули, зовет на помощь и зовет в бой. Я мысленно вцепляюсь в нее – и она летит. Летит Клио в голову так же стремительно, как летела моему отцу в живот.

– Ну нет! – Та останавливает меч взглядом, легко, будто это пушинка. – Нет, так не пойдет. И нет, не здесь! Уймись, глупая ты железка! – Снова она рвано поводит головой.

Финни падает. Я не успеваю даже всмотреться в лицо, искаженное брезгливой яростью. Клио прыгает, точнее, отталкивается от пола – и взмывает под потолок, легко и быстро, будто взмахнув незримыми крыльями. Меня она с легкостью тащит за собой, держа за плечо и за шею.

– Клио...

– И прекрати звать меня этим плебейским именем! – сплевывает она вместе с кровью мне в лицо. – Что, не узнаешь, маленькая гадина?

Оглушенная, дезориентированная, испуганная, я не успеваю ни ответить, ни вырваться – она трясет меня, как охотничий пес – дохлую птицу; комната бешено вращается: углы, отец в постели, черные сгустки, скребущая рука, дверь...

– Хочешь знать, что ты сделала? Ты родилась! – Под мой хрип она устремляется куда-то спиной вперед и выбивает окно. Она летает с убийственной легкостью, она в принципе *летает*, и хотя у нее нет метки волшебника...

Я ведь знаю одного, который умел так же. Одного, который когда-то тоже владел Финни.

Знаю, как мы ни стараемся не упоминать его имя.

Эвер

Они обрушиваются на меня разом – десятки криков и проклятий.

«Сдохни!»

«Это все ты!»

«Из-за тебя!»

«Смотри, она жива, но ей нет дела даже до собственных друзей!»

«Думаешь, есть до тебя?»

«Иди за ней!»

«Убей ее!»

Я зажимаю уши, сгибаюсь, пытаюсь скрыться, но тщетно. Почему они снова здесь? Почему? Словно разбилась на осколки какая-то защита, защита, что давали мне то ли слова Скорфуса, то ли дурнота и раскаяние. Больше ничего нет. Голоса нашли меня, и они все множатся.

Получается наконец встать, и, шатаясь, я иду к окну. Не знаю, почему туда, не к двери – может, в надежде, вдруг ветер с моря, прохладный и соленый, вернет мне хотя бы тень рассудка. Покажет, что делать. Поможет дышать. Нет. Желудок скручивает, я сгибаюсь снова, всем весом навалившись на подоконник, но из горла ничего не вырывается – нечему. Кот мяукает под ногами, обеспокоенно трется, и, пытаясь сделать еще хоть шаг, я чуть не спотыкаюсь об него. Ловлю взгляд. Тщетно. Это больше не взгляд разумного существа, которое может дать совет или хлесткую отрезвляющую затрепину криком «Слабак!». Кот открывает рот и мяукает еще раз, его глаз даже не может встретиться с моими воспаленными, слезящимися глазами. Он ничего не понимает, но вряд ли ему хорошо рядом со мной, окутанным облаком страданий и безумия. Тянусь хотя бы погладить его. Думаю о том, что с ним будет. Судя по тому, как повела себя Орфо... она, возможно, не сумеет принять его таким. Для нее это как видеть труп. И ради чего...

– Прости, – шепчу я, когда пальцы касаются шерсти на макушке.

Даже она незнакомая, слишком мягкая, слишком... небожественная. Кот капризно выворачивается из-под ладони, я выпрямляюсь, и новый приступ дурноты заставляет навалиться на подоконник еще сильнее. Рвотный спазм не приводит ни к чему, кроме кашля.

«Убей ее!»

«Убей!»

«Догони и убей!»

– ХВАТИТ!

Мой крик звенит по комнате, пугает кота, попятившегося на несколько шагов. Я запускаю пальцы себе в волосы, дергаю, пытаюсь прийти в себя, и снова вспоминаю его слова.

«...и то, *что* ты иногда видишь и слышишь, по крайней мере часть из этого...»

Часть. Значит, меня что-то связывает с Подземьем. Значит, похоже, со мной говорят... души из Роя? Значит, я не должен слушать их, не должен даже думать об их словах. Они пытаются сделать со мной что-то. Вроде того, что сделали с Идусом и Сэрпо. Разве это понимание не должно хоть немного исцелить меня? Что я не болен, что я в уме, что у меня просто есть враг, опять есть враг, с которым мне придется бороться? Что я...

Нет. Нет. Не должно, потому что мне не хватит сил.

Я смотрю на море, прижавшись лбом к правой, закрытой створке окна. Она недостаточно холодная, чтобы облегчить головную боль, но в этой позе я словно обращаюсь в камень, и даже крики звучат глуше, отдаленнее. Вдох. Выдох. Они замолчат, сейчас замолчат, я соберусь, а потом вернется Орфо, и мы по-настоящему поговорим. Она вернется. Я знаю ее слишком хорошо. Новая, взрослая она точно не отступится. Она даже не будет кричать.

Я высовываюсь в окно, подставляю лицо ветру. Я уже не проклинаяю себя за то, что сразу не побежал за ней – как ни хотел. Тогда меня предали ноги, а потом я понял: ей нужна хотя бы пара минут, чтобы собраться. Так же, как была бы нужна мне, если бы такое обрушилось на меня. Так же, как была бы нужна мне, если бы с важными для меня существами произошло такое. Но она вернется. Вернется раньше, чем вернулся бы я: она сильнее меня. Я думаю об этом, медленно отводя взгляд от плещущегося в сонном ритме моря, от оранжево-золотой полосы закатного пляжа, поднимая глаза и скользя взглядом по соседним замковым окнам...

Одно из них взрывается осколками. Из него стрелой вылетают две фигуры, кричащие и сцепившиеся в яростный клубок. Становятся темными силуэтами на фоне багровеющего зарева. И падают туда, вниз, за тонкую гряду скал. К воде.

Я успеваю узнать их. Я бегу в коридор, но дверь не хочет открываться сразу; чтобы справиться с ней, приходится несколько раз

врезаться в нее плечом и разодрать клочья какой-то черной мерзости, покрывшей весь проем. Что это? Что...

Вывалившись из покоев, я задыхаюсь от вони. Черное все вокруг. Пол и потолок, стены, окна и двери затянуты вязкой, бугрящейся, местами покрытой мягким сизо-багровым пушком субстанцией, которую я уже где-то видел. Где? Споткнувшись, чуть не упав, схватившись за еще не тронутый кусок стены, я вспоминаю это резко, как если бы картинка встала перед глазами.

Орхидея. Примерно такая дрянь сочилась из-под флорариума, который кто-то принес Орфо.

Орфо. Которая только что вместе с Клио выпала из окна королевской спальни.

Я бьюсь в дверь Плиниуса раз, другой, третий – но вся она стала густо-черной, не открывается, как бы я ни драл чудовищную плесень ногтями. Стражи нет, нет никого, и на мои крики никто не отзывается. Забежав за поворот, потом еще за один, я понимаю почему: плесень съела весь этаж и не только этаж. На некоторых стенах есть странные уплотнения в человеческий рост, уплотнения в форме человеческих же силуэтов, обмотанных в черные коконы. Некоторые слабо шевелятся. Некоторые сдавленно зовут на помощь, но попытка освободить горло и лицо хотя бы одному человеку ни к чему не приводят: плесень тут же ползет назад и пытается расползтись также по моим рукам.

Я пытаюсь вернуться к себе за перчаткой, мечом, чем угодно – но и моя дверь уже заросла. В коридоре больше ни капли пространства, свободного от черноты, и остается бежать вниз. Нет, не вниз – вверх. К крепостной стене, к тайному спуску на пляж, к самой короткой дороге туда.

Я все еще вижу Орфо и Клио, падающих камнем там, за скалами, – вылетевших из окна так, будто кто-то бросил их со всей силы. Кто? Правильно ли оставлять с этим кем-то раненого короля? Или этого *кого-то* там уже нет?

– Стража! – Кричу раз за разом, перечисляю знакомые имена, хотя не знаю, кто мог бы стоять сегодня в дозоре.

Все коридоры густо-черные, в коконы плесени превратились статуи и светильники на главной лестнице. Я не вижу никого, кто мог бы помочь, я стараюсь не приглядываться к шевелящимся сгусткам, зовущим на помощь так, словно рты и носы у них забиты; лучше не

представлять чем. Я и так еле стряхнул черную плесень с рук. Я не уверен, что в какой-то момент, если я, например, замедлю бег, она просто не схватит меня, как остальных.

Я пробегаю все комнаты, которые помню, пробегаю нишу, где когда-то – сколько лет назад? – сидел и обдумывал слова Лина о том, что мне не место рядом с ним. Я ищу среди черноты осклизлые ошметки гобелена, скрывающего подъем на стену. Нахожу. Зажмурившись и зажав нос, кидаюсь под него, чтобы не вдохнуть споры – споры же, или чем *это* может размножиться? – и уже через пару ступенек с силой в кого-то врезаюсь. Отпрянув, поднимаю голову, с трудом сдерживаю вопль облегчения. Илфокион сам хватается меня за локоть, удивленно окликает.

– Боги, вы... – Я запинаюсь. Ноги еле держат.

Он не дает упасть, пристально смотрит, но ни о чем не спрашивает. В глазах недоброе выражение, они будто тлеющие угли. Конечно. У него есть поводы на меня злиться и есть поводы задавать вопросы, далекие от дружеских. Но проклятие, проклятие, как я ему рад. Он человек дела, он все поймет, если сказать ему:

– Скорее! – Я высвобождаюсь и проскальзываю мимо него. – Туда! На пляж!

Да, он верен себе, к моему облегчению. Что-то понимает по тону:

– Что случилось? – долетает мне в спину, и, не оборачиваясь, я выдыхаю:

– Королева Орфо и принцесса Клио упали из окна! Туда, на... на пляж!

Я сразу понимаю: во-первых, это не отражает и половину ужаса, а во-вторых, звучит глупо. Пляж далеко, расстояние между окнами королевского этажа и им не преодолеть простым *падением*. Но это лучшее, что я могу сказать. Орфо и Клио единственные, про кого я знаю точно: им еще можно помочь. Если они не разбились, если не сломали спины, если...

– Они летали! – выдыхаю я, умоляюще оборачиваясь. Я не могу больше терять время. – Пожалуйста! Пожалуйста! За мной! Вы все сами поймете. Клянусь.

Очень медленно, точно сквозь какую-то завесу, Илфокион все-таки кивает, делает шаг, и я бегу, больше не оглядываясь на него. Уже спустя несколько секунд слышу за спиной чеканный топот, лязг

оружия на поясе – и благодарю богов. Еще больше благодарю за его молчание, ведь сейчас я не смог бы ничего объяснить. Я думаю только *о них*, о том, что найду у воды, о том, что будет, если мы опоздаем. Даже черная дрянь, оплетающая замок, даже силуэты, вмятые в стены, – все это кажется мне исправимым. Если Орфо еще жива. И Клио. Ведь если Клио пострадала...

Мы пробегаем стену почти молниеносно и молниеносно же мчимся по щербатым ступеням. Они тоже красно-оранжевые в закатном свете, лестница чуть изгибается, и некоторые участки тонут в тени. Я не хватаюсь за стены, даже оскальзываясь. Я тяну шею в надежде увидеть что-то как можно быстрее, но пока пляж кажется пустым. Где они? Где Клио и Орфо?

– Уверен, что тебе не почудилось, Эвер? – вдруг звучит из-за спины. – Подожди.

Все же замерев, оглядываюсь, и он останавливается парой ступеней выше – ухоженный, холодный, со слегка развеваемыми ветром черными волосами. Глаза в окаймлении идеальных стрелок недобро, устало горят. Рука покоится на рукояти меча, вторая на камне.

– Клянусь... – Нет. Нет, почему сейчас?!

– Можно ли тебе верить, Эвер, после всего? – Он криво усмехается, но я уже принял решение. Я не стану тратить время на споры. Пусть даже с ним. Пусть даже он прав в своих сомнениях на мой счет.

– Я не знаю. Но у меня выбора нет.

Развернувшись, снова бегу вниз и заставляю себя не думать о его словах. Можно ли мне верить? Видел ли я Орфо? Видел ли я черную плесень на стенах, а что, если?..

– Если я не прав, можете отправить меня в казематы, – на бегу выдыхаю я. – А можете убить, потому что больше у меня нет на это сил. – Вдруг вспоминаю то, что он сказал мне несколько дней назад, вспоминаю, и горькие слова дают слабую надежду. – Только... вы ведь говорили, что тоже слышите голос Монстра? – Он все молчит, но шаги за спиной становятся тяжелее, медленнее. Он тоже принял решение? Отстает? Не поможет? – Я не посмел спросить, я не знаю, я думал, может, вы о своем прошлом, но сейчас...

Вокруг чудовища. Вы видите чудовищ? Я даже готов потратить секунду, обернуться и снова посмотреть ему в глаза. Он же всегда

относился ко мне не так плохо, я многим обязан ему, и я уверен: если Орфо и Клио пострадают, он себе этого не простит. А я не знаю, что ждет впереди. Разве хоть на какую-то настоящую беду хватит одного меня?

– Я умоляю... – Звучит так, будто я в шаге от слез; на самом деле я задыхаюсь. А потом лопатки пронзает резкая стреляющая боль, как от метко брошенного камня. Лестница уходит из-под ног. Мир, полный всполохов и теней, злобный, вращающийся, летит на меня.

Песок близко – поэтому, посчитав ребрами всего пять-шесть ступеней, я кубарем падаю на песок. Это ничто в сравнении со всей прочей моей болью, только немного сильнее гудит голова, и я быстро перекатываюсь на спину, чтобы убедиться в правильности единственного объяснения.

– Что...

Илфокион, медленно сходящий с последних ступеней, держит меч за лезвие, рукоятью вперед – ею он меня и ударил. Он наблюдает за мной с удовлетворением, как будто хотел это сделать уже очень, очень долго и едва вытерпел. Ладонь в крови, но этого он не замечает.

– Кир... – Я приподнимаюсь на локте. Тело простреливает. Все-таки сломал пару ребер?

Он спрыгивает со ступени и легко, быстро меняет положение меча, перехватывает его за рукоять. Блестящее лезвие теперь устремлено мне в грудь, мертвенно серебрится, дрожит в азарте. Длинная тень накрывает меня, но вместо холода обдает жаром. Неосознанно я пытаюсь отползти.

– Как же я от тебя устала, – сплюнуто, а не сказано. Губы криво, неестественно растягиваются. – Как же я рада, что это наконец закончится! Как же я всегда ненавидела таких жалких рабов, как ты.

Орфо

Еще когда она – *он* – вышвыривает нас в окно, я догадываюсь, что он задумал. Изрезанная осколками, оглушенная криком и ударами, я все же догадываюсь вцепиться ему – *ей* – в волосы и дернуть с такой силой, словно хочу содрать скальп. Она – *он* – явно не был до конца готов к женскому телу. Дезориентированный болью, он теряется в воздухе, начинает рыскать, и у него не получается упасть на песок так,

чтобы снизу оказалась я и сломала спину. Вообще не получается врезаться в пляж с силой, мы приземляемся почти мягко, и я сразу отталкиваю его, откатываюсь, пытаюсь вскочить, но путаюсь в проклятом подоле, получается только припасть на одно колено.

– Истабрулл!

Я все еще не уверена бесповоротно – это слишком невыносимо, слишком... *вне Правил*. Боги дали нам их не просто так, сам мир дал нам их не просто так – ведь правило перерождения даже не богами создано. Веретено прядет, существа умирают, и их души уходят дальше. Рой Бессонных, с которым боги не могут ничего сделать, а мир, видимо, не хочет, надежно заперт там, в Подземье, и даже обрел своих короля и королеву. Почему? Как же тогда?..

– Молчи! – Его хлесткий жест снова опрокидывает меня потоком воздуха, я чувствую себя сдавленной, корчусь на песке, пытаюсь хотя бы не дать ткнуть себя в него лицом. – Молчи. Ты не заслуживаешь ничего! Даже знать этого, физальская ты подстилка, предательница, отродье!

Определенно, у меня просто *очень* славный прадед, а впрочем, можно было бы и догадаться, вспоминая, как он однажды закончил. Он скручивает мне суставы. Поднимает меня в воздух, резко подбросив. Не получается даже извиваться, теперь я примерно понимаю, что чувствовали Рикус и Ардон в падении. Запрокидываю голову. Хватаю воздух ртом. Хоть бы одно движение...

Он подходит ближе, мрачно всматриваясь в меня. Глаза слезятся, но сквозь боль я смотрю в ответ, думая сейчас об одном: он... поранил ее? Поранил Клио? Крови на ее руках нет, только на лице, от моего удара. Темные глаза превратились в ночные озера, на руке сильно надулись вены. Как она выносит это? Насколько готово к душе волшебника обычное тело? Что, если?..

– Отпусти, – хриплю я, – ее. Она не...

Истабрулл смеется и делает другое – отпускает меня, так же, как вздернул. Я падаю на песок ничком, кашляю, а он уже подступает вплотную, понимая, что следующие несколько секунд я точно не смогу даже вскинуть руку в ответ. Теперь-то все очевидно. *Его* не перепутать с Клио. Движения угловатые. Рваные. Как у насекомого или хлипкой куклы на шарнирах.

– Она здесь?.. – сплевываю вместе с кровью. Я разбила губу, прикусила язык.

– Здесь, – напевно, почти добродушно отзывается он. – Всегда была, с самого начала, зря ты ее защищала... в каком-то смысле. Такая легкая добыча, сама же пришла в санктuariй...

Зря. Может, он и прав. Сейчас, сквозь туман, я вспоминаю буквально несколько небольших деталей, которые могли бы навести меня на мысли и встревожить. Например, слова Клио в башне: что ей пришлось стричь сломанные ногти – хотя когда она уходила, ногти ее точно были целы, а вот если она надела потом перчатку и ударила папу ею... То, что перчатку вообще нашли у нее – значит, не подбросили, она просто зашла или залетела к Эверу и взяла сама. То, что когда парни падали, она, по словам Эвера, даже не пыталась сама затянуть их назад, а просто вертелась рядом, а еще то, как странно Эвер иногда на нее смотрел – настороженно, опасливо, будто видел...

Мог ли он что-то *видеть*? Чужую душу, постепенно подчинившую Клио, злую магию орхидеи? Мог, после того как однажды сросся с Подземьем?

Истабрулл резко опускается на корточки рядом – и мои руки оказываются в его захвате. У Клио слабые кисти, я могла бы легко вывернуться, но сейчас они ощущаются крепче тисков, одновременно леденят и жгутся. Шиплю сквозь зубы. Смотрю в глаза, лихорадочно пытаюсь понять, что делать, а главное – чего ждать. Он... он еще не убил меня. Он что-то говорил там, в комнате, говорил, и я неправильно поняла слова, зато теперь могу осмыслить. Осмысливаю даже до того, как он отпускает меня и снова тихо смеется.

– Ну же, убей меня. Убей девчонку. Мне есть куда перебраться. Или будет еще беда...

Так же легко и порывисто он встает, отступает на несколько шагов, точно смеясь надо мной. Показывает пустые ладони – и, похоже, просто ждет, когда я тоже поднимусь. Я пытаюсь. Наконец получается, я встряхиваюсь, надеюсь, что в ушах перестанет звенеть. Он наблюдает. Его силуэт отбрасывает резкую тень на закатном пляже. Темную. Двоящуюся, как язык кобры.

– Чего ты хочешь добиться... – Выбираю тактику Илфокиона: иду не вперед, а чуть в бок, делая вид, что пытаюсь обойти его со спины. – Зачем ты вернулся?

– Не *зачем!* – Он, следя за мной, снова показывает пустые ладони, на этот раз у груди. – А почему. Плиниус постарался, Гирия снова велика и могуча. А Гринориса на престоле наконец сменила эта парочка юнцов, которые не смогут никого защитить, и они заплатят за весь ваш... наш позор!

Он снова резко выставляет руку – но на этот раз я выставляю свою в ответ. Между нами будто сталкивается воздух, в песке под этим местом появляются рытвины, меня отбрасывает на пару шагов и качает. Истабрулл спокойно стоит. Руки мы опускаем почти одновременно, и я снова медленно делаю шаг вбок.

– Ты посмотри на них, дорогая внучка, – шепчет он, мимолетно кидая взгляд на замок. Может, я ударилась головой, но изнутри он – окна, комнаты за ними – кажется угольночерным, таким же черным, какой стала спальня отца. – Посмотри на этих самодовольных белобрысых выроdkов, кем они себя возомнили, они с их варварским подобием рассудка?

Он о физальцах. Я сразу понимаю: он о физальцах, о людях из делегации, приехавших ко двору. И обо всей Физалии. Я сжимаю губы: определенно, он говорит все это не для политических споров, он просто морочит мне голову, ища способ удачно атаковать. Удачно – чтобы, обороняясь, я ему навредила. Искалечила или лишила жизни Клио.

Тогда начнется война.

– А эти черномазые обезьяны... – Он смотрит на свои ладони. Ладони Клио. – Кто пустил их? Кто пустил их в нашу провинцию, кто дал им говорить все эти глупые речи о свободе и независимости? – Снова он щурится на меня. – Независимости ведь не бывает. Ты так не считаешь? Мы все выходим из одной тени, чтобы шагнуть в другую.

– К слову о черномазых обезьянах, – вымученно усмехаюсь я. – Они ведь вступятся.

– Пусть попробуют! – В глазах Истабрулла загораются искры. – Пусть, пусть... Вот только правителей-волшебников против них будет два. А это уже неплохо, если второго подучить.

Два. У него какие-то планы еще и на меня? Да ни за что!

На этот раз нападаю я – пытаюсь лишить его опоры, взвихрить вокруг песок. У меня нет плана, я знаю одно: я должна сбросить Клио. Если бы у меня был хлыст, если бы был флакон с сонным зельем, я

могла бы поймать ее, как Монстра. Но у меня ничего, вообще ничего, кроме силы, и единственная моя мысль – ослепить, обездвижить и связать... да хотя бы подолом платья, неважно. Потом я выгоню Истабрулла из чужого тела. Выгоню, ведь он туда как-то попал...

Шквал песка обрушивается на меня – и заставляет упасть. Он втрое сильнее моего, песок попадает в рот, в уши и в глаза, я не сразу вообще понимаю, могу ли встать и какое-то время лишь барахтаюсь, но наконец вырываюсь. Истабрулл, снова быстро подступивший, качает головой.

– Да. Работы у *нее* будет много. Феноменальная глупость, бездарность, хотя потенциал...

«Она» тревожной иглой вонзается в висок. Я пристально смотрю, выпрямляясь и откашливаясь, а он смотрит на меня, веселый и безмятежный. Усмехается.

– Ну правда. То, что досталось ей сейчас, не хуже, пусть и всего лишь...

– Кто она? – выдыхаю, идя навстречу. – КТО?!

Он и не думает увеличивать расстояние, снова посмеивается.

– Ну, тебе ли не знать? Чудесная, упрямая, гордая, истинная королева...

Истинная. Теперь я с рыком, скорее отчаянным, чем яростным, скидываю обе руки – прежде чем остановила бы себя. Поток воздуха отбрасывает его, должен швырнуть навзничь, но вместо падения Истабрулл опять взлетает – и, паря над песком, какое-то время просто наблюдает за мной с неприкрытой, разъедающей остаток моей выдержки жалостью.

– Ты как мой брат! Такая же упрямая. И такая же слепая...

Я забыла: ему не нужно поднимать ладони, чтобы напасть. Он ловит мой взгляд, перед глазами что-то будто взрывается – и я снова падаю, путаюсь в подоле, задыхаюсь, вынуждена откашливаться. Одновременно боковым зрением я вижу, как кто-то еще, вскрикнув, падает в стороне, ближе к замку, возле нашего давнего тайного спуска. Белое пятно, окрашенное красным. Худой силуэт. Истабрулл уже рядом, схватил меня за волосы и повернул голову туда.

– Как вовремя. Ведь по-хорошему не хочешь, правильно? Тогда так!

Эвер

Я не знал Валато Каператис, но уверен: это она. Ее хищная улыбка, ее прищуренный взгляд. Она держит клинок у моей груди, но не наносит удара, смотрит холодно и жадно, как смотрит кобра, понимающая, что одурманенной жертве уже не убежать. Жадно, но безразлично: кобра предпочитает теплокровных, а перед ней тритон или лягушка.

Выдыхаю. Облизываю губы, больше не шевелясь, преодолевая боль в костях и черепе. Силюсь понять, есть ли у меня хоть что-то, что могло бы помочь. Нет, ничего, только обрывок секунды, в который она заносит меч и устремляет клинок мне в живот, а я пытаюсь увернуться.

– А ну стой!

– Эвер!

Два крика разносятся одновременно, сталкиваются, и, может, поэтому ее рука, дрогнув, бьет неточно. Левый бок обжигает боль, сливается с бесконечным морем другой боли, и я, впившись в камень, быстро поднимаюсь, отступаю на несколько шагов. Я уже знаю: Орфо где-то рядом, слева за моей спиной, ближе к воде и той скале, о которой я помню лишь дурное. Я продолжаю отступать. Валато Каператис в теле Илфокиона продолжает на меня идти.

– Пожалуйста... – Я смотрю в ее глаза, но за ними ищу его. – Кир Илфокион. Она не может быть сильнее вас. Вы ее однажды уже победили.

В спектакле это наверняка бы сработало: там сила дружбы, любви, гордости, памяти часто оказывается могущественнее сил тьмы, исцеляет. Но Валато Каператис просто плюет мне в лицо – расстояние между нами недостаточное, чтобы она промахнулась, – и заходится смехом.

– Глупый раб. Жалкий раб. Он всегда был слабее меня, и я всегда знала, что накажу его однажды! А ты и вовсе не годен ни на что!

Она заносит меч, перехватив его двумя руками, и бежит. Она атакует так, словно хочет разрубить меня от плеча до пояса или отсечь голову, она поднимает песок, и все, что остается мне, – тоже бежать, бежать, пока хотя бы позволяют ноги. Я мучительно сосредотачиваюсь, вспоминая... боги, я должен вспомнить. Там, в комнате, я ведь показал Орфо, что скрывается за моей сплетенной

Сэрпо личиной. Показал совсем чуть-чуть, но если я постараюсь, может, я смогу... смогу разбудить Монстра? У Монстра когти. Были когти, без всякой перчатки. Возможно, становясь учеником Илфокиона, я и выбрал эту перчатку, помня о своих когтях?

Не получается. Меч рубит меня по ногам, недостаточно сильно, чтобы отсечь их, но достаточно, чтобы я опять рухнул, охнув от боли и окрасив песок кровью. Снова удается вовремя отпрянуть, перекатиться вбок. Рядом россыпь валунов, я хватаю один и поднимаю, встречая новый удар клинка хотя бы им. Сокрушительный. Слепящий. Легкий известняк разлетается, осколки бьют в глаза и режут щеки, я откатываюсь дальше, но не успеваю даже попытаться встать. Илфокион отлетает и лишается оружия. Его отбросила словно волна воздуха.

Орфо! Она, хотя ее крепко держали за волосы, вскинула руку и отшвырнула мать от меня. Теперь они с Клио покатались по песку, снова став клубком, от их криков, звенящих над пляжем, закладывает уши. Я кидаюсь к ним, боясь, что они убьют друг друга, хотя уже вижу: оружия нет ни у одной, нет ничего. Клио – или *тоже* не она? – вдавливая Орфо в песок, пережимает ей локтем горло. Подскачив, я хватаю ее и отшвыриваю, она ударяется головой о камни и на какое-то время замирает. Я помогаю трясущейся, окровавленной Орфо подняться. Она, шатаясь, впивается в мой локоть, явно не сразу поняв, что произошло. Но уже через секунду разбитые губы шепчут:

– Нет... ее нельзя... это...

Закончить она не успевает – уже обоих нас сбивает горячая сокрушительная волна, протаскивает по песку до скал. Небо вращается над головами, в рот забивается песок. Орфо морщится, схватившись за левое плечо, я зажимаю сильнее закровоточивший бок, а они уже идут к нам вдвоем: Илфокион и Клио. Валато Каператис и...

– Истаблулл, – выдыхает Орфо, пытаюсь хотя бы сесть.

Что?.. Нет... Они переглядываются – и обмениваются улыбками.

– Не хочет? – тихо спрашивает Илфокион. Его голос выше того, к которому я привык.

– Упрямая дрянь, – отзывается Клио и переводит взгляд на меня. Ее голос сильно ниже, и это едва ли не самое пугающее. – Но мы это исправим.

Илфокион вскидывает меч, а она – руку. Орфо ловит мое запястье, но не успевает.

Меня поднимает в воздух и швыряет к ближней скале. Скале, которую я ненавижу всем тем, что осталось от разума и сердца.

Орфо

Память была милосердна: я не помнила, как его убила. Только вспышками, немного: как подняла в воздух, как бросила к серому отвесному камню, как он застыл с раскинутыми руками. Какими испуганными были глаза и как он пытался что-то объяснить. Как я проворачивала руку, в которой словно сжимала его сердце или легкие. Как он исчез. Но только сейчас я могу представить себе, что он испытывал. Сейчас, видя это со стороны. Когда его мучает тот, кто даже не хотел «как лучше», «лишь остановить», «не дать сбежать» – или как я оправдывала свой поступок? Истабрулл – Клио – просто медленно перетирает и ломает Эверу кости. Перекручивает его внутренности. Рвет сосуды. Из носа и уголков глаз уже сочится кровь.

– Остановись! Пожалуйста!

Я кричу, но мать заломила мне руки. Ей достаточно одной крепкой ладони Илфокиона, чтобы зажать оба моих запястья, чтобы от треска уже собственных костей я глохла. Я трачу силы, стараясь просто не упасть на колени. Волшебство клоочет во мне, неспособное вырваться, точно слепой зверь, раз за разом натывается на стену – немощи, боли, паники? Я не Истабрулл. Мне нужно освободить руки. Нужно, или...

– Убьешь свою подружку? – спрашивает она почти ласково, под сдавленный стон Эвера. – Запятнаешься наконец по-настоящему? Ты все еще моя дочь. *Моя*. Ты *можешь* стать как я.

И ради этого? Ради этого они его пытаются? Чтобы от Гирии снова отвернулись? Чтобы считали, будто я, я, так пытавшаяся по осколкам вернуть нас в цивилизованный мир...

– Сдохни еще раз! – Я срываюсь на визг. Даже ради Эвера, даже ради всего, что я чувствую к Эверу, я не могу этого представить. Я не хочу. Я не трону ее. – Сдохни! Сдохни!

Фигура Илфокиона не двигается, когда, извернувшись, я его лягаю, когда пытаюсь укусить. Он – она – прижимает меня к себе с

такой силой, что, наверное, получилось бы сломать спину.

– Ну и ладно. Как же я его ненавижу, – шипит его голос мне в ухо. – Ненавижу. А ты сочла нужным еще и трахаться с ним на моей кровати, ты, маленькая шлюха... тогда смотри.

Мне кажется, он сопротивляется. Я не знаю, можно ли вообще сопротивляться волшебству, если ты не волшебник. Можно ли хотя бы представлять вокруг себя стены или щиты, мысленно отражать потоки или, наоборот, воображать себя воздухом, которым не страшны чужие злые глаза и пассы? Я не знаю. Но Эвер еще в сознании, он смотрит на Истабрулла – на Клио – в ответ и сжимает кулаки. Темные ветви вен расцветают на шее и висках.

– Недохнет, – снова слышу я над ухом. Мать разочарована и зла. – Недохнет, надо же, хотя могла бы догадаться. Я столько изводила его... столько умоляла сломать наконец шею себе или пусть даже тебе. А он лишь раз, да и то...

Эвер хрипит, дергается всем телом – точно правда пытается сбросить волшебство с плеч. Истабрулл смеется и, пробормотав что-то вроде «Как интересно...», вскидывает вторую руку, усиливая поток. Эвер сильнее ударяется затылком о скалу, но все еще не закрывает глаз. Его грудь рвано вздымается, кровь изо рта и носа течет по белой рубашке, перекрывая кровавые же следы кошачьих лап, которые я увидела, зайдя к нему в комнату.

Наконец я действительно понимаю все. Его медленные глаза, его бессонницу, его странные поступки вроде попыток разбить флорариум. Его что-то мучило, он что-то чувствовал. Он не знал, что с этим делать, это сводило его с ума. *Она* хотела, чтобы он навредил мне или себе... и второе в конце концов все же произошло. Как вообще он выдерживал это – постоянную близость двух фантомов – столько времени? Как вообще он... Его ломали. А он противился. Противился, как, наверное, и Илфокион, противился, в отличие от бедной Клио, даже не успевшей услышать ни один голос. Моя бедная... я ведь знаю, за что так терзают, за что *марают* именно ее, так же, как меня. За веру в дружбу. За благословленных мертвецов. За платье.

– Эвер! – снова зову я, надеюсь, вдруг он услышит, и дергаюсь. Пытаюсь поймать взгляд, видя, что его веки медленно опускаются. – Эвер, нет, нет! Эвер! КЛИО!

Они не убьют его. Нет, я не дам, хватит! Понимая, что вырваться не получится, я срываюсь на крик, оглушительный, почти визгливый, – и у меня самой что-то лопается в ушах. От этого крика опять поднимается волна песка, всюду вокруг. Илфокиона – мать – отбрасывает на пару шагов, скала рядом с Эвером осыпается и даже Клио – Истабрулл – от неожиданности оседает на колени. Но рук он не опускает, просто направляет одну на меня, резко и хлестко.

– Заткнись!

Я срываюсь с места чуть раньше. Кидаюсь, хватаю его за горло, опрокидываю, и Эвер тоже падает. Мы катимся в сторону Илфокиона, я бью Истабрулла по лицу раз за разом, стараясь не думать, что бью Клио. Не получается. Боковым зрением я вижу, что Эвер не шевелится, так и лежит на боку, с закрытым волосами бледным, окровавленным лицом. И несмотря на это, я заставляю себя сделать одно – схватить золотую цепочку на тонкой смуглой шее Клио, так, чтобы медальон оказался у моего врага – у моей подруги – перед глазами.

– Клио... – Пытаюсь открыть крышку, надеюсь, что это поможет, если она еще там. – Клио, борись, ну борись же, ведь...

Затылок прошибает боль, я со стоном скатываюсь на песок и ударяюсь о сандалию Илфокиона, стоящего надо мной. Он бьет меня по ребрам. Они отвратительно хрустят. Приходится сплюнуть кровь, я поднимаюсь на локте, лишь чтобы увидеть, как Эвера снова дергают в воздух и вжимают в стену. На этот раз его голова сильно запрокидывается, пальцы скребут по камню. У него уже нет сил выставлять преграды, если он их и выставлял.

Я смотрю на него, понимая: меня не просто так не хватают заново, даже не пытаются. Илфокион видит, что у меня нет сил драться, даже кричать. В голове шумит. Я лежу у его ног – стараясь на этот раз не думать, что я у ног матери. Я смотрю, как убивают моего гасителя и как ногти его, стесанные и обломанные, багровеют. Я смотрю на него. И понимаю, что, кажется, мне поздно его спасти. Они – эти двое – слишком долго вели его к смерти. Вели, хотя путь начала я.

– Эвер... – С именем с губ стекает густая струйка крови. Меня никто не слышит.

Я разбираюсь в волшебстве недостаточно, но, кажется... я могу представить, что и почему произошло. Папа никогда не мог отпустить

маму, вечно говорил о ней, еще больше – думал. «Валато» жила в его мыслях. Ее имя, последнее, что осталось, было ему нужнее всех песен во славу богам. Может, она слышала этот зов. Может, слышала из Подземья и предпочла перерождению Рой Бессонных Душ, твердо зная: однажды ей удастся вернуться и отомстить. И... там она нашла Истабрулла, тоже мятежного. Вдвоем, среди чудовищ и под властью чудовищ, они придумали все это. Им нужно было одно – чтобы кто-то открыл дверь. И я, вместе со Скорфусом, открыла. Когда исправляла свои ошибки. Когда спасала Эвера.

Чтобы теперь его наконец по-настоящему убили. Чтобы эти двое заняли мое место. Они хотят править. Хотят воевать. Хотят уничтожить все, что мы с папой восемь лет пытались выстроить заново. И это все моя вина, моя. От волшебников одно зло. Зло всем, даже...

Губы Эвера шевелятся – я вижу это, несмотря на то, как чудовищно неестественно откинута его голова. Спина выгнулась, пальцы скрючились и, кажется, вот-вот сломаются. Но он шепчет что-то. Шепчет, и я ловлю, все еще ловлю его меркнувший пристальный взгляд. Я даже могу прочесть его. Могу, хотя, скорее всего, мне кажется.

«Успокойся».

«Не плачь».

«Я с тобой».

Это говорят глаза, в которые я смотрела год за годом со дня, как война и волшебство уничтожили мою привычную жизнь. Глаза, в которых я читала заботу, нежность и неотступную готовность выслушать. Мне повезло. Мне ведь правда повезло в сравнении с тем, что пережил Истабрулл, сумасшедший и непримиримый. Тот, кого мы не упоминаем. Может, зря?

Его гасителем был брат, король Иникхар. Они любили друг друга до умопомрачения – настолько нежно, что иные считали их связь порочной и спешили найти принцам жен. Иникхар пообещал: они будут править вместе, как правили Арктус с Марионом, но отдалился вскоре после коронации. Один решил дать независимость физальцам. Выбрал из них жену, белокурую, вольную, прекрасную, похожую на мою мать, – Эагру. Также волшебницу, нуждавшуюся в гасителе. Истабрулл был против всего этого, раз за разом уверял брата, что тот

околдован, и тогда Иникихар оттолкнул его, запретив к себе приближаться. Истабрулл, чья сила была во много раз могущественнее моей, могущественнее сил всех волшебников, живших за последние сотни лет, быстро заболел и сошел с ума. Потому что ничего, даже предательство, не заставило его перешагнуть через любовь к брату. Он не захотел другого гасителя. Он убивал всех фамильяров, которых к нему приставляли. Он погиб, пытаясь убить королеву – ту, что пришла на залитый кровью пляж в знойный день, надеясь спасти хоть кого-то из подданных. И забрал ее с собой.

Глаза Эвера говорят то, что, наверное, почти до конца говорили брату глаза Истабрулла.

«Я люблю тебя».

Его губы шепчут другое, я вглядываюсь, быстро смаргивая слезы...

– Я Монстр. Отправь меня назад.

Я смотрю в ответ, не в силах осознать слова. Они словно рассекают грудь осколками, они лишают последних сил и заставляют снова упасть. Он просит... чего? Избавить его от страданий? Он готов превратиться обратно в то, что ненавидит, чтобы это наконец кончилось? Я снова пытаюсь поймать его взгляд. Я даже подползла бы, я обхватила бы его колени и умоляла бы этого не делать, нет, так не смотреть, нет, не думать *так*. Ведь это тоже смерть. Это не лучше судьбы Скорфуса. Он не может сдаться, не может меня бросить! Но он повторяет:

– Я Монстр. Отправь меня назад.

Илфокион – мать – все-таки снова хватает меня за волосы и начинает поднимать. Я вижу, как дергаются его – ее – ноздри, чувствуя, как к соленому запаху моря прибавляется другой, тоже соленый, становится все острее. Кровь залила уже все лицо Эвера. Кровоточат его старые ссадины, успевшие немного зажить. С ним происходит то, что происходило со мной, когда я спасала Рикуса и Ардона, но вместо коллапса его ждет смерть, я понимаю это по черным ветвям вен, которые множатся слишком быстро и от которых расходятся кровоподтеки.

У него уже почти нет сил. У него нет времени.

– Я... – Его губы трескаются в очередной раз. В левом углу лопаются несколько кровавых пузырьков.

Я не хочу делать этого. Не хочу снова убивать его – даже спасая от другой смерти. Я до последнего, какой-то частью разума, надеялась, что окажусь достаточно сильна, или одно из этих чудовищ очнется, или кто-то прибежит из замка, из города, или...

Но солнце уже падает за горизонт. Тени становятся чернее, как вены Эвера, а море – кровавее, как его губы. Если я могу сохранить от него хотя бы что-то – хотя бы то, что мучило его, то, чего он боялся, то, чего вообще не должно было в нем быть, и он сам просит об этом, – пусть так.

Ведь я тоже его люблю.

Поднимаю руку – и мой поток волшебства бьет его в грудь наравне с теми, что рвутся из ладоней Клио, срывая с губ такой вопль боли, что в моей голове словно взрывается звезда. Я не отвожу взгляда – как ни хочу вырвать себе глаза, я сделаю это потом, если это не сделают за меня. Я смотрю на Эвера – и наконец вижу то, чего не было так долго. Огненные точки, расплзающиеся от его груди, сливающиеся в пятна, спирали, сплошную широкую неровную рану...

Он кричит, запрокинув голову. Моя мать шепчет украденным голосом:

– Хорошая девочка.

Клио – тот, кто отнял у меня ее, – смеется.

– Может, не будем ее выгонять? Смотри, как старается. Хочет жить. Да, Орфо?

Я молчу, пытаюсь сморгнуть слезы. Мышцы сводит, ладонь обжигает – и я вскрикиваю, пусто и отчаянно, обмякаю, разом обессилев. Все кончено. Тело Эвера падает назад, прямо сквозь камень, словно кем-то схваченное. Скала, мигнув, становится серой и безмолвной. Рука Илфокиона – моей матери – сжимает мои волосы и швыряет меня навзничь.

– Нет. Уж прости, она мне не нужна. Только тело.

Я чувствую: ядовитые слова пускают во мне корни, а слезы на лице мешаются с кровью. Сквозь стук в висках я слышу чьи-то приближающиеся встревоженные голоса:

– Орфо! Клио!

– Эй, вы что с ней!..

Они кажутся знакомыми. Их не должно тут быть. Но мне все равно.

Эвер

Я мертв. Но я все еще я.

Подземье обступает меня – серо-черные своды, поблескивающие каменные наросты, озеро, скалящееся льдистой полуулыбкой. Я лежу у самого края, а багровые кристаллы, испещряющие пространство вокруг меня, сияют все ярче – впитывают мою кровь. Я чувствую это: как ее становится меньше в моих разрывающихся жилах. Чувствую, и мне не страшно.

Кровь становится дымом, летит струйками в стороны и вверх; струек больше с каждым моим вздохом. Кристаллы рады: в них вспыхивают приветливые искорки, искорки, похожие на сотни глаз.

Добро пожаловать домой, Эвер.

Долго тебя не было, Эвер.

Эвер? А впрочем, твое ли это имя?

Забирая кровь, они забирают и боль – медленно, по капле, а спокойный каменный холод лениво, но неотступно прорастает сквозь меня. Я не чувствую страха, как четыре года назад, я не чувствую ничего, кроме усталости – и облегчения, так опасно покачивающегося в шаге от надежды. Бездны надежды.

Орфо услышала меня. Орфо помогла мне. Я здесь.

Начинает зудеть кожа и все под волосами. Ноет правая рука – точно мне медленно, лениво даже не вырывают, а вытягивают ногти, по одному. В каком-то полусне я поднимаю обе кисти к лицу. Одна серая и покрыта струпьями; вторая меняется прямо на глазах, облекаясь в перчатку из расплавленного серебра. Пальцы удлиняются. Когти отрастают. Я делаю свистящий вдох, и воздух слишком легко проходит в ноздри. Крыльев, прикрывавших их, похоже, нет. Я провожу языком по губам и чувствую неровную, будто освежеванную и подгнившую солоновато-кислую плоть.

Я жалею об одном – что не смог обратиться *там* и защитить Орфо. Те секунды, когда я бежал от Илфокиона, – унижительные, раскаленные – неотступно качаются в памяти. Фантомы... я проиграл жалким фантомам! Я давал жалким фантомам водить меня за нос, они почти довели меня до самоубийства! Я хочу снова вздохнуть, но издаю рык. Мое сознание расколото – но это меня не пугает. Я больше не в ледяном саркофаге. Я рядом с Монстром.

Я Монстр. И здесь, в этой темноте, мне не страшно, зато во мне поднимается злость.

Сейчас я понимаю: это не была слабость – что я не смог призвать его там. Это был страх – что, призвав, я его уже не изгоню. Окончательно признаю то, что сказал Скорфус. Порву хрупкие остатки паутины Сэрпо – и развею то, ради чего Скорфус пожертвовал собой. Он хотел, чтобы я жил. И я знаю: он хотел, чтобы я жил человеком, просто знающим правду о своей сути.

Медленно вставая, я вспоминаю, как они вытащили меня из Подземья. Как утром после пробуждения нашел на коже следы кошачьих когтей. Как дурно мне стало, но я все списал на раскаяние – из-за «детей героев», из-за следующих смертей, которым Монстр... я... или все-таки не совсем я, а то, что во мне спало, не имея выходов безобиднее... был виной. Сейчас это раскаяние жжется снова: больше у меня не получится прятаться от него подо льдом. Сейчас я понимаю: может, две половины моей души просто нужно было сшить. Мог ли я сделать это сам? Мог ли кто-то помочь мне? Как справлялись другие дети Идуса и Сэрпо, те, кто...

Как же их было много. Я ведь помню: очень. Десятки, если не сотня. И, похоже, все однажды срывались и распадались надвое. Но кажется... Кажется или никто из них не нес смерть *здесь*?

Да. Они почти не нападали на подземцев, если подземцы не нападали на них. Не трогали жителей других миров. Только во мне ревело и клокотало то, что проспало девятнадцать лет. Не потому ли, что все девятнадцать лет я запрещал себе даже думать о том, каково это – быть... хоть немного жестоким? Даже не убивать. Просто защищать себя. Просто за себя мстить. Хотя бы кричать.

Я иду по пещере, прислушиваясь к холоду в босых ногах, к воздуху в ноздрях, горле, легких. Я иду вслепую, наудачу, шатаюсь и продолжая думать о сестрах, братьях. Уродливых, но спокойных. Отрешенных, равнодушных, мечущихся тенями по залам, но не ищущих ничего. А я, кажется, искал. Искал, цепляясь за все, от чужих жизней до закоулков чужой памяти. Наверное, я – Монстр – искал дорогу туда, где впервые в жизни стал счастливым. Только для того, чтобы теперь искать обратную. И ощущать эту разницу, эту новую грань своей медленно рушащейся – или все же срастающейся? – сути.

Монстр больше не хочет убивать. Нет.

Я втягиваю носом сырой воздух – и, снова зарычав, срываюсь на бег. Я бегу быстрее, чем бежал к Башне Волшебства, и быстрее, чем на берег к Орфо. Подземье смазывается, затхлый ветер воет вокруг. Я миную залы один за другим, почти не поворачивая голову, я обещаю себе не оглядываться, даже если услышу сзади крики, угрозы, рев или проклятия подземцев.

Я ищу самые узкие лазы, самые опасные ступени, но обязательно – спуски. Ниже. Ниже.

Я должен бежать вглубь. Я должен забыть путь, который оставляю позади. Я без страха смотрю на свои отражения в напившихся крови, успокоившихся, померкших и ставших почти зеркальными кристаллах.

Я Монстр. Здесь, в этой темноте, мне не страшно. И я знаю тех единственных, кто сможет мне помочь. Спасти тех, ради кого я долгие годы оставался человеком.

Орфо

Рикус пытается поднять меня – и одновременно отбивает удары Илфокиона, снова схватившего меч. Получается плохо: я качаюсь, как пьяная, вишу мертвым грузом, а моя мать в ярости. Она видит физальца. Физальца, посмевшегося влезть. Она его не пощадит.

– Почему я не вырезала вас всех! – шипит она, наступая, и от мелькания ее клинка у меня рябит в глазах. – Почему не сожгла?

– Да что за... – Рикусу сложно защищать нас двоих. Я пытаюсь сфокусировать взгляд, поднять руку, помочь, но пляшущий меч в любой момент готов отрубить мне пальцы. – Почему он говорит о себе как о...

Клинок метит в меня – и я, отпустив Рикуса, потеряв опору, опять падаю на песок, чтобы хоть отползти. Закрыв меня, он сшибается с моей матерью, а я не нахожу ничего лучше, чем проскользнуть между его ног и схватить ее – Илфокиона – за лодыжку, дернуть в надежде, что он споткнется и потеряет равновесие. Он бьет меня пяткой в зубы, пинком отшвырнув на пару шагов. Я падаю навзничь. Мир опять застилает пеленой слез, я все-таки поднимаю руку, с трудом сосредотачиваюсь...

– Да осторожнее! – кричит Рикус, чудом удержав меч и устояв на расползающемся песке.

Я попала по нему. Я больше ни по кому не попадаю.

Под новый яростный звон их мечей я поворачиваю голову в другую сторону – к скалам. Там Ардон вдавликает в камни Клио – Истабрулла, – крепко сжимая горло. Он повторяет мои ошибки, не понимая: это не поможет. Я раз за разом слышу его отчаянное:

– Очнись, я умоляю тебя, очнись, ведь иначе я...

Следующие слова я заставляю себя не воспринимать, я зажала бы уши, если бы могла поднять руки. Я чувствую себя бессильной. И я чувствую, как довольна мать. Истабрулл хрипит и одновременно смеется, он не может, даже не пытается использовать волшебство: вторую ладонь Ардон с силой прижал к его лицу – лицу Клио, – закрыв глаза.

– Очнись, – как заведенный повторяет Ардон.

– Не... не убивай ее, – хриплю я, пытаюсь ползти к нему. – Ардон... это...

Их план все ближе. Уже нет смысла отрицать очевидное. Клио умрет – и моя мать вселится в меня. Мы – она – начнет войну. Истабрулл, скорее всего, заберет тело Илфокиона; по-видимому, эти двое преследовали и его тоже, постепенно ломая. А ведь я и это могла понять... могла, когда Эвер сказал о его нападении. Могла, может, и раньше – просто приглядевшись к нему. Я должна была лучше думать. Я должна была больше прислушиваться. Скорфус... Скорфус ведь тоже чувствовал что-то, он говорил, еще когда лежал больной по непонятным мне причинам:

«Скажи ему, чтобы он не переживал. С него уже хватит. Это *моя* проблема, не ваша. Вам нельзя становиться уязвимыми».

Уязвимыми. Он это ощущал. Ощущал, что на нас... как минимум на некоторых из нас... кто-то охотится, кто-то, кого не увидят так просто. Если подумать, кто из нас правда был уязвимее всех? Клио с ее болезненной тоской из прошлого. Илфокион с виной, родившейся там же. Эвер... Эвер, которого ждала судьба еще чудовищнее, чем быть игрушкой.

Где он теперь?

Не в силах больше ползти, не в силах встать, я перевожу взгляд еще немного. Я смотрю на кроваво-пепельный след там, где исчез Эвер. Тяну туда руку. Фокусирую на пальцах взгляд. Глаза что-то ловят, что-то едва заметное там, на ноздреватом известняке...

Трещина?

Крошечная красная трещина, похожая на полный мерцающего света шрам. След портала.

А впрочем, разве это важно? Все фантомы, что хотели вернуться, здесь. Их не прогнать. Они держатся за украденные тела слишком крепко и слишком жаждут забрать их навсегда. Они сильнее, старше, хитрее нас. Могу себе представить, как обрадовалась моя мертвая мать, встретив там, во тьме, того, кто сказал ей: «Я тоже хочу отомстить, и мы отомстим. Просто подожди».

Я прикрываю глаза. Веки уже почти сомкнулись, когда в ушах четко, но мягко звенит:

– Сдаешься, малыш? Нет. Не сдавайся.

Не может быть. Нет, не может быть, нет, только не он, не мог еще и он... Я судорожно вздыхаю. Трясущейся рукой ищу опору на зыбком песке, переворачиваюсь на бок и смотрю туда, где Рикуса загоняет к кромке прибоя моя мать в чужом теле. Рикус пока обороняется. Он оказался намного ловчее, чем я о нем думала. Но она теснит его. Теснит, и, отшагнув в воду, в слишком мокрый, рыхлый песок, он оступается, теряет балансировку, неосторожно открывается всего на секунду – и получает удар в живот. Сквозной удар мечом – клинок выходит из спины.

Не кричит. Вряд ли может. Без слов оседает на колени.

– Малыш... – устало звенит в моей голове. – Это очень плохо. Слышишь?

Я ненавижу этот голос уже несколько лет. Уже несколько лет я ненавижу это обращение и не хочу, не хочу слышать.

Тебя не должно здесь быть, Лин. Я всегда желала тебе стать барбарисовым кустом, чайкой или даже тараканом. Ты предал Эвера, предал меня, ты мог бы сделать из меня Истабрулла – если бы хоть в чем-то я не была сильнее и если бы была одна.

Я...

Рикус падает в воду, но моя мать хватается его за волосы, чтобы ударить еще раз. Плечи Ардона дрожат тем сильнее, чем хриплее и безумнее смеется в его удушающей хватке одержимая Клио.

Я шатко встаю, поднимаю руки и раскидываю их в стороны.

Над пляжем разносится мой крик, а потом мир гаснет.

Эвер

Здесь холодно, пусто и словно нет воздуха, даже промозглого и затхлого. Пропали кристаллы, озера и те хрупкие полупрозрачные мембраны, через которые можно краем глаза увидеть другие миры. Я слишком глубоко. Это словно круглая галерея, над которой бесконечный темный свод и под которой – еще более бесконечный провал, полный гудения и воя. Я был здесь всего раз. Потом я поклялся себе больше не находить это место.

Я подступаю к краю, заглядываю вниз. Они там – рой серых теней, огромный, вихристый, сводящий с ума мельтешением и гулом. Ни у кого из Бессонных Душ нет ликов. Это кажется особенно чудовищным, зная их суть, суть существ, отказавшихся раствориться в вечности ради следующего круга. Они цеплялись за собственные лики и память даже в смерти, но теперь их лики – дым и вой, память – ярость и пустота. И все они – часть Голоса Монстра. Голоса, не дающего жить живым.

Я вглядываюсь в серые спирали долго, ничего в них не ища, просто решаясь. Я знаю: те, кто напал на нас, должны сюда вернуться, должны – тем же путем, каким покинули это обиталище. Я знаю: их сложно хватиться там, где все одинаковы, все безумны, бессонны и злы. И я знаю: я не просто так нашел сюда дорогу, и пусть это будет моя последняя жертва.

Жертва ли? Я заставляю себя улыбнуться, вглядываюсь вниз. Страшно, но я ведь всегда хотел этого – посмотреть в глаза родителям. Посмотреть и, может быть, спросить, почему со мной произошло все то, что произошло. Теперь вопросов больше, чем ответов, на которые у меня есть время, силы... хоть что-то. Но выбора нет вовсе. Они или никто. Я или никто.

Я снова втягиваю изувеченным носом воздух и шагаю в пустоту. Вниз.

Я падаю недолго – вихри подхватывают меня, увлекают в бесконечную спираль. Я ошибся: в дыму лики их все же проступают, тысячи ликов, кажущихся то каменными, то перламутровыми, то ледяными, то огненными. Мужчины и женщины, старики и дети. Смеющиеся и плачущие, скалящиеся и шамкающие беззубыми уродливыми ртами, все эти души швыряют меня друг другу, с

презрением и отвращением, я слишком чудовищен даже для них. Они боятся меня. Я чувствую их страх. Они мертвы, но все равно боятся, и там, откуда я падаю, крепнет гневный вой. Я потревожил их. Я явился боги знают зачем и ищу тех, кто не принимает гостей.

«Глупый».

«Ты что, не знаешь-шь?»

«Как ты можешь не знать?»

«Они же не помнят».

«Они забывают своих детей».

«Они тебя съедят...»

Слова шипят, как испаряющаяся с раскаленного камня вода, слова трещат, как ломающийся на озере лед. Я слышу их отрешенно, я не думаю о них. Я их помню – шепот Скорфуса тоже еще жив в голове. И я не боюсь их: пусть так. Но прежде чем случится то, что весь этот Рой, все эти изгнанные или избранные мне предрекают, я успею сказать самые важные слова.

«От вас сбежали те, кто не должен был сбегать. И теперь страдают те, кто страдать не должен. Если вы выбрали править – правьте».

Я падаю – прежде чем слова оформились бы в голове до конца. Падаю и скольжу, потому что дно, последний зал, последний круг Подземья скован льдом. Рой клубится там, над головой, а здесь вокруг меня вырастают сотни, нет, тысячи ледяных скульптур. У них есть тела – облаченные в доспехи и платья, погребальные бинты, робы и саваны. В слины и туники. В рубашки и швары. Некоторые тела обнажены и прикрыты лишь длинными волосами. У всех есть лица, но ни на одном лице нет черт – это лишь гладкие ледышки с пустотой внутри.

Я с трудом поднимаюсь, впившись одной скульптуре в плечо. От прикосновения даже моей разлагающейся, холодной руки она начинает таять, корчиться – и там, наверху, чья-то душа заходится воем. Я отдергиваю пальцы – на них кровь. Моя или?.. Преодолевая тошноту, я иду нетвердо, осторожно, каждую секунду ожидая, что меня собьют с ног. У меня нет сил. Они тают, как та скульптура, с каждым шагом, с каждым вздохом, выпускающим изо рта облако пара.

Я так устал. Но нужно прибавить шагу, я уже вижу их. Вижу два темных крылатых силуэта чуть впереди, в льдистой толпе, точнее, над ней.

Они почти одинаковы – одинаково чудовищны. Черносерая кожа в разводах и струпьях, провалы вместо носов. Широкие кожистые крылья, длинные волосы цвета самого свежего снега и тонкие ветвистые рога, напоминающие олени. Бирюзовые глаза без зрачков слабо вспыхивают и гаснут раз за разом по мере того, как две фигуры кружатся, стремительно и сонно одновременно, словно в бесконечном свадебном танце. Воздух вокруг крыльев вихрится и искрит. С неба на меня падает метель, такая же бесконечная, как эти ряды мертвецов внизу и рой вверху. Я поднимаю голову. Я отличаю мать по более тонким рукам и по нитям паутины меж рогов. Я отличаю отца по слабым белым полосам на хрупких крыльевых перепонках.

Я не зову их. Я просто жду, пока они спустятся, ведь они тоже заметили меня. Их кружение прекратилось, они застыли, а теперь – они бросаются вниз, на миг напомнив хищных птиц, а не завораживающих чудовищ. Я стою ровно, слушая их тихий нарастающий рык – недобрый рык. Пусть собьют меня на лед, пусть даже вцепятся, мне важно одно – чтобы они оказались рядом. Чтобы они могли слышать. Но когда они опускаются – просто опускаются, пока не напав, – я говорю совсем не то, что хотел сказать, не то, что должен был бросить им в лица с гневом.

Не «От вас сбежали те, кто не должен был сбегать. И теперь страдают те, кто страдать не должен. Если вы выбрали править – правьте».

Не «Почему с нами случилось все то, что случилось?»

Не «Могли ли вы сделать хоть что-то, чтобы со мной не произошло то, что произошло?»

Я понимаю: мне больно смотреть на них, больнее, чем я думал. И я шепчу единственное, что сейчас имеет для меня смысл. Шепчу, закрывая глаза и пытаясь вернуть себе прежнее – паутинное? ненастоящее? навсегда потерянное? *мое* – обличье.

– Я... так хотел увидеть вас. Я здесь. Я больше не покину вас, если вы только захотите. Но пожалуйста... помогите мне.

Рой воеет все громче. Падает искристый снег. Они смотрят в ответ, их бирюзовые глаза то белеют, то уходят в злой багрянец – может, слова ищут путь в их разум. Я пытаюсь найти хоть что-то на их лицах, что-то, что когда-то делало их... богами? Что-то, что сделало бы их хотя бы людьми. Они не узнают меня так же, как я не узнаю их – и

разве я могу их винить? Я поднимаю правую руку. Я щупаю свое лицо и чувствую струпья, чувствую прогал челюсти, чувствую дыры ноздрей. Это снова происходит. Я снова не могу воскресить то, что всегда было частью меня, не могу соединить две половины, без которых не было бы меня самого. Я словно рассыпаюсь, я вдруг понимаю, что чувствую себя одной из этих ледяных фигур без черт.

Я закрываю лицо ладонями. Я чувствую, как между пальцев что-то бежит.

– Пожалуйста, – повторяю я. – Ведь я полюбил ее всем сердцем. Благодаря вам.

Жизнь там, наверху – с солнцем и войнами, цветущими садами и горящими кораблями, сырными пирожными и плетями, правилами и исключениями.

Свою судьбу – несмотря на все, через что она меня проводила.

Свою новую семью, безнадежно разбитую, но крепкую, как ничто другое.

Орфо. Орфо Каператис. Королеву Гирии. Которую – теперь я знаю это точно – простили и монстр, и человек.

Они, мои родители, расплываются перед глазами, и я не успеваю понять, кто первым сделал ко мне шаг. Я больше не пытаюсь смотреть на них сквозь свои – теперь человеческие, кажется, человеческие – пальцы и просто обнимаю их, готовый к вонзенным в спину когтям. Они огромнее меня. Сильнее. Их окутывает запах не гнили, но камня, вечного льда, ладана и пепла. Их потянувшиеся навстречу руки похожи на плен самой зимы. А потом я слышу:

«Как тебя назвали?»

Это снова они. Голоса. Рой голосов, но на этот раз я наконец знаю, откуда они звучат. И больше они не хотят причинить мне зла.

– Эвер.

Лед обжигает сильнее. Я смыкаю руки в ответ и пытаюсь различить в рое главные голоса. Я хочу услышать их. Особенно мать. И я ее слышу. Он тише и нежнее всего, что я слышал.

«Эвер, беги в сад. Беги. Эвер, не бери гранаты с земли, возьми их с деревьев».

«Эвер... – Голос отца, мягкий и очень похожий на мой, сливается с ее голосом. А потом объятие медленно обращается в прохладный дым. – Возьми их. И возвращайся домой. Возвращайся к ним».

Рой замолкает. И я чувствую, как снова лечу. Вверх.

Орфо

Я прихожу в себя от странного сладкого привкуса во рту и не могу понять, что, как, когда туда попало и куда делась соленая горечь крови. Понимаю, когда на зубах хрустит мерзкая маленькая косточка, хочу сплюнуть – но чьи-то ладони быстро касаются лица.

– Нет. Даже не думай.

Я открываю глаза, и только слабость мешает отпрянуть, вскрикнуть, тем более – ударить, кулаком или волшебством: передо мной Монстр. Монстр, держащий в руке яркий разломанный гранат. Я непроизвольно слпываю – от ужаса, – и сладкий сок вместе с косточкой попадает в горло. Боль в теле тут же ослабевает, бешеный стук сердца выравнивается, и я наконец что-то понимаю.

– Эвер.

Гнилая улыбка появляется на его темных губах. Он хочет сказать что-то, но я спохватываюсь, пытаюсь сесть, повернуть голову. Я быстро догадываюсь, что ем и откуда это. И если так...

– Эвер, Рикус!

Глаза обжигает горячим туманом, имя переходит в хрип ужаса. Я снова вижу ту секунду, когда моя мать проткнула его мечом. Я все-таки вырываюсь, сажусь, начинаю судорожно крутить головой и одновременно пытаюсь поднять тяжелую, словно неродную, руку, чтобы указать в сторону моря. Рикус был там. Он упал, соленая вода начала заливать в его рану, я не успела сделать ничего, разве что отбросить мать волшебством, но, может, еще не...

– Вот он, Орфо. Тише.

Рикус, мокрый и взлохмаченный, лежит со мной рядом. Его рубашка вся в крови и порвана на животе, но сама кожа в этой дырке, кажется, чистая. Он спит, приоткрыв рот, чуть склонив голову набок. Совершенно отчетливо дышит, курчавящиеся волосы падают на лоб. Шрам рассекает лицо розоватым росчерком и кажется намного тусклее, чем был прежде.

– Не забывай, что я медик, – тихо говорит Эвер и, кажется, усмехается, если можно так назвать этот звук. – Я сразу определил, кто из вас всех нуждается в самой срочной помощи.

Я поворачиваюсь, заставляя себя спокойно посмотреть на него. Это не укладывается в голове: как... почему... но ужас уже проходит. Я все-таки протягиваю руку, по-прежнему тяжелую и вдобавок дрожащую, и касаюсь его щеки. Может, я оглушена, может, изменилось что-то еще, но я не чувствую даже омерзения. Вообще ничего, кроме горечи и вины.

– Эвер, я опять... – Голос предательски срывается. – Да что же это...

– Не ты, – тепло обрывает он, и серая, вся в струпьях ладонь накрывает мою, а вторая – железная и когтистая – осторожно касается лица в ответ. Металл холодит скулу. Я не отстраняюсь. – Нет, не ты. Это никогда не была ты. Это всегда был я.

Я не понимаю, но не успеваю спросить. Он выпускает меня, отламывает еще несколько гранатовых зерен, три дает мне, а три отправляет в свой рот. Закрывает алые жуткие глаза гнилыми ошметками век. Хрипло вздыхает через почти отсутствующий нос. И начинает меняться, медленно, но неумолимо обрастая кожей, мерцающей в первые секунды жемчугом, но вскоре блекнувшей. Светлеют, укорачиваясь, волосы. Уменьшается когтистая рука. Когда я снова вижу его глаза, они знакомо бирюзовые, в опущении светлых ресниц. Эвер слегка пожимает плечами.

– Как говорит твой кот... сюрприз.

Говорит. *Говорил*. Наверное, это отражается на моем лице, потому что Эвер кивает на гранатовые зерна в моей ладони.

– Если ты сможешь это ему скормить, то, скорее всего, все будет хорошо. Другие боги... он говорил, что другие боги сожалеют о некоторых ошибках. Поэтому если что-то решают Идус и Сэрпо, на это они смотрят сквозь пальцы. Вот и проверим.

Я бездумно, не до конца осознавая смысл слов, киваю – и меня ведет вбок. Я почти падаю на Рикуса, Эвер придерживает меня за плечи и указывает в противоположную от воды сторону. Его улыбка больше не гнилая. Светлая, знакомая, ободряющая и усталая.

– Ты можешь падать на меня. И вообще падать. С ними со всеми все хорошо, ну... почти.

Там, куда он смотрит, лежит Илфокион – кажется тоже невредимым. Чуть дальше сидит Ардон, положивший себе на колени голову Клио. Она не шевелится, что сразу пугает меня, заставляет

похолодеть, закусить губы. И... кроме Ардона, над ней склоняется кто-то еще.

Кто-то, кого не должно тут быть.

Я встаю слишком резко – и Эвер спешно делает то же, чтобы опять меня поймать. Я цепляюсь за его плечо, наверное, до боли, впиваюсь ногтями в драную рубашку – потому что теряю опору, не только под ногами, во всех смыслах. Я смотрю на синюю тунику без узоров, развевающиеся черные волосы, самоцветные перстни и красоту, которой всегда завидовала. Я смотрю на своего брата.

Подойдя, я вижу, что он рябит и серебрится, а если постараться, через него можно рассмотреть песок и скалы. Услышав наши шаги, он медленно поднимает голову, знакомым живым жестом отбрасывает прядь с лица. Он не изменился. Он такой, каким был незадолго до болезни. Красивый, погруженный в себя и кривящий губы в вечной нервной улыбке. Улыбке, как бы спрашивающей: «Я достаточно хорош? А теперь? А так?»

– Я скучал. – Голос Лина похож на ветер или на шорох песка. – Привет, малыш.

Я не могу заговорить, я отвожу взгляд, мечусь им по всему, кроме него. Я смотрю на отвесную скалу, на место, где, теряя сознание, заметила полный алого света шрам. Пока я была без чувств, он разросся – видимо, когда вернулся Эвер? Сейчас это не шрам, а огромное окно, в котором дрожит и клубится теплое марево цвета гранатовых зерен. Окно сужается плавно, лениво, а из него по песку тянется тонкая-тонкая нить, доходящая до моего брата и теряющаяся между его лопаток. Больше ни к кому нитей нет. Я сдавленно выдыхаю и закрываю глаза.

Эвер заговаривает с ним, но за шумом в ушах я не могу разобрать слов. Лин очень тихо отвечает – а может, просто говорит о том, что важно для него.

– Мне очень жаль, Эвер. Мне очень стыдно. За все. А мать с дедом, они... я... они ведь звали меня, *звали тоже*, с самого начала, но я...

Я сжимаю кулак. Гранатовые зерна, которые дал мне Эвер, мнутя, и это возвращает меня к реальности. Так нельзя. Плод из священного – или как назвать все принадлежащее Подземью? – сада слишком ценен, каждое зерно в нем могло бы спасти чью-то жизнь.

– Здравствуй, Лин. – Свой голос, тоже глухой и насмешливо-горький, я едва узнаю. – Кажется, у нас совершенно ненормальная семья. Три человека сразу решили, что могут пренебречь перерождением.

А ты, ты? Если ты такой хороший, почему ты торчал там? Почему сейчас торчишь тут?

– Ты мне не рада. – Открыв глаза, я режусь об его улыбку. И киваю, понимая, что не могу да и не хочу врать. – Я тебя немного утешу... два. Я пойду дальше. Теперь я могу это сделать со спокойным сердцем, вас никто не тронет.

Я все-таки опускаюсь с ним рядом, когда опускается Эвер, – хотя мне требуется усилие. Стараясь собраться, ища, на что отвлечься, протягиваю Ардону уцелевшее зерно на ладони. Меня пугает, что все это время он молчал. Я могу себе представить, что он пережил, пытаюсь выполнить свое предназначение. Ту его часть, которой всегда боялся и в возможность которой, уверена, никогда по-настоящему не верил. Защищая не Клио. Защищая других от нее. Наверное, жалость читается в моих глазах, потому что, сорвавшись и быстро заморгав, он шепчет:

– Боги... боги, я ее чуть не убил. И я был готов. Это... убивать, оказывается, так просто.

Клио дышит, но чудовищный след его руки темнеет на ее шее. Сам Ардон дрожит, и это делает его величественную фигуру такой... хрупкой, он кажется намного младше, чем есть. Я спохватываюсь: а ведь он, как бы жутко и мрачно ни выглядел с этими татуировками, и есть... он не так чтобы взрослый. Ему шестнадцать или около того. Как мне. Так ли удивительно, что ему еще не приходилось никого убивать? Возможно, даже сама Клио с ее историями о раненых солдатах знает про смерть больше, чем он, всю жизнь честно, но мирно несший при ней службу.

Он гладит Клио по волосам, но смотрит сквозь нее – может, прокручивая в голове все, что она вытворяла, пока была одержимой. Зерно на моей ладони он тоже окидывает бессмысленным взглядом; понимает, только когда я подношу руку к самым его губам.

– Оно исцелит твои раны.

Молча качает головой: не исцелит. Отказывается есть. Насколько ему плохо, если он равнодушно смотрит и на плод из священного сада,

и даже на парня-призрака, замершего в полушаге? Я беспомощно переглядываюсь с Эвером, гадая, как тактично спросить или незаметно проверить, не сошел ли Ардон с ума. Но у того о такте в таких вопросах свое, чисто медицинское представление: вздохнув, он быстро и громко щелкает перед лицом Ардона пальцами. Тот наконец реагирует: устало, совсем чуть-чуть поднимает одну бровь.

– Ардон, ты делал то, что должен был, – тихо, ровно говорит Эвер, поймав его взгляд. – Как и все мы. Да, она пострадала, но намного меньше, чем могла. А главное, никто не погиб.

– Она не жаловалась... – шепчет Ардон, словно что-то отрицая. Отрицая явь. – Что слышит что-то, что чего-то не помнит, что ее преследуют какие-нибудь духи. Но как она плакала из-за Плиниуса – будто чувствовала...

«Я этого не делала». Она действительно выдыхала это с отчаянием, несколько раз, как молитву. Будто убеждая и саму себя тоже. Вряд ли это Истабрулл говорил ее губами. Таким было ее слабое, последнее сопротивление. Сопротивление из ледяного саркофага, которого она даже не замечала, пока не захлопнулась крышка.

– Это сложно заметить вовремя, – подает голос Лин, и Ардон, вздрогнув, впервые смотрит прямо на него, смотрит долго и пристально. – Бессонные Души начинают с того, что как бы... сливаются раз за разом с телом, сливаются, на короткие секунды облекая его в свою мертвую плоть, заставляя свыкнуться со своим присутствием. Увидеть их могут только подземцы и боги, остальные разве что чувствуют: жар, холод, тяжесть...

– Тяжесть и жар. – Скорее всего, Ардон вспоминает, как висел на краю башенного окна, дергает плечами. – Так это они пытались добраться до нас, чтобы Клио осталась беззащитной. Или... или проверить, не вселиться ли *потом* в кого-то из нас?

Эвер кивает. Судя по тому, как застывают на пару секунд его глаза, и ему есть что вспомнить.

– Почему ты не предупредил, если так переживал, Лин, и если так много знаешь? – тихо вмешиваюсь я, вспомнив, что еще он сказал. – Если уверяешь, будто *не уходил* из-за нас?

Он медленно, словно тоже с усилием, поворачивает ко мне голову, но больше я не прячусь. И пусть я сама не знаю, зачем пытаюсь укорить его, хотя должна корить все-таки себя. Почти не сомневаюсь:

у Лина есть ответ. Я не поймаю его на лжи, он не лжет: то, как он украдкой смотрит на Эвера, да и сейчас на саму меня, – словно побитый пес, ждущий от нас криков и проклятий, – выдает его с головой. Но я вижу: от вопроса ему нелегко. И ответ оказывается нелегким для меня. Намного более жгучим, чем я могла бы ожидать.

– Почему? Потому что меня тут не было. – Он прикрывает глаза и кончиками пальцев подцепляет свою мерцающую красную нить. – Потому что никто не желал снова увидеть меня, а сам я не был одержим мстью. У меня не было ни любви, ни ярости – ни одного ключа, чтобы покинуть Подземье вслед за... прадедушкой и мамой. Может, я мог просто сделать вид, что готов помогать им, сразу пойти с ними... но я боялся. Оказаться в их власти. Они сильнее.

Прадедушкой. Мамой. Сглатываю, вдруг понимая, что никогда, больше никогда не смогу сказать эти слова сама; от этого в горле по новой растет комок. Их могилы... я клянусь, больше я не принесу на их могилы ни одного венка и даже к ним не подойду. Пусть это неправильно и боги будут злы. Пусть я всегда жалела прадеда с его болезненной историей и всегда мирилась с фактом: мама меня не любит, по крайней мере, любит куда меньше, чем брата; острее всего это проступило из-за волшебства, но и прежде, прежде... Нет. Мои долги им отплачены, все кончено. Одной я чуть не подарила свое тело, второму – свою страну.

– Вот так, малыш. – Почему-то кажется, что брат многое прочитал в моих глазах, от этого хочется, очень хочется все же отвернуться. Я делаю это, едва он тянет ко мне ладонь. – Мне очень жаль. Если бы я мог и если бы... если бы ты... вы... – Он тихо смеется, и его вопрос звучит куда-то в пустоту: – Хотя что бы я сделал?

Молчу, найдя силы на одно: снова резко к нему повернуться. Протянутая в пустоту бесплотная рука покорно падает, но в глазах Лина, не отрывавшихся от меня всю последнюю минуту, робко загорается новый вопрос. Очевидный. «Что... ты совсем не скучала по мне?» Я не знаю. Я ничего не знаю, не знаю давно. К счастью, отвечать не приходится, Эвер спасает меня.

– Мы поможем Клио. – Он касается плеча Ардона. – Не волнуйся. А ты посиди с Рикусом, он должен скоро прийти в себя, и я думаю, ему будет важно увидеть именно тебя. А ты найдешь, что ему сказать. На этот раз.

Сказать что? Но Ардону, похоже, не нужно ничего пояснять. Он хмурится под строгим – неожиданно строгим – взглядом Эвера и поворачивает голову туда, где о песок плещется очередная волна. Рикус лежит без движения. Бриз путается в его подсыхающих волосах.

– Он и правда сражался хорошо, – сама не поняв почему, говорю я, и, к моему удивлению, Эвер кивает. Не соглашаясь, а словно благодаря меня за эту фразу.

– Я... я... – Теряюсь еще больше, когда Ардон издает хриплый вздох. – Да боги... я ведь и не сомневался. Он сильный. Очень сильный. И я...

Не договорив, он начинает нетвердо вставать. А потом, решившись на что-то, вдруг окликает Лина, поникшего после моего безмолвия, сцепившего пальцы и точно жалеющего, что он еще здесь:

– Послушай, разбуди ее. Пожалуйста, разбуди именно ты. Пусть она улыбнется.

Лин вздрагивает и кивает – но, может, скорее в ответ на что-то другое, на что-то в собственных мыслях. Ардон уходит; я занимаю его место и опускаю голову Клио на свои колени. Как странно... именно теперь у меня нет больше ни единого сомнения: это моя подруга. И я возблагодарю всех богов за то, что она жива, чьим бы злым орудием ей ни пришлось побыть. А ведь она была на моей земле. Я должна была защитить ее, даже если не могла защитить себя.

Мне кажется, что она стала еще более хрупкой, и я не удивлюсь, если это так. Волшебство иссушает сильнее, чем что-либо. Я убираю волосы с ее лица, снова смотрю на Эвера, потом – на брата. Тот очнулся, собрался, тоже вглядывается в нее – задумчиво и удивленно. В девушку, носящую на шее медальон с секретом. Интересно, он ее вообще узнал?

– Ты был ее любовью детства, – срывается с губ и превращается в новый комок колючих слов. – Что, и этого не знаешь? Она мечтала встретить тебя. Знала бы она.

Я понимаю, что мною движет обида, которую я давно должна была вырвать с корнями. Понимаю, что оно бессмысленно и жестоко – это желание ранить его, уже мертвого, снова и снова. Ранить хотя бы как-то, раз нет ни времени, ни смысла выкрикивать все обвинения в лицо, напоминая: «Ты все делал неправильно, ты ошибался, ты сам искалечил так многих, ты упустил... упустил...» Упустил что?

Возможность быть по-настоящему счастливым – точно. Возможность стать хорошим королем, другом, братом, кем угодно – тоже. Нет, добавить мне нечего, и я просто опускаю глаза на лицо Клио, поглядывая на Лина лишь украдкой, исподлобья, следя за тем, каким тусклым становится его лицо. Наконец он печально качает головой.

– Если думаешь, что все мы оттуда смотрим вашу жизнь, как увлекательную театральную постановку, то нет, малыш. Не смотрим. Все устроено иначе. Но я понимаю...

– Не называй меня так! – все же срывается с губ. Долго я держалась. – Пожалуйста, Лин. Не надо. Раз ты здесь... не надо хотя бы «малыша».

Я злюсь сильнее, чем стоит, я злюсь на мертвеца и на того, кто в каком-то смысле помог мне, помог хоть немного, когда я осталась совсем одна. Так же, как помогал ободрениями в детстве. Так же, как мог бы помогать призрачными воспоминаниями – если бы у меня были силы вспоминать его. Улыбку, а не предсмертный хрип: «Да здравствует королева». Теплые руки, а не шипение: «Ты никогда его не заслуживала». Да, он оказался прав. Но он не имел никакого права меня отталкивать, судить, тем более проклинать. Умирая, он объявил мне войну. И сейчас он, с этими его глазами побитого пса, совершенно не думает о том, где я найду силы, чтобы подарить ему мир. Мира не будет – видимо, будет только бездна, как между Зирусом и Идусом.

Я сжимаю зубы и замолкаю, а Эвер, наверное поняв, что нужно отвлечь нас друг от друга, протягивает Лину несколько гранатовых зерен.

– Ардон прав. Если все так, как есть... сделай это. Она этого заслуживает.

Лин касается граната легко, как если бы был живым, – наверное, потому, что сам принадлежит миру сада, где этот плод вырос.

– Конечно. Я ее помню. Она... она была так добра ко мне.

В голосе наконец то, что мне так хотелось найти, – тоска. Тоска по тому, что не сбылось. Клио неподвижна, очень красива, а ее аккуратные брови скорбно сдвинуты даже сейчас. Я на миг задумываюсь о том, как это вообще возможно – так верно, так долго, так упрямо помнить и любить того, кого не видел годами, да и в принципе любить с глубокого детства. Я тоже любила Эвера, но моя детская любовь была все же иной. Если бы игаптян не воспитывали

чуть иначе, чем нас, если бы они менее крепко держали скорбь в себе, в памяти крепкой, как их пирамиды, если бы выплескивали, как, например, папа, или если бы Клио была волшебницей...

– Она могла бы дать тебе *ключ*, Лин, – тихо говорю я, но, к моему удивлению, брат качает головой.

– Знаешь, какая еще разница между мной и мамой? Я всегда хотел второй шанс прожить свою жизнь. А не украсть чужую.

«Зачем?» «Что бы ты сделал?» «Что бы ты *смог сделать?*» Я смотрю на него, понимая, что знаю все ответы и не хочу, чтобы они звучали. Он тоже. Правдой они никогда не станут, и тем сложнее снова вдохнуть хоть немного воздуха, когда Лин с грустной улыбкой опускает глаза.

– Но вторых шансов не бывает ни у кого. Даже у тех, кому удастся обмануть богов. И может, это даже милосердно, потому что оступиться во второй раз, на уже пройденном пути, там же, было бы еще больнее.

Он осторожно давит зерна и опускает Клио в рот. Стоит соку попасть в горло, как она вздрагивает, шевелит головой, ее ресницы начинают дрожать. Я наконец вижу, как работает это волшебство, заживляющее раны: исчезают синяки у Клио на шее, бледнеют кровоподтеки на подбородке. Брови сдвигаются сильнее. Она пока не может проснуться до конца.

– Привет и прощай, – шепчет Лин, склоняется и целует ее в угол губ, потом в лоб. Выпрямляется. Смотрит на меня. – Орфо, мне... мне правда очень жаль. И я... – Он переводит взгляд на Эвера. Кулаки чуть сжимаются. – Я рад, что вы, кажется, счастливы без меня. А впрочем, всегда были. Я ведь понимал это.

Он смотрит с грустью. Я вспоминаю то, о чем мы с Эвером говорили у могил моих предков, кажется, целую вечность назад, и не могу кивнуть. Потому что это неправда. Точнее, не совсем.

– Может быть. – Эвер говорит именно то, что бьется в моих усталых мыслях. И впервые сам смотрит Лину в глаза. Не так, как я: без обиды, тем более без гнева, просто очень устало. – Но мы хотели быть счастливыми с тобой. Для нас ты никогда не был лишним.

Ты стал таким сам. Я читаю в его взгляде и это. Лин тоже.

Он кивает, слабо смеется и призрачными руками берет наши руки. Поднеся к губам, коротко, холодно целует, отпускает и встает. Боковым зрением я вижу, что алый проем в камне становится совсем узким.

Лину пора. Нить за его спиной звенит и дрожит, словно зовя. Наконец я понимаю: он к нам не сбежал. Просто боги Подземья были к нему достаточно милосердны.

– Прощайте, – говорит он, разворачивается и идет прочь. – Я буду помнить вас.

...пока не растворюсь в небытии. Как и все мертвые, которым хватает на это мужества.

Видеть, как он уходит, тяжелее, чем я думала. И может, я все-таки должна сказать ему что-то еще. Что-то хотя бы дурацкое, но ободряющее – например, что из него обязательно получится симпатичный барбарисовый куст. Что, если он не против, я отдам пару его вещей Клио, раз она полюбила носить штаны и туники, – и пусть радуется. Что, если бы у него был второй шанс – прожить свою короткую жизнь лучше, – я бы помогала ему, где могла, одергивала бы: «Братец, не будь засранцем. Иначе тебя задразнит мой кот». Что я... что я его любила таким, какой он есть? Что угодно. Хоть что-то. Но когда Лин бегло оборачивается и улыбается мне, я нахожу силы лишь кивнуть и отворачиваюсь. Эвер тоже – мы смотрим на Ардона, который о чем-то говорит с Рикусом, помогая ему сесть. Надеюсь, о том, что он хорошо бился. Надеюсь, о том, что волновался за него. Лошадиная улыбка Рикуса слабо блестит в надвигающейся темноте. Я цепляюсь за нее, меня немного отпускает печальное понимание, что я запуталась в клубке своих чувств, как кошка в пряже, и что, вообще-то, я такая же скверная сестра, насколько скверный у меня был брат...

– Лин! Лин, пожалуйста! Подожди!

Я не заметила, как коленям стало легко. Я не заметила ничего, но теперь все-таки поворачиваюсь обратно в сторону скалы и вижу, как за призраком моего брата бежит вскочившая Клио, не сводя с него вспыхнувших глаз. Она путается в платье. Спотыкается. Снова бежит. С ее не успевшего до конца зажить, рассеченного моим кулаком подбородка капает кровь.

– Лин! – зовет она, догоняет, почти сжимает локоть, пытается поймать багровую нить...

Он еще раз оборачивается. Они встречаются взглядами, он обводит ее скулу кончиками уже тающих пальцев, снова что-то шепчет – «Привет и прощай»? – и пропадает, слившись с алой расщелиной. Она меркнет спустя секунду, будто ее и не было. Скала... словно

смотрит, серая, ноздреватая, испещренная трещинами-морщинами. Клио замирает, прижав к лицу ладонь, а второй рукой все так же лоя пустоту.

– Клио... – А впрочем, мужества позвать ее громко у меня нет, и она не слышит. Тишину, полную только морского плеска и гула голосов Рикуса и Ардона, надрывает ее всхлип. Эвер вздыхает и первым встает.

– Пошли.

– Парни! – повернувшись к воде, кричу я.

Когда мы приближаемся – уже все вчетвером – Клио сгорбленно сидит у скалы и сжимает между ладоней медальон. Ее глаза прикрыты, голова низко опущена, подбородок окончательно зажил, и если бы не рваная, вся в песке и крови одежда, ничего не напоминало бы о том, сколько всего она пережила. Если честно... чудо, что она вообще еще в уме и на ногах. Похоже, она тоже намного сильнее, чем кажется.

– Мне жаль, – тихо говорю я, садясь рядом и обнимая ее.

– И мне тоже. – Удивительно, но это произносит Ардон, опускаясь на корточки напротив.

Она недоверчиво поднимает глаза. Он слабо улыбается, откинув со лба волосы.

– Нет, правда. Он куда приятнее, чем я опасался. И... – он медлит, – и знай, эфенди, будь он жив, я бы все понял, если бы...

Закончить он не успевает: Клио шмыгает носом и начинает реветь, уткнувшись в свои колени. *Если бы*. Ее плечи все сильнее дрожат. Мне кажется, она убивается по Лину за нас двоих. А может, и за весь замок, весь город, всю Гирию, у которой в свое время – после мора – даже не нашлось достаточно сил, чтобы по-настоящему оплакать своего принца.

– Хаби, ну! – Рикус плюхается с противоположной стороны от нее и тоже обнимает. – Крокодилам не останется слез, а у тебя еще все-таки есть мы! Да, мы не похожи на красивых призраков и нас нужно иногда кормить, но...

Клио всхлипывает громче и толкает его, но все же не вырывается.

– Придуток, – выдыхаем мы с Ардоном хором.

Эвер все еще стоит, смотря то на нас, то на утес за нашей спиной. Гранат из подземного сада алеет в его опущенной руке. Чтобы не подцепить от Клио эту заразу слез, чтобы думать хотя бы о чем-то

хорошем, о чем-то из будущего, а не из прошлого, я начинаю прикидывать, в каком грунте приживаются подобные растения. Отломлю и спрячу пару зернышек. Нужно будет попробовать вывести исцеляющие гранаты у нас. Пусть даже они будут с косточками. Это неважно.

– Иди к нам, – зову я, подняв глаза. – Рыдай с нами. Ну или хоть посиди.

Эвер, слабо улыбнувшись, опускается рядом и гладит Клио по волосам. Она поднимает голову и через силу улыбается ему. Кто бы ни создал эту театральную постановку, чем бы она ни была, комедией или трагедией, мыльной или не очень... пока у меня нет сил даже сожалеть о том, что она случилась. А может, нет и смысла.

Все мы живы. Вместе. Это главное. А исправлять ошибки мы умеем. Как никто.

12. Короли и волшебники. Орфо

Поймать кота и скормить ему пару гранатовых зерен, довольно сложно. Сложнее, чем я предполагала. К счастью, папа оказался бесценным помощником; в его крепких руках Скорфус... то, что было Скорфусом... быстро перестал трепыхаться, покорно раскрыл пасть, а уже скоро, покашляв какое-то время, вырвался и взмыл в воздух с истошным криком омерзения:

– О боги, ну и дрянь! Как будто дешевые леденцы! Человечица, где вы это нашли? И кто здесь везде насрал? Это что, опять Мористеос?

Таращился он ошалело, так, будто не был в замке лет восемьдесят и теперь вообще не понимает, как тут можно жить. Я бы с ним согласилась: черная плесень, прежде бывшая всюду, растаяла еще не до конца, по углам виднелись ее пахучие остатки. Разумеется, Идус и Сэрпо не забрали ее, решив, что это уже точно наши проблемы, а у них достаточно своих.

– Священный гранат, мохнатый! – сообщил папа. Его руки были исцарапаны куда меньше, чем наши с Эвером, закономерно, и злился он меньше. – Ну, уймись. Вообще-то мы тебя спасли.

Скорфус приземлился на его плечо, устроился поудобнее, сощурился на меня.

– М-м-м... А от чего?

– От божественной лоботомии, можно так сказать? – осторожно предположил Эвер.

Скорфус поморщился и ошутимо передернулся, но не стал никак это комментировать. Я его понимала: вряд ли он захочет возвращаться к этому моменту своей жизни. Ужасно, когда тебя лишают разума. Да еще и всего лишь за правду о чужих ошибках, бедах и проступках.

– А если в целом? – тихо, уже куда серьезнее спросил он, и я вздохнула.

– Это долгая, очень долгая, поистине долгая история. О фантомах и призраках.

– О, – вздохнул и он тоже. Перевел взгляд на окно папиной комнаты. – Как предсказуемо. Значит, они все же вас нашли. А ведь я

предупреждал!

– Не то чтобы прямым текстом. – Запоздало спохватившись, я на него немного рассердилась. – Все какими-то устрашающими полунамёками, а между тем...

– Человечица! – возопил он и покосился уже на Эвера. – За рассказ всего-то о его семейке меня лишили мозга. Боюсь, если бы я начал болтать о том, что от Идуса с Сэрпо *теоретически* можно сбежать, меня бы лишили яиц! Да и потом... – он быстро сник и посмотрел уже виновато, – я до последнего сомневался, я ведь никогда с таким не сталкивался. Сама подумай, как это все выглядело чудовищно. Конечно, я надеялся, что вы сходите с ума от ваших заскоков и потрясений, а не угодили в смертельную ловушку, из которой мне вас не спасти.

– Но ты спас, – глухо, но твердо возразил Эвер. Скорфус округлил глаз.

– Когда? Я же позорно бежал в самый плохой момент. Унося в зубах свой мозг.

Но он ошибался. Пока я искала, как уместить объяснения в одно-два содержательных предложения, Эвер справился довольно емко:

– Вовсе нет. Ты помог мне подружиться с Монстром.

Мы рассказали Скорфусу все, что случилось, – а заодно отцу, который знал и того меньше. Он слушал мрачно, сосредоточенно, то и дело кусая губы, особенно когда речь пошла о Валато Каператис. Его взгляд снова и снова метался по полу, где еще блестело несколько осколков флорариума. Орхидея догорала в камине, источая едкий сладковатый запах, будто мы сжигали труп.

– Фантомы... – пробормотал он наконец. – А ведь этот, как его... который Орлиное Ребро... о фантомах говорил, еще когда Ва... твоя мама была жива.

Он больше не произносил ее имени. Я заметила уже несколько раз, как он себя одергивает. Почему-то это оставляло тяжелый осадок, но я не решалась возразить, не решалась и ободрить его. Папа чувствовал вину в случившемся. Я понимала это, но винить его не собиралась. В нашем мире Тысяча Правил, их становится только больше, они прибавляются одно за другим. Но правила не скорбеть и не скучать по своим мертвецам у нас никогда не было.

– Я все-таки не думаю, – пришлось произнести это и забрать слабую надежду, тлевшую в его глазах, – что Истабрулл мог влиять на нее тогда, в те годы. Подземье заперто от нас вполне надежно.

Недостаточно, чтобы мы не могли его потревожить. Недостаточно, чтобы оно не могло потревожить нас. Но я ведь действительно помню... мы дни напролет резвились на том пляже, сначала всей семьей, а потом только с Лином и Эвером. Зло не являло себя. Мы не ощущали его. Да и зло ли это?

– Думаешь, она сама. – Это не был вопрос, но я кивнула.

– Думаю... да. Быть королем-захватчиком соблазнительнее, чем королем-освободителем.

Мы помолчали. Папа опять посмотрел на огонь. Я торопливо дернула за хвост Скорфуса, который, кажется, начал говорить что-то вроде «А знаешь, толстый король, давно бы пора найти новую жен...» – и он заткнулся. Папа собрался, поднял глаза на Эвера, и тот улыбнулся, ободряя. Я почти увидела теплую искру, пробежавшую между ними, и в груди все немного с жалось. Интересно... а *это* Лин видел? Видел так же отчетливо, как я увидела отношение матери ко мне? Если и так, он ведь не выдавал этого. Никогда.

– Ну и каково это – быть Монстром, а, мальчик? – шепнул папа. Эвер склонил голову к плечу, и левая половина его лица начала менять очертания, покрываясь струпьями. – Боги! Боги, нет! – Он даже взбодрился, засмеялся, замахал руками. – Не делай так! Но знаешь, если Орфо потребует как-нибудь призвать к порядку советников или патрициев... или народ попутать...

Эвер тоже рассмеялся – не тихо, будто чихает лисенок, а открыто, сильно и звонко. Я редко слышала такой его смех, Эвер словно все время сдерживал себя, ему словно запрещали прежде по-настоящему смеяться. Теперь что-то поменялось. Папа вытянул руку, потрепал его по чудовищной щеке, и лицо снова стало полностью человеческим. Почему-то это напомнило мне совершенно о другом. Еще об одной вещи, до сих пор леденившей все внутри.

– Знаешь, пап, – тихо призналась я, – а мне жаль Истабрулла. И на самом деле всегда было, я... я не удивляюсь его поступку, хотя и не оправдываю. Его брат ведь обещал ему...

– То же, что твой обещал тебе, – вздохнув и снова помрачнев, оборвал он. А ведь он сказал то, о чем думала я еще там, на берегу. –

Но почему-то ты ничего ни с кем не сделала, когда поняла, что он в тебе больше не нуждается и нашел кого-то получше.

– Зато я сделал, – грустно вмешался Эвер, но отец только покачал головой.

– Знаешь... а мохнатый прав. Что есть люди, как не что-то среднее между богом и монстром? Вопрос только в том, к чему склоняться. Но мне кажется, ты-то выбор сделал.

Когда мы договорили, он так и остался сидеть у огня. Раны больше не тревожили его, но, думаю, ему нужно было время. Скорфус остался с ним, поэтому все попытки успокоить гостей, ничего не понимающих и до сих пор периодически выплевывающих и выхаркивающих вонючие черные сгустки, достались мне, Эверу и киру Мористеосу, которому повезло отлучиться в город и который поэтому благополучно избежал встречи с проклятой плесенью. К счастью, нам помог еще и Орлиное Ребро в Белом Песке: уверил, что против такой inferнальной дряни отлично помогает черный кофе со жгучим перцем и лавандой. Даже согласился самолично приготовить это целительное снадобье в больших объемах на кухне. Все это время вид у него был каменно-философский: как будто, принимая наше приглашение посетить коронацию, он был морально готов, что она пойдет вкривь и вкось.

– Тау, – поприветствовал он нас, вручая по чаше на выходе с замковой кухни.

– Мы не... – начала я, но его полные широкие губы строго поджались.

– Никогда не знаешь, какая тьма и когда пускает в тебе корни, юная королева.

– И что, кофе поможет против любой тьмы? – с любопытством уточнил Эвер.

– Нет. – Орлиное Ребро качнул длинными темными волосами. – Но какую-то развеет. И вот еще. – Он опять скрылся в кухне, вернулся с третьей чашей. – Отнесите храброму воину. Тому, который считает, что он слаб и недостоин всего, что имеет.

Мы легко поняли его и поднялись к Илфокиону – примерно догадываясь, за чем его застанем. Запах масел в его покоях, расположенных над помещениями стражи, перебил даже плесневелую вонь. Илфокион действительно вынимал вещи из шкафа – все эти

яркие туники, слины, плащи – и медленно, как в полусне, бросал на свою строго запроваленную кровать с резным изголовьем.

– Здравствуйте, – чуть дрогнувшим голосом нарушил молчание Эвер. Думаю, как и я, он тайно боялся, что, когда Илфокион повернется, нас снова встретит чужой, мертвый взгляд.

Он посмотрел на нас обыденно, просто очень устало, и стукнул кулаком по груди, примерно там, где могла бы быть фибула. Тихо, хрипло, прокашлявшись, сказал:

– Принц... королева, мне не передать словами, как мне жаль и как мне стыдно. Сам не знал, что я столь слаб. – Он повторил почти то, что предсказал Орлиное Ребро.

Он отвел глаза, уставился на вещи. Я посмотрела туда же, не зная, что сказать. «Ничего страшного, что вы не победили злобного призрака»? «Вам не стоило так грызть себя за что попало, и, может, все бы обошлось»? «С другой стороны, может, вы правильно решили, что замковая должность вам больше не нужна»? Вряд ли что-то из этого его ободрит. Я ведь понимала, что его гложет: он привык всегда быть на *правильной* стороне – по крайней мере, оказываться там рано или поздно, ценой мучительного, болезненного, но неизменно собственного выбора. И ему сложно принять то, что он сегодня натворил или чуть не натворил. Просто вместить в рассудок правду: как бы ты ни был силен, иногда зло все решает без тебя и ты не можешь его победить.

– Я ведь думал, что *сам* говорю с ней, – глухо произнес он. – Говорю и сам же за нее отвечаю. Придумываю ее. Как все мы придумываем тех, с кем не получилось попрощаться.

– А вы хотели попрощаться с... королевой? – с трудом выдавила я.

Ведь я не хотела. И меня это почти потрясло. Илфокион покачал головой.

– Можно ли назвать прощанием слова «Вы были не правы, и мне лишь жаль, что я не предал вас раньше»?

Таким же, как и: «Мама, а ведь я, наверное, все-таки заслуживала любви». Я не хотела продолжать, он – тоже, я видела это по его глазам.

– Мы вылечили папу, – тихо сказала я вместо этого. – И он будет рад увидеть вас. Выпейте кофе и загляните к нему. Он вам скажет спасибо... хотя бы за то, что замок еще стоит.

Илфокион улыбнулся, внимательно посмотрел на меня, потом на молчащего Эвера.

– А вы в порядке? Оба?

– Да, – помедлив, ответил он за нас двоих.

– Какие планы? – Илфокион подошел к зеркалу, стал рассеянно проверять свои стрелки. То, что они не смазались даже в кровавом месиве, которое мы все устроили, меня поистине пугало.

– В смысле? – уточнила я и покосилась на Эвера. Тот пожал плечами.

– Ну. – Илфокион взял какое-то кольцо с трюмо и надел на безымянный палец. Показал себе в зеркале верхние зубы. – Раз с некоторыми правилами в вашем случае все оказалось иначе... что там у вас с правилами монстров?

Я увидела, как Эвер вспыхнул и приоткрыл рот. Мы оба резко поняли, что он имеет в виду.

Я думаю об этом и сейчас, когда мы закрыли дверь в его комнату, полную темно-лиловых дремлющих виол. Думаю, вдыхая их запах и смотря в морскую даль. Думаю, не решаясь оглянуться на Эвера, севшего на кровати и изнуренно прислонившегося к подушке. Что я там себе обещала? Как только все самое кошмарное кончится, *затащить его в темноту?* Пожалуй, я не против, очень даже. Но только чтобы там поспать.

– Значит, монстр. И при этом гаситель. Как же это все работает вместе?

– Не знаю, – тихо отзывается он. – Надеюсь, что хорошо.

– И... как все-таки ощущения? – Решаюсь обернуться. Он приподнял голову, смотрит неотрывно и со страхом. Как будто ждет слов: «Убирайся вон, я тебя боюсь». Может, и правда ждет. Усмехаюсь: – Боги, Эвер. Расслабься. Ты же и прежде жил вот так. Ничего не поменяется. Я бы вообще на этом не заикливалась, потому что все равно...

– Ничего не поменяется? – тихо переспрашивает он.

Качаю головой:

– Ничего. А что могло бы?

Он опускает голову на подушку, подложив под подбородок локоть. Я приближаюсь и сажусь рядом. Долго всматриваюсь в него молча,

потом тяну руку к волосам. Светлые. Перламутрово поблескивающие. Человеческие. Эвер оборачивается, и наши глаза все-таки встречаются.

– То есть тебе не кажется, что монстрам не место рядом с...

– Папа правильно сказал, – перебиваю я. – Все мы монстры. Становимся в какие-то моменты: когда нас обижают, когда предают, когда не любят или, наоборот, любят слишком сильно. И единственное, что тут важно, – уметь превратиться обратно.

Медлю. Сама прикрываю глаза. Есть кое-что, что в последние дни и даже недели отступило на второй план, но на самом деле никуда не делось. Встреча с фантомами лишь напомнила мне об этом.

– Я ведь тоже монстр, просто чуть другой. И ты нужен мне, Эвер, очень нужен. А вспоминая, что случилось с Истабруллом, еще когда он был жив, не только мне. Ведь когда монстр проснется во мне, у меня, скорее всего, не будет дороги назад. А если вдруг это случится прежде, чем престол будет готов занять преемник...

Эвер накрывает мою руку своей, словно запрещая продолжать. Я тяжело сглатываю.

– Что, если ты не сойдешь с ума? Не все волшебники сходят.

Чем больше я смотрю на себя и свою семью, тем больше понимаю: у меня мало шансов избежать этой участи. Ее тени преследуют меня давно – все эти крики, импульсы силы, да даже то, как я теряю голову с Эвером рядом, словно готова его сожрать. Что-то из этого можно списать на мою «розмариновую карамель». Что-то – не слишком здоровое. И так или иначе, я королева, с которой намного выше спрос самих богов. Мне не стоит надеяться на себя, если даже королева Валато, не волшебница, не справилась. Я вымученно усмехаюсь.

– Если так, это будет хороший мотив для эпитафии. Ну, «Здесь покоится Орфо Каператис, она не обезумела, хотя у нее были все причины для этого». Выбей, ладно?

Он недоуменно смотрит на меня, а потом все-таки фыркает, качая головой. Мы смеемся. Этот звук как будто воскрешает меня и наполняет надеждой. Время. Так или иначе, оно у нас есть. Я прикрываю глаза, наклоняюсь к полулежащему Эверу, обнимаю его, опустив подбородок на плечо. Мы замираем в тишине. Я чутко вслушиваюсь, боясь, что снова нас потревожат какие-то невидимые голоса. Или тени на краю сознания. Или что угодно. Но ничего нет.

Мы одни. Скорее всего, больше никакие голоса никогда нас не найдут, кроме наших собственных.

Я целую его в шею под волосами. Он поворачивает голову, наши губы соприкасаются. Ладонь проводит по моей щеке, и, не открывая глаз, я думаю о том, что Илфокион со своими осторожными намеками был прав. Клятвам из детства пора меняться, раз даже взрослые правила не так чтобы против. Теперь я вправе сама решать это.

И я знаю, как решить лучше всего.

Эпилог. Два месяца спустя. Эвер

На улицах – у домов, во дворах, на крышах – довольно много людей, нарядных и не очень. Они смотрят на нашу процессию, взбудораженно шепчась. Кто-то кидает цветы, но я не решаюсь их подбирать. Вообще боюсь останавливаться, осматриваться, делать что-либо лишнее. Одни боги знают, в каком моем неловком движении можно усмотреть нарушение Правил.

Левая нога и так ноет. Вчера я обжег ее: уголек попал между пальцев, уже когда я сходил с пылающей тропы. Конечно, лучше, чем если бы я сбился с ритма на середине церемонии. Скорее всего, корзина не добралась бы до гостей в целости, а так я справился очень неплохо. Правда, Клио потом сказала, что банан, который я ей дал, потемнел. Что вообще-то от бананов толстеют и лучше не гнаться за модой Черных островов, класть в церемониальную корзину что-то попроще. Я не обиделся: у нее сейчас свой маленький Шторм. Она наконец начала настоящие тренировки с Ардоном и Рикусом и немного чересчур увлеклась атлетикой во всех проявлениях. От нее теперь часто можно услышать, что правильно есть для долгой жизни и чем правильно размахивать, чтобы противник, кем бы он ни был, позорно бежал.

– Ты как, а? – Кас, идущий справа, гаркает это мне в ухо. Хотя, может, это он через меня обращается к своему близнецу, идущему слева.

– Все отлично, – откликаюсь я.

– Надо было позавтракать, – жалуется Пол. – Урчит в брюхе.

Целер впереди, явно услышав нас, шумно вздыхает и прибавляет ходу. Целер сзади тактично молчит. Я осторожно оглядываюсь на девушек и юношей, сопровождающих меня на расстоянии. Они смеются и переговариваются, сверкая платьями, плащами и перстнями. Один за другим я ловлю ответные взгляды, в основном от девушек. Заискивающие. Вопросительные. Игривые. Стараюсь не отвечать на них, стараюсь не думать ни о чем.

– Эй. – Кас понижает голос и фыркает. – Слушай, ты уже придумал, каким будет твой первый королевский указ?

– А должен? – осторожно уточняю я.

Близнецы фыркают уже хором.

– Ну... было бы неплохо, – замечает Пол. – Как насчет ввести кофе в обязательный ежедневный рацион замковой стражи? Люблю кофе!

– И мед с фундуком! – добавляет Кас. – Мед с фундуком тоже не помешает.

– Подумаю. – Смеюсь. – Но придется обсудить это с Орфо. Дороговато.

– Обсуди, обсуди! – оживляются они, и все мы тоже прибавляем шаг.

Солнце слепит глаза, возле Глизеи, заполоненной народом, – особенно. К нам присоединяются токсоты, выстраиваясь в две колонны для спуска; Илфокион, пользуясь положением начальника, уже ловко протискивается между мной и Касом. Я вглядываюсь в его лицо с привычным макияжем и отмечаю, что с момента, как мы не виделись, кое-что в своем образе он все-таки изменил: еще сильнее отрастил волосы и начал собирать их в хвост.

– Как настрой, Эвер? – Он опускает взгляд на мой пояс. – Новый меч?

Перекованный из перчатки, которая годами была со мной. Но никому не обязательно об этом знать.

– Да.

– Хороший выбор. – Он кивает и вздыхает. – Дерись чем хочешь, но не припомню в наших хрониках ни одного короля, что короновался бы с хлыстом и тем более когтями.

Все верно. Надеюсь, никогда больше – или хотя бы в ближайшее время – мне не придется пользоваться ничем из этого. Хотя когти есть

у меня самого. Появятся, если только будут нужны.

Я киваю, и мы идем вниз. Люди заняли все скамьи, первые два ряда отданы делегациям – в этот раз их больше, чем было в прошлый, и они просто не уместились на одном. Сидящая с краю Клио, Ардон и Рикус машут нам; Плиниус, явно пренебрегший своим местом на возвышении ради их компании, – тоже. Я киваю, глубоко вздыхаю – и поднимаю голову к трибуне.

Мы немного опоздали, поэтому патриции, безымянный верховный жрец, послушники и Орфо уже там. Жрец держит ларь, Орфо стоит рядом, и венец королевы сияет в ее темных прядях. На плечах лениво покоится то, что можно было бы принять за меховой ворот накидки. Меховой ворот накидки широко зевает и открывает лукавый желтый глаз.

Жрец кивает. Под звук рогов-труб над Глизеей повисает тишина, гулкая и дрожащая любопытством. Люди смотрят. Кто-то все еще прижимает к груди мандариновые ветви и цветы.

Орфо ждет меня, смотря неотрывно и спокойно, чуть заметно улыбаясь уголками губ. Кир Мористеос и остальные смотрят тоже, и в их глазах ни тени того, что я так боялся встретить, чего ждал и к чему был готов. Ни презрения – «почему он?», ни досады – «она могла найти кого-то получше», ни неверия до последней секунды – «она ведь передумает, правда?». Только надежда и ожидание. Они смотрят почти тепло. И пожалуй, я их понимаю.

Они устали, очень устали от всего того, из чего Гирия окончательно выбралась только в последние месяцы. От потрясений. От фантомов и теней. От монстров, которых нельзя усмирить. От руин и отчужденности.

Они уже хотят двадцать лет спокойствия, просто двадцать лет спокойствия и мира – как и все вокруг. И мы с Орфо должны им это дать.

Я делаю первый шаг на ступени, чтобы подняться, произнести все нужные клятвы и сказать ей:

«Я доверяю тебе свою судьбу. Я доверяю тебе все».

По ее губам я читаю то, что заставляет прибавить шагу, расправить плечи, улыбнуться.

«Королева-Волшебница и ее Король-Монстр. На веки вечные».

---

notes

Примечания

1

Торакс – античный корпусный доспех.

Токсоты – название полиции и городской стражи в Афинах.

3

Гоплит – название воинов в Древней Греции.

4

Целеры – название личной стражи правителя в Древнем Риме.

Целерион – начальник королевской охраны.

6

Экседра – гостиная.

Эпистаты – чиновники.

Эдилы – в Древней Греции и Риме – чиновники, обязанные следить за санитарной обстановкой.

Иатрия – здесь: маленькое помещение, где хранятся лекарства и есть кушетка для оказания базовой медицинской помощи.

Этес – здесь: помещение, соединяющее черты гардеробной и будуара.

Эранос – древнегреческий аналог пикника, дословно означает «трапеза вскладчину».

Damnatio memoriae (с лат. – «проклятие памяти») – особая форма посмертного наказания, применявшаяся в Древнем Риме к государственным преступникам – узурпаторам власти, участникам заговоров, к запятнавшим себя императорам. Любые материальные свидетельства о существовании преступника – статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в законах и летописях – подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем.

Герилья – партизанская война.

Дифр – античный легкий табурет.

Триклинный – столовая.

Притан – начальник.